ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2026 № 1(39)

ЛФ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

ИМЛИ
РАН
1932

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

LITERATURNYI FAKT
LITERARY FACT

Academic journal

No. 1 (39). 2026

Published since 2016

16+

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

2026. № 1 (39)

Издается с 2016 г.

16+

Литературный факт: научный журнал. –2026. – № 1 (39). – 384 с.
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39

ISSN 2541-8297 (Print)
ISSN 2542-2421 (Online)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-67296 от 30 сентября 2016 г.

Редакция

Главный редактор
Вадим Владимирович Полонский (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)
Заместитель главного редактора
Сергей Игоревич Панов (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)
Екатерина Евгеньевна Дмитриева (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакторы

Елена Валерьевна Глухова (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)
Алена Эдвартовна Исаханян (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Ответственный секретарь

Маргарита Вадимовна Черкашина (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

К.М. Азадовский (Германская академия языка и литературы, Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург, Россия), *М.Л. Андреев* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Ю. Балакин* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *Н.В. Корниенко* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.В. Лавров* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *И.Е. Лощилов* (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия), *Д.С. Московская* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *Ф.Б. Поляков* (Институт славистики Венского университета, Вена, Австрия), *О.А. Проскурин* (Университет Эмори, Атланта, Джорджия, США), *А.И. Рейтблат* (ИД «Новое литературное обозрение», Москва, Россия), *М.В. Строганов* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Л. Топорков* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *М.И. Щербакова* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Международный редакционный совет

С. Гардзонио (Пизанский университет, Пиза, Италия), *А.Л. Зорин* (Оксфордский университет, Великобритания / Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия), *Д.П. Ивинский* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *Дж. Малмстад* (Гарвардский университет, Бостон, США), *Г.В. Обатнин* (Университет Хельсинки, Финляндия), *Л.Л. Пильд* (Тартуский университет, Тарту, Эстония), *Д. Рицци* (Университет Са' Foscari, Венеция, Италия), *А.Ф. Строев* (Университет Новая Сорбонна – Париж 3, Париж, Франция), *Р.Д. Тименчик* (Еврейский университет, Иерусалим, Израиль), *Л.С. Флейшман* (Стэнфордский университет, Пало-Алто, США), *М. Шруба* (Миланский университет, Милан, Италия)

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1
Тел: 8 (495) 690-50-30
E-mail: editor@litfact.ru
Сайт: http://litfact.ru/

© 2026, ИМЛИ РАН

Literaturnyi fakt [Literary Fact]. No. 1 (39). 2026. 384.
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39

ISSN 2541-8297 (Print)
ISSN 2542-2421 (Online)

The journal is registered in The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.
Registration Certificate ПИ № ФС77-67296, September 30, 2016

Editors

Editor-in-Chief

Vadim V. Polonsky (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Sergei I. Panov (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Ekaterina E. Dmitrieva (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editors

Elena V. Gluhova (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alena E. Isakhanyan* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Managing Editor

Margarita V. Cherkashina (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editorial Board

Konstantin M. Azadovsky (German Academy for Language and Literature, Darmstadt, Germany / St. Petersburg, Russia), *Mikhail L. Andreev* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alexei Yu. Balakin* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Natalia V. Kornienko* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alexander V. Lavrov* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Igor E. Loshchilov* (Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia), *Darya S. Moskovskaya* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Fyodor B. Polyakov* (Institute of Slavic Studies, University of Vienna, Vienna, Austria), *Oleg A. Proskurin* (Emory University, Atlanta, GA, USA), *Abram I. Reitblat* ("Novoe Literaturnoe Obozrenie" Publishing House, Moscow, Russia), *Mikhail V. Stroganov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Andrei L. Toporkov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Marina I. Shcherbakova* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

International Editorial Council

Stefano Garzonio (University of Pisa, Pisa, Italy), *Andrei L. Zorin* (Oxford University, Great Britain / Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia), *Dmitry P. Ivinsky* (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *John Malmstad* (Harvard University, Boston, MA, USA), *Gennady V. Obatnin* (University of Helsinki, Finland), *Lea L. Pild* (University of Tartu, Tartu, Estonia), *Daniela Rizzi* (University Ca' Foscari, Venice, Italy), *Alexander F. Stroev* (New Sorbonne University – Paris 3, Paris, France), *Roman D. Timenchik* (The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel), *Lazar S. Fleishman* (Stanford University, Palo Alto, CA, USA), *Manfred Schruba* (Milan University, Milan, Italy)

Address: Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia
Phone: 8 (495) 690-50-30
E-mail: editor@litfact.ru
www.litfact.ru

© 2026. IWL RAS

Содержание

Литературный факт. 2026. № 1 (39)

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

М.Е. Тухто. «Малая драматургия» Леонида Андреева: замысел «комедийки»-карикатуры 8

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

К.В. Проничева, *А.И. Рейтблат.* Воспоминания И.Н. Лобойко во вновь обретенном его архиве 27

А.И. Рейтблат. Воспоминания И.Н. Лобойко о Булгарине и Сенковском 39

А.Л. Соболев. Переписка Ф. Сологуба с П.Е.Щеголевым 62

БИОГРАФИКА

М.С. Щавлинский. Короткая оттепель: Бунины и Мережковские в 1929–1930 гг. между двумя этапами «нобелевской гонки» (по материалам дневника В.Н. Буниной) 112

Т.В. Игошева. К истории взаимоотношений А.А. Ахматовой и З.И. Гржебина 135

О.Е. Рубинчик. «Передать сонет и четверостишие»: Записка Анны Ахматовой с поручениями Нике Глен 163

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ И КОММЕНТАРИЯ

С.Н. Морозов. Рассказ И.А. Бунина «Мелкопоместные: к истории текста 192

Т.М. Двинятина. Стара ли «Старая тетрадь»? Поэтическая ретроспектива И.А. Бунина в эмигрантской прессе 202

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И РЕЦЕПЦИЯ

Н.Г. Мельников. «Странный, больной цветок в болоте русской жизни…» Творчество А.М. Ремизова в прижизненной англоязычной критике 216

А.В. Швец. «Есть места нестерпимо напыщенные, но есть и прекрасные»: Андре Жид в рецепции В.Н. Муромцевой-Буниной – от интереса к дистанцированию 252

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

К.В. Душенко. Забытый предшественник Эренбурга: Леонид Полонский, автор повести «Оттепель» (1880) 270

О.Л. Фетисенко. Примечания к Хомякову: нереализованный замысел К.Н.Леонтьева 286

М.А. Мизерная. К истории литературных консультаций 1930-х годов 304

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

Д.М. Цыганов. Виктор Шкловский и западная славистика: К длинной предыстории одного короткого разговора с Катериной Кларк 340

Contents

Literary Fact. 2026, no. 1 (39)

FROM CREATIVE HERITAGE

Mariya Tukhto. Leonid Andreev's "Small Drama": The Idea of a "Comedienne"-Caricature 8

MEMOIRS. LETTERS. DAIRIES

Karina Pronitcheva, *Abram Reitblat*. Memoirs of I.N. Loboyko from His Newly Discovered Archive 27

Abram Reitblat. I.N. Loboyko's Memories of Bulgarin and Senkovsky 39

Alexander Sobolev. Correspondence Between F. Sologub and P.E. Shchegolev 62

BIOGRAPHICA

Maksim Shchavlinskii. A Brief Thaw: The Bunins and the Merezhkovskys in 1929–1930 Between Two Stages of the "Nobel Race" (Based on Vera Bunina's Diaries) 112

Tatyana Igosheva. On the History of the Relationship Between Anna Akhmatova and Zinoviy Grzhebin 135

Olga Rubinchik. "Pass the Sonnet and Quatrain": Anna Akhmatova's Note with Instructions to Nika Glen 163

TEXTOLOGY AND COMMENT PROBLEMS

Sergey Morozov. I.A. Bunin's Short Story "Small Land Gentry": Towards the History of the Text 192

Tatiana Dvinyatina. Was *An Old Notebook* Actually Old? Bunin's Poetical Retrospective in the Émigré Press 202

LITERARY CONNECTIONS AND RECEPTION

Nikolai Mel'nikov. "A Strange, Unhealthy Flower in the Swamp of Russian Life…" A.M. Remizov's Work in Lifetime English-Language Criticism 216

Anna Shvets. "There Are Passages Unbearably Pretentious, but There Are Also Beautiful Ones": André Gide in the Reception of V.N. Muromtseva-Bunina – From Interest to Distancing 252

ARTICLES. NOTES. REPORTS

Konstantin Dushenko. Forgotten Predecessor of Ehrenburg: Leonid Polonsky, Author of the Story "The Thaw" (1880) 270

Olga Fetisenko. Notes on Khomyakov: An Unrealized Work by K.N. Leontiev 286

Maria Mizernaia. On the History of Literary Consultations in the 1930s 304

FROM SCOLAR HERITAGE

Dmitry Tsyganov. Viktor Shklovsky and Western Slavists: On the Long Prelude to a Short Conversation with Katerina Clark 340

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Литературный факт. 2026. № 1 (39)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 1 (39), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.1
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-08-26
https://elibrary.ru/VOQCPZ

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (39), 2026

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

«Малая драматургия» Леонида Андреева: замысел «комедийки»-карикатуры[1]

© 2026, М.Е. Тухто
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматривается опыт «малой драматургии» Леонида Андреева (сатирические миниатюры для театра). Сложные взаимоотношения писателя с современной ему критикой легли в основу замысла «комедийки»-карикатуры «Арабажин в Афинах» (1913). Пьеса должна была стать сатирой на К.И. Арабажина, плодовитого критика, уделявшего особое внимание произведениям Андреева. В 1910 г. Арабажин опубликовал книгу «Леонид Андреев», в которой указал на неоригинальность и исчерпанность творчества писателя. Андреев не раз нелестно отзывался об Арабажине в письмах и наконец решил высмеять самоуверенного и недалекого критика в пьесе «Арабажин в Афинах»: заглавный герой, вернувшись со званого вечера, засыпает ногами на подушке, отчего время поворачивается вспять и Арабажин просыпается в Афинах времен Сократа. В беседе с античными мудрецами критик демонстрирует узость взглядов и так разочаровывает философов, что Сократ отправляет Арабажина «спать обратно». Две сохранившиеся в архиве версии начала пьесы публикуются в приложении к статье.

Ключевые слова: Леонид Андреев, К.И. Арабажин, «малая драматургия», литературная сатира, наследие писателя, архивные публикации

Информация об авторе: Мария Евгеньевна Тухто — аспирант, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-5051-7695
E-mail: tukhtom@mail.ru

Для цитирования: *Тухто М.Е.* «Малая драматургия» Леонида Андреева: замысел «комедийки»-карикатуры // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 8–26. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-08-26

[1] Автор выражает благодарность М.В. Козьменко за помощь в подготовке данной статьи.

Драматургическое наследие Леонида Андреева делится на две неравные части. Оно состоит из 21 сценически стандартных по хронометражу, «полноформатных» пьес (обычные четыре или пять актов) и семи преимущественно одноактных миниатюр. Первым опытом пьес второго рода стала «Любовь к ближнему», имеющая (как, впрочем, и все остальные «комедийки» — так Андреев сам именовал подобные пьесы) смеховую природу. «Любовь к ближнему» была опубликована в 1908 г. и в 1909 г. поставлена в Городском театре Одессы, а в 1911 г. — в знаменитом петербургском сатирическом театре «Кривое зеркало». Успех пьесы стал одним из импульсов создания писателем своеобразной собственной «малой драматургии», которая, благодаря свой сатирической и пародийной основе, находится в непростых отношениях с его же драматургией «большой» (тяготеющей к трагедийному началу, «серьезному» разговору о «последних вопросах» и подчас глобальных проблемах бытия и судьбы человека)[2]. Так последовательно появляются «Честь. Драма-пародия» (1912), «Прекрасные сабинянки. Историческое происшествие» (премьера в том же «Кривом зеркале» в конце 1911 г., опубликована в 1912 г.), «Кающийся» (первоначальное название «Происшествие. (Сценка)», 1913), «Упрямый попугай. Символическое представление в одном действии» (1913), «Конь в Сенате. Водевиль в одном действии из римской истории» (написан в 1915, опубликован в 1917 г.), «Монумент. Комедийка в одном действии» (1917).

И именно к 1913 году, времени наиболее активной работы Андреева в жанре «малой драматургии», относится замысел еще одного сатирического опуса, посвященного фигуре критика. Как известно, отношения писателя с прессой в целом (и с критикой как с ее наиболее интерактивным институтом) были достаточно сложными[3]. О чувствительности Андреева к критическим нападкам свидетельствует его письмо от 20 апреля 1911 г. одному из редакторов «Русского богатства» А.В. Пешехонову:

> <...> при наказании шпицрутенами или убиении посредством розги: каждый удар не может причинить даже мало-мальски серьезного вреда, а после известного количества ударов наступает, однако, смерть. От гиперестезии.
>
> В таком же приблизительно положении, как избиваемый шпицрутенами, нахожусь и я.

[2] См.: [4, с. 71–73].

[3] См., например: [5, с. 8–12].

Уже три года меня травят немилосердно: стали в два ряда и бьют справа и слева. Вам, конечно, покажется это преувеличением, но я мог бы при надобности документальной ссылкой на сотни статей в правой и левой печати установить точные границы этой бессмысленной травли. И воистину нет пределов, перед которыми остановилось бы воображение инсинуаторов. Беззаботные сообщения о том, что я сошел с ума, обвинения в том, что я проигрываю в карты аванс, полученный мною для постройки дачи, сведения о моем корыстолюбии, ставшем аксиомою: в «Русском слове» на основании ложного слуха о том, что я хочу брать с театров 40%, меня в серьезно негодующей статье называли ростовщиком. <...> И еще совсем недавно, в случае, где я именно жертвовал своими денежными интересами для справедливости, меня окрестили «коммерции художником, сутенером собственного таланта». <...>

Твердо установлено, что я стремлюсь к саморекламе, к шуму. Моя корректность, не позволяющая мне быть грубым даже с недостойными людьми, одними эксплуатируется, другими ставится мне в преступление. <...>

Далее: твердо установлено, что я плагиатор. Если относительно «Анфисы» и «Тьмы» об этом говорило не больше десятка уличных газет (но в том числе и «Русские ведомости», хотя и с обычною своею осторожностью), то касательно «Анатэмы» о плагиате кричала вся Россия <...>.

Было бы легкомысленной попыткой — пробовать исчерпать всю ту грязь, инсинуации, клеветы, которые составляют мою ежедневную пищу. И о том, что я пишу пьесы только для сборов (имея на одну разрешенную две запрещенных), и о моем многописательстве, и о том, что книги мои не идут («Русские ведомости»), и о том, что я оклеветал студентов, революционеров, народ, и о том, что смертью жены я пользовался для рекламы[4].

На первоначальном этапе замысла создать некую драматическую карикатуру писатель избирает своей мишенью не критика-хама из желтой или черносотенной печати, а критика-обывателя, условно соблюдающего приличия, отчего стремление нивелировать, принизить, усреднить интенции критикуемого оказывается замаскированным, но не менее чувствительным. Таким критиком выступает Константин Иванович Арабажин (1866–1929). Он публиковал рецензии на театральные постановки и работы о театре в газете

[4] Цит. по: [4, с. 555–556].

«Биржевые ведомости», журналах «Всемирный вестник», «Театр и искусство», в «Ежегоднике императорских театров», вел активную преподавательско-просветительскую деятельность. Отношение литераторов к творчеству Арабажина нельзя назвать однозначным: критик пользовался репутацией «нещепетильного в вопросах литературной этики человека», в его рецензиях просматривались «зачатки вульгарно-социологического подхода к творчеству писателей» [7]. В 1913 г. Арабажин был избран профессором кафедры русской литературы Гельсингфорсского университета, что вызвало иронический отклик в газете «Русское слово». Автор заметки подчеркивает, что Арабажин не имеет никакого отношения к академической науке и по сути является выскочкой, получившим известность лишь благодаря чтению множества популярных лекций: «Правда, как недавно было объявлено в “арабажинской” прессе, им было прочитано “несколько сот” лекций чуть не во всех городах Российской империи, но, — увы! — ни один университет сей пространной империи не имел до сих пор счастья видеть и слышать в своих стенах “профессора” из “Биржевых Ведомостей”»[5]. Далее иронично отмечается обратная пропорциональность количества написанных Арабажиным рецензий их качеству, поверхностность критических работ, а также отсутствие в них единой авторской линии, уникального ви́дения: «Если бы собрать все “биржевые” фельетоны и всю бумагу, исписанную за многие годы г. Арабажиным, то его “исследования” пришлось бы измерять пудами, и понадобились бы, по крайней мере, две-три подводы, чтобы доставить всю эту литературу в комиссию жюри! В трудах этих г. Арабажин, правда, обнаруживает редкую многогранность, переливая, так сказать, всеми цветами радуги»[6].

Одной из излюбленных тем многочисленных лекций и многих рецензий Арабажина становится Леонид Андреев как автор, стремящийся «взорвать все человеческие ценности, все его идеалы, опрокинуть их, показать их несостоятельность»[7]. По мнению Арабажина, все попытки Андреева, разрушителя и пессимиста, обратиться к «созиданию» обречены вследствие оторванности писателя от жизни. Нередко Арабажин допускает и более резкие комментарии, обвиняя Андреева в социальной неприспособленности, «приторной слащавости» стиля, психологической неубедительности образа

[5] *Б.п.* Первый общеимперский профессор // Русское слово. 1913. 19 сент. С. 2.

[6] Там же.

[7] *Б-ин М.* Лекция К.И. Арабажина о Леониде Андрееве // Последние новости сезона. (Харьков). 1910. 1 янв. С. 3.

героя[8] и надуманности творчества: «Намерение и цель для него значительнее и ценнее жизни, были, правды...»[9].

В 1910 г. на основе этих лекций и статей Арабажин собирает и публикует книгу «Леонид Андреев. Итоги творчества». Формулировку заглавия Арабажин объясняет исчерпанностью творчества Андреева, малой вероятностью появления новых в идейном и в стилистическом плане работ писателя.

Автор подчеркивает быстрый взлет популярности Андреева, проводит аналогии между биографией писателя и его пьесой «Жизнь Человека». Нельзя не отметить двойственность оценок, проявляющуюся даже в комплиментарных замечаниях Арабажина. Известностью Андреев обязан исключительно веянию моды, повернувшейся в его сторону, а также покровительству М. Горького, в тени которого вырос писатель. Арабажин указывает, что, помимо таланта, писателю, бесспорно, сопутствует удача, которая состоит в совпадении таланта и веяния эпохи: «<…> тысячи психологических нитей соединяют Андреева с читателем и дают им взаимный интерес друг к другу» [3, с. 5]. Герои Андреева мыслят примитивно, упрощая философские вопросы — как и всё русское общество. Отсюда популярность писателя: Андреев удачно вписывается в современное общество, переживающее «духовный распад», находящееся на распутье. Основная черта андреевского творчества — «чисто-русский обывательский пессимизм», обусловленный условиями жизни.

Героям Андреева свойственно тотальное ницшеанское одиночество, возникающее вследствие разобщенности человечества. В таких рассказах, как «Бездна», «В тумане» отсутствие бога и чуда становится результатом отсутствия единения с Другим, соприсутствия. Зацикленность героев на себе становится визитной карточкой творчества Андреева: «Нервная и взволнованная душа современного художника бессильна отражать, неспособна к объективному созерцанию, “вынашиванию” образов; она может отражать только самое себя, говорить, кричать только о себе, думать свою думу, терзаться своими терзаниями» [3, с. 273]. Подобная разобщенность оборачивается «плохой спаянностью» художественных образов и философской идеи («Анатэма»). Идея для Андреева важнее образа: «У Андреева нет типов. У него только маски, через которые гово-

[8] *Арабажин К.И.* «Сашка Жегулев»: Роман в 2-х частях Леонида Андреева // Южный край. (Харьков). 1912. 6 янв., утр. вып. С. 5–6.

[9] *Арабажин К.* Стилизация: (Очерки) // Театр, музыка и спорт. 1913. № 3. 3 нояб. С. 1–2; № 4. 10 нояб. С. 3–6.

рит к нам сам автор. <…> Ни один образ Андреевского творчества не войдет в русскую литературу, как тип. В нее войдет сам Андреев со своими многочисленными масками, со своим театром Петрушки, в котором все время слышится один и тот же нервный, тревожный и несколько крикливый голос экзальтированного, взволнованного, мятущегося автора» [3, с. 272]. В повести "Красный смех" Арабажин отмечает "нагромождение ужасов": здесь их количество обратно пропорционально производимому эффекту. Повесть написана «от ума», в ней отсутствуют личные впечатления не участвовавшего в войне автора. Герои произведений Андреева не способны найти истину, нащупать ответы на «проклятые» вопросы — и в этом Арабажин видит слабость работ писателя («Мысль», «Жизнь Василия Фивейского»). В «Большом шлеме» игрок гибнет раньше, чем узнает о своем выигрыше, жизнь героя обрывается в шаге от постижения истины: «Никогда не узнает истины! Какая-нибудь загородка непременно и всегда отделяет человека от истины» [3, с. 11].

Другая лейтмотивная идея книги — неоригинальность Андреева. Критик подчеркивает, что ранние рассказы писателя — не более чем вольный перевод, пересказ западноевропейской мысли, «эскизная» передача сложного рисунка, копирование полотен больших художников (имена не приводятся): «Здесь нет глубины, здесь нет действительно научных построений и строго философских концепций» [3, с. 6–7]. Такой же оценке подвергается и драматургия писателя: «Когда Андреев зафиксирует какой-нибудь образ более внимательно и вдумчиво, у него получается очень тонкая и художественная миниатюра; но в ней не чувствуется нового, нет индивидуальной марки, нет самобытности рисунка и письма. Все навеяно другими писателями». Намек на вторичность творчества Андреева проступает и во фрагментах с положительной оценкой: «Нельзя не признать однако большого таланта Андреева в изображении отдельных сценок и эпизодических лиц. Если здесь он и не создает нового, то творит все же не менее удачно и талантливо, чем Успенский, Горький, Чехов и даже Толстой» [3, с. 273–274].

В заключении критик сравнивает наследие писателя с образом большого прекрасного дома, стоящего на холме вдали от города и притягивающего внимание прохожих солнечными лучами, которые отражаются в стеклах окон. При приближении оказывается, что «в доме пусто, уныло и бегают крысы… И грустно глядит на закат обитатель дома, не веря новому восходу» [3, с. 278]. Таким образом, формулировка названия — «Итоги творчества» — раскрывается как плохо замаскированная ирония в адрес Андреева, сквозящая даже

в «хвалебных» отрывках, как обесценивание всех художественных достижений писателя. Нельзя не отметить поверхностную расплывчатость анализа произведений, многочисленные речевые штампы и «общие места», которые, как будет уточнено ниже, станут важными маркерами образа критика в задуманной «комедийке».

В письме М. Горькому (28 марта/10 апреля 1912) Андреев относит Арабажина к «уличной братии», вооружившейся против писателя [9, с. 332]. Андрей Николаевич Андреев вспоминал, как старший брат любил высмеивать Арабажина. «Арабажин для Леонида — воплощенная бездарность. Один из тех, которые своим тусклым языком и плоскою мыслью низводят большое к мелкому». Писатель с возмущением «реконструировал» интенции и принципы критической работы Арабажина: после публичного прочтения новой статьи он расспрашивает присутствующих о впечатлении, собирает их мнения и затем (начиная «мягко и сладко: “Молодое симпатичное дарование N.N.”») создает «реферат», нечто срединное, бесцветное, угождающее всем сторонам: «И поет Арабажин свою “серединную” песню, и слушают его “серединные” люди: никто не обижен, никто слишком не превознесен, так как всякие ограничивающие “но” и “хотя” без конца пестрят в реферате “серединного” критика. И смел Арабажин только тогда, когда общие отзывы единодушны, — тогда Арабажин забегает временно дальше вперед, правда, с частой оглядкою: верно ли он идет?» [1, с. 70–72].

Брат сообщил, что Андреев (приблизительно в феврале-марте 1913 г.) сочинял «едкую сатиру» «Арабажин в Греции», и пересказал по памяти ее сюжет в таком виде:

> Случилось однажды, что, вернувшись с реферата, Арабажин так углубился в переживание выпавших на его долю аплодисментов, что не заметил, как лег в постель. А лег он по рассеянности наоборот: головою в ноги. Поэтому и случилось, что наоборот двинулось и самое время. И так как спал Арабажин сном счастливым и крепким, и спал долго, то и проснулся он значительно ранее нашей эры, именно — в Греции, во времена Софокла. Греки с почетом встретили иноземного гостя. Приветствовал критика сам Сократ.
>
> — Я — Арабажин, — поспешил отрекомендоваться иностранец.
>
> Сократ спрашивает его о занятиях, которыми живет он на родине.
>
> — Я — критик, — скромно “напоминает” Арабажин.
>
> Греки понять этого не могут: думает Сократ, думает старик Софокл, думают все, но понять не могут.

— Но что это значит, о, Арабажин! Мы вообще знаем о критическом отношении, но что значит “критик”, мы не знаем. Объясни нам, о, иностранец!

— Это значит, что я думаю о том, что пишут наши писатели, даю оценку, устанавливаю ценность талантов, объясняю смысл их произведений, указываю недостатки и достоинства...

— Но неужели, — спрашивает Сократ — соотечественники твои так глупы, что не могут понять сами?

— О, нет, соотечественники мои очень образованы и культурны. Но, конечно, не всегда оценивают в должной степени...

— Но скажи, о, Арабажин: так как писатели суть умнейшие из твоих соотечественников, то ты, дающий оценку их произведений, видящий их недостатки, ты несомненно мудрейший из людей. Ты, несомненно, один такой?

— Нет, как вам сказать, — скромно замешкивается Арабажин, — есть и другие. Вот вдумчивый критик Айхенвальд…[10]

— Но все равно, ты несомненно божественного происхождения, о, Арабажин!

Все более и более возвеличиваемый, Арабажин тоскует: «Почитать бы “Биржевку” сейчас», — но спохватывается и принимает приглашение прочесть реферат после представления новой трагедии Софокла. Но вот ужас Арабажина: трагедия одна из тех, которые до нас не дошли. Все попытки достать рукопись оказываются безрезультатны. Арабажин выслушивает трагедию без всякой подчитки и подготовки, а собственного мнения составить о ней никак не в силах. По окончании трагедии он пытается порасспросить греков, но те сами ждут от него мудрого слова. Даже сам старик Софокл взволнован и ждет реферата с бьющимся сердцем.

И вот, перед многочисленным собранием греков, Арабажин говорит. Он начинает так:

— Милостивые государи и милостивые государыни! Симпатичное дарование господина Софокла — должны мы признать — хотя и не вполне изменило ему, но, очевидно, уже клонится к упадку...

И дальше Арабажин от «но» переходит на «хотя», от «хотя» к «но». И так вся речь. И когда кончает Арабажин, наступает долгое молчание. Прерывает его тот же Сократ:

— Иди спать обратно, о, Арабажин, — говорит он критику.

[10] Юлий Исаевич Айхенвальд (1872–1928) последовательно выступал с резкой критикой творчества Л. Андреева, подтвердив свои негативные оценки и после смерти писателя: «Самый необязательный и неубедительный из беллетристов» (*Айхенвалью Ю.* Силуэты русских писателей. 4-е изд., переработ. Берлин: Слово, 1923. Т. 3: Новейшая литература. С. 147–175).

И молча, как больного, греки берут Арабажина под руки и ведут спать обратно.

— И черт с вами, — бормочет обессиливший Арабажин: — без вас жил — без вас и проживу.

На этом и кончается сатира. Много столкновений бытового характера ускользнули сейчас из моей памяти, но помню, что были они необычайно комичны и злы [1, с. 70–72].

Такая «комедийка» действительно была написана, и до нас дошли две машинописные версии начала пьесы, сохранившиеся в архивном фонде Андреева. В более ранней редакции буквально на ходу меняется имя заглавного героя: Арабажин замещается Зудотешиным. Скорее всего, «прототипом» нового персонажа пьесы с «говорящей фамилией» является герой фельетона О. Дымова «Дело Зудотешина»[11], литератор, выпустивший в свет книгу с пустыми страницами. Возможно, эта замена вызвана сомнения Андреева в корректности открытой «сатиры на лицо». Кроме того, яркий образ дымовского фельетона («пустота книги») мог стать намеком на содержательный уровень арабажинских «Итогов творчества Леонида Андреева». Перемена имени меняет и характер героя, что вынуждает Андреева переписывать заново начало пьесы. Если *Арабажин* (ранняя версия) пытается изображать литератора, опирающегося на классические образцы (Шекспир) и реалии современной культуры (театральный критик А. Кугель, «Кривое зеркало») и в начале общения с жителями древних Афин ведет себя довольно робко, лишь постепенно наполняясь привычным самодовольством, то герой позднейшей версии *Зудотешин* (вероятно, отражая черты литературного прототипа из фельетона Дымова) — более раскован и даже нагловат с первых минут пребывания в древности; его суждения о литературе более размашисты (Фет — «крепостник»), культурный ориентир — фантаст-фантазер Уэллс… При сопоставлении с пересказом первоначального замысла в изложении Андрея Андреева и машинописи ранней версии — даже трех сохранившихся страничек второй редакции достаточно, чтобы понять, что новый вариант героя не совсем соответствует намеченной изначально фигуре боязливого «срединного» критика, обставляющего свои статьи бесконечными «но» и «хотя».

Для обеих версий характерно использование излюбленных Андреевым элементов гротеска с включением «абсурдинки». Пришельца

[11] Свободные мысли. 1908. 28 янв. № 38. С. 3.

из будущего окружают древние драматурги и философы, жившие в разные времена, анахронизмы усугубляются смешением локаций: в Афинах оказывается спартанский царь Агезилай, долгое время воевавший с этой греческой областью. Подобная путаница несомненно должна была вызывать соответствующую реакцию у зрителя хотя бы с гимназическим образованием. Как отражение двойного слоя условности можно расценивать первоначальные реакции двух героев на перемещение во сне в Афины: Арабажину кажется, что он в театре «Кривое зеркало» и видимое им — театральное действие, розыгрыш, а менее утонченному Зудотешину — что он перемещен сюда посредством машины времени из романа Уэллса. Судя по пересказу сюжета братом Андреем, предусматривался и прием иронического «развоплощения условности»: в финале именно «снящийся» афинянин Сократ осознает, что Арабажин пребывает во сне, и, чтобы избавиться от докучного критика, отправляет его «спать дальше»…

Античные аксессуары оказываются важными для опусов «малой драматургии» — переклички древности и современности обыгрываются в «Прекрасных сабинянках» и «Коне в Сенате». Но сама попытка создать пьесу-карикатуру оказалась единственной и, видимо, неблизкой природе андреевского театра. Если исключить сатирический настрой «Арабажина», то в какой-то степени «комедийку» можно сопоставить с пьесой из разряда «большой драматургии» «Милые призраки» (1917), где сюжетом становится центральный эпизод из жизни молодого Достоевского — вступление его в литературу, при этом на биографические реалии наплывают образы из произведений классика[12].

Идею расквитаться с институтом современной ему критики Андреев все-таки воплотит позже — в фельетоне «В защиту критики»[13], основной мишенью которого будет не столько пустой педант (тип Арабажина), сколько критик-хам, близкий к типу Зудотешина.

Наброски к пьесе публикуются по машинописи с авторской правкой: РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 4. Ед. хр. 14. Л. 1–9. Текст печатается по последнему слою (правка специально не отмечается) в соответствии с современной орфографией и пунктуацией.

[12] Подробнее см. коммент. В. Чувакова: [2, с. 610–611].

[13] Биржевые ведомости. 1915. 17 дек., утр. вып. С. 2.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Леонид Андреев

АРАБАЖИН В АФИНАХ

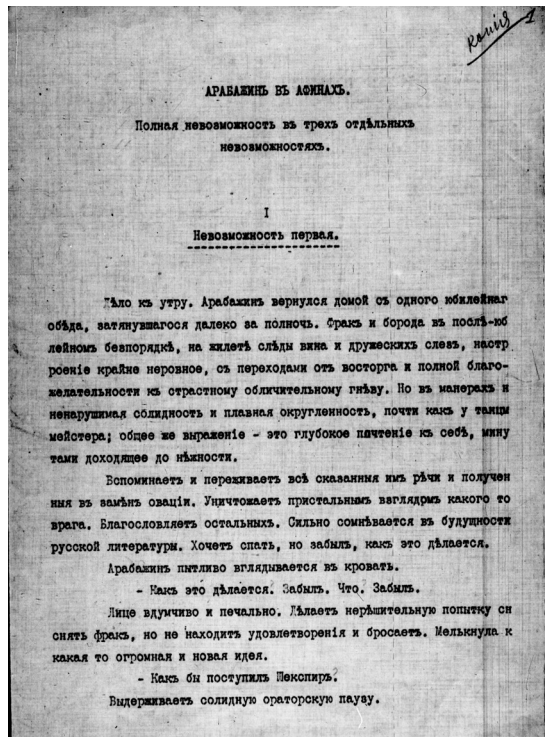
Полная невозможность в трех отдельных невозможностях

<Ранняя редакция начала пьесы>

I

Невозможность первая

Дело к утру. Арабажин вернулся домой с одного юбилейного обеда, затянувшегося далеко за полночь. Фрак и борода в послеюбилейном беспорядке, на жилете следы вина и дружеских слез, настроение крайне неровное, с переходами от восторга и полной благожелательности к страстному обличительному гневу. Но в манерах и ненарушимая солидность и плавная округленность, почти как у танцмейстера; общее же выражение — это глубокое почтение к себе, минутами доходящее до нежности.



Копія 1

АРАБАЖИНЪ ВЪ АѲИНАХЪ.

Полная невозможность въ трехъ отдѣльныхъ невозможностяхъ.

I

Невозможность первая.

Дѣло къ утру. Арабажинъ вернулся домой съ одного юбилейнаг обѣда, затянувшагося далеко за полночь. Фракъ и борода въ послѣ-юб лейномъ безпорядкѣ, на жилетѣ слѣды вина и дружескихъ слезъ, настр роеніе крайне неровное, съ переходами отъ восторга и полной благо-желательности къ страстному обличительному гнѣву. Но въ манерахъ и ненарушимая солидность и плавная округленность, почти какъ у танцм мейстера; общее же выраженіе - это глубокое почтеніе къ себѣ, мину тами доходящее до нѣжности.

Вспоминаетъ и переживаетъ всѣ сказанныя имъ рѣчи и получен ныя въ замѣнъ овацiи. Уничтожаетъ пристальнымъ взглядомъ какого то врага. Благословляетъ остальныхъ. Сильно сомнѣвается въ будущности русской литературы. Хочетъ спать, но забылъ, какъ это дѣлается.

Арабажинъ пытливо вглядывается въ кроватъ.

- Какъ это дѣлается. Забылъ. Что. Забылъ.

Лицо вдумчиво и печально. Дѣлаетъ нерѣшительную попытку сн снять фракъ, но не находитъ удовлетворенiя и бросаетъ. Мелькнула к какая то огромная и новая идея.

- Какъ бы поступилъ Шекспиръ.

Выдерживаетъ солидную ораторскую паузу.

Вспоминает и переживает все сказанные им речи и полученные взамен овации. Уничтожает пристальным взглядом какого-то врага. Благословляет остальных. Сильно сомневается в будущности русской литературы. Хочет спать, но забыл, как это делается.

Арабажин пытливо вглядывается в кровать.

— Как это делается? Забыл. Что? Забыл.

Лицо вдумчиво и печально. Делает нерешительную попытку снять фрак, но не находит удовлетворения и бросает. Мелькнула какай-то огромная и новая идея.

— Как бы поступил Шекспир?

Выдерживает солидную ораторскую паузу.

— Так поступлю и я! Вот!

Одетый ложится в постель, но так, что ноги помещает на подушки, голову же в обратном конце. Оттого засыпает быстро, но противоестественным сном.

Свет гаснет.

II

Невозможность вторая

Народная площадь в древних Афинах. Вдали виден Акрополь. Толпа мужчин и женщин в классических одеяниях окружает и с некоторым страхом рассматривает Арабажина. Он всё в том же помятом фраке (но в туфлях), растерян, ничего не понимает, но изысканно любезен. Неловкое молчание.

ПОЖИЛОЙ ГРАЖДАНИН. Это несомненно птица, ворон. Такие прилетают к нам с севера.

ВТОРОЙ. По-видимому, так. У него хвост из двух конечностей.

ТРЕТИЙ. Я сомневаюсь. Если это птица, то где же перья?

ЖЕНЩИНА. О, перья еще вырастут. Но она очень мило улыбается, славная птичка.

АРАБАЖИН. Виноват, если позволите… Кто это, она?

ЖЕНЩИНА. Ах!

Остальные так же ахают и отодвигаются. Молчание.

ПЕРВЫЙ. Она говорит, следовательно, она не птица.

ТРЕТИЙ. Я рад, Агезилай, что ты согласен со мной. Конечно, она не птица.

АРАБАЖИН (*в беспокойстве*). Виноват, позвольте… но я вовсе не она. Я — он. Позвольте представиться: Константин Иванович Арабажин. Очень рад. Осмелюсь узнать у многоуважаемого… где, собственно, мы находимся.

ПЕРВЫЙ. В Афинах, о чужеземец.

АРАБАЖИН. В каких Афинах?

ПЕРВЫЙ. Я не знаю, как можно ответить на твой вопрос. Он не кажется мне умным.

АРАБАЖИН. Виноват. Но какое сегодня число?

ПЕРВЫЙ. Число?

ВТОРОЙ. Надо позвать Пифагора.

АРАБАЖИН. Что? Пифагоровы штаны?

ВТОРОЙ. Какие штаны?

Общее недоумение. Толпа отодвигается.

ТРЕТИЙ. Я полагаю, что так ничего не выйдет из нашей беседы. Необходимо позвать Сократа.

ВТОРОЙ. Ты прав, Патрокл, я позову Сократа.

АРАБАЖИН. Виноват: это не тот г. Сократ, который был женат на Ксантиппе?

ПЕРВЫЙ. Да, тот самый. Но он и теперь женат на Ксантиппе. Вот она.

КСАНТИППА. Это я. Моего мужа зовут Сократ.

АРАБАЖИН. Очень приятно… но это черт знает что! По-видимому, я действительно в самой древней Греции. Скажите, пожалуйста, о…

ПЕРВЫЙ. Агезилай.

АРАБАЖИН. О, Агезилай — на каком вы языке говорите? По-гречески?

ПЕРВЫЙ. Да.

АРАБАЖИН. Но почему же я понимаю… странно! А на каком языке я говорю? Тоже по-гречески?

ПЕРВЫЙ. Да. Ты предлагаешь неумные вопросы, чужеземец.

АРАБАЖИН. А звучит совсем как по-русски, и так легко говорится… странно, странно. Впрочем, я и всегда был способен к языкам, но в этот раз я превзошел… здорово превзошел. По-гречески. Дорогой мой, а вы не можете сказать мне, какой теперь год до Рождества Христова?

ПЕРВЫЙ (*Второму*). Этого чужеземца надо опасаться: у него голова не в порядке.

ВТОРОЙ (*Первому*). Но вот идет Сократ с учениками. Чужеземец, приветствуй Сократа, он сейчас тебя расспросит.

Подходит Сократ, опирающийся на руку Алкивиада, Платон и ученики Сократа. В другой группе Софокл, Эсхил, Еврипид и Аристофан.

АРАБАЖИН (*кланяясь*). О, Сократ! Я очень счастлив…

СОКРАТ (*Диогену*). Смотри, Диоген, вот счастливый человек.

АРАБАЖИН (*кланяясь*). Диоген! Положительно, я горд…

АРИСТОФАН. Но гордости в тебе незаметно, чужеземец. Не правда ли, Софокл?

АРАБАЖИН. Боже мой — Софокл! Мне лестно… но неужели это Еврипид — я, кажется, видел где-то ваш портрет.

СОКРАТ. Чтобы избавить тебя от труда догадываться и ошибаться, я назову тебе имена граждан. Эсхил, а Еврипид — вот этот гражданин.

АРАБАЖИН (*кланяясь*). Арабажин, Константин Иванович.

СОКРАТ. Это Софокл… Аристофан… мой друг, Алкивиад…

АРАБАЖИН (*кланяясь*). Арабажин. Арабажин. Но какая честь, я положительно взволнован… Арабажин, Константин Иванович.

ПЛАТОН. Не думаешь ли ты, Сократ, что это существо, которое называет себя Арабажин, есть человек?

СОКРАТ. Несомненно, это так, Платон. Его одеяние нам кажется странным и речь его бессвязна, как у пьяного, но в профиль он похож на человека. Скажи, варвар, как ты попал в Афины, тебя нашли на этой площади спящим и как бы свалившимся с неба.

АРАБАЖИН. Как вам… тебе объяснить, Сократ? Я заснул, понимаешь, но ногами на подушку, насколько я помню; и вот я проехал не вперед, а назад… такая чепуха. Да вы шутите, это не Афины.

СОКРАТ. Если из нас кто-нибудь и шутит, то не мы. Это Афины.

АРАБАЖИН (*смеясь*). Да ну, шутите. Я узнал: это театр.

СОКРАТ. Театр?

АРАБАЖИН. Ну да, «Кривое зеркало».

СОКРАТ. Кривое зеркало? Платон, необходимо сознаться, что я ничего не понимаю, что городит этот варвар.

АРАБАЖИН. Да ну, будет. Вон и Кугель, Александр Рафаилович, я узнал.

СОКРАТ. Кугель? Отойдите, граждане, этого чужеземца надо опасаться, у него голова не в порядке. О Зудотешин <*так!*>, успокойся и одумай<ся>.

ЗУДОТЕШИН. Нечего очки втирать.

СОКРАТ. Очки?

ПЛАТОН. Учитель, мы находим, что в словах незнакомца всё непонятно, начиная с Кугеля и кончая неизвестными очками. Но следует ли отсюда, что речь его вообще лишена смысла.

ЗУДОТЕШИН. Эх… Ну, Афины так Афины, хотя никак я этого не ожидал. Позвольте мне, о граждане, уклониться от подробного описания моих странствований, весьма напоминающих приключения почтенного Одиссея. Одним словом, я очень счастлив, что судь-

ба или так называемый рок привел меня сюда, в общество столь… избранных мужей, светил греческого искусства и философии. Так как меня некому представить, то я вынужден нескромно заявить, что в моей стране я так же считаюсь… светилом, так сказать, пользуюсь весьма[14]

<Вторая редакция начала пьесы>

Ночь. Петр Зудотешин, известный критик, возвратился только что с чьего-то юбилейного обеда, где имел большой успех. Он сильно выпивши и в превосходном настроении духа. Шатается без видимого дела по своей комнатке, насвистывает, бормочет:

— Шепот, робкое дыханье… трели соловья. — Шепот, робкое ды… Идиотство!

Натыкается на зеркало и с любовью рассматривает свою физиономию. Делает лицо умным — благожелательным — строгим — грозным — бесконечно снисходительным, с любовью к людям. Потом грозится кому<-то> пальцем. Потом садится на постель и делает попытку раздеться. Одет он в клетчатые серые брюки и черный фрак; последний узковат, не <с>лезает <?>, и Зудотешин отказывается от намерения раздеться. Задумался. Бормочет:

— Шепот, робкое дыханье… трели соловья! — Шепот, робкое дыханье… тре… Крепостник! <?>

Ложится и с размаху засыпает. Но лег он по ошибке ногами на подушку, а головой к ногам, и оттого все сны видит назад. И кажется ему, что он проснулся в древней Греции, в Афинах.

II

Площадь в Афинах; вдали Акрополь. Прижавшись головой к мраморной колонне, спит Зудотешин; одет, как был — клетчатые штаны и фрак. Возле собралась кучка афинян и афинянок и с удивлением рассматривают незнакомца.

ПЕРВЫЙ. Следовательно, ты думаешь, Агезилай, что это существо есть человек, а не птица, как утверждает Протагор?

ПЯТЫЙ. Я только что пришел. Могу я спросить уважаемого Протагора, на чем основано его утверждение, будто это существо — птица.

ПРОТАГОР. Я охотно повторю, о, Филомен! Если оно не птица, то как оно могло спуститься на площадь, не разбившись? Прийти

[14] Текст обрывается.

же оно не могло, ибо мы видим всех приходящих и не могли бы его пропустить.

АГЕЗИЛАЙ. В этом я согласен с Протагором.

ПРОТАГОР. Главное же мое основание — это птичий хвост, раздвоенный на конце наподобие ласточкиного хвоста, и окраска.

АГЕЗИЛАЙ (*горячо*). Но где же крылья? Так как это двуногое лишено перьев, то оно есть человек. Явился же он из Аида, и пока он не наделал зла, его следует убить.

Зудотешин просыпается, кряхтит, зевает и с глубоким равнодушием, не понимая, смотрит на афинян. Бормочет:

— Ну, пили, вы!..

Афиняне отодвинулись на шаг, молчат и изучают. Постепенно Зудотешин приходит в себя; поражен изумлением.

ЗУДОТЕШИН. Что это, а? Вот еще чепуха. Не надо мне этого, я не заказывал. Где же это я? Совершенно незнакомое место, фотография какая-то. Ну? Что же вы молчите? Послушайте, вы — куда это меня занесло?

Все отступают еще на шаг.

ЖЕНЩИНА (*со страхом*). Его принесло. Будет лучше, если мы отойдем.

Все отступают еще на шаг.

ЗУДОТЕШИН. Да куда вы пятитесь! Я не кусаюсь!

ЖЕНЩИНА. Оно не кусается.

Все подходят на шаг.

ЗУДОТЕШИН. Вот чудаки! Я вас спрашиваю: где я?

Агезилай храбро выступает вперед:

— Ты в Афинах, о чужеземец! И если ты явился к нам с добрыми намерениями, то город и граждане приветствуют тебя.

ЗУДОТЕШИН. Ну а то с какими же! Намерения! Какие еще намерения? Постой: Афины!..

Вскакивает и оглядывается.

ЗУДОТЕШИН. Да, да… Вспомним Уэллов… машина для передвижения во времени… заснул… ну да это все равно. Греция! Черт знает что! Послушайте, молодой человек: какой теперь год до Рождества Христова?

Молчание.

АГЕЗИЛАЙ (*вежливо*). Я очень сожалею, что не могу ответить на твой мудрый вопрос. Может быть, наш Сократ сумеет ответить тебе, если ты подождешь.

ЗУДОТЕШИН. Ага, Сократ, так, так — вот ловко-то! А я в таком костюме. Послушайте, а на каком языке я говорю?

ВСЕ. На греческом.

ЗУДОТЕШИН. Хм, вот ловко! На греческом — и так свободно. Положим, я и всегда был способен к языкам, но чтобы так быстро усвоить… А много я ошибок, когда я говорю?

ПРОТАГОР. Насколько сам я знаю греческий язык, ты говоришь без ошибок.

ЗУДОТЕШИН. Вот видите! А в гимназии на паре шел… экая несправедливость <текст обрывается>.

Литература

1. *Андреев А.* О Леониде Андрееве. // Леонид Андреев: Материалы и исследования. Вып. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 65–106.

2. *Андреев Л.Н.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит. 1996. Т. 6. 720 с.

3. *Арабажин К.* Леонид Андреев: Итоги творчества. Литературно-критический этюд. СПб.: Общественная польза, 1910. 279 с.

4. *Бабичева Ю.В.* Эволюция жанров русской драмы XIX – начала XX века. Вологда: Вологодский гос. педагог. ин-т, 1982. 126 с.

5. *Козьменко М.В.* Введение // Леонид Николаевич Андреев: Библиография. М.: ИМЛИ РАН, 2002. Вып. 2 а / сост. М.В. Козьменко. С. 8–12.

6. *Козьменко М.В.* Творчество Леонида Андреева 1908–1910 гг. // *Андреев Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 23 т. М.: Наука, 2022. Т. 7. С. 555–559.

7. *Конечный А.М.* Арабажин Константин Иванович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 100.

8. Леонид Андреев. S.O.S.: Дневник (1914–1919); Письма (1917–1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918–1919) / вступ. ст., сост. и примеч. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. 598 с.

9. Литературное наследство. М.: Наука, 1965. Т. 72: Горький и Леонид Андреев: неизданная переписка. 630 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

Leonid Andreev's "Small Drama": The Idea of a "Comedienne"-Caricature

© 2026. Mariya Ye. Tukhto
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: The article deals with the "small drama" by Leonid Andreev (satirical miniatures for the theater). The idea of the "comedy" caricature "Arabazhin in Athens" (1913) was born out of the writer's complex relationship

with criticism. The play was supposed to be a satire on K.I. Arabazhin, a popular philistine critic who paid special attention to the writer. So, in 1910, Arabazhin published the book "Leonid Andreev. The results of creativity," in which he pointed out the unoriginality and exhaustion of the writer's work. Andreev repeatedly spoke unflatteringly about Arabazhin, and finally, in the play "Arabazhin in Athens," he planned to ridicule the self-confident and narrow-minded critic: the title character, returning from a party, and falls asleep with his feet on a pillow, which causes time to turn back and Arabazhin wakes up in Athens of the time of Socrates. In a conversation with ancient sages, the critic demonstrates narrowness of views and disappoints the philosophers so much that Socrates sends Arabazhin "back to sleep." The article presents two surviving versions of the beginning of the play.

Keywords: Leonid Andreev, K.I. Arabazhin, "small drama," literary satire, writer's legacy, archival publications

Information about the author: Mariya Ye. Tukhto, PhD Student, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-5051-7695

E-mail: tukhtom@mail.ru

For citation: Tukhto, M.Ye. "Leonid Andreev's 'Small Drama': The Idea of a 'Comedienne'-Caricature." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (39), 2026, pp. 8–26. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-08-26

References

1. Andreev, A. "O Leonide Andreeve" ["About Leonid Andreev"]. *Leonid Andreev: Materialy i issledovaniia* [*Leonid Andreev: Materials and Research*], vol. 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2012, pp. 65–106. (In Russ.)

2. Andreev, L.N. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [*Collected Works: in 6 vols.*], vol. 6. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1996. 720 p. (In Russ.)

3. Arabazhin, K. *Leonid Andreev: Itogi tvorchestva. Literaturno-kriticheskii etiud* [*Leonid Andreev: The Results of Creative Work. A Literary and Critical Study*]. St. Petersburg, Obshchestvennaia pol'za Publ., 1910. 279 p. (In Russ.)

4. Babicheva, Iu.V. *Evoliutsiia zhanrov russkoi dramy XIX – nachala XX veka* [*The Evolution of the Genres of Russian Drama in the 19th – Early 20th Century*]. Vologda, Vologda State Pedagogical University Publ., 1982. 126 p. (In Russ.)

5. Koz'menko, M.V. "Vvedenie" ["Introduction"]. *Leonid Nikolaevich Andreev: Bibliografiia* [*Leonid Nikolaevich Andreev: Bibliography*], issue 2 a, comp. by M.V. Koz'menko. Moscow, IWL RAS Publ., 2002, pp. 8–12. (In Russ.)

6. Koz'menko, M.V. "Tvorchestvo Leonida Andreeva 1908–1910 gg." ["The Creative Work of Leonid Andreev in 1908–1910"]. Andreev, L.N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 23 t.* [*Complete Works: in 23 vols.*], vol. 7. Moscow, Nauka Publ., 2022, pp. 555–559. (In Russ.)

7. Konechnyi, A.M. "Arabazhin Konstantin Ivanovich" ["Arabazhin Konstantin Ivanovich"]. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers.*

1800–1917: A Biographical Dictionary"], vol. 1. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989, p. 100. (In Russ.)

8. *Leonid Andreev. S.O.S.: Dnevnik (1914–1919); Pis'ma (1917–1919); Stat'i i interv'iu (1919); Vospominaniia sovremennikov (1918–1919)* [*Leonid Andreev. S.O.S.: Diary (1914–1919); Letters (1917–1919); Articles and Interviews (1919); Memoirs of Contemporaries (1918–1919)*], introd. article, comp. and notes by R. Devis and B. Khellman. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1994. 598 p. (In Russ.)

9. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 72: Gor'kii i Leonid Andreev: neizdannaia perepiska [Gorky and Leonid Andreev: Unreleased Correspondence]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 630 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 01.08.2025
Одобрена после рецензирования: 10.10.2025
Дата публикации: 25.03.2026

The article was submitted: 01.08.2025
Approved after reviewing: 10.10.2025
Date of publication: 25.03.2026

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

Литературный факт. 2026. № 1 (39)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 1 (39), 2026

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-27-38
https://elibrary.ru/VPPYTC

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (39), 2026

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Воспоминания И.Н. Лобойко во вновь обретенном его архиве

© 2026, К.В. Проничева, А.И. Рейтблат
Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия
Новое литературное обозрение,
Москва, Россия

Аннотация: В статье представлен обзор документов, сохранившихся в еще не введенной в научный оборот части архива филолога, этнографа, историка первой половины XIX в. профессора Виленского университета И.Н. Лобойко. Рассредоточенные по различным архивохранилищам Москвы, Санкт-Петербурга, Вильнюса документы личных фондов Лобойко спорадически использовались исследователями, в 2013 г. были опубликованы его воспоминания (по рукописям из РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН) — ценный памятник мемуаристики XIX в. Но выяснилось, что не все материалы архива Лобойко из Библиотеки Академии наук в 1930-е были переданы в Пушкинский Дом, небольшой комплекс в 1950 г. поступил в Ленинградское отделение Института истории АН СССР и был обработан и описан лишь сейчас. Особый историко-культурный интерес представляет тетрадь с поздней редакцией (1858–1861 гг.) воспоминаний Лобойко, которая существенно дополняет и корректирует ранние редакции, вошедшие в издание 2013 г. В частности, в рассказе о петербургском периоде своей жизни Лобойко подробнее рассказывает историю Вольного общества любителей российской словесности, добавляет отдельные главы, посвященные известным писателям и журналистам Ф. Булгарину и О. Сенковскому, освещает ряд других тем, перечень которых представлен в статье.

Ключевые слова: И.Н. Лобойко, Ф.В. Булгарин, воспоминания, личные архивы, культура России XIX века, биография писателя, источниковедение, археография.

Информация об авторах: Карина Вадимовна Проничева — PhD по музеологии, научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, ул. Петрозаводская, д. 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0009-9161-1256
E-mail: kpronicheva@mail.ru
Абрам Ильич Рейтблат — кандидат педагогических наук, редактор журнала «Новое литературное обозрение», Тверской б-р, д. 13, 123104 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4957-7401
E-mail: reitblat@nlobooks.ru
Для цитирования: *Проничева К.В.*, *Рейтблат А.И.* Воспоминания И.Н. Лобойко во вновь обретенном его архиве // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 27–38. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-27-38

Филолог, славяновед и педагог, профессор Виленского университета Иван Николаевич Лобойко (1786–1861) известен мало, поскольку печатался редко, но он играл заметную роль в отечественной науке и культуре 1820–1830-х гг., переписываясь с виднейшими русскими, польскими и скандинавскими историками, археографами и этнографами.

Выйдя в отставку в 1840 г., Лобойко передал часть своего архива Обществу истории и древностей российских при Московском университете (сейчас хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 205. Т. 1, р. I. № 122)), а основную часть — Российской академии, которая в 1841 г. была преобразована во 2-е отделение Петербургской академии наук. Большая часть материалов, переданных туда, сейчас хранится в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Ф. 154. Оп. 1. Д. 1–119), куда они поступили из Отдела рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР 24 июня 1931 г. Небольшие личные фонды Лобойко также есть в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 440. Оп. 330. Д. 1–15), в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (Р. IV. Оп. 52. Д. 1–11) и в Государственном историческом архиве Литвы (Ф. 791. Оп. 1. Д. 1–7) (см.: [3, с. 324–328]).

Однако недавно выяснилось, что небольшая часть хранившегося в Библиотеке Академии наук фонда осталась там и только в 1950 г. была передана в Ленинградское отделение Института истории АН СССР, ныне Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук (Научно-исторический архив; фонд № 330). Но этот архивный комплекс не был обработан и не был доступен исследователям. Только в 2024–2025 гг. он был описан К.В. Проничевой. По своему содержанию он дополняет личный фонд в Пушкинском Доме, где сейчас хранится большая часть материалов, связанных с жизнью и деятельностью И.Н. Лобойко.

В фонде три комплекса материалов. Это 1) мемуары, научные труды и подготовительные материалы к ним, 2) переписка И.Н. Лобойко и 3) материалы других лиц. Наиболее ценными, на наш взгляд, являются мемуары (тетрадь воспоминаний) и переписка И.Н. Лобойко с учеными того времени. Помимо тетради воспоминаний, в комплекс мемуаров входят выписки и заметки к ним, которые частично повторяют главы в основной тетради, а также набросок автобиографии датского профессора Расмуса Раска (подпись Раска не собственноручная) и его же «Заметка к сочинению г-на Ксаверия Богуша о литовском народе и языке» (подпись Раска собственноручная), оба текста на немецком языке. Как сообщает сам Лобойко, он перевел набросок автобиографии Р. Раска на русский язык и включил его в первый вариант своих мемуаров «Мои воспоминания» (см.: [5, с. 55–58]). Также в комплексе имеются две статьи Лобойко «Замечания об Одессе» (два варианта, второй с незначительной правкой) и «Желания в пользу Тавриды. Статья вторая»[1].

Кроме того, в этот комплекс входят черновые заметки Лобойко по разным вопросам: о воспитании и образовании (о необходимых в государстве науках, воспитании молодежи, морали, правильном функционировании училищ, профессорах и адъюнктах и др., в виде записей на небольших карточках); о славянских языках и похоронных обрядах; по античной, византийской и русской истории.

Второй комплекс материалов составляет переписка Лобойко. Здесь имеются пять черновиков его писем к разным лицам (к редактору «Одесского вестника» А.М. Богдановскому, попечителю Одесского учебного округа Н.И. Пирогову, профессору Московского университета И.М. Снегиреву и неустановленному лицу, связанному с Королевским обществом северных древностей в Копенгагене), а также 56 писем к И.Н. Лобойко. Среди писем к Лобойко наиболее ценными являются письма от членов Румянцевского кружка и письма датских ученых на датском и немецком языках (все эти письма написаны на иностранных языках и хранились в одном конверте с пометой чернилами «Письма ученого содержания» и приписками карандашом «Разных лиц»; «1818–1828»; «Rask 1824–28»). Особый интерес представляют письма датского лингвиста Расмуса Раска. В 1874 г. эти письма, вместе с автобиографией Раска и его же рецензией на труд Ф. Богуша о литовском народе и языке, обнаружил среди бумаг Лобойко академик Петербургской академии наук

[1] Лобойко посетил Крым в 1847 г., его записки о Крыме хранятся в ИРЛИ РАН (Ф. 154. Оп. 1. Д. 76–90). Первая статья цикла была опубликована: Желания в пользу Тавриды // Таврические губернские ведомости. 1844. № 9, 10. Подп.: Л.

А.А. Куник, который показал их занимающемуся изучением наследия Раска датскому языковеду Карлу Вернеру. Тогда же Вернер опубликовал тексты Раска в «Северном филологическом и педагогическом журнале»[2], и с тех пор их местонахождение было неизвестно. В комплексе также имеются 32 письма филолога, фольклориста и профессора Московского университета И.М. Снегирева, в которых автор пишет Лобойко о своей семье, о холере в Москве (1829–1830), о Московском университете, об Императорском обществе истории и древностей российских, рассуждает о трудностях профессорского звания, сообщает о своей работе над сборником русских пословиц и книгой о народных праздниках и обрядах[3], а также об издаваемых им сочинениях разных авторов.

И наконец, третий небольшой комплекс составляют материалы других лиц (описание медали по случаю подавления мятежа в Польше 1791–1793 гг. в виде рисунка с пояснениями, записка «Усольские соляные варницы» неустановленного автора с описанием функционирования варниц и сопроводительными рисунками).

Ключевым документом в фонде Лобойко является, на наш взгляд, тетрадь с его воспоминаниями, которую можно датировать 1858–1861 гг. Это третий, самый поздний текст его воспоминаний. Более ранние версии хранятся в РО ИРЛИ РАН (Ф. 154), они датированы 1843 г. («Мои воспоминания») и 1856 г. («Мои записки») и опубликованы А.И. Рейтблатом [5]. В начале тетради из фонда СПбИИ РАН помещены два текста: «Происхождение герцогства Варшавского» (Л. 2–4) и «Харьков в 1812 г.» (Л. 16–17 об.), затем следует содержание с черновыми пометами, где главы тетради сгруппированы в 11 блоков (Л. 18–20), ряд листов оставлены пустыми (Л. 4 об. – 15 об.). Далее нумерация листов начинается заново: на л. 20 в левом верхнем углу стоит карандашом цифра «20», а в верхнем правом углу цифра «1». Нумерация в верхнем правом углу продолжается до конца тетради (последний лист без номера, предпоследний пронумерован «202»). Есть сбои в нумерации листов: после л. 17 идет лист без номера, затем л. 18, после л. 100 идут два листа без номера, затем л. 101, два листа подряд пронумерованы «106». Л. 43, 51, 56, 58, 60, 66–67, 70, 72, 77, 88, 91, 93, 95 оставлены пустыми. На л. 202–203 помещено оглавление к тетради согласно новой нумерации листов

[2] *Verner K.* Nogle Raskiana // Nordisk Tidskrift for Filologi og Pædagogik. 1874. Ny Række. B. 1. S. 289–291, 295–300, 300–301. Благодарим доктора географических наук Леонида Сергеевича Чекина за справку о письмах Р. Раска.

[3] Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым. М.: Унив. тип., 1848; *Снегирев И.М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М.: Унив. тип., 1837–1839. 4 вып.

(то есть выпущены первые две главки в начале тетради вместе с содержанием).

Воспоминания написаны на русском языке с многочисленной авторской правкой (вставки, перечеркнутые слова), приписками и пометками по ходу текста («поставить в начале стр. 2», «надобно составить статью по цитатам, записанным в начале сей книги», «не на своем месте», «окончание после алеутов по книжечке моей II.65», «окончание на 82 стран. сей книги», «дополнить из биографии Ивана Владимировича Лопухина», «Надобно бы вписать имена воспитанников Виленского университета, которые с рекомендательными моими письмами приехали в Петербург и нашли сильное покровительство <…>»). Также имеются выписки из разных книг и газет на польском и немецком языках. Текст написан черными чернилами, отдельные фрагменты простым карандашом.

Основная ценность тетради состоит в том, что в ней имеются подробности о варшавском и петербургском периодах жизни и деятельности Лобойко, отсутствующие в других версиях его воспоминаний. Так, в версии 1843 г. много внимания уделяется начальному, харьковскому, периоду жизни Лобойко и его преподавательской деятельности в Вильно с 1822 г. (69 из 95 страниц в издании [5]), а повествование доведено до 1840 г. Воспоминания 1856 г. начинаются с отъезда из Варшавы в 1816 г., то есть минуя харьковский (до 1815 г.) и варшавский (1815) периоды жизни Лобойко. В этой, второй, версии воспоминаний петербургский период (1816–1821) описан более подробно, однако некоторые главы оформлены в виде конспектов, на основе которых Лобойко собирался впоследствии написать более подробный текст. Вновь большое внимание (38 из 77 страниц в издании [5]) уделено преподаванию в Вильно, причем только в Виленском университете (после закрытия университета он с 1832 г. преподавал в Виленской медико-хирургической академии), так как повествование заканчивается восстанием декабристов и приговором по их делу 1826 г. Тетрадь в НИА СПбИИ РАН начинается с отъезда Лобойко из Харькова в 1815 г. В ней довольно подробно описан варшавский период (15 из 199 листов) и подробно (169 из 199 листов) петербургский период. Тетрадь заканчивается прощанием Лобойко с петербургскими знакомыми перед отъездом в Вильно в 1822 г.

Приступая вновь к написанию воспоминаний, Лобойко, по всей видимости, намеревался восполнить лакуны, имеющиеся в предыдущих двух версиях. Если в первой версии воспоминаний о Варшаве сказано совсем немного — один абзац о дороге из Харькова до Варшавы и краткие упоминания о четырех личностях, с которыми

Лобойко имел дело на месте, то в третьей версии воспоминаний Лобойко описывает Варшаву в период русского правления (до декабря 1815 г.), сообщает подробности об администрации наместника Царства Польского В.С. Ланского и о быте русских чиновников, пишет о личностях, с которыми был знаком, о пребывании в Варшаве императора Александра I в ноябре 1815 г. и о даровании им конституции Царству Польскому. В последней главе «Прощальный обед, данный В.С. Ланскому в Варшаве» Лобойко вновь повторяет с некоторыми подробностями рассказ о портрете сына Ланского кисти Г. Беннера, имеющийся в первой версии его воспоминаний.

В том, что касается петербургского периода жизни Лобойко, некоторые главы в тетради в НИА СПбИИ РАН повторяют, часто дословно или с незначительными изменениями, вторую версию его воспоминаний (1856). Однако в этой тетради имеются и новые тексты. Так, в ней появляются главы о графе Н.П. Румянцеве, историках Ф. Аделунге и Ф. Круге, о В. Тимковском, О. Сенковском и Ф. Булгарине. Кроме того, Лобойко внес некоторые дополнения в главы о графе А.А. Аракчееве и о мистицизме, о В. Парчевском и А. Карчевском, о петербургском Библейском обществе, о Вуке Караджиче, А. Евстафьеве и В. Каразине. Глава о Вольном обществе любителей российской словесности представлена во второй версии воспоминаний Лобойко в виде конспекта. В третьей же версии этот конспект расписан подробно (Л. 145–158 об.) и содержит интересные детали о функционировании общества, о его собраниях, о конфликте П. Кеппена и А. Никитина, об утверждении устава общества и др. Кроме того, в тетради имеются дополнительные тексты о журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» и об избрании новых членов общества (Л. 159–160 об.). Таким образом, по своему содержанию тетрадь в НИА СПбИИ РАН является наиболее полной редакцией второй версии воспоминаний Лобойко в том, что касается варшавского и петербургского периодов.

К числу наиболее интересных разделов тетради с воспоминаниями (Ф. 330. Оп. 1. Д. 1) относятся главы о Ф.В. Булгарине (Л. 109–116) и О.И. Сенковском (Л. 123–133 об.), содержащие немало нетривиальной информации, отсутствующей в других источниках.

Булгарин был для Лобойко весьма значимой фигурой в русских литературе и журналистике, но отношение к нему сильно менялось у Лобойко со временем. В конце 1820-х – начале 1830-х гг. Лобойко относился к нему дружески. Сохранился оттиск статьи Лобойко «Взгляд на древнюю словесность скандинавского севера»

с дарственной надписью Булгарину: «Почтеннейшему писателю, украсившему произведениями своими российскую и польскую словесность нашего времени Фаддею Бенедиктовичу Булгарину на память душевного высокопочитания и совершенной преданности. Сочинитель. 15 мая 1821. СПБург» [2, с. 61]. Но и в воспоминаниях Лобойко и в переписке польского историка И. Лелевеля с Булгариным есть свидетельства, что он преуменьшал знание русского языка Булгариным. Так, Лелевель писал Булгарину о сделанном адресатом переводе рецензии Лелевеля, что «Лобойко, читая его вслух, постоянно прерывал чтение, говоря, что ясен, легок, чист, что отличен и в словах, и в строе, что невозможно, чтобы так писал по-русски иностранец, что, должно быть, помогал кто-нибудь из природных русских» [1, с. 47]. Парадоксально, но Булгарин, в свою очередь, был невысокого мнения о слоге Лобойко. Он писал Лелевелю: «Я просил бы, если вы желаете оказать мне это благодеяние, чтобы прислали критику по-польски, потому что Лабойко, который так кичится в Вильне, переведет плохо и будет тянуть несколько месяцев, ему трудно дается составление фраз» [1, с. 44]. В письмах Лелевелю он называл Лобойко «глупцом», «пискуном», «креатурой Воейкова» [1, с. 57, 61] и т. п. В дальнейшем Лобойко, преподавая в Вильно, пытался поддерживать отношения с Булгариным. Так, в частности, приехав в 1823 г. в Петербург, он передал Булгарину для публикации рукописи К. Незабитовского и Д. Пашкевича по истории и культуре литовского народа (см.: [4, с. 209]), которые Булгарин не напечатал.

В «Истории изящной русской словесности», над которой Лобойко работал более 15 лет и практически завершил в 1839 г., но издать не смог, он писал о Булгарине:

> С 1825 года Фаддей Булгарин (поляк), один из превосходнейших русских журналистов, начал сочинять занимательные и остроумные повести и к удивлению нашему так много, что вскоре их составилось несколько томов; потом отважился он издать роман «Дмитрий Самозванец» (4 ч. СПб., 1830), которым он первый в это время, после долгого бездействия, пробудил в русских охоту к сочинению романов. «Иван Выжигин» и «Петр Иванович Выжигин», Булгарина романы, и его плодовитость в издании подобных сочинений поселили в русских писателях доверие к собственным силам, и многие из них убедились, что Булгарин обязан своим успехам не чрезвычайным дарованиям, а благоразумной отважности[4].

[4] ИРЛИ. Ф. 154. Оп. 1. Д. 2. Л. 95.

В мемуарах Лобойко также нашлось место воспоминаниям о Булгарине. В первой версии своих мемуаров (1843) в главке «Булгарин и Сенковский» он писал:

> За год до выезда моего из Петербурга <в 1821 г.> познакомился я с двумя молодыми образованными поляками, которые, заняв потом в русской словесности почетное место, сделались высшими судьями и сильнейшими ее двигателями. Они при самом появлении своем в столицу были уже люди достопамятные. Первый <Булгарин> воспитывался в Петербурге и, перешед потом в французскую армию, был в Испании[5] <…>.
>
> Булгарин имел всегда склонность к авторству, на память беспрестанно декламировал польские, русские и французские стихи. Находясь в Вильне, он печатал в польских журналах свои прекрасные стихи и остроумные статьи[6].
>
> Переехав в Петербург, он тотчас познакомился со всеми русскими писателями и поэтами и захотел сам быть автором. Но при первых опытах своих он был нетверд в русском слоге и имел нужду в поправках. Я оказывал ему эту услугу. <…> Воейков познакомил его с Н.И. Гречем[7], хотя и я мог бы это сделать. Живость характера, французское остроумие, ловкое и приятное обхождение, благородное открытое и выразительное лицо, военная точность, которыми отличался Булгарин, очаровали Греча, упрочили их дружеские связи, а этот союз, это редкое постоянство Булгарина в привязанности к своему руководителю возвели его самого на высшую ступень славы и счастия.
>
> Греч, кажется, тотчас решился сделать Булгарина журналистом. Не знаю, кто дал Булгарину совет начать это поприще изданием «Северного архива», который состоял в перепечатывании драгоценных документов, хранившихся в знаменитых фамилиях. Тогда как Булгарин был не тверд в русском слоге, ничего лучше этого придумать было невозможно[8]. Но зато это предприятие было совершенно

[5] Ф.В. Булгарин закончил Сухопутный шляхетский кадетский корпус (1806), служил в русской армии (1806–1811). В 1811 г. он был уволен «по худой аттестации в кондуитных списках», уехал за границу, в том же году поступил во французскую армию и воевал в Испании.

[6] Булгарин печатался в 1819 г. в следующих виленских периодических изданиях: «Dziennik Wileński», «Tygodnik Wileński» и, по-видимому, «Wiadomości brukowe».

[7] Н.И. Греч, описывая обстоятельства своего знакомства с Булгариным в феврале 1820 г., ничего не говорит о посредничестве Воейкова; см.: *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.; Л.: Academia, 1930. С. 684–687.

[8] Булгарин начал издавать журнал «Северный архив» в 1822 г., до этого в 1820–1821 гг. он довольно активно печатался в «Сыне Отечества».

по силам и способам Булгарина, он приближался к намеченному для издания журналу с радостию и неустрашимо, не колебался, а это-то и было для меня залогом верного успеха [4, с. 64–65].

Впоследствии мнение его о Булгарине стало меняться. В тетради с воспоминаниями в СПбИИ РАН сохранились записи Лобойко под названием «К Булгарину», передающие его впечатления от чтения первых двух частей «Воспоминаний» (1846) Булгарина. Он писал, в частности:

По моему мнению, Булгарину и теперь ничто не давало права перебирать наших первоклассных писателей, тем паче тогда, когда он по выходе из французской армии с орденом почетного легиона, не будучи природным русским, по милости Греча сделавшись журналистом и его товарищем, объявил при первом вступлении своем в сей союз русской литературе войну, нападая смело и отважно на ее представителей.

Кажется, это сильное нападение на первоклассных наших писателей не имело другого побуждения, как только то, чтобы вдруг завоевать себе в русской публике громкое имя.

В самом деле, он скоро достиг этой цели. Имя его, дотоле безызвестное, пронеслось по всей России, повторилось во всех журналах и доныне повторяется. Но при этой известности, способствовавшей расходу его журнала и сочинений, все русские писатели сделались его врагами. <…> Вся журнальная жизнь его похожа была на наездничество, в котором он беспрестанно то нападал, то оборонялся.

Эта перепалка очень забавляла в Петербурге Гостинный двор и трактирных собеседников, но степенные люди потеряли к нему уважение и доверие и потому неудивительно, что и «Похвалы его (см. Введ<ение> стр. XII) породили более врагов, нежели порицания».

В этой брани Булгарин, владея «Северною пчелою», конечно, всегда оставался победителем. Он умел перекричать всех противников и запугать робких сочинителей (Л. 119 об. – 121).

Это изменившееся мнение Лобойко о Булгарине еще резче выражено в его воспоминаниях 1858 г. [6].

К О.И. Сенковскому Лобойко относился гораздо лучше, принимал его у себя в Вильне и останавливался у него в Петербурге. Сенковский тоже был хорошего мнения о нем. В январе 1824 г. он писал И. Лелевелю: «…Лобойко вообще-то превосходный человек,

но из-за своей этимологии и корнесловия он сделал себя несколько комической фигурой в этом городе <Петербурге>, чему поспособствовали Булгарин с Гречем, оба его приятели <…>»[9].

О Булгарине и Сенковском сохранилось мало воспоминаний, и некоторые эпизоды их жизни остаются до сих пор не проясненными. Мемуары Лобойко содержат ряд сведений, которые существенно дополняют сложившиеся представления о них.

Литература

1. «Благо разрешился письмом...»: Переписка Ф.В. Булгарина / сост. А.И. Рейтблат; подгот. текста и коммент. Н.Н. Акимовой и А.И. Рейтблата. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 816 с.

2. *Дениско Л.М.* Автографи на книгах із коллеції рідкісних видань Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського: каталог. Київ: Національна академія України, 2007. 264 с.

3. Каталог личных архивных фондов отечественных историков. М.: РОССПЭН, 2007. Вып. 2: Первая половина XIX века / сост. Т.В. Медведева, М.П. Мироненко. 720 с.

4. *Каупуж А.* Некоторые дополнительные сведения о литовских деятелях культуры начала XIX века в письмах профессора русской словесности Виленского университета И.Н. Лобойко // Научные доклады высших учебных заведений Литовской ССР. Литература. Вильнюс: [Б. и.], 1963. Вып. VI. С. 207–221.

5. *Лобойко И.Н.* Мои воспоминания. Мои записки / вступ. ст., подгот. и коммент. А.И. Рейтблата. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 323 с.

Research Article

Memories of I.N. Loboyko from His Newly Discovered Archive

© 2026. Karina V. Pronitcheva, Abram I. Reitblat
Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia
New Literary Review,
Moscow, Russia

Abstract: This article presents an overview of documents preserved in the archive of I.N. Loboyko, a philologist, ethnographer, and historian of the first half of the 19th century, and professor at Vilnius University, which has not yet been

[9] Цит. по: *Jabłonowski A.* Orientalista Sękowski w koresponencyi z Lelewelem // *Jabłonowski A.* Pisma. Warszawa: skład główny w księgarni E. Wende i s-ka, 1913. T. 7. S. 96.

released for scholarly use. Scattered across various archival repositories in Moscow, St. Petersburg, and Vilnius, Loboyko's personal documents have been sporadically used by researchers. In 2013, his memoirs (based on manuscripts from the Russian Institute of Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences) were published as a valuable monument to 19th-century memoir writing. However, it turned out that not all of the materials from the Loboyko archive were transferred from the Library of the Academy of Sciences to the Pushkin House in the 1930s. A small collection was received by the Leningrad branch of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences in 1950 and was only recently processed and described. Of particular historical and cultural interest is the notebook containing a later edition (1858–1861) of Loboyko's memoirs, which significantly expands and corrects the earlier editions included in the 2013 edition. Specifically, in his account of the St. Petersburg period of his life, Loboyko recounts the history of the Free Society of Lovers of Russian Literature in more detail, adds separate chapters dedicated to the renowned writers and journalists F. Bulgarin and O. Senkovsky, and covers several other topics, a list of which is presented in the article.

Keywords: I.N. Loboyko, F.V. Bulgarin, memoirs, personal archives, 19th-century Russian culture, biography of the writer, source studies, archaeography.

Information about the authors: Karina V. Pronitcheva, PhD in Museology, Research Fellow, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St., 7, 197110 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0009-9161-1256

E-mail: kpronicheva@mail.ru

Abram I. Reitblat, PhD in Pedagogy, Editor, "New Literary Review" Publishing House, Tverskoy Blvd., 13, 123104 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4957-7401

E-mail: reitblat@nlobooks.ru

For citation: Pronitcheva, K.V., and A.I. Reitblat. "Memoirs of I.N. Loboyko from His Newly Discovered Archive." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (39), 2026, pp. 27–38. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-27-38

References

1. *"Blago razreshilsia pis'mom...": perepiska F.V. Bulgarina* [*"Blessedly Resolved by Letter...": Correspondence of F.V. Bulgarin*], comp. by A.I. Reitblat, text prep. and comm. by N.N. Akimova and A.I. Reitblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2025. 816 p. (In Russ.)

2. Denisko, L.M. *Avtografi na knigakh iz kolletsiï ridkisnikh vidan' Natsional'noï biblioteki Ukraïni imeni V.I. Vernads'kogo: katalog* [*Autographs on Books from the Collection of Rare Editions from the V.I. Vernadsky National Library of Ukraine: Catalogue*]. Kyiv, National Library of Ukraine Publ., 2007. 264 p. (In Ukrainian)

3. *Katalog lichnykh arkhivnykh fondov otechestvennykh istorikov* [*Catalogue of Personal Archival Collections of Domestic Historians*], issue 2: Pervaia polovina XIX veka [The First Half of the 19th Century], comp. T.V. Medvedeva, and M.P. Mironenko. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007. 720 p. (In Russ.)

4. Kaupuzh, A. "Nekotorye dopolnitel'nye svedeniia o litovskikh deiateliakh kul'tury nachala XIX veka v pis'makh professora russkoi slovesnosti Vilenskogo universiteta

I.N. Loboiko” [“Some Additional Information about Lithuanian Cultural Figures of the Early 19th Century in the Letters of I.N. Loboyko, Professor of Russian Literature at Vilnius University”]. *Nauchnye doklady vysshikh uchebnykh zavedenii Litovskoi SSR. Literatura* [*Scientific Reports of Higher Educational Institutions of the Lithuanian SSR. Literature*], issue 6. Vilnius, [S. n.], 1963, pp. 207–221. (In Russ.)

5. Loboiko, I.N. *Moi vospominaniia. Moi zapiski* [*My Memories. My Notes*], introd. article, prep. and comm. by A.I. Reitblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 323 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 19.11.2025
Одобрена после рецензирования: 10.12.2025
Дата публикации: 25.03.2026

The article was submitted: 19.11.2025
Approved after reviewing: 10.12.2025
Date of publication: 25.03.2026

Литературный факт. 2026. № 1 (39)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 1 (39), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-39-61
https://elibrary.ru/WLAOKC

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (39), 2026

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Воспоминания И.Н. Лобойко о Булгарине и Сенковском

© 2026, А.И. Рейтблат
Новое литературное обозрение,
Москва, Россия

Аннотация: В публикации представлены главы из неизданной редакции воспоминаний историка и филолога, профессора Виленского университета Ивана Николаевича Лобойко (1786–1861), посвященные двум крупным фигурам литературной жизни первой половины XIX в. — писателям и журналистам Фаддею Булгарину и Осипу Сенковскому. По сравнению с опубликованными мемуарами Лобойко эти более поздние (1858–1861) очерки гораздо подробнее, содержат новые детали, передают изменившиеся авторские оценки его коллег по литературному цеху. Лобойко пишет о хорошо знакомой ему учено-преподавательской и отчасти дипломатической среде, вспоминает детали литературной жизни Петербурга, преимущественно 1820-х гг. Публикация снабжена необходимыми историческими и историко-литературными примечаниями.

Ключевые слова: мемуары, И.Н. Лобойко, Ф.В. Булгарин, О.И. Сенковский, биография писателя, литературная жизнь России первой половины XIX в., архивные документы.

Информация об авторе: Абрам Ильич Рейтблат — кандидат педагогических наук, редактор журнала «Новое литературное обозрение», Тверской б-р, д. 13, 123104 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4957-7401

E-mail: reitblat@nlobooks.ru

Для цитирования: *Рейтблат А.И.* Воспоминания И.Н. Лобойко о Булгарине и Сенковском // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 39–61. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-39-61

И.Н. Лобойко. Главы из воспоминаний

ФАДДЕЙ БУЛГАРИН

В 1817 году прибыли в Петербург искать счастия два поляка, один из Испании, другой из Константинополя; один отставным французским капитаном, другой ориенталистом. Оба не тверды были по приезде в Петербург в русском слоге; оба, вошедши в связи с русскими литераторами и учеными, которые руководствовали их в первых опытах, не только сделались сами отличными русскими писателями, но, овладев кормилом русской литературы, явились во главе первых русских журналистов, публицистов, критиков, беллетристов и даже реформаторов русского языка и слога. Это были Tadeusz Bułgaryn i Joseph Sękowski, издатель «Библиотеки для чтения».

Фаддей Венедиктович Булгарин первоначально обучался в малолетстве в доме родителей своих, в Белоруссии; потом отдан был в Первый кадетский корпус, откуда выпущен офицером в уланский полк, состоящий под командою Цесаревича Великого князя Константина Павловича. Одаренный телесными и умственными совершенствами, человек молодой, красивый, с военным воспитанием, мог бы он сделаться блистательным генералом, но страсть к поэзии, к сатире, к эпиграмме, которыми колол он своих товарищей, не щадя и начальников, расстроила его судьбу и совратила его с блестящего пути.

Булгарин не замечал, что он нажил врагов, которые искали случая проучить его за насмешки. Это было не трудно. Великий князь назначил однажды великолепный смотр своему уланскому полку, к которому принадлежал Булгарин. Когда полк стал на месте, пошел проливной дождь. Цесаревич напрасно ожидал, чтоб он перестал, и с гневом уехал. Булгарин по этому поводу не пропустил написать какие-то стишки, похожие на эти:

Какой ужасный, грозный вид!
Мне кажется, лишь молвит слово,
Законы, трон, все пасть готово.
Не бойтесь! Он на дождь сердит.

Стишки Булгарина на этот случай показаны были цесаревичу, как неслыханная дерзость и оскорбление величества. Великий князь велел его арестовать и посадить в Шлиссельбургскую крепость. Это

было, вероятно, в 1808 году, когда поляки порывались комплектовать Наполеонову армию. Булгарин, находясь в заключении, постановил, как скоро он освободится, взять отставку и перейти во французскую службу. Здесь досталось служить ему служить в Испании, и по этому поводу напечатаны им в Петербурге в 1823 году воспоминания его об Испании.

По низвержении Наполеона поляки из французской армии были уволены и должны были искать себе места по разным странам света. Булгарин имел благоразумие возвратиться на родину и оттуда в Вильну, которая долгое время была еще похожею на столицу Великого княжества Литовского. Здесь искал он путей к счастию, работал для польских журналов, печатал в них свои польские стихи, искал связей с богатыми и дружбы адвокатов. Последние заняты были огромным процессом, заведенным между Парчевским и богатым Булгариным, сказывали, не родственником его, а только однофамильцем.

Виленские адвокаты умели вести дела превосходно, пока можно было обойтись без русского языка; но как скоро процесс переходил в Сенат, где с польским языком делать было нечего, тогда надобно было найти человека, знающего по-русски. Желая поправить положение Булгарина, виленские адвокаты рекомендовали его богатому Булгарину, который по совету их принял его вроде поверенного и содержал на своем иждивении в Петербурге. Фаддей Венедиктович по этому поводу поселился в Петербурге, жил прилично, угощал литераторов и старался утвердиться в русском слоге, с тем чтобы быть самому автором. Ходатайствуя по тяжбе, им принятой, он посещал сенаторов, между которыми всего легче было ему приобресть благорасположение графа Дмитрия Ивановича Хвостова. Стоило только перебрать его стихотворения, похвалить то или другое, выслушать исправленный перевод его в стихах расиновой трагедии «Андромаха», и тогда можно было уже обращаться с ним запросто.

Булгарин, познакомившись посредством графа Хвостова с Н.И. Гнедичем, И.А. Крыловым, А.Е. Измайловым и Ф.Н. Глинкой, — поэтами, приобретшими уже заслуженную известность, хотел войти в связи и с новыми писателями. Почти все они соединились в Обществе любителей российской словесности, коего президентом был Ф.Н. Глинка, встречавшийся с Булгариным в нескольких домах, где любили русскую и французскую словесность и где Булгарин умел удивить памятью своею, декламируя русские и французские стихи. Глинка предложил его в члены общества, но для этого по уставу должно было представить обществу для прочтения в заседании ка-

кой-либо опыт литературных своих способностей. Булгарин вознамерился подать в Общество обозрение польской словесности. И как он до тех пор ничего не издавал по-русски и сам знал, что он наделает много ошибок в слоге, то просил меня поправить ему эту статью. В ней так много было ошибок, что невозможно было оставить ни одной живой строки. Я поправил ему не только слог, но и промахи содержания. Я прибыл недавно перед тем из Варшавы, и польская литература по знакомству моему с Феликсом Бентковским, автором истории польской литературы, мне лучше была известною, чем Булгарину. По протекции графа Хвостова и президента общества Булгарин принят за эту статью в члены.

Важнейшим моментом в жизни Булгарина почитаю я знакомство его с Гречем, под покровом коего он с 1820 года и поныне благоденствует. Я и в этом случае оказал Булгарину услугу, считая ее самым обыкновенным делом. Однажды Булгарин декламировал при мне сатиру Воейкова о благородстве, помещенную им в Собрании образцовых сочинений, изданных им в 12 частях в 1815–17 г. Я спросил Булгарина, знает ли он сочинителя. — «Нет». — «Так я вас с ним познакомлю. Он теперь (в 1821 году) сотрудником Греча в издании “Сына Отечества”, а он познакомит вас с Гречем, хотя и я с ним коротко знаком». Это было в то время, когда Воейков оставил Дерпт, поселился в Петербурге и, напугав Греча, что он при помощи могущественных своих друзей А.И. Тургенева и В.А. Жуковского станет издавать свой журнал, если Греч не согласится принять его в сотрудники, принудил его поделиться с ним доходами от издания «Сына Отечества», уверив его, что он собрал богатые запасы для журнала и может располагать всеми московскими литераторами.

Воейков, будучи вначале в большой приязни с Гречем, познакомил с ним Булгарина, и оба они очарованы были его живостию и остроумием. Булгарин имел все качества, которыми можно блистать в лучших обществах. Он свободно говорил по-французски, знал Париж и Европу, пел французские куплеты, перенятые им в службе от французских офицеров, сыпал каламбурами, декламировал русские, французские и польские стихи, был весел и насмешлив. Булгарин, видя, что Греч в общественном мнении несравненно стоит выше Воейкова, его сотрудника, прилепился к Гречу всею душою, следовал за ним везде, где только мог его видеть и слышать, и сделался его сотрудником и собеседником. Когда Греч введением в Петербург ланкастерских школ, тогда еще у нас неизвестных, обратил на себя высочайшее внимание Государыни Марии Феодоровны, она удостоила его поручением учредить их

в Павловске и Гатчине в заведениях Воспитательного дома. Греч пригласил Булгарина сопутствовать ему, явился с ним в Павловске в ресторацию, наполненную лейб-гусарами, кавалергардами, князьями, графами, из которых никто не знал Греча и едва ли было им разбирать «Сын Отечества». Это были люди гордые, недоступные. Греч никого не боялся. Он тотчас заставил их говорить с ним смелыми и остроумными шутками и удивил всех необыкновенною ловкостию в ответах и вопросах и, объясняясь с одними по-французски, с другими по-немецки и по-русски, ему все равно, увлек их в самый живой и веселый разговор. «Да кто он?», — спрашивали гвардейцы один другого. «Это сущий сатана. Он все знает. Спросите его товарища». Булгарин отвечал: «Эх, господа! Неужели вы не догадались, что это Греч, издатель “Сына Отечества”». Этот анекдот рассказан был им нам по приезде их в Петербург. Так Булгарин наблюдал каждое слово, каждый поступок Греча и в кругу друзей его передавал им все его похождения, которыми они всегда восхищены были.

Участие Воейкова в издании «Сына Отечества», начавшееся с 1821 года, прекратилось в марте 1822 года. Греч, видя, что Воейков не доставляет ему, как он обещал, большой помощи, не скрывал этого от Булгарина, а сей утвердил его в намерении разделаться с Воейковым. В то же время Булгарин задумал издавать «Северный архив», заимствуя материалы из фамильных архивов петербургских вельмож. Греч охотно поддержал его в этом предприятии, имея в виду, что этот журнал печататься будет в собственной его типографии, для которой он всегда искал работы, и что если Гречу и нужно будет поправлять Булгарину слог, в котором он еще тогда не утвердился, то для кратких объяснений при издании готовых материалов не много это будет ему стоить труда. От «Северного архива» Булгарин перешел к «Северной пчеле», которая с 1825 года и поныне в 1858 <году> печатается в той же типографии.

Первые три года, в которые Булгарин издавал «Северный архив» один, научился он у Греча практически русской грамматике, правописанию и слогу и, сделавшись вместе с Гречем (с 1825) издателем «Северной пчелы», обратил эти сведения на поражение всех выходивших в его время книг, из коих наилучшею его добычею были для него самые слабые. Тут-то смело обругать мог он авторов, позабавиться, поостриться и потешить гостинодворскую публику. Он не пропускал и ученых сочинений, но не занимался их содержанием, а нападал только со всею яростию на ошибки в русском синтаксисе, в фразеологии и падежах и, действуя под эгидою Греча, поступал смело и своенравно.

Министерство народного просвещения положило тогда правилом ограничить число русских журналов и запретить им заниматься иностранною политикою, лишило их занимательности. Одна только «Северная пчела» пользовалась свободою и доверием правительства и сделалась первенствующим и господствующим журналом. Ее только голос повсюду раздавался. Греч, работавший до того времени 25 лет над журналами, устал, поехал путешествовать за границу и дал Булгарину полную волю, который, несмотря на свои ограниченные познания, сделался первым рецензентом. Поднявшись на эту высоту, он беспощадно обращался с самыми основательными и заслуженными писателями и подавил насмешками своими и пересудами много талантов, подобных Гоголеву, и только для того, чтобы показать другим, как он силен и грозен! Не по этому ли поводу Пушкин пустил в народ следующую эпиграмму:

Не то беда, что ты поляк;
Косцюшко лях, Мицкевич лях;
По мне, пожалуй, будь татарин,
И тут не вижу я стыда;
Будь жид и это не беда,
Но то беда, что ты Фаддей Булгарин.

Нельзя не удивляться, приводя все это на память, что тот, который не был природным россиянином и до 1820 года не умел правильно писать по-русски, сделался с 1825 года корифеем русской словесности, любимым русским автором и во многом превзошедшим своего наставника и руководителя Греча, не только литературными успехами, но и приобретением такого состояния, которого литературою не наживал в России ни один русский писатель. Почти 40 лет Булгарин стоит твердо и торжественно, и «Северная пчела» доставляет ему капитал, на который купил он близь Дерпта два имения, стоящие до 100 тысяч рублей. Но к этому способствовала женитьба его на бедной иностранной девушке, приехавшей с теткою своею в 1822 году из Данцига морем в Петербург. Булгарин, прохаживаясь в это время по вечерам на Невском проспекте, засматривал дамам под шляпки и разговорился с этими по-немецки. Тот же вечер приглашены они были к нему на чай на квартиру его в Офицерской улице и тогда же у него поселились. Тетушка начала управлять хозяйством Булгарина, потом доходами от его журналов и составила ему значительный капитал. До того времени он был расточителен,

она умела его ограничить. Булгарин, видя преуспеяние своего благосостояния, решился из признательности жениться на племяннице и тем основал и утвердил семейственное свое счастие.

ОРИЕНТАЛИСТ СЕНКОВСКИЙ

Осип Иванович Сенковский родом из Вилькомирского уезда, причисленного теперь к Ковенской губернии, воспитывался в Вильне, сперва в гимназии, а потом в университете, по филологическому отделению, и под руководством знаменитого профессора Гроддека усовершился в древней классической словесности греческой и латинской. В этом отделении также отличные наставники преподавали французскую, италианскую, аглинскую литературу. Сенковский успевал во всех языках, выключая немецкого, которого вообще поляки не любили. Он был недостаточного состояния, и потому поддерживали его богатые товарищи. Сенковский знал уже в университете основательно французский язык и охотно общался с теми, с которыми он мог говорить по-французски, а особенно с женщинами. Студенты познакомили его с одною монастыркою, бывшею резиденткою в женском бенедектинском монастыре. Резидентками у поляков назывались те, кои в женских монастырях нанимали свободные комнаты, а особливо девицы, оставшиеся в сиротстве, чтоб устранить от себя сомнение насчет их нравственности. Товарищи его, заметив, что он затрудняется в своем содержании, советовали ему жениться на этой резидентке, за которою считалось до 20 тысяч злотых. Сенковский, которому нравилась эта особа живостию своего характера и тем, что она бегло и остроумно говорила по-французски, решился на ней жениться. Молодые супруги, полагая, что их состояния достанет на все прихоти, развернули широкий план жизни, но, к удивлению своему, увидели, что через два-три года капитал их истощился. Тут наступили долги, лишения и супружеские ссоры. Контрым, университетский библиотекарь, к которому прибегали студенты во всех затруднениях, утомясь мирить Сенковского с женою, советовал ему оставить ее и поискать счастия другим путем. Он дал ему мысль отправиться в Константинополь, научиться восточным языкам и, когда он возвратится в Вильну, он может иметь верную надежду быть в университете профессором восточных языков. «Но чем я поеду? У меня нет денег». «Я уже об этом думал, — сказал Контрым. — Мы выпросим тебе рекомендательное письмо у военного генерал-губернатора Римского-Корсакова к российскому посланнику в Константинополе барону Строгонову, который с ним в дружбе.

Ты получишь в его канцелярии место с жалованьем, можешь там учиться восточным языкам, а на проезд в Константинополь мы найдем тебе деньги. Пусть сыграют в пользу твою на виленском театре два раза, и этот сбор будет для тебя достаточен». Все это хорошо было придумано и увенчалось успехом. Барон Строгонов причислил Сенковского к своей канцелярии с жалованьем 750 р. сер<ебром> и позволил ему путешествовать для изучения восточных языков.

Сенковский два года провел в путешествии по Сирии, в Архипелаге и Египте и, возвратясь в Константинополь, начал учиться по-русски; так он мне сказывал.

По случаю разрыва с Турциею барон Строгонов с своею канцеляриею возвратился в Петербург. Сенковский причислен был к Министерству иностранных дел с сохранением получаемого им в Константинополе жалованья. Отправляясь оттуда в Петербург, он прибыл морем в Триест и направил путь свой чрез Вильну. Генерал-губернатор Римский-Корсаков очень доволен был, что его ходатайство у барона Строгонова имело столь важные последствия для Сенковского. Он обращался с ним уже не как с студентом университета, но как с чиновником посольства, ориенталистом и путешественником по восточным странам, охотно заставлял его рассказывать о странствиях и пригласил его постоянно бывать на обеде и по вечерам за чаем, и как скоро он не являлся, генерал-губернатор тотчас напоминал ему. Однажды собрались у него на чай гости. Корсаков спросил: «А что ж нет Сенковского?» Адъютанты отвечали, что он в этот вечер пошел на чай к Малевскому. Ректор Малевский известен бы в Вильне своею скупостию, и по этому поводу придумано было насчет его много забавных случаев. «Так вот как! — сказал Корсаков. — Надо было отправиться в Константинополь, объездить Архипелаг, странствовать в Сирии и Египте и научиться восточным языкам, чтоб быть приглашену к Малевскому на чай». Малевский был сам веселый и добродушный старик и не обижался подобными шутками. Все, что я сообщаю, известно было всему городу в Вильне.

По окончании отпуска Сенковский прибыл в Петербург. Здесь познакомили меня с ним поляки, с коими по приезде моем из Варшавы я охотно обращался. Сенковский пожелал познакомиться с русскими писателями, и я прежде всего познакомил его в Императорской публичной библиотеке с библиотекарями. В Петербурге до самого поступления своего в профессоры университета, т. е. с 1817 до 1822 года Сенковский ничем известен не был. Он знакомился с русскими учеными, но это не с тем, чтобы сделаться самому,

как Булгарин, русским писателем или журналистом; об этом он тогда вовсе не думал, даже не искал чести быть принятым в члены С. Петербургского высочайше утвержденного общества любителей российской словесности. Он не свободно говорил тогда еще говорил по-русски, и когда я его спросил, где он по-русски учился, он ответил: «В Константинополе». Но отличное его описание его путешествия на Восток, знание восточных и европейских языков, а особливо французского, на котором он начал уже издавать первые свои опыты, и служение в Министерстве иностранных дел доставили ему самые блестящие знакомства, хотя они и не доставили ему никакой известности в столице.

В 1821 году вдруг заговорили в Петербурге о Сенковском, ставя его в пример необыкновенного счастия и удачи, и это по следующему поводу.

После потрясения С. Петербургского университета д<ействительный> ст<атский> советник Рунич, поступивший на место попечителя, с<татского> с<оветника>Уварова, довел оное до высшей степени, вместе с Кавелиным, директором Педагогического института, он изгнал достойнейших профессоров, и в том числе ориенталистов Деманжа и Шармуа. Последние обратились к французскому посланнику, который по жалобе их потребовал от русского министра иностранных дел доставить ему судебный приговор, их постигший. Министр князь Голицын не знал, как защитить Рунича и оправдаться перед Государем. Государь император, наскучив обоюдными объяснениями обвинителей и обвиняемых и желая успокоить французского посланника, велел учредить при Министерстве иностранных дел Институт восточных языков и причислить к нему профессоров Шармуа и Деманжа. Князь Голицын, по словам Рунича, уверил Государя, что на место их вскоре приискать можно в университет других, но, когда дошло до дела, Рунич встретил величайшее затруднение. Граф Грабовский, статс-секретарь Царства Польского, и правитель его канцелярии Туркулл, пользуясь сим случаем, рекомендовали попечителю университета чиновника константинопольской миссии Сенковского как ориенталиста, самого способного занять профессорское место. Сенковский с первого свидания с Руничем умел ему понравиться и особенно тем, что дал ему волю целый час говорить, не прерывая его ни на минуту. После этой беседы Рунич всем объявил, что Сенковский ученейший человек.

Сенковский, пользуясь этим расположением попечителя, а разом и обстоятельствами, в кои поставил себя министр просвещения князь Голицын, предложил Руничу следующие условия: он готов

принять на себя преподавание восточных языков по обоим кафедрам с двойным окладом жалованья, но просит сохранить для него получаемое им жалованье и по Министерству иностранных дел. На все это Рунич был согласен, но требовал, чтоб Сенковский для доклада министру и Государю представил от Академии наук удостоверение в познании восточных языков.

Сенковский обратился к знаменитому ориенталисту академку Френу, не говоря ему, что это свидетельство нужно ему для занятия кафедры восточных языков; и потому Френ экзаменовал его не как драгомана, и когда Сенковский утвержден был профессором, Френ шутя сказывал нам: «О, если бы я это знал, я не так бы экзаменовал его!».

Сенковский, сделавшись профессором восточных языков в Петербургском университете, желал привлечь к себе как можно больше слушателей, обнадеживая, что они по окончании курса поступят в ведомство Министерства иностранных дел, но охотников в Петербурге было мало; тогда он обратился ко мне письменно в Вильну в то время, как я уже был там профессором университета. Я сделал на лекции приглашение, и человек до 10, наиболее кандидатов филологического факультета, где основательное изучение латинской и греческой литературы было главным предметом, изъявили желание. Все они были с отличными познаниями и способностями, а некоторые из них издали уже свои переводы и сочинения. Я составил их список вроде формуляра с отметками их успехов в науках и послал его Сенковскому[1]. Невозможно было сделать лучшего выбора, но в 1823 году началось следствие над виленскими студентами, по случаю открытия между ними тайного общества, и Сенковский, сперва столько обрадованный, по прошествии некоторого времени отвечал мне, что до окончания следствия никого из виленских студентов принять нельзя.

По окончании следствия из этих 10-ти студентов двое только поступило для изучения восточных языков: Иосиф Ковалевский сделался потом в сем университете профессором монгольского языка, а Верниковский преподавателем арабского языка.

В 1823 году приезжал я из Вильны в Петербург. Профессор Сенковский предложил мне посетить Булгарина на даче. Мы застали его над «Северным архивом», коего был он издателем. Булгарин обращался с нами как с давними друзьями, не скрывал от нас своих затруднений и спрашивал у нас объяснений то на то, то на другое.

[1] По этому поводу зашла у нас переписка. Я удивлялся, что Сенковский пишет по-русски так свободно и правильно. Этого я никак не ожидал от него. (*Примеч. Н. Лобойко*.)

Мы тотчас разрешили все его недоумения. Возвращаясь от него домой, Сенковский сказал мне: «Я удивляюсь, как можно с такими бедными познаниями быть журналистом!»

В 1824 году я опять приезжал в Петербург и по приглашению Сенковского остановился у него на квартире, занимаемой им в университете в 12 коллегиях. Я пробыл вместе с ним около 6 недель, во время вакаций.

До тех пор я не имел настоящего понятия о его учености и начитанности; он никогда ими не хвалился; но, оставаясь один во всех комнатах, я любопытствовал знать, чем он занимается. К изумлению моему, я нашел в его кабинете так много новых и важных сочинений и журналов на аглинском, италианском, французском и других языках, что я проводил тут целые дни без выходно<го>.

Пользуясь отличным благорасположением и доверием попечителя Рунича, Сенковский исходатайствовал разрешение министра получать иностранные запрещенные журналы, какие тогда были в наибольшей славе, и профессору Сенковскому были они прежде всех доставляемы.

Года через два Сенковский испросил у попечителя Рунича поручение обозреть белорусские училища. Здесь он с жестокостию нападал на базилианские училища и, конечно, был причиною уничтожения училищ и самого ордена.

В то же время занимала его мысль развестись с первою своею женою, с которою он никак не мог ужиться после нескольких опытов примирения. Она не противилась, желала только, чтобы обеспечено было ее положение. Сенковский, имея в виду жениться на баронессе Раль, дочери с<анкт->п<етер>бургского банкира, готов был на всякое пожертвование. С этим намерением сделал он поездку из Белоруссии в Вильну и остановился у меня в университете на квартире. Я, пользуясь благорасположением епископа Клонгевича и прочих членов римско-католической консистории, облегчил ему формальности развода, который тогда же был окончен.

При начатии в Турции войны, кончившейся в 1829 году, Сенковский желал воспользоваться ею для своего возвышения и служить в канцелярии главнокомандующего. С этой целию издал он турецкие разговоры для русских офицеров, участвовавших в сей войне, но его не приглашали.

С 1830 года Сенковский чувствовал себя в полной силе авторства. Его «Фантастические путешествия», изданные под именем Барона Брамбеуса, сделали его известным во всей России. Этот роман сравнивали с Вольтеровыми. Хотя пример Булгарина, решившегося так

скоро и с такими ограниченными познаниями <издавать журнал>, не выходил у Сенковского из памяти, но, занятый преподаванием в университете лекций и опасаясь соперничества со стороны профессоров Восточного института, не прежде мог решиться на издание своего журнала, как утвердив свою репутацию в звании профессора восточных языков и после долговременного и основательного приготовления.

С 1834 года начал он издавать «Библиотеку для чтения», знаменитый русский журнал, отличающийся необыкновенною занимательностью, новостию и привлекательною ученостью. До тех пор русская публика с ужасом отступала от ученых журналов. Булгарин угадал ее вкус, шутил над учеными и забавлял ее насмешливыми рецензиями. Сенковский именно ученостию доставил своему журналу первенство и уважение, которыми он и поныне пользуется, избирая в области ее все то, что в высших кругах, при Дворе, в парижских гостиных наиболее возбуждало любопытства, и облекая сообщаемые им сведения в энциклопедическую форму Дидерота и Вольтера. Он умел отыскать и новых русских поэтов и беллетристов, и специальных ученых и путешественников, и первый из журналистов давал им самые богатые премии. Обращаясь с дипломатическими чиновниками, с особами, имеющими доступ ко Двору, он получал от них все новости, книги, брошюры, журналы; сим же путем известны ему все аристократические тайны царедворцев. Несмотря на то, он совершенно отказался от политики, потому что правительство неохотно наше смотрело на чиновников, занимающихся ею, и только двум или трем русским журналам позволено было сообщать иностранные известия. Но, занимаясь своим журналом, Сенковский не отличался ревностию в преподавании восточных языков и очень доволен был, если у него не было более двух слушателей. С прибытием из путешествия по Востоку Антона Мухлинского, также воспитанника Виленского университета, поступившего к Сенковскому в адъюнкты, число слушателей лекций восточных языков увеличилось. Мухлинский был настоящим ориенталистом и ничем посторонним не занимался.

Университетское начальство видело это, но из уважения к авторской славе Сенковского обращалось с ним снисходительно и не мешало ему посвящать все способности на издание журнала. Обыкновенно Сенковский просиживал за ним целые ночи и спал с рассвета до полудня. Когда я спросил в 1839 году Сенковского, кого он из профессоров университета в числе товарищей своих почитает ученейшим и даровитейшим, он отвечал мне: «Я никого из них не знаю». Это сказано без притворства.

Сенковский имел замечательное влияние на русский слог. Желая отличиться оригинальностию своих правил, он утверждал, что надобно писать так, как говорят, приводя в пример переписку тверских помещиков, в шутку; поэтому периоды, а особливо длинные, со многими вставочными предложениями, ни в каком случае не должны быть терпимы. Ему возражали, что письменный язык у всех образованных народов отличается от разговорного; что, избегая периодов, надобно в письме в десять раз более употреблять слов, чем в периодической речи. Ему также мы обязаны изгнанием слов: сей; кои; оный; поелику; ибо; нежели; тем паче; вместо коих стали употреблять: этот; который; он и его; так как; потому что; более или менее чем; тем более; что принято было и в министерствах, и в бумагах, исходящих от верховной власти. Нынче опять начинают возвращаться к старине.

Сенковский, так же, как и Булгарин, не гонялся за чинами и орденами. Авторство открыло им обоим путь к обогащению, и более они и не желали.

Публикуется по рукописи: Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 109–116; Л. 123–133 об. Благодарю К.В. Проничеву за предоставленную копию текста. Описание тетради с поздней версией мемуаров Лобойко см.: [5].

[1] Вписано вместо зачеркнутого «1816».

[2] Лобойко ошибся. Булгарин воевал в Испании в 1811 г., но потом он участвовал в походе наполеоновской армии в Россию, затем в военных действиях в Европе, был взят в плен в 1814 г., потом жил в Вильне, в 1816 г. на несколько месяцев приезжал в Петербург в связи с процессом двоюродного дяди и лишь с 1819 г. обосновался в Петербурге.

[3] И здесь у Лобойко ошибка. Сенковский находился в Константинополе в 1819–1820 гг., потом путешествовал по Востоку и приехал в Петербург только в октябре 1821 г.

[4] Здесь: власть, управление (*устар.*).

[5] Правильно: Bułharyn.

[6] Правильно: Józef.

[7] Булгарин в 1798 г. поступил в Сухопутный кадетский шляхетный корпус, в 1800 г. переименованный в 1-й кадетский корпус, в 1806 г. окончил его и был выпущен в Уланский великого князя Константина Павловича полк. Великий князь Константин Павлович был шефом полка, а командиром его в это время являлся генерал-майор барон Е.И. Меллер-Закомельский.

[8] Процитирована эпиграмма И.И. Дмитриева «К портрету» (1803). Лобойко имеет в виду несохранившиеся сатирические стихи Булгарина на великого князя Константина Павловича, несколько строк из которых процитировал Н.И. Греч в своих воспоминаниях:

Трепещет Стрельна вся, повсюду ужас, страх.

Неужели землетрясенье?

Нет! нет! великий князь ведет нас на ученье.

[9] На самом деле в Кронштадтскую.

[10] Это произошло в 1809 г.

[11] См.: *Булгарин Ф.В.* Воспоминания об Испании. СПб.: В тип. Н. Греча, 1823. [6], 186, IV с.

[12] Великое княжество Литовское — восточноевропейское государство, существовавшее с середины XIII в. по 1795 г. С 1386 г. находилось в личной унии с Королевством Польским, а в 1569 г. в результате сеймовой унии с ним образовало Речь Посполитую. В ходе третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. территория княжества вошла в состав Российской империи.

[13] Возможно, тут аллюзия на стихотворение Булгарина (на польском языке) «Droga do szczęścia» (Tygodnik Wileński. 1819. № 134), которое Рылеев перевел под названием «Путь к счастию» (*Рылеев К.Ф.* Полн. собр. соч. М.: Academia, 1934. С. 273–277). На основании этого перевода, прочитанного вслух на заседании общества 25 апреля 1825 г., Рылеев был принят в члены Общества любителей российской словесности (см.: [1, с. 225, 397]).

[14] Под своей фамилией Булгарин поместил лишь три стихотворных произведения: сатиру «Droga do szczęścia», «Cuda» (Tygodnik Wileński. 1819. № 135) и «Do Kaspra Kiełczewskiego» (Там же. № 138).

[15] Лобойко неточен. У богатого помещика Антония Жуковского были сестры Варвара (вышедшая замуж за двоюродного брата отца Ф.В. Булгарина Павла Булгарина) и Екатерина (вышедшая замуж за подполковника Антония Парчевского). После смерти Жуковского, дети которого вскоре умерли, по Литовскому статуту (своду законов, действовавших тогда в Великом княжестве Литовском) наследовать ему должны были его сестры. Однако вдова Жуковского, вышедшая замуж за камер-юнкера графа Станислава Тышкевича, не отдавала имение. Поэтому в 1815 г. начался процесс, который затянулся надолго. Дело слушалось в Вильно, потом перешло в Сенат, который рассматривал его в 1816 г. и вернул опять в Вильно. В дальнейшем Сенат не раз возвращался к обсуждению этого дела, из-за разногласий сенаторов оно в 1825 г. перешло в Государственный совет, вынесший в 1826 г. решение в пользу Булгариных и малолетнего Парчевского (его родители к тому времени умерли), которые должны были получить имения в Виленской и Могилевской губерниях. Император утвердил решение 13 июня 1826 г. Однако теперь начался новый процесс, связанный с разделом наследства. Павел Булгарин в 1829 г. умер, так и не получив его. В 1830 г. дело опять несколько раз слушалось в Сенате, а последний указ Сената по этому делу датирован январем 1831 г. См. материалы судебного дела (более 2000 листов): РГИА. Ф. 1347. Оп. 65. Ед. хр. 1070.

[16] Хвостов после первого издания перевода несколько раз правил его, см.: Расин Ж. Андромаха: трагедия / пер. Д.И. Хвостов. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1794. [12], 98, [2] с.; Он же. Андромаха: трагедия в пяти действиях, в стихах / пер. графа Д. Хвостова. 5-е изд.. СПб.: В тип. Императорского Воспитательного дома, 1821. XLIII, [1], 283, [4] с.

[17] Ф.Н. Глинка был председателем Общества любителей российской словесности в 1819–1825 гг.

[18] Благодаря хорошему знанию иностранных языков Лобойко получил в августе 1815 г. место в Варшаве — чиновника по особым поручениям у наместника в Царстве Польском В.С. Ланского. Но в конце 1815 г. власть в Царстве Польском была передана польской администрации, и Лобойко, как и другие российские чиновники, оказался не у дел; ему пришлось в феврале 1816 г. перейти на службу в Петербург.

[19] Феликс Бентковский (Feliks Bentkowski; 1781–1852) — польский историк литературы, библиограф, нумизмат и журналист, автор книги «Historya literatury polskiej wystawiona w spisie dzieł drukiem ogłoszonych [История польской литературы в форме списка опубликованных произведений]», t. 1–2 (Warszawa, 1814).

[20] Далее зачеркнуто: «который до сего времени вовсе не думал быть русским писателем».

[21] Статья «Краткое обозрение польской словесности» в «Сыне Отечества» (1820. № 31, 32) была первой публикацией Булгарина в русской печати, но для вступления в Вольное общество любителей российской словесности он представил перевод с польского статьи И. Лелевеля «Известия о древнейших историках польских и в особенности о Кадлубке, в опровержение Шлецера» и был принят в общество 21 марта 1821 г.

[22] Сверху надписано карандашом: «в 1858».

[23] Исправлено из «1820».

[24] В первой версии своих воспоминаний Лобойко писал: «Желая доставить Воейкову удовольствие, которое каждый поэт испытывает, когда неожиданно декламируют ему лучшие его стихи, я представил ему Булгарина, который тотчас продекламировал ему сатиру его о благородстве. Это восхитило его, тем более что от поляка, возвратившегося из Франции, этого ожидать нельзя было. Воейков познакомил его с Н.И. Гречем, хотя и я мог бы это сделать» [4, с. 65]. Если Лобойко имел в виду, что, долго находясь за границей, Булгарин мог не знать это произведение, то он ошибается. Нашумевшее стихотворение А.Ф. Воейкова «Сатира к С[пранскому] об истинном благородстве» было опубликовано в «Вестнике Европы» в 1806 г. (№ 19), а Булгарин покинул Россию только через 5 лет после этого.

[25] А.Ф. Воейков служил профессором русской словесности в Дерптском университете с 1814-го до сентября 1820 г.

[26] В 1817 г., находясь в Париже, Н.И. Греч познакомился с ланкастерской системой обучения. Этот метод преподавания, получивший в Европе популярность, заключался в том, что под руководством учителя учащихся обучали старшие и более успевающие ученики, причем без учебников, а с помощью таблиц, развешанных на стенах. По возвращении в Россию Греч всячески пропагандировал школы взаимного обучения и готовил учебные пособия (см.: *<Греч Н.И.>* Ланкастерские школы // Сын Отечества. 1818. № 31–33 (без подписи); *Он же*. Руководство ко взаимному обучению. СПб., 1819). В 1819 г. ему было поручено устройство и управление классов взаимного обучения под высочайшим ведением императрицы Марии Федоровны в императорских Санкт-Петербургском и Гатчинском воспитательных домах и в училищах солдатских дочерей лейб-гвардии Семеновского, Егерского и Московского полков.

[27] Неточно. А.Ф. Воейков был соредактором Греча в «Сыне Отечества» с середины 1820 г. по 1821 г.

[28] Греч купил типографию в 1816 г.

[29] Булгарин создал «Северный архив» в 1822 г. Содержание журнала далеко не исчерпывалось публикацией документов из семейных архивов, напротив, тут помещались исторические статьи, рецензии, воспоминания, путевые записки и т.п., причем Булгарин нередко снабжал их своими предисловиями и примечаниями.

[30] С 1825 г. Булгарин издавал «Северный архив» вместе с Гречем.

[31] Тут ряд неточных утверждений. Правом печатать зарубежные политические новости и до, и после описываемого времени в царствование Николая I обладали очень немногие издания: газеты «Московские ведомости», «С.-Петербургские ведомости», «Русский инвалид» и журналы «Сын Отечества», «Вестник Европы». Это зависело не от Министерства народного просвещения, а непосредственно

от императора. Греч действительно нередко надолго уезжал в европейские страны в 1830–1840-х гг., но публикация рецензий от него не зависела, так как он отвечал в «Северной пчеле» за политическую часть, а Булгарин — за литературную.

[32] Эпиграмма приведена неточно. У Пушкина:

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, —
И тут не вижу я стыда;
Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.

[33] Имеются в виду имения Карлово и Саракус.

[34] Имеются в виду Елена Ивановна Иде (1808–1889), жена Ф.В. Булгарина с 1825 г., и ее тетка Елена Ивановна Видеман.

[35] Данциг в то время принадлежал Пруссии, ныне — польский город Гданьск.

[36] В 1822 г. Булгарин жил в Петербурге по адресу: Офицерская ул., дом Васильевой, № 196.

[37] Вилькомирский уезд был образован в 1795 г. в составе Виленской губернии, в 1843 г. вошел в состав созданной тогда Ковенской губернии.

[38] До университета Сенковский учился не в Виленской гимназии, а очень недолго в Минском коллегиуме.

[39] Готфрид Эрнст Гроддек (1762–1826) — немецкий филолог-античник, профессор Виленского университета (1804–1826). Муж сестры матери Сенковского.

[40] Имеется в виду Мария Родзевич.

[41] Бенедиктинцы — католический монашеский орден, основанный ок. 530 г. Бенедиктом Нурсийским в Италии.

[42] В то время 1 злотый был равен 15 копейкам серебром.

[43] Казимеж Контрым (Казимир Осипович; 1776–1836) — библиотекарь Виленского университета (1809–1825), журналист.

[44] Князь Александр Михайлович Римский-Корсаков (1753–1840) — военный губернатор Литвы (1806–1809, 1812–1830).

[45] Граф (1826) Григорий Александрович Строганов (1770–1857) — дипломат, в 1816–1821 гг. — российский посланник в Турции, в 1822–1826 гг. находился в отпуске за границей, с 1827 г. — член Государственного совета.

[46] Сенковский еще в университете изучал арабский, древнееврейский и другие восточные языки. Университетское начальство планировало, что он займет в университете кафедру ориенталистики. Чтобы он мог поехать на Восток (для усовершенствования в знании языков и сбора свидетельств турецких и арабских авторов о Польше), была устроена благотворительная подписка. К собранной сумме добавились средства, предоставленные матерью Сенковского и, по некоторым сведениям, приданое его невесты, на которой он женился перед отъездом на Восток (1 сентября 1819 г.). О виленском периоде жизни Сенковского см.: [9, S. 21–54]. В Константинополь Сенковский прибыл 1 октября 1819 г., в 1820 г. он был причислен к Константинопольской миссии.

[47] Так (с прописной буквы) называли в XVIII–XIX вв. Эгейский архипелаг, то есть около пятисот островов в Эгейском море.

[48] Выехав из Константинополя в апреле 1820 г., Сенковский через Турцию, Эгейский архипелаг и Сирию добрался до Ливана, где в горном селении несколько месяцев учился у известного ориенталиста, сирийского маронита А. Арыды. Затем он отправился в Египет, осмотрел там пирамиды, поднялся к истокам Нила в Нубию и вернулся в Каир. В связи с обострением российско-турецких отношений из-за начавшегося в марте 1821 г. греческого

восстания против турок Сенковский вынужден был в июле покинуть Египет (принадлежавший Турции).

[49] Шимон Малевский (Семен Андреевич; 1759–1832) — профессор права и политической экономии, ректор Виленского университета (1816–1822).

[50] Сенковский прибыл в Петербург в октябре 1821 г. и сразу же отправился к Булгарину. Булгарин вспоминал: «На другой день по прибытии он навестил меня. Я должен был поделиться с О.И. Сенковским, как говорится, последними крохами, и он принял за то участие в моих трудах» (*Ф.Б. <Булгарин Ф.В.>* Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1858. № 95. 3 мая). Булгарин пишет, правда, что это произошло в 1823 г., но поскольку он указывает, что речь идет о прибытии Сенковского с Востока, то ясно, что имеется в виду 1821 г.

[51] В число сотрудников Императорской публичной библиотеки входили тогда литераторы А.Х. Востоков, Н.И. Гнедич, И.А. Крылов, М.Е. Лобанов, а также археограф и филолог А.И. Ермолаев.

[52] Профессором Петербургского университета Сенковский стал 26 июля 1822 г.

[53] Это не так. Уже с 1822 г. Сенковский печатал очерки и научные статьи о Востоке в «Северном архиве» и «Сыне Отечества».

[54] Ошибка. Уже 5 декабря 1821 г. Булгарин дал рекомендацию Сенковскому для вступления в Вольное общество любителей российской словесности (см. ее текст в: [7, с. 182]). В результате 19 декабря Сенковский был принят в общество (см.: [1, с. 444]). Лобойко вступил в общество в 1818 г., и присутствовал на заседаниях 5 и 19 декабря 1821 г. (см. в архиве общества, в «Делах по части секретаря»: РО ИРЛИ. Ф. 58. № 94. Л.91–91об. Благодарю за справку Алину Бодрову). Видимо, память ему изменила.

[55] В оригинале ошибочно: воспитание.

[56] См.: Отрывок письма из Греции / пер. с польск. Ф.Б. <Булгарин> // Сын Отечества. 1820. № 36. С. 129–134; Отрывки из писем Иосифа Сенковского, путешествующего по Греции / пер. с польск. Ф.Б. // Там же. 1820. № 37. С. 169–178; Отрывки из писем путешествующего на Востоке Иосифа Сенковскаго к его другу / пер. с польск. Ф.Б. // Там же. 1821. № 6. С. 260–270; Посещение пирамид // Там же. 1822. № 1. С. 16–30; № 3. С. 116–123; Перечень письма из Каира от 11/22 декабря 1821 // Там же. 1822. № 9. С. 64–71; Устье Босфора // Соревнователь просвещения и благотворения. 1822. Ч. 19. С. 39–73; Краткое начертание путешествия в Нубию и Верхнюю Эфиопию // Северный архив. 1822. № 1; Возвратный путь из Египта чрез Архипелаг в Константинополь // Северный архив. 1822. № 5. С. 421–443; № 7. С. 45–62; № 16. С. 301–320.

[57] Первые работы Сенковского, написанные на французском языке, были опубликованы после того, как он стал профессором. Ранее на французском выходили только переводы его записок о путешествии на Восток.

[58] Дмитрий Павлович Рунич (1780–1860) — попечитель Петербургского учебного округа (1821–1826).

[59] Граф (1846) Сергей Семенович Уваров (1786–1855) — попечитель Петербургского учебного округа (1811–1821), президент Академии наук (1818–1855), министр народного просвещения (1833–1849).

[60] Дмитрий Александрович Кавелин (1778–1851) — директор Главного педагогического института (1816–1819), Петербургского университета (1819–1823).

[61] Речь идет о разгроме Петербургского университета Д.П. Руничем, который предпринял «попытку заменить университет светский на университет клерикальный, полностью управляемый извне, полицейский». Рунич и М.Л. Магницкий, попечитель Казанского учебного округа, были «попечители-ревизоры, обличители обнаруженных административных “неустройств” своих предшественников и открытого ими в преподавании духа “вольнодумства

и безбожия", якобы угрожающего прочности самого государства» [2, с. 97]. В результате «расследования» из университета были изгнаны лучшие профессора (К.И. Арсеньев, М.А. Балугьянский, А.И. Галич, К.Ф. Герман, Ш. Деманж, Ф. Шармуа, Э. Раупах) и часть студентов.

[62] Жан Франсуа Деманж (1789– ?) — французский ориенталист, профессор кафедры арабского языка в петербургском Главном педагогическом институте (1817–1819), в Петербургском университете (1819–1822), затем по 1840 г. преподавал в Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, которое в быту называли Институтом восточных языков. Франсуа Бернар Шармуа (1793–1869) — профессор персидского языка в Главном педагогическом институте (1817–1819), Петербургском университете (1819–1822), Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте (1823–1835), вновь в Петербургском университете (1831–1835).

[63] Имеется в виду Пьер-Луи-Огюст Феррон, граф (1818) де Ла Ферроне (1777–1842) — французский дипломат, посол Франции в России (1819–1828), министр иностранных дел Франции (1828–1829).

[64] Имеется в виду граф Иоанн Каподистрия (1776–1831) — министр иностранных дел России (1816–1822).

[65] Суда как такового не было, никакие карательные меры, кроме увольнения, по отношению к профессорам не применялись, и они вскоре нашли другие места для продолжения службы.

[66] Князь Александр Николаевич Голицын (1773–1844) — министр духовных дел и народного просвещения (1816–1824); сенатор (1812).

[67] Александр I (1777–1825) — российский император с 1801 г.

[68] Граф (1836) Стефан Фомич Грабовский (1767–1847) — министр статс-секретарь Царства Польского с 1822 г., дивизионный генерал (1826), генерал-лейтенант (1831); член Государственного совета (1832).

[69] Игнатий Лаврентьевич Туркул (1798–1856) — главный директор канцелярии его императорского высочества статс-секретариата Царства Польского (1821–1832), товарищ министра статс-секретаря Царства Польского (1832–1839), министр статс-секретарь Царства Польского (1839–1847), член Государственного совета (1839).

[70] Христиан Мартынович Френ (1782–1851) — ориенталист, академик.

[71] Драгоман — дипломат-переводчик с восточных языков.

[72] Сенковский экзаменовался у Френа 27 ноября 1821 г. Френ дал ему такой аттестат: «Г. Сенковский в немногие годы, проведенные им на Востоке, приобрел в арабском языке столь отличные сведения, каких едва можно достигнуть после нескольких лет усидчивого изучения этого столь же богатого, как и трудного языка. Он изучил его не только практически, для разговоров, но и грамматически, в книгах и письменных памятниках этого народа; одним словом, в ученом отношении. Посвятив свое время этой сугубой цели, г. Сенковский узнал этот язык во всей его обширности и основательно. Я испытывал его в арабской грамматике и нашел его весьма знающим в этой части. Я давал ему переводить арабских писателей, и он легко переводил указанные мною места. В отношении же письма на арабском языке он показал свои сведения, сочиняя, при моих глазах, целые статьи на этом языке, которые возбудили во мне столько же удивления по легкости, с какою они были написаны, сколько доставили мне истинного удовольствия по чистоте и изящности их слога. Что касается до разговорного языка, в котором г. Сенковский особенно силен, то я не могу и меряться с ним, изучав этот язык только по книгам, рукописям и памятникам; и я чрезвычайно сожалею, что в этом отношении, не будучи законным судьею, не могу воздать должных похвал этому замечательному молодому человеку. Вообще, по своим сведениям в арабском языке, г. Сенковский совершенно способен занять с честию

и пользою кафедру этого языка и столько же может быть полезен на поприще дипломатическом. Его любовь и энтузиазм к восточным языкам, редкое усердие, которое он уже показал, и особенная способность к языкознанию, соединенные с обширными сведениями, служат ручательством прекрасных надежд на услуги, который он может оказать как на поприще дипломатических сношений Империи с Портою, так (надеюсь и желаю) и в области науки» (цит. по: *Савельев П.С.* О жизни и трудах О.И. Сенковского // Сенковский О.И. Собр. соч. СПб.: В тип. Имп. Акад. наук, 1859. Т. 1. С. XXXIV–XXXV). После экзамена в декабре 1821 г. Сенковский был определен в Коллегию иностранных дел переводчиком Константинопольской миссии.

[73] Лобойко преподавал в Виленском университете с 1822 г. до его закрытия в 1832 г. Сенковский 9 октября 1823 г. отправил Лобойко письмо с просьбой подобрать 10 студентов и выпускников Виленского университета для изучения восточных языков в Петербурге. Текст письма см.: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 103–114.

[74] Юзеф Ковалевский (Осип Михайлович; 1800–1879) — выпускник Виленского университета, филомат; впоследствии ориенталист, профессор Казанского университета (1835–1860), профессор Варшавской Главной школы с 1862 г., преобразованной в 1869 г. в Варшавский университет, где преподавал по 1878 г.

[75] Ян Непомуцен Верниковский (Иван Антонович; 1806–1877) — выпускник Виленского университета (1820), филарет. В 1827 г. был определен преподавателем арабского языка в Казанскую гимназию, преподавал также в университете латинский язык. В 1832 г. был освобожден от надзора. За то, что вписал в альбом своего товарища стихи, полные «нерасположения и неблагонамеренности к России и правительству», был арестован и в 1836 г. выслан в Вятку, преподавал там в гимназии французский язык, в 1837 г. перешел в Симбирскую гимназию, где был последовательно учителем латинского языка, инспектором и директором. Впоследствии был директором училищ Харьковской губернии, где служил по 1860 г. Преподавал в это время и в Харьковском университете.

[76] Имеется в виду здание из двенадцати одинаковых трехэтажных секций на Васильевском острове, построенное в 1730-х гг. для размещения правительственных коллегий (предшественников министерств). С 1804 г. в этом здании располагался Педагогический институт, в 1819 г. преобразованный в Петербургский университет.

[77] Базилиане — униатский монашеский орден (следующий уставу, приписываемому св. Василию Великому), основанный в виленском Троицком монастыре в начале XVII в., ставивший своей целью укрепление унии (объединения католической и православной церквей в 1596 г. на территории Речи Посполитой, по условиям которого православные признавали своим главой римского папу, но сохраняли значительную часть православных обрядов). Орден большое внимание уделял обучению и воспитанию молодежи. После ряда указов (последний был в 1831 г.) все базилианские монастыри в Российской империи были закрыты, осталось лишь 5 монастырей в Царстве Польском.

[78] В июле 1826 г. Министерство народного просвещения поручило Сенковскому как члену Училищного комитета Петербургского учебного округа проинспектировать школы в Белоруссии (в Витебской и Могилевской губерниях), переданные в 1825 г. из Виленского в Петербургский учебный округ. В отчете о ревизии, продолжавшейся пять месяцев, он писал о полонизации края, осуществляемой школами при монастырях различных католических орденов, и представил проект организации образования в крае, предлагая открыть вместо духовных школ светские и уделять особое внимание преподаванию русского языка. Этот отчет был с негодованием воспринят в Польше и на территории бывшего Великого княжества Литовского. См.: *Новоселов А.* Ревизия профессором Сенковским белорусских училищ в 1826 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1872. № 4. С. 159–207; № 5. С. 74–122.

[79] Речь идет о баронессе Аделаиде Александровне Раль (1806–1859), дочери придворного банкира немецкого происхождения барона (с 1800 г.) Александра Александровича фон Раля (Александр Франц; 1756–1833), жене Сенковского с 1829 г.

[80] Анджей Бенедикт Клонгевич (Андрей Михайлович; 1765 или 1867–1841) — доктор философии (1789) и богословия (1815), профессор теологии, догматики и истории церкви Виленского университета (1815–1828), с 1828 г. брестский епископ-суфраган (викарный епископ), в 1841 г. епископ виленский (католический).

[81] Имеется в виду консистория Виленской римско-католической епархии.

[82] См.: Карманная книга для русских воинов в Турецких походах. СПб.: В тип. департамента народного просвещения, 1828. 2 ч. За книгу Сенковский получил от императора перстень с бриллиантом.

[83] <*Сенковский О.И.*> Фантастические путешествия Барона Брамбеуса. СПб.: Тип. вдовы Плюшар с сыном, 1833.

[84] Имеются в виду философские повести Вольтера «Задиг» (1747), «Микромегас» (1752), «Кандид, или Оптимизм» (1759), «Простодушный» (1767) и др.

[85] Имеется в виду Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел.

[86] Современник писал: «“Библиотека” имела огромный, неслыханный успех; влияние ее было обширно; публика верила ей безусловно; книгопродавцы, литераторы трепетали, хотели бороться и нередко смирялись» (*Герсеванов Н.Б.* Газетные заметки // Северная пчела. 1858. № 190. 1 сент.). Ср. другие воспоминания: «Как только появилась на свет “Библиотека для чтения”, Сенковский тотчас привлек к себе общее внимание и сочувствие всей России. Я был тогда в Киеве и хорошо помню, как все интеллигентное русское — молодое и старое — носилось с этим журналом <…>. Все зачитывались статьями, напечатанными в “Библиотеке для чтения” — все это были вещи свежие, новые, полученные прямо из Европы и прилаженные, насколько это было необходимо, к пониманию нашего тогдашнего общества» (*Старчевский А.В.* Последние десять лет жизни Барона Брамбеуса (Осипа Ивановича Сенковского) // Наблюдатель. 1884. № 7. С. 257).

[87] Т. е. Дени Дидро.

[88] Имеется в виду выплата гонораров.

[89] Речь идет о политических известиях.

[90] У Сенковского учились крупные отечественные востоковеды М.Г. Волков, В.В. Григорьев, П.С. Савельев, В.Г. Тизенгаузен.

[91] Антон Осипович Мухлинский (1808–1877) — востоковед, историк, фольклорист. Обучался в Виленском и Дерптском университетах, с 1835 г. преподавал арабский язык в Петербургском университете, с 1845 г. ординарный профессор.

[92] См.: <*Сенковский О.И.*> Письмо трех тверских помещиков барону Брамбеусу // Библиотека для чтения. 1837. № 5. Отд. I. С. 65–96. Этот текст в юмористической форме продолжал «начатую за несколько лет до того редактором журнала О.И. Сенковским борьбу с элементами церковно-книжного языка в языке литературы. Эта борьба скоро свелась к нападкам на местоимения сей, оный, кои и т. д., которые трактовались им как “канцеляризмы”. <…> За нападками Барона Брамбеуса на “сих и оных” стояла определенная языковая программа: Сенковский считал, что стилистическим фундаментом литературной речи должна стать светская “разговорность”, равно чуждая и книжно-славянской традиции, и народному просторечию, но применяющаяся к языковым вкусам образованного провинциального дворянства и городского чиновничества <…>» [3, с. 253–254]. В тесной связи с критикой архаичных местоимений была у Сенковского в «Письме…» критика авторов, которые «нагружают свои предложения бесконечными причастиями, местоимениями, наречиями, прилагательными» (с. 75).

[93] О полемике по поводу призывов Сенковского отказаться от устаревших местоимений, в которой приняли участие Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин, Ф.В. Булгарин, Н.И. Греч, Н.И. Надеждин, В.Г. Белинский и др., см.: [8, с. 352–360].

[94] Лобойко ошибается. Булгарин был очень заинтересован в продвижении по лестнице чинов, поскольку у него, в отличие от Сенковского, не было солидной службы и только высокий чин мог обеспечить ему уважение в быту (он вышел в отставку с чином действительного статского советника). См.: [6]. Обогащения Сенковский и Булгарин желали, разумеется, как и другие литераторы и ученые, но двигали ими прежде всего творческие и идейные мотивы.

Литература

1. *Базанов В.Г.* Ученая республика. М.; Л.: Наука, 1964. 463 с.

2. *Жуковская Т.Н.* «Дело профессоров» 1821 г. в Санкт-Петербургском университете: новые интерпретации // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2019. Т. 161, кн. 2–3. С. 96–111. DOI: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.96-111

3. *Кошелев В.А.* Пушкин, Барон Брамбеус и «полячка младая» // Временник Пушкинской комиссии. СПб.: Росток, 2016. Вып. 32. С. 253–262.

4. *Лобойко И.Н.* Мои воспоминания; Мои записки / вступ. ст., подгот. и коммент. А.И. Рейтблата. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 323 с.

5. *Проничева К.В., Рейтблат А.И.* Воспоминания И.Н. Лобойко во вновь обретенном его архиве // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 00–00. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-00-00

6. *Рейтблат А.И.* Булгаринские службы // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 155–175. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-155-175

7. *Рейтблат А.И.* Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 632 с.

8. *Чапаева Л.Г.* Споры о местоимениях сей и оный как факт истории русской культуры и литературного языка XVIII–XIX вв. // Slověne. 2017. № 2. С. 347–364.

9. *Ambroziak D.* «Każdy baron ma swoją fantazję». Józef Sękowski — Polak z pochodzenia, Rosjanin z wyboru. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2007. 166 S.

Research Article and Publication of Archival Documents

I.N. Loboyko’s Memories of Bulgarin and Senkovsky

© 2026. Abram I. Reitblat
New Literary Review,
Moscow, Russia

Abstract: This publication presents chapters from an unpublished edition of the memoirs of historian and philologist Ivan Nikolaevich Loboyko (1786–1861),

a professor at Vilnius University, dedicated to two major literary figures of the first half of the 19th century: the writers and journalists Faddey Bulgarin and Osip Senkovsky. Compared to Loboyko's published memoirs, these later essays (1858–1861) are significantly more detailed, contain new information, and convey the author's revised assessments of his literary colleagues. Loboyko writes about the academic, teaching, and, to some extent, diplomatic environment he was familiar with, recalling details of the literary life of St. Petersburg, primarily in the 1820s. The publication is provided with the necessary historical and literary notes.

Keywords: memoirs, I.N. Loboyko, F.V. Bulgarin, O.I. Senkovsky, writer's biography, literary life in Russia in the first half of the 19th century, archival documents.

Information about the author: Abram I. Reitblat, PhD in Pedagogy, Editor, "New Literary Review" Publishing House, Tverskoy Blvd., 13, 123104 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4957-7401

E-mail: reitblat@nlobooks.ru

For citation: Reitblat, A.I. "I.N. Loboyko's Memories of Bulgarin and Senkovsky." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (39), 2026, pp. 39–61. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-39-613-39-61

References

1. Bazanov, V.G. *Uchenaia Respublika* [*The Academic Republic*]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 463 p. (In Russ.)

2. Zhukovskaia, T.N. "'Delo professorov' 1821 g. v Sankt-Peterburgskom universitete: novye interpretatsii" ["The Case of Professors in 1821 at St. Petersburg University: New Interpretations"]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriia Gumanitarnye nauki*, vol. 161, book 2–3, 2019, pp. 96–111. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2019.2-3.96-111 (In Russ.)

3. Koshelev, V.A. "Pushkin, Baron Brambeus i 'poliachka mladaia'." ["Pushkin, Baron Brambeus, and the 'Young Polish Woman'."] *Vremennik Pushkinskoi komissii* [*Periodical of the Pushkin Commission*], issue 32. St. Petersburg, Rostok Publ., 2016, pp. 253–262. (In Russ.)

4. Loboiko, I.N. *Moi vospominaniia. Moi zapiski* [*My Memories. My Notes*], introd. article, prep. and comm. by A.I. Reitblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 323 p. (In Russ.)

5. Pronitcheva, K.V., and A.I. Reitblat. "Vospominaniia I.N. Loboiko vo vnov' obretennom ego archive" ["I.N. Loboyko's Memories of Bulgarin and Senkovsky"]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (39), 2026, pp. 00–00. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-00-00 (In Russ.)

6. Reitblat, A.I. "Bulgarinskie sluzhby" ["Bulgarin's Services"]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (35), 2025, pp. 155–175. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-155-175 (In Russ.)

7. Reitblat, A.I. *Faddei Venediktovich Bulgarin: ideolog, zhurnalist, konsul'tant sekretnoi politsii: stat'i i materialy* [*Faddey Venediktovich Bulgarin: Ideologist, Journal-*

ist, Consultant of the Secret Police: Articles and Materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 632 p. (In Russ.)

8. Chapaeva, L.G. "Spory o mestoimeniiakh sei i onyi kak fakt istorii russkoi kul'tury i literaturnogo iazyka XVIII–XIX vv." ["Disputes over the Pronouns *Sei* and *Onyi* (Russian 'This One' and 'That One') in the History of Russian Culture and Standard Language in the 18th–19th Centuries"]. *Slověne*, no. 2, 2017, pp. 347–364. (In Russ.)

9. Ambroziak, Daria. *"Każdy baron ma swoją fantazję." Józef Sękowski — Polak z pochodzenia, Rosjanin z wyboru*. Opole, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2007. 166 S. (In Polish)

Статья поступила в редакцию: 19.11.2025
Одобрена после рецензирования: 10.12.2025
Дата публикации: 25.03.2026

The article was submitted: 19.11.2025
Approved after reviewing: 10.12.2025
Date of publication: 25.03.2026

Литературный факт. 2026. № 1 (39)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 1 (39), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.1
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-62-111
https://elibrary.ru/WCGZLP

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (39), 2026

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Переписка Ф. Сологуба и П.Е. Щеголева

© 2026, А.Л. Соболев
Независимый исследователь, Москва, Россия

Аннотация: В работе впервые публикуется сохранившаяся часть переписки Федора Сологуба (1863–1927) и Павла Елисеевича Щеголева (1877–1931). Жанровый репертуар писем — от лаконичной деловой записки до обиженной отповеди в ответ на несправедливую газетную филиппику. Главная ценность этих писем — в расшифровке житейских и литературных переплетений, встающих за упомянутыми в них деталями: так, скромная вырезка из провинциального журнала, отправленная Сологубом Щеголеву в 1917 г., оказалась виновницей скандала, омрачившего возвышение большевика Л.Б. Каменева. Через несколько лет именно Каменев окажется одним из главных противников выезда Сологуба за границу: впрочем, вопрос о том, было ли это актом мщения, остается открытым. Письма снабжены предисловием с изложением краткой истории знакомства корреспондентов и историко-литературным комментарием.

Ключевые слова: Федор Сологуб, Павел Щеголев, переписка, русская литература начала 20 века, биография писателя, литературный быт, архивные документы, журнал «Лукоморье».

Информация об авторе: Александр Львович Соболев — независимый исследователь, г. Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com

Для цитирования: *Соболев А.Л.* Переписка Ф. Сологуба с П.Е. Щеголева // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 62–111. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-62-111

По сформировавшейся в последние десятилетия традиции публикатор исторического текста до определенной степени уподобляется ярмарочному зазывале: в первых строках преамбулы он должен объяснить, чем особенно ценен печатаемый документ и почему читающая публика должна тратить на него свое внимание. С этой точки зрения следующая далее переписка историка Павла Елисеевича Щеголева (1877–1931) и писателя Федора Сологуба (1863–1927)

не слишком убедительна: она сохранилась не полностью, входящие в нее послания частично недатированы (и датировке не поддаются), а в наличествующих письмах речь идет по преимуществу о вещах частных, не принципиальных и требующих для читателя, даже просвещенного, тщательного комментария. Невзирая на эти обстоятельства, решаемся все же обнародовать этот эпистолярный комплекс: дело даже не только в архаическом (но внятном для героической эпохи «Русского архива» и «Русской старины») убеждении, что всякому документу лучше быть опубликованным, нежели нет, но и в нескольких глубинных сюжетах, тени которых встают за этой перепиской, и которые хотелось бы, хоть предварительно, обсудить[1].

Мы даже не знаем точного времени знакомства корреспондентов. Представляется, что личной встрече предшествовал печатный отзыв лета 1905 года: в июльском номере журнала «Вопросы жизни», где печатались очередные главы «Мелкого беса», была опубликована рецензия Сологуба на монографию Щеголева «Грибоедов и декабристы» (1905)[2]. Заметка эта, имевшая все шансы затеряться в библиографическом отделе (непременная принадлежность любого русского толстого журнала), любопытна для нас вдвойне: это не только одно из ранних упражнений Сологуба в жанре критики (до этого он печатал по преимуществу отзывы на педагогические труды)[3], но и первый предпринятый им опыт декларативного пересмотра русской классики. Впереди были обширные парадоксалистские выкладки: в 1907 г. подлинным пушкинским демоном был объявлен «старый черт Савельич»[4], а через двадцать лет про Толстого говорилось (к ужасу свидетелей), что он был графоман («Ну, талантливый графоман»)[5]. В рецензии на Щеголева про саму книгу было сказано полслова («Весьма интересное издание»), а главное внимание уделено автору комедии:

> Всматриваешься с жадным любопытством в драгоценные черты, следишь за изменениями почерка, за манерою подписываться, — вот почтительное письмо гладким почерком с подписью

[1] Пользуемся случаем поблагодарить М.М. Павлову, М.А. Сазонова и Н.Н. Соболеву за щедрую помощь.

[2] Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 255–256.

[3] Они скрупулезно учтены самим автором: Библиография сочинений Федора Сологуба. Часть 1. Хронологические перечни напечатанного с 28 января 1884 года до 1 июля 1909 года. СПб., 1909. С. 24–29.

[4] *Сологуб Ф.* Демоны поэтов. II. Старый чорт Савельич // Перевал. 1907. № 12. С. 46–50.

[5] *Чуковский Н.К.* Милый демон моей юности // Воспоминания Николая и Марины Чуковских. М.: Книжный клуб 36´6, 2015. С. 225–226.

> «верноподданный Александр Грибоедов», — вот чиновнически-уклончивое показание обычным почерком «коллежского асессора Александра Грибоедова», — и вот, точно снимается какая-то завеса, и из-за бумаги и чернильных начертаний, видишь, сквозит живая душа человека… Душа Молчалина[6].

Сам автор, кажется, был несколько смущен тем, куда завела его внутренняя логика отзыва на историческую монографию, и, отправляя манускрипт в редакцию, добавлял: «Посылаю рецензию и возвращаю книгу. Боюсь, что вышло длинно, — я размахнулся было пошире, но сжал. Понравится ли Вам это? Здесь не столько о труде Щеголева, сколько о личности Грибоедова, — т.е. не отзыв о книге, а заметка по поводу книги»[7]. Реакция Щеголева нам также неизвестна, но, вероятно, в ближайшие месяцы 1905 года они познакомились[8], — и первое письмо 1906 г. написано уже с интонацией продолжения ранее начатого диалога. В том же 1906 г. Щеголев и его жена регулярно бывают на сологубовских «воскресеньях»[9].

Говоря о биографии Щеголева, важно помнить, что она до известной степени дискретна: в архивах полицейского департамента хранятся две объемистые папки[10] (а еще как минимум одна нами не разыскана), отмеряющие месяцы и годы его пребывания в разного рода узилищах. Впервые он был арестован в марте 1899 г. как один

---

[6] Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 256.

[7] Недатированное письмо к Г.И. Чулкову // РГБ. Ф. 371. Карт. 4. Ед. хр. 76. Л. 35.

[8] Несомненно они виделись на «башне» Вяч. Иванова: так, например, Л.Д. Зиновьева-Аннибал, перечисляя гостей третьей башенной среды (21–22 сентября 1905 г.), упоминает Сологуба, Анастасию Чеботаревскую (они еще не были парой) и Щеголева («филолог, видная личность, журналист (“Наша жизнь”), монографист») [2, с. 129]. Оба они (причем Щеголев с женой, а Сологуб с сестрой) присутствовали и на легендарной среде 28 декабря 1905 г., которая была прервана полицейской спецоперацией [2, с. 148–150]. Вместе они упомянуты (среди прочих знаменитостей) и в газетных отчетах о произошедшем: «У г. Мережковского, известного писателя, пропала шапка. Она пропала у него во время обыска в квартире писателя В. Иванова. В квартире этой находились кроме г. Мережковского и его жены (З.Н. Гиппиус) писатели гг. Щеголев, Габрилович, Сологуб, Бердяев и г-жа Венгерова» (*Суворин А.* Маленькие письма. DCXXI // Новое время. 1906. 3 января. № 10706. С. 3). См. также: *Мережковский Д.* Куда девалась моя шапка? // Народное хозяйство. 1906. 1 января. № 15. С. 2. Возможно, первой познакомилась с Сологубом жена Щеголева, бывшая профессиональной (и по отзывам — превосходной) чтицей; ср. в воспоминаниях Н.Г. Чулковой: «Потом Валентина Андреевна стала бывать на вечерах у Федора Сологуба, Вячеслава Иванова. Познакомилась с прочими семьями писателей» (*Чулкова Н.Г.* Воспоминания о моей жизни с Г.И. Чулковым и о встречах с замечательными людьми / изд. подгот. А.И. Серков. М. ИМЛИ РАН, 2025. С. 359).

[9] См. в «Тетрадях посещений» Ф. Сологуба (публ. М.М. Павловой и А.Л. Соболева): [15, с. 78–80, 82–86, 89, 90, 94, 96].

[10] ГАРФ. Ф. 102. 5-е делопроизводство. Оп. 144 (1908). Ед. хр. 140; ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 101 . Ед. хр. 567. Кроме того, в начале 1990-х гг. значительный массив данных о Щеголеве был извлечен нами при просмотре дел Вологодского архива (прежде всего: ГАВО. Ф. 108. Оп. 2. Ед. хр. 737; ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Ед. хр. 382; ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Ед. хр. 425 и др.), но подробная хроника его вологодских мытарств не входит сейчас в нашу задачу. Емкий очерк его биографии содержится в первой главе работы: [5].

из вожаков студенческих беспорядков, в 1900-м освобожден из-под стражи и отправлен в Полтаву, далее осужден на ссылку в Вологду (откуда бомбардировал полицейское начальство запросами об отлучках: в Воронеж к матери, в библиотеку в Петербург, сдавать экзамены в университет), в 1902 г. из Вологды он отправлен в Кадников (откуда вскоре самовольно вернулся в губернскую столицу), в 1903 г. (после пачки профессорских ходатайств — от С. Шубинского до И. Бородина) возвращен в Петербург, но в 1905 г. оттуда изгнан; в 1907 г. предлагалось поселить его на три года в Астраханской губернии, которую заменили Юрьевым; тут возроптал Юрьевский губернатор («Принимая во внимание, что в г. Юрьеве находится Университет и Ветеринарный институт и город является центром революционной пропаганды среди эстонского населения Лифляндской и отчасти Эстляндской губ., я признаю крайне опасным для общественного порядка и спокойствия пребывание там Щеголева и имею честь просить Ваше Высокопреосвященство выслать его в иное место, вне пределов вверенного мне края»[11]) — и вновь зашла речь об Астрахани, против которой теперь возражал сам арестант, адресуя свое недоумение ни много не мало министру Столыпину… в результате Астрахань заменили на Любань: сто километров от столицы.

Из Вологды в 1903 г. он вернулся женатым. Артистка местной труппы Валентина Андреевна Богуславская скрупулезно фиксировала в дневнике первые впечатления: «Очень большой, полный молодой человек с буйными кудрявыми волосами». «Этот большой человек относится ко мне с таким вниманием, его общество так много дает мне, он приносит мне книги новые, говорит, что у него здесь библиотека, что он привез ее из Петербурга». «Щ<еголев> читал рассказы Чехова, отлично, хохотала до упаду. Я думаю, из него вышел бы первоклассный актер. И в этот же вечер он подарил мне “Горящие здания” с надписью на санскритском языке» [12, с. 181].

Преподнесенный в качестве свадебного подарка сборник стихов Бальмонта (М., 1900) оказался паролем и эпиграфом к предстоящим пятнадцати годам: начало XX века в Петербурге (и в меньшей степени в Москве) — период невиданного сближения богемы и науки: профессора женятся на актрисах, публикуются в «Аполлоне», дерутся в «Бродячей собаке». Во взаимной приязни Щеголевых и Сологуба (Анастасия Николаевна Чеботаревская, сделавшись спутницей последнего, оказалась полноценной участницей квартета) постоянно сосуществовали два измерения — вежливая суховатость делового

[11] ГАРФ. Ф. 102. 5-е делопроизводство. Оп. 144 (1908). Ед. хр. 140. Л. 26.

диалога (хорошо видная по печатаемой ниже переписке) и постоянно бурлящее на заднем плане тревожное дионисийство.

«Дорогой Федор Кузьмич! Порадуйте меня, придите завтра, т. е. в четверг ко мне вечерком. Высечете сердитую плаксу. Ваша В. Щеголева»[12], — пишет Валентина Андреевна 2 апреля 1908 г. Здесь примечательно не только попадание в самый нерв сологубовской поэтики («плаксы», как и розги, встречаются у него регулярно; «Плаксой» он называет Анастасию Николаевну[13], а она подписывает так преподнесенные ему книги[14]), но и внешние обстоятельства. 9 января 1908 г., то есть тремя месяцами ранее, Щеголев был в очередной раз арестован. Современники зубоскалили:

> Щеголев — бывший соредактор «Былого» — настолько толст, что сразу бросается в глаза в какой угодно толпе; его выслали из Питера, а эта туша взяла да и возвратилась, и мало того, — стала показываться везде на улицах; конечно, ее скоро изъяли из обращения. Газеты, описывая этот случай, сообщали, что Щеголева арестовали на улице и два сыщика уселись по сторонам его на извозчика; — что его арестовали — верно, что его увезли — тоже верно, но чтобы с ним мог усесться на извозчике еще кто-нибудь — это уже от лукавого![15].

Между тем, все было именно так: сама Валентина Андреевна писала в официальном заявлении:

> 9 января сего года во время проезда по Пантелеймоновской улице г. С.-Петербурга был арестован мой муж, редактор журнала «Былое», Павел Елисеевич Щеголев. После ареста он был доставлен в Коломенскую часть, где и содержится в настоящее время в помещении для арестованных; сидит он в душной и тесной камере, две трети которой заняты нарами; и в камере нет ни стола, ни стульев и за переполнением арестного помещения муж мой не пользуется даже прогулками. Муж мой, болезненно-полный человек и пребывание в камере без воздуха, света и прогулок гибельно влияет на его организм. <…> Между тем я знаю, что никакой вины политического

[12] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 779. Л. 1.

[13] См. в публикации А.В. Лаврова «Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская» [7, с. 305, 308, 309, 310].

[14] См. примеры ее инскриптов в составленном Н.Н. Шаталиной описании сологубовской библиотеки: «Дорогому, милому — злому иногда, а чаще доброму и нежному Федору Сологубу. Плакса»; «Очень верному оруженосцу и потому ценному. 25/11/1908. Плакса» (на переводах из О. Мирбо) [7, с. 475].

[15] *Минцлов С.Р.* Петербург в 1903–1910 годах. Рига, 1931. С. 240–241.

и вообще противоправительственного характера за мужем моим нет: он занимается исключительно журнальным трудом и деятельность его проходила на глазах властей. Единственным проступком его может быть признан самовольный приезд его по делам в С.-Петербург, откуда он был выслан по распоряжению г. Градоначальника[16].

В конце апреля 1908 г. Щеголева высылают в Юрьев; через несколько недель его жена следует за ним:

Под окнами у меня густая стена двух тающих каштанов, сирени и тополей. Нежно-розовые цвета каштанов точно елочные свечи в рождественскую ночь.

Тихо, тихо, покойно проходят дни… внешне, а внутри у меня «снеговой костер»… тревога и трепет. И нужно же было для чего-то матери-природе вложить в мое маленькое тело такой богатый запас этого, подчас так мучающего меня, трепета. Много радости в мире; теперь, покамест, я всю себя отдала зеленым кленам и каштанам; ах какая радость после 5тилетнего гнета убогой финляндской природы увидеть вновь — уверовать в солнце и землю; милые, огромные, богатые убранством родные деревья, высокие, цветные и такие великолепные букеты. Я чувствую, что у меня растут крылья: легкие, неземные, как листья клена.

И вся я скоро превращусь маленькое зеленое дерево, с трепещущими листьями, с призывными ветвями…

И неужели у меня есть муж, этот веселый сверх-спокойный реалистический муж. Я смотрю на него чужими широко-открытыми глазами и… ничего не понимаю.

Здесь я окружена большими заботами. Но, Боже мой, как скучны немцы и эстонцы. Здесь нет людей, нет индивидуальности. Все смазано в одну белесую педантическую маску. Если бы не муж, который все время настраивает меня на смешливое настроение своим беспутным анархизмом… я бы не выдержала долго. Пишу Вам косо и криво, вы ни за что не взяли бы меня в «босоногие секретари».

Теперь о делах. Кланяюсь Вам низко, дорогой Федор Кузьмич, и благодарю сердечно и за хлопоты и за конфекты, которые прибыли в весьма плачевном виде, и несколько разочаровали меня, так как я ждала не их… Очень бы радостно было получить «Пламенный круг»… очень. Как Вы думаете? Боюсь, что Вы уже на даче и письмо мое не скоро дойдет к Вам. Как поживает Настичка, скажите ей, что я

[16] ГАРФ. Ф. 102. 5-е делопроизводство. Оп. 144 (1908). Ед. хр. 140. Л. 20 об.–21.

непременно напишу ей большое и милое письмо. Если Вы еще не уехали, мой завет Вам: езжайте поскорее, спасите себя от «пыли и копоти» С.Петербурга; только здесь я почувствовала, как исковеркал меня последний месяц и белые ночи страшно вспомнить… но мило![17].

Последняя фраза (касающаяся белых ночей) требует расшифровки. Дело в том, что на эти месяцы падает кульминация романа Щеголевой с А.А. Блоком, отображенного в трех его стихотворениях. Эти сквозные сюжеты сойдутся воедино на новогоднем маскараде у Сологуба и Чеботаревской в ночь с 3 на 4 января 1909 г. (первом из череды подобных) — Блок с Щеголевой попытаются уехать с него вдвоем, но Сологуб им помешает:

— Вы едете вместе? — спросил Федор Кузьмич.

— Да, я провожаю Валентину Андреевну.

— Этого не следует делать. Валентина Андреевна, останьтесь. — Я молчала беспомощно.

— Нет, Валентина Андреевна поедет, — упорно говорил Блок. Ф. К. метался от него ко мне, всячески убеждал, наконец, он не выдержал и выставил самый страшный аргумент.

— Александр Александрович, подумайте о Любови Дмитриевне, она беременна, Валентина Андреевна, подумайте о Павле Елисеевиче[18].

***

Между 1909 и 1911 г. Щеголев находится в одиночной камере «Крестов»[19], превращенной им в рабочий кабинет:

---

[17] Письмо В.А. Щеголевой к Сологубу от 14 июня 1908 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 905. Л. 1–2.

[18] Из позднейшей автобиографической заметки В.А. Щеголевой, приведенной в публикации Е.Ю. Литвин и С.С. Гречишкина (Литературное наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 854). Вероятно, на этом же маскараде был вручен презент от пребывающего в любанской ссылке Щеголева: оттиск из сборника «Пушкин и его современники» с автографом: «Дорогому Федору Кузьмичу Сологубу от автора. Любань 26/XII. 1908 г.» [7, с. 486]. См. также полемический комментарий ко всему эпизоду: [1, с. 275–285].

[19] Арестован он был 13 января, непосредственно в ходе судебного заседания, посвященного закрытию журнала «Былое». Сам он писал об этом: «Осенью 1908 года я переехал в Любань и возобновил здесь свою работу по биографии Пушкина, пользуясь близостью столичных книгохранилищ. Но тем временем подошло и слушание моего дела по “Былому” в Петербургской судебной палате — 13 января 1909 года. Приехал я из Любани на суд, ожидая если не оправдания, то обычного приговора по литературным делам — года крепости. На случай изменения меры пресечения была добыта и обычная сумма залога — 1000 рублей. Но я оказался не в курсе дела, а председатель Судебной палаты Крашенинников знал, что ему делать в моем процессе, и приговорил: издание журнала “Былое” запретить навсегда, а меня подвергнуть заключению в крепости на три года»; цит. по: [6, с. 179]. См. также: [5, с. 23]. 20 января 1909 г. В.А. Щеголева писала Сологубу и Чеботаревской: «Милые Анастасия Николаевна и Федор Кузьмич! Душевно

По словам Бонч-Бруевича, Щеголев был старостой политических заключенных, и в его ведении, между прочим, находилось питание их. Камера Бонч-Бруевича была рядом с камерой Павла Елисеевича, и Владимир Дмитриевич ежевечерне слушал, как Чичиков у Петуха, подробный заказ Щеголева приходившему к нему вахмистру меню на завтра. С огромным знанием дела, смакуя все подробности приготовления, Щеголев пространно объяснял, как нужно приготовить то или иное блюдо.

Не менее богато Щеголев был обставлен и относительно пищи духовной. По ходатайству Шахматова у президента Академии наук в. к. Константина Константиновича Павлу Елисеевичу в камеру доставлялись не только все нужные ему книги из библиотеки Академии наук, но фотографии с рукописей Пушкина из собрания С.А. Венгерова. На этот раз Щеголев не обманул лиц, для него старавшихся. В тюрьме им была написана работа, в то время представлявшая собою высшую точку развития пушкиноведения [16, с. 64–65].

В эти годы переписка между ним и Сологубом вынужденно сокращается (входящая почта Щеголева не ограничена, но исходящая регламентирована[20]), так что новости из заключения в основном приходят через жену: «Он процветает и берет от тюрьмы все, что от нее можно взять. Очень часто видит Вас и Наст. Никол. во сне. Поцелуйте ее за меня крепко, в особенности глазки»[21]. Одна из первых их документированных встреч после освобождения Щеголева (нет оснований сомневаться, что их было немало) — званый вечер у Сологубов 22 декабря 1912 г. Свидетель их встречи записывал: «Поехали к Сологубам. Там холодновато. <…> Щеголев читал вновь найденный рассказ Пушкина, где ничего пушкинского не было, я совсем засыпал»[22].

благодарю Вас за письмо. Меня, действительно, сразило это горе. Пока ни о каких намерениях и планах не может быть и речи. Все мои мысли и надежды направлены на одно: чтобы его освободили под залог, хотя бы на неделю. Все произошло так неожиданно, так грубо!» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 779. Л. 2).

[20] Ср. в письме Щеголевой к М.О. Гершензону от 21 мая 1909 г.: «Муж мой Павел Ел. Щеголев, не имея возможности ответить на Ваше любезное письмо тотчас, т<а>к к<а>к по крепостному режиму он может писать только 1 раз в неделю одно письмо, поручил мне поблагодарить Вас за присланную книгу и письмо, просит очень писать ему, он с своей стороны также напишет Вам в одно из ближайших воскресений. “Вехи” он находит очень нужной и полезной книгой с массой правды, совершенно согласен с наблюдениями и заключениями этой книги, хотя и не разделяет посылок основных и в частности не понимает идеи национального развития» (РГБ. Ф. 746. Карт. 44. Ед. хр. 31. Л. 1–1 об.).

[21] Письмо В.А. Щеголевой к Сологубу от 14 июня 1910 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 779. Л. 5–6.

[22] *Кузмин М.* Дневник 1908–1915 / изд. подгот. Н.А. Богомолов и С.В. Шумихин. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2005. С. 386.

Вновь найденный рассказ это «Уединенный домик на Васильевском»: опубликованная еще в 1829 г. новелла В.П. Титова, представляющая собой тщательную запись слышанного им пушкинского рассказа. Долго существовавшее предание об этом оказалось подкреплено воспоминаниями А.И. Дельвига, рукопись которых в запечатанном пакете была передана в 1886 г. в Румянцевский музей и вскрыта в соответствии с условием, в 1910-м. Щеголев, прочитав вышедший в 1912 г. том мемуаров Дельвига, сделал из архивной находки событие всероссийского значения, перепечатав «Уединенный домик» в трех последовательных номерах подведомственной ему газеты «День» — и в субботу, когда вышел первый из них, читал его собравшимся у Сологуба гостям.

Последовавшие за этим события также приобрели статус художественного жеста: в 1913 г. «Уединенный домик» был напечатан отдельным изданием с двумя послесловиями — Щеголева и Сологуба. Занятно, что спустя восемь лет после двух взглядов на «Горе от ума», они снова имеют возможность сопоставить две версии понимания художественного текста — и демонстрируют их если не тождественность, то параллельность. Щеголев, закончив текстологическую справку, говорит о встающей перед историком литературы проблеме — «отделить в рассказе элементы титовские от пушкинских», и именно этим же пожеланием заканчивает свой текст Сологуб: «Мне кажется, что заманчивою задачею для поэта-пушкиниста было бы восстановление чисто-пушкинского текста этого рассказа, очищение его от всего, внесенного Титовым»[23].

В том же 1913 г. Сологубы и Щеголевы — соседи по эстонской даче: упоминание о совместном времяпрепровождении встречается всего в одном документе этого времени[24], но нет оснований сомневаться, что оно было регулярным. В частности, Щеголева на даче Сологубов застал другой постоянный гость этого лета — Игорь Северянин:

> На балкон входит проф. Щеголев, известный пушкиновед.
>
> — А мы собираемся ловить раков. Пав. Елис., — обращается к нему А.Н. <Чеботаревская>, — Вы с нами?

[23] Уединенный домик на Васильевском. Рассказ А.С. Пушкина по записи В.П. Титова / с послесл. П.Е. Щеголева и Федора Сологуба. СПб.: Изд. товарищества писателей, 1913. С. 63.

[24] «Сегодня приехал П. Ел. — они устроились очень близко от нас — сегодня у них именины <…>» (письмо А.Н. Чеботаревской к А.В. Руманову от 29 июня 1913 г. из эстонского Иевве // РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 675. Л. 6). В этот день были именины самого Щеголева.

> Добродушнейший Щеголев — человек компанейский и готов всюду и везде[25].

Соавтор Северянина по «поэзоальманахам двух» поэт Алексей Масаинов (воздухоплаватель, путешественник, будущий голливудский репортер) наблюдал обратную картину — визит Сологуба и Чеботаревской на званый вечер к Щеголевым:

> Ровно через год в день тех же именин около 9 часов вечера в щеголевскую переднюю вошла большая шуба с енотовым воротником. В шубу был завернут маленький человек с лысой головой, серыми неприятными глазами и большой продолговатой бородавкой на щеке, около носа.
>
> На человеке были высокие галоши, которые с него снимала торопливо некрасивая женщина, с изнеможенным, болезненным лицом. Человечек был знаменитым русским писателем и поэтом Федором Сологубом, бывшим учителем, описавшим сам себя и самым подробным образом в романе «Мелкий бес».
>
> Женщина же — она оказалась восторженной до истерики — была его женой Анастасией Чеботаревской. Обоих я хорошо знал по их литературным трудам, а многие стихи Сологуба, мастерски сделанные и глубокие — издавна помнил наизусть, однако, трудно было вообразить более комическую пару[26].

События, запечатленные в этом очерке, датировке поддаются с трудом — вероятно, речь идет о 1913 или 1914 гг. К последнему из них относится начало — не размолвки, но определенного охлаждения отношений, этапы которого хорошо видны по недавно опубликованному дневнику В.А. Щеголевой за 1915 год.

Их зафиксированные в дневнике встречи весьма многочисленны: в частности, Щеголевы присутствуют на именинах Сологуба, куда П.П. Потемкин приводит незваного гостя — Маяковского и где во время поздравительной речи Щеголева под величаемым ломается стул: «Засмеялись; а Ф<едор> К<узьмич> встал печальный, суровый и молча принес себе другой стул» [4, с. 214][27]. Здесь же запечатлены и два эпизода, которые будут иметь значительные последствия,

---

[25] *Северянин И.* Соч.: в 5 т. СПб.: Logos, 1996. Т. 5. С. 51.

[26] *Масаинов А.* Павел Елисеевич // Новое русское слово. 1932. 24 апреля. № 7028. С. 2.

[27] Публикаторы этого документа титулуют свою героиню именем «*диаристка*» [4, с. 194] — кажется, незаслуженным.

выходящие за рамки публикуемого эпистолярного диалога, но окрашивающие его[28].

Первый из них — это история с журналом «Лукоморье»: еще до войны его стал издавать М.А. Суворин, сын покойного А.С. Суворина, чье имя много лет служило жупелом для либерально настроенной интеллигенции. Подробно об этом рассказывается ниже, в комментариях к письму № 25; здесь же важна общая конфигурация положений: Сологуб принадлежал к тем, кто считал, что после начала войны партийные разногласия должны быть забыты[29]; Щеголев, напротив, исходил из их незыблемости. Эта простая оппозиция усложнялась двумя обстоятельствами: воронежец Щеголев был земляком Суворина и в юности пользовался его протекцией; злоязычные современники передавали по этому поводу анекдот (в старинном смысле): «<…> Щеголев постепенно левел и вскоре сделал себе карьеру как журналист прогрессивного лагеря. Все было бы прекрасно, но вдруг юбилей Суворина. Пышный, очень громкий юбилей. Щеголев скрепя сердце явился на этот юбилей приветствовать своего благодетеля. К его ужасу на юбилейный банкет явились фотографы — снять юбиляра среди его друзей и приверженцев. Ничего не поделаешь: Щеголев встал в самом заднем ряду. Но перед тем как фотографы щелкнули своими аппаратами, он уронил платок и нагнулся, чтобы его поднять. Таким хитроумным маневром он спас свою литературную честь»[30]. Другим обстоятельством было то, что

[28] Впрочем, легкая тень сологубовского недовольства чудится и в проходном эпизоде, хронологически предшествующем всем этим событиям. В апреле 1914 г. в собственном журнале Сологуба «Дневники писателей» появляется краткий, действительно дневниковый по жанру, обзор культурных событий за подписью издателя; в частности, там говорится: «П.Е. Щеголев в своей весьма интересной и превосходно написанной лекции доказывает, что Лермонтов был неправ в своей резкой оценке Дантеса, убившего Пушкина. Дантес был не хуже и не лучше многих других и привез с собою высокие рекомендации, так что ему не было надобности заниматься “ловлею счастья и чинов”. И в то время немногие думали, как Лермонтов. Светское общество не отвернулось от Дантеса. Тогда, как и теперь, не думали, что таланты следует оберегать. Тогда, как и теперь, были рады провозглашать, что сам поэт в том-то и том-то виноват» etc (*Сологуб Ф.* Заметки // Дневники писателей. 1914. № 2. С. 23). Ср. интонации и содержание письма № 19.

[29] Ср. характернейший эпизод: после лет тяжелейшей ссоры Д.В. Философов, приглашая Сологуба в редактируемый им журнал, подчеркивал: «<…> полемика происходила до войны. И я по совести скажу, что ввиду переживаемых нами жарких событий все произошедшие между нами недоразумения кажутся мне потерявшими свою остроту. Я по крайней мере чувствую потребность ликвидировать этот инцидент» (недатированный черновик // РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 87. Л. 3–4). В.А. Щеголева, услыхав об этом, записывала в дневнике: «Фил<ософов> прислал письмо С<ологуб>у с примирением и приглашением в “Голос жизни”. Я думала, не пойдут после той гнойной брани и грязи злобной, какой Н<астион>ъ <Чеботаревская> осыпал их весь этот год, к<а>к-то дико было слышать ее доводы “за”. Лишь бы платили и прославляли, а остальное не важно» [4, с. 202].

[30] *Чуковский К.И.* Собр. соч. М.: Терра – Книжный клуб, 2013. Т. 13. С. 511. Это припомнила ему и Чеботаревская в недатированном письме: «Ну скажите по совести, наедине — чем чище деньги ˝банкира Лесина” — денег ˝сыновей Суворина”? И почему Вам можно было издать книгу о Грибоедове у Суворина-отца, а Ф. К. нельзя дать — без

Щеголев принял на себя редактирование журнала «Отечество» — иллюстрированного двухнедельника патриотического направления, то есть выходящего буквально в формате «Лукоморья», но не несущего на себе груза суворинских стигм[31]: явная конкуренция двух журналов осложняла и без того непростую конфигурацию литературных отношений.

Вторым полем разногласий служил сюжет с «Русским обществом изучения еврейской жизни». В.А. Щеголева записывала в дневнике: «С<ологуб> и Н<астя> меня перестали удивлять. Что он равнодушен ко всему и ко всем, что он никого не любит: ни своих русских, ни евреев, что ему, а еще пуще, Н<астион>у нужна слава людская дешевая, распродажная, — ясно давно. Теперь эта история с евреями меня забавляет. Что ему евреи! а нет, как же, большое значение. Приобрести авторитет, их ведь много, что песок морской рассыпаются по весям и городам, а Ф<едор> К<узьмич> ничем не брезгует. Жаден, жаден до популярности» [4, с. 202]. Между тем, в 1916 г. Щеголеву пришлось в эту историю прямым образом вмешаться: среди участников филосемитского сборника возникли разногласия, и Сологуб вызвал одного из них, журналиста С.В. Познера, на третейский суд: с его стороны судьями были приглашены П.Б. Струве, Иванов-Разумник и Щеголев[32]. Дело кончилось скорее неблагоприятно для Сологуба и было прекращено, а за последовавшими в 1917 г. событиями постепенно забылась и вся история.

Примечательно, что Сологуб, радикально рассорившийся со своими бывшими приятелями, присягнувшими новой власти (известны его резкие высказывания по поводу Блока, Иванова-Разумника, Белого и многих других), никак публично не отозвался о Щеголеве, сделавшем при большевиках намного более яркую

всякой идейной связи — в Лукоморье — неск<олько> стихотвор<ений>» (ИМЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 15 об.). Забавно, что сама архетипическая ситуация — благородный муж в собрании нечестивых — повторится с теми же действующими лицами в других декорациях: 25 февраля 1915 г. в «Бродячей собаке» на вечере в честь выхода альманаха «Стрелец» Щеголев будет доказывать, что соседство Сологуба и футуристов на страницах этого сборника лишено символического значения: «Тщетно пытался защитник символистов, П.Е. Щеголев, убедить собрание, что это участие Сологуба в "Стрельце" "является совершенно случайным"» (*Ожигов А.* О книге словесного пустозвонства // Современный мир. 1915. № 3. Паг. II. С. 166).

[31] Отправляя первые номера Вяч. Иванову вместе с приглашением к сотрудничеству, Щеголев писал: «Дорогой Вячеслав Иванович, посылаю Вам вышедшие номера "Отечества". Журнал, как видите, патриотический. Цель — укрепление подъема духа и воли к победе» (письмо от 11 ноября 1914 г. // РГБ. Ф. 109. Карт. 39. Ед. хр. 48. Л. 1). Гиппиус, настроенная к военному энтузиазму вполне прохладно, замечала в дневнике: «Щеголев сделался патриотом, ничего кроме "ура" и "жажды победы" не признает» (*Гиппиус З.Н.* Собр. соч. М.: Русская книга, 2003. Т. 8. С. 158). Дополнительное измерение делу придавало то, что секретарем «Отечества» была Александра Николаевна Чеботаревская, родная сестра жены Сологуба (*Рысс П.* Портреты. Париж, 1931. С. 79). См. также: [3].

[32] См.: [12, с. 342–343].

карьеру (что не было пропущено современниками: «Не в пример несчастному Сологубу, он великолепно ладил с большевиками и в новом режиме почти тотчас же протоптал себе свою вольную "щеголевскую тропинку"»[33]). Переписка их действительно на четыре года замирает — но возобновляется при драматических обстоятельствах: по бюрократической причуде 1920-х годов для получения разрешения на выезд за границу советскому человеку требовалось «поручительство» другого лица — нечто вроде добровольного обращения себя в заложники. Именно этого рода бумаги Щеголев подписал для Сологуба и Чеботаревской — что, по не зависящим от него обстоятельствам, все равно им не помогло[34].

В 1920-е годы Валентина Андреевна Щеголева была среди наиболее близких к Сологубу лиц. Ее письма и дневники этого времени — один из важнейших источников к реконструкции его биографии закатных лет. А вот общение ее мужа с Сологубом явно сходило на нет — и, кажется, единственным его памятником осталась публикация сологубовских переводов в «Былом» и сопутствующие ей письма[35].

Переписка Сологуба и Щеголева сохранилась не полностью. Письма Сологуба хранятся в отделе рукописей ИМЛИ (Ф. 210. Оп. 1. Ед. хр. 17), ответные — в рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) (Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 778). Тексты печатаются без изъятий, общеизвестные имена не комментируются.

---

[33] *Масаинов А.* Павел Елисеевич. С. 2. Побывавший после долгого перерыва в Петрограде Г.И. Чулков писал жене 12 августа 1920 г.: «Процветает П.Е. Щеголев» [11, с. 453]. Ср. характерную реакцию куда более умеренного Е.Е. Лансере: «Почитываю допросы сановников Временного правительства. И ужасно мелки, узко партийны, не государственные люди их вели, как будто вся беда была в каких-то провокаторах при с.деках или с.ерах! Действительно, вся эта сволочь (т.е. с.д. и с.р.) здорово отравила Россию, но беда старого режима, ей-Богу, не в провокаторах. Как мне мерзок теперь Щеголев, да и Блок, кажется, принимал с наслаждением участие в этом «спасении России»» (*Лансере Е.* Дневники. М.: Искусство XXI век, 2008. Кн. 2. С. 361).

[34] См.: [14, с. 81–82].

[35] Весной 1923 г. К.И. Чуковский предлагал Сологубу воспользоваться протекцией Щеголева для переиздания в Госиздате одного из романов: «Знаете ли Вы, что П.Е. Щеголев едет в это воскресенье в Москву? Говорили ли Вы с ним об издании "Творимой Легенды"? Если желаете, я могу переговорить с ним об этом сегодня в пять часов» (письмо Чуковского к Сологубу от 4 мая 1923 г. // *Чуковский К.И.* Собр. соч. М.: Терра – Книжный клуб, 2013. Т. 14. С. 537). Вероятно, предварительные (и неутешительные) переговоры по этому поводу состоялись: 29 мая 1923 г. В.А. Щеголева писала Сологубу: «Творимую легенду Г. И. <Госиздат?> пока не берется печатать, якобы слишком большая книга. Предлагает переиздать Мелкого беса. Рукопись Тв. лег. посылаю. Милый Федор Кузьмич, если Вы сегодня вечером свободны, навестите нас, мы очень, очень будем рады вас видеть» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 779. Л. 29).

1. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

1 января 1906

1 янв. 1906 г.

Многоуважаемый Павел Елисеевич,

Поздравляю с Новым Годом. Желаю счастья в нем. Неужели он не будет лучше старого?

Получили ли Вы мои книги?[1] Пригодилась ли Вам моя новогодняя повесть?[2]

Вчера мой посланный получал гонорар в Конторе Нашей Жизни[3]. Ему дали 2 р. 50 к. лишних, — сказали, что это за стихи, которые пойдут сегодня[4]. Не помню, какие это стихи, — не вышло ли ошибки?

Ваш Федор Тетерников.

P.S. А Вы у меня в эту зиму еще ни разу не были, — вот Вы какой![5]

На бланке с типографской надпечаткой: Федор Кузьмич Тетерников / (Федор Сологуб) / Спб. В. О. 7 линия 20.

[1] Из книг, поднесенных за годы знакомства Сологубом Щеголеву нам известен лишь экземпляр сборника «Небо голубое», хранящийся в нашем собрании и экземпляр книги «Костер дорожный» (описан: *Варава Б.* Воспоминания сибирского книжника и антиквара. М.: Среди коллекционеров, 2013. С. 34).

[2] Вероятно, речь идет о рассказе «Соединяющий души». С подзаголовком «Новогодний рассказ» он был опубликован в газете «Народное хозяйство» (1906. 6 января. № 19. С. 2–3), рассылавшейся подписчикам приостановленной цензурой газеты «Наша жизнь», в которой работал Щеголев.

[3] «Наша жизнь» — ежедневная общественно-политическая, литературная и экономическая газета, издававшаяся в 1904–1906 гг.; в 1906 г. к ней выходило литературно-научное приложение.

[4] В первую неделю 1906 г. стихи Сологуба не печатались ни в газете, ни в приложении к ней.

[5] Подразумеваются еженедельные (по воскресеньям) литературные собрания у Сологуба, описанные многими мемуаристами (см., напр.: *Гиппиус З.* Живые лица. Прага, <1925>. Вып. 2. С. 95–113; *Пяст Вл.* Встречи / изд. подготовил Р.Д. Тименчик. М.: Новое лит. обозрение, 1997. С. 72–73, 83–85; *Чулков Г.* Годы странствий. Из книги воспоминаний. М.: Федерация, 1930. С. 145–163). «Тетради посещений», которые велись самим хозяином, сохранились лишь за отдельные годы (в частности, с февраля по май 1906 г., с сентября 1906 по май 1907 г. и т. д.) см. [15, с. 9–139]; Щеголев регулярно упоминается среди гостей.

2. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

28 января 1906

28 янв. 1906 г.

Дорогому Павлу Елисеевичу

привет.

В воскресенье 29 января я прочту новый рассказ «Дикий бог»[1], — и А.А. Кондратьев прочтет свой рассказ[2].

Жду.

Искренне преданный Вам

Федор Тетерников.

На бланке с типографской надпечаткой (см. п. 1).

[1] Список гостей, бывших у Сологуба 29 января 1906 г. не сохранился. Вероятно, Щеголев предложением воспользовался: 28 января З.Н. Гиппиус писала А.М. Ремизову: «Завтра, по обычности, обедать ждем, а уж после, пожалуйста, к Сол<огубу> поедем, иначе он меня заест! И Пав<ел> Ел<исеевич> тоже к Сологубу поедет (П. Е. у нас завтра обедает, коль не надует)» [8, с. 296]. Рассказ «Дикий бог» впервые был напечатан в редактируемом Щеголевым литературно-научном приложении к газете «Наша жизнь» (1906. № 5–6. 18 февраля. С. 33–35; № 7. 26 февраля. С. 51–53). Впоследствии вошел в книгу рассказов Сологуба «Истлевающие личины» (М., 1907. С. 3–15). Далее печатался в его собраниях сочинений под названием «За рекой Мейрур».

[2] Писатель Александр Алексеевич Кондратьев (1876–1967) вспоминал о первой встрече с Сологубом: «Я познакомился с поэтом Сологубом, когда тот, в качестве инспектора Андреевского городского училища, занимал казенную квартиру, из 4-х комнат, в здании этого училища, на Васильевском Острове. Как теперь вижу его кабинет, с барельефом, изображавшим профиль Федора Кузьмича, над письменным столом, и репродукциями произведений Фелисьена Ропса над диваном, исполнявшим, кажется, заодно и обязанности постели» (*Кондратьев А.* Из литературных воспоминаний // Последние известия (Ревель). 1927. 6 января. № 5. С. 4). В публикации 1906 г. он упоминается среди сологубовских гостей: «А. Контратьев <sic!>, создатель эротических картинок из домашнего быта, древних богов, сатиров и “сатиресс” — пытливо и почтительно допрашивает замкнутого и насмешливого хозяина о люциферианстве и других мрачных порожденьях Средневековья» (*Маска <Годин Я.?>*. Литературный мир. У Федора Сологуба // Газета Шебуева. 1906. № 2. С. [4]). Какой рассказ он читал 29 января, мы не знаем. Вероятно, это чтение сопровождалось каким-то неловким эпизодом: 11 февраля 1906 г., две недели спустя, А.М. Ремизов писал Сологубу: «Я очень благодарен Вам за Ваше приглашение. Читать рассказ отказываюсь, после Вас жутко и перед Вашими гостями стыдно. Участь А.А. Кондратьева меня не прельщает» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 580. Л. 1). Сологуб отвечал ему на следующий день: «Вы очень огорчаете меня Вашим отказом прочитать Ваш рассказ. <…> Вы мне ставите в вину то, что моей вины не составляет, а что было следствием капризных требований совсем не моих; — Вы сами знаете чьих. Я же гораздо охотнее читал бы после А.А. Кондратьева <…>» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 206. Л. 5).

3. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ
30 января 1906

30 января 1906 г.

Дорогой Павел Елисеевич,

Будьте добры черкнуть, если не лень, не пригодится ли для Нашей Жизни рассказ «Дикий бог»[1].

Содержит он 800 строк.

В будущее воскресенье я прочту нечто в стихах[2]. Буду рад, если придете.

Искренне уважающий Вас

Федор Тетерников.

На бланке с типографской надпечаткой (см. п. 1).

[1] См. прим. 1 к п. 2.

[2] Следующее воскресенье падало на 5 февраля. 3 февраля Сологуб писал М.В. Добужинскому: «В воскресенье 5 февраля я прочту "Литургию Мне"» (ГРМ. Ф. 115. Ед. хр. 290. Л. 4). Это художественное произведение (имеющее подзаголовок «мистерия») было напечатано в журнале «Весы» (1907. № 2. С. 9–26) и в том же году вышло отдельным изданием, немедленно конфискованным цензурой. На чтении 5 февраля присутствовал автор уже упоминавшегося выше репортажа: «Наконец Ф. К. приглашает всех собравшихся в просторный кабинет и приступает к чтению своей вещи. В последний раз он читал только что законченную мистерию "Литургия Мне" (ритуал и стихи). Чтение, прерываемое небольшими паузами длится… Монотонный, слегка усыпляющий голос звучит ровно и бесстрастно. Вереницей мелькают "Змий" и "Дракон", отроки, девы — участники мистерии. Мерные, словно кованные стихи, производят сильное впечатление, несмотря на некоторую туманность содержания» (*Маска*. Литературный мир. У Федора Сологуба // Газета Шебуева. 1906. № 2. С. [4]).

4. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ
10 февраля 1906

10 февр. 1906 г.

Многоуважаемый Павел Елисеевич,

В это воскресенье я буду читать последние главы Мелкого беса[1]. Буду рад, если Вы пожелаете послушать.

С искренним уважением

Федор Тетерников.

На бланке с типографской надпечаткой (см. п. 1).

[1] В отличие от предыдущих дней, список присутствовавших на вечере 12 февраля сохранился [15, с. 77]; Щеголев приглашением манкировал. В этот вечер читалась финальная часть романа Сологуба «Мелкий бес», не вошедшая в журнальную публикацию (Вопросы жизни. 1905. № 6–11), которая прервалась на 24-й главе. На этот же вечер были приглашены А.М. и С.П. Ремизовы (письмо Сологуба от 10 февраля 1906 г. // РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 206. Л. 4) — и приглашение приняли. Одна из присутствовавших гостий, Л.Д. Зиновьева-Аннибал, тем же вечером писала своей приятельнице М.М. Замятниной: «Уехали в 11 ¾ к Сологубу. Тот читал конец "Мелкого Беса"» (слабо и неважно, т. е. не насущный хлеб) — до 4-х утра. А после 4-х, до 5 ½ объяснение с В<ячеслав>ом, очень бурное и, увы, в результате которого Сологуб явился мне таким бедненьким, бьющимся о свои грани и о свое ненапитанное тщеславие зверьком. Все-таки всеми правдами и неправдами помирила их. А вышло все из-за чертей сплетень и наускиваний, чертей, так обильно обитающих в литерат<урном> болоте. Только В<ячесла>в до сих пор не принюхался еще к этому болотному душку и разгуливает невинным обормотом. Хотел В<ячесла>в сделать "доброе" Сологубу, а тот "увидел" себе обиду и оскорбление. Смешно и глупо. Ну, пока еще все устроилось, но, увы, мы оба потеряли истинное уважение к нему и к тому же убедились, что обманывали себя наивно в его чувствах якобы дружбы и любви к нам» [2, с. 167].

5. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

20 февраля 1906

20 февраля 1906 г.

Дорогому Павлу Елисеевичу

сердечный привет

Ничего не имею против перемены заглавия. Но не лучше ли тогда ввести в заголовок слово Зверь в той или иной комбинации? Напр. «Обожаемый зверь». — «Почитатели зверя»[1]. — Впрочем, совершенно предаюсь в этом на Ваше решение.

Ваш Федор Тетерников.

На бланке с типографской надпечаткой (см. п. 1).

[1] Может быть, речь идет о публикации второй части того же рассказа «Дикий бог» (см. прим. 1 к п. 2) — впрочем, несмотря на согласие автора, она вышла под тем же названием. Ни «Обожаемого зверя», ни «Почитателей зверя» мы не знаем. Хотя зверь присутствует во многих заглавиях сологубовских рассказов («Звериный быт», «Страна, где воцарился Зверь», «Призывающий Зверя»), но ни один из них не подходит к этому контексту: иные уже напечатаны, другие еще не написаны.

6. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

3 марта 1906

3 марта 1906 г.

Павлу Елисеевичу

сердечный привет

В воскресенье 5 марта я прочту новый рассказ — «В толпе»[1]. Буду очень рад, если Вы захотите послушать его.

Давно уж Вы у меня не были. Жду.

Ваш Федор Тетерников.

На бланке с типографской надпечаткой (см. п. 1).

[1] Рассказ «В толпе» впервые был напечатан: Новая иллюстрация. 1907. № 3. 5 февраля. С. 17–19; № 5. 5 марта. С. 33–38. На собрании 5 марта присутствовало 14 гостей, среди них был и Щеголев [15, с. 78].

7. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

29 марта 1906

29 марта 1906 г.

Дорогой Павел Елисеевич,

Посылаю Вам два стихотворения, на тот случай, если они пригодятся для Нашей Жизни[1]. Гонорар желал бы получать по 75 к. за строку стихов.

Ваш Федор Тетерников.

На бланке с типографской надпечаткой (см. п. 1).

[1] Одно из этих стихотворений — «В светлый день похоронили…», написанное в тот же день. В картотеке Сологуба на карточке с этим стихотворением сделана пометка: «Наша жизнь. 29 марта 1906» (*Сологуб Ф.* Полн. собр. стихотворений и поэм. СПб.: Наука, 2014. Т. 2. Кн. 2 / изд. подгот. Т.В. Мисникевич. С. 648). Оно было опубликовано в № 410 «Нашей жизни» от 2 апреля (С. 2). Одновременно с ним, судя по той же картотеке, было отправлено стихотворение «Я дорогой невинной и смелою…», но в «Нашей жизни» оно не появлялось и было напечатано только через год: Образование. 1907. № 7. С. 47.

8. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

8 апреля 1906

8 апр. 1906 г.

Дорогой Павел Елисеевич,

Давненько Вы у меня не бывали. Был бы очень рад, если бы Вы собрались как-нибудь в воскресенье[1]. До мая мы в городе. В мае уедем[2].

Ваш Федор Тетерников.

На бланке с типографской надпечаткой (см. п. 1).

[1] Щеголев был в ближайшее же после этого письма воскресенье — собственно, на следующий день, 9 апреля [15, с. 79].

[2] Сологуб вместе со своей больной туберкулезом сестрой Ольгой Кузьминичной Тетерниковой (1865–1907) отправлялись в Уфимскую губернию в кумысолечебное заведение (см. след. письмо).

9. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

22 мая 1906

Шафраново, Сам<аро>-Злат<оустовской> Ж<елезной> д<ороги> Кум<ысо>-леч<ебное> зав<едение> Нагибина[1].

22 мая 1906 г.

Многоуважаемый Павел Елисеевич,

Имею к Вам очень большую просьбу, и очень извиняюсь, если причиню Вам этим беспокойство. Просьба состоит в следующем: не найдете ли Вы возможным устроить мне в Конторе Нашей Жизни рассрочку и уступку платы за объявления о книгах, — рассрочка с тем, чтобы плата производилась из гонорара, который я надеюсь получить, потому что пришлю нечто, — а уступка какая можно[2]. И если это можно, то, м.б., Вы будете любезны передать прилагаемые 2 объявления для напечатания их раза по 2-3 в месяц в июне и в июле[3]. — Мы с сестрою забрались в Уфимскую губернию, т. к. сестре надо пить кумыс. Жарко, ясно, сухо. Кругом видны холмы, и глядя на них, можно вспомнить, что близки Уральские горы. Цветет кумыс[4], пахнет приятно, пыль черноземная, на полях валяются обломки известняка и кварца. Вблизи есть речка, шумная, холодная и быстрая. Подробности — давно уж описаны стариком Аксаковым[5]. —

Как Вы поживаете? От сестры и от меня сердечный привет Валентине Андреевне[6] и Вам.

Преданный Вам Федор Тетерников.

---

[1] В профильном справочнике указывалось: «Кумысолечебница врача Анатолия Львовича Нагибина находится в Белебеевском уезде Уфимской губернии, в 3-х верстах от ст. “Шафраново”, Самаро-Златоустовской жел. дороги. Заведение имеет 10 отдельных семейных дач, 3 отдельных дома с номерами и 3 маленьких домика. Помещения внутри оштукатурены. Полный пансион (питание 3 раза в день: утром чай, кофе, молоко, подается белый хлеб, масло, яйца; завтрак из 1-го блюда, обед из 3-х блюд) — около 50 руб. в месяц; кумыс. Комнаты от 25–50 руб. в месяц, посезонно от 120–130 рублей. Семейные квартиры 225 руб. за сезон и 120 руб. помесячно. Прислуге за подачу самоваров отдельно — 3 рубля в месяц» (Лечебные местности России. Справочник. 1915. <Пг., 1915>. С. 443–444).

[2] Вопреки ожиданиям, в «Нашей жизни» стихи Сологуба больше не печатались, а вскоре (11 июля) и сама газета была закрыта.

[3] Эта просьба была выполнена: в № 469 «Нашей жизни» от 11 июня 1906 г. была помещена реклама «Книги Федора Сологуба: Тяжелые сны. Роман. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к. Родине. Стихи. Книга 5. Цена 25 коп.»; в № 474 от 17 июня 1906 г. — только сборник «Родине»; в № 477 от 21 июня 1906 г. — опять две книги.

[4] Может быть, описка вместо «ковыль»?

[5] Сергей Тимофеевич Аксаков (1791–1859) был уфимским уроженцем; многие местные реалии присутствуют в «Семейной хронике» и «Детских годах Багрова-внука».

[6] Валентина Андреевна Щеголева (урожд. Богуславская; 1878–1931) — актриса; жена П.Е. Щеголева. Подробнее см. вступ. ст.

10. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

1 декабря 1909

1 дк. 1909 г.

Дорогой Павел Елисеевич,

Поздравляю Вас и Валентину Андреевну с Новым Годом[1]. Шлю наилучшие пожелания, и Анастасия Николаевна[2] тоже. Очень ждем Валентину Андреевну к нам 3 декабря вечером[3].

Ваш Федор Тетерников.

На бланке с типографской надпечаткой: Федор Кузьмич Тетерников / (Федор Сологуб) /

СПБ. Гродненский пер. 11, кв. 7.

[1] Все это письмо в целом (и эта фраза в частности) выглядит весьма загадочно. Как известно, Щеголев 13 января 1909 г. был арестован в зале суда и приговорен к трем годам тюремного заключения, которые и отбывал в «Крестах» — в одиночной камере с допуском в нее необходимых для работы книг. Вышел на свободу в мае 1911 г. Таким образом, ни поздравление с новым годом за 30 дней до него, ни

необходимость повторять приглашение находящейся на воле жене через заточенного в тюрьму мужа мы объяснить не можем.

[2] А.Н. Чеботаревская (1876–1921) — супруга Ф. Сологуба. Подробнее см. вступ. ст.

[3] Никаких подробностей о занятиях Сологуба в этот день мы не знаем. Это был четверг, так что и традиционного приема 3 декабря, вероятно, не было. Этим же днем датировано письмо З. Гиппиус к Сологубу, где она жалуется на его домоседство, но это, вероятно, просто случайность.

11. П. ЩЕГОЛЕВ — Ф. СОЛОГУБУ
15 декабря 1909

СПб. Тюрьма, Арсенальная наб. 5

Дорогой Федор Кузьмич, Валентина Андреевна передаст Вам сущность моей просьбы[1]. Если имеете хоть малейшую возможность, используйте ее и сделайте поистине доброе дело. Шлю Вам свои поздравления с Новым Годом, желаю здоровья, успехов литературных и благополучия. Анастасии Николаевне также мой привет и пожелания.

Искренне Ваш П. Щеголев.

15 дек. 1909

[1] О чем идет речь, мы не знаем.

12. П. ЩЕГОЛЕВ — Ф. СОЛОГУБУ
9 апреля 1910

Дорогой Федор Кузьмич,

если Вы надумаете презентовать выходящее ныне собрание ваших сочинений, то будьте добры, проставьте, если это не затруднит Вас, годы и месяцы написания каждой вещи[1]. Буду весьма Вам благодарен, а засим желаю Вам и Анастасии Николаевне доброго здравия и благополучия.

Искренно Ваш

П. Щеголев.

9 апр. 1910
Арсенальн. набережная д. 5

Штампы «С. П. Т.» и «С.П. Б. тюрьма. Просмотрено».

[1] В 1910 г. выходило 12-томное собрание сочинений Сологуба под маркой издательства «Шиповник». В частности, в первом полугодии вышли тт. 1, 3 (оба с 1 по 9 января), 4 (с 3 по 10 марта), 5 (с 13 по 20 апреля), 6 (с 27 апреля по 4 мая) и 7 (с 11 по 18 мая). Неизвестно, выполнил ли Сологуб просьбу Щеголева о простановке дат: его экземпляр (о котором см. след. письма) вероятно, утрачен.

13. П. ЩЕГОЛЕВ — Ф. СОЛОГУБУ

После 10 апреля 1910

Арсенальная набережн., 5

Дорогой Федор Кузьмич, спасибо за собрание сочинений; начал вновь перечитывать их, с «Мелкого беса». Последний раз читал в 1ом издании Шиповника[1]: скажите, ведь Вы должно быть после этого подвергли роман сильной редакции?[2] Почему у меня теперь иное впечатление: книга как будто стала проще, общедоступнее, но в то же время потеряла какую-то очень милую особенность. Или такое чувство оттого, что читатель т.е. я изменился! Хорошо, что Вы издали библиографию и дали ее мне[3], но мне нужно другое. Любопытнее год возникновения, а не год появления в печати: они ведь не совпадают. А мне бы нужно было бы прочесть Вас в хронологическом порядке. Когда выйдут отдельно «Навьи чары»? Я читал только первую часть, ибо остальные альманахи мне были уже недоступны[4]. Скажите, что нового на горизонтах русской словесности, мне за моим отсутствием неизвестного, но достойного чтения. А все Пушкиным занимаюсь[5]. Желаю Вам здоровья и работ, которые принесли бы Вам полное удовлетворение.

Анастасии Николаевне прошу с приветом кланяться.

Ваш П. Щеголев.

Штампы «С. П. Т.» и «С.П. Б. тюрьма. Просмотрено». Датируется по связи с предыдущим письмом.

[1] Первое книжное издание «Мелкого беса» вышло под маркой издательства «Шиповник» в первой половине 1907 г.

[2] Щеголев ошибается: роман подвергался ощутимой правке на этапе подготовки к журнальной публикации, косметической — между журнальной и книжной, но между прижизненными отдельными изданиями текстологической разницы совсем немного; см. в статье М.М. Павловой «Творческая история романа “Мелкий бес”» (*Сологуб Ф.* Мелкий бес. СПб.: Наука, 2004. С. 747–757).

[3] Речь о книге: Библиография сочинений Федора Сологуба. Ч. 1. СПб., 1909. Об обстоятельствах ее появления сообщает дневниковая запись Ф.Ф. Фидлера: «И он <Сологуб> показал мне несколько чисто заполненных тетрадей, в которые уже ровно двадцать пять лет заносит без исключения все, что им напечатано (что, где, когда, под какой подписью). Он хотел бы опубликовать (!) весь этот библи-

ографический перечень (чтобы он не погиб — например, при пожаре), но издание двух-трех печатных листов обошлось бы ему в сто рублей. Увидев сомнение на моем лице и не услышав одобрения с моей стороны (я даже посоветовал ему напечатать всего двадцать оттисков), он робко сказал: “Можно было бы издавать общую автобиблиографическую серию; а моя библиография стала бы первым выпуском. Не сомневаюсь, что многие последовали бы моему примеру”» (*Фидлер Ф.* Из мира литераторов. Характеры и суждения / изд. подгот. К. Азадовский. М.: Новое лит. обозрение, 2008. С. 513).

[4] «Навьи чары» — первая часть романа «Творимая легенда»; она напечатана: Литературно-художественный альманах издательства «Шиповник». Кн. III. СПб., 1907. С. 189–305. Следующие части публиковались: Ч. 2: Там же. Кн. VII. СПб., 1908. С. 155–242; Ч. 3: Там же. Кн. X. С. 115–272; Ч. 4: Земля. Кн. 10. М., 1912. С. 121–296; Ч. 5. Там же. Кн. 11. М., 1913. С. 113–284. В значительно переработанном виде роман занял три последних тома (тт. XVIII–XX) собрания сочинений Сологуба под маркой издательства «Сирин» (СПб., 1914).

[5] Пушкиноведческая библиография Щеголева весьма обширна; в 1910 г. вышла его книга «Из разысканий в области биографии и текста Пушкина», в 1912 — «Пушкин. Очерки», в 1916 — «Дуэль и смерть Пушкина» (все — СПб.) и т.д.

14. П. ЩЕГОЛЕВ — Ф. СОЛОГУБУ

30 января 1911

Арсенальная наб. 5
30 янв. 1911

Дорогой Федор Кузьмич, позвольте мне еще раз обратиться к Вам с просьбой особого содержания. Дело вот в чем. У меня есть сосед, который сидит уже четвертый год. И засиделся и проголодался, живя все эти годы впроголодь. Это было бы еще ничего, но недостаточное питание подорвало его здоровье. У него была уже два раза цинга, а теперь он лежит с жесточайшим суставным ревматизмом. Сидеть ему остается всего 5 месяцев, но доктор сказал, что если с ним случится за это время еще раз цинга, то это может быть для него концом. Ему надо немного подкормиться; человек он совершенно неимущий, и ни на чью помощь не может надеяться. Я обращаюсь к Вам, не поможете ли Вы. Почему я обращаюсь к Вам? Да потому, что в Вас есть особенная щедрость и Вы просто даже не станете входить в рассуждения из-за такой мелочи. Нужно ему всего-навсего по 10 рублей в месяц или 50 руб. на все время. Это — совершенно ничего не значащие для Вас пустяки, а не стоит пропадать человеку из-за таких пустяков. Поэтому я прошу Вас не отказать в этой просьбе и надеюсь крепко, что отказа не случится. Это письмо Вы ни в коем случае не оставляйте без ответа. Если он будет отрицательный (не чаю я этого!), то напишите прямо мне по указанному вверху письма адресу, а положительный, т. е. деньги можно посылать или послать

хоть Валентине Андреевне, хоть (не упоминая обо мне) по почте от своего имени самому соседу и даже можно опять-таки мне.

Всего Вам хорошего. Будьте здоровы. Поклон мой — Анастасии Николаевне.

Искренне Вас уважающий П. Щеголев.

Зовут его Иван Дмитриевич Хрулев[1].

---

[1] Среди писем В.А. Щеголевой к Сологубу сохранилась записка, относящаяся к этому же сюжету; она датирована 29 октября 1910 г.: «Посылаю Вам письмо Павла Елисеевича, которое лежит у меня с давних пор, недели 3. Он в нем опять прибегает к Вашему милосердию в пользу одного сидящего в “Крестах” бедняги, у которого от плохой пищи развилась цинга. Если у Вас найдется излишек рублей в 10, перешлите его этому человеку, зовут его Илья Димитриевич Хрулев, прибавьте, что деньги эти ему посылает брат или сестра, имени своего не ставьте» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 779. Л. 8–8 об.). Это усложняет всю конструкцию: во-первых, здесь Иван оказывается Ильей, а во-вторых, письмо Щеголевой написано за три месяца до письма ее мужа. Как объяснить это, мы не знаем, но при этом Илью идентифицировать проще, чем Ивана: это крестьянин Псковской губернии, работавший в конторе социал-демократической газеты «Путь Правды». Партийная кличка у него была «Павел», а оперативный псевдоним — «Молчалин» (чувствуется влияние соседа по «Крестам»!), ибо с 1914 г. он служил секретным сотрудником Петербургского охранного отделения (см.: *Закс Г.* Семен Рошаль в подполье // Революционное юношество. Из прошлого социал-демократической учащейся и рабочей молодежи. Л., 1924. Сб. 1. С. 119). В 1919 г. Хрулев арестовывался в Пскове «за контрреволюционные действия», в январе 1920 г. был освобожден, в декабре арестован вновь «как провокатор царской охранки» и 23 декабря расстрелян по приговору коллегии Псковской ГубЧК. Год рождения его в разных документах приводится как 1878 или 1879. Известно, что Сологуб откликнулся на эту просьбу — 27 марта 1911 г. Щеголева писала ему: «Павел Елисеевич просит Вам передать, что деньги, посланные Вами Хрулеву, он получил, очень вас благодарит за него» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 779. Л. 21). Через три дня благодарил и сам Щеголев (см. след. письмо).

15. П. ЩЕГОЛЕВ — Ф. СОЛОГУБУ

30 марта 1911

Арсенальная наб. 5 Т.<юрьма>
30 марта 1911

Дорогой Федор Кузьмич,

деньги получил и благодарю Вас.

Имею большую к Вам просьбу. Не могли бы Вы через знакомых художников достать для меня недели на 2–3 два издания: 1) Старые годы за 1908, 9, 10 и 11 годы и 2) Царское село Бенуа[1]. Будут возвращены в полной сохранности. Я не имею возможности достать этих книг из тех библиотек, которыми я пользуюсь, а они очень мне нужны для моих работ.

Послать эти книги можно лучше всего прямо сюда, по вышеуказанному адресу, на имя г. Библиотекаря здешней библиотеки с приписанием «для П. Е. Щ.». Так будет удобнее всего. (Можно и прямо на мое имя, можно и передать Вал. Андр.)

Буду Вам очень благодарен за это содействие.

Как поживаете? Как Ваши работы?

Будьте здоровы. Поклон мой Анастасии Николаевне.

Ваш П. Щеголев.

---

[1] «Старые годы» — иллюстрированный журнал, «ежемесячник для любителей искусства и старины», издававшийся в 1907–1916 гг. Затребованный Щеголевым комплект за четыре года представлял собой немалую ценность и был достаточно объемным. Еще дороже и форматнее была монография А.Н. Бенуа «Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны» (СПб., 1910) — роскошно изданный, богато иллюстрированный волюм в большую 4°.

16. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

8 апреля 1911

8 апр. 1911 г.

Х. В.

Дорогой Павел Елисеевич,

Поздравляю Вас с наступающим праздником. — Ужасно досадно, что у меня у самого нет книг, о которых Вы мне писали. Я обращался кое к кому за этими книгами, но пока еще не сумел их достать[1]. Буду очень рад, если мне удастся Вам их доставить. — Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Федор Тетерников.

На бланке с типографской надпечаткой: Федор Кузьмич Тетерников / (Федор Сологуб) / СПБ. Разъезжая 31, кв. 4 / Телефон 106-44.

Треугольный штамп: СПБ. Тюрьма. Просмотрено.

[1] Сологуб пытался раздобыть «Царское Село» непосредственно у его автора: «Политический заключенный Павел Елисеевич Щеголев, довольно известный историк, имеет необходимость для своих работ просмотреть Вашу книгу Царское Село; она ему нужна недели на 2–3» (письмо Сологуба к А. Бенуа // ГРМ. Ф. 137. Ед. хр. 1558. Л. 2–3).

17. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

Около 1/14 октября 1911

Дорогие и милые Валентина Андреевна и Павел Елисеевич, шлю Вам сердечный привет из Милана[1]. Здесь орут ужасно по ночам, рады войне[2] и вообще народ не слишком приятный. Впрочем, все иностранцы, — мы для них, они для нас. И тепло, — благодать. — Ан. Н. кланяется.

Вам сердечно преданный

Федор Тетерников.

Открытка. Почтовый штемпель: Милан (14.10.1911).

[1] Первая заграничная поездка Сологуба и Чеботаревской документирована довольно скупо. Сологубы выехали в Европу в середине сентября 1911 г. (ср. сетования С. Городецкого: «А Петерб<ург> в этом году пустует: Верховский тоже уехал в Тифлис профессором, Сологуб уехал, Вяч. <Иванова> нет еще» (письмо Г.И. Чулкову от 21 сентября 1911 г. // РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 322. Л. 4). В тот же день (21 сентября / 4 октября) Сологуб писал З. Гиппиус из Мюнхена: «<…> были мы в веселой Вене, теперь в веселом Мюнхене. <…> Сочетание Пропилеев и сосисок, античности и пива производит ошеломляющее впечатление: когда же от него очнешься, то видишь, что здесь очень приятно жить» (РГАЛИ. Ф. 154. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 1). 28 сентября 1911 г. помечено швейцарское стихотворение Сологуба («Проснувшися не рано, / Я вышел на балкон. / Над озером Лугано / Дымился легкий сон»), 25 октября 1911 г. — монакское («Здесь, над милой Кондаминой, / Где нежна природа-мать» etc). 27 октября 1911 г. К. Сомов писал Чеботаревской, адресуясь в Монако: «Как игра? Все удача?» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 267. Л. 37). В недатированном (октябрь — декабрь 1911 г.) письме Сологуб писал В.Э. Мейерхольду из Монако («Hotel d`Orient»): «Наша Кондамина, где мы живем, — уютное и милое место, откуда близко ко всему, что здесь есть. Живем тихо, читаем “Речь”, которая приходит к нам на пятый день, понемножку играем, слушаем музыку в концертном зале здешнего Казино» (опубл. Ю.Е. Галаниной: [15, с. 326]). Из Монако они перебрались в Мюнхен, откуда делились впечатлениями; вернулись в начале декабря: «На днях приехали Сологуб и сестра, хотя их рассказы о Монако, Вене и Мюнхене возбудили скорее тоскливое чувство» (письмо Ал. Н. Чеботаревской к М. Гершензону от 16 декабря 1911 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 43. Ед. хр. 23. Л. 15). Печатаемая открытка добавляет еще одну дату и место: Милан, 1/14 октября.

[2] В конце сентября 1911 г. началась турецко-итальянская война.

18. П. ЩЕГОЛЕВ — Ф. СОЛОГУБУ

7 декабря 1912

Дорогой Федор Кузьмич

Звонил Вам, хотел поговорить лично. Теперь пишу. Очень прошу Вас выручить меня. Мне завтра в 9 ч. утра надо заплатить один долг, и нужно 160 рублей, а их нет и достать их ниоткуда в такой короткий

срок не могу. Вы один раз меня выручили, но я до сих пор не вернул Вам 70 рублей. В среду — не позже (т. е. 12 декабря) я верну (на этот раз — без отмены <?> и промедления) Вам 200 рублей, а в субботу 15 остальной долг.

Очень прошу помочь, а не отказать: весьма приперло и трудно выкрутиться. Заранее благодарю Вас за возможность надежды.

Буду я с 10 ½ часа в квартире Я.Я. Брусова[1]. Телеф. 413–27.

Деньги (160 р.) прошу смело вручить посланному, взяв с него расписочку.

Если бы оказалась меньшая сумма, то просил бы и меньшую, но для устройства окончательного моих дел необходимо именно 160 рублей.

Ваш П. Щеголев.

Пятница
7 дек. 1912

[1] Инженер-архитектор Яков Яковлевич Брусов (1871 — после 1923) жил по адресу: Каменноостровский пр., д. 57. Брусов и его жена упоминаются в дневнике В.А. Щеголевой за 1915 г.: [4, с. 209].

19. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

Ок. 10 февраля 1913

Дорогой Павел Елисеевич,

Только что кончил статью, о которой мы говорили, и посылаю Вам ее. Буду рад, если пригодится[1].

Мне очень жаль, что мы так сердито шумели в раннее утро вторника. Я уверен в Ваших искренно-дружеских чувствах ко мне и совершенно согласен с тем, что гораздо лучше и достойнее прямо высказать свои мысли, чем любезно умалчивать. Чрезмерная страстность разговора, конечно прискорбна, но случайна. По существу же я думаю по-прежнему. В жизнь мою пальцем не пошевелил я, чтобы кому-нибудь понравиться, и своими выгодами и пользами интересовался лишь в мере крайне-необходимого, — а вот такие люди, как Ф.Д. Батюшков, имеют смелость называть меня рекламистом[2]. Что же мне делать с такою зверскою несправедливостью ко мне? Все-таки оглядываться на того же Батюшкова и соображать, что в моих поступках ему может не понравиться? Не стоит. А на Тургенева

мне оглядываться тоже не приходится. Ни я сам не давал никому обещаний поступать сообразно тем или другим традициям, по-тургеневски или по-гоголевски, ни критика не возносила меня на такие высоты, ни публика меня так не ценила. Да и Тургенев, поступая так, как Вам кажется правильным, не избег пасквиля Достоевского, который обвинял Тургенева как раз именно в том же, в чем мои милые современники хотят обвинять меня: в кокетничании своею славою и в искании популярности[3]. Современники во все времена любили злословить, меня же злословят с особенным удовольствием, и вот именно потому, что я избегаю тех путей к популярности и влиянию, которыми пользуются другие; и злословить меня удобно именно потому, что я и не имею ни популярности, ни влияния; какую мерзость про меня ни напиши, ей поверят. Переменить это я не умею и, по всей вероятности, не сумею. Ну, а через 100 лет все это, конечно, изменится, потому что вообще потомки лучше разбираются в делах предков, чем сами предки[4].

Ваш Федор Тетерников.

Помета неизвестной рукой «10 февр. 1913». Датируется по этой пометке.

[1] Если довериться проставленной на письме неизвестной рукой дате, то статью Сологуба опознать не так-то просто. Ближайшая его статья после этого письма — «Приземистые судят» (Театр и искусство. 1913. № 7. 17 февраля. С. 162–164). В ней автор полемизирует с критиками драмы Л. Андреева «Екатерина Ивановна» и сочувственно цитирует Василиска Гнедова — то есть никакой связи с содержанием этого письма не просматривается. Более того, нам неизвестно никаких связей между Щеголевым и этим журналом, которые заставили бы Сологуба прибегнуть к его посредничеству: он сам печатается там регулярно. Щеголев вновь поступит на редакционную работу лишь в последние дни того же 1913 г., когда возглавит литературный отдел газеты «День» — но тогда потребуется пересмотреть датировку письма. Остается еще шанс, что речь идет о статье-послесловии Сологуба для совместного с Щеголевым издания «Уединенного домика на Васильевском» (см. вступ. ст.).

[2] Многолетнее знакомство Сологуба с ученым-филологом и членом литературно-театрального комитета при Петербургских императорских театрах Федором Дмитриевичем Батюшковым (1857–1920) было омрачено несколькими конфликтами, в том числе публичными. Наиболее известный из них разразился осенью 1912 г. В ответ на упрек Д.В. Философова в пренебрежении Театрально-литературного комитета к современной драматургии (Казенно-театральное // Речь. 1912. 19 сент. № 257. С. 2) Батюшков писал: «А что другое ему делать? Не выступать же в роли босоножки в какой-нибудь пьесе Сологуба…» (Речь. 1912. 19 сент. № 257. С. 2); в свою очередь Сологуб отвечал ему: «Не понимаю, как возникла у г. Батюшкова такая мысль; ни о чем подобном я его никогда не просил; напротив, если бы мне привелось узнать, что г. Ф. Батюшков изъявляет желание исполнить роль босоножки в моей “какой-нибудь” пьесе, то я настойчиво просил бы режиссера и дирекцию не потворствовать такой фантазии и дать дорогу молодым силам» (Биржевые ведомости. 1912. 20 сент. № 13153. Веч. вып. С. 8); перепечатано во многих газетах.

История имела продолжение: в № 317 «Петербургской газеты» был напечатан отчет о сделанном накануне докладе Батюшкова во Всероссийском литературном обществе по поводу драмы Сологуба «Заложники жизни». Среди прочего в нем было сказано: «Газеты констатировали успехи аксессуаров, но не самой пьесы, были протесты со стороны публики и очень дурно высказались о Сологубе наиболее почтенные артисты Александринского театра» (*Театрал.* Ф.Д. Батюшков против Федора Сологуба // Петербургская газета. 1912. 17 ноября. С. 5). Сологуб ожидаемо откликнулся открытым письмом (Инцидент «Сологуб-Батюшков». Открытое письмо г. Сологуба — г. Батюшкову // Петербургская газета. 1912. 21 ноября. № 321. С. 6). Одновременно он писал В.А. Теляковскому, директору Императорских театров: «Очень извиняюсь в том, что решаюсь утруждать Ваше внимание, но, после долгих сомнений и колебаний, я все-таки позволяю себе просить Вас просмотреть прилагаемую вырезку из газеты. Очень прискорбно, что председатель литературно-театрального комитета, не ограничиваясь критикою пьесы, говорит публично о дурных отзывах обо мне почтенных артистов» (Гос. Центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина. КП 226027). Завязалась открытая переписка, печатавшаяся в следующих номерах «Петербургской газеты»: письмо Батюшкова в № 322 и Сологуба в № 323, после чего эпизод, вероятно, был исчерпан, хотя память о нем осталась: даже через год, 6 ноября 1913 г., Сологуб в письме к В. Гиппиусу упоминает Батюшкова среди лиц, «которые во все времена восхваляют покойников и грызут живых» (ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 224. Л. 9 об.).

Дело усугубилось публикацией в декабрьском номере журнала «Современный мир» обширной статьи Батюшкова «В походе против драмы» (Современный мир. 1912. № 12. С. 234–248), посвященной недружелюбному разбору пьесы Сологуба «Заложники жизни», поставленной в Александринском театре. Там, в частности, была повторена задевшая Сологуба фраза: «Были и резко отрицательные отзывы, как и в самом театре раздавались протесты части публики, неудовлетворенной показанной ей новинкой. Среди самых почтенных артистов Александринской труппы постановка пьесы произвела настоящий переполох» (С. 235).

[3] Вероятно, из всей богатой истории диалога Достоевского и Тургенева Сологуб имеет в виду лишь изображение последнего в образе писателя Семена Егоровича Кармазинова в романе «Бесы».

[4] Не беремся сказать, насколько можно судить об этом по наст. публикации.

20. П. ЩЕГОЛЕВ — Ф. СОЛОГУБУ

9 марта 1914

Дорогой Федор Кузьмич,

я ждал приезда Г.И. Чулкова, чтобы обсудить вместе с ним создавшееся положение. После последнего с Вами и с Анастасией Николаевной разговора по телефону у меня создалось такое впечатление: Вы представляете себе дело так, что мы вступили в какое-то с Вами соперничество, что мы замышляем что-то Вам неприятное.

Последнее дело, по моему мнению, литераторам заниматься конкуренцией на почве литературных выступлений. Устраивая диспут, я не знал, что первая мысль о нем явилась у Вас, и потому мы с Г. И. пришли к убеждению, что самое лучшее с нашей стороны отказаться от устройства всякого диспута о «Бесах»[1].

Всего Вам лучшего.

Искренне Вас уважающий

П. Щеголев.

9 марта 1914

Последняя цифра года переправлена из «5».

[1] Осенью 1913 — весной 1914 г. в русском обществе возникла горячая полемика по поводу романа Достоевского «Бесы», первоначально стимулированная скандальной постановкой Московского Художественного театра (предварительный свод публикаций см.: *Белов С.В.* Ф.М. Достоевский. Указатель произведений Ф.М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004 гг. СПб.: РНБ, 2011. С. 409–413). На конец марта 1914 г. была запланирована лекция Г.И. Чулкова в Петербурге с последующим диспутом. 1 марта Чулков, выехавший в Москву (в том числе имея среди задач посмотреть пресловутый спектакль) писал жене: «Скажи по телефону П.Е. Щеголеву, что в программу моей лекции “Бесы” надо вставить две фразы: 1) “Письмо Максима Горького” — это после фразы “Критики прежде и теперь” и 2) “Постановки ‘Николая Ставрогина’ в Художественном театре” — это после фразы “Достоевский и театр”. Пусть Павел Елисеевич сам прокорректирует теперь. Передай ему это тотчас же» [11, с. 483]; замечания касались предварительного плана лекции, который нужно было утвердить у полицейского начальства. На следующий день, 2 марта, Чулков писал жене: «Был в Худож<ественном> Театре на “Бесах”. Достоевский обезображен. Не мог досидеть до конца. <…> Разговаривал с Вяч. Ив. <Ивановым> по телефону. Он отказывается приехать в Петербург на диспут, потому что 26 у него лекция в Москве. Объясни это по телефону Щеголеву» [11, с. 484]. На следующий день, 3 марта Н.Г. Чулкова писала мужу: «Милый Георгий, твою лекцию Долидзе устраивает 24-го марта и снимет какое-то очень большое помещение на Невском. Щеголев мне каждый день телефонирует, все жалуется на Настасью Николаевну <Чеботаревскую>. Он с ней все ссорится. <…> Итак, имей в виду, что здесь ты читаешь 24 марта. Щеголев приглашал Сологуба, но он отказался, хотя очень нерешительно» [11, с. 484]. Таким образом выходило, что из двух намеченных для диспута ораторов оба отказались — Вяч. Иванов 26 марта читал в Политехническом музее доклад «Новалис, певец и волхв» (РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 5), а Сологуб отказался, как следует из печатаемого письма, из-за наличия у него сходных планов. 9 марта, уже вернувшись в Петербург, Чулков писал ему:

«Дорогой Федор Кузьмич!

Только сегодня вернулся из поездки в Петербург <sic!> и узнал от Павла Елисеевича, что Вы отказались принять участие в прениях после моей лекции о “Бесах”. Это меня удивило и огорчило. Насколько я понял, отказ Ваш связан с планом другого диспута на ту же тему. Если Вы смотрите на такое совпадение как на известное “соперничество”, я, разумеется, не могу признать его желательным и возможным. Поэтому, дорогой Федор Кузьмич, без колебания отказываюсь от плана устроить мою лекцию и беседу после нее, давно уже задуманные мною. Я очень рад, что Павел Елисеевич разделяет мою точку зрения. Привет Анастасии Николаевне.

Крепко жму Вашу руку.

Душевно Ваш Георгий Чулков» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 746. Л. 7).

Вероятно, этим сюжет и был завершен. Состоялась ли запланированная лекция Чулкова, мы не знаем.

21. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

Середина (до 20) октября 1914

Пятница.

Дорогой Павел Елисеевич,

Посылаю Вам стихи о бельгийцах, о которых мы с Вами говорили по телефону[1]. Вы сказали мне, что пришлете за ними в четверг, — потому я вчера и не позаботился об этом сам. Если стихи не нужны, потому, что опоздали, или по иной причине, будьте добры известить.

Ваш Федор Тетерников.

Датируется по содержанию.

[1] Судя по вносимой позднее правке (см. п. 22), речь идет о стихотворении «Утешение Бельгии» («Есть в наивных предвещаньях правда мудрая порой…»). Оно было впервые напечатано в подведомственной Щеголеву газете «День» (1914. 21 октября. № 286. С. 3).

22. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

. Середина (до 20) октября 1914

Дорогой Павел Елисеевич,

Если Вы ничего не имеете против стихотворения в целом, то могу предложить Вам такой вариант взамен «Кельна и Ахена»:

На полях, омытых кровью, алый цвет любви взойдет,
В городах опять веселье брабансону запоет[1].

Или, без ущерба для смысла, эти два стих<а> можно совсем пропустить.

Ваш Федор Тетерников.

P.S. С Барятинским[2] я говорил по телефону, и послал ему стихи; только вариант не был еще придуман. Теперь, стало быть, остается Вам с ним переговорить; если он возьмется, пожалуйста, сообщите ему вариант.

Датируется по содержанию.

[1] Речь идет об упоминавшемся в п. 21 стихотворении «Утешение Бельгии» («Есть в наивных предвещаньях правда мудрая порой…»). Оно напечатано: День.

1914. 21 октября. № 286. С. 3. Очевидно, по цензурным или иным соображениям редакция пожелала заменить двустишие «На полях, омытых кровью, розы мира расцветут, / И к его державе светлой Кельн и Ахен отойдут». Предложенная Сологубом замена также не подошла, так что стихотворение было опубликовано в газете вовсе без этих двух строк.

[2] Вероятно, это Владимир Владимирович Барятинский (1874–1941) — публицист, писатель и переводчик.

23. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

Ок. 19 июня 1915

Песочное, Ярослав. губ., село Красное, усадьба Тихменевых.

Дорогой Павел Елисеевич,

Шлю Вам с берегов Волги сердечный привет. Десять дней странствовали мы по этой восхитительной реке и наконец нашли премилую дачу под Рыбинском[1]. Как Вы поживаете? Черкните пару слов.

Желаю приятных дней.

Ваш Федор Тетерников.

P.S. Можно бы здесь найти дачу и для Вас, если Вы еще не устроились.

Открытка. Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Намерение об отъезде сперва было высказано печатно, а пункт назначения означен предположительно: «Автор "Мелкого беса" Ф.К. Сологуб поедет в имение, находящееся в 20-ти верстах от Ярославля, где займется новой большой работой» (Писатели на летнем отдыхе // Биржевые ведомости. 1915. 19 мая. № 14851. С. 6); в эти же дни ждали его, впрочем, и в Старой Руссе: «Здесь часто вижусь с Ауслендером и у него бываю. Хочет приехать сюда и старый пес с Настей» (т. е. Сологуб с А.Н. Чеботаревской; письмо Б. Садовского к А. Тинякову 27 мая 1915 г. // РНБ. Ф. 774. Ед. хр. 36. Л. 57). Еще 5 июня Сологуб просил прислать ему экземпляр альманаха «Артист — солдату» по адресу «Диево Городище» Ярославской губернии и уезда (письмо к А.В. Руманову // РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 633. Л. 5). Первое из известных нам писем, помеченных Красным, отправлено 12 июня 1915 г. тому же Руманову (Там же. Л. 3; в архивной единице документы лежат не по порядку). Некоторое время спустя Сологуб суммировал первые впечатления: «В том месте, где я живу, так очаровательно-мягкая, милая, немножко косолапая, плутоватая и вороватая средняя Русь, — и восхитительная Волга перед глазами, что сердце с особенною приятностью стремится приветствовать тех, о ком есть такие милые воспоминания. Мне почему-то кажется, что если бы Вы вздумали заглянуть к нам под Рыбинск, то Вы нашли бы здесь некоторое, хотя и отдаленное, сходство с пейзажами Англии. Мы несколько дней ехали по Волге, несколько дней прожили в Ярославле, который нас так очаровал, что мы решили перенести туда столицу из некого города на Неве (будет с него — поцарствовал), — и наконец, почти случайно, нашли эту дачу на Волге, совершенно годную даже для того, чтобы в ней был написан роман» (письмо к З.А. Венгеровой 18 июля 1915 г. // ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 683. Л. 8–9); на другой день Чеботаревская писала другому потенциальному гостю: «<…> мы на Волге, здесь очень живописно, настоящий русский северный

пейзаж —– масса церквей; дача — удачная, старинная и маленькая усадьба очень уютная и старый парк на берегу Волги» (письмо к К. Сюннербергу // ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 291. Л. 34); ср. кстати ее статью (подписанную именем Сологуба), содержащую описание волжского путешествия: *Сологуб Ф.* По широкому раздолью // Биржевые ведомости. 1915. 21 июня. № 14917. С. 3.

24. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

Ок. 15 июля 1915

Дорогой Павел Елисеевич,

Как поживаете? Читал ноньче <sic> в газетах, что Вы с другими представителями редакций беседовали с министром[1]. Приятно было бы, если бы это привело к добрым результатам. Даже и такому мирному и уединенному писателю, как я, приходится роптать: в короткое время у меня цензура зачеркнула в Биржевых три статьи[2]. — Не соберетесь ли на Волгу? Заехали бы к нам. У нас мило, тихо, очаровательный вид на Волгу, и удобное сообщение: пароходная пристань (к Рыбинску) под нашим садом прямо.

Имею к Вам просьбу: будьте добры назвать мне хорошую монографию о Стеньке Разине; здесь вовсе негде справиться[3]. А, может быть, будете так любезны, что скажете в каком-нибудь книжном магазине, чтобы мне ее выслали с наложенным платежом. Буду очень благодарен[4].

Мой адрес: Песочное, Ярослав. г., село Красное, усадьба Тихменевых.

Сердечный привет Валентине Андреевне.

Преданный Вам

Федор Тетерников.

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] О прошедшем совещании в хронике сообщалось: «11 июля управляющий министерством внутренних дел кн. Н.Б. Щербатов принял представителей петроградских газет: “Биржевых ведомостей” (С.М. Проппер и М.М. Гаккебуш), “Дня” (П.Е. Щеголев), “Нового времени” (М.А. Суворин) и “Речи” (И.В. Гессен). И.В. Гессен прочел составленную им записку о стесненном положении Петроградской печати, и затем в общей беседе с кн. Щербатовым представители печати всесторонне осветили те тяжелые цензурные условия, в которых приходится работать столичной прессе» (*Б. п.* Представители печати у кн. Щербатова // День. 1915. 12 июля. № 198. С. 4).

[2] 22 июня 1915 г. сотрудник «Биржевых ведомостей» и многолетний корреспондент Сологуба А.А. Измайлов писал ему: «Посылаемые цензурные гранки с запрещением вас не порадуют, но объяснят, почему газета не напечатала статейки» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1995 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 254). Первопубликатор этого письма М.М. Павлова предпола-

гает, что речь идет о статье «Цена одному», и сообщает, что в авторской картотеке имеются пометы о цензурном запрещении статей «Гадания» (позже напечатана в тех же «Биржевых ведомостях»), «Вечный жид» (позже опубликован в «Русских ведомостях») и «Горение души» (Там же).

[3] Стихотворения и наброски романа о С. Разине появятся у Сологуба значительно позже, в 1920 г. См. предварительный этюд к неосуществленному роману: «I. Он не умер. Живет в полусне и ждет. Многое узнал и понял. Читал, слушал. Персидская княжна. Просыпался при каждом народном волнении. Но все это было не то. Вот приходят и зовут. Сомнения Степана. Идет. Его принимают интеллигенты за спирита, ловкого самозван<ца>. II. Разрушения и убийства. III. Разочарован.

"Не мой час. Не мое дело". Уходит и засыпает. 22 июня (5 июля) 1920 г. Княжнино» (*Сологуб Ф.* Полн. собр. стихотворений и поэм. СПб.: Наука, 2020. Т. 3 / изд. подгот. М.М. Павлова. С. 743).

[4] В личной библиотеке Сологуба, насколько мы можем судить, монографий о Разине не сохранилось.

25. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

1 ноября 1915

Вологда[1]
1 ноября 1915.

Дорогой Павел Елисеевич,

То, что пишет Ол Д'Ор 31-го в Дне, совпадает с тем, что Вы мне сказали по телефону, и это — неправда: когда я печатался в Лукоморье, ни Буренина, ни Бурнакина там не было, и Вы это знаете, и Ваш ругатель должен это знать[2]. Итак, как я ни повернусь, травля против меня будет продолжаться, и газета День будет заниматься этим делом. Братья-писатели, чего же вы добиваетесь? Загрызть меня до смерти, что ли, хотите? Сколько раз приходится повторять возглас Льва Толстого: «ведь вы же — люди, а не черти из болота!»[3]

Ваш Федор Сологуб.

---

[1] Сологуб в очередной раз посетил Вологду в рамках краткого лекционного тура начала ноября: поскольку он ездил вместе с А.Н. Чеботаревской и, соответственно, переписки между ними не велось, документирован он весьма скупо. Так, 30 октября 1915 г. Чеботаревская писала в издательство М. и С. Сабашниковых: «С 5-го числа мы в поездке до 15 ноября — по России с лекцией» (РГБ. Ф. 261. Карт. 6. Ед. хр. 106. Л. 1). Лекция «Россия в мечтах и ожиданиях» была прочитана в Вологде «31 октября в зале Страхового общества в 8 ½ часов» (объявления: Эхо (Вологда). 1915. 30 октября. № 371. С. 2; Вологодский листок. 1915. 22 октября. № 924. С. 2; 25 октября. № 925. С. 2; 27 октября. № 926. С. 2; № 927. 29 октября. С. 2).

[2] 31 октября 1915 г. в газете «День» (№ 300) был напечатан фельетон О.Л. д'Ора (Осип Львович Оршер; 1879–1942) «Лукоморцы», посвященный одной из болезненных тем 1910-х годов. Исторически среди русской либеральной интеллигенции принято было подвергать тотальному остракизму тех, кто печатался в газетах

консервативного, не говоря правого направления — прежде всего в проправительственном «Новом времени». В 1914–1915 гг. ситуация осложнилась: наследник покойного издателя «Нового времени» М.А. Суворин организовал иллюстрированный журнал «Лукоморье», направлением вполне совпадавший с патриотическими настроениями, охватившими русское общество, — таким образом, многолетняя стигма должна была исчезнуть (чему немало способствовали и чрезвычайно высокие лукоморские гонорары). Целый ряд писателей, до этого строго соблюдавших конвенансы этого рода, стал с «Лукоморьем» осторожно сотрудничать, что вызвало энергичные выпады радикалов: не выдержав их, авторы «Лукоморья» стали журнал покидать, сопровождая свой выход открытыми письмами. Этому посвящен и указанный фельетон О.Л. д'Ора:

ЛУКОМОРЦЫ

(Две сценки из жизни петроградской писательщины).

Сценка первая.

Туда.

— Что за толпа? Куда она бежит?

— Это писатели. Бегут в Эртелев переулок…

— В Эртелев? Туда прежде днем не ходили. В Эртелев переулок пробирались тайком, ночью, чтобы никто не видел.

— То было когда-то. А теперь…

— Теперь, что же?

— Теперь, говорят, один из Суворинных обрадикалел… Журнал издает с радикальным направлением. Авансы раздает самым радикальным образом.

— Авансы! Все-таки зачем они толпой?..

— По многим причинам. Во-первых, мелкие звери всегда ходят стаями…

— Во-вторых?

— Во-вторых, в толпе не так зазорно. Трусливые люди совершают преступления «всем миром». Совесть не так мучит…

— Кто этот высокий с носом, который так работает локтями, стараясь пробраться вперед?

— Это Сергей Городецкий. Хочется прийти первым к столбу, т. е. к авансу.

— А вот тот, бритый?

— Который поет «Гей, славяне?» Это — Дмитрий Цензор. Ишь как работает руками. Сергея Городецкого обогнать хочет…

— А тот, толстый? Смотрите, как расчищает перед собой публику. Куда не повернется — улица.

— Это Рославлев. За ним вприпрыжку Борис Лазаревский, за Борисом Лазаревским — Кузмин, Олигер, Георгий Иванов…

— Боже, кажется, и Федор Сологуб! И Ремизов тут?.. Неужели это они!

— Они! Они! За компанию, говорят, пошли. Молодежь их увлекла за собой…

— В том-то, кажется, и горе наше, что истинные писатели идут вслед за молодежью, а не ведут молодежь вслед за собой…

— Смотрите, смотрите, что делается у входа в редакцию…

— Батюшки, с Бурениным целуются!!!

— Бурнакина обнимают!

— Суворину «ура» кричат…

— Деньги считают… Уйдем отсюда.

— Уйдем… Смотреть противно!..

Толпа расходится. Писатели с песнями входят в «Лукоморье».

Сценка вторая.

Обратно.

— Откуда это народ бежит без оглядки?

— Это не народ, а писатели… Из Эртелева переулка бегут. Из «Лукоморья»…

— Чего же так спешат? Один чуть с ног меня не сбил.

— Спешат… каждый хочет показать, что он первый убежал, что его первого стошнило…

— Почему же вдруг стошнило? Целый год работали…

— Работали, а теперь перестали. Увидели там Буренина и Бурнакина, и перестали работать…

— Кажется, Буренин с первого номера работал в «Лукоморье».

— Писатели думали, что это не тот Буренин… Сологуб, Садовской, Рославлев и другие думали, что есть два Буренина, один хороший, а другой плохой. Плохой, думали писатели, работает в «Новом времени», а хороший в «Лукоморье». Потом оказалось что Буренин один…

— А Бурнакин? Он тоже один из первых в «Лукоморье».

— И с Бурнакиным почти такая же история вышла. Писатели думали, что это не тот Бурнакин, который в «Новом времени» пишет. Думали, что он однофамилец того, что в «Новом времени».

— Действительно, недоразумение… Какие наивные люди эти Петроградские писатели. Прямо как малые дети…

— И относительно Суворина вышла ошибка. Писатели по наивности своей думали, что Суворин не фамилия, а псевдоним. Полагали, что под этим псевдонимом скрывается какой-то известный радикальный писатель. Потом обнаружилось, что Суворин — фамилия и что это тот самый Суворин, который «Новое время» издает и редактирует.

— Дети! Настоящие дети, эти писатели! Как их легко обмануть!

Писатели бегут, бегут из «Лукоморья», оглушая своими покаянными криками публику…

Зачем они так кричат?

Сологуб печатался в «Лукоморье» с декабря 1914 г. по октябрь 1915-го. Коллективное письмо о выходе из журнала, подписанное в том числе и им (а еще — С. Ауслендером, Г. Ивановым, М. Кузминым, А. Рославлевым, Б. Садовским, Ю. Слезкиным и др.), было напечатано 30 октября в «Биржевых ведомостях» (№ 15179. С. 5): «Мы участвовали в журнале “Лукоморье” до тех пор, пока чисто-литературная и в общем приемлемая физиономия этого журнала не возбуждала в нас принципиальных сомнений. Поэтому нападки на нас, раздававшиеся время от времени в некоторых периодических изданиях и часто основанные на фактически-неверных сведениях, оставляли нас спокойными до тех пор, пока ведение журнала не противоречило требованиям нашей художественной совести» etc . В том же номере «Дня», что и приведенный фельетон, была напечатана еще одна глумливая реплика по этому поводу (*Homunculus <Заславский Д.И.>*. Экс-лукоморцы). 1 ноября 1915 г. Сологуб отвечал в «Биржевых ведомостях» «Письмом в редакцию» (в действительности оно было написано Чеботаревской, а им только подписано): «Как и во время моего сотрудничества, так и сейчас, я убежден, что

ничего предосудительного в печатании стихов или рассказов в чисто-литературном журнале “Лукоморье” не заключается. Статьи Бурнакина о литературе ничем не хуже многого, появляющегося на страницах наших “прогрессивных” изданий, считающих своим долгом лягать новую литературу по всякому поводу и неповоду. Подписал же я заявление о выходе из “Лукоморья” исключительно потому, что считал для себя морально неприемлемым оставаться там, раз выходят 3 лица, по приглашению которых я и давал в “Лукоморье” свои стихи» (Биржевые ведомости. 1915. 1 ноября. № 15 138. С. 3). Щеголев изначально был настроен по отношению к «Лукоморью» весьма скептически; ср. запись в дневнике его жены: «Вчера она <Чеботаревская> ко мне звонила, приглашала участвовать в “Лукоморье”, а я ей и ответил: “Нет, уж Наст<асья> Никол<аевна>, я, если Господь приведет, прямо в “Новое время” сразу пойду писать”» [4, с. 211].

Между тем, обида Сологуба на Щеголева оказалась столь значительной, что в дело их примирения включилась В.А. Щеголева. 9 декабря 1915 г. она писала Чеботаревской:

«Милая Анастасия Николаевна!

Не могу выразить Вам, как горько мне все это слышать и видеть. Происходит ряд каких-то недоразумений. Вы не хотите придти ко мне, приписывая П. Е. сказанную, якобы, по адресу Федора Кузьмича грубую фразу. Пав. Ел. говорит, что фраза эта была сказана не лично по адресу Фед. Кузьмича, а по адресу всех подписавших это несчастное письмо, и если она была понята Вами, как относящаяся к Федору Кузьмичу, то, конечно, он берет ее назад, но с своей стороны просит Вас понять, что никакой ответственности за Оль-доров, Гомункулусов и прочих иностранцев он нести ни в коем случае не может, как и запретить им писать, что они хотят и как хотят на любую тему и печатать это в газете “День”.

Мне очень, очень грустно, что Вы, зная меня, зная мое к Вам отношение и верную любовь к Вам и к Федору Кузьмичу, находите возможным смешивать меня с этими всеми прискорбными делами и наши личные дружеские отношения ставить на дневные весы. Я живу своей, обособленной жизнью в кругу своих интересов, которые с кругом интересов друзей Пав. Е. никогда не сходились, ибо нет у нас точек соприкосновения, но это не мешает им поддерживать дружеские отношения с Павлом Елисеевичем. Он сам по себе, я сама по себе, и я с горестью вижу, что Вы не хотите понять меня и тяжесть ответственности за недоразумение с П. Е. хотите возложить на меня» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 339. Л. 10–11).

[3] Из письма Л. Толстого к М.А. Энгельгардту зимы 1882–1883 г. (*Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. М.; Л.: ГИХЛ, 1934. Т. 63. С. 123).

26. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

Между 1912 и 1915

Дорогой Павел Елисеевич,

Игорь Васильевич Лотарев[1] передал мне сегодня для Вас те стихи, которые Вы хотели передать в Современник[2]. Посылаю Вам эти стихи.

Сердечный привет Вам и Валентине Андреевне. Как жаль, что мы не сумели дождаться Вас в ту ночь под Новый Год.

Ваш Федор Тетерников.

Датировке не поддается: Сологуб и Северянин познакомились осенью 1912 г., рассорились осенью 1913 г., помирились летом 1914 г. Журнал «Современник» вы-

ходил (по довольно причудливому графику) в 1911 — 1915 гг. Но стихотворения Северянина не появлялись там ни разу, так что единственная деталь, которая могла бы помочь датировке, не пригодилась (остается, конечно, вариант, что Северянин передавал *чужие* стихи).

[1] О знакомстве Сологуба с Игорем Северяниным (Игорем Васильевичем Лотаревым; 1887–1941) см. в публ. Л.Н. Ивановой и Т.В. Мисникевич «Игорь Северянин. Переписка с Федором Сологубом и Ан. Н. Чеботаревской» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2005–2006 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 693–755).

[2] Поэтический отдел «Современника» был довольно скудным, как, впрочем, и в большинстве «толстых» журналов этого времени. Архив журнала был отобран при обыске еще в 1915 (?) г. и хранится среди полуразобранного фонда «вещдоков» Департамента полиции; благодаря ему можно видеть, какие стихи поступали в журнал и были отвергнуты или утрачены. Так, 29 мая 1913 г. Н.И. Муханов запрашивал редакцию: «Осмеливаюсь послать на Ваше просвещенное усмотрение несколько стихотворений. Буду искренно счастлив, если Вы найдете возможность кое-что поместить в Вашем Глубокоуважаемом журнале.

Печатаюсь в “Солнце России”, “Живом слове” и нескольких других ежене<-де>льниках. Главным же образом печатался в провинции. Сознаюсь, это первая моя попытка послать в серьезный орган и неудача будет мне очень тягостна.

В случае напечатания буду несказанно благодарен Вам» (ГАРФ. Ф. 1167. Оп. 1. Ед. хр. 2956. Л. 1–2); в недатированном письме отправлял (несохранившиеся) стихи А.А. Лозина-Лозинский (Там же. Ед. хр. 2899); о публикации стихотворений договаривался И. Эренбург (Там же. Ед. хр. 3197); рукописи посылали М.А. Струве (Там же. Ед. хр. 3101) и М. Жижмор (Там же. Ед. хр. 2782); М.А. Зенкевич настаивал: «М. Г. господин редактор! С.М. Городецкий сообщил, что в Вашем журнале собираются дать цикл стихов т. н. “акмеистов”, и просил меня передать мои стихи ему. Т. к. я не сделал этого, то посылаю их прямо в редакцию на Ваше усмотрение» (письмо от 7 июля 1913 (?) г. // Там же. Ед. хр. 2796. Л. 1).

27. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

17 января 1916

17 января 1916 г.

Дорогой Павел Елисеевич,

Посылаю Вам мое изложение претензий к С.В. Познеру в 2 экземплярах, и один прошу Вас передать С.В. Познеру[1].

Ваш Федор Тетерников.

На бланке с типографской надпечаткой (см. п. 16; вместо СПб — Петроград).

На письме запись рукой П.Е. Щеголева: «Экземпляр записки и предложение назвать судей в течение недели послано 19 января вечером из разносной книги».

[1] Нам случалось весьма подробно писать об этой истории (см.: [13]), напомним лишь краткую канву событий: в конце ноября 1914 г. был задуман сборник «Щит», посвященный еврейскому вопросу. Первоначально его организаторами выступили Л.Н. Андреев, Сологуб с Чеботаревской и М. Горький. Технической стороной дела ведал С.В. Познер. В середине 1915 г., на этапе допечатной подготовки сборника, Познером была получена, прочитана и отвергнута заказанная

Сологубом статья Н.А. Бердяева, что вызвало гомерический скандал. Бердяев обнаружил отсутствие своей статьи только после выхода сборника и сурово отчитал пригласившего его Сологуба; тот обвинил Познера; последовала череда обид, примирений и новых обид; дело дополнительно осложнилось непростыми взаимоотношениями между Сологубом и Горьким. К середине января 1916 г. было объявлено о предстоящем третейском суде между Сологубом и Познером. Со стороны Сологуба судьями выступали П.Б. Струве, Р.В. Иванов-Разумник и Щеголев. Именно с подготовкой к заседанию суда связано это письмо. Предварительное заседание состоялось 28 февраля 1916 г., сам суд — 6 марта; общий его итог был для Сологуба скорее неблагоприятен. Составленные Сологубом и Познером меморандумы сохранились в архиве — экземпляр, принадлежавший А. Горнфельду (РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 659; в одной архивной единице объединены оба текста) и П. Милюкову (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 2018, 2019; с густой, но бессистемной правкой получателя). На следующий день, 18 января 1916 г., Чеботаревская писала Щеголеву, возвращаясь к подготовке будущего третейского суда: «<…> вчера Ф. К. читал при чрезвычайном количестве желающих слушать, сегодня в 8 ч. в. едем в Курск. Видели уже Бердяева и Вяч. Иванова на лекции вчера и говорили с ними, В. И. пришлет что нужно (его адр<ес> Зубовский бульв. 25). Теффи тоже здесь и через два дня возвращается — она все покажет что нужно <…>» (ИМЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 16).

28. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

Январь 1916

Дорогой Павел Елисеевич,

Посылаю Вам мой краткий ответ на возражение Познера[1]. Конечно, далеко не все отмечено, что у него напутано, — но уж очень у него много написано, и очень с хитрою тенденциею.

Ваш Федор Тетерников.

Датируется по пометке получателя

[1] Продолжение истории, обсуждавшейся в п. 27.

29. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

23 февраля 1916

23 февраля 1916.

Вагон.

Дорогой Павел Елисеевич,

Составляя наши ответы на записку С.В. Познера, и я, да, кажется, и Ан. Н., упустили из виду то странное обстоятельство, что С.В. Познер умалчивает о причине, побудившей его вынуть статью, уже набранную, из сборника, неопределенно говоря о том, что она

оказалась неподходящею[1]. Посылаю Вам дополнение к моей второй записке. Прошу извинить за негладкость почерка — пишу, сидя в вагоне, а вагоны, известно, имеют привычку нет-нет, да и тряхнуть.

Опущу письмо где-нибудь на станции, а на тот случай, если оно не дойдет, посылаю дубликат Ан. Н., чтобы она, переписав на машинке, послала Вам, снабдив, может быть, и своими припоминаниями.

Завтра буду читать в Полтаве, потом в Кременчуге и Одессе, и, м. б., еще в Елисаветграде и Екатеринославе[2]. 5 марта, не позже, надеюсь быть дома.

Поклон и привет Валентине Андреевне.

Ваш Федор Тетерников.

---

[1] Продолжение истории, обсуждавшейся в п. 27.

[2] Письмо написано из обширного турне по югу России, предпринятого Сологубом в конце зимы 1916 г. 23 февраля Сологуб ехал из Харькова в Полтаву. 24-го читал лекцию «Россия в мечтах и ожиданиях» в Полтаве, 25-го выехал в Кременчуг и вечером читал там лекцию; 26-го отправился в Одессу, откуда, вероятно, обратно в Петроград. 5 марта в хронике сообщалось: «В Петроград только что вернулся из своей поездки с лекцией Ф.К. Сологуб. На этот раз он объехал только несколько городов, в том числе Полтаву, Кременчуг и Одессу. Везде талантливый писатель встретил большой успех и внимание как в прессе, так и в аудиториях, собиравших по преимуществу интеллигентную молодежь» (Биржевые ведомости. 1916. 5 марта. № 15423. С. 4). Столь раннее возвращение очевидно было связано с необходимостью присутствовать на третейском суде 6 марта.

30. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

2 апреля 1917

2 апреля 1917 г.

Дорогой Павел Елисеевич,

С Праздником![1] А вместо пасхального яйца посылаю Вам вырезку из Иркутского журнала «Багульник» со статьею «Гражданин Ю. Каменев»[2]. М. б., этот пассаж пригодится кому-нибудь из Дня, напр. Заславскому, так как суть его очень пикантна[3].

Привет Валентине Андреевне

Ваш Федор Сологуб.

На бланке с типографской надпечаткой: Федор Кузьмич Тетерников / (Федор Сологуб) / Петроград, / В. О., 9 линия 44, кв. 19.

[1] С Пасхой, падавшей в 1917 г. на 2 апреля.

[2] «Багульник» — иркутский общественно-литературный журнал, выходивший в 1916–1917 гг. (вышло 5 номеров) под редакцией А.И. Миталь. Сологуб по-

знакомился с его редакцией после лекции в Иркутске 16 октября 1916 г. 20-го числа он писал жене: «В Иркутске прошло лучше, чем в других городах. <…> В антракте один взволнованный мальчик горячо благодарил: он первый раз (буквально!) слышал, что хвалят Россию. — Зал большой, хорошо наполнен, акустика ничего себе. — Познакомился с Чужаком. Молодой человек довольно жизнерадостного вида, по манерам нечто вроде смеси Минского и Луначарского. <…> Под руководством Чужака образовался кружок поэтов, выпустили сборник “Иркутские вечера”, издают журнал “Багульник”. Не очень талантливые, но милые молодые люди, все не сибиряки, один, В. Пруссак, ссыльный витмеровец. Были у меня, после лекции угощали меня ужином» (публ. и коммент. А.В. Лаврова к упомянутым: [7, с. 366]). Сологуб дал для публикации в сибирском журнале стихотворение «Только мы вдвоем не спали» (Багульник. 1916. № 3. С. 1).

Упомянутая заметка была напечатана в № 5 «Багульника» за 1917 г. (С. 7) за подписью «Ник. Н-вич». В ней осуждается «литератор-марксист Ю. Каменев» за призыв на митинге в Ачинске к «безусловной поддержке временного правительства» и отправку «приветствия вел. князю Михаилу Александровичу по поводу отречения его от престола». Заметка завершается назиданием: «Представитель с.-д. партии мог призывать к поддержке временного правительства лишь постольку, поскольку оно честно выполняет перед народом свои обязательства. Плох тот марксист, который призывает к поддержке безусловной. Но еще хуже тот социал-демократ, который, учитывая всю склонность масс к иллюзиям и отнюдь не переоценивая гражданского смысла отказа в. к. при наличной ситуации, зовет экспансивную массу к преклонению пред гражданским подвигом последыша династии».

«Ю. Каменев» — употреблявшийся время от времени псевдоним Льва Борисовича Каменева (Розенфельд; 1883–1936; расстрелян) — революционера, высокопоставленного большевика, одного из руководителей ВКП (б) и Советского государства. Сологуб и Чеботаревская были знакомы с ним как минимум с первой половины 1910-х годов. В марте 1915 г., когда Каменев вынужденно пребывал в Туруханском крае, Чеботаревская, беспокоясь о его ученых занятиях, писала Блоку:

> Дорогой Александр Александрович, обращаюсь к Вам с просьбой, переданной мне сегодня от заключенного по делу с.-д. депутатов: Л.Б. Каменева (Розенфельда) его женою: не будете ли Вы так любезны передать для него (можно чрез нее, тел. 65-65, или меня) Ваши стихотворения, он хочет заняться их изучением и писать о них что-то. Я бы не писала Вам об этом, помня Ваше неудовольствие в последнем нашем разговоре (ибо Л. Б. принадлежит к той же злосчастной нации), но дело в том, что средств на приобретение книг у них абсолютно нет и я взялась передать эту просьбу совершенно объективно: хотите дайте — хотите нет. Кроме того с тех пор произошли некоторые события, которые в известном смысле могли повлиять на Ваше несколько односторонее мнение в известных положениях.

(РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 447. Л. 25–26 об. На письме пометы Блока «получ. 5.III.1915» и «Отв. 7 III (посл. книги и письмо)»). Блоковедческие работы Каменева нам неизвестны. Какие обстоятельства начала 1915 г. должны были поколебать юдофобию Блока, не слишком очевидно.

[3] Давид Иосифович Заславский (1880–1965) — журналист, публицист, обозреватель газеты «День» (между прочим — он тот самый Homunculus, который глумливо откликнулся на выход Сологуба из «Лукоморья», см. прим. 2 к п. 25). Вероятно, Щеголев дал ход прилагавшейся вырезке: по крайней мере, заключавшийся в ней сюжет быстро стал достоянием гласности. 7 апреля заметка «Багульника» была перепечатана в плехановской газете «Единство» под заглавием «Последовательный “правдист”» с краткой врезкой: «В издающемся в г. Иркутске журнале “Багульник” встречаем заметку под заглавием “Гражданин Ю. Каменев”» (следует текст) (Единство. 1917. 7 апреля. № 7. С. 1). На следующий день,

8 апреля 1917 г., сам Каменев отвечал в «Правде»: «В одной из сибирских газет напечатано, а вчера в “Единстве” перепечатано, будто я на митинге в уездном городишке Енисейской губ. Ачинске предложил послать приветственную телеграмму В. К. Михаилу Александровичу за его отказ от престола. Это совершеннейшие пустяки. Правда только то, что я был выбран на митинге в комиссию для посылки телеграммы от Ачинской думы о присоединении к революции. В комиссию кроме меня были выбраны: два командира полков, судебный следователь, городской нотариус, местный богач-купец. В телеграмме по настоянию всех против меня было упомянуто, насколько я помню, что все должны последовать примеру гражданина Михаила Романова, показавшего пример подчинения воле народа в Учредительном Собрании. Телеграмма на митинге не голосовалась и послана была за подписью городского головы. Что провинциальный корреспондент наврал, это и понятно и не стоило бы никаких опровержений. Но зачем понадобилось “Единству” подобрать эту уездно-ссыльную сплетню?» (*Каменев Ю.* Нелепая выходка // Правда. 1917. 8 апреля. № 27. С. 3).

Скандал между тем разрастался — в тот же день, 8 апреля, та же заметка была перепечатана еще в одной Петроградской газете — в «Русской воле». В этот раз за ней следовало редакторское послесловие: «Кроме общей курьезности позиции г. Каменева <…> представляется совершенно недоуменным еще и то обстоятельство, что г. Каменев, оказывается, тоже свершает свое политическое поприще под псевдонимом, ибо, по существу, он не Каменев, но Розенфельд. Мы уже не рез упоминали о полном неприличии псевдонимных приемов в политической деятельности» (*Б. п.* «Сейчас брюнет — сейчас блондин» // Русская воля. 1917. 8 апреля. № 52. С. 2).

То, что первичный источник сведений об этой заметке — вырезка, отправленная Сологубом Щеголеву, почти несомненно: номер «Багульника» датирован мартом 1917 г., то есть, учитывая работу почты в первый послереволюционный месяц и сугубо локальный характер издания, почти невероятно, чтобы еще один экземпляр его в столь краткие сроки добрался бы до петроградских журналистов (нужно, впрочем, не забывать, что в предреволюционное время номера журнала достигали столиц: 31 октября 1916 (?) упомянутый выше В.В. Пруссак писал М.М. Шкапской: «”Багульник” в Петрограде продается в кн. маг. Бахарева (на Невском)» (РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ед. хр. 443. Л. 3)).

Намного любопытнее вопрос о том, смог ли узнать Каменев о роли Сологуба в этом скандале. Это могло бы объяснить непримиримую позицию, занятую им при обсуждении возможного выезда Сологуба за границу, см.: [14, с. 78].

31. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

15 апреля 1917

Дорогой Павел Елисеевич,

Большая к Вам просьба: будьте добры прилагаемую заметку устроить, если возможно, на вторник в Дне, — очень обяжете[1]. — Были мы сегодня у Головина[2], и с успехом. То, о чем Вы говорили, в значительной степени уже поправлено, вместо 160 оставлено только 90 обществ.

Привет,

Ваш Федор Сологуб.

Письмо поддается достаточно точной датировке: речь идет о серии эпизодов истории литературной курии Союза деятелей искусств. 4 апреля 1917 г. Сологуб был выбран в Президиум Временного комитета уполномоченных Союза деятелей искусств представителем 5-й курии — литературной. 6 апреля он принимал участие в выработке наказа для делегатов, отправляющихся к Федору Александровичу Головину (1867–1937; расстрелян), комиссару Временного правительства по бывшему Министерству двора. Выступление Сологуба на этом заседании было стенографировано и впоследствии опубликовано [10, с. 62]. 10 апреля был избран персональный состав делегации; тогда же утвержден и наказ: «Мы, представители Союза деятелей искусства, объединившего свыше 90 петроградских художественных и научно-художественных обществ и учреждений, избраны этим Союзом заявить Временному правительству и Совету рабочих и солдатских депутатов следующее…» [10, с. 63]. В состав делегации вошли, среди прочих, и Сологуб с Щеголевым (а также С. Прокофьев, В. Мейерхольд, В. Шкловский и др.). Центральным пунктом дискуссии был вопрос о том, какие лица или институции будут представлять перед новым правительством интересы творческой интеллигенции.

[1] Ближайший после визита вторник падал на 18 апреля. Никаких материалов, касающихся этого сюжета, в этот день в газете не появлялось.

[2] Визит к Ф.А. Головину состоялся 15 февраля, но по непонятным причинам Щеголев, заявленный в составе делегации, на встрече не присутствовал. На следующий день Сологуб докладывал в Союзе о вчерашнем походе: [10, с. 65]; на этом заседании были А. Ахматова, Н. Гумилев, М. Кузмин и др.

32. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

Между 1906 и 1917

Дорогой Павел Елисеевич,

Рукопись посылаю. Один рассказ содержит, по моему счету, ¾ листа (30 т. букв), другой 25 000 букв[1]. Если подойдут, желательно оба. Надеюсь получить скорый ответ.

Ваш Федор Тетерников.

Вероятно, относится ко времени работы Щеголева в газете «Наша жизнь» / «Народное хозяйство» (1905–1906), журнале «Отечество» (1914–1915), но может быть, и в газете «День» (1914–1917).

[1] В газете «Народное хозяйство» был напечатан рассказ «Соединяющий души» (см. прим. 2 к п. 1), в нем 18 200 знаков; в приложении к «Нашей жизни» — рассказ «Дикий бог» (см. прим. 1 к п. 2), в нем 27 000 знаков. В журнале «Отечество» были напечатаны рассказы Сологуба «Ошибка гофлифераната» (1914. № 3. 16 января. С. 54–58) и «Дед и внук» (1915. № 1. С. 6–9). В первом 18 600 знаков, во втором 8 100. В газете «День» — рассказ «Голос крови» (1913. Бесплатное приложение к № 350. 25 декабря. Стлб. 11–22). В нем 17 300 знаков. При этом публикация «Дикого бога» обсуждалась отдельно (письмо 3). Таким образом, задача, кажется, решения не имеет.

33. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

Между 1914 и 1917

Дорогой Павел Елисеевич,

Будьте добры прилагаемое объявление поместить несколько раз в Дне бесплатно. Очень обяжете.

Ваш Федор Тетерников.

Точной датировке не поддается (за исключением того, что относится к периоду работы Щеголева в «Дне», т. е. между 1914 и 1917 гг.).

34. СОЛОГУБ — ЩЕГОЛЕВУ

Осень 1921?

Дорогой Павел Елисеевич,

Обращаюсь к Вам с просьбою дать поручительство, требуемое для выезда за границу[1]. Как я уже имел случай говорить Вам, поездкою за границу я намерен воспользоваться исключительно для устройства моих литературных дел, — напечатание моего нового романа «Заклинательница Змей»[2] и перевод его на иностранные языки. Заниматься политикой я совершенно не намерен. Буду очень благодарен Вам, если Вы дадите необходимые подписи и таким образом поможете мне исполнить установленные формальности.

С приветом,

Федор Сологуб.

---

[1] Письмо относится к одному из эпизодов мучительного (и безрезультатного) получения Сологубом и Чеботаревской документов для выезда за границу. По правилам этого времени для выдачи выездных документов необходимо было ручательство кого-нибудь из находящихся в Советском Союза знакомых соискателя (вероятно, с тем, чтобы удержать будущего эмигранта от политических высказываний). Щеголев, не просто лояльный советской власти, но активно с ней сотрудничавший, подходил для этого идеально. Подробнее см.: [14]. В архиве Щеголева сохранилось письмо Чеботаревской со сходной просьбой: ««Милый Павел Елисеевич, прошу Вас оказать нам услугу — дать поручительство, требуемое Советской Республикой для выезда заграницу. Мы не собираемся заниматься там политической деятельностью, а своими литературными делами — печатанием нового романа Ф. К. и переводом его на иностр<анные> языки — я же думаю работать в местных библиотеках над моей книгой по истории нравов XVIII в.» (ИМЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 17). Датировано оно 21 декабря, но год прочесть непросто: по логике он должен быть 1921-м, хотя начертание скорее напоминает 1920.

[2] Первая часть романа «Заклинательница змей» была напечатана в альманахе «Эпоха» (Вып. 1. М., 1918. С. 1–95). Год спустя в периодике появилось сооб-

щение: «Ф.К. Сологуб к осени вернулся из Костромской усадьбы и снова стал “островитянином”. Он закончил свой роман “Заклинательница змей”. Вторая часть его скоро выйдет в альманахе “Эпоха”» (*Измайлов А.* Что делается в литературе // Вестник литературы. 1919. № 1/2. С. 8). Эти же сведения повторены в № 7 того же журнала: «В настоящее время, — заявил нам писатель, — я заканчиваю свой новый роман “Заклинательница змей”. Та часть этого романа, которая уже была напечатана ранее, выйдет в просмотренном и вновь мной проредактированном виде. Роман выйдет в издании Гржебина и, вероятно, скоро будет напечатан, так как получено уж разрешение на бумагу для него» (*Б. п.* Чем заняты наши писатели // Вестник литературы. 1919. № 7. С. 6). Первое книжное издание вышло в 1921 г. (Пг. и Берлин).

35. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

11 января 1921

11 янв. 21

Дорогой Павел Елисеевич,

Большая к Вам просьба: Вы уже были любезны подписать наши анкетные листы в качестве поручителя[1]. Теперь оказывается, что это поручительство надо повторить на отдельном листе. Прилагаю листы мой и А. Н. Будьте добры подписать и вернуть поскорее заказным по адресу: Москва, Воронцово-Поле, Б. Николо-Воробьинский переулок, 3, Здравница[2]. Очень обяжете.

Как видите, здесь мы приютились в здравнице. Уютно, сытно, вообще хорошо. Пока еще никого почти не видели.

Поклон и приветы от меня и А. Н. Валентине Андреевне и Павлуше, — он у Вас все энергичнее обращается в Павла Павловича[3]. С новым годом.

Привет и лучшие пожелания

Федор Сологуб.

---

[1] См. прим. 1 к п. 34.

[2] Сологуб и Чеботаревская получили командировочные удостоверения, необходимые для выезда в Москву, 28 декабря 1920 г.; см.: [8, с. 187]. 10 января 1921 г. Сологуб сообщал Н.Г. Чулковой: «Пишу Вам из здравницы, где я и Ан. Ник. поместились, приехав в Москву, — Воронцово поле, Б. Николо-Воробинский переулок, 3, телефон 43-80» (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 3). Здравница в Николоворобинском функционировала еще много лет, в т. ч. под именем «Физио-диетический санаторий им. Н.А. Семашко»; сейчас там располагается комплекс зданий Национального НИИ общественного здоровья.

[3] Павел Павлович Щеголев (1903–1936) — сын П.Е. и В.А. Щеголевых, историк.

36. П. ЩЕГОЛЕВ — Ф. СОЛОГУБУ

До сентября 1921

Дорогой Федор Кузьмич, у меня к Вам просьба, которую Вам изложит Валент. Андр. Полагаю, что у Вас не будет препятствий к выполнению этой просьбы. По человечеству надо исполнить. Жду от Вас новых Ваших произведений и желаю Вам здоровья и успехов литературных. Поклон мой Ан. Ник. Искренне Ваш

П. Щеголев.

Датировке не поддается. Написано до самоубийства А.Н. Чеботаревской 23 сентября 1921 г.

37. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

16 октября 1925

Ждановская набережная 3, кв. 22.
16 октября 1925.

Дорогой Павел Елисеевич,

Сейчас закончил перевод второго стихотворения из книги Quelques Heures de loisir a Toulchin, par le P.A. Bariatinskoy[1]. Завтра перепишу на машинке и пошлю Вам или принесу.

Переведено:

1. Épitre a Ivacheff 70 стихов
2. A. P. Pestel 10 стихов

80 стихов.

Второе стихотворение — посвящение к поэме Le Vieillard du Meschasebé, почему в нем и упоминается о deux Natchez[2]. Поэмы этой я не переводил, думая, что не надо.

С приветом

Федор Сологуб.

---

[1] В № 26 редактируемого Щеголевым исторического журнала «Былое» была помещена статья Б. Модзалевского «Декабрист Барятинский и его стихотворения», посвященная личности и творчеству Александра Петровича Барятинского (1799–1844). Среди прочего ему атрибутируется весьма редкая книга: Quelques heures de loisir a Toulchin, Par le prince A. Bariatinskoy, H. Aux Hussards de la Garde, Moscou, 1824. В качестве приложения к статье были напечатаны выполненные Сологубом переводы названных далее стихотворений Барятинского: «Послание

к Ивашеву» («Бездельник милый мой, беглец Пермесской сени…») и «П. Пестелю» («Товарищ первый наш! Я думаю с тоской…») (Былое. 1926. № 1. С. 11–13).

[2] Поэма «Le Vieillard du Meschasebé» («Старец с реки Месшасебе») напечатана на с. 37–44 той же книги (Месшасебе — Миссисипи). Сологуб переводит эту строку («De deux Natchez, pour toi , j'ai tracé les revers») как «Тебе Начезов двух я начертал грехи»: речь здесь идет об одном из племен североамериканских индейцев — натчезов или натчей. Они были полностью истреблены французами в 1730-е годы. Русский читатель знал о них из повести Шатобриана «Атала, или Любовь двух дикарей в пустыне» (1801) и ее переводов.

38. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

Дорогой Павел Елисеевич,

Получил, и очень благодарю. Когда соберетесь ко мне? Хотя Сегонзака[1] не нашел, но есть нечто не менее интересное. Хотелось бы провести вечерок за беседою основательною.

С приветом

Федор Сологуб.

Датировке не поддается. Вероятно, относится к 1920-м годам.

[1] Анри де Сегонзак (1884–1974) — французский художник. О чем здесь идет речь — неясно, упоминания его в России 1920-х годов единичны, хотя в Европе его альбомы уже выходили (см., напр.: *Segonzac Andre D. de*. XXX dessins. Nus — Isadora Duncan — Ida Rubinstein — Boxeurs. Paris: Edition du temps present. S. a.).

Литература

1. *Азадовский К.* Серебряный век. Имена и события. Избранные работы. СПб.: Пушкинский Дом; Нестор История, 2015. 512 с.

2. *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах. Документальные хроники. М.: INTRADA, 2009. 285 с.

3. *Голлербах Е.А.* Федор Сологуб и «Отечество» Зиновия Гржебина: 1914–1915 гг. // Русская литература. 2016. № 1. С. 159–176

4. Дневник В.А. Щеголевой за 1915 г. / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.А. Дровалевой, О.А. Симоновой // Codex manuscriptus. М.: ИМЛИ РАН, 2023. Вып. 3. С. 183–259. https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2023-3-183-259

5. *Емельянов Ю.Н.* П.Е. Щеголев — историк русского революционного движения. М.: Наука, 1990. 255 с.

6. *Кошелев А.В.* Дело о состоящем под гласным надзором полиции Павле Елисеевиче Щеголеве // Временник Пушкинской комиссии. СПб.: Росток, 2022. Вып. 36. С. 178–190.

7. Неизданный Федор Сологуб / под ред. М.М. Павловой и А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 567 с.

8. *Павлова М.* «Отчего ж, душа-рабыня, Ты на волю не летишь…». Материалы к поздней биографии Федора Сологуба // «Радость ждет сокровенного слова…»: сб. научных ст. в честь профессора Латвийского университета Людмилы Васильевны Спроге. Рига: Латвийский ун-т, 2013. С. 184–195.

9. Переписка З.Н. Гиппиус с С.П. Ремизовой-Довгелло и А.М. Ремизовым / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е.Р. Обатниной // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 2. С. 249–492.

10. *Перхин В.В.* Союз деятелей искусства и его литературная курия (1917–1918 гг.): из хроники событий // Из истории литературных объединений Петрограда-Ленинграда 1910–1930-х годов. Исследования и материалы. СПб.: Наука, 2002. Кн. 1. С. 47–124.

11. *Рампаццо К.* Г.И. Чулков: проблемы научной биографии писателя с 1879 г. до Октябрьской революции (на материале неизданной семейной переписки 1901–1938 гг.): дис. … д-ра филологии. Падуя, 2022. 827 с.

12. *Ремизов А.М.* «Некролог» П.Е. Щеголеву / публ. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1995 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 178–193.

13. *Соболев А.Л.* Cum scuto: Вячеслав Иванов — участник сборника «Щит» // Donum Homini Universalis. Сборник в честь 70-летия Н.В. Котрелева. М.: ОГИ, 2011. С. 327–358.

14. *Соболев А.Л.* Еще раз о неудавшейся попытке эмиграции Ф. Сологуба и А.Н. Чеботаревской // Русская литература. 2023. № 4. С. 73–86.

15. Федор Сологуб. Разыскания и материалы / под ред. М.М. Павловой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 832 с.

16. *Цявловский М.А.*, *Цявловская Т.Г.* Вокруг Пушкина (дневники и статьи 1928–1965 гг.) / изд. подгот. К.П. Богаевская и С.И. Панов. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 333 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

Correspondence Between F. Sologub and P.E. Shchegolev

© 2026, Alexander L. Sobolev
Independent Researcher,
Moscow, Russia

Abstract: For the first time, the article presents the preserved part of the correspondence between Fyodor Sologub (1863–1927) and Pavel Eliseevich Shchegolev (1877–1931). The letters range in genre from a laconic business note to

an offended retort in response to an unfair newspaper tirade. The main value of these letters lies in deciphering the everyday and literary interweavings that emerge behind the details mentioned. For example, a modest clipping from a provincial journal, sent by Sologub to Shchegolev in 1917, proved to be the culprit in a scandal that marred the rise of the Bolshevik L.B. Kamenev. A few years later, Kamenev would prove to be one of the main opponents of Sologub's departure abroad. However, the question of whether this was an act of revenge remains open. The letters are accompanied by a preface that outlines a brief history of the correspondents' acquaintance and provides a historical and literary commentary.

Keywords: Fyodor Sologub, Pavel Shchegolev, correspondence, early 20th-century Russian literature, writer's biography, literary life, archival documents, magazine «Lukomorye».

Information about the author: Alexander L. Sobolev, Independent Researcher, Moscow, Russia.

E-mail: trirodov@gmail.com

For citation: Sobolev, A.L. "Correspondence Between F. Sologub and P.E. Shchegolev." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (39), 2026, pp. 62–111. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-62-111

References

1. Azadovskii, K. *Serebrianyi vek. Imena i sobytiia. Izbrannye raboty* [*Silver Age. Names and Events. Selected Works*]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., Nestor Istoriia Publ., 2015. 512 p. (In Russ.)

2. Bogomolov, N.A. *Viacheslav Ivanov v 1903–1907 godakh. Dokumental'nye khroniki* [*Vyacheslav Ivanov in 1903–1907. Documentary Chronicles*]. Moscow, INTRA-DA Publ., 2009. 285 p. (In Russ.)

3. Gollerbakh, E.A. "Fedor Sologub i 'Otechestvo' Zinoviia Grzhebina: 1914–1915 gg." ["Fyodor Sologub and 'Fatherland' by Zinovy Grzhebin: 1914–1915"]. *Russkaia literature*, no. 1, 2016, pp. 159–176. (In Russ.)

4. "Dnevnik V.A. Shchegolevoi za 1915 g." ["V.A. Shchegoleva's Diary of for 1915"], introd. article, text prep. and comm. by N.A. Drovaleva, and O.A. Simonova. *Codex manuscriptus* [Codex Manuscriptus], issue 3. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 183–259. https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2023-3-183-259 (In Russ.)

5. Emel'ianov, Iu.N. *P.E. Shchegolev — istorik russkogo revoliutsionnogo dvizheniia* [*P.E. Shchegolev as a Historian of the Russian Revolutionary Movement*]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 255 p. (In Russ.)

6. Koshelev, A.V. "Delo o sostoiashchem pod glasnym nadzorom politsii Pavle Eliseeviche Shchegoleve" ["The Case of Pavel Eliseevich Shchegolev, Who Was Under Public Police Surveillance"]. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [*Periodical of the Pushkin Commission*], issue 36. St. Petersburg, Rostok Publ., 2022, pp. 178–190. (In Russ.)

7. Pavlova, M.M., and A.V. Lavrov, editors. *Neizdannyi Fedor Sologub* [*Unpublished Fyodor Sologub*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1997. 567 p. (In Russ.)

8. Pavlova, M. "'Otchego zh, dusha-rabynia, Ty na voliu ne letish'…'. Materialy k pozdnei biografii Fedora Sologuba" ["'Why, O Slave Soul, Don't You Fly to Freedom…?' Materials for the Late Biography of Fyodor Sologub"]. *"Radost' zhdet sokrovennogo*

slova…": sbornik nauchnykh statei v chest' professora Latviiskogo universiteta Liudmily Vasil'evny Sproge ["Joy Awaits the Secret Word…": A Collection of Scientific Articles in Honor of Lyudmila Vasilyevna Sproge, Professor of the University of Latvia]. Riga, Latvia University Publ., 2013, pp. 184–195. (In Russ.)

9. "Perepiska Z.N. Gippius s S.P. Remizovoi-Dovgello i A.M. Remizovym" ["Correspondence Between Z.N. Gippius and S.P. Remizova-Dovgello and A.M. Remizov"], text prep., introd. article and comm. by E.R. Obatnina. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 106: Epistoliarnoe nasledie Z.N. Gippius [Epistolary Heritage of Z.N. Gippius], book 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 249–492. (In Russ.)

10. Perkhin, V.V. "Soiuz deiatelei iskusstva i ego literaturnaia kuriia (1917–1918 gg.): iz khroniki sobytii" ["The Union of Artists and Its Literary Curia (1917–1918): From the Chronicle of Events"]. *Iz istorii literaturnykh ob"edinenii Petrograda-Leningrada 1910–1930-kh godov. Issledovaniia i materialy* [*From the History of Literary Associations of Petrograd-Leningrad in the 1910s–1930s: Research and Materials*], book 1. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, pp. 47–124. (In Russ.)

11. Rampatstso, K. *G.I. Chulkov: problemy nauchnoi biografii pisatelia s 1879 g. do Oktiabr'skoi revoliutsii (na materiale neizdannoi semeinoi perepiski 1901–1938 gg.)* [*Chulkov: Issues of the Writer's Scientific Biography from 1879 to the October Revolution (Based on Unpublished Family Correspondence, 1901–1938): PhD Dissertation*]. Padova, 2022. 827 p. (In Russ.)

12. Remizov, A.M. "'Nekrolog' P.E. Shchegolevu" ["'Obituary' to P.E. Shchegolev"], publ. by E.R. Obatnina. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1995 god* [*Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1995*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1999, pp. 178–193. (In Russ.)

13. Sobolev, A.L. "Cum scuto: Viacheslav Ivanov — uchastnik sbornika 'Shchit'." ["Cum Scuto: Vyacheslav Ivanov as a Participant in the Collection 'Shield'."] *Donum Homini Universalis. Sbornik v chest' 70-letiia N.V. Kotreleva* [*Donum Homini Universalis. Collection in Honor of the 70th Anniversary of N.V. Kotrelev*]. Moscow, OGI Publ., 2011, pp. 327–358. (In Russ.)

14. Sobolev, A.L. "Eshche raz o neudavsheisia popytke emigratsii F. Sologuba i A.N. Chebotarevskoi" ["Once Again on the Failed Attempt of Emigration of F. Sologub and A.N. Chebotarevskaya"]. *Russkaia literature*, no. 4, 2023, pp. 73–86. (In Russ.)

15. Pavlova, M.M., editor. *Fedor Sologub. Razyskaniia i materialy* [*Fyodor Sologub. Research and Materials*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 832 p. (In Russ.)

16. Tsiavlovskii, M.A., and T.G. Tsiavlovskaia. *Vokrug Pushkina (dnevniki i stat'i 1928–1965 gg.)* [*Around Pushkin (Diaries and Articles 1928–1965)*], ed. prep. K.P. Bogaevskaia and S.I. Panov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 333 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 10.10.2025
Одобрена после рецензирования: 24.10.2025
Дата публикации: 25.03.2026

The article was submitted: 10.10.2025
Approved after reviewing: 24.10.2025
Date of publication: 25.03.2026

БИОГРАФИКА

Литературный факт. 2026. № 1 (39)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 1 (39), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-112-134
https://elibrary.ru/WERBSX

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (39), 2026

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Короткая оттепель: Бунины и Мережковские в 1929–1930 гг. между двумя этапами «нобелевской гонки» (по материалам дневника В.Н. Буниной)

© 2026, М.С. Щавлинский
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-18-00425 («В.Н. Муромцева-Бунина — летописец Серебряного века и русской эмиграции»).

Аннотация: Дневники В.Н. Буниной представляют важные исторические свидетельства о жизни русской эмиграции. Бунина вела их на протяжении всей своей жизни с удивительной регулярностью — в некоторые годы (например, в 1929–1930) записи делались практически ежедневно. Этот материал особенно важен для изучения жизни русской эмиграции во Франции межвоенных лет. До сих пор отношения между Буниными и Мережковскими не изучены должным образом. 1920–1930-е гг. представляются особенно интересными, поскольку в это время между И.А. Буниным и Д.С. Мережковским происходила «нобелевская гонка». Несмотря на теплые отношения в начале 1920-х гг. к середине десятилетия отношения между семьями стали прохладными, а в 1929–1930 гг. неожиданно началось сближение («оттепель»), отразившееся в переписке Гиппиус и Буниной, а также в дневниках Веры Николаевны. Исследованию этого короткого сближения, его биографическому и литературному контекстам посвящена статья.

Ключевые слова: В.Н. Муромцева-Бунина, И.А. Бунин, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, биография, дневники, письма, Нобелевская премия

Информация об авторе: Максим Станиславович Щавлинский — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5156-8999

E-mail: maxim.shavlinsky@gmail.com

Для цитирования: *Щавлинский М.С.* Короткая оттепель: Бунины и Мережковские в 1929–1930 гг. между двумя этапами «нобелевской гонки» (по материалам дневника В.Н. Буниной) // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 112–134. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-112-134

До сих пор отношения между Буниными и Мережковскими в 1920–1930-е гг. не изучены должным образом. Дневник Веры Николаевны Буниной — во многом единственный источник информации, проливающий свет на интенсивность общения между семьями и сложившиеся в доме Буниных мнения о Мережковских. Дневник позволяют нам значительно углубить историю взаимоотношений Буниных и Мережковских, зафиксировать даже самые незначительные колебания. Так, например, казалось бы в понятную тенденцию «охлаждения» между Буниными и Мережковскими после 1925 г. в контексте «нобелевской гонки» никак не укладывается «оттепель» в их отношениях в 1929–1930 гг.[1]

С одной стороны, дневники В.Н. Буниной представляют собой ценный источник для изучения литературной борьбы в эмигрантской среде 1920–1930-х гг. Записи не только фиксируют повседневные взаимодействия, но и отражают активную роль жены в формировании репутации И.А. Бунина. Будучи одновременно летописцем и участницей событий, она субъективно, но проницательно оценивала критические выпады (например, статьи Гиппиус о «Митиной любви» и «Жизни Арсеньева»), стремясь оградить творчество мужа от несправедливой, по ее мнению, критики. Дневниковые записи Веры Николаевны позволяют увидеть, как личные отношения влияли на литературные оценки, а также раскрывают механизмы борьбы за символический капитал в условиях эмиграции.

С другой стороны, анализ дневников В.Н. Буниной демонстрирует, что ее сближение с Мережковскими в 1929–1930 гг. было во многом обусловлено личной уязвимостью: финансовыми трудностями, творческими поисками, необходимостью поддержки для своих «литературных протеже» (Г. Кузнецовой, Л. Зурова). Однако надежды на душевную близость столкнулись с холодной рациональностью и эгоцентризмом З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского. Их риторика о «христианской любви» и духовных поисках на практике оборачивалась сосредоточенностью на собственных интересах, что особенно ярко проявилось в интригах вокруг проекта белградского журнала и избирательном внимании к Буниной. Этот конфликт

[1] Исследователи, писавшие об этом периоде, не останавливаются на этих годах подробно; см.: [5, с. 163–199; 12, с. 90–100].

ожиданий и реальности раскрывает более широкую проблему: разрыв между декларируемыми ценностями русской интеллигенции (взаимопомощь, духовное братство) и реальными практиками выживания в эмиграции. Кратко осветим взаимоотношения Буниных и Мережковских с 1920 по 1928 гг.

Общение между семьями началось осенью 1920 г., когда они жили по соседству в Париже. Мережковские свели Бунина с издательством “Bossard”, где впоследствии вышли французские переводы его произведений[2]. С первых же встреч между писателями чувствовалась разница в эстетических предпочтениях, Бунин не признавал заслуг Блока и Белого, тогда как Гиппиус всячески отстаивала художественное дарование символистов. Разные подходы к целям творчества тоже сразу стали темой постоянных споров [4, с. 19–20]. Так, например, в дневниковой записи В.Н. Буниной от 23 января 1921 г. находим: «З<инаида> Н<иколаевна> судит обо всех свысока. Она параллельно читала Бунина и Куприна: “Полная противоположность во всем у вас”. Укоряла Яна за “Клашу”[3]: “Немилосердное отношение к читателю. Писатель должен учить, а вы даете лишь картину”»[4]. Однако на первых порах это не мешало общению, а скорее подогревало интерес к спорам.

Летом 1921 г. Гиппиус в переписке подробно рассказала Бунину о Висбадене, окрестностях и стоимости проживания: «Если ж бы вы сюда приехали, то месяц вам вдвоем стоил бы 500 франков» (письмо от 4 июля [3, с. 488]); «Зная ваш капризный характер и боясь ответственности, я вас не убеждаю; но зато нарисую вам беспристрастную картину данного, а там — решайте сами» (письмо от 17 июля [3, с. 489–490]). В итоге Бунины отправились на отдых в Висбаден, несмотря на нежелание Веры Николаевны: «Кое-что купила, теперь можно и в Висбаден, а не хочется» (запись от 21 июля 1921 г., РАЛ. MS 1067/371); во время совместного отпуска она чувствовала себя неуютно в обществе Мережковских [4, с. 31]. С Мережковскими они отдыхали в Висбадене и Нероберге с 30 июля по 15 сентября 1921 г. [4, с. 31–35]. После одной особенно яркой беседы В.Н. Бунина записала в дневнике от 27 августа:

---

[2] В переводе М. Донзеля (псевд. Maurice, Maurice Parijanine): «Le Monsieur de San Francisco» (1921; «Господин из Сан-Франциско»), «Le Village» (1922; «Деревня»), «Le Calice de la vie» (1923; «Чаша жизни»).

[3] Впервые рассказ был опубликован в: *Бунин И.А.* Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1916. Позднее он был включен в единственный вышедший том объявленного 10-томного собрания сочинений писателя в издательстве «Парус» (Петроград, 1918. Т. 10).

[4] Русский архи в Лидсе (Великобритания; РАЛ). MS 1067/371. Далее ссылки даются в тексте статьи.

> Вчера ½ 11 стук в комнату. З<инаида> Н<иколаевна> и Ян. Оба возбуждены от споров. «Что же ты не пришла слушать?» — спросил Ян. «Вот нашли слушательницу!» — ответила я. «А мы чего-чего не затронули. И о Боге, и о поле, и о любви». З<инаида> Н<иколаевна> ушла, а мы пошли гулять. Ян рассказал мне, о чем они так долго говорили: «Нет, с ней говорить можно, а с Мережк<овским> нельзя, с Бальм<онтом> — нельзя, с Куприным — нельзя. Она много думает и интересуется» (РАЛ. MS 1067/371)[5].

В 1922 г. дружеские отношения между Буниными и Мережковскими продолжались, как и совместный отдых. С 6 июля по 6 ноября Бунины проживали в старинном имении в Амбуазе, в шато Нуаре, с 25 июля по 7 октября с ними соседствовали Мережковские. В дневнике от 26 июля В.Н. Бунина отмечала: «С ними жить приятно, так как сюрпризов не будет, все размеренно и точно» (РАЛ. MS 1067/374). В ноябре-декабре Бунины и Мережковские находились в Париже и тогда же в общественно-литературной дискуссии русской эмиграции началось серьезное обсуждение Нобелевской премии для русского писателя[6]. В дневнике от 6 декабря 1922 г. В.Н. Бунина пересказала свой разговор с И.И. Манухиным:

> Теперь М<ережковский> уже за то, чтобы Яну дали Нобелевскую премию. А потом уговаривал меня, чтобы я склонила Яна отказаться от премии в пользу Мережковского, а когда Мережковский получит, он поделится. И был очень недоволен, когда я возражала ему, что кроме денег есть кое-что и другое, что оставляет желать получить премию. Ян сказал ему, что Ромен Рол<л>ан выставил его кандидатуру в Стокгольме. Он очень оживился, стал строить всякие проекты, словом, впечатление, что мы самые близкие друзья. А я боюсь таких людей: сегодня друг, завтра враг (РАЛ. MS 1067/374).

В конце концов Р. Роллан, к которому обращались с просьбами о выдвижении русских писателей, в январе 1923 г. предложил Но-

[5] Дневник В.Н. Буниной за 1921 г. содержит много подробных свидетельств об этой поездке, этот сюжет достоин отдельного внимания.

[6] С лета 1922 г. этому активно способствовал М. Алданов, предлагая в качестве номинантов Бунина, Мережковского и Куприна (см.: [*Алданов М.А.*]. Нобелевская премия — русским писателям // Слово, Париж. № 4. 17 июля. С. 2). Отметим, что Мережковский воспринимался как серьезный кандидат на Нобелевскую премию с 1914 г.; см.: [7, с. 53].

белевскому комитету рассмотреть кандидатуры Бальмонта, Бунина и Горького[7].

В 1923 г. Бунины и Мережковские поддерживают постоянное общение. С 17 мая по 9 октября Бунины живут на вилле «Mont Fleury» в Грассе, у них гостят Шмелевы. Бунины нашли виллу «Evelina» по соседству для Мережковских, которые приехали 17 июня и остались до 8 октября. 17 сентября Бунина отметила напряженность в общении со Шмелевыми: «Ох, душно среди них. Одна думает, что всякому великая честь, с кем она говорит, другой вообразил, что только он потрясет мир, только он откроет глаза миру, что за убожество, даже человечество жалко» (РАЛ. MS 1067/379); на следующий день и вовсе «Скандал с Ив<аном> С<ергеевичем Шмелевым>» (РАЛ. MS 1067/379), то же самое 23 сентября, но уже в гостях у Мережковских, В.Н. Бунина записала: «Вообще, трудно подыскать более не подходящих людей, к<а>к Шмелев и Мережковские»[8] (РАЛ. MS 1067/379). С этого момента отношения между Буниными и Мережковскими постепенно «охлаждаются». С 1924 г. Мережковские реже упоминается в дневнике В.Н. Буниной в положительном ключе. Даже очередное соседство в Грассе на виллах «Mont Fleury» и «Evelina» рефлексировалось и позднее вспоминалось негативно [4, с. 72]. Лето 1925 г. Бунины проводили в Грассе на вилле «Бельведер», соседствуя с И.И. Фондаминским. Илья Исидиорович показал «по секрету» Буниным статью З.Н. Гиппиус о «Митиной любви»[9], «возмущение Бунина приводит к тому, что статья не появляется в “Современных записках” (а печатается в “Последних новостях”)» [4, с. 84]. 3 июля Бунины посетили Мережковских, остановившихся на вилле «Alba», с ними они долго спорили о «Митиной любви».

> Поднялся спор сначала с ней одной <З.Н. Гиппиус>, потом подошел Дм<итрий> С<ергеевич> на подмогу. Он не оспаривал нелогичность <статьи З.Н. Гиппиус>, но говорил аллогичности. И понес по обыкновению свою высокопарность. Протянул от Мити

[7] О роли Р. Роллана в выдвижении Бунина см: [7, с. 257–259].

[8] Пересказывая содержание бесед, В.Н. Бунина обращала внимание и на различие политических взглядов Бунина, Шмелева и Мережковского. 25 сентября досталось и З.Н. Гиппиус: «Просматривали сегодня те пометки, кот<орые> З<инаида> Н<иколаевна> сделала на воспомин<аниях> гр<афини> Палей. И я была потрясена бессердечи<ем>, безвкусицей и тупостью З<инаиды> Н<иколаевны>» (РАЛ. MS 1067/379). Речь о книге «Воспоминания о России» Ольги Валерьяновны Палей (1865–1929), впервые опубликованной в Париже в 1923 г. См.: *Princesse Paley*. Souvenirs de Russie, 1916–1919 / préf. de Paul Bourget. Paris: Plon- Nourrit, cop. 1923. XV, 319 p.

[9] Первая публ. повести: *Бунин И.А*. Митина любовь // Современные записки. 1925. № 23. С. 13–54; № 24. С. 5–40. Рец.: *Гиппиус З.Н*. О любви: II. «Любовь и красота» // Последние новости. 1925. 25 июня (№ 1585). С. 2; 2 июля (№ 1591). С. 2.

> к большевикам и т. д. И тоже было много нелогичностей, то в Мите нет никакой личности, то во всякой любви есть личность, только не замечают. Но главное, я чувствую враждебность, и Митя только придирка. <…> Трудно записать весь этот сумбурный разговор. Но ясно — Мережковские хотят погубить Бунина (РАЛ. MS 1067/383).

Наконец, после следующих встреч с Мережковскими (7, 10 июля) В.Н. Бунина окончательно заключила, что нападки Мережковских напрямую связаны с Нобелевской премией: «Я думаю, теперь у Мережковских цель — развенчивать Яна. Вероятно, Ив<ан> Ив<анович Манухин> в злобе поведал им, что Яна представлял в кандидаты на Нобелевскую премию Ромэн Роллан» (запись от 10 июля, РАЛ. MS 1067/383; тоже самое записала В.Н. Бунина и 24 июля).

В 1926–1928 гг. встречи с Мережковскими становятся все реже (РАЛ. MS 1067/385, 388, 390–394). Но в 1929–1930 гг. в дневнике Веры Николаевны вновь можно найти множество записей о Д.С. Мережковском и З.Н. Гиппиус, свидетельствующих об «оттепели» со стороны Веры Николаевны. На это указывает и участившаяся переписка между Буниной и Гиппиус. Это объясняется личными причинами.

В 1928–1930 гг. Вера Николаевна переживала непростые времена. Помимо усугубившегося финансового положения, она была вынуждена мириться с присутствием в доме Буниных Галины Кузнецовой — молодой ученицы Бунина. В это же время, желая заработать, Вера Николаевна подрабатывала переписчицей, а также начала пробовать и искать себя в роли писательницы: с 1927 по 1936 гг. она опубликовала в эмигрантских газетах «Возрождение», «Последние новости» и «Россия и славянство» 15 очерков (см.: [13; 14]). Семь очерков пришлось как раз на 1929–1930 гг., что с одной стороны свидетельствовало о продуктивной литературной работе В.Н. Буниной, а с другой подтверждало нужду в деньгах (в эти годы она периодически занимала деньги у Мережковских и отмечала это в дневнике). Кроме того, к 1929 г. Вера Николаевна уже более 10 лет непрерывно вела дневник и старалась записывать все важные и значимые события в доме Буниных, а также вела своеобразную «летопись» русской эмиграции во Франции (см: [11]). Отметим, что в 1929 г. она начала работу над «ранними “Беседами с памятью”» (РАЛ. MS 1067/145) (см.: [10]) — крупной неопубликованной автобиографией писательницы. В эти же годы Вера Николаевна стала глубоко религиозным человеком, читала христианских и буддийских философов и часто посещала церковь. Темы литературы, писательства, религии и пои-

ски своего творческого «Я» часто становились предметом личных бесед Буниной с Мережковским и особенно с Гиппиус. Кроме того, именно в эти годы Бунина впервые посещает собрания «Воскресенья» Мережковских и вновь приходит на некоторые заседания «Зеленой лампы». В эти годы литературные связи Мережковских интересны Буниным для протежирования Г. Кузнецовой и Л. Зурова (своих литературных «детей»), о чем также свидетельствует дневник В.Н. Буниной. Стоит также упомянуть, что к концу 1928 г. в русском зарубежье временно затихли споры о Нобелевской премии. Возможно, эти личные изменения и причины побудили Веру Николаевну к «оттепели» в отношениях с Мережковскими в 1929–1930-е гг. Итак, рассмотрим подробно историко-литературный контекст «оттепельных» лет в отношениях Буниных и Мережковских.

В январе-феврале 1929 г. Вера Николаевна несколько раз отмечает деятельность Мережковских, связанную с проектом русского журнала в Сербии: «Открытка от Н.Ив. Кульман<а>. “Журнал в Сербии провалился из-за интриг”. Мережковских это зарежет» (3 января 1929, РАЛ. MS 1067/395). Этот сюжет, который эхом будет отзываться следующие несколько лет, впервые обсуждался в мае 1925 г. [4, с. 84], а по-настоящему начал разворачиваться с 24 июня 1928 г., когда по инициативе Русского культурного комитета в Белграде и по предложению Е.В. Спекторского и А. Белича было решено пригласить читать лекции в Русский научный институт И.А. Бунина и Д.С. Мережковского. На том же заседании был рассмотрен вопрос о литературно-художественном журнале, куда Бунина и Мережковского хотели привлечь в качестве редакторов [9, с. 814] вместе с П.Б. Струве. Белич поехал во Францию и лично предложил Бунину и Мережковскому стать редакторами. Встреча Белича с Буниным состоялась 31 августа — 1 сентября 1928 г. [4, с. 122]. По свидетельству Веры Николаевны, Бунин отказался сразу: «На днях у нас был Белич <...>. Белич хочет, чтобы журнал был бы самым лучшим, самым интересным. Что он наметил редакторов: Мережковского, Бунина и Струве, который будет жить в Белграде и фактически и технически руководить журналом. Ян отказался от редакторства: и некогда, и, по его мнению, втроем это делать невозможно, да и взгляды литературные диаметрально противоположные. Уж лучше пусть будет редактором один Струве» (3 сентября 1928, РАЛ. MS. 1067/393).

Примечательно, что Бунин предпочел Струве, а согласившийся Мережковский сразу начал интриговать против Петра Бернгардовича и весьма удачно: «Не желая работать бок о бок со Струве по соображениям чисто политического свойства, Мережковские

сумели настроить против него и персонально Белича, и Русский культурный комитет, и ряд влиятельных сербских сановников» [9, с. 816]. На встрече Бунина с Беличем обсуждался также Зарубежный съезд русских писателей и журналистов в Белграде (он был запланирован на 25 сентября 1928 г.), по итогу Бунин на съезд не поехал, а Мережковские его посетили и, в том числе, обсудили состав редакторов журнала, а также книгоиздательские дела. 13 февраля 1929 г. Вера Николаевна вновь возвращается к этому сюжету: «Вчерашним обедом Ян доволен[10]. Хотя много говорили о сербском издательстве. Маковский призывал Ходасевича и уговаривал его быть там редактором, то есть плясать под дудочку Мережк<овского>. Он с возмущением отказался. Вот неугомонные люди! Везде пробуют!» (РАЛ. MS 1067/395). Оппортунизм и конформизм Мережковских в эти годы вызывал у Буниных замешательство и иронию. Схожую реакцию, но по другому поводу фиксирует Вера Николаевна 5 января 1929 г.:

> Заметка, что Гиппиус будет читать в «Зеленой лампе» «Мечты о царе»[11]. Ян сказал: «Даже страшно: старуха со стоящими глазами, почти ничего не видящими, глухая, плетется за левыми, — все боится, что ее обвинят в правизне, — зрелище жалкое! Всех ей хочется уколоть, и никому-то она не нужна, ни левым, ни правым, так же и он. Теперь они хотят поправить свои дела евреями. Все это очень противно. Выдумала теперь «мечты о царе», чтобы лишний раз сказать, что она против царя.
>
> — Да, всего смешнее, что говорить она будет тем, кто меньше всего думает о царях (РАЛ. MS 1067/395).

С 2 февраля по 25 апреля 1929 г. Бунины и Галина Кузнецова живут в Париже, посещают светские мероприятия, литературные вечера и встречаются со многими знакомыми. 7 февраля, желая найти у кого занять на короткий срок деньги, Вера Николаевна «зашла к З<инаиде> Н<иколаевне>, она дала с радостью и с условием, что 150 фр<анков> отдам в субботу, а 100 фр<анков> на неделе» (РАЛ. MS 1067/395). Видимо, Вера Николаевна одалживала деньги у Зинаиды Николаевны для покупки пальто Ивану Алексеевичу.

[10] 12 февраля Вера Николаевна записала: «“Мальчишки” идут обедать: Ян, Борис, Макс, Пэтя, Владя, Илюша, Мишечка» (РАЛ. MS 1067/395), то есть И.А. Бунин, Б.К. Зайцев, М.А. Алданов, П.П. Муратов, В.Ф. Ходасевич, И.И. Фондаминский, М.О. Цетлин.

[11] См: *Ла-Брэ*. «Мечта о царе» // За свободу! 1929. 19 января. № 16 (2649). С. 2. Отчет о собрании «Зеленой лампы» 5 января 1929 г., на котором обсуждался доклад З.Н. Гиппиус «Мечта о царе».

На это указывает запись, сделанная на следующий день, в которой «объясняется» любезность Гиппиус: «Ил<ья> Ис<идорович Фондаминский> рассказал, что З<инаида> Н<иколаевна> написала рецензию в “За свободу” о книжке “Совр<еменных> з<аписок>”. Презрительно-кротко. О “Ж<изни> Ар<сеньева>” так: “Описана ночь лунная и не лунная и утехи любви молодого человека”... Вот чем объясняется любезность и забота, что у Яна нет пальто» (8 февраля, РАЛ. MS 1067/395). В рецензии Гиппиус о «Жизни Арсеньева» писала:

> Сначала, конечно, И. Бунин. Продолжение обстоятельнейшего рассказа, как вырастал дворянский сын в русской усадьбе. Хотя гимназии не кончил (за что отец звал его «недорослем»), но много читал, писал стихи и вообще обнаруживал большие способности. Описывается ряд впечатлений, которые производила на него природа: весной, летом, осенью, зимой, в ночь лунную, в ночь безлунную и т. д. Также потрясающее впечатление от смерти родственника (особенно подробно описаны гроб, труп, могила). За тем идут впечатления от первых любовных деревенских утех[12].

9 февраля Бунины и Фондаминский запланировали посетить Мережковских: «Ил<иья> Ис<идорович> уговаривал Г<алину> идти сегодня к Мер<ежковским>. Но Г<алина> решила не ходить, т<ак> к<а>к приглашения от З<инаиды> Н<иколаевны> не было. Я одобряю ее решение» (РАЛ. MS 1067/395). 10 февраля Вера Николаевна отметила: «Хорошо, что Г<алина> раздумала идти к Мережк<овским>. З<инаида> Н<иколаевна> ни слова о ней не спросила» (РАЛ. MS 1067/395). Вопрос «введения» Галины Кузнецовой в круг Мережковских [12, с. 91][13] продолжал беспокоить Веру Николаевну, 17 февраля она записала: «Домой вернулась пешком. Перекусила. Поэты пошли к Мережковским. Собираюсь к Гукасовым. Мне ужасно жаль Г<алину>» (РАЛ. MS 1067/395). Галину в очередной раз не пригласили и, вероятно, она не поддалась на уговоры Фондаминского. Наконец 10 марта Вера Николаевна сделала краткую запись в дневнике: «Галина у Мережк<овских>» (РАЛ. MS 1067/395). Возможно, Вера Николаевна учитывала важность представления Галины Кузнецовой в доме Мережковских, т. к. это было связано

[12] *Антон Крайний* [*Гиппиус З.Н.*]. Без критики. (О «Современных записках») // За свободу! 1929. 23 января. № 20 (2653). С. 3. В № 37 журнала была опубликована третья книга «Жизни Арсеньева» (Современные записки. 1928. № 37. С. 5–56).

[13] Исследователь утверждает, что Гиппиус намеренно «третировала» Кузнецову с 1927 г. «тем, что просто не замечала долгое время» (С. 91).

с «инициацией» молодой поэтессы в круг парижских литераторов, об этой «законной» обрядовости упоминали современники[14].

Вскоре (20 марта) у Веры Николаевны появилась возможность посмотреть на подготовку к заседанию «Зеленой лампы»[15] вживую (также присутствовали Г.В. Адамович и Н.А. Оцуп), по результатам репетиции она заключила: «Я поняла, что им просто хочется внедрять свои идеи, и все. Оцупы лишь терпятся, так как нет лучших. Удивительная у них энергия, свежесть чувств, как будто они только начинают жить» (РАЛ. MS 1067/395). Заседание состоялось 24–25 марта и Бунина на нем побывала, в дневнике она отметила кратко: «Зеленая лампа» (24 марта, РАЛ. MS 1067/395), чуть подробнее в записи от 25 марта: «…потом “Зел<еная> л<ампа>”. <…> У Мер<ежковских> была <в> 25 м. восьмого» (РАЛ. MS 1067/395). На следующий день Вера Николаевна дополнила: «Вчера на “Зел<еную> лампу” Мережк<овские> не приехали, — заболела З<инаида> Н<иколаевна>» (РАЛ. MS 1067/395)[16]. 1 апреля Вера Николаевна, видимо, желая проведать Гиппиус, «<в>ечером пошла <к> З<инаиде> Н<иколаевне>. Думала, никого не будет, ан Манухины пришли. Немного посидела с ними. Разговор о Розанове. М<анухина> принесла “Темный лик”[17], только что прочла она его» (РАЛ. MS 1067/395). Через несколько дней Вера Николаевна вновь посетила Мережковских, вероятно, темы бесед, повторились: «Третьего дня я опять встретила их <Манухиных> у З<инаиды> Н<иколаевны>. Они оба были любезны. Но я сдержана» (3 апреля, РАЛ. MS 1067/395).

Тем не менее, интерес к литературному кругу Мережковских у В.Н. Буниной в Париже только усиливался. Гиппиус тоже была расположена к Буниной и в письме от 11 апреля 1929 г. приглашала ее в гости: «Очень мне досадно, что ни разу не пришлось с вами посидеть, как следует поболтать. <…> Отчего вы хоть в воскресенье

[14] «Мережковские всегда интересовались новыми людьми. Если кто-нибудь из еще не известных им “молодых” выпускал книгу или обращал на себя внимание талантливым выступлением на каком-нибудь литературном собрании, существовал “закон”, в силу которого “новый человек” должен быть представлен Мережковским на рассмотрение» (*Терапиано Ю.К.* Встречи. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. С. 53).

[15] «Все темы, все вопросы, поднятые в “Зеленой лампе”, требовали серьезной постановки, настаивали Мережковские, а прения — серьезных решений. Поэтому тема докладчика и по возможности аргументы оппонентов выслушивались почти всегда сначала на предварительном закрытом заседании в тесном кругу устроителей общества и их ближайших сотрудников» [8, с. 351–352].

[16] Отметим, что в энциклопедической статье указано, что Гиппиус и Мережковский присутствовали на этом заседании: «25 марта 1929. Собеседование: “Спор Белинского с Гоголем”. Вступительное слово Н.А. Оцупа. В прениях участвовали Г.В. Адамович, Г.О. Гершенкройн, З.Н. Гиппиус, М.Л. Кантор, Д.С. Мережковский, В.И. Талин (Иванович), М.О. Цетлин и др.» [6, с. 171].

[17] *Розанов В.В.* Темный лик: метафизика христианства. СПб: типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1911. 285 с.

не придете, если вам не скучны наши деловые “ламповые” разговоры?» [3, с. 676]. Вера Николаевна приглашением воспользовалась, 14 апреля (вечером воскресенья, после посещения Мережковских) она записала:

> Впервые была у Мережковских на «Воскресенье». Пришла первая. У З<инаиды> Н<иколаевны> — опять процесс в легких, печени, селезенке. Принялся лечить Манухин. Она очень мила. Говорили о книге Познера[18]. Она возмущается. Я сказала, что он, собственно, хотел выразить ее мысли, но оказался неприятной обезьяной.
>
> На «воскресенье» готовились к вечерам о любви. Дм<итрий> С<ергеевич> читал о «Содоме и Сионе», о «войне и поле», об однополой любви[19]. Было занятно и слушать, и смотреть на тихих мальчиков, чинно сидевших вряд. Была и Одоевцева (РАЛ. MS 1067/395).

Наконец, после литературного вечера Бунина у Цетлиных 17 апреля, — где, к слову, Мережковские не присутствовали — все основные и главные парижские мероприятия были завершены, и 25 апреля Бунины покинули Париж; с 28 апреля 1929 г. по 31 января 1930 г. они жили в Грассе [4, с. 132]. До 30 июня с ними жил И.И. Фондаминский, в компании с которым Вера Николаевна проводила много времени. В эти дни Илья Исидорович часто обсуждал Мережковских и их неприятные манеры поведения с Буниными (см, например, запись от 20 июня, РАЛ. MS 1067/395). В дневниках Веры Николаевны в эти месяцы постоянно наблюдается метание между позицией Мережковских и позицией Фондаминского. При этом Вера Николаевна всегда отдает должное уму Гиппиус и даже в понравившейся ей рецензии Д.В. Философова на книгу Ф.А. Степуна «Николай Переслегин»[20] в первую очередь видит «след» и влияние Гиппиус (23 июня, РАЛ. MS 1067/395).

5 июля 1929 г. Бунины посетили Мережковских: «Ездили к Мережковским» (РАЛ. MS 1067/395). 10 июля Вера Николаевна вновь встретилась с Зинаидой Николаевной:

> Была у З<инаиды> Н<иколаевны>. Поняла, почему ей хочется меня, тут все дело в Яне. Она не все понимает. Разговор меня было

[18] Возможно, речь о книге: *Познер В.* Стихи на случай: 1925–1928. Париж: [Б. и.], 1928. 89 с.

[19] Видимо, часть доклада была основа на будущей публикации книги: *Мережковский Д.С.* Тайна Запада: Атлантида-Европа. Белград: [Б. и.], 1930. Ч. I–II. 532 с.

[20] *Степун Ф.* Николай Переслегин. Париж: Современные записки, 1929. 425 с.

расстроил, но затем я вспомнила И<люшу>, представила, как он должен бы отнестись на моем месте, и вдруг успокоилась, решила сдержаться и передать Яну все в смягченных тонах.

И какое непонимание у З<инаиды> Н<иколаевны> Яна и всех человеческих чувств и неумение смотреть на все со стороны <…>. Хорошо одно, что я с Яном говорила мирно (РАЛ. MS 1067/395).

Возможно, предметом разговора между Буниной и Гиппиус был перевод 5050 франков, которые получила Гиппиус от промышленника, мецената и общественного деятеля Сергея Ивановича Четверикова (1850– 11 декабря 1929), и предложение Н.М. Гольденвейзера организовать совместное издательство на паях [3, с. 677]. Вероятно, Зинаида Николаевна предполагала привлечь Бунина к данному предприятию, предварительно переговорив с Верой Николаевной, но утверждать это нельзя: позже никто не упоминал об этом сюжете.

В следующий раз Бунина посетила Мережковских 22 июля: «Была у Мережковских, взяла следующие два тома Proust'a. Дм<итрий> С<ергеевич> страшно исхудал, видимо, страдает от жары. У З<инаиды> Н<иколаевны> вид лучше» (РАЛ. MS 1067/395). Стоит отметить, что эпопея М. Пруста произвела сильнейшее впечатление на Веру Николаевну, о ней она часто писала в дневниках в эти годы, читала книги о Прусте, а также обсуждала романы и личность Пруста со всеми знакомыми. Дочитав очередной том «В поисках утраченного времени», Вера Николаевна вновь отправилась к Мережковским 10 августа: «Кончила Le Coté de Guérmantes. Еду к Мережковским.<…>. После завтрака мы с З<инаидой> Н<иколаевной> долго разговаривали. <…> Разговор был все время интересный. 1) О Прусте, она сказала, что Proust все возится с личностью, и это ценно. 2) Об "Я", я сказала, что с нек<оторых> пор стала чувствовать, что все, чем оно было засорено за годы жизни, стало о<т>ставать, и я стала чувствовать его так, как в 5, 6 лет. Она сказала, что это начало мудрости. 3) О Шестове. "Шестов очень способный", но у него нет Бога. Вот прочтите Шеллинга. 4) Об А<малии> О<сиповне>[21] <…> 5) <О> Б<арышне>[22]. <…> З<инаида> Н<иколаевна> гов<орила> о ней с симпатией (РАЛ. MS 1067/395).

Интересно, что в этот раз литература и конкретно Пруст становятся поводом для сближения между Буниной и Мережков-

[21] Амалия Осиповна Фондаминская (1882–1935) — деятель революционного движения; с 1903 г. жена И.И. Фондаминского.

[22] Барышня — часто встречаемое в дневнике Веры Николаевны именование Галины Кузнецовой.

скими и с обсуждения литературы они переходят на более личные и доверительные беседы о себе и знакомых из близкого окружения. 2 сентября они свиделись вновь: «Я у З<инаиды> Н<иколаевны>. Купалась одна» (РАЛ. MS 1067/395). Одной из главных тем беседы стала рецензия Ходасевича[23] на книгу «Избранных стихов» Бунина[24]. На следующий день (3 сентября) Вера Николаевна дополнила в дневнике: «Вспоминаю, к<а>к вчера З<инаида> Н<иколаевна> говорила о своих сестрах. Она их действительно любит. Даже лицо у нее делается добрым, просветленным» (РАЛ. MS 1067/395). 15 сентября в письме Гиппиус сообщила, что она и Дмитрий Сергеевич поправились, и пригласила «весь, без исключения» [3, с. 678] Бельведер в гости. Встреча состоялась, 18 сентября Вера Николаевна так резюмировала ее: «Мережковские были очень любезны, видимо, рады, что Ян приехал» (РАЛ. MS 1067/395).

3 и 5 октября Вера Николаевна, заинтересовавшись опубликованными в газете стихами Мережковского «Я не был счастлив никогда»[25] и Гиппиус «Нить»[26], вклеила их в свой дневник.

13 ноября Бунины посетили Мережковских вновь, Вера Николаевна отметила: «“как пышно, как богато”. В отличном они настроении. Премия Нобеля, данная Томасу Манну, не расстроила. Д<митрий> С<ергеевич> развивал мысль, что будет хуже. Деньги истратишь, а уже после этого никто не поможет, а разве это много?[27] <…> З<инаида> Н<иколаевна> осталась довольна “райским видением”. Читала нам из своих статей. Одно она понимает удивительно правильно, а к другому глуха» (РАЛ. MS 1067/395). 3 декабря Бунина вместе с Н.Я. Рощиным ездила в Канн, после того как они расстались, она направилась к Мережковским: «З<инаида> Н<иколаевна> говорила опять о Савинкове, об его романах. <…> Потом я гуляла с ними, был чудесно серо-зеленоватый вечер,

[23] *Ходасевич В.Ф.* О поэзии Бунина // Возрождение. 1929. 15 авг. (№ 1535). С. 3–4.

[24] *Бунин И.А.* Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929.

[25] См.: *Мережковский Д.С.* Я не был счастлив никогда // Сегодня. 1929. 29 сент. № 270. С. 21. На этой же странице был опубликован очерк З.Н. Гиппиус «Мелькнувшее мгновенно», посвященный трагической судьбе террористки из боевого крыла эсеров — Мария Алексеевна Прокофьева (1883–1913). Возможно, в какой-то степени, именно этот очерк вдохновил Веру Николаевну написать похожий очерк о своей гимназической подруге, революционерке Ю.И. Жилевич, совершившей самоубийство летом 1915 г. (см.: *Муромцева В.* Завещание // Последние новости. 1933. 28 апр. № 4419. С. 2.; см. также: [13, с. 329–330]).

[26] Впервые: Журнал для всех. 1902. № 2. Стб. 191–192. Републикация этого стихотворения в эмигрантских газетах осенью 1929 г. пока не обнаружена.

[27] В 1920–1930 годы, до получения Нобелевской премии 1933 года Буниным, Мережковский, Бунин и Горький всерьез рассматривались как наиболее возможные русские кандидаты на премию. Однако, по всей видимости, после 1925 г. и до конца 1930 г. эта тема не обсуждалась так серьезно русской эмиграцией, особенно прямыми конкурентами: Буниным и Мережковским; см.: [7].

с большой волной, восточный берег казался средневековой гравюрой. Потом пили кофе. Д<митрий> С<ергеевич> пошел к дантистке, а мы с З<инаидой> Н<иколаевной> на площадь к Рощину и с ним опять на набережную, З<инаида> Н<иколаевна> была очень весела, игрива» (РАЛ. MS 1067/395). В этих записях чувствуется и вовсе теплое расположение Веры Николаевны к Зинаиде Николаевне. Темой бесед явно продолжал быть Пруст. Об этом свидетельствует и запись от 12 декабря накануне отъезда Мережковских в Париж: «Ян с Г<алиной> ездили в Канн. Она посмотреть шляпы, он к Мережковским спросить, когда они уезжают и когда нужны книги З<инаиде> Н<иколаевне>. З<инаида> Н<иколаевна>, видимо, хочет видеть Зурова: “пусть Зуров привезет в субботу”, — вероятно, и любопытно, и уже враждебно настроена. Поэкзаменовать хочется, а затем в Париже заявить: Какой? Да никакой!» (РАЛ. MS 1067/395). Как раз накануне, 23 ноября в дом Буниных приехал молодой писатель Леонид Федорович Зуров, и В.Н. Бунина быстро прониклась и привязалась к нему, чем и объясняется ее настороженность в дневниковой записи. Вероятно, в это посещение Буниным Мережковских (или в какое-то следующее посещение 14–15 декабря, или в письме) Зинаида Николаевна была не очень расположена, в дневнике Бунина записала: «Вот почему З<инаида> Н<иколаевна> опять злобствовала на Бунина, вероятно, из-за статьи Пильского[28] о “Грамматике любви”» (15 декабря, РАЛ. MS 1067/395). На следующий день Вера Николаевна дополнила: «Написала письмо З<инаиде> Н<иколаевне>, что приехать не можем, так как сидим без groschob <грошей>. Вероятно, будет недовольна. Но лучше отойти от зла. Они поймут, что даже втроем и то стоит почти 50 фр<анков>» (РАЛ. MS 1067/395).

Следующие записи относятся уже к 1930 году. В письме от 23 января Зинаида Николаевна пересказала парижские новости, сообщила, что пособие от чехов придет сразу за 2 месяца, и написала, что ждет встречи в феврале [3, с. 679–680]. Бунины приехали в Париж 1 февраля и пробыли до 12 мая. На этот раз вместе с ними отправилась не только Кузнецова, но и Зуров. В этом году в качестве молодого писателя русскому Парижу представляли его. Примечательно, что Гиппиус накануне отъезда хотела составить

[28] См.: *П–ский П.* [*Пильский П.М.*]. [Рец. на кн.: *Бунин И.А.* Грамматика любви. Избранные рассказы. Белград, 1929] // Сегодня. 1929. 9 дек. (№ 341). С. 6. Что именно не понравилось З.Н. Гиппиус — сказать сложно: Пильский благожелательно высказался о книге Бунина и никак не упомянул Гиппиус или Мережковского. Возможно, это как-то связано с тем, что книга вышла в Белграде в изд. «Русская типография» под руководством А. Белича и В.Д. Брянского; см.: [9, с. 819].

первое мнение о нем. Эта же тема подмечена Верой Николаевной в дневнике от 3 февраля 1930 г. Бунины вместе с Кузнецовой и Зуровым пришли на завтрак к И.И. и А.М. Фондаминским, были также Алданов, Мережковские и Злобин: «завтрак с И<льей> И<сидоровичем>. Он пополнел, но свеж. Говорил много со Скобарем[29]. Скобарь рассказывал много интересного о монастырях, о псковщине. Видимо, он понравился. <…> Были и Мережковские, на Скобаря ноль внимания[30], он держал себя молодцом, в меру ухаживал за Рашель[31], в меру принимал участие в общем разговоре» (РАЛ. MS 1067/398). 7 февраля Бунины принимали Зайцевых, и Вера Николаевна записала: «Зайцев хорошо рассказал о Мережковских в Белграде, — они объединили всю эмиграцию: “Раз в театре сижу, с одной стороны Вишняк, с другой Давац (?), вдруг, в третьем акте вижу, в ложу входят М<ережковские>, и вдруг слышу слева: сволочь, а справа: стерва!”» (РАЛ. MS 1067/398). История явно указывает на устроенные Мережковскими вокруг несостоявшегося белградского журнала интриги.

13 февраля Бунины посетили Мережковских: «Потом пошли к Мережковским. З<инаида> Н<иколаевна> долго рассказывала о “Числах”[32], о том, что ее “заставили” написать статью, что не дают корректуры. Говорили о критике[33]. Я высказывала свое мнение, что нужно писать, не боясь» (РАЛ. MS 1067/398). Видимо, мнения, высказанные Зинаидой Николаевной в статье, стали темой обсуждения и, судя по тону записи Веры Николаевны, она не поверила, что ее «заставили» писать. Кроме того, Гиппиус похвалила

[29] Скобарь, Лось, Питомец — прозвища Л.Ф. Зурова в доме Буниных.

[30] Примечательно, что похожую стратегию игнорирования использовали Мережковские в 1927–1929 гг. на Галине Кузнецовой, не приглашая и избегая ее какое-то время.

[31] Вероятнее всего, речь о Розе «Рери» Осоргиной (урожд. Рахиль Ушеровна / Гиршевна Гинцберг; 1885–1957), Вера Николаевна иногда в записях называет ее Рахиль, но чаще «Рери», в данном случае возможно написание имени Рахиль на французский манер. Днем раньше Бунина виделась с Осоргиной, в записи от 2 февраля: «Рери понравилась. Очень мила и трогательно несчастна» (РАЛ. MS 1067/398). В круг Буниных также входила Рашель М. Соколова (1907–1992) — вероятно, деятель балета, жена М. Соколова и племянница В.Р. Мартыновой.

[32] Речь о статье: *Антон Крайний* [Гиппиус З.Н.]. Литературные размышления // Числа. Париж, 1930. № 1. С. 144–149; № 2/3. С. 148–154; № 4. С. 149–157. В первой части «Литературных размышлений» (№ 1) Гиппиус писала о Бунине и «Жизни Арсеньева». В частности, о том, что Бунин не понял современную ему литературу: «Когда я думаю об этом, и о таком крупном писателе-человеке, как Бунин, мне становится жалко и больно. Не то жаль, что течение литературы, движение, прошло мимо него и что не понял он движения, чуждого его природе, его складу, его таланту: тут его естественное право. А вот понять, что он всего этого не понимает, — он мог бы; и мне жаль и обидно за Бунина, что такого простого понимания у него нет» [2, с. 141]; курсив автора.

[33] С разговора о критике начала З.Н. Гиппиус свою статью: «Критики у нас нет. И, может быть, это хорошо. Сами критики не хотят критики. И, может быть, они правы. Не будем вдаваться в объяснения, почему и отчего. Слишком сложно и длинно. Лучше просто примем это как факт» [2, с. 136].

рассказ Г. Кузнецовой «Ночлег», вошедший в сборник «Утро»[34]. 16 февраля Бунины вновь посетили Мережковских, Вера Николаевна кратко отметила: «У Мережковских народу было много» (РАЛ. MS 1067/398).

Через месяц (16 марта), видимо думая, как лучше устроить дела Зурова и помочь ему войти в литературные круги, Бунины обратились к Мережковским. Вероятно, важным фактором стала личная просьба Бунина: «Я с Яном зашли к Мережковским и спросили, можно ли Зурову прийти на их “воскресенье”. З<инаида> Н<иколаевна> милостиво разрешила» (РАЛ. MS 1067/398).

Весной Бунины присутствовали на нескольких заседаниях «Зеленой лампы» [12, с. 82–83]. 4 апреля в редакции «Современных записок» праздновался юбилей Ходасевича (25 лет литературной деятельности), Бунины, Кузнецова и Зуров были приглашены, Иван Алексеевич председательствовал на банкете. 5 апреля Вера Николаевна подробно записала происходившее — ее посадили рядом с Мережковским, диалог с которым показался Буниной интересным: «Он рассказал мне, что видел черта, когда ему было пять лет, у притолоки: высокий, тонкий, окутан в черное, — это очень интересно, а то, что я видел Стасюлевича, это совсем не интересно, а как рассказать об “интересном”, о запахах, о цвете обоев и т. д. А черта я видел сряду три дня, и меня боялись вносить потом в ту комнату» (РАЛ. MS 1067/398).

Далее Мережковские появляются в записях Веры Николаевны в пересказах и слухах. 25 апреля она записала, что «Мережковский увлечен синематографом» (РАЛ. MS 1067/398), 25 июня со слов М.А. Алданова пересказала сцену примирения между Мережковскими, Ходасевичами и Вишняком, а после с Фондаминскими и Алдановым Бунины «говорили долго о Мережковских. И<лья> И<сидорович> думает, что на З<инаиду> Н<иколаевну> находит минутами злоба, и она начинает кого-нибудь костить[35]. Я высказала свое мнение насчет ее брутства, но успеха это не имело. А я думаю, что я права. Ян был в ударе, хорошо говорил о Мережковском, о том, как он, когда ему не нужно чего-нибудь добиваться, бывает умен, блестящ, но затем быстро может нести околесины» (РАЛ. MS 1067/398). В этой записи вновь чувствуется настороженность Буниной по отношению к Гиппиус, которая особенно часто проявляется

[34] См.: *Кузнецова Г.Н.* Утро. Париж: Современные записки, 1930. 176 с.

[35] Примечательно, что в своем письме к В.Н. Буниной от 12 июня она писала: «Вообще же чета Фонд<аминских> и меня забыла: я даже не знаю адреса их в Грассе!» [3, с. 681].

в обсуждениях с Фондаминским и кругом близких друзей; интересно и сформировавшееся мнение Буниной о «брутстве» Гиппиус.

19 июля 1930 г. Бунина вместе с Зуровым отправилась в Жюан-ле-Пен, где встретили Мережковских, этот день она подробно описала в дневнике 20 июля:

> Мы шли берегом. <…> Под Платанами увидали Мережковских, уже собравшихся уходить. С ними сидел молодой человек. Оказался сыном Шаляпина. <…> С Ал<дановыми> Мережковские не были очень любезны, и они сейчас же уехали к себе, хотя могли еще провести время. <…> Они с Шаляпиным мастерят фильму и поэтому не хотят, чтобы к ним приходили днем. <…> Д<митрий> С<ергеевич> рассказал, что Иванов, синематографщик, потерял 1600000, и все жалел, что не сорвал у него аванса[36] (РАЛ. MS 1067/398).

Финансовое благополучие Мережковских, по мнению Веры Николаевны, хорошо отражается на них, но при этом они сразу охладевают ко всем остальным. Летом-осенью она несколько раз обращает на это внимание в своих записях: «В Каннах видели пять минут Мережковских, они были такими, какими я люблю их» (30 июня, РАЛ. MS 1067/398); «Была у Мережковских. Милы, любезны, как всегда, когда у них дела хороши. Фильма подвигается» (11 августа, РАЛ. MS 1067/398); «Вчера были у Мережковских. Д<митрий> С<ергеевич> в необыкновенно хорошем настроении, как у него всегда хорошо сказывается материальное благополучие! Он становится добр, остроумен, блестящ» (15 ноября, РАЛ. MS 1067/398).

В это же время Вера Николаевна увлечена Мережковским-писателем, 31 июля она записала: «Прочла 20 страниц “Атлантиды”. Мне интересно, но до дна я Мережковского не понимаю. А может быть, он сам не понимает себя до конца?» Несмотря на иронию в адрес «Атлантиды» со стороны Ивана Алексеевича: «Завтракал у нас Мочульский. <…> Потом Ян хорошо рассказывал, как Володя[37] говорил, что Атлантида погибла, по Мережковскому, от черной магии и “содома”, Мочульский очень смеялся» (2 сентября, РАЛ. MS 1067/398), — Вера Николаевна всерьез заинтересовалась романом. 15 ноября Бунины

[36] Сюжет с неудавшимся фильмом Мережковских уже хорошо изучен (см. [1]), в том числе с использованием этой и других цитат из дневника В.Н. Буниной (ср. запись от 11 августа; РАЛ. MS 1067/398).

[37] Владимир Ананьевич Злобин (1894–1967) — поэт, критик и секретарь Мережковских, долгое время проживавший с ними.

посетили[38] Мережковских, и одной из тем была «Атлантида», Дмитрий Сергеевич советовал Вере Николаевне «прочитать конец и начало... “Середина скучна”...» (РАЛ. MS 1067/398). 23 ноября Вера Николаевна записала: «Я сказала Д<митрию> С<ергеевичу>, что мне нравится “Атлантида”, что читаю ее с удовольствием, порой трудно оторваться. Он заметил, что она дает ключ к пониманию Христианства, беспорочного зачатия, догмата Троицы. И стал объяснять, но я не слышала, так как З<инаида> Н<иколаевна> начала со мной разговор о нашем завтраке у них» (РАЛ. MS 1067/398). 24 ноября Бунина отметила: «Читаю “Атлантиду”. Интересно. Хочется некоторые листы выписать» (РАЛ. MS 1067/398). Далее в дневнике следует несколько страниц выписок из предисловия к «Атлантиде», почти целиком переписан текст с XXXIV по XXXIX параграфы[39]. Интересно, что в дневнике от 25 ноября «переписывание» текста буквально обрывается встречей с автором:

> Неожиданно приехали Мережковские на полчаса. Д<митрий> С<ергеевич> попросил «Атлантиду», он еще не получил ее. Галя принесла и не обратила внимания, что она разрезана только до тех пор, до каких я прочла, то есть до 93 стр<аницы>. Было чуть неловко. Но читать эту книгу очень трудно сразу много. Когда же читаешь, то внимание держится.
>
> Посидели недолго. Мережковский прочел вслух из 14 книги 1-ый отрыв<ок>.
>
> Я их проводила до Café, — они боялись у нас посидеть лишний получас, так как надвигалась темнота. Д<митрий> С<ергеевич> и Володя сели в машину, а З<инаида> Н<иколаевна> пошла пешком со мной. Она была очень весела, на все смотрела с интересом, на новые после них открытые магазины, кафе (РАЛ. MS 1067/398).

26 декабря Гиппиус написала Буниной два больших письма, в которых сообщила последние парижские новости об общих знакомых, сведения о денежных дотациях от чехов и сербов, а также выразила сочувствие по поводу трагической смертью кузины Веры Николаевны — Мани[40]. В последний раз в 1930 г. Бунина упоминает

[38] Мережковские, как следует из письма З.Н. Гиппиус к В.Н. Буниной от 29 октября, приглашали Буниных и раньше, но те не приезжали, на что дружески сетует Зинаида Николаевна, пересказывает новости и приглашает вновь [3, с. 681–682].

[39] *Мережковский Д.С.* Тайна Запада: Атлантида-Европа. Белград: [Б. и.], 1930. Ч. I–II. 532 с.

[40] Мария Сергеевна Брюан (Bruyant; урожд. Муромцева; в первом браке Венявская; 1888–1930), дочь председателя I Государственной думы С.А. Муромцева (1850–1910). Умерла в результате неудачной операции. Вера Николаевна узнала о ее смерти 6 декабря

Мережковских 26 декабря в связи со стартом очередной кампании по получению русским писателем Нобелевской премии[41] (РАЛ. MS 1067/398). Собственно, ушедшая ненадолго в тень тема Нобелевской премии вновь станет основным лейтмотивом взаимоотношений Буниных и Мережковских на протяжении следующих лет вплоть до 1933 г. Характерно, что уже в 1931 г. (РАЛ. MS 1067/403) почти все дневниковые записи Веры Николаевны о Мережковском и Гиппиус будут напрямую или косвенно посвящены этой теме, что ознаменует собой новый период в истории взаимоотношений Буниных и Мережковских.

Дневники В.Н. Буниной раскрывают двойственную природу литературной и личной борьбы в эмигрантской среде 1920–1930-х гг. С одной стороны, они демонстрируют ее активную роль в формировании репутации И.А. Бунина — не только как мемуариста, но и как защитника, остро реагирующего на критику (будь то статьи Гиппиус или интриги вокруг «нобелевской гонки»). Ее записи — это не просто хроника, а инструмент сопротивления, где субъективность становится оружием в борьбе за символический капитал. С другой стороны, эти же тексты обнажают трагический разрыв между идеалами русской интеллигенции и реальностью эмиграции. Бунина, искавшая у Мережковских — особенно у Гиппиус — не только литературной поддержки, но и человеческого тепла, столкнулась с холодным расчетом. Их многолетняя риторика о «духовном братстве» и «христианской любви» на практике обернулась эгоцентризмом, а временное сближение 1929–1930 гг. лишь подчеркнуло одиночество Буниной в мире, где даже близкие отношения подчинялись логике конкуренции.

Таким образом, дневники Буниной это не только источник по истории литературы, но и свидетельство кризиса доверия внутри эмигрантского сообщества. Литературные конфликты здесь неотделимы от личных драм, а борьба за признание оказывается частью более глубокой борьбы за сохранение себя в условиях изгнания. В этом напряжении между творчеством и выживанием, между высокими идеалами и повседневной жестокостью — ключ к пониманию не только отношений Буниных и Мережковских, но и всей сложной динамики русской культуры в изгнании.

из газет (РАЛ. MS 1067/398).

[41] См. подробнее: [7, с. 294–298]. В письме к В.Н. Буниной от 26 декабря З.Н. Гиппиус тоже упомянула о Нобелевской премии [3, с. 684].

Литература

1. *Андрущенко Е.А.* Забытая повесть Д.С. Мережковского // Д.С. Мережковский: писатель — критик — мыслитель: сб. ст. М.: Дмитрий Сечин; Литфакт, 2018. С. 387–396.

2. *Гиппиус З.Н.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Дмитрий Сечин, 2012. Т. 13: У нас в Париже: Литературная и политическая публицистика 1928–1939 гг. Воспоминания. Портреты. 656 с.

3. *Гиппиус З.Н.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Дмитрий Сечин, 2013. Т. 14: Я и услышу, и пойму: Избранная переписка 1891–1945 гг. Венок посвящений. 1056 с.

4. *Двинятина Т.М.* Иван Бунин: Биографический пунктир: в 2 т. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Вита Нова, 2020. Т. 2. 496 с.

5. *Лавров В.В.* Холодная осень: Иван Бунин в эмиграции (1920–1953): роман-хроника. М.: Молодая гвардия, 1989. 382 с.

6. Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. Т. 2: Периодика и литературные центры. 675 с.

7. *Марченко Т.В.* Русская литература в зеркале Нобелевской премии. М.: Азбуковник, 2017. 671 с.

8. *Пахмусс Т.* «Зелена лампа» в Париже // Зинаида Николаевна Гиппиус. Новые материалы. Исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 351–352.

9. Переписка И.А. Бунина с А. Беличем и В.Д. Брянским 1928–1941 гг. / предисл., подготовка текста и примеч. А.В. Бакунцева // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2022. Т. 110. Кн. 2: И.А. Бунин. Новые материалы и исследования / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. С. 811–881.

10. *Пономарев Е.Р.* «Беседы с памятью» В.Н. Муромцевой-Буниной: неизвестная книга о детстве и юности // Новый филологический вестник. 2022. № 4. С. 158–169. https://doi.org/10.54770/20729316-2022-4-158

11. *Пономарев Е.Р.* Летопись русской эмиграции: трансформации дневникового жанра в эмигрантской культуре (на примере литературного наследия В.Н. Муромцевой-Буниной) // Новый филологический вестник. 2024. № 3. С. 180–191.

12. *Хрисанфов В.И.* Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус: Из жизни в эмиграции. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 164 с.

13. *Щавлинский М.С.* Автобиографические очерки В.Н. Муромцевой-Буниной о себе и семье: На материале газетных публикаций и дневниковых записей 1927–1936 гг. // Летняя школа по русской литературе. 2024. Т. 20. № 4. С. 314–332.

14. *Щавлинский М.С.* И.А. Бунин и его эпоха в цикле мемуарных очерков В.Н. Муромцевой-Буниной // Новый филологический вестник. 2024. № 2. С. 141–155. 141. https://doi.org/10.54770/20729316-2024-2-141

Research Article and Publication of Archival Documents

A Brief Thaw: The Bunins and the Merezhkovskys in 1929–1930 Between Two Stages of the "Nobel Race" (Based on Vera Bunina's Diaries)

© 2026. Maksim S. Shchavlinskii
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Acknowledgements: The work was carried out at IWL RAS with the support of the grant by the Russian Science Foundation, project no. 24–18–00425 "V.N. Muromtseva-Bunina — Chronicler of Russian Emigration."

Abstract: The diaries of V.N. Bunina represent important historical testimonies about the life of the Russian emigration. Bunina kept them throughout her life with remarkable regularity — in some years (for example, in 1929–1930), entries were made almost daily. This material is particularly valuable for studying the life of the Russian emigration in France during the 1920–1940s. To this day, the relationship between the Bunin and Merezhkovskii families has not been properly studied. The 1920–1930s are especially interesting, as this was the time of the "Nobel competition" between I.A. Bunin and D.S. Merezhkovskii. Despite warm relations in the early 1920s, by the mid-1920s the relationship between the families had cooled, and in 1929–1930 an unexpected rapprochement ("thaw"/ottepel) occurred, reflected in the correspondence between Z.N. Gippius and V.N. Bunina, as well as in Vera Nikolaevna's diaries. This article examines this brief rapprochement and its biographical and literary contexts.

Keywords: V.N. Muromtseva-Bunina, I.A. Bunin, Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovskii, biography, diaries, letters, Nobel Prize

Information about the author: Maksim S. Shchavlinskii, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5156-8999
E-mail: maxim.shavlinsky@gmail.com

For citation: Shchavlinskii, M.S. "A Brief Thaw: The Bunins and the Merezhkovskys in 1929–1930 Between Two Stages of the 'Nobel Race' (Based on Vera Bunina's Diaries)." *Literaturnyi fakt,* no. 1 (39), 2026, pp. 112–134 (In Russ.) https://doi.org/???

References

1. Andrushchenko, E.A. "Zabytaia povest' D.S. Merezhkovskogo" ["The Forgotten Tale of D.S. Merezhkovskii"]. *D.S. Merezhkovskii: pisatel' — kritik — myslitel': sbornik statei* [*D.S. Merezhkovskii: Writer — Critic — Thinker: Collection of Articles*]. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., Litfakt Publ., 2018. pp. 387–396. (In Russ.)

2. Gippius, Z.N. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [*Collected Works: in 15 vols.*], vol. 13: U nas v Parizhe: Literaturnaia i politicheskaia publitsistika 1928–1939 gg. Vospominaniia.

Portrety [In Our Paris: Literary and Political Journalism, 1928–1939. Memoirs. Portraits]. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2012. 656 p. (In Russ.)

3. Gippius, Z.N. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [*Collected Works: In 15 Vols.*], vol. 14: Ia i uslyshu, i poimu: Izbrannaia perepiska 1891–1945 gg. Venok posviashchenii [I Will Hear and Understand: Selected Correspondence, 1891–1945. A Wreath of Dedications]. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2013. 1056 p. (In Russ.)

4. Dviniatina, T.M. *Ivan Bunin: Biograficheskii punktir: v 2 t.* [*Ivan Bunin: Biographical dotted line: in 2 vols.*], vol. 2. St. Petersburg, Pushkin House Publ., Vita Nova Publ., 2020. 496 p. (In Russ.)

5. Lavrov, V.V. *Kholodnaia osen': Ivan Bunin v emigratsii (1920–1953): roman-khronika* [*Cold Autumn: Ivan Bunin in Exile (1920–1953): A Chronicle-Novel*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1989. 382 p. (In Russ.)

6. *Literaturnaia entsiklopediia Russkogo Zarubezh'ia. 1918–1940* [*Literary Encyclopedia of the Russian Abroad. 1918–1940*], vol. 2: Periodika i literaturnye tsentry [Periodicals and Literary Centers]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 675 p. (In Russ.)

7. Marchenko, T.V. *Russkaia literatura v zerkale Nobelevskoi premii* [*Russian Literature in the Mirror of the Nobel Prize*]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2017. 671 p. (In Russ.)

8. Pakhmuss, T. "'Zelenaia lampa' v Parizhe" ["'The Green Lamp' in Paris"]. *Zinaida Nikolaevna Gippius. Novye materialy. Issledovaniia* [*Zinaida Nikolaevna Gippius. New Materials. Research*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2002, pp. 351–352. (In Russ.)

9. Bakuntsev, A.V. editor. "Perepiska I.A. Bunina s A. Belichem i V.D. Brianskim 1928–1941 gg." ["Correspondence Between I.A. Bunin and A. Belic and V.D. Brianskii, 1928–1941"], foreword, text prep. and notes by A.V. Bakuntsev. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 110, book 2: I.A. Bunin. Novye materialy i issledovaniia [I.A. Bunin. New Materials and Research], ed. and comp. by O.A. Korostelev, and S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 811–881. (In Russ.)

10. Ponomarev, E.R. "'Besedy s pamiat'iu' V.N. Muromtsevoi-Buninoi: neizvestnaia kniga o detstve i iunosti" ["'Conversations with Memory' by V.N. Muromtseva-Bunina: An Unknown Book About Childhood and Youth"]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 4 (63), 2022, pp. 158–169. https://doi.org/10.54770/20729316-2022-4-158 (In Russ.)

11. Ponomarev, E.R. "Letopis' russkoi emigratsii: transformatsii dnevnikovogo zhanra v emigrantskoi kul'ture (na primere literaturnogo naslediia V.N. Muromtsevoi-Buninoi)" ["Chronicle of Russian Emigration: Transformations of the Diary Genre in Émigré Culture (Based on the Literary Heritage of V.N. Muromtseva-Bunina)"]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 3, 2024, pp. 180–191. (In Russ.)

12. Khrisanfov, V.I. *D.S. Merezhkovskii i Z.N. Gippius: Iz zhizni v emigratsii* [*D.S. Merezhkovsky and Z.N. Gippius: From Life in Exile*]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2005. 164 p. (In Russ.)

13. Shchavlinskii, M.S. "Avtobiograficheskie ocherki V.N. Muromtsevoi-Buninoi o sebe i sem'e: Na materiale gazetnykh publikatsii i dnevnikovykh zapisei 1927–1936 gg." ["Autobiographical Essays by V.N. Muromtseva-Bunina About Herself and Her Family: Based on Newspaper Publications and Diary Entries, 1927–1936"]. *Letniaia shkola po russkoi literature*, vol. 20, no. 4, 2024, pp. 314–332. (In Russ.)

14. Shchavlinskii, M.S. “I.A. Bunin i ego epokha v tsikle memuarnykh ocherkov V.N. Muromtsevoi-Buninoi” [“I.A. Bunin and His Era in the Cycle of Memoir Essays by V.N. Muromtseva-Bunina”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 2 (69), 2024, pp. 141–155. https://doi.org/10.54770/20729316-2024-2-141 (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 15.09.2025
Одобрена после рецензирования: 24.11.2025
Дата публикации: 25.03.2026

The article was submitted: 15.09.2025
Approved after reviewing: 24.11.2025
Date of publication: 25.03.2026

Литературный факт. 2026. № 1 (39)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 1 (39), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.1
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-135-162
https://elibrary.ru/WUVQZM

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (39), 2026

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

К истории взаимоотношений А.А. Ахматовой и З.И. Гржебина

© 2026, Т.В. Игошева
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Известному книгоиздателю Зиновию Исаевичу Гржебину были присущи как предприимчивость и организаторский талант, так и дух авантюризма, что нередко влекло за собой скандальные инциденты. После организации в 1919 г. частного издательства Гржебин начал активно скупать права на издание у крупнейших русских писателей. Заключая договоры в трудное для страны время, писатели редко оставались довольными условиями этих договоров. В статье рассматриваются случаи, когда Гржебин нарушал условия издательской сделки или когда договоры были явно не в пользу писателей. Особый интерес представляет «случай Ахматовой», которая в 1920 г. подписала два договора с Гржебиным. 15 августа 1921 г. Ахматова написала заявление в правление Петроградского профсоюза писателей о недействительности договора, заключенного ранее с Гржебиным, поскольку в течение года он так и не издал книги ее стихов. 23 августа 1921 г. Гржебин направил в Петроградское отделение Всероссийского Союза писателей свое заявление, в котором он дал собственный комментарий произошедшему инциденту с Ахматовой. Тексты двух договоров и документы, сопровождающие их, впервые публикуются в статье и комментируются в контексте историко-литературной ситуации того времени.

Ключевые слова: А.А. Ахматова, З.И. Гржебин, советское книгоиздание, издательский договор, биография писателя, архивные документы.

Информация об авторе: Татьяна Васильевна Игошева — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034, Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7988-204X

E-mail: tigosheva@mail.ru

Для цитирования: *Игошева Т.В.* К истории взаимоотношений А.А. Ахматовой и З.И. Гржебина // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 135–162. https://doi. org/10.22455/2541-8297-2026-39-135-162

Зиновий Исаевич Гржебин (1877–1929) — литератор и книгоиздатель, отличавшийся огромным организаторским талантом, невероятной работоспособностью, деловым размахом, масштабностью замыслов. Не случайно его фигура в последнее время все чаще привлекает внимание исследователей[1]. Вместе с тем личностью он был неоднозначной: как отмечали современники, ему не чужды были дух авантюризма и умение создавать ситуации на грани скандала. После основания частного издательства в 1919 г. его основной стратегией в условиях типографского кризиса и дефицита бумаги было издание книг за границей для удовлетворения растущих потребностей в книжной продукции в пореволюционной России. Одним из приоритетных издательских направлений издательства Гржебина стала современная русская литература.

В первом номере журнала «Дом искусств», вышедшем в конце 1920 г., был представлен масштабный культурный проект «Издательства З.И. Гржебина»: «Готово к печати более 200 книг различного содержания. До сих пор вышли в свет: — Александр Блок, “За гранью прошлых дней”. — М. Горький, “Воспоминания о Толстом”. — Его же. “Дети” — Его же. “Рождение человека” и “Легенда об Агасфере”. — Поэмы Шубарта, Ленау и Беранже со вступительной статьей М. Горького. — А. Куприн, “Свадьба”. — Его же. “Изумруд” <…>»[2]. Издательская программа, отраженная в «Каталоге Издательства З.И. Гржебина» (1921), также демонстрирует грандиозный характер планов издателя. Однако полностью реализовать эту программу по разным причинам ему так и не удалось.

С целью пополнения издательского портфеля Гржебин (начиная с конца 1918 — начала 1919 г.) предпринял массовое заключение договоров с целым рядом известных русских писателей. Однако условия, предлагавшиеся издателем, практически никого из писателей удовлетворить не могли, что порождало конфликтные ситуации, усугублявшиеся слабо развитыми в советской России этого времени нормами авторского права. (Конечно, свою роль играли объективные трудности, прежде всего, захлестнувшая РСФСР гиперинфляция, стремительно обесценивающая авторские гонорары.)

Хорошо известны резкие высказывания Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус, не раз публично протестовавших против коммерческих методов Гржебина. Так, З. Гиппиус, давая оценку действиям издателя, в августе 1919 г. записывала в своем дневнике:

[1] См.: [2; 3; 4; 8; 9; 13; 14: 15].

[2] [*Б. п.*]. Издательство З.И. Гржебина // Дом искусств. Петербург, 1921. № 1. С. 72–73. Полностью эта заметка воспроизведена в публикации: [1, с. 146–147].

> К писателям Гржебин теперь относится по-меценатски. То есть держит себя меценатом. У него есть как бы своё (полулегальное, под крылом Горького) издательство. Он скупает всех писателей с именами, — скупает «впрок», — ведь теперь нельзя издавать. На случай переворота — вся русская литература в его руках, по договорам, на многие лета, — и как выгодно приобретенная! Буквально, *буквально* за несколько кусков хлеба.
>
> Ни один издатель при мне и со мной так бесстыдно не торговался, как Гржебин. А уж кажется, перевидали мы издателей на своем веку.
>
> Стыдно сказать, за сколько он покупал меня и Мережковского. Стыдно не нам, конечно. Люди с петлей на шее уже таких вещей не стыдятся[3].

Мережковский в свою очередь в открытом письме, опубликованном 3 декабря 1920 г. в парижской газете «Последние новости», категорично заявлял: «Главный агент Горького, Гржебин скупил за гроши всю русскую литературу из-под полы, как мешочник» [3, с. 296]. По словам Мережковского, обстоятельства заключения его соглашения с Гржебиным выглядели следующим образом: «31 декабря 1918 года, находясь в Петербурге, под большевиками, в исключительно тяжелых условиях, я вынужден был заключить чрезвычайно невыгодный договор с З.И. Гржебиным, продав ему за 60 000 керенок ряд своих сочинений. Подписывая этот “договор”, я, на основании своего долголетнего опыта, считал само собой понятным, что договор этот заключен для России, тем более что сношения с Европой были тогда невозможны. Совершенно так же понимал это и Гржебин, обещавший приступить к изданию моих сочинений лишь после падения большевиков. На днях, однако, я получил извещение из Берлина от издательства Ладыжникова, что им приобретено у Гржебина право на издание моих сочинений, т. е. на издание их заграницей»[4]. Мережковского возмущала прежде всего мизерная цена, которую предлагал Гржебин, и на которую приходилось соглашаться «в исключительно тяжелых условиях». Помимо этого издатель нарушил условия договора, перепродав право на издание издательству Ладыжникова, действовавшему за границей, где публикация стоила совершенно других денег.

---

[3] *Гиппиус З.* Собр. соч. М.: Дмитрий Сечин, 2005. Т. 8. С. 217.

[4] Письмо к адвокату Б.И. Элькину от 7 марта 1921 г. Цит. по: [15, с. 552]. См. также подробный рассказ о финансовых взаимоотношениях с Гржебиным революционных лет в письме Гиппиус к А.С. Элиасбергу от 23 января 1921 г. (*Гиппиус З.* Собр. соч. М.: Дмитрий Сечин, 2013. Т. 14. С. 479–480).

Между тем договорные отношения Мережковского и Гиппиус с Гржебиным имели и оборотную сторону. В ответ на публичное обвинение издатель представил *собственную* точку зрения на обсуждаемые события: «Мережковский продал мне свои избранные сочинения в 1918 году и тогда же получил деньги, которые в переводе на иностранную валюту составляют не 50 франков, как подсчитал автор заметки, а 150.00 фунт. стерлингов или на франки 7500!» [3, с. 297–298]. Более того, он выдвинул собственные претензии в адрес Мережковского и Гиппиус: «Немедленно по продаже мне своих сочинений и по сие время Мережковский снова продает те же сочинения другим издательствам. <…> Гиппиус продала мне свои стихи, деньги получила, а материал не сдала» [3, с. 298].

Факт скупки Гржебиным авторских прав за бесценок, столь возмущавший Мережковского и Гиппиус, подтверждал и А. Блок. Так, еще в декабре 1918 г. он сделал ироничную запись: «Гржебин предлагает сквозь свои черепаховые очки купить меня на 5 лет — за керенки. Он мне на том свете еще будет памятен» [5]. К лету 1920 г. относятся еще две его записи о Гржебине: «Рассказы о грязи, среди которой мы живем (между прочим, о Гржебине)» (3 июля); «С Замятиным — о мошенничестве Гржебина» (20 июля)[6].

Тема «мошенничества» Гржебина отчасти раскрывается в блоковском неопубликованном письме от 31 августа 1920 г., адресованном в литературную коллегию издательства З.И. Гржебина. В нем поэт выразил свой протест против произвола издателя, который без согласования с ним увеличил тираж сборника «За гранью прежних дней» (предназначенного «для немногих») с пяти до четырнадцати тысяч. Приведем эту записку:

> В издательстве Гржебина вышла моя книжка «За гранью прошлых дней» в количестве 14 000 экземпляров вместо назначенных по договору 5 000. После того, как я узнал об этом (не от издательства, а из типографии), издательство выплатило мне определенный в договоре гонорар за все 14 000 экземпляров, объяснив, что меня не успели известить, потому что Гржебин уезжал заграницу, что в последнюю минуту из-за Государственного издательства пришлось сдать в печать упомяну<ту>ю книжку, вместо моей же книжки «Театр» (которой, впрочем, по договору должно печататься

[5] *Блок А.А.* Записные книжки / сост., подготовка текста, предисл., примеч. Вл. Орлова. М.: Худож. литература, 1965. С. 440.

[6] Там же. С. 495, 497.

не 14 000, а 10 000 экземпляров), и что из бывшего количества бумаги вышло именно столько экземпляров.

Не говоря о том, почему эти объяснения кажутся мне малоудовлетворительными, я хочу указать, что книжку «За гранью прошлых дней», предназначенную «для немногих», не следовало печатать в таком количестве. Для того, чтобы избегнуть повторения подобных случаев, я прошу Литературную коллегию предложить издательству дать мне хотя бы следующую гарантию: последняя корректура (к печати) книжки «Театр» подписывается мною и количество экземпляров указывается мною же.

В связи с этим сообщаю, что договор на книжку «Театр» заключен мною 24 июля 1919 года, т. е., более года назад. Так как неопределенное положение с этой книжкой меня не устраивает, и я думаю, что полуторых <sic!> лет на ее издание достаточно, я просил бы определить срок выхода книги не позднее января 1921 года, при непременном условии печатанья ее в Петербурге. После истечения этого срока я хотел бы считать себя свободным от договора[7].

Особо подчеркнем в этом письме возмущение писателя сроком, в течение которого Гржебин не публиковал его книгу стихов: данное обстоятельство сыграет свою роль и в ахматовской истории.

Деловая сторона приобретения Гржебиным авторских прав у Андрея Белого рассмотрена в статье А.В. Лаврова, проанализировавшего заключенный между ними в 1920 г. договор [6, с. 65–66]. Воспроизведем основные моменты этой истории. 28 января 1920 г. Белый передал права на издание собрания своих сочинений издательству З.И. Гржебина. Позже в письме издателю от 6 октября 1921 г. (незадолго до окончательного отъезда Гржебина за границу) Белый дал критическую оценку заключенному договору: «Договор ужасен по существу. Но почему же я на него пошел? Да потому, что в этом закабалении всего себя и всего своего будущего, как писателя и человека, Вы выдвинули для меня “*чечевичную похлебку*”, пользуясь полной моей деловою беспомощностью…» [6, с. 67]. Рассматривая условия данного договора, А.В. Лавров отмечал: «Договор <…> практически предусматривал монополию Гржебина на книги Белого, издававшиеся ранее или подготавливаемые к изданию, и полную свободу издателя в установлении сроков выпуска книг при соблюдении условия о регулярной выплате Белому стабильной денежной суммы. Подписывая такой договор, Белый, конечно, надеялся на то, что за этим последует

[7] ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 2–2 об.

и регулярный выход в свет его сочинений. Однако, связав Белого договором, Гржебин ничего не предпринял для печатания его произведений, что было вызвано отчасти отсутствием бумаги» [6, с. 66].

Недовольный невыполнением Гржебиным взятых на себя обязательств, А. Белый обратился за помощью к юристу А.М. Шах-Назарову: «Прошу Вас очень, помогите мне ликвидировать этот грабительский договор; без этой ликвидации моя мать попадает в критическое положение; и я — тоже (и здесь, и за границей). Если бы Юридический отдел отказался утвердить Вас и Р.В. Иванова поверенными, то я просил бы Юридический отдел в случае отказа Гржебина или доверенными его расторгнуть контракт возбудить дело против Гржебина, как пользующегося критическим положением литераторов. Я готов на все, лишь бы договор был расторгнут. Можете это частное мое письмо показывать, кому сочтете нужным. Прошу Вас об одном: выручите меня, освободите меня от "*гржебинской*" паутины…» [6, с. 68]. Данный конфликт был разрешен 18 октября 1921 г., когда «Пинкевич[8], с одной стороны, и Иванов-Разумник и Шах-Назаров, с другой, расторгли договор "по обоюдному соглашению сторон" и "без всяких последствий для обеих сторон"» [6, с. 68].

Сам Гржебин основной причиной недовольства авторов считал социально-политические и экономические обстоятельства тех лет. В феврале 1922 г. в письме А.В. Амфитеатрову он писал: «Я знаю, что платил каждый раз наивысший гонорар, но не моя же вина, что деньги так стремительно падают — и полученные деньги через некоторое время кажутся такой ничтожной суммой, что возникает вопрос об эксплуатации и т. п. <…> Почему я должен отвечать за общие условия?» [3, с. 300].

Таким образом, в обстановке революции и гражданской войны представления о правоте у писателей и издателя категорически не совпадали.

***

В ряду литераторов, у которых возникали разногласия с Гржебиным, оказалась и А.А. Ахматова[9]. На основании откликов современников и более поздних рассказов самой Ахматовой[10] ее случай был рассмотрен в монографии Е.А. Динерштейна «Синяя птица Зиновия Гржебина» [3, с. 250–251]. Однако обращение к архивным

[8] Альберт Петрович Пинкевич (1883–1939) — ученый-геолог, профессор, заместитель по редакционной части и заведующий редакцией «Издательства З.И. Гржебина».

[9] Сводку печатных источников, освещающих данный конфликт см.: [3, с. 412–414].

[10] См.: [7, т. 1, с. 161–162, 197, 208; 7, т. 2, с. 218].

документам, оставшимся вне поля зрения исследователя, позволяет уточнить ряд деталей в его реконструкции гржебинского-ахматовского конфликта 1921 г.

При описании случая Ахматовой Динерштейн обратился к анонимной заметке, в которой был дан обзор доклада профессора Петербургского университета юриста М.Я. Пергамента, опубликованной в третьем номере журнала «Летопись Дома литераторов» за 1921 г. Доклад был прочитан на заседании правления Союза писателей (Петроградского отделения) 18 октября 1921 г.[11] Источник, привлеченный Динерштейном, действительно заслуживает внимания, но выводы, к которым пришел исследователь на основе его анализа, нуждаются в корректировке и уточнении. Заметка в «Летописи Дома литераторов» начинается с пояснения сути конфликта: «…на рассмотрение правления поступило дело о конфликте между одной поэтессой[12] и крупной издательской фирмой, купившей у нее более года назад том стихотворений и до настоящего времени его не выпустившей в свет»[13]. В связи с затягиванием сроков выполнения обязательств Ахматова заявила о своем желании разорвать договорные отношения с Гржебиным. Разбирательству данного конфликта и было посвящено заседание правления Союза писателей, на которое Пергамент был приглашен в качестве консультанта и эксперта в области издательского права.

Е.А. Динерштейн полагает, что упомянутый в выступлении Пергамента договор, *заключенный «более года назад»*, относится к 1919 г. В качестве аргумента, подтверждающего подписание Ахматовой и Гржебиным издательского соглашения в 1919 г., он приводит письмо К. Чуковского к Д.И. Заславскому, датированное публикаторами апрелем-июнем 1919 г. Чуковский в нем назвал имя Ахматовой наряду с другими писателями, у которых Гржебин приобрел права на издание их произведений[14]. Что именно было приобретено у Ахматовой, из письма Чуковского остается неясным. Другие приводимые биографом аргументы в пользу заключенного в 1919 г. договора являются косвенными и не привязанными к указанной дате.

---

[11] Выступление Пергамента датировано на основании Протокола заседания Правления Союза писателей, публикуемого ниже.

[12] Имя А.А. Ахматовой в заметке, опубликованной в «Летописи Дома литераторов», не было названо, но ее содержание позволяет сделать вывод, что речь идет именно о ней. В другом печатном издании (Новый путь. (Рига). 1921. 23 декабря. № 269. С. 4) в разделе «Хроника» также была напечатана заметка, посвященная разбору конфликта между Ахматовой и Гржебиным, в которой имя Ахматовой уже было раскрыто. Полностью вторая заметка была републикована: [12]; благодарю за указание Р.Д. Тименчика.

[13] В Союзе писателей // Летопись Дома литераторов. 1921. № 3. 1 дек. С. 8.

[14] *Чуковский К.И.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Терра-Книжный клуб, 2008. Т. 14. С. 421.

Можно было бы считать, опять-таки очень косвенным, доказательством существования договора 1919 года одно достаточно «темное» высказывание Ахматовой, зафиксированное П.Н. Лукницким в 1926 г.: «Сологуб — три раза подводит (первый раз — с Гржебиным, второй — с санаторием в Лесном <…> Третий — теперь. Союз хлопочет о пенсии по болезни. АА не хотела. Сологуб позвал к себе и выругал — и АА подписала бумагу» [7, т. 2, с. 218]. В контексте интересующего нас сюжета комментария требуют слова Ахматовой о том, что Сологуб подвел ее с Гржебиным. Известно, что 31 марта 1919 г. Ф. Сологуб подписал договор с Гржебиным на издание двух книг стихов («Канун» и «Голубое небо»; ни одна из них у Гржебина так и не вышла), и можно допустить, что он сподвиг Ахматову сделать то же самое, и она под его давлением тоже заключила договор с Гржебиным в 1919 г. Однако следы такого договора в архивохранилищах отсутствуют, не упоминает о нем напрямую и сама Ахматова[15]. Из вышесказанного можно сделать вывод, что упоминание ее имени в письме Чуковского, скорее всего, — ошибочно и основано на слухах, а Сологуб подтолкнул Ахматову к соглашению с Гржебиным вовсе не в 1919-м, а в 1920 году. Это заключение подтверждается и тем, что в рассматриваемой заметке из «Летописи Дома литераторов», посвященной выступлению Пергамента (осень 1921 г.), говорится: «договор, заключенный более года назад», что скорее предполагает датировку подписания договора первой половиной 1920-го, а вовсе не 1919 г.

Если вначале, как излагается в журнальной заметке, М.Я. Пергамент говорил об одном договоре, то в дальнейшем его выступлении речь идет уже о двух договорах. В качестве второго договора, упомянутого Пергаментом, Е.А. Динерштейн называет соглашение, подписанное 26 марта 1920 г. Его суждения о нем построены на основании известной дневниковой записи Чуковского: спустя четыре дня после уступки Ахматовой авторских прав на издание своих поэтических сборников Чуковский отметил: «На днях Гржебин звонил Блоку: “Я купил Ахматову”. Это значит: приобрел ее стихи. Дело в том, что к Ахматовой принесли платье, к<ото>рое ей внезапно понравилось, о котором она давно мечтала. Она тотчас же — к Гржебину и продала Гржебину свои книги за 75 000 рублей»[16].

Приведем текст этого договора от 26 марта 1920 г.:

---

[15] Вместе с тем известно о других договорах Ахматовой этого времени: в декабре 1919 г. она подписала договор с Н.Н. Михайловым (издательство «Прометей») на переиздание «Белой стаи». См.: [7, т. 2, с. 282], а 30 мая 1920 г. был подписан договор с издательством «Petropolis» на издание сборника «Подорожник», увидевшего свет в апреле 1921 г.

[16] *Чуковский К.И.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Терра-Книжный клуб, 2008. Т. 11. С. 293.

ДОГОВОР

Петроград, марта 26 дня, 1920 года[17]. Мы, нижеподписавшиеся, Анна Андреевна АХМАТОВА с одной стороны и Зиновий Исаевич ГРЖЕБИН с другой стороны заключили настоящий договор в нижеследующем:

1. Гржебин приобретает от Ахматовой право на издание ее, Ахматовой, сборников стихотворений под заглавием: 1) «ЧЕТКИ» и 2) «БЕЛАЯ СТАЯ», объемом около 18 листов[18].

2. Гржебин пользуется приобретаемым им правом издания означенных сборников Ахматовой в течение пяти лет, считая со дня выхода их в свет.

3. В течение срока, указанного в п. 2-м настоящего договора Гржебин имеет право издавать названные сборники первым, вторым и последующими изданиями, каждое в количестве экземпляров, по усмотрению Гржебина.

4. Время выпуска названных сборников в свет, внешняя сторона издания и цена за экземпляр книги определяются Гржебиным.

5. В течение срока действия настоящего договора Ахматова отказывается от права издавать как самые сборники, так и стихотворения, вошедшие в состав сборников, в каком бы то ни было виде, как сама, так и через других лиц, а также не имеет права включать эти сборники и стихотворения в Полное Собрание своих сочинений[19].

6. За приобретаемое право Гржебин уплачивает Ахматовой шестьдесят процентов (60%) чистой прибыли, полученной от издания названных сборников.

7. Чистая прибыль от издания названных сборников определяется путем вычитания из валового дохода по продаже книги всех расходов по изданию книги, как то: стоимость бумаги, расходов по печатанию и брошюровке и накладных расходов, исчисляемых в размере шести процентов с номинальной цены экземпляра книги.

8. Уплата причитающейся Ахматовой на основании пп. 6 и 7 настоящего договора суммы производится следующим порядком: при подписании настоящего договора уплачивается семьдесят пять тысяч (75 000) рублей, дальнейшие уплаты начинают производиться лишь после того, как будут покрыты семьдесят пять тысяч (75 000) рублей, полученные при подписании настоящего договора, и производятся не ранее одного месяца со дня выхода названных сборников в свет, причем расчет и уплата следуемых шестидесяти процентов должны быть делаемы каждые шесть месяцев.

---

[17] Договор был заключен до отъезда Гржебина в заграничную командировку для налаживания книгопечатания за границей, последовавшую в начале июня 1920 г. и истекавшую 31 декабря 1920 г.

[18] Неясна методика подсчета авторских листов стихотворного текста. В настоящее время принято считать 700 стихотворных строк за 1 а. л. По такой калькуляции в «Четках» и «Белой стае» около 2,5 а. л. (но никак не 18, как указано в договоре).

[19] Пункт договора отчеркнут на полях простым карандашом двумя чертами.

9. Ахматовой предоставляется право проверять расчеты на уплату следуемых ей шестидесяти процентов путем осмотра подлинных документов и счетов. Ахматова должна сделать возражения против того или другого расчета в течение месяца со дня получения расчета и если в течение указанного срока возражений не будет сделано, то данный расчет признается правильным и не подлежащим со стороны Ахматовой оспариванию.

10. В случае возникновения каких-либо претензий со стороны других издателей Ахматова все последствия принимает исключительно на себя, не доводя Гржебина ни до каких убытков.

11. Гржебину предоставляется право передавать настоящий договор другим лицам, по усмотрению Гржебина.

12. Гербовый сбор по настоящему договору оплачивает Гржебин.

13. Подлинному договору быть у Гржебина, а копии договора у Ахматовой.

14. Настоящий договор обязателен и для правопреемников сторон, заключивших договор.

(А. Ахматова)
(З. Гржебин)[20]

Если сумма аванса в 75 000 рублей Чуковским в его дневниковой записи названа точно (что подтверждается п. 8 приведенного договора), то названия ахматовских сборников, проданных Гржебину в марте 1920 г. и неназванных Чуковским, проясняются представленным текстом договора: речь идет о переиздании сборников «Четки» и «Белая стая».

Спустя год, 19 июня 1921 г. в газете «Вольная Литва» появилась заметка, озаглавленная «Литературные вести. Из советской России», подписанная криптонимом «W.», которую разыскал Р.Д. Тименчик, и он же раскрыл криптоним как принадлежащий Вл. Познеру. В заметке писалось о «Четках» и «Белой стае» как планируемых к переизданию в издательстве Гржебина: «Анна Ахматова живет в Петрограде (Сергиевская 7, кв. 12), служит в библиотеке Агрономического института. Выпустила в свет сборник “Подорожник” (изд. Petropolis). В издательстве Гржебина должны выйти новые издания известных сборников “Четки” и “Белая стая”» [11, с. 154].

Из текста договора от 26 марта видно, что время пользования правами на сборники в течение пяти лет должно было отсчитываться *с момента выхода в свет названных сборников* («Время выпуска названных сборников в свет <…> определяются Гржебиным»), что

[20] ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 347. Л. 1–1 об.

невыгодно отличает договор с Ахматовой от, например, договора с Сологубом от 31 марта 1919 г., во втором пункте которого сказано: «Гржебин пользуется приобретаемым им правом издания вышеуказанных сочинений Сологуба в течении пяти лет, считая *со дня подписания настоящего договора*»[21]. То есть, по договору с Ахматовой Гржебин получал полную свободу в определении сроков издания ее сборников и вправе был не публиковать их в течение нескольких лет, при этом Ахматова, не получавшая в это время от издательства никаких денег (помимо полученного ею аванса в 75 000 р.), по условиям договора не могла публиковать «Четки» и «Белую стаю» в других издательствах ни в качестве отдельных сборников, ни в составе собрания сочинений.

Вопреки утверждению Е.А. Динерштейна о том, что в заметке из «Летописи Дома литераторов» речь идет о двух договорах — 1919 г. и от 26 марта 1920 г., — имеются основания полагать, что под первым договором в своем докладе на заседании правления Союза писателей Пергамент имел в виду как раз договор, подписанный 26 марта 1920 г., приведенный выше. В свою очередь вторым (в исчислении Пергамента) нужно считать еще один договор, заключенный в том же 1920 г., но позже — 6 мая, и неучтенный в реконструкции Динерштейна. Тексты обоих договоров хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ИРЛИ) в архиве Всероссийского союза писателей и Всероссийского союза поэтов (Ф. 291). Поскольку инцидент Ахматовой рассматривался в правлении Петроградского отделения Союза писателей, документы, связанные с конфликтом между ней и издателем, были предоставлены Гржебиным для разбирательства в распоряжении членов правления и сохранились в соответствующем фонде.

Приведем второй договор Ахматовой с Гржебиным.

ДОГОВОР

Петроград, мая 6 дня 1920 года. Мы, нижеподписавшиеся, Анна Андреевна АХМАТОВА с одной стороны и Зиновий Исаевич ГРЖЕБИН с другой стороны заключили настоящий договор в ниже следующем:

1. Гржебин приобретает от Ахматовой право на издание книги ее, Ахматовой, стихотворений.

2. Гржебин обязуется издать означенную книгу не позднее трех лет, считая *со дня подписания настоящего договора*.

3. Гржебин пользуется правом издания означенной книги в течение трех лет, считая со дня выхода ее в свет в издании Гржебина.

[21] Фотографическое воспроизведение договора см.: [3, с. 194].

4. В течение срока, указанного в п. 3-м настоящего договора, Гржебин имеет право издавать означенную книгу первым, вторым и последующими изданиями, каждое в количестве экземпляров, по усмотрению Гржебина.

5. Ахматовой предоставляется право впредь до выхода означенной книги в свет дополнять ее новыми стихотворениями.

6. Внешняя сторона издания и цена за экземпляр книги определяются Гржебиным.

7. В течение срока действия настоящего договора Ахматова отказывается от права издавать означенную книгу и стихи, вошедшие в ее состав, в каком бы то ни было виде, а также не имеет права включать эту книгу и стихи в Полное Собраний сочинений.

8. За приобретаемое право издания означенной книги Гржебин уплачивает Ахматовой сто двадцать тысяч (120 000) рублей, каковая сумма уплачивается при подписании настоящего договора.

9. Гржебину предоставляется право передать настоящий договор другим лицам по усмотрению Гржебина.

10. Гербовый сбор по настоящему договору оплачивает Гржебин.

11. Подлинному договору быть у Гржебина, а копии договора у Ахматовой.

12. Настоящий договор обязателен и для правопреемников сторон, заключивших договор.

(А. Ахматова)
(З. Гржебин)[22]

Обращает на себя внимание, что в отличие от мартовского договора 1920 г. название поэтического сборника здесь не указано. Значит ли это, что Ахматова планировала отдать Гржебину *новый* сборник стихов, а не переиздание одного из прежних? Данный вопрос остается открытым, поскольку оснований для ответа на него недостаточно. В майском договоре 1920-го (в отличие от мартовского) назван конкретный срок, в течение которого издатель обязуется опубликовать книгу — «в течение трех лет со дня подписания настоящего договора». По всей видимости, именно этот пункт договора привлек особое внимание Пергамента, который отметил, что «первый по времени договор» нарушает bona fides[23]. Т. е. необозначенные сроки издания в мартовском договоре действительно ставили Ахматову в крайне невыгодное положение (в этом

[22] ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 347. Л. 2.

[23] Добросовестность (*лат.*); невыполнение взятых обязательств считалось противоречащим bona fides (т. е. недобросовестностью). Пергамент, изучавший римское гражданское право, специально останавливался на случаях bona fides. См.: *Пергамент М.Я.* Договорная неустойка и интерес в римском и современном гражданском праве. Одесса: Экономическая типография, 1899.

случае она не получала ни денег, ни выпущенных в свет книг). В ситуации предельно ослабленного авторского права в послереволюционной России случай Ахматовой послужил Пергаменту в качестве иллюстрации *нарушения принципа* bona fides, или принципа *добросовестности*, при заключении издательских договоров.

В отличие от мартовского в майском договоре 1920 г. обозначены сроки публикации книг, однако пп. 4 и 7 ослабляли авторские позиции Ахматовой, поскольку Гржебин по п. 4 договора имел право на публикацию «первого, второго и последующих изданий», а пункт об отчислении процентов с этих последующих изданий в договоре отсутствует (в отличие от мартовского, где таковой имеется).

Текст договора с Ахматовой даже в условиях практически полного бесправия авторов вопиющим образом нарушал элементарные основы соглашений между издателем и автором. Так, уже в 1919 г. Совет народных комиссаров постановил: «На всякую принимаемую к изданию работы должен быть заключен с автором письменный договор с указанием *числа экземпляров* печатаемого произведения, *размера полистной оплаты* и *срока*, в который издателем может быть использовано приобретенное право[24]. В 1921 г. ВЦСПС уточнил некоторые моменты в договорных отношениях между автором и издателем, выпустив в свет «Положение об условиях труда всех литературных работников», вступившее в силу с 1 апреля названного года. В свете этого положения два ахматовских договора 1920 г. также можно оценить как составленные далеко не в пользу автора.

Приведем те параграфы «Положения об условиях труда…», которые способны прояснить, где именно авторские права Ахматовой были проигнорированы издателем. Параграф 21 посвящен вопросу об оплате стихов: «Стихотворения оригинальные и переводные за строку любого размера: от 50 до 250 р.» В «Четках» — около 700 строк, в «Белой стае» — около 1000. Если взять максимально рекомендованную Положением построчную оплату в 250 р., то вся сумма за две книги выходит в 425 000 руб. (на ситуацию 1921, но не 1920 г.). Из них Ахматова получила только аванс в размере 75 000 руб. И вместо последующей выплаты оставшейся суммы в 350 000 руб. Гржебин предложил иной принцип оплаты: 60% чистой прибыли от проданных книг, который по Положению 1921 г. был недопустим (см. параграф 37 ниже).

Параграф 35 гласил: «Заключение с автором договора имеет силу в течение 2-х лет со дня его подписания обеими сторонами для

[24] Известия ВЦИК. 1919. 14 октября. № 229.

книг 3-х листов, для меньшего размера 1 год». Объем книг стихов Ахматовой в авторских листах следующий: «Четки» — приблизительно 1 а. л., «Белая стая» приблизительно 1, 5 а. л.[25] Таким образом, летом 1921 г. по прошествии срока более года Ахматова имела право считать, что условия договора от 26 марта 1920 г. не выполнены: поскольку объем каждой из книг по отдельности и даже обеих вместе был менее трех листов, и по Положению, вступившему в силу 1 апреля 1921 г., они должны были быть изданы в течение одного года, чего на самом деле не произошло.

В параграфе 37, посвященном вопросам оплаты, в частности сказано: «Вознаграждение автора допускается только полистное или за 1000 знаков; процентное вознаграждение с номинала или иные подобные формы оплаты авторского труда не допускаются». Гржебин в договоре с Ахматовой от 26 марта 1920 г. установил именно процентное вознаграждение с номинала.

Параграф 39 устанавливал нормы тиража: «Нормальный завод для сочинений разных типов исчисляется: Стихи и драматические произведения 5000 экз.»[26]. Количество экземпляров по обоим договорам с Ахматовой определялось Гржебиным и не было указано им в тексте соглашений.

Таким образом, в мартовском договоре 1920 г. не были указаны ни построчная или полистная оплата стихов Ахматовой, ни количество экземпляров, которые издатель обязывался выпустить в свет, ни сроки выхода в свет книг. Все это и позволило М.Я. Пергаменту в своем докладе оценить договор от 26 марта 1920 г. как «подлежащий аннулированию с точки зрения законодательства любой страны»[27].

В майском договоре 1920 г. в п. 2 сказано, что Гржебин обязуется издать непоименованную книгу стихов Ахматовой не позднее трех лет с момента подписания договора. Однако по «Положению об условиях труда…» 1921 г. книгу объемом менее 3 листов издатель должен выпустить в свет в течение 1 года, а объемом от 3-х до 10 листов — в течение 2-х лет. Объем в авторских листах в договоре не указан, но вряд ли он мог превысить 10 а. л. (и в таком случае, по Положению книгу нужно было издать в течение одного или двух лет, а не трех, как указано в договоре от 6 мая 1920 г.) Таким образом, п. 2 майского договора также ущемляет авторские права и поэтому, по словам Пергамента, будучи действителен «с точки зрения старого

[25] В стихотворных текстах 700 строк составляют 1 а. л.

[26] Положение об условиях труда всех литературных работников. Пг.: Гос. издательство, 1921. С. 21–23.

[27] Летопись Дома литераторов. 1921. № 3. С. 8.

русского законодательства, должен быть признан недействительным в свете ныне действующего права, особенно энергично охраняющие интересы “слабейшего”»[28].

Сопоставление писательских договоров, заключенных Гржебиным с рядом литераторов в 1919–1920 гг., демонстрирует, что текст соглашения на приобретение авторских прав не был типовым и требуемые пункты договора в разных случаях то присутствовали, то отсутствовали. Так, например, в приведенном выше договоре с Блоком от 24 июля 1919 г. на издание сборника «За гранью прошлых лет» присутствуют пункты, в которых оговаривается и количество экземпляров, и сроки исполнения договора. То есть те пункты, которые отсутствовали в договорах с Ахматовой, по всей видимости, гораздо менее искушенной по сравнению с Блоком в вопросах авторского права и издательской практики.

Ахматовско-гржебинская история, начавшаяся весной 1920 г., продолжилась год спустя. Летом 1921 г. Ахматова стала активно проявлять свою досаду на бездействие Гржебина. Назревала конфликтная ситуация. Со слов Ахматовой, вспоминавшей о событиях 1921 г., П.Н. Лукницкий в 1925 г. сделал запись о визите к ней Н. Гумилева и Г. Иванова, отнесенном самой Ахматовой к 8–9 июля 1921 г.: «АА говорила Н<иколаю> С<тепановичу> о Гржебине, жаловалась на него (А.А. судилась с Гржебиным). Н<иколай> С<тепанович> ответил про Гржебина — “Он прав”. Даже Г. Иванов заступился тогда за АА, сказав: “Он не прав уже потому, что он Гржебин…”» [7, т. 1, с. 161–162].

Вряд ли в начале июля Ахматова действительно *судилась* с Гржебиным (ее активные действия, как будет видно из нижеприведенных документов, приходятся на август 1921-го). Скорее всего, в июле лишь назревало недовольство Ахматовой по поводу того, что Гржебин так и не предпринял никаких шагов для реализации договорных обязательств, которым она и делилась с окружавшими ее людьми.

Судя по заявлению Гржебина от 23 августа (приводимому ниже), в это время между ним и Ахматовой состоялась устная беседа, в результате которой была достигнута определенная договоренность и издателем был возвращен автору договор от 6 мая 1920 г. (на безымянную книгу) и вместе с тем были уточнены обязательства по договору от 26 марта 1920 г. («Четки» и «Белая стая»). О деталях этой договоренности свидетельствует следующий недатированный документ, составленный Гржебиным:

[28] Там же.

1) Договор от 5 мая[29] 20 г. возвращается, причем А.А. возвращает 120 000 р. из расчета по взаимному соглашению.

Если А.А. решит в будущем издать книжку стихов, которую имел в виду указанный договор, то А.А. преимущественное право на это издание предоставляет издательству Гржебина.

2) Изд-во Гржебина уплачивает за право издания книжек «Четки» и «Белая стая» по 10% с номинала (с книг, распространяемых за границей, и 10% с вырученных сумм (с книг, распространяемых в России).

В счет получаемого гонорара Изд-во уплачивает авансом 5 000 герм<анских> марок. Сумма 75 000 р. присчитываются к авансу из расчета по взаимному соглашению.

Срок выхода книжек в свет до 31 декабря текущего года. Издать имею право такое количество, которое в состоянии покрыть выданный аванс.

Имею право выпустить и вторым, третьим и т.д. изданием на условиях уплаты 10%, если не последует отказ А.А.[30]

По этому соглашению был аннулирован майский договор 1920 г., а по мартовскому договору уточнены условия: к авансу были добавлены 5000 германских марок, а также назван срок выхода книг — до 31 декабря 1921 г.

Вскоре после этого нового соглашения с Гржебиным Ахматова, по неизвестным причинам передумавшая и не согласившаяся и с новыми, уточненными условиями издателя, решает расторгнуть также и мартовский договор 1920 г. на «Четки» и «Белую стаю», в связи с чем 15 августа 1921 г. она подала заявление в правление Петроградского отделения Союза писателей, которое в документе она ошибочно именует профсоюзом писателей:

В Правление Петроградского Профсоюза писателей

ЗАЯВЛЕНИЕ

Имея вполне достаточные основания считать недействительным заключенный мною с З.И. Гржебиным договор на издание моих стихов прошу союз признать упомянутый договор расторгнутым и меня свободной передать мои стихи другому Из<дательст>ву.

Анна Ахматова.

15 августа 1921[31].

---

[29] Дата приведена ошибочно. На самом деле — от 6 мая 1920.

[30] ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 347. Л. 5.

[31] ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 347. Л. 3.

Под «упомянутым договором» в заявлении Ахматовой нужно понимать договор от 26 марта, поскольку договор от 6 мая, как было видно из дополнительного соглашения, составленного Гржебиным и приведенного выше, был бесконфликтно аннулирован по согласию обеих сторон.

23 августа 1921 г. в ответ на заявление Ахматовой Гржебин со своей стороны составил и отправил в Петроградское отделение Союза писателей собственное заявление, содержание которого свидетельствует, что инициатором разбирательства в правлении Союза писателей был именно издатель, а не автор:

Петроградскому Отделению Всероссийского
Союза Писателей

Издателя З.И. Гржебина

ЗАЯВЛЕНИЕ

26 марта 1920 г. Анна Андреевна Ахматова явилась в Издательство и предложила мне издать 2 книжки ее стихов: «Четки» и «Белая стая». Издательство приняло это предложение и согласилось предоставить в пользу Ахматовой 60 % прибыли от издания, причем выплатило ей авансом в счет этой прибыли 75 000 рублей и заключило с Ахматовой соответствующий договор. Издательство, как и Ахматова, не считались при этом с существовавшими официальными ставками и официальными декретами о взаимоотношениях между авторами и издателями.

Согласно этим положениям, автор не участвовал в прибылях, а получал только гонорар по определенной ставке[32], да и ставка была значительно ниже того вознаграждения, которое было выплачено издательством в виде аванса[33].

Через короткий промежуток времени, а именно 6 мая того же 1920 г. А.А. Ахматова предложила мне приобрести у нее право на издание в течение 3 лет еще книги ее стихов за сумму 120 000 рублей, что полностью, без всяких изменений, было принято издательством. Копии первого и второго договоров при сем прилагаются. Между тем несколько времени тому назад, по вступлении в силу нового «Положения об условиях труда всех литературных работников», А.А. Ахматова обратилась с заявлением в Из-

[32] См. об этом: Положение об условиях труда всех литературных работников. С. 23 (§ 37).

[33] Гржебин здесь несколько лукавит. В случае максимальной построчной оплаты двух книг Ахматова могла получить гонорар в сумме 425 000 рублей. А сколько она получила бы в случае выхода в свет книг в издательстве Гржебина остается неизвестным, поскольку это зависело от назначения стоимости за один экземпляр самим издателем.

дательство, что на основании § 36 этого положения она желает расторгнуть договор[34] и требует вернуть ей рукописи.

Издательство считало, что договоры, заключенные не в соответствии с официальными положениями, а по взаимному соглашению, не могут добровольно расторгаться одной стороной без согласия другой (на основании лишь принципиальных[35] положений), совершенно игнорированных при заключении договора. Поэтому Издательство не могло согласиться с точкой зрения Ахматовой, но выдало ей рукописи, т. к. таковые всегда могут потребоваться автору для каких-либо исправлений.

Не желая, несмотря на свою полную правоту в данном деле, создавать конфликт с А.А. Ахматовой, я через общего знакомого предложил ей вновь зайти в издательство для выяснения причин ее обращения. При личных переговорах Ахматова заявила, что другие издательства предлагают ей лучшие условия. Так, представитель издательства «Слово» г. Росс предлагает ей 10% с номинала с выдачей в счет этого вознаграждения аванса в 5000 германских марок. Я согласился принять те же условия, Ахматова тогда заявила, что она получает эти условия не за 3, а за 2 книжки стихов[36]. 3-ью же книгу она по личным соображениям не желает сейчас выпускать в свет. Я и на это согласился. Я согласился, кроме того, принять на себя обязательство выпустить книгу в этом году. Ахматова ушла с тем, что сообщит свое решение; а вечером позвонила по телефону и сообщила что она этих условий все же не принимает.

Между тем издательство, желая пойти навстречу авторам в отношении ускорения выпуска их книг, предприняло целый ряд шагов для издания книг в пределах тех ограниченных возможностей, которые имеются сейчас в издательской области. Оно приняло меры к обеспечению бумаги для печатания хотя бы первой серии книг, куда вошли и книги Ахматовой, заказало художнику Ю.П. Анненкову портрет Ахматовой, специально нарисованный для этой цели, и подало заявление в подотдел печати Государственного Издательства о разрешении печатания целой серии книг, в том числе книги Ахматовой. К своему изумлению, издательство узнало, что Ахматовой подано заявление Гос. Издательству о неразрешении Издательству печатать ее книги[37].

Издательство считает необходимым об изложенном довести до сведения Союза Писателей и просить его разъяснить:

---

[34] Договор от 26 марта 1920 г.

[35] *Сверху карандашом вписано*: формальных?

[36] Две книги стихов по договору от 26 марта 1920 г. («Четки» и «Белая стая») и одна (непоименованная) по договору от 6 мая 1920 г.

[37] Местонахождение данного документа неизвестно.

1) считает ли Союз допустимым расторжение автором договора на основании формальных положений, игнорированных при заключении договора,

и 2) считает ли Союз корректным поступок Ахматовой, признавшей возможным обратиться, минуя профессиональные организации, с заявлением о неразрешении печатать книги в Государственное Издательство, подотдел печати которого является чисто официальной инстанцией, разрешающей или запрещающей издания книг во всяком случае не с точки зрения гражданских и моральных взаимоотношений между автором и издателем.

З. Гржебин[38].

Параграф 36 «Положения об условиях труда всех литературных работников», вступившего в силу с 1 апреля 1921 г., на которое, по словам Гржебина, ссылалась Ахматова, указавшая на него в качестве основания для расторжения договора, гласит: «Если по истечении 2-х лет со дня представления оригинала для книг размером не более 10 листов, а от 10 до 3-х листов в течение года, а от 3-х и ниже — полгода, не будет приступлено к печатанию книги или по крайней мере, к набору, автор имеет право письменно расторгнуть договор»[39].

Довольно интересно упоминание в заявлении Гржебина имени Фридриха Росса в связи с его встречей с Ахматовой летом 1921 г., — эпизод, не известный до сих пор в биографии Ахматовой. Выделим этот фрагмент: «При личных переговорах Ахматова заявила, что другие издательства предлагают ей лучшие условия. Так, представитель издательства “Слово” г. Росс предлагает ей 10% с номинала с выдачей в счет этого вознаграждения аванса в 5000 германских марок».

Фридрих (Фриц) Росс (1889–1964) — содиректор берлинского издательства «Слово»[40], собственником которого была семья Ульштейнов. Берлинское русское книгоиздательство «Слово» было основано в апреле 1920 г. в качестве «совместного предприятия т. н. “русской группы” и фирмы Ульштейн» [5, с. 126]. Фирму Ульштейн представлял Росс, а представителем «русской группы» в составе «Слова» был Иосиф Владимирович Гессен (бывший редактор газеты «Речь», органа партии кадетов). Финансировал «русскую группу» банкир А.И. Каминка. В определенном смысле между «Словом»

[38] ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 347. Л. 4–4 об.

[39] Положение об условиях труда всех литературных работников. С. 23

[40] См. подробнее: [5].

и «Издательством Гржебина» сложились конкурентные отношения. Гессен признавался, что издательство Гржебина «перещеголяло» их издательство «Слово» [3, с. 61].

Летом 1921 г. Росс совершил поездку в Россию для того, чтобы укрепить там издательские позиции «Слова». Как отмечает немецкий исследователь Готтфрид Кратц, Росс пробыл в России четыре недели: с 20 июля по 15 августа. В Петрограде он провел время с 20 по 31 июля и с 7 по 15 августа. В оставшееся время побывал в Москве. За время, проведенное в России, состоялось множество встреч с представителями русского книжного и печатного мира. Помимо официальных встреч Росс увиделся и имел беседы с целым рядом русских писателей [5]. Так, например, в результате переговоров с Л.Д. Блок Росс приобрел права на издание стихов и драматургических произведений Блока[41].

По всей видимости, в дни пребывания Росса в Петрограде встретилась с ним и Ахматова, выяснившая в беседе, что «Слово» готово предложить ей более выгодные условия переиздания «Четок» и «Белой стаи», чем предлагал Гржебин. Практических последствий эта встреча не имела, но послужила аргументом в переговорах с Гржебиным, который в конце концов предложил Ахматовой аналогичные условия — издание книг до конца текущего года, 5000 германских марок в виде дополнительного аванса и 10% с номинала.

В связи с вышесказанным следует критически пересмотреть и ахматовские высказывания об инциденте с Гржебиным, зафиксированные П.Н. Лукницким. Благодаря приведенным документам, в которых раскрываются как детали издательских условий Гржебина, так и некоторые подробности дальнейших взаимоотношений Ахматовой с издателем, приведшие их в конце концов к третейскому суду, становится возможно более точно прокомментировать ахматовские суждения об инциденте, отраженные в записях Лукницкого.

Помимо воспоминания Ахматовой о реплике Гумилева, поддержавшего в конфликтной ситуации Гржебина, в «Acumian'е» имеется еще одна, более развернутая, запись. Она сделана Лукницким весной 1926 г. и фиксирует воспоминание Ахматовой об издательском договоре, не привязанном ею к какой-либо определенной дате:

> Гржебин купил у АА книги и по договору должен был их быстро издать. Уплатил ей 40 000 аванса. Книги не издавал два года.

[41] В 1922 г. в издательстве «Слово» вышли три тома лирики Блока, а также том «Театр».

АА хотела взять книги у него и передать их Алянскому. Гржебин не отдавал. АА решила вернуть Гржебину аванс (хотя и не должна была делать этого по договору)[42]. Гржебин не отдавал Алянскому книги и тянул дело. АА судилась с ним.

Неожиданно выяснилось, что Гржебин завтра уезжает за границу: приехал к АА Алянский на велосипеде и сказал об этом и сказал, что «все пропало, потому что Гржебин увезет договоры с собой».

АА сейчас же обратилась к Щеголеву, и все вместе пошли в Зимний дворец (зачем-то именно туда). АА подождала, а Щеголев пошел к Гржебину. Пробыл минут сорок, сказал какое-то «рыбье слово» и вернулся к АА с договорами.

Деньги (аванс) АА Гржебину вернула — по расчету это вышло два миллиона рублей.

Решительно все были на стороне АА, и только один Н<иколай> С<тепанович>, придя к ней, сказал, что Гржебин прав.

[7, т. 2, с. 126].

Эту запись в своей реконструкции ахматовско-гржебинского конфликта также приводит Динерштейн в подтверждение существования договора 1919 г. Однако, не будучи подвергнутой критическому прочтению, эта запись не столько подтверждает его версию, сколько вызывает целый ряд вопросов. Поскольку Ахматова не указывает, о каком именно договоре идет речь, ряд деталей записи требуют комментария и анализа.

Судя по всему, реплику об отъезде издателя: «Гржебин завтра уезжает за границу», — нужно понимать как слова о скорой эмиграции издателя, последовавшей в октябре 1921 г.[43] Упомянутая сумма в 40 000 рублей не фигурирует в договорах 1920 г. (26 марта — 75 000, 6 мая — 120 000, причем в обоих случаях, судя по текстам договоров, названные суммы должны были быть уплачены при их подписании). Следует ли из этого, что сумма 40 000 рублей относится к несохранившемуся «мифическому» договору 1919 г.? Дальнейший текст записи Лукницкого не подтверждает такого предположения.

Требует комментария и фраза: «АА хотела взять книги у него и передать их Алянскому». В свете того, что в 1922 г. в издательстве

[42] В договоре отсутствует пункт, в котором бы разъяснялся порядок действий сторон в случае расторжения договора.

[43] 3 октября 1921 г. Гржебин получил разрешение на выезд заграницу. Летом 1925 г. со слов Ахматовой Лукницкий записал: «Гржебин уехал из Петербурга в 10-х числах октября 1921» (ИРЛИ. Ф. 754 (К). Оп. 2. Ед. хр. 42 (2). Л. 592). На самом деле Гржебин с семьей выехали из Петрограда в Гельсингфорс 16 октября 1921-го, а оттуда через Стокгольм в Берлин [2, с. 377].

Алянского «Алконост» вышли «Четки» (8-е изд.) и «Белая стая» (3-е изд.), во фразе, зафиксированной Лукницким, имеются в виду именно эти две книги, переданные до этого Гржебину по договору от 26 марта 1920 г. (а не «договору 1919 г.»). Даже если допустить, что договор 1919 г. действительно существовал, то явно не на «Четки» и «Белую стаю», поскольку Ахматова вряд ли могла в 1920 г. заключить договор на книги, которые уже были проданы ею в 1919 г., да еще и в ситуации невыполненных обязательств по договору этого года.

Фраза «АА судилась с ним», отсылающая к конфликту лета и осени 1921 г., также говорит в пользу того, что в комментируемой записи Лукницкого Ахматова имеет в виду договор/договоры (в начале записи используется единственное число, а затем — множественное) 1920-го (но не 1919) года. К этому заключению подводит вышеприведенное заявление Гржебина от 23 августа 1921 г., в котором излагается суть спора с Ахматовой по договору/договорам именно 1920 г.

Дальше в записи Лукницкого следует: «Деньги (аванс) АА Гржебину вернула — по расчету это вышло два миллиона рублей». И с учетом гиперинфляции 1919–1921 гг. названная сумма компенсации все же вызывает вопросы. Даже если предположить, что аванс в 40 000 был выдан в 1919-ом (в обоих договорах 1920-го такая сумма не указывается), то при перерасчете на стоимость рубля в 1921 г. получается около 800 000 рублей. Если считать, что сумма воспроизведена Лукницким ошибочно, и имеется в виду аванс в 75 000 руб. по договору от 26 марта 1920 г, то при перерасчете на ситуацию 1921 г. должно получиться около 400 000 рублей. А выплата по договору от 6 мая 1920 г. 120 000 руб. при перерасчете должна обернуться суммой примерно в 650 000 руб.

Для прояснения этой финансовой ситуации приведем пример перерасчета, сделанного по договору Гржебина с А. Белым. Из письма Белого Гржебину от 6 октября 1921 г. следует, что издатель выплатил автору по договору, заключенному в конце января 1920 г., 200 000 руб. А расторгая этот договор 18 октября 1921 г., Белый в качестве компенсации вернул Гржебину 2 000 000 руб., т. е. в 10 раз больше! Если применить этот коэффициент к ахматовскому случаю, то сумма, равная двум миллионам на 1921 г., складывается из выплаты в 120 000, сделанной по договору от 6 мая 1920 г., аванса в 75 000, выданного по мартовскому договору 1920 г., и 5 000 немецких марок, выданных по дополнительному соглашению Гржебина с Ахматовой летом 1921 г. Таким образом, финансовые расчеты также приводят

к заключению, что в записи Лукницкого речь идет о договоре от 26 марта 1920 г., а не гипотетическом «договоре 1919 года». Указанная сумма аванса в 40 000 руб., скорее всего, ошибочна: либо сама Ахматова имела в виду 75 000, а назвала 40 000, либо Лукницкий неверно запомнил и воспроизвел названное ею число.

Финал приведенной записи выглядит таким образом, будто слова Гумилева о том, что «Гржебин прав» хронологически следуют за расторжением договора/договоров Ахматовой с издателем, последовавшем, по всей видимости, в сентябре — начале октября 1921 г. Что, конечно, невозможно: опубликованные документы, связанные с инцидентом, говорят о том, что разбирательство между Ахматовой и Гржебиным пришлось на август и продолжилось не позднее середины октября 1921 г. (Гумилев же в начале августа был арестован и находился в заключении, а 26 августа 1921-го был расстрелян). Последний визит Гумилева к Ахматовой произошел, как она сама отметила, приблизительно «за 2 дня до вечера Petropolis'a», который, как известно, состоялся 10 июля 1921 г.

***

После того как данное исследование было практически завершено, Р.Д. Тименчик любезно поделился с автором этой статьи ксерокопией протокола заседания правления Союза писателей от 18 октября 1921 г., среди прочих документов переданным в Музей Ахматовой в Фонтанном доме А.М. Румянцевым в 2003 г.[44] В протоколе зафиксирован разбор конфликта между Ахматовой и Гржебиным. Приведем этот документ:

Протокол заседания Правления Союза писателей

18. X. 1921 г.

[2 дог. 20 марта и 6 мая.]

Присутствовали: Волынский, Волконский, Гизетти, Мазуркевич, Ирецкий, Чуковский, Тихонов и проф. М.Я. Пергамент в качестве эксперта.

О конфликте Ахматовой с Гржебиным. Дело мирно <можно> рассматривать только с принцип<иальной> точки зрения, т. к. реальный конфликт улажен, и представители сторон отсутствуют. Взгляд специалиста потому чрезв<ычайно> важен.

Пергамент: предпочел бы присутствие сторон, чтобы иметь конкретные данные для суждения.

[44] Попытка отыскать оригинал протокола в Музее Ахматовой, к сожалению, не увенчалась успехом.

Оба договора (и 20 марта и 6 мая <1920> г.) тяжелы для автора; оба трафаретны; но дело идет не о мор<альной> оценке, он гражд. <1 нрзб.> А спорить против юрид<ической > ст<ороны> не приходится; обе стороны свободны.

Это майский договор. Его заключили и согласно с действ<ующим> законом об авт<орском> праве;

Все тяжко, но юрид<ически> неуязвимо;

Ничто не порочит договор.

Первый договор: предост<овляет> больше усмотр<ения> Гржеб<ина>.

С т<очки> зр<ения> юрид<ической> такого рода отдача одной ст<ороне> на полное усм<отрение> есть нарушение доброй совести обязат<ельной> для договоров, а потому порочащий договор, кот<орый> потому и можно признать, возм<ожно> расторнуть с точки зрения обычн<ой> теории права.

«Сделка, противоречащая добрым нравам, недействительна», и с точки зрения защиты слабейшего — этот договор рушится.

Это все безотнос<ительно> к сов<етским> декретам, а опираясь на них, [если] и подавно оба договора можно признать нед<обросовестными>, т. к. есть пункты (о сроках); прямо наруш<ающие> декреты Сов. власти.

Заключ<ение> Перг<амента> дано с общеюрид<ической> точки зрения.

С точки зрения д<ействующих> законов оба договора недействит<ельны>. Особенно первый: тут даже и обратное действие закона.

Общее заключение: первый договор можно раст<оргнуть> и базируясь на прежнем гражд<анском> праве, т. к. некот<орые> пункты нарушают bona fides, а второй (хотя и более мягкий) не отвеч<ает> <нормам> советского законодательства, огран<ичивая> права слабейшего и носящего принцип<иальный> характер. Так что оба договора можно нарушить.

Содержание этого документа подтверждает основные выводы, сделанные в данной статье.

Таким образом, два договора 1920 г. и документы, сопровождавшие конфликтную ситуацию между Гржебиным и Ахматовой, разворачивавшуюся летом 1920 г., которые сохранились в архиве ИРЛИ, а также в личном архиве Р.Д. Тименчика, способствуют уточнению ряда деталей в биографии как Гржебина, так и Ахматовой. Анализ фактов, содержащихся в приводимых документах, позволяет более определенно судить о взаимоотношениях издателя и автора и, кроме того, сделать вывод об ошибочности утверждения о существовании издательского договора 1919 г. Наконец, рассмотрение публикуемых документов позволит дать более точную

и взвешенную оценку издательской деятельности З. Гржебина начала 1920-х годов.

Литература

1. *Гржебина Е.* З.И. Гржебин — издатель (по документам и воспоминаниям его дочери) // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим: [Б. и.], 1992. [Т. 1]. С. 146–147.

2. *Динерштейн Е.* К истории отъезда М. Горького из Советской России (М. Горький и «Издательство З.И. Гржебина») // Новое лит. обозрение. 1997. № 26. С. 377–386.

3. *Динерштейн Е.А.* Синяя птица Зиновия Гржебина. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 448 с.

4. *Ипполитов С.С.* Гржебин Зиновий Исаевич (1877–1929) // Новый исторический вестник. 2003. № 1 (9). С. 143–166.

5. *Кратц Г.* Росс в России: О поездках в Советскую Россию в 1921 и 1923 гг. представителя Ульштейнов в книгоиздательстве «Слово» Фридриха Росса // XX век: Две России — одна культура. Сб. науч. тр. по материалам 14-х Смирдинских чтений. СПб.: АСТ, 2006. С. 125–137.

6. *Лавров А.В.* Материалы Андрея Белого в Рукописном Отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного Отдела на 1979 год. Л.: Наука, 1981. С. 29–79.

7. *Лукницкий П.Н.* Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой: в 2 т. Париж; М.: Ymca-press; Русский путь, 1991–1997.

8. *Никитин Е.Н.* «Издательство Гржебина» (1919–1924) // Книга. Исследования и материалы. М.: Книжная палата, 2010. Вып. 92. С. 166–194.

9. *Никитин Е.Н.* О работе «Издательства З.И. Гржебина» в Германии // А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве. Коллективная монография. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 134–146.

10. *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Пути искусства: Символизм и европейская культура XX века. М.: Водолей, 2008. С. 364–408.

11. *Тименчик Р.Д.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой (к вопросу о технических проблемах комментирования) // Лесная школа: Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поселок Поляны (Уусикирко) Ленинградской области, 2010. С. 143–172

12. *Тименчик Р.* Из латвийской ахматовианы // Даугава. 1994. № 6. С. 3–19.

13. *Хлебников Л.М.* Из истории горьковских издательств: «Всемирная литература» и «Издательство З.И. Гржебина» // Литературное наследство. М.: Наука, 1971. Т. 80. С. 668–703.

14. *Юниверг Л.И.* З.И. Гржебин и его издательская деятельность // Книга: Исследования и материалы. М.: Терра, 1994. Сб. 69. С.122–133.

15. *Янгиров Р.* «Издательство З.И. Гржебин» // Диаспора. Новые материалы. Париж; СПб.: Atheneum; Феникс., 2004. Т. 6. С. 547–573.

Research Article and Publication of Archival Documents

On the History of the Relationship Between Anna Akhmatova and Zinovy Grzhebin

© 2026. Tatyana V. Igosheva
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The famous book publisher and owner of the publishing house, Zinovy Isaevich Grzhebin, was distinguished by both his business qualities and his spirit of adventurism, which often resulted in scandalous incidents. After organizing a private publishing house in 1919, Grzhebin began actively buying publishing rights from major Russian writers. Concluding treaties in difficult times for the country, writers were rarely satisfied with the terms of these treaties. The article examines cases when Grzhebin violates the terms of a publishing deal or when contracts were not drawn up in favor of the writers. Of independent interest is the "case of Akhmatova," who in 1920 signed two agreements with Grzhebin. On August 15, 1921, Akhmatova wrote a statement addressed to the Board of the Petrograd Writers' Trade Union about the invalidity of the agreement previously concluded with Grzhebin, since during the year he had not published a book of her poems. On August 23, 1921, Grzhebin sent his statement to the Petrograd Branch of the All-Russian Union of Writers, in which he gave his own commentary on the incident with Akhmatova. The texts of the two treaties and the accompanying documents are published for the first time in this article and commented on in the context of the historical and literary situation of that time.

Keywords: Anna Akhmatova, Zinovy Grzhebin, soviet book publishing, publishing contract, biography of the writer, archival documents.

Information about the author: Tatyana V. Igosheva, DSc in Philology, Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7988-204X

E-mail: tigosheva@mail.ru

For citation: Igosheva, T.V. "On the History of the Relationship Between Anna Akhmatova and Zinoviy Grzhebin." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (39), 2026, pp. 135–162. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-135-162

References

1. Grzhebina, E. "Z.I. Grzhebin — izdatel' (po vospominaniiam ego docheri)" ["Grzhebin as a Publisher (According to the Memoirs of His Daughter)"]. *Evrei v kul'ture russkogo zarubezh'ia* [*Jews in the Culture of the Russian Diaspora*]. Jerusalem, [S. n.], 1992, pp. 146–168. (In Russ.)

2. Dinershtein, E. “K istorii ot”ezda M. Gor’kogo iz Sovetskoi Rossii (M. Gor’kii i ʻIzdatel’stvo Z.I. Grzhebina’)” [“On the History of M. Gorky’s Departure from Soviet Russia (M. Gorky and the Z.I. Grzhebin Publishing House)”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 26, 1997, pp. 377–386. (In Russ.)

3. Dinershtein, E.A. *Siniaia ptitsa Zinoviia Grzhebina* [*Blue Bird by Zinoviy Grzhebin*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 448 p. (In Russ.)

4. Ippolitov, S.S. “Grzhebin Zinovii Isaevich (1877–1929)” [“Grzhebin Zinovy Isaevich (1877–1929)”]. *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 1 (9), 2003, pp. 143–166. (In Russ.)

5. Kratts, G. “Ross v Rossii: O poezdkakh v Sovetskuiu Rossiiu v 1921 i 1923 gg. predstavitelia Ul’shteinov v knigoizdatel’stve ʻSlovo’ Fridrikha Rossa” [“Ross in Russia: On the Trips to Soviet Russia in 1921 and 1923 of Friedrich Ross, the Ulstein Family’s Representative at the Slovo Publishing House”]. *XX vek: Dve Rossii — odna kul’tura. Sbornik nauchnykh trudov po materialam 14-kh Smirdinskikh chtenii* [*20th Century: Two Russias, One Culture. A Collection of Scholarly Papers Based on the 14th Smirdin Readings*]. St. Petersburg, AST Publ., 2006, pp. 125–137. (In Russ.)

6. Lavrov, A.V. “Materialy Andreia Belogo v Rukopisnom Otdele Pushkinskogo Doma” [“Materials by Andrei Bely in the Manuscript Department of the Pushkin House”]. *Ezhegodnik Rukopisnogo Otdela na 1979 god* [*Yearbook of the Manuscript Department for 1979*]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, pp. 65–66. (In Russ.)

7. Luknitskii, P.N. *Acumiana. Vstrechi s Annoi Akhmatovoi* [*Acumiana. Meetings with Anna Akhmatova*], vol. 1–2. Paris, Moscow, YMCA-Press Publ., Russkii put’ Publ., 1991–1997. (In Russ.)

8. Nikitin, E.N. “Izdatel’stvo Grzhebina (1919–1924)” [“Grzhebin Publishing House (1919–1924)”]. *Kniga. Issledovaniia i materialy* [*Book. Research and Materials*], vol. 92. Moscow, Knizhnaia palata Publ., 2010, pp. 166–194. (In Russ.)

9. Nikitin, E.N. “O rabote ʻIzdatel’stva Z.I. Grzhebina’ v Germanii” [“On the Work of the Z.I. Grzhebin Publishing House in Germany”]. *A.M. Gor’kii v Germanii: pisatel’ i ego okruzhenie v sotsiokul’turnom i literaturno-mediinom prostranstve. Kollektivnaia monografiia* [*A.M. Gorky in Germany: The Writer and His Circle in the Sociocultural and Literary-Media Space. A Collective Monograph*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 134–146. (In Russ.)

10. Timenchik, R.D. “Iz Imennogo ukazatelya k ʻZapisnym knizhkam’ Akhmatovoi” [“From the Index of Names to Akhmatova’s Notebooks”]. *Puti iskusstva: Simvolizm i evropeiskaia kul’tura XX veka* [*Paths of Art: Symbolism and European Culture of the 20th Century*]. Moscow, Vodolei Publ., 2008, pp. 364–408. (In Russ.)

11. Timenchik, R.D. “Iz Imennogo ukazatelia k ʻZapisnym knizhkam’ Akhmatovoi (k voprosu o tekhnicheskikh problemakh kommentirovaniia)” [“From the Index of Names to Akhmatova’s Notebooks (On the Issue of Technical Problems of Commentary)”]. *Lesnaia shkola. Trudy VI Mezhdunarodnoi letnei shkoly na Karel’skom peresheike po russkoi literature* [*Forest School. Proceedings of the VI International Summer School on Russian Literature on the Karelian Isthmus*]. Uusikirko Publ., 2010, pp. 143–172. (In Russ.)

12. Timenchik, R.D. “Iz latviiskoi akhmatoviany” [“From Latvian Akhmatovaiana”]. *Daugava*, no. 6, 1994, pp. 3–19. (In Russ.)

13. Khlebnikov, L.M. “Iz istorii gor’kovskikh izdatel’stv: ‘Vsemirnaia literatura’ i ‘Izdatel’stvo Z.I. Grzhebina’.” [“From the History of Gorky Publishing Houses: ‘World Literature’ and ‘Z.I. Grzhebin Publishing House’.”] *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 80. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 668–703. (In Russ.)

14. Iuniverg, L.I. “Z.I. Grzhebin i ego izdatel’skaia deiatel’nost’” [“Z.I. Grzhebin and His Publishing Activities”]. *Kniga: Issledovaniia i materialy* [*Book: Research and Materials*], vol. 69. Moscow, Terra Publ., 1994, pp. 122–133. (In Russ.)

15. Iangirov, R. “Izdatel’stvo Z.I. Grzhebin” [“Publishing House of Z.I. Grzhebin”]. *Diaspora. Novye materialy* [*Diaspora. New Materials*], vol. 6. Paris, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 2004, pp. 547–573. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 17.10.2025
Одобрена после рецензирования: 24.12.2025
Дата публикации: 25.03.2026

The article was submitted: 17.10.2025
Approved after reviewing: 24.12.2025
Date of publication: 25.03.2026

Литературный факт. 2026. № 1 (39)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 1 (39), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-163-191
https://elibrary.ru/WZUECI

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (39), 2026

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

«Передать сонет и четверостишие» Записка Анны Ахматовой с поручениями Нике Глен[1]

© 2026, О.Е. Рубинчик
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье впервые публикуется и анализируется одна из трех сохранившихся записок Анны Ахматовой с поручениями ее литературному секретарю Нике Глен, цитируется ряд других архивных материалов. Записки с поручениями Нике Глен представляют собой в основном «слепые» списки имен тех, к кому следует обратиться. Кажется, что тексты невозможно ни датировать, ни объяснить, но накопленные ахматоведением сведения помогают вписать эти документы в контекст событий. Публикуемая записка — это автограф Ахматовой, дополненный рукой Глен. Она написана в Комарове в августе 1962 г. при отъезде Глен в Москву. Список поручений в определенной степени показывает круг московских друзей Ахматовой начала 1960-х гг. В этот круг входили люди разного возраста и обретенные в разные периоды ее жизни: в юности, как Михаил Зенкевич, в зрелые годы и в старости, как молодые Галина Корнилова и Симон Маркиш. Пристальное рассмотрение данного списка позволяет отчасти понять характер забот, проблем и интересов Ахматовой этого времени.

Ключевые слова: Анна Ахматова, Ника Глен, эпистолярий, биографика, сонет, четверостишие, стихотворный набросок.

Информация об авторе: Ольга Ефимовна Рубинчик — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5609-1819

E-mail: rubinchik_olga@mail.ru

[1] Моя глубокая благодарность Р.Д. Тименчику за советы и замечания. За возможность работы с архивными материалами благодарю И.Г. Иванову, Н.И. Крайневу, М.К. Свиченскую, а также сотрудников отдела рукописей РГБ.

Для цитирования: *Рубинчик О.Е.* «Передать сонет и четверостишие»: Записка Анны Ахматовой с поручениями Нике Глен // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 163–191. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-163-191

Ника Николаевна Глен (1928–2005), переводчица болгарской прозы, и до сих пор считается крупнейшим специалистом в этой области[2]. С 1956 по 1983 г. Глен работала редактором в славянской редакции издательства «Художественная литература», в этом качестве она и познакомилась с Ахматовой, предложив ей переводить с болгарского. «Я познакомилась с Анной Андреевной Ахматовой в 1956 году, — свидетельствовала она, — с 1957 г. стала бывать у нее, и с этого времени до конца ее жизни виделась с ней часто и регулярно, особенно когда А.А. жила в Москве. Примерно с 1958 г. по 1962 — начало 1963 я оказывала А.А. секретарские услуги, помогала в литературных делах, в отношениях с издательствами и журналами, в переписке и т. д. Последние года три эти обязанности, так сказать, частного секретаря в большей своей части перешли к Анатолию Генриховичу Найману»[3]. Следует добавить, что оба «секретаря» были просто бесплатными помощниками Ахматовой и что для них, как и для многих ее друзей, помощь ей была личным выбором и не тяготила. Общение с почитаемым поэтом стало для Ники Николаевны одним из главных событий жизни: «Когда я уходила от Ахматовой (часто — к последнему поезду метро), особенно если она перед тем читала мне стихи, я шла, ног под собой не чуя — даже и физически, с ощущением такого ликования, для которого я и сейчас не могу найти слов. <…> это ощущение чуда, особенно острое в первые месяцы знакомства <…>, не притупилось, не стерлось до самого конца»[4]. Найман о Глен: «А.А., нежно и уважительно всегда о ней говорившая, называла ее “болгарской королевой”. Она пользовалась исключительным доверием Ахматовой, предоставляла, живя вдвоем с матерью, одну из двух маленьких комнат в коммунальной квартире в ее распоряжение, приезжала ухаживать за ней в Комарово…» [10,

[2] См.: Последнее лето: болгарские переводы Ники Глен / сост. И.Ю. Мельникова. М.: Институт перевода; Центр книги Рудомино, 2020 (Сер. Мастера художественного перевода). В этом издании помещены также воспоминания о Н. Глен.

[3] Авторизованная машинопись из архива Глен (цит. по копии из архива О.Е. Рубинчик). Рукой Л.К. Чуковской над текстом указано: «Н. Глен на суде»; под текстом, после подписи Глен, рукой Чуковской: «Начало февраля 69 г., накануне поездки в Ленинград на суд». Текст с неточным названием опубл.: *Глен Н.Н.* Выступление на суде по делу о завещании А.А. Ахматовой и судьбе ее литературного наследия. Февраль 1969 // Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. События, воспоминания, документы / текст, коммент. Н.И. Поповой, Т.С. Поздняковой; сост. каталога, отбор материалов И.Г. Ивановой. СПб.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 2023. С. 223–228.

[4] *Глен Н.* Вокруг старых записей // [5, с. 627].

с. 167]. «Об одной своей молодой приятельнице, много помогавшей ей с бумагами и рукописями, <Ахматова> сказала: “Она все делает тихо, как бабочкино крыло”»[5], — это, несомненно, о Глен. Ника Николаевна оставалась одним из главных литературных помощников Ахматовой до конца ее жизни, а с 1988 г. была секретарем комиссии по литературному наследию Ахматовой при Союзе писателей. Комиссия существовала несколько лет, но и после ее закрытия Глен продолжала работу по возвращению читателю ахматовского творчества и сохранению памяти о ней (подготовка изданий, музеи, мемориальные доски и т. д.).

Свой ахматовский архив, насчитывающий более пятисот единиц хранения, Глен передала в Музей Ахматовой в Фонтанном Доме[6]. Среди материалов архива — ахматовские письма, открытки и телеграммы Нике Николаевне, а также три записки, из которых в данной статье публикуется одна[7]. Записки содержат поручения, которые Ахматова давала при отъезде Глен из Ленинграда или Комарова в Москву.

Какие-то поручения, зачастую устные, давались Ахматовой многим уезжающим друзьям. Она могла попросить передать кому-то в дар рукопись или книгу, задать вопрос о судьбе предполагавшейся публикации, поблагодарить за полученное письмо, на которое она не ответила, потому что писать письма было для нее мучением, попросить рассказать о ее здоровье и делах, наконец, просто передать привет. Таким образом она заочно поддерживала отношения с друзьями. Казалось бы, зачем передавать через кого-то устные послания, почему бы не позвонить? Когда была возможность, Ахматова звонила. Но телефоны тогда были далеко не у всех. И, кроме того, междугородние звонки были делом сложным и дорогостоящим. А из Комарова, из «Будки», как Ахматова называла свою писательскую дачку, позвонить, за отсутствием телефона, было вообще невозможно. Отсюда поручения. Если их было много, они оформлялись списком.

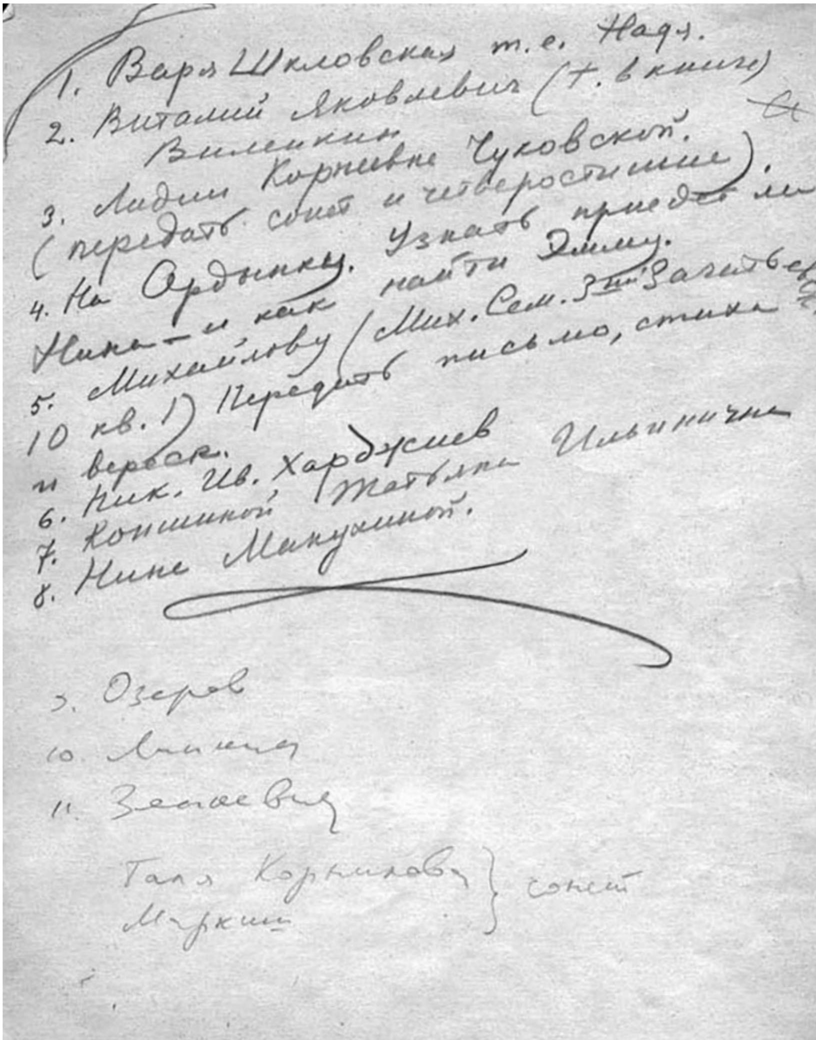
Записки с поручениями Нике Глен представляют собой в основном «слепые» списки имен. Кажется, что их невозможно ни датировать, ни расшифровать. Но накопленные ахматоведением сведения

---

[5] *Ильина Н.* Анна Ахматова, какой я ее видела // [5, с. 584].

[6] Подробно о Глен и ее роли в сохранении и издании наследия Ахматовой см.: [12].

[7] Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме (далее — МАА). КП-12869. В записке (и в других архивных материалах) сохранена орфография и пунктуация подлинника. О других записках Ахматовой Глен см. наши статьи: «”…Передала мне высочайшие распоряжения…”. Ахматовская записка с поручениями Нике Глен» ([13]), «”Марусе — всё”. Об одной ахматовской записке с поручениями Нике Глен» (в печати).


1. Варя Шкловская т.е. Надя.
2. Виталий Яковлевич (т. в книге) Виленкин.
3. Лидии Корнеевне Чуковской. (передать сонет и четверостишие).
4. На Ордынку. Узнать приедет ли Нина — и как найти Эмму.
5. Михайлову (Мих. Сем. 3-й Зачатьевск. 10 кв. 1) Передать письмо, стихи и вербочк.
и Ник. Ив. Харджиев
6. Коншиной Татьяне Ильиничне
7. Нине Манухиной.
8.
9. Озеров
10. Липкин
11. Зенкевич
Галя Корнилова, Маркиш } сонет

заставляют «принять вызов»: попытаться вписать эти документы в контекст событий.

Публикуемая здесь карандашная записка написана в основном рукой Ахматовой — уверенно и четко, но пункт 9 и все, что ниже, — рукой Глен, явно в момент разговора с Анной Андреевной, наспех. В левом верхнем углу полукругом — охватывающая первые два пункта петля; на правом поле, напротив второго пункта, — ахматов-

ская подпись в виде буквы ; это может означать, что сначала записка включала в себя всего два пункта. После пункта 8 нарисована длинная горизонтальная петля — характерный для Ахматовой знак конца текста (иногда такая петля разделяет части текста).

Дата и место написания записки определены благодаря третьему и пятому ее пунктам (обоснование см. далее).

А.А. Ахматова — Н.Н. Глен

[*Август (после 13-го?) 1962, Комарово*]

1. Варя Шкловская т. е. Надя.
2. Виталий Яковлевич (т<елефон> в книге) Виленкин
3. Лидии Корнеевне Чуковской. (передать сонет и четверостишие).
4. На Ордынку. Узнать приедет ли Нина и как найти Эмму.
5. Михайлову (Мих. Сем. 3-ий Зачатьевск. 10 кв. 1) Передать письмо, стихи и вереск.
6. Ник. Ив. Харджиев
7. Коншиной Татьяна Ильинична <sic!>
8. Нине Манухиной.
9. Озеров
10. Липкин
11. Зенкевич

Галя Корнилова
Маркиш } сонет

Приступим к пункту первому. Варвара Викторовна Шкловская-Ко́рди (род. в 1927) — физик, дочь писателя, литературоведа и критика Виктора Борисовича Шкловского и художницы Василисы Георгиевны Шкловской-Корди. Ахматова была в многолетних добрых отношениях с семьей Шкловских, прежде всего, с Василисой Георгиевной. Она виделась с ней еще до революции, о чем не помнила; ср.: «В Севастополе жили с женой Шкловского (я не знала этого, она только теперь сказала, и что она с моей сестрой младшей была знакома)»[8]. Об отношении Ахматовой к своей давней знакомой говорит такой поздний инскрипт: «Милой / Василисе Георгиевне

[8] *Лукницкий П.Н.* Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой: в 2 т. Paris: YMCA-Press, 1991. Т. I. С. 98 (запись от 2 апреля 1925 г.).

Шкловской / от современницы / дружественно / Ахматова» [6, с. 31]. Ахматова редко называла себя чьей-то современницей. По всей вероятности, черновой текст инскрипта был записан в Москве 15 апреля 1959 г., дарственная надпись предназначалась для сборника «Стихотворения» 1958 г. Отношение Ахматовой к Шкловскому менялось. В пореволюционные годы оно было положительным: «АА Шкловского любит: “Он такой веселый”. Этим термином она заменяет все другие определения»[9]. Впоследствии, хотя она продолжала с ним время от времени видеться, ее отношение к его работам и поступкам зачастую было отрицательным. С годами участилось общение с Варварой Викторовной — по мере ее взросления. Ахматова бывала у Шкловских в основном в 1950–1960-е гг., уже после ухода Шкловского из семьи. По словам В.В. Шкловской-Корди, «Когда Анна Андреевна Ахматова приезжала в Москву, она приходила к нам разок. Жила у Ардовых на Ордынке, это недалеко совсем. И с кем-нибудь из своих мальчиков-поклонников приходила поговорить и посидеть»[10].

Из воспоминаний об Ахматовой детского поэта Валентина Берестова: «Мы часто виделись у Варвары Викторовны Шкловской, где останавливалась, бывая в Москве, Н.Я. Мандельштам»[11]. Чета Мандельштамов была дружна с четой Шкловских с начала 1920-х гг. Надежда Мандельштам вспоминала: «В Москве был только один дом, открытый для отверженных. Когда мы не заставали Виктора и Василису, к нам выбегали дети <…> Нас вели на кухню — там у Шкловских была столовая, — кормили, поили, утешали ребячьими разговорами. <…> Приходила Василиса, улыбалась светло-голубыми глазами и начинала действовать. Она зажигала ванну и вынимала для нас белье. Мне она давала свое, а О. М. — рубашки Виктора. Затем нас укладывали отдыхать. Виктор ломал голову, что бы ему сделать для О. М., шумел, рассказывал новости. <...> Когда раздавался звонок, то прежде, чем открыть дверь, нас прятали на кухню или в детскую. Если приходили свои, нас немедленно с радостными криками освобождали из плена, а если Павленко или соседка-стукачка <…>, мы отсиживались в тайнике. Они ни разу не застали нас врасплох, и мы этим очень гордились. Дом Шкловских был

[9] Там же. С. 115 (запись от 5 апреля 1925 г.).

[10] Устная история. Беседы. Дом писателей в Лаврушинском переулке. Собеседник — В.В. Шкловская-Корди, ведущая — Н.Н. Бонч-Осмоловская. Беседа записана 21 мая 2014 г., опубл. 22 июля 2021 г. URL: https://oralhistory.ru/talks/orh-1715/text (дата обращения: 30.04.2025).

[11] *Берестов В.Д.* Избр. произведения: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых; Вагриус, 1998. Т. 2. С. 278–279.

единственным местом, где мы чувствовали себя людьми»[12]. После гибели Мандельштама в квартире Шкловских в писательском доме в Лаврушинском переулке находила приют Надежда Яковлевна, когда, не имея права жить в Москве, нелегально туда приезжала. «Настоящим другом Нади все эти очень для нее трудные годы была Василиса Георгиевна Шкловская и ее дочь Варя», — писала Ахматова в мемуарной прозе о Мандельштаме «Листки из дневника» (1957–1963) [2, т. 2, с. 173]. И в той же прозе: «Летом 1924 года О. М. привел ко мне (Фонтанка, 2) свою молодую жену. <…> С этого дня началась моя дружба с Надюшей, и продолжается она по сей день» [2, т. 2, с. 161]. Об этом свидетельствует, например, книга воспоминаний Мандельштам «Об Ахматовой» и опубликованная двусторонняя переписка Ахматовой и Мандельштам[13]. Фраза в ахматовской записке: «Варя Шкловская т. е. Надя» — означает, что Ахматова просит Варвару Викторовну связаться с Надеждой Яковлевной и что-то ей сообщить.

Скорее всего, сообщение было связано с хлопотами друзей, включая Ахматову, о прописке и жилье для Надежды Яковлевны в Москве (в это время она была прописана в Тарусе, где провела в чужих домах не одну тяжелую зиму). Свидетельство Л.К. Чуковской: «После реабилитации Мандельштама Ахматова усердно хлопотала через влиятельных друзей и через влиятельных поклонников о прописке для Надежды Яковлевны и о квартире для нее. Она позвала на помощь С.Я. Маршака, Ф.А. Вигдорову; обратилась в Союз, к А.А. Суркову, который всегда благоволил к ней…»[14]. Ср. запись Чуковской об Ахматовой от 23 сентября 1962 г.: «Сама она сейчас одержима заботами о прописке Надежды Яковлевны и, по-видимому, ради этих хлопот приехала в Москву. “Укажите мне, в чьи ноги бросаться, и я брошусь”. <…> — Ведь Надя не просто жена, она жена-декабристка, — сказала Анна Андреевна. — Никто ее не ссылал и вообще не преследовал, она сама поехала за мужем в ссылку» [18, с. 520]. В июне 1964 г. Василисе Шкловской удалось прописать Надежду Мандельштам у себя в квартире на правах дальней родственницы, а в конце 1965 г. Мандельштам получила собственную однокомнатную кооперативную квартиру (по ее словам, этим она

[12] *Мандельштам Н.* Собр. соч.: в 2 т. Екатеринбург: Гонзо, 2014. Т. 1. С. 439–441.

[13] *Мандельштам Н.* Об Ахматовой / изд. подгот. П. Нерлер и С. Василенко при участии Н. Крайневой. М.: Новое издательство, 2007.

[14] *Чуковская Л.К.* Дом Поэта. М.: Время, 2012. С. 289.

обязана прежде всего хлопотам Фриды Вигдоровой[15]; деньги же на квартиру ей одолжил Константин Симонов).

Очень вероятно, что Глен должна была также сообщить Варваре Шкловской, а та — Надежде Мандельштам, сведения о ходе подготовки издания Осипа Мандельштама в Большой серии «Библиотеки поэта» (оно готовилось под редакцией Николая Харджиева с 1957 г., а вышло — после бесконечной череды цензурных мытарств — в 1973 г.). 8 августа 1962 г. добрый знакомый Ахматовой москвич Георгий Глекин, побывавший у нее в Комарове, записал: «Анна Андр. просила меня передать Над. Яков., и через Варю — Харджиеву, чтобы они не противились ошибочному предисловию Бухштаба к книге Осипа Эмильевича…»[16]. Речь идет не о предисловии, которого литературовед, знаток творчества Мандельштама Борис Бухштаб не писал, а о его внутренней рецензии, датированной 7 августа 1962 г.[17] Рецензия написана в защиту книги: высоко оценены и поэзия Мандельштама, и работа составителя, и вступительная статья Адриана Македонова (о ней и Ахматова сказала: «хороша»[18]), а замечания высказаны исключительно по существу. Вот как отозвалась об этой рецензии сама Надежда Мандельштам в письме к Лидии Гинзбург от 27 сентября 1962 г.: «Рецензию Бориса Яковлевича хвалят все — и Николаша[19], и Анна Андреевна. Сведения Вари — полная чепуха — глекинская. Вероятно, он это сделал из жалоб Анны Андр. на совсем другое и не имеющее никакого значения... Никакого отношения к Борису Яковлевичу не имеет»[20]. Слова об ошибочности, если они все же были Ахматовой произнесены, могли иметь в виду тактические соображения: насколько отзыв способствовал «прохождению» рукописи. Так, Бухштаб писал о Македонове: «…автор статьи последовательно преувеличивает близость поэта к революционному мировоззрению <…> к ведущему направлению советской поэзии. <…> Если автор стремится подобными толкованиями

[15] См.: Надежда Мандельштам и Фрида Вигдорова / публ. П. Нерлера, А. Раскиной, Е. Вигдоровой // Октябрь. 2016. № 1. С. 145, 147.

[16] *Глёкин Г.В.* Что мне дано было… Об Анне Ахматовой / изд. подгот. Н.Г. Гончарова. М.: Азбуковник, 2015. С. 190.

[17] *Бухштаб Б.Я.* Отзыв о рукописи: Осип Мандельштам. Стихотворения. Вступит. статья А.В. Македонова. Подгот. текста и прим. Н.И. Харджиева (Б-ка поэта. Большая сер.). Ленинград. 7 августа 1962 г. Машинопись. 16 лл. // РНБ. Ф. 1341 (Б.Я. Бухштаба). Ед. хр. 624.

[18] Латманизов М.В. Беседы с А.А. Ахматовой // Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / сост. М.М. Кралин. Л.: Лениздат, 1990. С. 517.

[19] Николай Харджиев.

[20] Переписка Н.Я. Мандельштам с Л.Я. Гинзбург (1959–1968) / публ., коммент. и предисл. О.Е. Рубинчик // Toronto Slavic Quarterly. 2018. № 64. С. 18–19. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/64/Rubinchik64.pdf (дата обращения: 30.04.2025).

обосновать правомерность издания стихотворений Мандельштама, то ведь в этом нет нужды. Мы издаем таких поэтов как Бунин, Цветаева или Саша Черный; тем более очевидна необходимость издания Мандельштама, поэта во всяком случае не менее значительного, чем названные, и, без всяких натяжек, несравненно более близкого к революции и советской жизни»[21]. Ср. высказывание Б.Ф. Егорова, в то время заместителя главного редактора «Библиотеки поэта»: Македонов «написал вполне добротную статью, но его марксистское воспитание повлияло на социологический тонус статьи, оно не годилось для поэтической серии, тем более что создавался очерк о великом поэте» [11, с. 164]. По этой причине позднее, в 1966 г., статью Македонова решили заменить статьей Лидии Гинзбург. Но в 1968 г. редколлегия забраковала ее как недостаточно «боевую»[22] и заменила статьей представителя партийного литературоведения Александра Дымшица.

Возвращаясь к первому пункту ахматовского списка, приведу запись Глекина от 26 ноября 1962 г.: «…У Анны Андреевны мы были вместе с В.В. Шкловской. Ал. Ал. Сурков сообщил, что дело со сборником Ос. Эм. налажено, и налаживается <…> и дело с квартирой. По этому поводу дал от имени А.А., Вари и Ники телеграмму Над. Яковл.». В коллективной телеграмме сообщалось, что «с пропиской и комнатой дело налаживается»[23]. Насколько в реальности оказались хороши эти дела, нам уже известно.

Во втором пункте указан театровед, литературовед и педагог Виталий Яковлевич Виленкин, позднее великолепно описавший знакомство с Ахматовой в июне 1938 г. на парадном обеде в доме ее друзей Рыбаковых[24]; он посвятил ей книгу «В сто первом зеркале». Наиболее тесно Виленкин общался с Ахматовой в 1950–1960-е гг. Иногда выполнял какие-то ахматовские просьбы. Например, он вспоминает о январе 1962 г.: «По поручению Анны Андреевны, я получил в редакции “Звезды” гранки ее “Слова” еще до выхода журнала (у нее тогда не оказалось на руках даже полного черновика) и увез эти гранки в Москву, чтобы прочитать их на пушкинском вечере театральной молодежи в Школе-студии МХАТа. Уже в Москве я получил от нее посланную мне вслед записку»; в этой

[21] *Бухштаб Б.Я.* Отзыв о рукописи: Осип Мандельштам… Л. 2–3.

[22] Письма Надежды Яковлевны Мандельштам к Лидии Яковлевне Гинзбург / подгот. текста Н.К. Цендровской при участии А.Г. Меца, коммент. Л.Я. Гинзбург // Звезда. 1998. № 10. С. 144.

[23] Цит. по: Мандельштам Н. Об Ахматовой. С. 267 (год указан неверно: 1963 вместо 1962).

[24] *Виленкин В.Я.* В сто первом зеркале. М.: Искусство, 1982. С. 408–411.

записке от 4 февраля 1962 г., наверняка посланной с кем-то из друзей, Ахматова попросила срочно передать «Слово о Пушкине» Галине Корниловой для «Литературной газеты»[25]. Но было ли что-то поручено Виленкину через Глен в августе 1962 г., неясно. Возможно, ему передавался лишь телефонный привет с рассказом об ахматовских обстоятельствах на тот момент.

В третьем пункте названа писательница, редактор и правозащитница Лидия Корнеевна Чуковская, с которой Ахматова была дружна с 1938 г. (дружба прерывалась с конца 1942 г. до июня 1952 г.). Ахматова просит передать Чуковской «сонет и четверостишие». Названные вместе, они дают основание считать, что речь идет о «Сонете» «Не пугайся — я еще похожей…» (он же «Сонет-эпилог», «Шекспировский сонет»[26]) и «Четверостишии» «О своем я уже не заплачу…», обращенном к Иосифу Бродскому и впоследствии без названия вошедшем в цикл «Вереница четверостиший». В это время «Сонет» и «Четверостишие» — под этими названиями и с небольшими разночтениями по отношению к окончательным вариантам — были напечатаны на пишущей машинке на одном листе[27]. Экземпляр такой машинописи сохранился у Глен[28] (подобные экземпляры хранятся и в других архивах[29]). Объединяет эти два текста не только время написания, но и то, что оба прикровенно указывают на трагичность существования поэта в советское время. Сонет на античный сюжет посвящен философу Исайе Берлину, навестившему Ахматову в конце 1945 г. и в начале 1946-го, в бытность сотрудником Британского посольства, и содержит аллюзию на ждановское постановление, которое было с этим знакомством связано. Ср. запись Чуковской об Ахматовой от 23 сентября 1962 г.: «Рассказала, что “Новый Мир” хочет взять у нее цикл стихотворений, но Караганова (тамошняя редакторша) почему-то не желает сонет (“Я тогда отделалась костром”)… Иосиф Бродский, спасающийся от ленинградского КГБ, молодой поэт, которого преследуют невесть за что, под тем предлогом, будто он тунеядец, — живет сейчас в Москве — у Корниловых» [18, с. 520]. Небольшая подборка произведений Ахматовой в «Новом

[25] Там же. С. 470.

[26] См., например, [6, с. 57, 64, 112, 202, 205, 212, 240, 249].

[27] В «Сонете» — строка «Тень твою я все же берегу» вместо окончательной «Тень твою зачем-то берегу»; под текстом указано: «1962, июль / Комарово». В «Четверостишии» строка «Золотую печать неудачи» исправлена на окончательный вариант: «Золотое клеймо неудачи» (более поздняя карандашная правка рукой Глен); под текстом: «1962». Ахматовская рука отсутствует.

[28] МАА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 16.

[29] Авторизованная машинопись — в Литературном музее ИРЛИ РАН (ПД КП-6618) и в московском Государственном музее А.С. Пушкина (КП-23546).

мире» вскоре была напечатана; «Сонет» в нее не вошел, а вот четверостишие «О своем я уже не заплачу…» вошло (в окончательной версии) — вместе с четверостишием «Ржавеет золото, и истлевает сталь…», под общим заглавием «Два четверостишия»[30].

Фраза «передать сонет и четверостишие» и соответствующие экземпляры машинописи способствуют датировке ахматовской записки. Тот вариант четверостишия «О своем я уже не заплачу…», о котором идет речь (со строкой «Золотую печать неудачи…» вместо окончательного варианта «Золотое клеймо неудачи»), сложился у Ахматовой 13 июня 1962 г. в Ленинграде[31]. Вариант «Сонета», включенный в машинопись вместе с «Четверостишием» (со строкой «Тень твою я все же берегу» вместо окончательного «Тень твою зачем-то берегу»), существует и в другой машинописи: только «Сонет», без «Четверостишия». Дата под «Сонетом» — «21 сент. 1960 — 29 июня 1962 / Комарово»[32]. Окончательный же вариант (где «Тень твою зачем-то берегу») имеет дату «2 августа 1962 / Комарово» [2, т. 1, с. 274–275]. Таким образом, машинопись двух текстов, посланных Лидии Чуковской, можно смело датировать июлем 1962 г. В это время Глен была с Ахматовой в Комарове; уехала она оттуда в августе. Ср. ее свидетельство: «…бывали и недели, когда А.А. оказывалась совсем брошенной в Комарове, и тогда (на моей памяти это, скажем, июль-август 1962 года, когда я приезжала к А.А. в Комарово), ее просто по доброте спасала, готовила ей С.С. Гитович — друг А.А. и ее соседка по даче»[33]. Данное свидетельство в совокупности с машинописью «Сонета» и «Четверостишия» позволяет датировать ахматовскую записку с поручениями августом 1962 г.

Четвертый пункт — «На Ордынку. Узнать приедет ли Нина и как найти Эмму». Нина — близкая подруга Ахматовой, актриса Нина Антоновна Ольшевская. С ней и ее мужем, писателем-сатириком Виктором Ефимовичем Ардовым, Ахматова познакомилась в 1934 г. В доме Ардовых на Ордынке она зачастую останавливалась в Москве[34]. О приезде Нины Ольшевской в Комарово летом 1962 г. вспоминает жена поэта Александра Гитовича Сильва Гитович, помогавшая Ахматовой по хозяйству: «После двух месяцев одинокого

[30] *Ахматова А.* Из новых стихов // Новый мир. 1963. № 1. С. 64–66.

[31] «Без названья» [6, с. 234].

[32] Авторизованная машинопись из архива Н.И. Пушкарской (МАА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 87).

[33] Машинопись «Н. Глен на суде». С. 2.

[34] Об Ахматовой и Ардовых см.: *Герштейн Э.Г.* Беседы с Н.А. Ольшевской-Ардовой // [5, с. 258–276]; *Ардов В.Е.* Этюды к портретам. М.: Сов. писатель, 1983. С. 50–64; мемуары молодого поколения семьи Ардовых: *Ардов М., Ардов Б., Баталов А.* Легендарная Ордынка: Сб. воспоминаний. СПб.: Инапресс, 1995 и др.

житья мне на подмогу стали приезжать москвичи. Сперва приехала милая, хрупкая Ника Глен, потом смуглая черненькая Юля (Живова. — *О.Р.*), затем красивая длинноногая Нина Антоновна» [5, с. 511]. Ср. записи Ахматовой 1962 г.: «24 авг<уста> <…> / Приехала Нина»; «7 сент<ября>. Уезжает Нина» [6, с. 246, 247].

Эмма Герштейн — специалист по русской литературе XIX–XX вв., мемуарист. Друг Ахматовой с 1934 г., самоотверженно участвовала в многолетних хлопотах по освобождению из заключения Льва Гумилева[35]. Подготовила издание ахматовских работ о Пушкине и мн. др. «Розыски» Герштейн, видимо, были затруднены ее вынужденным переездом из расселенного дома: весной 1962 г. ей была выделена комната в отдаленном районе (на Варшавском шоссе), при этом там отсутствовал телефон, а нового адреса Эммы Григорьевны у Ахматовой в Комарове могло не быть. Причина, по которой Ахматова искала Герштейн, явствует из записи Чуковской от 20 мая 1962 г. и примечания к ней: «Анна Андреевна вся с головой в деле Герштейн. Надо как-то (но как?) унять хулиганов в квартире и хулиганов в “Октябре”. <…> Для нее защита статьи Герштейн — это защита собственной заветной работы о гибели Пушкина»[36]; «Э.Г. Герштейн жила тогда в коммунальной квартире, где попахивало антисемитизмом и с утра до вечера орало радио. В № 5 журнала “Октябрь” за 1962 г., в отделе “С улыбкой”, был помещен фельетон В. Назаренко под названием “В покоях императрицы”. Фельетонист высмеивал работу Герштейн “Вокруг гибели Пушкина”, напечатанную в “Новом Мире” (1962, № 2)» [18, с. 487].

Продолжительные хлопоты о более приемлемом жилье для Герштейн отразились в письме Ахматовой депутату Верховного Совета СССР, писателю Леониду Соболеву в июне 1963 г.[37] Позднее (по-видимому, с 1966 г.) Герштейн жила в кооперативе «Советский писатель» на Красноармейской улице, д. 29[38]. Тогда же, в мае 1962 г., Ахматова инициировала кампанию по защите Герштейн в связи с фельетоном в «Октябре» (см.: [18, с. 487–488, 505 и др.]). Ею было написано боль-

[35] Подробно об этом и о ее отношениях с Ахматовой см., в частности: *Герштейн Э.Г.* Мемуары. СПб.: Инапресс, 1998.

[36] Статья Ахматовой «Гибель Пушкина» была опубликована посмертно Эммой Герштейн: Вопросы литературы. 1973. № 3. С. 191–236.

[37] Письмо не опубликовано. Карандашный автограф Ахматовой, машинопись (черновик): РНБ. Ф. 1073 (А. Ахматовой). Ед. хр. 684.

[38] В справочнике 1966 г. (Союз писателей СССР. Справочник: Составлен по данным на 1 ноября 1965 года. М.: Сов. писатель, 1966. С. 138) Герштейн числится еще по старому адресу — на Варшавском шоссе, телефона у нее нет. А в следующем справочнике (Союз писателей СССР. Справочник: Составлен по данным на 1 янв. 1970 года. М.: Сов. писатель, 1970. С. 165) она уже указана живущей на Красноармейской ул., д. 29, в отдельной (однокомнатной) квартире с телефоном. Этот дом был введен в эксплуатацию в 1966 г.

шое протестное письмо[39], которое, однако, она не использовала, т. к. было решено, что более сильным аргументом будет коллективное выступление — от имени не только Ахматовой, но и пушкинистов, и «влиятельных лиц» [18, с. 488]. В результате в седьмом (июльском, подписанном к печати 30 июня) номере «Нового мира» за 1962 г. в защиту статьи Герштейн вышло письмо с подписью Ахматовой, Всеволода Иванова, Сергея Бонди и Самуила Маршака. По всей вероятности, Ахматова хотела связаться с Герштейн, чтобы обсудить это событие.

В пятом пункте фигурирует малоизвестный в ахматоведении персонаж: «Михайлову (Мих. Сем. 3-ий Зачатьевск. 10 кв. 1) Передать письмо, стихи и вереск». Михаил Семенович Михайлов (1896–1969) — тюрколог, составитель (совм. с Д.А. Магазаником) «Словаря турецких неологизмов» (М., 1935) и «Русско-турецкого словаря» (М., 1943), доктор наук, преподаватель турецкого языка и литературы в московском Институте востоковедения, профессор[40]. «По словам акад. А.Н. Кононова, признанного главы советской тюркологической школы и друга Михайлова, он был не только крупным ученым и великолепным педагогом, но и необыкновенно обаятельным человеком: “Тот, кто имел счастье видеть и слушать его в кругу друзей, с удовольствием вспоминает его яркий талант рассказчика, его любовь к русской литературе, его умение читать стихи, его радушие и веселый нрав”»[41]. Познакомились Анна Андреевна и Михаил Семенович заочно в 1958 г.: в ноябре этого года Ахматова получила от него первое письмо, он писал об увлечении ее поэзией еще с гимназических лет, о присутствии на двух ее вечерах в Петрограде — в Университете и в зале Городской думы, просил об автографе на посланном им сборнике ее корейских переводов[42]. В 1958 г. Ахматова начала вести записные книжки, полагая, что это перестало быть опасным, и в первой из книжек среди записей 1958 г. указала адрес и имя Михайлова [6, с. 5]. В 1959 г. в один и тот же день Михайлов подарил ей две свои старые работы, одна из которых была опубликована в 1924 г., — значит, не имел возможности сделать это раньше.

---

[39] Машинописный черновик письма Ахматовой с карандашной правкой Л. Чуковской и пометой Э. Герштейн хранится в ОР РНБ (Ф. 1073. Ед. хр. 681). Письмо не опубликовано.

[40] Подробнее о его деятельности: [8; 9].

[41] Из личной библиотеки Анны Ахматовой (собрание Ардовых — Толстякова) / автор-сост. А.П. Толстяков. М.: Внешторгиздат, 1989. С. 33.

[42] Сообщено Р.Д. Тименчиком; корреспонденция Михайлова к Ахматовой хранится в ее фонде в ОР РНБ.

Книжечка 1924 г. особенно примечательна: «В 1923 г. М.С. Михайлов был послан на работу в Стамбул переводчиком Репатриационной комиссии СССР. Он с блеском владел турецким разговорным языком, что вызывало, по словам А.Н. Кононова, “восхищение турок и зависть русских”, и “решился на большое патриотическое дело — познакомить турецкого читателя с творчеством И.С. Тургенева”. Он выбрал одно из самых поэтичных и очень трудных для перевода произведений Тургенева — повесть “Песнь торжествующей любви”, которая в изящном турецком переводе, выполненном Михайловым совместно с Я. Феридом, с предисловием и вступительной статьей Михайлова была издана в Стамбуле в 1924 г.»[43]. Это издание на турецком языке новый знакомый Ахматовой подарил ей с инскриптом: «Анне Андреевне Ахматовой вручает свой перевод Песни торжествующей любви И.С. Тургенев<а> переводчик. М. Михайлов. 4.X.1959». На другой работе Михайлова — «К вопросу о занятиях М.Ю. Лермонтова “татарским” языком» (оттиск из «Тюркологического сборника». Т. 1. М.; Л., 1951) — весьма сдержанная надпись: «Анне Ахматовой автор. М. Михайлов. Москва. 4.X.1959»[44].

В записных книжках Ахматовой конца 1950-х – 1960-х гг. фамилия «Михайлов» встречается многократно. Иногда без имени и адреса — и тогда это может быть и другой Михайлов (например, врач Владимир Павлович). Несколько раз — в сопровождении адреса, который был для Ахматовой значим: в 3-м Зачатьевском переулке в августе-сентябре 1918 г. она жила со своим вторым мужем Владимиром Шилейко [17, с. 157], находившимся в Москве в командировке, а впоследствии написала стихотворение «Третий Зачатьевский» («Переулочек, переул… / Горло петелькой затянул»). В 1953 г., проезжая мимо этого переулка с Чуковской, она сказала: «Вот с этого места началась для меня Москва <…> Лютый холод и совершенно нечего есть… Если бы я тогда осталась в Москве, другой была бы моя биография… Неподалеку был храм, там всегда звонили» [18, с. 77]. Записные книжки показывают, что Ахматова читала Михайлову «Поэму без героя», дарила рукописи и книги, а также послала несколько телеграмм, прося позвонить или с чем-либо поздравляя [6, с. 30, 69, 91, 93, 104].

Что за письмо она передала ему через Глен в августе 1962 г., неизвестно. По-видимому, это был короткий ответ на какое-то его послание. Вереск же — из Комарова, где он рос прямо на участке

[43] Из личной библиотеки Анны Ахматовой (собрание Ардовых — Толстякова). С. 37.
[44] Там же. С. 33.

возле дома. Это растение не раз упоминается в стихах Ахматовой. 13 августа 1962 г. оно попало в набросок:

И северная весть на севере застыла
Средь вереска, зацветшего вчера,
Жасмина позднего и даже этой алой
Негаснущей зари [6, с. 244].

«Северная весть» — полученная Ахматовой в середине июля 1962 г. мнимая весть о выдвижении ее на Нобелевскую премию [6, с. 235] (на самом деле выдвижение состоялось в 1965 г.). Возможно, это и были стихи, посланные Михайлову вместе с письмом и вереском. Если так, то датировку списка поручений можно уточнить: 1962 г., август, после 13-го.

Шестым пунктом указан литературовед и искусствовед Николай Харджиев, с которым Ахматова познакомилась в 1930 г. и состояла в неизменной дружбе, а время от времени и в литературном сотрудничестве[45]. Скорее всего, Ахматова просила Глен сообщить ему сведения о ситуации с изданием книги Мандельштама, речь о которой уже шла в этой статье в связи с Надеждой Мандельштам и Варварой Шкловской-Корди.

В седьмом пункте названа Татьяна Ильинична Коншина (в девичестве Игнатова, в первом браке Девочкина, 1891–1972)[46] — историк, музейный работник; работала в Историческом музее, затем — в Академии наук СССР[47]. В марте 1938 г. Коншина была арестована как «член семьи врага народа», прошла через тюрьму и лагерь, в декабре 1939 г. была освобождена; ее мужа, инженера Семена Николаевича Коншина, арестованного в 1937 г., в 1938 г. расстреляли[48]. Ахматова была дружна с Коншиной и с ее сестрой Натальей Ильиничной Игнатовой (1900–1957[49]) — филологом и переводчицей, ученицей

[45] См.: [1, с. 167–168; 3; 4; 16] и др.

[46] Фамилия в первом браке и дата рождения дается по: Коншины // Форум союза возрождения родословных традиций. URL: https://forum.svrt.ru/topic/10549-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%88%D0%B8%D0%BD%D1%8B/ (дата обращения: 4.05.2025). Дата рождения Коншиной в разных источниках разнится ([17, с. 902] — 1898 г.; [18, с. 622] — 1889 г.; РГБ. Ф. 218 (собрание единичных поступлений). № 1279, в описи — 1892 г.). На форуме дата указана с максимальной полнотой (1 апреля 1891 г.), что придает ей убедительности.

[47] Места работы Коншиной указываются по: *Шик Н.* Талант быть другом // Звезда. 1979. № 6. С. 167.

[48] Данные по базе из сети «ВКонтакте»: https://vk.com/openlist.wiki. С неточностями: [18, с. 622].

[49] В разных источниках приводятся различные даты жизни Игнатовой; здесь указаны по: [17, с. 611, 899].

и другом философа Густава Шпета[50]; Игнатова «долгие годы работала в Музее МХАТа»[51], а «в последние годы своей жизни работала редактором в издательстве АН СССР» [18, с. 622].

Свидетельство Герштейн: «В 1952 году в санатории Академии наук “Болшево” Анна Андреевна познакомилась с Натальей Ильиничной Игнатовой и ее старшей сестрой Татьяной Ильиничной Коншиной[52]. Обе дочери известного публициста и критика “Русских ведомостей” Ил. И. Игнатова, образованные, прекрасно владеющие европейскими языками, умные, благородные по характеру и нежно привязанные друг к другу, стали на ближайшие годы желанными собеседницами Анны Андреевны. Уже немолодые и больные (Наталья Ильинична <…> умерла от белокровия), они не хотели лишать себя своих излюбленных привычек. По договоренности со знакомым шофером, за доступную плату, они выезжали несколько раз в год в красивейшие места Подмосковья, которые москвички Игнатовы отлично знали. Часто они приглашали на эти прогулки Анну Андреевну, она рассказывала мне о поездках по Рогачевскому шоссе — это блоковские места. Вот почему Ахматова посвятила свое стихотворение “Пора забыть верблюжий этот гам…” Н.И. Игнатовой[53] (его заключительные строки: “И помнит Рогачевское шоссе Разбойный посвист молодого Блока…”). Наталья Ильинична хорошо знала русских символистов, интересовалась музыкой и философией, в частности, в течение длительного времени она разбирала в рукописном отделе Ленинской библиотеки архив издательства “Мусагет”, что требовало специальных и глубоких знаний. Но, человек резкого и острого ума, она, по моему мнению, не обладала поэтическим чутьем. И когда Анна Андреевна по своему обыкновению подарила сестрам машинописный экземпляр “Поэмы без героя”, это произведение не понравилось Наталье Ильиничне»[54].

Старшая сестра также принимала в творчестве Ахматовой не все. Ахматова подарила ей «Бег времени» с надписью, в которой поминает Наталью Ильиничну: «Милой Татьяне Ильинишне / Коншиной / на память / о Той, / кто всегда с нами. / дружески / Ах-

[50] Письма Г.Г. Шпета к Н.И. Игнатовой / публ. Т. Щедриной // Пушкинский сборник. М.: Три квадрата, 2005. С. 359.

[51] *Шик Н.* Талант быть другом. С. 167.

[52] В воспоминаниях самой Коншиной указано, что сестры были знакомы с Ахматовой с конца 1940-х гг. (*Коншина Т.* Воспоминания об Анне Андреевне Ахматовой / публ. Н. Шик // Звезда. 1979. № 6. С. 168), но сведения об их общении в конце 1940-х гг. отсутствуют.

[53] Впоследствии посвящение было снято.

[54] *Герштейн Э.* Поэт поэту — брат // Знамя. 1999. № 10. С. 143.

матова / 17 окт. / 1965 / Москва»[55]. В книге пометы рукой Коншиной, в том числе и оценочные. Так, возле стихотворения «Ты выдумал меня…» (на с. 387) написано: «1956 г. и все-таки все встречи все любовь». Из записей Коншиной об Ахматовой: «Очень люблю беседовать с Анной Андреевной, люблю ее юмор, ее мудрость, ее большие знания, как в области литературы, так и в области человеческой психологии. Странно, этого ведь совсем не чувствуется в ее стихах, в них нигде нет юмора, нечего в них искать и той житейской мудрости, которая сквозит в ее речах. Лирика, любовный накал, романтика, которыми наполнены ее стихотворения, полностью отсутствуют в беседах с нею. Вот такова она. Но дать ее характеристики — я не могу. Не умею я этого не только по отношению к ней <…> Ее взгляд на современную литературу своеобразен и интересен»[56].

Ахматова также любила общаться с Татьяной Ильиничной и Натальей Ильиничной. В 1953 г. она сказала Чуковской о языке Замоскворечья: «Пойдешь в баню и слушаешь банщиц: “а татары-то разодра́лися” — словно симфонию… Дивно говорит Борис Леонидович, чисто по-московски, лучшего языка я не слыхивала. И сестры Игнатовы. Фонетически определить, в чем тут дело, я не могу, но наслаждение их слушать» [18, с. 70].

Сохранились пять телеграмм и письмо Ахматовой к Коншиной (1957–1963)[57], в том числе — телеграмма от 5 июня 1962 г., посланная Ахматовой по московскому адресу Татьяны Ильиничны из Москвы незадолго до отъезда: «ГРУЩУ ЧТО НЕ ПОВИДАЛАСЬ ВАМИ НЕ ХВАТИЛО СИЛ ЛЮБЛЮ ПОМНЮ ОБЕИХ ПИШИТЕ КОМАРОВО = ВАША АХМАТОВА»[58]. Эта телеграмма, думается, поясняет, что значит имя Коншиной в списке поручений Глен: вероятнее всего, Ахматова просила рассказать Татьяне Ильиничне о своих делах, передать привет, а, возможно, и благодарность

[55] Дается по оригиналу: РГБ. Ф. 218. Карт. 1304. Ед. хр. 4. Надпись синей шариковой ручкой на авантитуле сборника. Впервые (вместе с другими дарственными надписями сестрам Игнатовым): Автографы поэтов серебряного века: Дарственные надписи на книгах. М.: Книга, 1995. С. 38–39.

[56] Мемуарная заметка Коншиной под названием «Анна Ахматова — поэтесса» входит в воспоминания Коншиной «Разное о моих современниках», в которых рассказывается о детстве, об отце и его двоюродном брате, писателе Михаиле Пришвине, о сестре и т. д. (РГБ. Ф. 218. Карт. 1279. Ед. хр. 23. 104 лл.; цит. фрагменты об Ахматовой — л. 45, 46 об.). Несколько более полная версия воспоминаний об Ахматовой существует отдельно (Там же. Ед. хр. 26), см.: *Коншина Т.* Воспоминания об Анне Андреевне Ахматовой. См. также: *Коншина Т.И.* Просто одно воспоминание / публ. и примеч. А. Малькова // Русская мысль. 1992. 16 октября. № 3950. Спец. прил. С. 3–4.

[57] См.: *Шик Н.* Талант быть другом. С. 166–167.

[58] Дается по оригиналу: РГБ. Ф. 218. Карт. 1279. Ед. хр. 26. Л. 2. Впервые: *Шик Н.* Талант быть другом. С. 166.

за письмо. Ср. дневниковую запись Ахматовой конца декабря 1961 г.: «Через Глен <…>. Коншиной Тат<ьяне> Ил<ьиничне> (благодарю за письмо)» [6, с. 178].

Восьмой пункт в списке: «Нине Манухиной». Имеется в виду вдова поэта, друга Ахматовой Георгия Шенгели поэтесса и переводчица Нина Леонтьевна Шенгели (Лукина, в первом браке Манухина — эту фамилию она оставила себе как литературное имя). Знакомство с ней Ахматовой относится, по-видимому, ко второй половине 1920-х гг. Ахматова не раз останавливалась в доме Георгия и Нины Шенгели, а после смерти Георгия Аркадьевича в 1956 г. ее гостеприимно встречала Нина Леонтьевна. Упоминание Манухиной в записке означает, скорее всего, просьбу передать ей «телефонный привет».

На этом пункте собственно ахматовская записка кончается горизонтальной петлей, после которой идут дополнения, сделанные Глен.

Пункт девятый — «Озеров». Дружеское общение Ахматовой с поэтом, переводчиком и критиком Львом Адольфовичем Озеровым началось в 1959 г., причиной стала рецензия, написанная Озеровым на ахматовский сборник 1958 г. Это был первый печатный отклик на ее творчество после многих лет замалчивания. 8 августа 1962 г. Глекин, посетив Ахматову в Комарове, записал: «Л.А. Озеров пишет Анне Андреевне, что он закончил свою статью о ней, испытав адовы муки — обычная его склонность к преувеличению!»[59]. На этом этапе новая статья могла казаться Озерову оконченной, однако он продолжал советоваться о ней с Ахматовой, проявлявшей явную заинтересованность. Имя Озерова в списке поручений наверняка означает, что она хотела прочесть написанное. Ср. с дневниковой ахматовской фиксацией поручений для Ольшевской, сделанной через месяц после записи Глекина: «7 сент<ября>. Уезжает Нина. <…> III. Просить Озерова показать Нине, что он обо мне написал. (Не травмируя его — он очень обидчивый.)» [6, с. 248]. 7 октября, после беседы с Ахматовой, уже находящейся в Москве, Чуковская записала: «Я спросила, как она думает, будет ли прок от той статьи, которую пишет сейчас о ее стихах Лев Озеров? (Он, я знаю, держит ее в курсе своей работы.)

— Прок будет. Только слишком много Пушкина. И незачем сопоставлять меня и Марину. Это неплодотворно» [18, с. 527]. Подробнее рассказал об ахматовских замечаниях сам Озеров (о слишком сильном акценте на пушкинском влиянии на Ахматову и о «гимназической затее» — сравнивать ее с Цветаевой): «После внушительного

[59] *Глёкин Г.В.* Что мне дано было… С. 190.

перерыва, занятого монологом Ахматовой о Пушкине, я с грехом пополам дочитал свою статью, которую, придя домой, начал расшвыривать и марать» [5, с. 597–598]. Воспоминания Озерова о перипетиях с уже готовой статьей: «Скрываю от Анны Андреевны, что моя статья в “Литературной России” отложена на неопределенное время. Она угадывает и говорит:

— Я не тот товарищ, от которого надо что-либо скрывать. Разве не я сорок лет проходила известную вам школу. Не будет статьи.

— Будет, — ответил я. <…>

Через некоторое время полоса в “Литературной России” появляется, звоню Ахматовой перед ее отъездом.

— Вы так много сделали. Очень грустно, что не успеем с вами увидеться. Примите наибольшую благодарность из всех возможных»[60].

Статья была напечатана в «Литературной России» 1 февраля 1963 г. под названием «Тайны ремесла».

Пункт 10 — «Липкин». С Семеном Израилевичем Липкиным Ахматова дружила с 1949 г., высоко ценила его как поэта и переводчика[61]. По свидетельству Владимира Муравьева, Ахматова «делала упор на то, что “надо воздать должное четырем поэтам, которым не воздано, четырем замечательным современным поэтам”. Это были Липкин, Корнилов, Самойлов и Тарковский» [1, с. 63]. Какое поручение Ахматова дала Глен насчет Липкина, неизвестно. Возможно, просто просила передать ему привет.

Пункт 11 — «Зенкевич». Михаил Александрович Зенкевич — соратник Ахматовой по «Цеху поэтов» и акмеизму, они были знакомы с 1911 г.[62] Для Ахматовой Зенкевич — честный свидетель главных событий их молодых лет [6, с. 204, 376, 612 и др.]. Оба вспоминали, как в марте 1912 г. одновременно вышли их первые сборники («Вечер» Ахматовой и «Дикая порфира» Зенкевича) и Михаил Александрович отвез эти книги из типографии в книжный магазин. Зенкевич рассказывал о себе и Ахматовой: «Да, в литературу мы вошли одновременно. <…> В тот мартовский вечер <…> состоялось собрание Цеха. / Чествовали нас, дебютантов. Сергей Митрофанович Городецкий сплел лавровые венки и возложил на наши головы» [5, с. 91]. Ахматова записала (с некоторым отличием в деталях): «В Цехе, когда одновременно вышли “Дикая порфира” и “Вечер”, их авторы сидели в лавровых вен-

[60] *Озеров Л.* Дверь в мастерскую. Париж; М.; Нью-Йорк: Третья волна, 1996. С. 106–107.

[61] О его отношениях с Ахматовой см.: *Липкин С.И.* Квадрига. М.: Книжный сад, 1997. С. 497–505, а также [18, с. 724–726; 1, с. 178–179].

[62] Об Ахматовой и Зенкевиче см.: [1, с. 199–200; 7; 14].

ках. Веночки сплела я, купив листья в садоводстве А.Я. Фишера. <…> Хорошо помню венок на молодых кудрях Михаила Александровича» [17, с. 84]. Они общались до конца жизни Ахматовой. Но в связи с чем Анна Андреевна включила Зенкевича в список поручений, неясно. Вероятно, ему предназначался просто привет.

Последними — без нумерации — записаны два имени: «Галя Корнилова», «Маркиш». Эти имена объединены фигурной скобкой, возле которой указано: «сонет». Хотя в поздние годы Ахматовой было написано несколько сонетов[63], Корниловой и Маркишу она наверняка просила передать тот же только что завершенный сонет, что и Чуковской.

Молодой прозаик и редактор Галина Корнилова (урожд. Еремеева) познакомилась с Ахматовой, очевидно, в октябре 1956 г. Сама Корнилова называла разные даты знакомства. Из радиоинтервью об Ахматовой: «Я познакомилась с Анной Андреевной в предзимье 58-го года. Я кончила институт и аспирантуру и устроилась работать в журнал “Культура и жизнь”, который выходил на заграницу. Этот журнал располагался в здании ВОКСа»[64]. Получив задание подготовить публикацию «Писатели рассказывают», Корнилова добилась разрешения обратиться в числе прочих и к Ахматовой, вместе с коллегой Валерией Владыкиной побывала у нее в квартире Ардовых и договорилась, что Ахматова напишет для журнала о своей нынешней работе над переводами и собственными произведениями. В архиве ВОКС (Всесоюзного общества культурной связи с заграницей) хранится папка «Личное дело: Галина Петровна Корнилова. 24 июля 1956 — 01 ноября 1956»[65]. Судя по этим датам, Корнилова работала там не в 1958 г., а в 1956 г. На папке личного дела Валерии Семеновны Владыкиной проставлены даты «04 апреля 1950 — 01 ноября 1956». Соответственно, встреча с Ахматовой должна была произойти осенью 1956 г., поскольку Корнилова говорила о предзимье и вспоминала, что «был страшно холодный, ветреный день, сумасшедший»[66]. «…Когда я пошла домой, я думала только о том,

[63] Об ахматовских сонетах см., например: [15].

[64] Диалог ума и сердца. Литературные разговоры с Анатолием Макаровым. Гость: писатель Галина Корнилова. 15 ноября 2014 // Сайт «Смотрим». URL: https://smotrim.ru/audio/1322369 (дата обращения: 1.05.2025).

[65] ГАРФ. Р 5283 28 612. За указание на личное дело Корниловой благодарю Г.Г. Суперфина и Р.Д. Тименчика. В начале 1958 г. ВОКС было трансформировано и переименовано в Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД) с переходом большинства сотрудников в новую организацию. Журнал «Культура и жизнь» выходил с 1957 г. как орган ВОКС, с весны 1958 г. — ССОД.

[66] Магнитофонная запись воспоминаний Г.П. Корниловой об А.А. Ахматовой, выступление в МАА 23 июня 2002 г. Фрагмент приводится по копии записи в архиве О.Е. Рубинчик.

какой мне Господь подарок дал, что вот теперь я всю жизнь буду это лелеять, что у меня такое в жизни случилось»; однако знакомство на этом не закончилось — через несколько дней Ахматова позвонила сама: «“Галя, это говорит Ахматова. Я хочу вас видеть”. И с тех пор я ездила на Ордынку, <…> на Садовую, где жила Ника Глен, в Сокольники, где жила Люба Большинцова, в Ленинград на улицу Ленина, на улицу Красной Конницы и во все больницы <…>. Но я сразу поняла, что дело тут не во мне, я абсолютно не обольщалась на свой счет. Я поняла, что в это время Анне Андреевне очень важно было услышать, как воспринимают ее стихи люди другого поколения. Как относятся к ее стихам ее ровесники, она давно и хорошо знала. Вот поэтому ей и были интересны люди моего возраста. Не только я, у нее ведь много было таких людей в окружении»[67].

Текст Ахматовой для «Культуры и жизни» — в сопровождении ее карандашного портрета работы Александра Тышлера (1943) — был опубликован в первом (январском) номере журнала за 1957 г. (с. 11–12) наряду с рассказами о своей работе Николая Тихонова, Леонида Леонова и др.; составитель публикации не указан. В 1960-е Корнилова работала в «Литературной газете»[68], затем заведовала отделом поэзии в журнале «Знамя»[69] — и всюду старалась публиковать Ахматову, что удавалось отнюдь не всегда. Ахматова ценила Корнилову как издательского работника, обращалась к ней за помощью по литературным делам — и с искренней симпатией относилась к ней и ее первому мужу, поэту Владимиру Корнилову, талант которого высоко ценила[70]. «Сейчас придут Корниловы, ко-

[67] Там же.

[68] «Я перешла работать в “Литературную газету” в 1960 году…» (Там же). О том, как в 1960 г. работавшие в «Литературной газете» Лазарь Лазарев и Галина Корнилова пришли к Ахматовой за стихами, см.: *Лазарев Л.И.* Шестой этаж, или Перебирая наши даты. М: Книжный сад, 1999. С. 104. В результате вышла подборка из трех стихотворений: *Ахматова А.* Из новой книги // Лит. газета. 1960. 29 октября. № 129. С. 3.

[69] «В 1964 году я поступала на работу в журнал “Знамя” в качестве заведующего отделом поэзии» (из рассказа Корниловой о работе в журнале, см. в публ.: Однажды в «Знамени»… // Знамя. 2001. № 1. С. 135). В поздние годы Корнилова работала в Музее Константина Паустовского, в 1992–2017 гг. была главным редактором журнала «Мир Паустовского».

[70] Ср.: «Речь зашла о стихах Корнилова, и мы наперебой хвалили их. Анна Андреевна сказала: — Он берет все в лоб, обычно это худо, а ему удается» ([18, с. 520]; запись от 23 сентября 1962 г.). 15 апреля 1964 г. Ахматова дала Корнилову рекомендацию в Союз писателей, в которой отмечала «талант точной и выразительной обрисовки современных характеров, а также настойчивые и плодотворные поиски путей поэтического освоения современной разговорной речи…» (*Корнилов В.Н.* Собр. соч.: в 2 т. М.: Хроникер, 2004. Т. 2. С. 387). В ноябре 1963 г. Корнилов женился на переводчице Ларисе Беспаловой, с которой познакомил Ахматову («Я не слова ищу — скрытую за словами тайну». Елена Константинова о писателе и поэте Владимире Корнилове // Свободная пресса. 2016. 1 февраля. URL: https://yarcenter.ru/articles/culture/ya-ne-slova-ishchu-skrytuyu-za-slovami-taynu/?ysclid=m84cafuv2r160470106 (дата обращения: 1.05.2025); см. также [6, с. 457]).

торых Анна Андреевна любит», — отметила в дневнике Чуковская 29 мая 1962 г. [18, с. 496]. Галина Петровна познакомила Ахматову не только с мужем-поэтом, но и со своими друзьями: Натальей Горбаневской, Булатом Окуджавой, Борисом Вахтиным и др. Зоя Светова пишет о Галине Корниловой: «Когда я думаю о ней, мне в голову приходит одно слово <…>: Благородство. <…> Письма в защиту гонимых в семье Корниловых подписывали по очереди, чтобы кто-то один не потерял работу. <…> В их доме бывали самые известные писатели, поэты. И, конечно, Галя была красавицей. Расставшись с Владимиром Корниловым, она вышла замуж за переводчика и новомирского редактора Сергея Ларина. Человека потрясающего…»[71]. «Моя дорогая Галя! — писала Ахматова 7 сентября 1964 г. из Комарова. — Постоянно вспоминаю Вас и очень грущу, что Вас нет около меня. <…> Благодарю Вас за Ваши постоянные заботы обо мне. <…> Целую Вас. Ваша Ахматова» [2, т. 2, с. 252].

Возможно, посылая Корниловой «Сонет», Ахматова думала о его публикации[72]. Кроме «Сонета» и приветственных слов, Ахматова, очевидно, просила Глен передать Галине Петровне вопрос, не приедет ли она в Комарово. Корнилова приехала, о чем свидетельствует ее запись от 14 сентября 1962 г.: «Сегодня весь день в Комарово у Анны Андреевны. Она лежит, болеет, очень обрадовалась моему приезду»[73]. А 18 сентября Ахматова в сопровождении Корниловой отправилась в Москву [17, с. 708–709].

С филологом и переводчиком Симоном (Шимоном) Перецовичем Маркишем Ахматова «дружила, регулярно виделась в те годы. Он был для нее авторитетом в области древней литературы и, при случае, консультантом в поисках той или иной цитаты»[74]. «В первый раз я пришел к Анне Андреевне Ахматовой в мае 1956-го, — вспоминал Маркиш. — За полгода до того был посмертно ре-

[71] Пост Зои Световой на смерть Галины Корниловой («Вчера умерла мама моей любимой подруги и подруга моих родителей Галина Корнилова») на странице «Ekaterina Kornilova» в социальной сети от 8 июля 2021 г.

[72] Опубл. под названием «Говорит Дидона (Сонет-эпилог)» в подборке из трех стихотворений: *Ахматова А.* Из цикла «Шиповник цветет» // Литература и жизнь. 1962. 26 октября. № 128 (706).

[73] Эту запись Корнилова привела целиком в своем выступлении в МАА 23 июня 2002 г.

[74] *Найман А.* «Спросить у Симы» // Лехаим. 2021. 8 марта. URL: https://lechaim.ru/events/sprosit-u-simy/?fb_comment_id=3728175820603382 (дата обращения: 1.05.2025). Здесь же: «На моих глазах так было, к примеру, с фрагментом, пошедшим на эпиграф к ее стихотворению “Зазеркалье”». Имеется в виду стихотворение «В Зазеркалье» («Красотка очень молода…») с эпиграфом из Горация. О другом эпиграфе из Горация, к стихотворению «Ты, верно, чей-то муж и ты любовник чей-то…», см.:: *Маркиш С.* «Могучая евангельская старость…» // Знамя. 1997. № 11. С. 120.

абилитирован мой отец, еврейский поэт Перец Маркиш, казненный 12 августа 1952 г. в числе руководителей и сотрудников Еврейского антифашистского комитета. Тут же моя мать, Эстер Маркиш, начала готовить сборник стихов отца в русских переводах, который, естественно, хотелось украсить самыми громкими именами переводчиков. <…> когда оказалось, что я поеду в Ленинград по служебному делу, мать поручила мне позвонить Ахматовой — на всякий случай. Я позвонил, и Анна Андреевна сразу согласилась, сказала что-то вроде “ну, конечно, естественно” — и пригласила к себе[75]. <…> скажу о чувстве, которое она с первого мгновения внушила мальчишке (мне было двадцать пять лет), не очень застенчивому от природы и успевшему уже кое-что повидать на недолгом своем веку. Тогда оно мне показалось какою-то скованностью, неловкостью, и я отнес его на счет благодарности за нераздумывающую щедрость, с которой она ответила на нашу просьбу. И лишь много лет спустя, уже после смерти Анны Андреевны, я понял, что это было благоговение, которое обычный человек испытывает, не может не испытывать в присутствии чего-то или кого-то высшего. <…> помню, она спросила, где я учился и чему, и, узнав, что я классик, осталась явно довольна. Я думаю, что немодное тогда классическое образование (классическое отделение было своего рода ссылкой, которой в Москве на филфаке заменяли абитуриенту приговор куда более жесткий: забирай документы и уходи), так вот, я думаю, что классическое образование послужило мне в какой-то мере дополнительным пропуском к Ахматовой. Я говорю “дополнительным”, потому что уверен: главным было имя отца. И не в том, как мне думается, дело, что его убили в застенке. Главное, по-моему, сказано в воспоминаниях о Мандельштаме (“Листки из дневника”). Рассказывая об аресте 1934 года, Анна Андреевна отмечает мимоходом: “Навестить Надю из мужчин пришел один Перец Маркиш”[76]. / С того майского дня и до конца, до февраля

[75] Ср. воспоминания матери С. Маркиша: «…я обратилась ко многим крупным поэтам с просьбой принять участие в работе над переводами стихов Маркиша на русский язык. С благодарностью откликнулась на мое письмо Анна Ахматова» (*Маркиш Э.Е.* Столь долгое возвращение… М.: Книжники, 2018. С. 356).

[76] «Его отца, знаменитого еврейского поэта Переца Маркиша, расстрелянного в 1952 году, она знала еще в молодости…» [10, с. 114]. Симон Маркиш «был обаятелен и очень привлекателен внешне. Его отец был неправдоподобно красив. Ахматова рассказывала, что в начале 1920-х в Париже, оставшись совсем без денег, он пошел по объявлению на конкурс красоты того округа, в котором жил, и получил первый приз. Мать я увидел, когда ей уже было 50: яркая речь, яркая внешность, сочетание резкости жеста и редкостного изящества. <…> Если не упускать из вида, что отец был замечательным поэтом и принадлежал к русско-еврейской богеме Европы, то на память не могут не прийти персонажи Пруста — парижские евреи — артисты, интеллектуалы, их чарующие жены» (*Найман А.* «Спросить у Симы»). Ахматова перевела с идиша семь стихотворений Переца

1966-го, я видел Анну Андреевну в каждый ее приезд в Москву, но никогда больше — в Ленинграде. Она звонила сама»[77].

В 1961 г. Ахматова дала Маркишу рекомендацию в Союз писателей: «…Прекрасную филологическую выучку он счастливо соединяет с подлинно писательским отношением к слову. <…> В одной из труднейших областей переводческого искусства, в переводах с античных языков, он добился выдающихся успехов (переводы Лукиана и Апулея). Но большой интерес представляют и переводческие работы С.П. Маркиша, выполненные с современных западных языков <…> / Большого внимания заслуживают и литературоведческие работы С.П. Маркиша…»[78]. К рекомендации приложен длинный список переводов (Лукиан, Апулей, Ульрих фон Гуттен, Ф. Рабле, Э. По, Джером К. Джером, М. Твен, Т. Манн), статей, отредактированных Маркишем произведений.

Друзья Маркиша характеризуют его так: «Его эрудицию, острый и парадоксальный ум ценили Анна Ахматова, Надежда Мандельштам, Борис Пастернак»[79]; «До сих пор не понял и впредь не пойму, как сочетал он всепоглощающий, беспощадный труд

Маркиша (вошли в: *Маркиш П.* Избранное: Стихотворения и поэмы. М.: Сов. писатель, 1957; до этого были публикации в периодике); «Среди своих переводов выделяла <…> “Осень” Переца Маркиша:

Там листья не шуршат в таинственной тревоге,
А, скрючившись, легли и дремлют на ветру,
Но вот один со сна поплелся по дороге,
Как золотая мышь искать свою нору.

Могла к случаю <…> сказать: “У Маркиша прелестно: увядший листок — как золотая мышь”» [10, с. 158]. Ахматова выступала на вечерах памяти Переца Маркиша в 1957 г. и 25 ноября 1960 г. (*Озеров Л.* Дневники 1951–1960 годов (фрагменты) / публ. А. Озеровой и С. Зенкевича // Арион. 2014. № 4. С. 93; *Маркиш Э.Е.* Столь долгое возвращение… С. 368–369).

[77] *Маркиш Ш.* «Могучая евангельская старость…». С. 119–120.

[78] Цит. по машинописной копии, дата 3 мая 1961 г.: РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 692.

Поэт и переводчик Андрей Сергеев с женой, филологом Людмилой Сергеевой, приехав из Москвы в Ленинград на майские праздники 1961 г., побывал у Ахматовой на ул. Красной Конницы: «Когда мы собрались уходить, Анна Андреевна попросила нас передать Симе Маркишу ее рекомендацию для вступления в Союз писателей. <…> Симе рекомендация нужна была срочно, а мы ночью уезжали в Москву. Машинописный текст рекомендации в двух экземплярах мы и привезли Симе Маркишу. Утром позвонили ему, он тут же приехал к нам <…> тут только мы все трое заметили, что они не подписаны. Позвонили в Ленинград Анне Андреевне. Ее спокойный голос в трубке: “Не страшно. Сурков это сделает даже лучше, чем я. Он часто за меня расписывается”» (*Сергеева Л.Г.* Жизнь оказалась длинной. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. С. 66–67).

[79] Памяти друга // Лехаим. 2004. Январь. № 1 (141). URL: https://www.lechaim.ru/ARHIV/141/yurskiy.htm (дата обращения: 4.05.2025). Среди подписей под некрологом – имена Жоржа Нива, Владимира Войновича, Сергея Юрского.

с добротою и талантом общения. Известно же, они враждебны друг другу, несовместимы <…> Друзья называли его Моцартом перевода. Нещедрый на похвалы Иосиф Бродский объяснял “секрет Маркиша” проще: гений!»[80]

В дневниках Ахматовой — среди записей о том, что нужно позвонить Маркишу, что придет Маркиш, о дарении ему рукописей и книг — есть выписка из его статьи «О языке и стиле Апулея» [6, с. 109]. И есть помета: «Пусть Маркиш (Сима[81]) скажет, советует ли он печатать “Дом поэта”» [6, с. 178]. Речь идет про стихотворение «Александр у Фив», об Александре Македонском и древнегреческом поэте Пиндаре[82]. Думается, что, посылая Маркишу через Глен сонет о Дидоне и Энее, Ахматова также рассчитывала на профессиональную оценку античника.

Приведенный список поручений Нике Глен в определенной степени показывает круг московских друзей Ахматовой начала 1960-х гг. В этот круг входили люди разного возраста, обретенные в разные периоды ее жизни: в юности, как Зенкевич, в зрелые годы, как Чуковская, и в старости, как совсем молодые Корнилова и Маркиш. А пристальное рассмотрение «слепого», казалось бы, перечня имен и дел позволяет отчасти понять характер забот, проблем и интересов Ахматовой этого времени.

Литература

1. Анна Ахматова: последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова / введение Н.И. Поповой, О.Е. Рубинчик; сост., коммент. О.Е. Рубинчик. СПб.: Невский диалект, 2001. 224 с.

2. *Ахматова А.А.* Соч.: в 2 т. / сост. и подгот. текста М.М. Кралина. М.: Цитадель, 1996.

[80] *Кораллов М.* Договорить бы… // Лехаим. 2021. 7 марта. URL: https://lechaim.ru/events/112073/ (дата обращения: 4.05.2025).

О дальнейшей судьбе Маркиша: «Уехал он из России как-то тихо и внезапно (1970 год). В Будапешт. В Женеву. <…> Он преподавал в Венгрии, Швейцарии, Франции, Австрии, Испании, США. <…> Он много писал — статей, комментариев, книг — ездил на разнообразные симпозиумы, конференции. Но стержневой темой стала русско-еврейская литература, русскоязычная культура российского еврейства. <…> Дорога окончилась в Женеве, в 2003-м. После чего прах Шимона был перевезен в Израиль и погребен под Тель-Авивом» (*Найман А.* «Спросить у Симы»).

[81] Ахматова была также знакома с братом Симона Давидом Маркишем и их матерью Эсфирью (Эстер) Маркиш (см. [6, с. 71, 40]; *Маркиш Э.Е.* Столь долгое возвращение… С. 107, 182, 356, 368–369; главу об Ахматовой в кн.: *Маркиш Д.* Записки из прошлого времени. Берлин: Изд-во книжного магазина «Бабель», 2024).

[82] Стихотворение было опубл. под названием «Александр у Фив» с подзаголовком «Дом поэта» в «Литературной газете» за 16 января 1962 г. (№ 7. С. 2).

3. *Бабаев Э.Г.* А.А. Ахматова в письмах к Н.И. Харджиеву (1930–1960-е гг.) // Тайны ремесла: Ахматовские чтения: Вып. 2 / ред.-сост. Н.В. Королева, С.А. Коваленко. М.: Наследие, 1992. С. 214–247.

4. *Баран Г.* Письма А. А. Ахматовой к Н.И. Харджиеву // Russian Literature. 1974. Vol. 3. № 2-3. С. 5–17.

5. Воспоминания об Анне Ахматовой / сост. В.Я. Виленкин, В.А. Черных. М.: Сов. писатель, 1991. 720 с.

6. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой; вступит. статья Э.Г. Герштейн; науч. консульт., ввод. заметки, указатели В.А. Черных. М; Torino, 1996. 852 с.

7. *Игошева Т.* Еще раз об А. Ахматовой и М. Зенкевиче // Русские поэты XX века: мат-лы и исслед. Анна Ахматова (1889–1966). М.: Азбуковник, 2021. С. 96–107.

8. *Кононов А.Н.* Михаил Семенович Михайлов (к семидесятилетию со дня рождения) // Народы Азии и Африки. 1966. № 2. С. 229–230.

9. *Кононов А.Н.* Памяти Михаила Семеновича Михайлова (23.III.1896 — 16.V.1969) // Народы Азии и Африки. 1969. № 6. С. 240–241.

10. *Найман А.Г.* Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Худож. лит., 1989. 302 с.

11. *Рубинчик О.Е.* «…И пожелать здоровья, покоя и воли». Из переписки Б.Ф. Егорова, Н.Я. Мандельштам и Л.Я. Гинзбург // Проблемы изучения российской словесности. Сб. статей по мат-лам Всерос. науч. конф. В честь 90-летия профессора Бориса Федоровича Егорова / под ред. Л.Е. Ляпиной. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 158–167.

12. *Рубинчик О.Е.* О Нике Николаевне Глен и ее архиве // Рубинчик О.Е. Анна Ахматова и ее время. М.: Азбуковник, 2018. С. 480–492.

13. *Рубинчик О.Е.* «…Передала мне высочайшие распоряжения…»: Ахматовская записка с поручениями Нике Глен // Критика и семиотика. 2025. № 2. С. 336–355. DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-336-355

14. *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: левый фланг акмеизма // Блоковский сб. XIX. Александр Блок и русская литература Серебряного века. Тарту, 2015. С. 152–161. (Сер. Acta Slavica Estonica, VII).

15. *Федотов О.И.* Сонеты Анны Ахматовой как цикл // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. 1998. № 4. С. 32–47.

16. *Харджиев Н.И.* О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой // Тайны ремесла: Ахматовские чтения: Вып. 2 / ред.-сост. Н.В. Королева, С.А. Коваленко. М.: Наследие, 1992. С. 229–232.

17. *Черных В.А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. М.: Азбуковник, 2016. 944 с.

18. *Чуковская Л.К.* Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. / изд. подгот. Е.Ц. Чуковская и Ж.О. Хавкина при участии Е.Б. Ефимова. М.: Согласие, 1997. Т. 2. 832 с.

Research Article and Publication of Archival Document

“Pass the Sonnet and Quatrain” Anna Akhmatova’s Note with Instructions to Nika Glen

© 2026. Olga E. Rubinchik
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: This article publishes and analyzes for the first time one of the three surviving notes of Anna Akhmatova with instructions to her literary secretary Nika Glen, and cites a number of other archival materials. The notes with instructions to Nika Glen are mostly “blind” lists of names of those to be addressed. It seems impossible to date and decipher the texts, but the information accumulated by Akhmatology makes it necessary to “take up the challenge” – it helps to fit these documents into the context of events. The published note is Akhmatova’s autograph, supplemented by Glen’s hand. It was written in Komarovo in August 1962 when Glen left for Moscow. The attribution is substantiated in detail in the article. The list of assignments shows to a certain extent the circle of Akhmatova’s Moscow friends of the early 1960s. This circle included people of different ages and acquired at different periods of her life: in her youth, like Mikhail Zenkevich, in her mature years and in her old age, like the young Galina Kornilova and Simon Markish. A close examination of the note allows us to partially understand the nature of Akhmatova’s concerns, problems, and interests of this time.

Keywords: Anna Akhmatova, Nika Glen, epistolary, biographica, sonnet, quatrain, poetic sketch.

Information about the author: Olga E. Rubinchik, PhD in Philology, Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5609-1819

E-mail: rubinchik_olga@mail.ru

For citation: Rubinchik, O.E. “Pass the Sonnet and Quatrain”: Anna Akhmatova’s Note with Instructions to Nika Glen. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (39), 2026, pp. 163–191. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-163-191

References

1. *Anna Akhmatova: poslednie gody. Rasskazyvayut Viktor Krivulin, Vladimir Murav’ev, Tomas Ventslova* [*Anna Akhmatova: The Last Years. As told by Viktor Krivulin, Vladimir Muravyov, Tomas Venclova*]. Introduction by N.I. Popova, O.E. Rubinchik, compiled and commented by O.E. Rubinchik. St. Petersburg, Nevsky Dialect Publ., 2001, 224 p. (In Russ.)

2. Akhmatova, A.A. *Soch.* [*Works*], in 2 vols, compiled and prepared by M.M. Kralin. Moscow, Tsitadel’ Publ., 1996. (In Russ.)

3. Babaev, E.G. A.A. “Akhmatova v pis’makh k N.I. Khardzhievu (1930–1960-e gg.)” [“A.A. Akhmatova in letters to N.I. Khardzhiev (1930–1960s)”]. *Tainy remesla: Akhmatovskie chteniia* [*Secrets of the Craft: Akhmatova Readings*]. Ed.-comp. N.V. Koroleva, S.A. Kovalenko, iss. 2, Moscow, Nasledie Publ., 1992, pp. 214–247. (In Russ.)

4. Baran, G. “Pis’ma A. A. Akhmatovoi k N.I. Khardzhievu” [“Letters from A.A. Akhmatova to N. I. Khardzhiev”]. *Russian Literature*, Paris, 1974, vol. 3, no 2–3, pp. 5–17.

5. *Vospominaniia ob Anne Akhmatovoi* [*Memories of Anna Akhmatova*], comp. V.Ya. Vilenkin, V.A. Chernykh. Moscow, Sov. pisatel’ Publ., 1991, 720 p. (In Russ.)

6. *Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoy (1958–1966)* [*Notebooks of Anna Akhmatova (1958–1966)*], comp. and text preparation by K. N. Suvorova, introduction by E.G. Gershtein, scientific consultation, introductory notes, indexes by V.A. Chernykh. Moscow; Torino, 1996, 852 p. (In Russ.)

7. Igosheva, T. “Eshche raz ob A. Akhmatovoy i M. Zenkeviche” [“Once Again about A. Akhmatova and M. Zenkevich”]. *Russkie poety XX veka: materialy i issledovanija. Anna Akhmatova (1889–1966)* [*Russian poets of the twentieth century: materials and research. Anna Akhmatova (1889–1966)*]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2021, pp. 96–107. (In Russ.)

8. Kononov, A.N. “Mikhail Semenovich Mikhailov (k semidesiatiletiiu so dnia rozhdeniia)” [“Mikhail Semenovich Mikhailov (on his Seventieth Birthday)”]. *Narody Azii i Afriki.* 1966, no 2, pp. 229–230. (In Russ.)

9. Kononov, A.N. “Pamiati Mikhaila Semenovicha Mikhailova (23.III.1896 – 16.V.1969)” [“In memory of Mikhail Semenovich Mikhailov (23.III.1896 – 16.V.1969)”]. *Narody Azii i Afriki*. 1969, no 6, pp. 240–241. (In Russ.)

10. Nayman, A. G. *Rasskazy o Anne Akhmatovoy* [*Stories about Anna Akhmatova*]. Moscow, Art. lit. Publ., 1989, 302 p. (In Russ.)

11. Rubinchik, O.E. “ ‘…I pozhelat’ zdorov’ia, pokoia i voli’. Iz perepiski B.F. Egorova, N.Ia. Mandel’shtam i L.Ia. Ginzburg” [“ ‘...And to wish you health, peace and freedom’. From the correspondence of B.F. Egorov, N.Ya. Mandelstam and L.Ya. Ginzburg”]. *Problemy izucheniia rossiiskoi slovesnosti. Sb. statei po matlam Vseros. nauch. konf. V chest’ 90-letiia professora Borisa Fedorovicha Egorova* [*Problems of Studying Russian Literature. Collection of Articles on the Materials of the All-Russian Scientific Conference. In Honor of the 90th Anniversary of Professor Boris Fedorovich Egorov*], ed. by L.E. Lyapina. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2016, pp. 158–167. (In Russ.)

12. Rubinchik, O. E. “O Nike Nikolaevne Glen i ee archive” [“About Nika Nikolaevna Glen and her archive”]. In: Rubinchik O. E. *Anna Akhmatova i ee vremya* [*Anna Akhmatova and her time*]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2018, pp. 480–492. (In Russ.)

13. Rubinchik, O.E. “‘…Peredala mne vy`sochajshie rasporyazheniya…’: Axmatovskaya zapiska s porucheniyami Nike Glen” [“‘...Passed Me the Highest Orders...’: Akhmatova’s Note with Instructions to Nika Glen”]. *Kritika i Semiotika* [*Critique and Semiotics*], 2025, no. 2, pp. 336–355. (in Russ.) https://doi.org/ 10.25205/ 2307-1753-2025-2-336-355

14. Timenchik, R. “Iz Imennogo ukazatelya k *Zapisnym knizhkam* Akhmatovoy: levyy flang akmeizma” [“From the Index of Names to *Akhmatova’s Notebooks*: The Left Flank of Acmeism”]. *Blokovskiy sb. XIX. Aleksandr Blok i russkaya literatura Serebryanogo veka* [Blokovsky Collection of Works. XIX. Alexander Blok and Russian Literature of the Silver Age]. Tartu, 2015, pp. 152–161. (Series: Acta Slavica Estonica, VII). (In Russ.)

15. Fedotov, O.I. “Sonety Anny Akhmatovoi kak tsikl” [“Sonnets of Anna Akhmatova as a Cycle”]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 9. Filologiia.* [*Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology*], no 4, 1998, pp. 32–47. (In Russ.)

16. Khardzhiev, N.I. “O perevodakh v literaturnom nasledii Anny Akhmatovoi” [“On Translations in the Literary Heritage of Anna Akhmatova”]. *Tainy remesla: Akhmatovskie chteniia* [*Secrets of the Craft: Akhmatova Readings*], iss. 2, ed. N.V. Koroleva, S.A. Kovalenko. Moscow, Nasledie Publ., 1992, pp. 229–232. (In Russ.)

17. Chernykh, V.A. *Letopis’ zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoy. 1889–1966* [*Chronicle of the Life and Work of Anna Akhmatova. 1889–1966*]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016, 944 p. (In Russ.)

18. Chukovskaya, L.K. *Zapiski ob Anne Akhmatovoy* [*Notes on Anna Akhmatova*]: In 3 vols, vol. 2, published by E.Ts. Chukovskaya and Zh.O. Khavkina with the participation of E.B. Efimov. Moscow, Soglasiye Publ., 1997, 832 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 10.05.2025
Одобрена после рецензирования: 10.10.2025
Дата публикации: 25.03.2026

The article was submitted: 10.05.2025
Approved after reviewing: 10.10.2025
Date of publication: 25.03.2026

Литературный факт. 2026. № 1 (39)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 1 (39), 2026

Научная статья
УДК 821.161.1
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-192-201
https://elibrary.ru/WWTEVY

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (39), 2026

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Рассказ И.А. Бунина «Мелкопоместные»: к истории текста

© 2025, С.Н. Морозов
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00347-П «Раннее творчество И.А. Бунина: поэзия, проза, критика, публицистика, переводы (1883–1902 гг.)» https://rscf.ru/project/22-18-00347/.

Аннотация: В статье впервые исследуется история текста рассказа И.А. Бунина «Мелкопоместные»: уточняется время написания его, излагается история публикации рассказа. В работе также рассматривается автограф «Из воспоминаний мелкопоместного» (без подписи), приписываемый долгое время И.А. Бунину; в результате исследования почерка установлено, что этот текст написан Е.А. Буниным — старшим братом писателя. Анонимный автограф отложился в фонде Ю.А. Бунина и рассматривается в статье по причине схожести тематики. Утверждается, что рассказ и анонимный автограф совершенно разные тексты, объединенные только общей темой. Обнаружено только одно совпадение: скандал в гостях с гитарой, описанный в автографе и вошедший в рассказ в переработанном виде. Однако данное совпадение, возможно, объясняется тем, что свидетелями этого случая могли быть оба брата — Иван и Евгений. Выявлен и обоснован прототип одного из героев рассказа — Якова Савельича, им был домашний учитель И. Бунина, готовивший его к поступлению в гимназию, Н.О. Ромашков. Установлено заимствование в «Мелкопоместных» одного фрагмента из более раннего рассказа И. Бунина «День за день». Некоторые фразы из «Мелкопоместных» были использованы писателем в более поздних рассказах. И. Бунин планировал подготовить цикл очерков о мелкопоместных и выпустить его отдельным изданием, однако эти планы не были реализованы. При этом И. Бунин продолжил писать рассказы о мелкопоместных и в последующие годы.

Ключевые слова: И.А. Бунин, проза, «Мелкопоместные», раннее творчество, текстология, источниковедение.

Информация об авторе: Сергей Николаевич Морозов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой

литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4986-3291
E-mail: morozov.sn@yandex.ru
Для цитирования: *Морозов С.Н.* Рассказ И.А. Бунина «Мелкопоместные: к истории текста // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 192–201. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-192-201

Рассказ И.А. Бунина «Мелкопоместные» нам известен по единственной его публикации в 1891 г. в газете «Орловский вестник» [2]. Автограф его не сохранился. Однако попытаемся восстановить историю написания и публикации этого произведения.

1891 год можно назвать Бунинским годом в газете «Орловский вестник». Начав сотрудничать с редакцией этой газеты летом 1889 г., с начала 1891 г. юный писатель наиболее активно начал публиковать в газете свои стихотворения и прозу, переводы, корреспонденции, передовые статьи и другие материалы; одно время он фактически являлся выпускающим редактором газеты во время болезни ее редактора Б.П. Шелехова.

Прежде чем рассматривать историю публикации очерков «Мелкопоместные», следует понять, на основании какого материала Бунин их написал. Были ли это личные наблюдения, услышанные рассказы родных и знакомых или есть другие возможные источники?

В Орловском государственном литературном музее И.С. Тургенева в фонде Ю.А. Бунина хранится автограф (без подписи) под названием «Из воспоминаний мелкопоместного [в Елец<ком> у<езде>]»[1]. Долгое время этот автограф приписывался И.А. Бунину, но было не совсем понятно, почему тогда этот документ находился в собрании его старшего брата Юлия Алексеевича, а не в его личном фонде. В результате исследования данного автографа, мы пришли к выводу, что он написан не И.А. Буниным. Тогда возник вопрос: кто написал эти «воспоминания мелкопоместного»?

Следует пояснить: кого называли в России мелкопоместными. Мелкопоместные — в XIX в. самая многочисленная часть русского дворянства, являясь наиболее бедной, владела небольшими участками земли (от 100 десятин и меньше) и малым количеством крепостных крестьян (от 20 и меньше). Некоторые из мелкопоместных дворянских семей не имели не только крепостных крестьян, но и земли. В связи с этим жизнь мелкопоместных дворян, многим из которых приходилось самим обрабатывать землю, мало отли-

[1] ОГЛМТ. Ф. 17. № 3448 оф.

чалась от положения крестьян. Кстати, во время написания этих очерков семью Буниных тоже можно было назвать мелкопоместной.

Судя по почерку, с большой долей вероятности, можно утверждать, что этот автограф написан старшим братом И.А. Бунина — Евгением Алексеевичем Буниным (1858–1933). Следует отметить, что Иван Алексеевич не раз пользовался наблюдениями и воспоминаниями своего брата Евгения. Например, позднее, собирая материал для повести «Деревня» Бунин подолгу разговаривал с Евгением, расспрашивая его о деревенской жизни.

Вполне возможно, что по просьбе младшего брата Евгений Бунин написал эти воспоминания, в данном случае, о жизни мелкопоместных дворян, которую он тоже хорошо знал. Но сразу стоит отметить, что в результате сверки текстов очерков И. Бунина «Мелкопоместные» с автографом «Из воспоминаний мелкопоместного» стало ясно, что этот автограф «воспоминаний» не лег в основу очерков И. Бунина. Вполне возможно, в «воспоминаниях мелкопоместного» были представлены реальные события и описаны реальные лица из ближнего окружения семьи Буниных. Нельзя не предположить, что в своих очерках о мелкопоместных Бунин в основном изложил в художественной форме свои личные наблюдения об их жизни, которую тоже хорошо знал, да, собственно, и сам жил этой жизнью, часто приезжая в деревню.

Возможно, Бунин начал писать эти очерки в середине октября 1891 г., по крайней мере, в это время был написан первый очерк, опубликованный в «Орловском вестнике» 27 октября 1891 г. Подписывал Бунин эти очерки в печати криптонимом: И.А.Б. Однако проблема в атрибуции в данном случае не возникает, т. к. работа над этими очерками не раз упоминалась в личной переписке Бунина.

Судя по периодичности публикации этих очерков, Бунин писал их постепенно. После появления первого очерка наступил перерыв, к тому же в это время начинающий писатель проходил призыв в армию. В письме к нему от 5 ноября 1891 г. владелица «Орловского вестника» Н.А. Семенова напоминала: «Пишите же о себе побольше. “Мелкопоместных” тоже пишите — надо бы кончить как-нибудь, если в самом деле в солдаты уйдете»[2]. Во время призывной кампании Бунин был зачислен в ополченцы второго разряда, что означало призыв на военную службу только в случае войны.

По всей видимости, у Бунина к этому времени уже был готов к публикации второй очерк, о причине затянувшегося перерыва

[2] ИМЛИ ОР. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 55. Л. 1–2; цит. по: [5, с. 120].

в их публикации Иван Алексеевич сообщил в письме к брату Юлию от 25 ноября 1891 г., что он поссорился с редактором газеты Б.П. Шелеховым: «Начал я “Мелкопоместн<ых>”, но тут мы поссорились и он, идиот, в пику мне решил, что напечат<ает> 2 главу только по окончании “Сердца женщины”. Просто не знаю, что делать, а дописать надо…» [3, с. 134]. В «Орловском вестнике» регулярно публиковались с продолжением переводные романы. В это время в газете печатался перевод нового романа французского писателя Поля Бурже «Сердце женщины» (1890). Вскоре, 29 ноября 1891 г., в газете появился и второй очерк Бунина о мелкопоместных. В течение декабря 1891 г. были опубликованы и заключительные четыре очерка «Мелкопоместные».

После газетной публикации этих очерков Бунин планировал продолжить работу над ними. В письме к В.В. Пащенко от 5 января 1892 г. он писал и об откликах на его цикл и о своих планах:

> К моему удивлению, Юлий сказал, что общий отзыв его полтавских приятелей о моих «мелкопоместных» — очень хороший: хоть и очень отрывочно, но в то же время — местами (и даже очень часто) заметны большая наблюдательность, ум, остроумие и изобразительность… Ей-богу! Ты, конечно, зверочек мой драгоценный, не заподозришь меня в хвастовстве перед тобою: ей-богу, дорогая моя, говорю тебе это потому, что придаю значение этому отзыву, рад ему и, — честное слово, — как другу, говорю тебе про него. Говорю же правду — не преувеличиваю — хоть спроси у Юлия… Думаю поэтому — переработать их (т. е. «мелкопоместн<ых>»), расширить и издать отдельной книжечкой… конечно, отбросив кое-что чересчур местное и личное… [3, с. 137]

Однако это намерение не было реализовано Буниным. По каким причинам писатель больше не возвращался к этим очеркам неизвестно. Никаких документальных свидетельств и упоминаний о «Мелкопоместных» больше не сохранилось.

Обратимся теперь непосредственно к тексту очерков. В результате сравнения текста автографа «Из воспоминаний мелкопоместного», который написан Е.А. Буниным, с очерками И. Бунина «Мелкопоместные» можно констатировать, что это совершенно разные тексты. Однако совпадает один эпизод о скандале на празднике в доме, когда Яков Савельевич ударил гитарой по голове Ивана Ивановича, в результате чего гитара была надета ему на шею до плеч. Этот эпизод с гитарой И. Бунин мог услышать, а мог быть и сам свидетелем этого случая,

поэтому невозможно утверждать, взял ли он это происшествие из «воспоминаний мелкопоместного» или написал о нем как свидетель его.

Приведем сначала этот фрагмент «Из воспоминаний мелкопоместного»:

> Впрочем, Князю не раз доставалось за его проделки, помню, тоже он как-то раз уж чересчур расшутился на одном обеде и все бросал хлебными шариками, от шариков перешел к салфеткам, наконец, стал бросать целыми ломтиками хлеба, огурцами, а потом костью, как уважил в глаз нашему поэту, тот, как говорится, зги Божьей не взвидел и несмотря на страшную боль схватил гитару да так цапнул по голове Князя, что пролетели обои деки и надел гитару на голову до шеи, так что, с большим трудом смогли снять[3].

В этих воспоминаниях прозвище Князь имел один из мелкопоместных, а под словами «нашему поэту», исходя из дальнейшего повествования, подразумевался Н.О. Ромашков, о котором будем сказано ниже.

В очерках Бунина «Мелкопоместные» этот эпизод описан так:

> Яков Савельевич сейчас же отодвинул Улю, взял гитару и начал «дирижировать», т. е. размахивать в такт рукою.
>
> Но вдруг он обернулся: Иван Иванович, стоявший сзади, скорчил гримасу и сделал над его головой рожки… Все так и грянули дружным смехом.
>
> Но в тот же момент Яков Савельевич схватил гитару за гриф и взмахнул ею в воздухе… Она мелькнула и с треском рухнула на голову Ивана Ивановича…
>
> …Через минуту Яков Савельевич был взят «на вынос» и весь дом очутился около Ивана Ивановича, примачивая ему голову уксусом и холодными компрессами [2, № 340, с. 2].

Так заканчиваются «Мелкопоместные». Все эти очерки, скорее всего, написаны Буниным на основе личных впечатлений от общения с мелкопоместными, которых было довольно много среди знакомых семьи Буниных. Косвенно это предположение подтверждают слова из цитированного выше письма Бунина к В.В. Пащенко: «отзыв <…> очень хороший: хоть и очень отрывочно, но в то же время — местами (и даже очень часто) заметны большая наблюдательность, ум, остроумие и изобразительность…» [3, с. 134].

[3] ОГЛМТ. Ф. 17. № 3448 оф. Л. 14.

Безусловно, все герои этого произведения имели своих прототипов из елецкого окружения Бунина, потому что эти очерки написаны буквально с натуры. Недаром в том же письме к В.В. Пащенко, говоря о своих планах переработать их для отдельного издания, Бунин хотел «отбросить кое-что чересчур местное и личное».

Можно достаточно уверенно определить прототип, по крайне мере, одного героя этих очерков. Прототипом Якова Савельича был домашний учитель И. Бунина, готовивший его к поступлению в гимназию в 1878–1881 гг., Николай Осипович Ромашков (? –1901). Совпадают некоторые особенности натуры и важные моменты жизни Н.О. Ромашкова и Якова Савельевича: тяжелый вспыльчивый характер, окончание Лазаревского института восточных языков и университета, игра на скрипке, сочинение стихотворений на случай и злобу дня, умение рисовать, а также склонность к выпивке. А в одном месте своих очерков Бунин прямо написал: «Яков Савельевич поселился у нас в качестве моего учителя» [2, № 326, с. 2], тем самым прямо указывая на прототип своего героя. Надо сказать, что в «Мелкопоместных» Бунин посвятил описанию Якова Савельевича довольно много места, и в этих фрагментах он фактически переходил на свои детские воспоминания.

Здесь стоит упомянуть об одном более раннем рассказе Бунина «День за день» [1], фрагмент из которого был использован (в переработанном и сокращенном виде) писателем в его очерках «Мелкопоместные». В рассказе «День за день» читаем:

> Тихон Иванович был человек служащий, полнее сказать, служащий у старшего нотариуса елецкого окружного суда. Дело свое он знал хорошо, так что иногда брал на себя даже роль поверенного по чьим-нибудь делам, принимал на себя хлопоты по закладу в банки и т. п. От всего этого у него набиралось в месяц почти 70 р., а это было очень недурно, если принять во внимание прежнее положение Тихона Ивановича в юношестве, когда он был библиотекарем в маленькой библиотеке захолустного уездного города и звался Тишкой. Теперь же он нанял себе квартиру в три комнаты с кухней, с отоплением и с мебелью, даже с украшениями в виде олеографий; женился на дочери мелкого помещика, причем взял немного приданого, завел себе «рабочий» кабинет, в котором стоял письменный стол, а на столе — две фигуры белых гипсовых китайцев, прекрасная чернильница и лежала стопка бумаги, на которой было напечатано: «Тихон Иванович Кондауров в Ельце»; купил себе ружье, длинные сапоги, которые постоянно лежали

в пыли под кроватью, достал даже громадного, кудрявого водолаза и звал его «Бисмарк».

В «Мелкопоместных» читаем:

Иван Иванович был очень счастливый субъект. Он служил в Ельце у нотариуса, дело свое знал хорошо, так что, кроме 35 рублей жалованья, имел еще хороший посторонний заработок: брал на себя роли поверенного по судейским делам, принимал хлопоты по закладу в банке имений и так далее, чтоб не сказать более… От всего этого у него набиралось до 100 рублей в месяц, а это было очень недурно, если принять во внимание прежнее положение Ивана Ивановича: в ранней юности он был ни более, ни менее, как мальчик на услугах при какой-то библиотеке в Орле и звался Ванькой. Теперь же он — секретарь нотариуса, имеет квартиру в три комнаты с отоплением, с мебелью и даже с украшениями в виде олеографий, почти… женат, завел себе рабочий кабинет, в котором стоит письменный дубовый стол, а на столе — две фигуры гипсовых китайцев, прекрасная чернильница, 2 сотни визитных карточек и портфель с бумагами; купил себе ружье, длинные сапоги, достал даже громадного, кудрявого водолаза и зовет его «Бисмарком» [2, № 317, с. 2].

В связи с очерками Бунина «Мелкопоместные» возникают следующие вопросы: когда Е.А. Бунин мог написать свои воспоминания о мелкопоместных: до очерков своего младшего брата или после? Написал ли он их по просьбе И.А. Бунина или по собственному желанию? Можно только с уверенностью сказать одно, что И.А. Бунин читал «воспоминания мелкопоместного» Е.А. Бунина, и, возможно, использовал некоторые удачные слова в своих произведениях. Например, слово «перламутровые» по отношению к старым окнам. В «воспоминаниях мелкопоместного» читаем: «Некоторые окна нежилых комнат <…> подслеповаты от древности, стекла в них сделались уже как перламутровые»[4], в рассказе «Антоновские яблоки» (1900) описывается старый дом с «окнами с перламутровыми от дождя и солнца стеклами» [4, т. 2, с. 177].

Некоторые фразы и ситуации из своих очерков Бунин использовал в своих более поздних рассказах. Например, в «Мелкопоместных» один из героев вспоминает: «— А вот, в бытность мою на Кавказе, — начал вдруг Нил Лукьянович, — я в декабре еще цветочки рвал» [2,

[4] ОГЛМТ. Ф. 17. № 3448 оф.

№ 331, с. 3], а в рассказе «Байбаки» (1896) Ковалев говорит Якову Петровичу: «А ведь, помните, мы под Новый год когда-то цветочки рвали в одних мундирчиках! Под Балаклавой-то…». Возможно, здесь Бунин воспроизводил слова своего отца А.Н. Бунина, вспоминавшего о своей службе в Севастополе.

Как уже было сказано, Бунин больше не возвращался к очеркам «Мелкопоместные», которые были напечатаны только один раз в «Орловском вестнике». Однако следует подчеркнуть, что, оставив идею как-то расширить и отредактировать свои очерки для отдельного издания, Бунин продолжил писать рассказы о жизни мелкопоместных: «На хуторе» (1892), образ Кондрата Семеныча в рассказе «Учитель» (1894), «Байбаки» (1896), «Антоновские яблоки» (1900). Надо сказать, что образы мелкопоместных в прозе И.А. Бунина требуют, конечно, отдельного исследования.

Литература

1. *Бунин И.А.* День за день: Старая история // Орловский вестник. 1889. 22 нояб. № 156. С. 2.

2. *Бунин И.А.* Мелкопоместные: Очерки из жизни елецких помещиков // Орловский вестник. 1891. 27 окт. № 285. С. 2; 29 нояб. № 317. С. 2; 8 дек. № 326. С. 2–3; 13 дек. № 331. С. 2–3; 17 дек. № 335. С. 2–3; 22 дек. № 340. С. 2. Подпись: И.А.Б.

3. *Бунин И.А.* Письма 1885–1904 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 768 с.

4. *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 8 т. / сост, подгот. текста и коммент. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1992–2000.

5. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1: 1870–1909. 944 с.

Research Article

I.A. Bunin’s Short Story “Small Land Gentry”: Towards the History of the Text

© 2026. Sergey N. Morozov
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Acknowledgements: The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support

of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00347-П “Ivan Bunin’s Early Work: Poetry, Prose, Criticism, Journalism, Translations (1883–1902).” https://rscf.ru/project/22-18-00347/.

Abstract: For the first time, the article explores the history of Ivan Bunin’s short story “Small Land Gentry,” specifying the time of its writing, and describing the history of its publication. The work also examines the autograph “From the Memoirs of a Minor Resident” (without a signature). For a long time, it was attributed to Ivan Bunin but the handwriting research showed that this text was written by Evgeny Bunin, the writer’s older brother. The anonymous autograph was deposited in the Yuly Bunin Foundation and was considered in the article due to the similarity of the subject matter. The article argues that the story and the anonymous autograph are completely distinct texts, united only by a shared theme. Only one coincidence was found: a scandal at a party with a guitar, described in the autograph and included in the story in a revised form. However, this coincidence may be explained by the fact that both brothers, Ivan and Evgeny, could have witnessed this incident. The article identifies and substantiates the prototype of one of the caracters of the story, Yakov Savelyich. It was N.O. Romashkov, Ivan Bunin’s home teacher, who prepared him for gymnasium. The research establishes that one fragment of the “Small Land Gentry” was borrowed from Bunin’s earlier story “Day by Day.” Some phrases from “Small Land Gentry” were used by the writer in later stories. Ivan Bunin planned to prepare a series of essays on small landowners and release it in a separate edition, but these plans were not implemented. However, Bunin continued to write stories about small landowners over the years.

Keywords: I.A. Bunin, prose, “Small Land Gentry,” early creativity, textual criticism, source studies.

Information about the authors: Sergey N. Morozov, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4986-3291

E-mail: morozov.sn@yandex.ru

For citation: Morozov, S.N. “I.A. Bunin’s Short Story ‘Small Land Gentry’: Towards the History of the Text.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (39), 2026, pp. 192–201. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-192-201

References

1. Bunin, I.A. “Den’ za den’: Staraia istoriia” [“Day by Day: An Old Story”]. *Orlovskii vestnik*, no. 156, November 22, 1889, p. 2. (In Russ.)

2. Bunin, I.A. “Melkopomestnye: Ocherki iz zhizni eletskikh pomeshchikov” [“Small Land Gentry: Essays from the Life of Yelets Landowners”]. *Orlovskii vestnik*, no. 285, October 27, 1891, p. 2; no. 317, November 29, p. 2; no. 326, December 8, pp. 2–3; no. 331, December 13, pp. 2–3; no. 335, December 17, pp. 2–3; no. 340, December 22, p. 2. Signature: I.A.B. (In Russ.)

3. Bunin, I.A. *Pis’ma 1885–1904 godov* [*Letters from 1885–1904*], gen. ed. by O.N. Mikhailov, text prep. and comm. by S.N. Morozov, L.G. Golubeva, and I.A. Kostomarova. Moscow, IWL RAS Publ., 2003. 768 p. (In Russ.)

4. Bunin, I.A. *Sobranie sochinenie: v 8 t.* [*Collected Works: in 8 vols.*], comp, text prep. and comm. by A.K. Baboreko. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1992–2000. (In Russ.)

5. *Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina* [*Chronicle of I.A. Bunin's Life and Work*], vol. 1: 1870–1909 [1870–1909], comp. S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2011. 944 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 15.06.2025
Одобрена после рецензирования: 24.11.2025
Дата публикации: 25.03.2026

The article was submitted: 15.06.2025
Approved after reviewing: 24.11.2025
Date of publication: 25.03.2026

Литературный факт. 2026. № 1 (39)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 1 (39), 2026

Научная статья
УДК
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-202-215
https://elibrary.ru/WSHUJP

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (39), 2026

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Стара ли «Старая тетрадь»? Поэтическая ретроспектива И.А. Бунина в эмигрантской прессе

© 2026, Т.М. Двинятина
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00347-П «Раннее творчество И.А. Бунина: поэзия, проза, критика, публицистика, переводы (1883–1902 гг.)» https://rscf.ru/project/22-18-00347/

Аннотация: Статья посвящена поздним публикациям ранних стихотворений И.А. Бунина в парижских газетах «Возрождение» (1925–1927) и «Последние новости» (1929, 1935). Начиная с 1925 г. в них было напечатано одиннадцать поэтических подборок Бунина, порой сочетавших в себе известные и неизвестные тексты его прежних лет, порой полностью состоявших из стихотворений первых лет его литературных занятий, прежде не опубликованных и в автографах не сохранившихся. Все эти публикации могут рассматриваться в контексте подведения Буниным своих творческих итогов, которое он предпринял сначала в сборнике «Избранные стихи» (Париж: Современные записки, 1929), затем в собрании сочинений в 11 томах (Берлин: Петрополис, 1934–1936). Наиболее значительными в этом отношении являются пять выпусков цикла «Старая тетрадь» (1926–1927) и цикл «Первые стихи» (1935). Особое внимание уделено анализу внутренних связей, скрепляющих тексты этих циклов в цельное поэтическое высказывание, и вопросам представления в научном собрании сочинений Бунина стихотворений конца 1880-х – начала 1900-х гг., не имеющих в его более раннем наследии достоверных источников.

Ключевые слова: И.А. Бунин, русская литература XIX–XX вв., поэзия, поэтика, текстология, датировки, научное собрание сочинений.

Информация об авторе: Татьяна Михайловна Двинятина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9772-6910

E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com

Для цитирования: *Двинятина Т.М.* Стара ли «Старая тетрадь»? Поэтическая ретроспектива И.А. Бунина в эмигрантской прессе // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 202–215. https://doi. org/10.22455/2541-8297-2026-39-202-215.

Осенью 1925 г. Бунин, к тому времени уже почти полностью отошедший от поэтического творчества, впервые задумывается об издании своих избранных стихотворений. Сначала приехавшие погостить в Грасс Н.К. и Н.И. Кульман восхищаются недавно написанным рассказом «Цикады» и говорят: «Это поэма» (разговор происходит 27 октября). Тут же В.Н. Бунина, признавая поэтические достоинства бунинской прозы, заступается за стихи, в которых «глубины мысли <...> еще больше», а «форма тоже совершенна». «Как хотелось бы мне издать избран⟨ную⟩ книгу стихов Яна»[1], — заключает она. Затем 7 ноября 1925 г. Бунин читает жене свои давние стихи («Цикады», 1909, «Полдень», 1909, «Гальциона», 1908) и говорит: «Да, я совсем забыл, как писал. Да, отличные стихи. А какая форма, какие рифмы»[2].

Между тем 31 октября 1925 г. в газете «Возрождение» выходит подборка его стихов «Из новой книги»[3]. В нее включены бунинские стихотворения разных лет, прежде уже публиковавшиеся в периодике: «Лик прекрасный и бескровный...» (1915), «Я снял узду, седло — и вольно…» (1916, позже печаталось под заглавием «Кобылица»), «Уличив меня в измене...» (1903, позже под заглавием «Жена Азиса»), «Газелла» (<1920>)[4]. В изданные весной 1929 г. «Избранные стихи» [1] Бунин эти стихотворения не включил. Тем не менее, напечатанные вместе, они оказываются его первой попыткой пересобрать свое поэтическое творчество заново.

В течение 1926–1927 гг. в том же «Возрождении» выходит еще восемь поэтических подборок Бунина, причем пять из них называются одинаково — «Старая тетрадь», три другие — «Русь»[5],

[1] *Бунина В.Н.* Дневник 1925 г. РАЛ (Русский архив в Лидсе). MS 1067/383. Запись от 27 октября 1925 г.

[2] Там же. Запись от 7 ноября 1925 г.

[3] *Бунин И.А.* Из новой книги: [Стихотворения] // Возрождение. Париж, 1925. 31 октября. № 151. С. 2.

[4] Тексты и датировки (как правило, сокращенные до года) стихотворений Бунина приводятся по изданию [4].

[5] *Бунин И.А.* Русь: [Стихотворения] // Возрождение. Париж, 1926. 14 октября. № 499. С. 2.

«Зимние ночи»[6] и «Сонеты»[7]. Несмотря на то что все они состояли из стихотворений прошлых лет, рассматривать все эти публикации как цельный ретроспективный взгляд Бунина на свое творчество не стоит. Во-первых, только в «Старой тетради» были напечатаны доселе не известные читателям тексты — все стихотворения из других названных подборок уже неоднократно печатались самим Буниным и их состав можно счесть более или менее случайным. Во-вторых, только «Старая тетрадь» была новым названием для поэтических публикаций Бунина: под заглавием «Русь» (или «Из цикла “Русь”») начиная с 1908 г. вышло уже шестнадцать публикаций, под заглавием «Зимние ночи» уже печатались стихотворения в первом поэтическом сборнике Бунина 1891 г. [5], под заглавием «Сонеты» (или под заглавием, включающем в себя это обозначение) Бунин уже дважды печатал подборки своих стихотворений в сборниках товарищества «Знания» в 1908 г.[8] В-третьих, далеко не все стихотворения из (по крайней мере, двух) подборок перешли затем в «Избранные стихи» и собрание сочинений 1934–1936 гг. [3]. Так, из трех стихотворений цикла «Русь» («Слепой», 1907, «Кружево», <1908>, «Петров день», 1906) одно («Кружево») уже больше не печаталось Буниным вовсе. Из двух стихотворений цикла «Зимние ночи» («Иней», <1907> и «Поздние ночи», известное по последним изданиям без заглавия как «Черные ели и сосны сквозят в палисаднике темном…», 1905) одно («Иней») также нигде уже Буниным не публиковалось. И только все шесть стихотворений, опубликованных под общим заглавием «Сонеты» — «Архипелаг» (позднее «В архипелаге», 1908), «Горный лес» (1908), «Рассвет» (1909), «Полночь» (1909), «Бог» (1908), «Забвение» (позднее заглавие снято; «Растет, растет могильная трава...», 1906), — полностью вошли в «Избранные стихи» и издание «Петрополиса», в том числе, видимо, как пример формы, владение которой Бунин весьма ценил.

Таким образом, если говорить об этом этапе обращения Бунина к своим поэтическим истокам, то из девяти поэтических публикаций 1925–1927 гг. наибольшего внимания достойны стихотворения, составившие «Старую тетрадь». Именно в них выстраивается образ поэта, который, достигнув зрелости, оглядывается на свои юношеские опыты.

---

[6] *Бунин И.А.* Зимние ночи: [Стихотворения] // Возрождение. Париж, 1926. 18 ноября. № 534. С. 2.

[7] *Бунин И.А.* Сонеты // Возрождение. 1927. 25 августа. № 814. С. 2.

[8] Библиографическую роспись поэтических циклов и подборок Бунина см.: [4, т. 1, с. 431–438].

Приведем содержание «Старой тетради», дополнив его (в большинстве случаев сокращенными до года) датами, которые были обоснованы в [4] (в «Возрождении» тексты были напечатаны без дат).

«Старая тетрадь» <1>: «Звезда, воспламеняющая твердь...» (1922), «Что в том, что где-то, на далеком...» (1915), «Поздно, склонилась луна...» (1898), «В окошко из темной каюты...» (1896) — газ. «Возрождение». 1926. 23 мая. № 355. С. 2.

«Старая тетрадь» <2>: «На глазки синие, прелестные…» (1915, 1936), «Земной, чужой душе закат…» (1916), «Луна над шумною Курою…» (1904), «Гор сиреневых кручи встают…» (1916), «Ночь и алые зарницы…» (<1916>) — газ. «Возрождение». 1926. 27 мая. № 359. С. 2.

«Старая тетрадь» <3>: «Враждебных полон тайн на взгорье спящий лес...» (1900), «Высокий белый зал, где черная рояль...» (<1918>) — газ. «Возрождение». 1926. 6 июня. № 369. С. 2.

«Старая тетрадь» <4>: «Портрет» («Бродя по залам, чистым и пустым…», 1917, 1924), «Будни» (во всех иных случаях печаталось без заглавия, «Бегут, бегут листы раскрытой книги…», 1905), «Пугач» (<1906>), «Ночной путь» (13.07.1918), «Отрывок» («Старик с серьгой, морщинистый и бритый…», <1927>), «Бред» (13.07.1918) — газ. «Возрождение». 1927. № 781. 23 июля. С. 2.

«Старая тетрадь» <5>*:* «Разлука» («Бледна приморская страна…», 1916), «Лен» (в собрании сочинений 1934–1936 гг. напечатано без заглавия, «Присела на могильнике Савуре…», 1907) — газ. «Возрождение». 1927. 28 июля. № 786. С. 3.

Судьба этих стихотворений была различна, и в газетных публикациях 1926–1927 гг. они представлялись поэтическим образованием, довольно случайно составленным из разных источников.

Девять из девятнадцати стихотворений уже были когда-то опубликованы, некоторые даже входили в Полное собрание сочинений Бунина, выпущенное в 1915 г. приложением к журналу «Нива» [2], и продолжили свой путь в собрании сочинений 1934–1936 гг.: «Будни» (Бегут, бегут листы раскрытой книги…»), «Лен» («Присела на могильнике Савуре…»).

Но десять стихотворений в составе «Старой тетради» были опубликованы впервые. Позже они вошли в собрание сочинений Бунина 1934–1936 гг. («Поздно, склонилась луна…», «В окошко из темной каюты…», «Враждебных полон тайн на взгорье спящий лес…»[9]) или были переписаны им в 1943 г. на листы, в совокупности названные «Парижской тетрадью»[10] («Звезда, воспламеняющая твердь…»,

[9] Последнее из названных стихотворений вошло также в «Избранные стихи» (1929).

[10] РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 20–25. Бунин И.А. Парижская тетрадь 1943 г.

«Луна над шумною Курою…», «Портрет», «Ночной путь» [11], «Бред», «Разлука», «Земной, чужой душе закат…») с конкретными датировками. При этом только у двух стихотворений, «Что в том, что где-то на далеком...» и «Земной, чужой душе закат...», в рабочей тетради Бунина 1915–1917 гг., оставшейся в России[12], сохранились черновые автографы (они служат для определения нижней границы датировки), да для стихотворения «Портрет» сохранилась авторская помета на газетной вырезке: «1924». Для всех иных стихотворений, которые в этом цикле были напечатаны впервые, первоисточник текста в настоящее время не известен (и Бунин мог его просто уничтожить, как он часто делал со своими черновиками), поэтому в их датировке приходится полагаться на указания Бунина в собрании сочинений 1934–1936 гг. и в «Парижской тетради». Но учитывая то многообразие загадок, которое Бунин оставил в связи с датировками своих поэтических текстов [6; 7], время создания этих стихотворений лучше подкреплять всеми возможными косвенными данными.

К таким косвенным данным могли бы относиться устойчивые связи между текстами из «Старой тетради» в других рукописных или печатных источниках. Однако если попытаться проследить, были ли в «Старой тетради» определенные «блоки» текстов, перенесенные Буниным в нее из общего источника или взятые им из нее позднее в одно издание или в одну подборку (тогда речь шла бы о «Парижской тетради»), то с учетом всех вариантов рукописной и печатной истории текстов таких «блоков» можно выделить только два. Это, во-первых, три идущих друг за другом стихотворения из первого выпуска «Старой тетради»: «Что в том, что где-то на далеком...», «Поздно, склонилась луна...», «В окошко из темной каюты...» — позже они перешли в первый том собрания сочинений 1934–1936 гг. И во-вторых, два идущих подряд стихотворения из второго выпуска: «Гор сиреневых кручи встают...» и «Ночи и алые зарницы...» — оба относятся к 1916 г. и после «Старой тетради» Бунин к ним уже не возвращался. Согласимся, что для предположений о «блоковой» основе формирования «Старой тетради» этих данных мало, и обратимся к образно-мотивной структуре цикла: не в ней ли кроется если не ключ к первоисточнику текстов, то принцип их объединения в цикл?

[11] Единственное в этой группе стихотворение, имеющее сразу две предыдущих публикации: газ. «Южное слово». 1920. 12 января. № 9, под заглавием «Ночное плаванье»; ж. «Сполохи». Берлин, 1922. № 5. С. 1 (в составе цикла «Восьмистишия»).

[12] РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 3. Бунин И.А. Стихотворения. Автограф в тетради. 1915–1917 гг. Здесь черновые автографы стихотворений датированы 10 сентября 1915 г. («Что в том, что где-то на далеком...») и 9 февраля 1916 г. («Земной, чужой душе закат!..»).

Собственно, определение «цикла» по отношению к поэтической практике Бунина должно уточняться в каждом отдельном случае. В отличие от многих своих современников, Бунин весьма редко складывал стихи в циклы и подборки с общим названием, легко тасовал их составы и предпочитал линейные публикации стихотворений — так, как они в конце концов и представлены в его итоговом собрании 1934–1936 гг. Такие неоднократно использованные (и то главным образом в периодике) названия стихотворных публикаций, как «Летние песни» («Из “Летних песен”»), «Русь» («Из цикла “Русь”»), «Восток» («Из цикла “Восток”»), «Ислам», «Путевая книга» или «Молодость», представляют собой, скорее, исключения и объясняются содержательным единством включенных в них стихотворений, которые, однако, незаметно рассыпаются по страницам авторских изданий, наполненных схожими с ними текстами. «Старая тетрадь» — редкий пример в творчестве Бунина лирического цикла, составленного не по тематической близости, а по более тонко и сложно продуманной системе лейтмотивов и образов, демонстрирующих объем и разнообразие поэтического мира автора.

Пределы и доминанты этого мира заданы в самом взвешенном **первом выпуске «Старой тетради»**[13]. Его начальное стихотворение «Звезда, воспламеняющая твердь...» рисует надмирное пространство, в котором еще нет взгляда на землю[14], но уже есть два центра, полярность которых создает рамку вселенского бытия и выражает противоположные способы быть и умирать: звезда последним предсмертным огнем в*оспламеняет твердь*[15] — луна уходит *в край иной*, медленно угасая. Так Бунин, общепризнанный мастер природных описаний и точных деталей «ближнего мира» открывает «Ста-

[13] Можно предположить, что к составу и композиции первой части Бунин подошел наиболее внимательно. Его работа была завершена, по всей видимости, в апреле или самом начале мая 1926 г. в Париже. Перед своим отъездом (7 или 8 мая) на юг Бунин мог оставить в редакции часть стихов (возможно, для первого и второго выпусков); материал для третьего (как будет показано ниже, «календарного») мог быть прислан уже из Грасса. Два последних выпуска «Старой тетради», напечатанные через год, готовились, вероятно, позже.

[14] В определении пути луны как пути *земного* («А ты, луна, свершаешь путь земной...») смыкаются значения пути «вокруг Земли» и пути *обычного*, не похожего на яркий путь звезды, но отсутствует связь с конкретной, зримой и осязаемой земной жизнью.

[15] В написанном, согласно бунинской датировке, неделей раньше стихотворении, та же способность была приписана другому небесному явлению:

<…> Лишь избранный Творцом,
Исполненный Господней благодати, —
Как радуга, что блещет лишь в закате, —
Зажжется пред концом.
(«Радуга», 15 июля 1922 г. [4, т. 2, с. 186])

рую тетрадь» самым обобщенно-философским пейзажем из всех (по крайней мере, для него) возможных.

С каждым следующим стихотворением авторский взгляд как будто приближается к земле, но по-прежнему избегает подробностей и обращен к миру тайн и ощущений, к миру, скорее, дальнему, чем ближнему и вещественному. Во втором стихотворении «Что в том, что где-то на далеком...» проступает край земли, он же — край моря. Стоящий перед ним лирический герой не вглядывается в оттенки волн, а старается услышать *зов* и понять, чей он и чего этот зов ждет от него самого. Герой погружен в мир *чувств и снов,* творчества и (как следует из черновика) *двойной жизни*, память о которой настигает его на берегу моря, на пороге реальности[16]. Сам по себе, и особенно в сочетании с первым стихотворением выпуска этот текст может быть прочитан как вариация на тему стихотворения Ф.И. Тютчева «Как океан объемлет шар земной...» (1830).

Тютчевские мотивы (может быть, чуть более приглушенно) звучат и в третьем стихотворении выпуска «Поздно, склонилась луна...». В нем море (и весь ночной пейзаж) рисуется уже более детальным, изменчивым и красочным: море *черно, тяжело* — к востоку, *блещет, как стекло* — на юге, луна сначала *усталая*, затем *заходящая*, пески и камни то *озаренные*, то *позлащенные*, волны набегают так, как будто *чудища моря ползут, движется много голов*, и т. д. В этом укрупненном, будто вытащенном из космической неопределенности пейзаже наконец появляются герои — *мы*, пришедшие *поздней ночью* в *безлюдной стране* на берег и застигнутые на нем ощущением древности («Дикою пахнет травой, / Запахом древних времен»). Обоняние — наиболее архаическое чувство, дающее человеку первичное и самое глубокое знание о мире, и ощущение древности регулярно подается у Бунина через запахи (см. стихотворение «В горах», 1916). С древностью теснейшим образом связана поэзия (собственно, по Бунину поэзия и есть, в онтологическом смысле, переживание древности), древностью и заложенной в ней памятью о некогда уже бывшей встрече умножается любовь. Почувствовав запах *древних времен*, герои бунинского стихотворения пьют *древнюю чашу любви*. Древность, любовь, поэзия, ночь, запахи, открытое в небо и море пространство жизни — всё сливается в едином мире и его творческом переживании автором.

В четвертом, заключительном стихотворении «В окошко из темной каюты...» герой остается в ночном открытом море один,

[16] См. черновые варианты этого стихотворения: [4, т. 2, с. 298].

запертый на корабле, похожем на *полуночный гроб* (метафора в духе символистов). Будто ни единого человека больше нет ни на корабле, который *уносится прочь* по *кипящему черному морю*[17], ни на берегу: «Одно только звездное небо, Один небосвод недвижим <…>». Как и во всех предыдущих стихотворениях этой подборки, пейзаж здесь не самоценен, не замкнут в себе и не равен себе (в положительном изводе это важнейшая для лирики Бунина константа). В данном случае пейзаж подан как окно в непознанное и таинственное, грозное и великое бытие, на фоне которого человек, если и находит себя, то только как песчинка в огромнейшем мироздании, полустертый след на морском берегу, капля в море.

Вообще, образный строй первого выпуска «Старой тетради» и мироощущение лирического героя (героев) близки к символистским, и, если бы Бунину была свойственна литературная игра, можно было бы предположить, что он написал эти стихи как своего рода упражнение на заданные символистами темы космического всебытия, творческой невыразимости, любовного слияния, вселенского одиночества и последовательно обыгрывал их в четырех ключах: онтологическом, поэтологическом, любовно-чувственном и экзистенциальном.

Во втором выпуске «Старой тетради» ландшафт дополняется горными и экзотическими картинами. Только первое стихотворение «На глазки синие, прелестные…», названное в первой публикации[18] точным жанровым определением «Колыбельная», выглядит в этом ряду чужеродно. Во втором стихотворении «Земной, чужой душе закат!..» рисуются картины *зимнего Крыма*, стоящая над горой Чатырдах звезда *зовет* (как морские волны в стихах первого выпуска) *к иной стране, к родному краю!* — и через мотив *зова иного / зова к иному* стихотворение связывается с первым выпуском. Но начиная с третьего стихотворения *зов* (даже если счесть за него тоску по родным, то есть знакомым с детства местам) стихает, а общий пейзаж (космический и морской в первом выпуске «Старой тетради») отныне обязательно включает в себя горы: в стихотворении «Луна над шумною Курою…» — *еле видимые хребты* над Тифлисом, в «Гор сиреневых кручи встают…» — горы на Капри[19], в «Ночь и алые

[17] Абстрактное «мы», поданное к тому же косвенно — «наш… гроб», может прочитываться, в том числе, как «я и корабль».

[18] *Бунин И.А.* Колыбельная («На глазки синие, прелестные…») // Народное слово. М., 1918. 4 мая (21 апреля). № 20. С. 5.

[19] До «Старой тетради» стихотворение печаталось в составе циклов «Путевая книга» (Южное слово. Одесса, 1920. 25 (12) января. № 120 (9)) и «Итальянские строки» (Общее дело. Париж, 1921. 3 февраля. № 203).

зарницы…» — *камни, скалы, их отвес* на крутом берегу моря (названное в первой публикации[20] «Дачной прогулкой», стихотворение, по-видимому, «локализуется» в Одессе). Чатырдах, Тифлис, Капри, море у Одессы не только расширяют поэтическую географию «Старой тетради», но и маркируют те места на карте, которые за счет своей дальности или пограничности с русским ареалом легко могли появиться в стихах гораздо менее расположенных к собственно природным описаниям символистов, а сравнение приближающейся грозы с игрой дьявола в последних строках последнего стихотворения («Дьявол катит гул державный / За горой») придает описанию загородной прогулки черты инфернальной мистерии, столь мало характерной для поэтических пейзажей Бунина, но зато гораздо более частой в стихах поэтических соперников Бунина 1900-х гг.

Третий выпуск «Старой тетради» состоит всего из двух стихотворений, и оба, напечатанные в «Возрождении» в день рождения А.С. Пушкина, восходят к его поэзии. Первое, пейзажное «Враждебных полон тайн на взгорье спящий лес…» написано шестистопным ямбом и воспроизводит ритмику основной части пушкинского стихотворения «Ненастный день потух; ненастной ночи мгла…» (1824). При этом любовный сюжет, построенный у Пушкина на тоске сосланного на север героя по оставшейся на юге возлюбленной, практически убран, от него оставлены только упоминание *южных небес* и *валдайского серебра*. Во втором «Высокий белый зал, где черная рояль…» Пушкин является как *лицеист с кудрявой головой*, пишущий *княжне* стихи *в альбомы*. Стоит отметить, что для первого в этом выпуске стихотворения не сохранилось автографа, публикация в «Возрождении» была первой, а в «Избранных стихах» и собрании сочинений 1934–1936 гг. автор датировал его 1900 г.

С предыдущими текстами «Старой тетради» эти стихи не связаны и кажутся выбранными автором для печати сугубо по календарному поводу. Но тема старины, поданная через сценку во втором стихотворении третьего выпуска «Старой тетради», перетекает в тексты следующего, **четвертого выпуска** и тем самым высвечивает в названии всего цикла семантику не просто *старой тетради*, найденной поэтом среди своих рукописей прежних лет, но и *старинной* тетради, найденной им где-то в запасниках некоего старого дома и сохранившей картины ушедших времен. Сначала эта тема подхватывается в первом стихотворении этой части «Портрет» (изображение предка — притом *поэта*! — висит в пустующих *залах* старой усадьбы), затем трансфор-

[20] *Бунин И.А.* Пять стихотворений // Современный мир. Пг., 1916. № 9. С. 139–143.

мируется во втором стихотворении «Бегут, бегут листы раскрытой книги…» (об очевидно оставшихся в прошлом деревенских впечатлениях *помещика*) и потом разделяется: деревенская составляющая переходит в третье стихотворение этого выпуска «Пугач» (с описанием эпизода охоты), а изображение *старика*, мечты *о прошлом* и признание в любви к *патриархальным нравам* (пусть даже *сицилиан*) составляют содержание «Отрывка» (своего рода параллели к «Портрету»). Другие стихотворения четвертой части — «Ночной путь» и «Бред» (оба датированы в «Парижской тетради» 1943 г. одним днем: 13 июля 1918 г.) — с этими образными рядами не связаны, но, по крайней мере, «Ночной путь», описывающий *грозную славу* звездного неба над головой корабела, перекликается с «морскими» текстами в двух первых выпусках «Старой тетради».

В пятом выпуске «Старой тетради» снова всего два текста. Причем если в первом стихотворении «Разлука» заметны переклички с текстами из первой части (прежде всего со стихотворением «Поздно, склонилась луна…» — в обоих варьируется тема ночного свидания на морском берегу), то второе «Лен» («Присела на могильнике Савуре…») можно отнести к наиболее странным, загадочным стихотворениям Бунина, в котором тема вечного спора между смертью и жизнью выражена через диалог старухи-Смерти и Савур-кургана (сюжет, скорее всего, подсказанный Бунину казацким фольклором, с которым он познакомился во время своих юношеских путешествий по Малороссии). Выбор героев для решения этого спора выглядит неожиданным (во всяком случае для Бунина уникальным), но именно ответ Савур-кургана —

И саван — прах. И саван обречен
Истлеть в земле, чтобы снова вырос яркий
Небесно-синий лен —

оказывается замко́м, скрепляющим все тексты «Старой тетради».

Все связи между стихотворениями «Старой тетради», которые мы пытались здесь проследить, оправданы, если считать этот цикл сознательно и продуманно составленным авторским образованием, призванным вернуть из небытия раннее творчество Бунина и напомнить читателю о том, каким поэтом он был в прежние годы. При этом если не в написании самих текстов, то в представлении своего творчества именно ими нельзя исключить литературного соперничества Бунина с символистами, и поздняя (при этом первая) публикация текстов из «старой» тетради может служить дополнительным под-

утверждением не раз высказанного Буниным тезиса о превосходстве его стихов и над его собственной прозой, и над стихами иных его современников.

Вне этой логики «Старая тетрадь», признаем это, оказывается «собраньем пестрых глав», мало связанных между собой. Другое дело, что и вне замысла автора собранные вместе тексты несут в себе картину мира, в которой отдельные части так или иначе, но определенно соотнесены друг с другом и возникающий образ достоин внимания заинтересованного наблюдателя. Однако чем это было с точки зрения самого автора? Какую цель преследовал Бунин, соединяя прежде не известные публике тексты с текстами, опубликованными им в прежние годы? Почему из всех уже опубликованных текстов он выбрал именно эти? Из всех трех вопросов мы можем ответить, пожалуй, только на первый, рассматривая «Старую тетрадь» в контексте предыстории «Избранных стихов», серьезная подготовка которых началась через полгода после последнего выпуска «Старой тетради».

5 декабря 1927 г. Галина Кузнецова записала в дневнике: «И.А. дал мне пачку своих стихов для того, чтобы я отобрала их для книги, которую он давно хочет издать» [8, с. 49]. Перед самым выходом книги, 16 апреля 1929 г. в газете «Последние новости» вышла подборка Бунина «Из книги “Избранные стихи”»[21]. К ней было сделано примечание: «Выходит на днях в издании журнала “Современ<ные> Записки”». Состав подборки из 22-х стихотворений был весьма неоднородным: «Петух на церковном кресте» (1922), «Забвение» («Растет, растет могильная трава...», 1906), «Гробница Рахили» (1907 или август 1908), «Зов» (1911), «В Сицилии» (1912), «Казнь» (1915), «Богом разлученные» (1916), «Парус» (1915), «Кадильница» (1916), «Сон» («По снежной поляне...», 1916), «Псалтирь» (1916), «Богиня» (1916), «Руслан» (1916), «Настанет день — исчезну я...» (1916), «На Невском» (1916), «Помпея» (1916), «Луна» (1917), «Свет незакатный» (1917), «Печаль ресниц, сияющих и черных...» (1922), «Звезда дрожит среди вселенной...» (1917), «И цветы, и шмели, и трава, и колосья....» (1918), «Этой краткой жизни вечным измененьем...» (1917). По всей видимости, эти тексты должны были представить разные грани поэтического мира Бунина, и удивительно, сколь мало собственно пейзажных стихотворений включил в их число автор, очевидно, стремившийся показать себя более современным и близким образованной эмигрантской публике. «Избранные стихи» вышли 1 мая

[21] *Бунин И.А.* Из книги «Избранные стихи» // Последние новости. Париж, 1929. 16 апреля. № 2946. С. 2–3.

1929 г. и оказались важнейшей вехой в подведении Буниным своих творческих итогов.

Следующим этапом стало изданное уже после присуждения Бунину в 1933 г. Нобелевской премии собрание сочинений в 11 томах, выпущенное берлинским издательством «Петрополис» в 1934–1936 гг. Его тома выходили не по порядку номеров, а по мере их подготовки, и номинально первый том, включавший в себя наибольшее число стихотворений, готовился Буниным особенно тщательно и увидел свет только в декабре 1935 г. Ему предшествовал поэтический анонс в газете «Последние новости», где 31 октября 1935 г. был напечатан бунинский цикл «Первые стихи»[22]. В него вошло 11 стихотворений, включенных в первый том берлинского собрания и датированных в газетной публикации следующим образом: «В полночь выхожу один из дома…» (ноябрь 1888), «Пустыня, грусть в степных просторах…» (1888), «Как всё вокруг сурово, снежно…» (1889), «Под орган душа тоскует…» (1889), «На поднебесном утесе, где бури…» (1889), «Седое небо надо мной….» (1889), «В туче, солнце заступающей…» (1891), «Беру твою руку и долго смотрю на нее…» (1893[23]), «При свете звезд померкших глаз сиянье…» (1898), «Я к ней вошел в полночный час…» (1898), «Что в том, что где-то на далеком…» (1895), «“Тут покоится хан, покоривший несметные страны…”...» (1895[24]). Кроме стихотворения «Что в том, что где-то на далеком…», чей черновой автограф датирован 10 сентября 1915 г. (см. выше, прим. 12), ни одно из этих стихотворений не было известно читающей публике прежде и не сохранилось в автографе. Вполне возможно, что, готовя собрание сочинений, Бунин извлек эти стихи из своих старых записей, переработал ранние тексты и оставил им ранние даты, с которыми «Первые стихи» и перешли в его итоговое собрание, на первые его страницы. Но для научного собрания сочинений Бунина эти тексты представляют собой текстологическую задачу, решить которую мы можем, только доверившись авторским указаниям и обозначив пределы этого доверия в научном сопровождении к текстам.

Литература

1. *Бунин И.А.* Избранные стихи, 1900–1925. Париж: Современные записки, 1929. 237 с.

2. *Бунин И.А.* Полн. собр. соч.: в 6 т. Пг.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс, 1915. (Прилож. к ж. «Нива»)

[22] *Бунин И.А.* Первые стихи // Последние новости. Париж, 1935. 31 октября. № 5334. С. 3.

[23] В собрании сочинений 1934–1936 гг. [3] датировано: 1898.

[24] В собрании сочинений 1934–1936 гг. [3] датировано: 1907.

3. *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 11 т. Берлин: Петрополис, 1934–1936.

4. *Бунин И.А.* Стихотворения: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинятиной. СПб.: Пушкинский дом; Вита Нова, 2014. (Новая Библиотека поэта. Большая серия)

5. *Бунин И.А.* Стихотворения 1887–1891 гг. Орел, 1891. 76 с. (Прилож. к газ. «Орловский вестник»)

6. *Двинятина Т.М.* Вопросы датировок стихотворений И.А. Бунина в научном собрании сочинений // Новый филологический вестник. 2024. № 3 (70). С. 170–179. https://doi.org/10.54770/20729316-2024-3-170

7. *Двинятина Т.М.* Общий очерк текстологии поэзии И.А. Бунина // Творческое наследие И.А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: Литфакт, 2019. С. 557–703. («Академический Бунин»; Вып. 1)

8. *Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1995. 410 с.

Research Article

Was *An Old Notebook* Actually Old?: Bunin's Poetical Retrospective in the Émigré Press

© 2026. Tatiana M. Dvinyatina
A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00347-П "Ivan Bunin's Early Work: Poetry, Prose, Criticism, Journalism, Translations (1883–1902)." https://rscf.ru/project/22-18-00347/

Abstract: This article considers Ivan Bunin's late publications of his early poems in the Paris newspapers *Vozrozhdenie* (1925-1927) and *Poslednie novosti* (1929, 1935). Starting in 1925, he published eleven selections of poems in them, sometimes combining familiar and unfamiliar texts from earlier years, and sometimes consisting entirely of poems from the first years of his literary work, previously unpublished, with no surviving manuscripts. All these publications can be considered as part of the creative stocktaking that Bunin undertook, first in the collection *Selected Poems* (Paris, Sovremennye zapiski, 1929), then in his 11-volume collected works (Berlin, Petropolis, 1934–1936). In this respect, the most significant selections are the five-part cycle *An Old Notebook* (1926–1927) and the cycle *First Poems* (1935). The article pays particular attention to analysing the internal links that unite the texts of these cycles into a rounded poetical statement and to the question of how poems from the late 1880s to the early 1900s, without reliable sources in Bunin's previous literary output, should be incorporated into a scholarly critical edition of his works.

Keywords: I.A. Bunin, Russian literature of the 19th and 20th centuries, poetry, poetics, textual studies, dating, academic collection of works.

Information about the authors: Tatiana M. Dvinyatina, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9772-6910

E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com

For citation: Dvinyatina, T.M. "Was *An Old Notebook* Actually Old? Bunin's Poetical Retrospective in the Émigré Press." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (39), 2026, pp. 202–215. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-202-215

References

1. Bunin, I.A. *Izbrannye stikhi, 1900–1925* [*Selected Poems, 1900–1925*]. Paris, Sovremennye zapiski Publ., 1929. 237 p. (In Russ.)

2. Bunin, I.A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 6 t.* [*Complete Works: in 6 vols.*]. Petrograd, Izdatel'stvo tovarishchestva A.F. Marks Publ., 1915. (Suppl. for the "Niva" Journal) (In Russ.)

3. Bunin, I.A. *Sobranie sochinenii: v 11 t.* [*Collected Works: in 11 vols.*]. Berlin, Petropolis Publ., 1934–1936. (In Russ.)

4. Bunin, I.A. *Stikhotvoreniia: v 2 t.* [*Poems: in 2 vols.*], ed. by T.M. Dvinyatina. St. Petersburg, Pushkin House Publ., Vita Nova Publ., 2014. (New Poet's Library. Big Series) (In Russ.)

5. Bunin, I.A. *Stikhotvoreniia 1887–1891 gg.* [*Poems 1887–1891*]. Orel, Orlovskii vestnik Publ., 1891. 76 p. (Suppl. for "Orlovskii vestnik" Newspaper) (In Russ.)

6. Dvinyatina, T.M. "Voprosy datirovok stikhotvorenii I.A. Bunina v nauchnom sobranii sochinenii" ["The Dating of Ivan Bunin's Poems in the Critical Edition of His Works"]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 3 (70), 2024, pp. 170–179. https://doi.org/10.54770/20729316-2024-3-170 (In Russ.)

7. Dvinyatina, T.M. "Obshchii ocherk tekstologii poezii I.A. Bunina" ["General Review of Textology of Ivan Bunin's Poetry"]. *Tvorcheskoe nasledie I.A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste (biografiia, istochnikovedenie, tekstologiia)* [*The Creative Legacy of Ivan Bunin in a Historical and Literary Context (Biography, Source Studies, Textual Studies)*], ed. by O.A. Korostelev, and S.N. Morozov. Moscow, Litfakt Publ., 2019, pp. 557–703. ("Akademicheskii Bunin"; 1) (In Russ.)

8. Kuznetsova, G.N. *Grasskii dnevnik. Rasskazy. Olivkovyi sad* [*Diary from Grass. Stories. The Olive Garden*], ed. by A.K. Baboreko. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1995. 410 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 12.08.2025
Одобрена после рецензирования: 24.11.2025
Дата публикации: 25.03.2026

The article was submitted: 12.08.2025
Approved after reviewing: 24.11.2025
Date of publication: 25.03.2026

Литературный факт. 2026. № 1 (39)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 1 (39), 2026

Научная статья
УДК 821.161.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-216-251
https://elibrary.ru/WTYXVB

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (39), 2026

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Странный, больной цветок в болоте русской жизни…» Творчество А.М. Ремизова в прижизненной англоязычной критике

© 2025, Н.Г. Мельников
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена проблеме рецепции творчества А.М. Ремизова в англоязычной критике 1910–1920-х гг. Материалом исследования стали рецензии, эссе, литературные обзоры, взятые из американской, британской, австралийской и новозеландской прессы, а также фрагменты монографий и учебных пособий; в подавляющем большинстве они впервые вводятся в научный оборот. Обширный критико-литературный материал позволяет проследить процесс формирования литературной репутации А.М. Ремизова в англоязычном литературном мире, а также уяснить особенности интерпретации англоязычными критиками произведений «самого русского из русских писателей». Особое внимание в статье уделяется двуязычным авторам (Д. Святополк-Мирскому, Г. Вильямсу, С. Грэму, Дж. Курносу, А. Брауну, А. Риви), выступившим не только в роли пропагандистов ремизовского творчества, но и в качестве связующих звеньев между русской и западной (англо-американской) культурой.

Ключевые слова: А.М. Ремизов, Д.П. Святополк-Мирский, англо-русские литературные связи, литература русского зарубежья, литературная критика, литературная репутация, литературный портрет, перевод, книжный рынок, периодика, популярность, публика, рецензия, читатель.

Информация об авторе: Николай Георгиевич Мельников — кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, 119991 г. Москва, Россия.
ORCID ID.: https://orcid.org/0009-0008-6634-1082
Email: alcect@yandex.ru

Для цитирования: *Мельников Н.Г.* «Странный, больной цветок в болоте русской жизни…» Творчество А.М. Ремизова в прижизненной англоязычной критике // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 216–251. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-216-251

Литературная репутации А.М. Ремизова за рубежом и, в частности, в англоязычных странах, до сих пор остается малоизученной, несмотря на ряд солидных научных работ [3; 7; 9; 11; 16; 17], авторы которых обращались к различным аспектам темы: история создания и издания английских переводов ремизовских произведений, взаимоотношения Ремизова с переводчиками и «промоутерами», которые пробивали его книги в англоязычные издательства и всячески рекламировали его творчество в периодической печати.

Однако об особенностях восприятия творчества Ремизова представителями иной культуры и этапах формирования его писательской репутации, о рецепции ремизовских переводов в англо-американской критике до сих пор практически ничего не сказано. Начиная со статьи И. Зохраб и монографии О. Казниной, в исследованиях, затрагивающих проблему рецепции Ремизова в англоязычном литературном мире, упоминаются, цитируются и пересказываются одни и те же две–три публикации из литературного приложения «Таймс», что, конечно же, не позволяет выявить тот образ писателя, который сложился у его англоязычных читателей, и представить «почву усвоения»[10, с. 67] ремизовских произведений. Более того, в самых полных на сегодняшний момент библиографических указателях по творчеству Ремизова [1; 5] есть досадные пробелы, заполнить которые и призвана данная статья.

***

Англоязычная ремизовиана (речь идет о прижизненной критике) отчетливо делится на два периода: дореволюционный и эмигрантский.

На первом этапе в роли посредников между англоязычной публикой и Ремизовым выступали двуязычные авторы, читавшие сочинения Ремизова в оригинале и, что немаловажно, имевшие представление как о современной русской словесности, так и о литературной традиции, вспоившей писателя. Немногочисленную «группу поддержки» (без которой, как известно, не может утвердиться ни одна литературная репутация) составляли, с одной стороны, представители редкой породы британских русофилов, не один год проведшие в России и достаточно хорошо изучившие ее культуру и язык, чтобы по достоинству оценить своеобразие ремизовского стиля, а с другой — бывшие соотечественники писателя, которые по разным причинам еще до революции 1917 г. эмигрировали из страны и успешно интегрировались в англоязычной языковой среде.

К первым относится уроженец Новой Зеландии, журналист Гарольд Уитмор Вильямс (Williams, 1876–1928); пылкий поклонник Толстого, выучивший русский язык, чтобы читать «Анну Каренину» в оригинале, с 1904 по 1918 г. он жил в России, представляя различные британские газеты («Манчестер Гардиан», «Морнинг Пост», «Дейли Кроникл»). «Постоянно находясь в водовороте интеллектуальных и политических событий» [3, с. 100], Вильямс завел обширные знакомства среди литераторов. Роскошная петербургская квартира Вильямса и его супруги Ариадны Тырковой стала «одним из самых популярных столичных салонов», где собирались «выдающиеся интеллектуалы — представители культуры Серебряного века» [2, с. 254]. Частым гостем салона на Кирочной улице был и Ремизов, с которым Вильямсы познакомились в 1905 г. Согласно воспоминаниям Тырковой-Вильямс, между ними и Ремизовыми установились настолько доверительные отношения, что часто те обращались к Вильямсу как к наставнику, третейскому судье, способному уладить всевозможные ссоры и недоразумения: «Гарольд Васильевич, вы англичанин. Англичане джентльмены. Они знают, что надо делать и чего не надо. Вот мы с Серафимой Павловной и пришли вас спросить, как нам надо поступить?»[1].

Именно «Гарольд Васильевич» одним из первых представил англоязычной публике Ремизова. В книге «Россия русских» (1914), изданной сначала в Лондоне, а затем в Нью-Йорке, он дал сжатый, но весьма содержательный очерк жизни и творчества «молодого прозаика Алексея Ремизова, чей самобытный талант, мастерство владения формой и глубокое понимание русского народного сознания выделяют его среди других даровитых писателей»[2]. Точно обозначив литературную генеалогию Ремизова — «в его творчестве прослеживаются следы влияния Достоевского и Гоголя, а некоторые черты напоминают Лескова», — он в то же время подчеркивал его самобытность: «Его дар уникален, и он отказывается менять его выражение в угоду каким-либо требованиям удобства или целесообразности. <…> Его стиль — исключительно своеобразный, неторопливый, далекий от непринужденной беглости журналистского русского языка, исполненный достоинства народной речи и проникнутый духом тех любопытных уголков русской жизни, где все еще живы традиции и где современная цивилизация не проделала своей размывающей и нивелирующей работы». Не сводя творческое «я»

[1] *Тыркова А.* Тени минувшего. Встречи с писателями // Воспоминания о серебряном веке / сост. В. Крейд. М.: Республика, 1993. С. 339.

[2] *Williams H.* Russia of the Russians L.: Pitman & Sons, 1914. P. 216.

писателя к стилистическим экспериментам и языковым ухищрениям, Вильямс отмечал его глубинную связь с народным мифопоэтическим сознанием: «Ни один из ныне живущих писателей не чувствует так, как он, русский народ, его привязанность к земле, его грубость, его чувственность, его греховность, а также его духовный пыл, его религиозные верования, его причудливые обычаи, его богатый язык, его непрестанные проблемы, тоску и возвышенную мечту о победе»[3]. В качестве доминант художественного мира Ремизова автор «России русских» выделил «лукавый юмор», «склонность к гротеску и мистификации, что в значительной степени придает очарование его творчеству», а также «сострадание, ощущение трагического хода жизни и дальних путей к залитому слезами избавлению. Его поздние вещи — "Неуемный бубен", "Крестовые сестры" и "Пятая язва" — демонстрируют поразительную силу изображения гротескных, отталкивающих и просто обыденных черт жизни в провинциальных и столичных городах, поданных как фрагменты очистительной трагедии, значение которой русский народ инстинктивно понимает»[4].

Отметим, что Вильямс был одним из первых интерпретаторов Ремизова, обративших внимание на родство его прозы с лирикой: «его произведения не сводятся к повествованию — в них много от концентрированного искусства стихотворений в прозе»[5].

Безусловно, выразительный литературный портрет «самого интересного из современных русских писателей», созданный Вильямсом, сыграл важную роль в утверждении репутации Ремизова в англоязычном мире и «заложил основу для последующих оценок произведений Ремизова на английском языке» [17, p. 262].

Другим британским автором, ставшим проводником Ремизова к англоязычному читателю, был писатель, путешественник Стивен Грэм (Graham, 1884–1975), много лет проживший в России и в своих многочисленных статьях и книгах культивировавший образ «Святой Руси» (за что в кругах передовой общественности «слыл заурядным реакционером»[6]). В отличие от Вильямса, Грэм не был лично знаком с Ремизовым, однако был почитателем его творчества, что и продемонстрировал в рецензии на сборник сказок «Посолонь», опубликованной в литературном приложении «Таймс» (анонимно, в соответствии с традицией, продержавшейся в этом влиятельном еженедельнике до середины 1970-х гг.). В противоположность

[3] Ibid.
[4] Ibid. P. 217.
[5] Ibid.
[6] *Струве Г.* Водораздел Европы // Возрождение. 1925. 17 декабря (№ 198). С. 3.

спокойной аналитической манере «России русских» статья Грэма «Сказки Ремизова» кипит эмоциями и на две трети состоит из пересказа и цитирования (в переводе рецензента) избранных ремизовских сказок: «Весна-красна» (в передаче Грэма — «The Coming of Spring»), «Красочки», «Снегурушка» («Snow-flake») и «Коровчун», — впечатлительный рецензент уподобил их «крестьянским вышивкам, выполненным на грубом льняном полотне домашнего изготовления» и радующим воображение «яркими красками и оригинальными формами»[7]. Начав рецензию с зазывного восклицания — «Кто-нибудь, обладающий чутьем и талантом, должен перевести новые сказки Ремизова — самые нежные и свежие творения наших дней», — Грэм завершил ее сомнительным комплиментом, который, прямо скажем, скорее говорит о его славянофильских пристрастиях, нежели о глубоком проникновении в суть предмета: «он [Ремизов] замечательный писатель, один из тех современных русских, кто вместе с Сологубом, Брюсовым, Ивановым, Бальмонтом и Александром Блоком возвращает интеллигенцию к истинно национальному, к чернозему, избе, крестьянству и простому, свежему мистическому уму неиспорченного славянина!»[8].

Спустя две недели Грэм опубликовал обзорную статью «Современная русская литература», в которой Ремизов был упомянут как «великий человек» («a great man»), «автор самых прекрасных рассказов, которые сегодня создаются в России»[9].

Можно посетовать на то, что Грэм не смог предложить британскому читателю хоть сколько-нибудь цельный образ Ремизова, однако он был первым, кто попытался привлечь к нему внимание в англоязычной периодике и отважился представить в переводе образчики его прозы. Достойно сожаления и то, что британскому русофилу так и не удалось осуществить свое желание и издать «Посолонь» или другую книгу Ремизова на английском. В книге «Распавшаяся Россия» (1925), куда были включены интервью Грэма с ведущими писателями эмиграции, в том числе и с Ремизовым, автор вспоминал, что после выхода статьи «Сказки Ремизова» он «получил несколько приглашений от издателей организовать публикацию в Лондоне, но переводчика найти не удалось»[10]. Грэм неоднократно пробовал себя в роли переводчика (в частности, переводил произведения В. Брюсо-

[7] <*Graham S.*> The Fairy Tales of Remizov // Times Literary Supplement. 1914. April 9 (№ 638). P. 176.

[8] Ibid.

[9] <*Graham S.*> Modern Russian Fiction // Times Literary Supplement. 1914. April 23 (№ 640). P. 194.

[10] *Graham S.* Russia in Division. L.: Macmillan, 1925. P. 191.

ва[11], Ф. Сологуба[12], А. Куприна[13]), но, по всей видимости, не отважился иметь дело с изощренной ремизовской прозой. «Ремизов — один из немногих несомненных гениев современной России. Если его мало знают за рубежом, то лишь потому, что самые характерные его работы практически невозможно перевести», — признавался он в подводке к ремизовскому интервью[14]. (Заметим, что мотив непереводимости Ремизова будет звучать едва ли не в каждой второй англоязычной статье, посвященной его творчеству.)

Первой полноценной публикацией Ремизова на английском следует считать перевод сказки «Суженая», появившийся в февральском номере журнала английских имажистов «Эгоист» за 1916 г.[15]; его появление на страницах эстетского лондонского журнала было неслучайным: годы Первой мировой войны были ознаменованы необычайным всплеском интереса британцев к России и ее культуре. В поле зрения переводчиков и издателей все чаще стали попадать не только писатели, чьи произведения издавались до войны (например, Куприн или Мережковский), но и авторы, совершенно не известные ни рядовым английским читателям, ни представителям литературной элиты. И если первые, скорее всего, искали в произведениях современных русских писателей подтверждения своим представлениям о «загадочной русской душе», составленным по переводам Констанс Гарнетт Толстого и Достоевского, то имажисты, как и все британские модернисты, противопоставлявшие себя литературному «мейнстриму», «обращались к “современным” русским писателям за вдохновением и руководством» [16, p. 189].

Перевод ремизовской сказки был выполнен одним из сотрудников журнала Джоном Курносом (Cournos, 1881–1966). Уроженец Житомира, Иван Григорьевич Коршун в десятилетнем возрасте вместе с матерью переехал из России в США, получил американское гражданство, а вместе с ним и новое имя; с 1912 по 1930 г. он проживал Великобритании, где зарабатывал на жизнь литературным трудом. Хотя его родным языком был идиш, русским он владел достаточно хорошо, чтобы подвизаться на переводческой ниве и попытаться переложить замысловатую ремизовскую прозу на английский.

[11] The Republic of the Southern Cross, and other stories / by Valery Brussof: with an introductory essay by Stephen Graham. L.: Constable, 1918. 162 p.

[12] The sweet-scented name, and other fairy tales, fables and stories / by Fedor Sologub, ed. by Stephen Graham. L.: Constable, 1915. 240 p.

[13] *Kuprin A.I.* A Slav Soul, and other stories: with an introduction by Stephen Graham. L.: Constable, 1916. xii, 235 p.

[14] *Graham S.* Russia in Division. P. 191.

[15] *Remizov A.* The Betrothed / tr. from the Russian by John Cournos // The Egoist. 1916. V. 3. №2 (February 1). P. 23.

Первый подступ был сделан в 1915 г. на страницах американского еженедельника «Харперс»: в эссе «Культура и русское сознание», в котором идеалистический русский менталитет противопоставлялся прагматичному немецкому, Курнос проиллюстрировал свои суждения пересказом притчи «Чаемый гость» «одного из величайших современных русских писателей»[16] и дополнил пересказ переводом нескольких финальных абзацев.

Публикацию «Суженой» в «Эгоисте» сопровождало эссе Курноса, в котором, однако, речь шла не столько о Ремизове, «авторе романов, рассказов и стихотворений в прозе, которые настолько прекрасны, что их почти невозможно перевести»[17], сколько о проблеме обновления «техники письма» и особом отношении к слову современных русских писателей (в частности, Андрея Белого и Ремизова), что коренным образом отличает их от предшественников, классиков XIX в. Отмечая, что Ремизов «придерживается традиций Достоевского» и что «в нем сильна “склонность к жалости”», Курнос, тем не менее, противопоставлял писателей — на том основании, что прежде всего Ремизов «любит русское слово»: «Ни один русский писатель никогда не знал столько слов. И он любит оркестровать их, как музыкант оркеструет ноты. Результат, которого он добивается, не всегда одинаков. <…> Иногда это довольно туманно по смыслу, но чрезвычайно красиво и многозначительно, подобно словесной музыке…»[18].

Более развернуто положения этой статьи Курнос изложил в предисловии к первой английской книге Ремизова, выпущенной в октябре 1924 г. лондонским издательством «Чато и Уиндус» (чуть позже вышло американское издание). Помимо «Суженой» (названной переводчиком «очаровательным образцом прозаической баллады») и романа «Часы» (переводить его Курнос начал уже зимой 1916 г.), в нее вошли англоязычные версии рассказов «Белое сердце» и «Светло-Христово Воскресение» (предварительно опубликованные в англоязычной периодике[19]). Признав, что Ремизов принадлежит «традиции Достоевского, которая является величайшей из всех сил, формирующих современную русскую литературу», что оба писателя «похожи в изображении двойственных типов, демонических и благочестивых», Курнос по-прежнему настаивал на том, что

[16] *Cournos J.* Kultur and the Russian Conscience // Harper’s Weekly. 1915. V. 61. № 3057 (July 24). P. 82.

[17] *Cournos J.* Aleksei Remizov // The Egoist. 1916. V. 3. № 2 (February 1). P. 28.

[18] Ibid. P. 29.

[19] *Remizov A.* A White Heart / transl. by J. Cournos // The Dial. 1924. V. 70. № 39. P. 65–68; *Remizov A*. Easter / transl. by J. Cournos // The Westminster Gazette. 1915 April 6. P. 2.

автор «Часов» кардинально отличается от автора «Преступления и наказания», поскольку «больше сосредоточен на своем стиле»[20].

В том же предисловии Курнос вспоминал о встрече с Ремизовым в его холодной петроградской квартире «скотской» зимой 1917–1918 года, «в первые месяцы большевистской революции», куда он пришел, чтобы получить разрешение на публикацию перевода «Часов» (выполненного по второй редакции 1910 г.):

«Я помню его человеком лет сорока: характерно русское лицо с высоким, широким лбом, странная, немного сгорбленная фигурка; почему-то у меня создалось впечатление, что он похож на добродушного чертика! Он работал в стесненных обстоятельствах, как и все писатели того времени, — в маленькой комнате, едва ли шире обычного домашнего коридора. Большая половина нижней части окна была занавешена черным, так что убогий зимний свет проникал сверху, словно в подвал мастерской.

Перед ним на письменном столе стояли несколько старинных икон (он был их большим знатоком). Перед святыми образами горели высокие тонкие свечи: это была единственная “роскошь”, которой он не мог себя лишить. “Как вы умудряетесь жить?” — спросил я, зная о материальных условиях, в которые попали даже самые успешные писатели. “Я как птица в поле”, — таков был его ответ…»[21].

Позже эта зарисовка была инкорпорирована в автобиографию Курноса, в которой не без основания утверждалось, что именно благодаря его переводу «Часов» англоязычная публика узнала о Ремизове[22].

Выход лондонского, а затем и нью-йоркского издания «Часов», ознаменовал новый этап рецепции ремизовского творчества в англоязычном литературном мире. Любознательный читатель теперь мог составить более цельное представление о писателе — уже не по разрозненным газетным и журнальным публикациям, а отклики о произведениях Ремизова в англо-американской прессе теперь исчислялись десятками.

Но прежде, чем перейти к их обзору, необходимо упомянуть еще одного бывшего соотечественника Ремизова, внесшего посильный вклад в популяризацию его творчества среди англоязычных читателей.

---

[20] *J.C. < Cournos J.*> Foreword // Remizov A. The Clock / authoriz. transl. by J. Cournos. L.: Chatto & Windus, 1924. P. vii.

[21] Ibid. P. ix.

[22] *Cournos J.* Autobiography. N.Y.: Putnam, 1935. P. 305.

Речь идет о еврейско-американском писателе Моисее Ольгине (Мойша Новомисский, 1878–1935). Уроженец Киевской губернии, с юности посвятивший себя революционной деятельности (был одним из активистов Бунда и участником революции 1905 г.), он, как и Курнос, покинул Россию до Первой мировой войны и, переехав в Америку, успешно освоился в англоязычной среде. Среди его англоязычных книг для нас особый интерес представляет изданный в 1920 г. «Путеводитель русской литературы (1820–1917)», в котором отдельная главка была посвящена творчеству Ремизова.

Книга Ольгина далека от канонов академического литературоведения и не отличается ни широтой охвата литературного материала, ни полнотой биографических фактов, ни глубиной анализа конкретных произведений. Знакомя американских читателей с русской литературой, Ольгин предлагал их вниманию эмоционально окрашенные литературные портреты (в духе импрессионистских «Силуэтов» Юлия Айхенвальда) наиболее значимых (с его точки зрения) русских писателей.

Очерк о Ремизове открывался обобщенной картиной его художественного мира (вызывающей в памяти наиболее экспрессивные пассажи из добролюбовского «Темного царства») и характеристикой его геров, которые виделись критику в самых мрачных красках:

> Ужасный мир. Отвратительные подробности. Мужчины и женщины кажутся обычными людьми, но у каждого из них в голове сидит маленький злобный демон. Каждый мужчина и каждая женщина совершают или собираются совершить какой-нибудь неблаговидный поступок. Они не преступники, но в их жилах течет не кровь, а зловонная сукровица, и они испытывают злобную радость, когда делают гнусности. Таковы персонажи рассказов Алексея Ремизова.
>
> Таково, по его мнению, население его родной страны. Из мест, которые он описывает, поднимается отвратительный запах — запах разлагающихся трупов, гноящихся язв, отвратительных болезней, тошнотворных отбросов. Скользкая субстанция расползается по земле, по жилищам людей, по самим их душам, тяжелая субстанция, полная яда, распущенности, гнили, отвратительных паразитов, жуткой мерзости. Кто-то назвал рассказы Ремизова «каталогом мерзости». Его люди — существа тоскливые и, по сути, несчастные. Однако их поведение нельзя списывать только на обстоятельства.
>
> Ими обуревают зловещие инстинкты. Они жестоки. Они склонны к пьянству. Они используют самые непристойные выражения. Они предаются разврату. Они чувствительны в мелочах. Они бьют

друг друга, калечат слабых, целуют пыль с сапог сильных, мучают животных, видят призраков, общаются с чертями, ведьмами, монстрами и всеми грязными созданиями нездорового воображения.

В общем, это мир, в котором всем порочным желаниям дается полная свобода; его обитатели казались бы безумными, если бы не имели такого поразительного сходства с людьми, которых мы видим ежедневно во время занятий обычными житейскими делами.

Именно эта смесь почти фантастического унижения с самыми обычными чертами человеческого характера и повседневными заботами делает произведения Ремизова уникальными в русской литературе [14, p. 281–282].

Как и русские критики, которые отмечали «мрачный взгляд на жизнь, страшный, почти мистический страх перед жизнью»[23], свойственные Ремизову, автор «Путеводителя…» писал о беспросветном пессимизме писателя и декоративном характере его религиозности:

…на всех его жестоких страницах безмолвно рыдает израненная душа. Ремизов устал от жизни. Ремизов раздавлен ужасами жизни. Было бы проще, если бы жизнь была трагедией. Он мог бы найти утешение в величии противоборствующих сил. Но жизнь для него — отвратительная бессмыслица, затянувшийся, мучительный приступ тошноты <…> Он не религиозен в высшем смысле этого слова. <…> он только во власти религиозных церемоний и не возвышается до истинной веры. В худшие минуты он склонен издеваться даже над Богом [14, p. 283–284].

При этом Ольгин высоко оценил художественное мастерство Ремизова и в первую очередь — его языковое богатство:

Алексей Ремизов — это, пожалуй, величайший мастер русского языка среди писателей нынешнего поколения. Его запас фразеологизмов поразителен; совершенно исключительна его способность приноравливать слова к идеям. Создается впечатление, что он использует первозданные слова. Его язык почти непонятен. При этом он не позирует. Он искренен. Странный, больной цветок в болоте русской жизни [14, p. 285].

[23] *Измайлов А.* Старорусские кружева: (Быль и легенда А.М. Ремизова) // Измайлов А. Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья. М.: Изд. Т-ва И.Д. Сытина, 1913. С. 100.

Среди произведений Ремизова Ольгин выделил его сказки, а также повести «Крестовые сестры» и «Пятая язва»: им он посвятил краткие аннотации, которыми, в соответствии с композицией книги, завершил ремизовский раздел.

Амбивалентный портрет, созданный Ольгиным, наверное, мог бы и отпугнуть впечатлительного американского читателя; с другой, стороны, то, что Ремизов стал одним из героев «Путеводителя…», свидетельствовало о признании его высокого статуса.

Впрочем, гораздо более определенно о значимости Ремизова и особенностях его поэтики говорилось в другом путеводителе по современной русской литературе; его автором был Д.П. Святополк-Мирский, которого по праву можно назвать главным популяризатором ремизовского творчества в англоязычном литературном мире. Давний знакомый писателя (в 1907 г. их свел М. Кузмин), кавалер шуточного ордена Обезвелволпал, возведенный в ранг «полпреда Англии», Мирский был рьяным почитателем ремизовского творчества; его «привлекал творческий подход Ремизова к литературному языку, его точное взвешивание значения слов, его вдохновенное обращение с сопротивляющимся материалом» [11, с. 339].

Преподаватель лондонской Школы славянских исследований при Лондонском университете, вхожий в научные и литературные круги Британии и благодаря блестящей эрудиции и превосходному английскому принятый там как равный, «до середины 1950-х гг. Мирский был самым известным человеком русской литературной эмиграции в западном литературном мире» [8, с. 11]. Его многочисленные литературоведческие труды и критические статьи, опубликованные в ведущих периодических изданиях Англии, заслужили ему репутацию непререкаемого авторитета — «лучшего из возможных толкователей русской литературы для западных читателей»[24].

Едва ли не в каждой статье 1920-х гг., посвященной русской литературе, ревностный паладин «обезьяньего царя Асыки» почтительно упоминал Ремизова, буквально вбивая в сознание английских читателей, что именно он — «подлинный правящий принц русской художественной литературы»[25], «самый выдающийся из наших

[24] <*Mauny E.C.L.*, de> Mirsky Histories // Times Literary Supplement. 1950. February 17 (№ 2507). P. 106.

[25] *Mirsky D.* Russian Literature since 1917 // The Contemporary Review. 1922. № 122. P. 208.

ныне живущих романистов»[26], «самый значимый романист 1910–1920-х годов»[27], «наиболее русский из русских писателей»[28]. Даже в предисловии к сборнику рассказов Б. Пильняка гораздо больше говорилось не об авторе, а о его литературном учителе Ремизове — «величайшем из ныне живущих мастеров колоритного и идиоматического русского языка»[29].

В литературном пособии «Современная русская литература» он аттестовал Ремизова как сложного и многогранного писателя с «неповторимой и обаятельной индивидуальностью», создавшего «совершенно новый стиль русской прозы, который основан не на логике письменного языка, а на системе интонаций живой речи» [13, p. 113]. Повесть «История Стратилатова» («Неуемный бубен») «и другие вещи подобного рода», по мнению автора «Современной русской литературы», «стали великими литературными событиями, создавшими новую школу»; их главная особенность — новый метод построения сюжета, движение которого не соответствует хронологии. Мирский сравнил такое сюжетостроение с распутыванием клубка шелковых нитей: «В центре таких концентрических сюжетов — человеческая душа, а на периферии — гротескная атмосфера старинного русского провинциального городка» [13, p. 113–114].

Во втором томе своей знаменитой «Истории русской литературы», законченном зимой 1925 г., «посол Обезвелволпала при Дворе Сент-Джеймс» (как шутливо именовал себя Мирский в письмах основателю и «секретариусу» шуточного ордена) дал, пожалуй, самый полный на тот момент очерк жизни и творчества Ремизова, которого вновь провозгласил «главой новой литературной школы», а «Историю Стратилатова» — «шедевром и первоисточником чуть ли не всей последующей русской художественной прозы» [4, с. 783].

В сжатом виде характеристики ремизовского творчества были повторены в статье «Русская литература», опубликованной в третьем дополнительном томе тринадцатого издания знаменитой «Британники»[30].

---

[26] *Mirsky D.* Rec.: Russkaya Mysl, a monthly review of Literature and Politics. Edited by Peter Struve. Books I–II. Prague–Berlin, 1923 // The Slavonic Review. 1923. V. 2. №4 (June). P. 210.

[27] *Mirsky D.* The Revival of Russian prose-fiction // The Slavonic Review. 1923. V. 2. № 4 (June). P. 200.

[28] *Mirsky D.* Old Russian literature: Its Place in the History of Civilization // The Slavonic Review. 1923. V. 3. № 7 (June). P. 82.

[29] *Mirsky D.* Russian fiction since Chekhov // Pilniak B. Tales of the wilderness / trans. by F. O'Dempsey. N.Y.: Knopf, 1925. P. vi.

[30] *D.S. Mr. <Mirsky D.S.>* Russian literature // Encyclopædia Britannica. 1926. L.: The Encyclopaedia Britannica Company, 1926. V. 3. P. 435–439.

А в феврале 1924 г., за год до выхода в свет своего монументального «бэдекера» по русской литературе, Мирский опубликовал на страницах литературного приложения «Таймс» пространную статью о Ремизове, написанную в соавторстве с Г. Вильямсом (в то время — редактором иностранного отдела «Таймс»). Оформленная как рецензия на книги Ремизова, изданные в 1922–1923 гг. берлинским издательством З.И. Гржебина («Крестовые сестры» (1918), «Пятая язва» и «Сказки русского народа» (1923)), она представляла собой гармоничный симбиоз панегирика и литературного портрета, в котором среди неумеренных похвал в адрес «самого привлекательного и обаятельного, а также самого оригинального из ныне живущих русских писателей», давался вдумчивый анализ его поэтики, в первую очередь — его уникального стиля: «Ремизову удается создавать впечатление подлинной живой речи, и если ты хоть раз слышал его голос, тебя будут преследовать его интонации с первых предложений, всякий раз, когда открываешь одну из его книг. Это придает необыкновенно свежий привкус всему, что он пишет»[31]. Эта же особенность ремизовского стиля — честно предупреждали авторы статьи — может стать препятствием для его популярности в Англии: «для того, чтобы отдать ему должное на английском, потребовалась бы новая школа переводчиков».

Определяя литературную родословную Ремизова — «Его литературными предками являются Достоевский, Гоголь, древнерусские апокрифы и русские народные сказки — модели, надо признать, достаточно разнообразные, чтобы заставить нас ожидать определенного разнообразия от того, кто им следовал», — соавторы особо отмечали «неискоренимую, безбрежную эксцентричность» и «затейливый юмор» писателя, который «в своеволии своих прихотей превосходит и Стерна, и Лэма»[32] — качества, которые, по их мнению, английскому читателю могут понравиться даже больше, чем русскому.

За обобщенной характеристикой писательской манеры Ремизова следовали краткие разборы обозначенных в подзаголовке «рецензии» произведений: «Сказок русского народа» («они полны восхитительного абсурдного юмора и <…> совершенно неподвластны законам логики и последовательности. <…> Как и в снах, в этих сказках нет ни морали, ни идей, хотя они странным образом — и довольно неуловимо — пронизаны определенной жизненной философией или, можно сказать, определенной религиозной атмосферой») — и пове-

[31] *<Mirsky D., Williams H.* > Alexei Remizov // Times Literary Supplement. 1924. February 21 (№ 1153). P. 108.

[32] Ibid.

стей: «Крестовые сестры» («она выдержана в традициях Достоевского; <…> написана напряженным, изощренным полупоэтическим стилем и привлекательна главным образом своим лиризмом»), «Пятая язва» («образец мрачного и гротескного юмора», «карикатура на глухоманный, богом забытый провинциальный русский городок») и так полюбившаяся Мирскому «История Стратилатова», названная «наивысшим достижением Ремизова»[33].

Содержательная статья Вильямса и Мирского, в которой кратко изложены основные положения ремизовских разделов «России русских» и «Истории русской литературы», бесспорно, — жемчужина прижизненной англоязычной ремизовианы: в ней не только были расставлены оценочные вехи, но и намечались плодотворные пути для анализа и истолкования ремизовских произведений. За редким исключением, авторы других критических опусов, выходивших при жизни Ремизова в англоязычной печати, не смогли дотянуться до ее уровня. Но в любом случае многие из них в своих суждениях о произведениях Ремизова отталкивались от критических работ Мирского и Вильямса, подготовивших почву «туманного Альбиона» для пересадки туда «странного, больного цветка».

Наиболее яркие высказывания о Ремизове из работ Мирского использовались издателями в качестве рекламных аннотаций и служили, во-первых, приманкой для любознательных книгочеев, во-вторых, своего рода охранной грамотой и ориентиром для потенциальных рецензентов, которым давалось понять, с писателем какого масштаба они имеют дело.

В силу занятости Мирский и Вильямс не смогли откликнуться в печати на лондонское издание «Часов», однако «полпред Англии», много и плодотворно сотрудничавший с журналом «Славоник ревью», пристроил туда перевод одной из лучших дореволюционных статей о «Часах» — рецензию 1908 г. весьма почитаемого им М. Гершензона[34], «одного из первых критиков, отметившего великий, самобытный гений Ремизова, в то время, когда даже самые рьяные модернисты относились к нему с холодным безразличием»[35].

Рецензия Гершензона, чей перевод появился на страницах малотиражного академического журнала, разумеется, не могла повлиять на восприятие книги «великого, самобытного гения». Впрочем, подготовленный Курносом сборник, по крайней мере, в количе-

[33] Ibid.

[34] *Herschensohn M.O.* Chasy (The Clock). By A. Remizov / trans. by H. Epstein // The Slavonic Review. 1925. V. 4. № 10. P. 241–243.

[35] *Mirsky D.* Michael Herschensohn // The Slavonic Review. 1925. V. 4. № 10 (June). P. 174.

ственном отношении, получил неплохую прессу: более двадцати отзывов в разнокалиберных периодических изданиях США и странах Британского содружества, включая солидные столичные еженедельники («Спектейтор», «Нью стейтсмен», литературное приложение «Таймс») и региональные газеты далеких доминионов, вроде новозеландской «Окленд стар» или австралийской «Реджистер».

Однако, поражая воображение своим количеством и географическим охватом — от Лондона до южной Австралии и Новой Зеландии, — критические отзывы на «Часы» не радуют богатством содержания: преимущественно это были фрагменты обзорных статей или крохотные мини-рецензии и аннотации, представлявшие собой набор оценочных суждений, как правило, не подкрепленных текстуальным анализом (в лучшем случае его заменял пересказ незамысловатой фабулы «Часов»). Их авторами были не именитые критики — ранга Мирского или тех соотечественников Ремизова, кто писал о нем до революции (Белый, Блок, Волошин, Гершензон, Гумилев, Ходасевич, Чуковский), а, по большей части, безвестные литературные поденщики, не способные (хотя бы в силу жанровых ограничений и незнания русского языка) дать хоть сколько-нибудь полное представление о творчестве разбираемого автора и вписать его произведения в контекст современной литературы.

Зато вслед за автором предисловия, соглашаясь или споря с ним, каждый второй рецензент сопоставлял автора «Часов» с Достоевским.

По мнению обозревателя литературного приложения «Таймс» Ричарда Шарка (Charques, 1899–1959), «как по технике исполнения, так и по своей этической проблематике», произведения, вошедшие в сборник, «не могут не наводить на мысль о сходстве с Достоевским. Но в них нет столь же яркого духовного огня, столь же страстного визионерства, и, как следствие, психологизм у Ремизова, хотя и основан на том же дуализме характеров, охватывает менее сложную человеческую деятельность»[36].

Анонимный рецензент из новозеландской газеты «Доминион» (Веллингтон) начал свой отзыв с утверждения: «Есть что-то от Достоевского в четырех произведениях Алексея Ремизова», — и тут же пояснил: «Но если в творчестве Ремизова много от божественного качества Достоевского — жалости, то в гораздо большей степени его отличает компактность и сила внушения. <…> Он более сдержан в своих мистических концепциях, чем некоторые другие русские

[36] <*Charques R.*> The Clock // Times Literary Supplement. 1924. October 30 (№1189). P. 683.

писатели, и его стиль обладает словесной красотой, которая редко присутствует в “Преступлении и наказании”, “Братьях Карамазовых” и других творениях Достоевского»[37].

Другие рецензенты, сопоставлявшие автора «Часов» с его великим предшественником, отдавали явное предпочтение последнему: «Картина, созданная Ремизовым, не похожа на огромные, размашистые полотна Достоевского. В этих полотнах, какими бы жестокими и ужасными они ни были, воссоздана вся жизнь <…>. В “Часах”, поскольку холст меньше и место действия ограничено, уродство фигур более четко очерчено. <…> Автор, однако, лишь отчасти составляет единое целое с творениями своего разума. Из-за этого он очень далек от великого мастера, которому подражает. Он карикатурист. Снисходительное сострадание — это не истинное сострадание. Костя — его настоящее детище; остальных персонажей он едва терпит»[38]; «Конечно, можно покорно бормотать (что разумеется, уже неоднократно делалось), “как это похоже на Достоевского”, но на самом деле разница между Достоевским и Алексеем Ремизовым очевидна — это разница между ночным кошмаром и напряженным состоянием бодрствующего сознания»[39].

Большинство рецензентов, объявлявших Ремизова наследником Достоевского или Тургенева, или всех известных им русских классиков, отнеслось к автору «Часов» весьма благодушно. Например, американо-ирландский писатель и критик Эрнест Бойд (Boyd, 1887–1946), убеждал читателей в том, что «Ремизов воплощает в себе почти все характерные русские традиции, Гоголя, Достоевского и народной сказки, и перевод г-на Курноса вызовет спрос на большее количество его книг»[40].

Ричард Шарк, ссылаясь на статью своих предшественников, Мирского и Вильямса, и почти дословно повторяя их формулировки, рекомендовал «Часы» как «первый английский перевод произведения Алексея Ремизова, самого одаренного и значимого из молодых русских писателей современности», чье «творчество, несомненно, — самый оригинальный вклад в русскую литературу после смерти Чехова»[41].

«В отличие от некоторых русских писателей, которые недавно были представлены в переводах американской публике, Алексей

[37] A Russian Novelist // Dominion. 1925. V. 18. February14 (№ 121). P. 19.

[38] *Benét L.* Rec.: The Clock. By Aleksei Remizov. Authorized translation by John Cournos. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1925 // Commonweal. 1925. V. 2. № 19 (September 16). P. 457.

[39] A Russian and English Writer // Yorkshire Evening Post. 1924. December 9. P. 6.

[40] *Boyd E.* Romain Roland and others // Bookman. 1925. V. 61. № 2 (April). P. 223.

[41] <*Charques R.*> The Clock. P. 683.

Ремизов, по-видимому, является автором, заслуживающим международной репутации. — утверждал анонимный доброхот из “Книжного обозрения ‘Нью-Йорк Таймс’”. — Его творчество во многом следует традициям Достоевского, Тургенева и других русских романистов-классиков. Ремизов вполне достоин того, чтобы его считали учеником этих мастеров, поскольку демонстрирует широту взгляда, мрачную силу, дар сочувствия и аналитические способности, которые сделали бы его ценным приобретением для литературы любой страны»[42].

Ему вторил аноним из другой «Таймс», парижской, ничтоже сумняшеся назвавший свой отзыв «Преемник Тургенева»:

> Большинству из тех, кого называли преемниками Достоевского, Тургенева и Чехова, не удалось достичь таких гигантских масштабов; на самом деле, лишь в редких случаях эта ниша была хотя бы отчасти заполнена. И все же с именем Алексея Ремизова появляется новая надежда.
>
> Работая в традициях этих поистине великих мастеров, он демонстрирует широту взглядов, мрачную силу, дар сочувствия и аналитические способности, которые ставят его на высокий уровень. Он истинно русский — своим мрачным мировоззрением, сосредоточенностью на отвратительных и трагических фактах существования, но еще больше — представлением о беспечной и неумолимой судьбе, по сравнению с которой человеческие жизни и стремления подобны камешкам, беспорядочно разбросанным случайными порывами ветра и волнами прилива[43].

Тем не менее среди англо-американских критиков, откликнувшихся на выход «Часов», было и немало недоброжелателей, использовавших сравнение с Достоевским, чтобы «задеть кадилом» «преемника Тургенева».

Так, американец Джозеф Крутч (Krutch, 1893–1970) в двойной рецензии на книги Пильняка[44] и Ремизова обвинял обоих в том, что они «создали своего рода вывернутый наизнанку эстетизм, который играет с уродством, точно не зная, почему он это делает», а потому «их истории на редкость лишены интеллектуального или эмоционального содержания»; они «эмоционально статичны, потому

[42] From the Russian // New York Times book review. 1925. January 18 (№ 24466). P. 17.

[43] Succeeding Turgienev // Paris Times. 1925. February 14 (№ 253). P. 4.

[44] *Pilniak B.* Tales of the Wilderness / transl. by F. O’Dempsey, with an introduction by Prince D.S. Mirsky. N.Y: Knopf, 1924. 92 p.

что конфликты в них заканчивается еще до того, как начинаются, а трагедии в них нет, потому что она воспринимается как нечто само собой разумеющееся»[45]. Полемизируя с Курносом, Крутч с истовостью религиозного проповедника уличал автора «Часов», поскольку у него «почти полностью отсутствует то, что делает писателя, с которым его так небрежно сравнивают, великим, а именно — страсть. Каким бы плохим Достоевский не считал наш мир, он никогда не переставал всей своей неистовой душой возмущаться его несовершенством. Горькие результаты его героических усилий вызывали у него отчаяние, но Ремизов, конечно, принимает как данность всё, против чего протестовал Достоевский». Именно по этой причине, делал вывод американский критик, произведения Пильняка и Ремизова «интересны как свидетельство душевного состояния, до которого опустились авторы, но они до странности неподвижны, потому что лишены драматизма. Персонажи уже потеряли всё, что можно было потерять, а авторы опустились в самую глубокую яму, в которую только можно опуститься»[46].

«Даже английские почитатели Достоевского сочтут творчество этого человека чужеродным, — безапелляционно заявлял рецензент из старейшего британского журнала “Спектейтор”, скрывшийся за криптонимом “С”. — Главы, описывающие специфическую славянскую истерию и безответственный демонизм, понятны у Достоевского, потому что так ярко опровергаются изображением жизни в ее нормальных проявлениях. Более умеренные англосаксонские разновидности этого мы встречали и в нашей литературе: в “Короле Лире”, “Грозовом перевале”, “Джоне Инглесанте”[47]. Ремизов же с поэтическим нетерпением убирает трудоемкие психологические подмостки и предлагает нам роман, в котором исполненные символизма события развиваются слишком быстро для здравого смысла и рассказаны наполовину ритмизованной прозой. Результатом стала новая для нас форма, не сопоставимая даже с лирическими рапсодиями в прозе Джеймса Джойса»[48].

Литературный обозреватель еженедельника «Нью стейтсмен» Джон Франклин также не слишком лестно отозвался о творении «преемника Тургенева». Свою статью он облек в излюбленную критиками XIX в. форму диалога (когда в уста вымышленного

[45] *Krutch J.* New Russia or Old? // Nation. 1925. V. CXXV. № 3110 (February 11). P. 163, 164.

[46] Ibid. P. 164.

[47] Исторический роман английского писателя Джозефа Шортхауса (1843–1903).

[48] *C.* Russian literature since the revolution // Spectator. 1924.V. 133. November 29. P. 840 suppl.

оппонента вкладываются заранее проигрышные суждения, которые с легкостью разбивает alter ego критика), причем в роли визави выступала его домохозяйка, чьи бурные восторги Ремизовым были немедленно пресечены автором:

> <…> Что вы думаете о «Часах»?
>
> — О, очаровательно! Школа Достоевского, но более утонченная, поскольку все наше сознание сегодня более утонченное. Конечно, я думаю, что русский мистицизм — это фундаментальная ошибка, отвлекающий маневр, но нужно признать…
>
> — Признайте, что это не имеет ничего общего с Достоевским или с русским мистицизмом. Ужасное у Ремизова так же отличается от Достоевского, как мел от сыра. Лучше скажите: «Гофман» или «По», если вам нужно установить родство. Но это русский Эдгар По, и, следовательно, ужасы у него — с привкусом убожества и жестокости, безумие — с оттенками бестолковщины, в то время целое изображается с проблесками пафоса и нежности. Он представляет интерес для гурманов, но с литературной точки зрения — вторичен. От него — мурашки по коже, но он не трогает душу[49].

Мрачный натурализм «Часов» и малоаппетитные физиологические подробности, связанные с одним из главных героев, Костей, произвели гнетущее впечатление на рецензентов. «Костя, с его кривым носом, который крутит большую стрелку городских часов, ощущая себя хозяином времени; который собирает блох; который воображает, что откладывает яйца, и так далее, и тому подобное, остается в памяти, это правда, но только потому, что внушает физическое отвращение, — сварливо замечал аноним из «Йоркшир ивнинг пост»[50]. На другом конце света, в далекой Аделаиде, появился еще более неприязненный отзыв — с многозначительным заглавием «Малоприятный русский» и зачином, не предвещавшим «наиболее русскому из русских писателей» ничего хорошего: «Некоторые из нас чрезмерно преувеличивают значение русской литературы…»[51]. Если свое время Гершензон увидел в «омраченных душах» ремизовских героев прорывающуюся наружу «божественную искру» и считал, что автор «Часов» был преисполнен «чувством восторженной скорби при виде мечущегося во тьме

[49] *Franklin J.* New Novels // New Statesman and Nation. 1924. V. 25. November 22. P. 205.
[50] A Russian and English Writer // Yorkshire Evening Post. 1924. December 9. P. 6.
[51] *Penn J.* The Unpleasant Russian // The Register. 1925. April 25 (№ 26311). P. 5.

и грязи человечества»[52], то австралийский зоил нашел в романе только «одержимых бесами» персонажей и «подробные описания болезней и жестокостей», что привело его к заключению: «Как и в случае с подавляющим большинством русских авторов, вывод кажется неизбежным: писателю действительно нравится говорить о таких вещах»[53].

Другой антипод, анонимный обозреватель из газеты «Окленд стар», назвал «Часы» «этюдом о депрессии» и предрек, что он «понравится только тем, кто уже приобрел вкус к подобным произведениям. В нем есть что-то совершенно чуждое британской традиции художественной литературы, хотя некоторые британские писатели делают все возможное, чтобы скопировать русские методы»[54].

Вполне ожидаемо некоторые рецензенты рассматривали автора и героев «Часов» сквозь призму присущих среднему британцу шаблонных представлений о России и загадочной славянской душе. Весьма показателен анонимный отзыв из лондонской «Дейли ньюс», красноречиво озаглавленный «Русская загадка», едва ли не наполовину состоящий из перечня такого рода стереотипов:

> Уродство, болезни и смерть — постоянные темы большинства русских авторов, если, конечно, те, кого переводят на английский, типичны. И этому легко найти объяснение. Жизнь в России, должно быть, всегда была, по сравнению с жизнью в Западной Европе, полна резких контрастов; болезни там распространены гораздо больше, чем здесь; страдания и ужасы, связанные с природой и законами, более жестокие, бедность — безысходнее. Британец из глубин почти совершенного невежества неизбежно рисует в воображении картину того, что он называет славянской душой, и называет ее мечтательной, мистической, жестокой. <…>
>
> У Достоевского, прежде всего, мы встречаем то странное сочетание почти безумной жестокости с христоподобным смирением и сочувствием, которое многие из нас, не особо знакомые с этим предметом, смутно ощущают как доминирующую ноту в современной русской литературе. Кто может сказать, в какой мере неуловимый дух нации обусловлен ее географическими и экономическими условиями? Происходят ли меланхолия и мистицизм

[52] *Г. <Гершензон М.О.>*. Алексей Ремизов. «Часы». Роман. Изд. Eos. СПб., 1908 // Вестник Европы. 1908. Кн. 8. С. 769.

[53] *Penn J.* The Unpleasant Russian. P. 5.

[54] Literary // Auckland Star. 1924. December 20 (№ 302). P. 18.

от голода и снегов или из какого-то более глубокого и духовного источника?

Так или иначе, но, как кажется британскому читателю, эти причины существуют, и Ремизов не является исключением из общего правила[55].

В каждой второй рецензии неизбежно поднимался вопрос о качестве перевода. Здесь голоса разделились примерно поровну. Одни (явно русским не владевшие и роман в оригинале не читавшие) заверяли читателей, что «перевод выполнен Джоном Курносом на превосходном английском»[56] и одаривали переводчика дежурными комплиментами: «Г-н Курнос, должно быть, столкнулся со многими препятствиями, но ему удалось предоставить нам версию, которую можно было бы принять за оригинальное произведение, а не за перевод»[57]. Другие утверждали, что «переводчик выполнил свою работу в буквалистской манере, и это привело к тому, что мы получили перевод, который передает шум и ярость писательского гения, но не его суть», что переводчик «не обращая внимания ни на стиль, ни на смысл, <…> заблудился среди символов, так и не постигнув их тайны»[58].

Бывший соотечественник автора «Часов» Авраам Ярмолинский (1890–1975), в 1913 г. эмигрировавший из России в Америку и сделавший там карьеру литературоведа и переводчика, счел книгу «неблагодарной попыткой представить Ремизова английской публике». «Вполне возможно, — пояснял он, — что восприимчивая, пусть и иностранная, аудитория могла бы быть тронута его полуистерической чувствительностью. Но в своих лучших проявлениях Ремизов использует настолько своеобразный, настолько идиосинкразический язык, что оказывается замкнутым в нем»[59].

Ричард Шарк, назвав Ремизова «одним из самых непереводимых писателей», высказался более деликатно: «Г-н Курнос полностью осознавал трудность адекватного перевода его произведений и предпринял смелую, хотя и несколько неудовлетворительную попытку. Но переводы по необходимости несовершенны, и мужество г-на Курноса заслуживает благодарности, а его мастерство — уважения»[60].

---

[55] The Russian puzzle // Daily News. 1924. December 9. P. 8.

[56] Literary // Auckland Star. 1924. December 20 (№302). P. 18.

[57] *C.* Russian literature Since Revolution // Spectator. 1924.V. 133. November 29. P. 840 suppl.

[58] A Russian and English Writer // Yorkshire Evening Post. 1924. December 9. P. 6.

[59] *Yarmolinsky A.* Rec.: The Clock. By Aleksei Remizov. Authorized translation by John Cournos. N.Y.: Alfred A. Knop, 1925 // New York Herald Tribune. 1925. March 15. P. 11.

[60] <*Charques R.*> The Clock. P. 683.

***

В заключительной части статьи о Гершензоне, предварявшей перевод его рецензии 1908 г., Мирский утверждал, что для английских читателей она представляет особый интерес, «поскольку впервые дает высокую оценку писателю такого рода, который теперь считается классиком», и высказал твердую уверенность в том, что перевод «Часов» «откроет длинную череду английских переводов замечательного русского автора»[61].

Основания для подобного оптимизма были. Как раз в это время вовсю шла работа над вторым англоязычным сборником ремизовской прозы, куда вошли повести «Неуемный бубен» и «Пятая язва». Переводы были выполнены подающим надежды литератором, выпускником Кембриджского университета Алеком Джоном Чарлзом Брауном (Brown, 1900–1962), которого рекомендовал Ремизову его давний приятель, историк литературы и фольклорист Е.В. Аничков (вместе с Мирским он редактировал брауновский перевод) — в письме от 27 апреля 1924 г.: «Пишу Вам об молодом англичанине, настоящем начинающем поэте Брауне, которого Вам представляю этим письмом. Обласкайте. Славный. Переводит Лермонтова и на мое понимание превосходно. <…> Браун хочет переводить. Он читал мне отрывки из Стратилатова. Любовно сделано и по-русски знает и по-английски произносится» [6, с. 294].

Весьма лестно отзывался об «Олеге Ивановиче Брауне» и Д. Святополк-Мирский: и в посланиях канцеляриусу Обезвелволпала, и в письмах Чарлзу Прентису, главе лондонского издательства «Чато и Уиндас», которого настойчиво убеждал издать брауновский перевод «Неуемного бубна»: «Это, безусловно, ремизовский шедевр в том, что касается более традиционных литературных жанров. <…> Что касается перевода, конечно, некоторые особенности оригинала сохранить не удалось, но, по моему мнению, перевод настолько хорош, насколько этого можно было ожидать в данных обстоятельствах, и английский язык <переводчика>, кажется, тоже очень хороший» [7, с. 358–359].

Судя по переписке, завязавшейся между Ремизовым и его новым переводчиком, оба прониклись друг к другу искренней приязнью: в январе 1925 г. «Олег Иванович» стал кавалером Обезвелволпала, «переводчиком и управляющим английской обезпропаганды», и в письме Ремизову называл себя «обезьяним мостом между русскою мыслью и английскою» [9, с. 103].

[61] *Mirsky D.S.* Michael Herschensohn… P. 174.

Свое почетное звание Браун оправдал в полной мере: помимо переводов двух повестей и нескольких рассказов Ремизова, опубликованных в англоязычной периодике[62], он написал обстоятельное предисловие, которое, наряду с работами Мирского и Вильямса, можно отнести к лучшим образчикам англоязычной ремизовианы. В нем он не только увлекательно изложил биографические сведения о Ремизове и рассказал об истории Обезвелволпала, не только дал тонкий анализ переведенных им повестей, но и обрисовал творческую индивидуальность писателя, соотнеся ее с русской литературной традицией.

В отличие от предшественников, классиков XIX столетия, которых, по мнению автора предисловия, «в первую очередь интересовала пропаганда социологических теорий или решение общественных проблем», Ремизов «прежде всего — художник. Кроме того, он зрелый художник, поскольку в первую очередь заботится не только о том, чтобы создать как можно более совершенное произведение искусства, но и относится к нему отстраненно, не позволяя эмоциям вмешиваться в процесс его создания; он осознано выбирает, формирует, а затем собирает мозаику из своих материалов»[63].

В то же время «это не значит, что рассмотрение человеческих проблем, то, что некоторые назвали бы духовной стороной книги, для него второстепенно, — уточняет Браун. — Ремизов не является последователем доктрины “искусство для искусства”». «Дитя русского символизма», Ремизов, по мнению Брауна, «вырос здоровым ребенком, свободным от родительского влияния. Хотя он сохраняет <…> символистскую веру в индивидуально-утилитарную природу искусства, он явно оставил туманные религиозные устремления, к которым символизм приводил таких авторов, как Блок, и обратился к более реальному восприятию окружающей его жизни»[64].

В конце предисловия Браун подробно изложил свою систему транскрипции русских имен и сформулировал главный принцип, которым руководствовался, приступая к переводу ремизовских повестей: «…английская версия должна быть такой, какой она вышла

[62] «Свет слова» (The Light of Speech // The Dublin magazine. 1927. V. 2. № 1. P. 7–10), «Без пяти минут барин» (Five Minutes to Gentleman // The Dublin magazine. 1927. V. 2. № 1. P. 11–13), «Пожар» (The Burning / trans. by A. Brown // The Calendar of Modern Letters. 1927. V. 4. № 2. P. 6–12).

[63] *Brown A.* Preface // Remizov A. The Fifth Pestilence and The History of the Tinkling Cymbal and Sounding Brass: Ivan Semyonovitch Stratilatov, trans. from Russian by Alec Brown. London: Wishart, 1927. P. xvi–xvii.

[64] Ibid. P. xvii, xviii.

бы из-под пера самого Ремизова, если бы он, оставаясь Ремизовым, владел английским языком и писал о русской жизни для англичан»[65].

Несмотря на то, что Прентису работа Брауна понравилась, «издание обличительных и, по тогдашним представлениям, богохульных произведений Ремизова, к тому же явно не суливших коммерческого успеха, решено было не предпринимать. Перевод ремизовских повестей был напечатан лишь в 1927 г. в леворадикальном издательстве "Уишарт и К°" (Wishart & Co) перекупившем права на издание у "Чатто и Уиндас" за 164 фунта 5 шиллингов и 10 пенсов» [7, с. 353].

Англоязычная пресса не оставила без внимания очередное издание «возможно, величайшего из ныне живущих русских романистов»[66]. Правда далеко не все критические отклики могли вдохновить английских книгочеев, поскольку даже благожелательно настроенные рецензенты, осыпая комплиментами «величайшего из ныне живущих русских писателей», давали понять: далеко не каждому придется по вкусу тематика его произведений, равно как и весьма своеобразный стиль — «судорожный, узловатый, флегматичный», стиль, который «излучает почти яростную философию, вспыхивает и гремит с Карлейлевской мощью», только «читатели, чей интерес к художественной литературе выходит за ограниченные рамки, получат, по крайней мере, пользу (получить удовольствие тут вряд ли возможно) от изучения перевода, сделанного Алеком Брауном»[67].

Примерно в том же духе высказался Ричард Шарк, одаривший автора «Пятой язвы и «Неуемного бубна» кисло-сладкой рецензией. Признав, что переведенные повести Ремизова «несомненно, яркие и мощные», что «они считаются лучшими образцами его прозы», он тут же оговорился: «…трудно сказать, как много они могут значить для иностранного читателя — для любого, кто не знаком с русской провинциальной жизнью до революции или с причудами русской литературной традиции со времен зарождения символизма. Читатель, которому понравился перевод его раннего романа "Часы", столкнется здесь с гораздо большими трудностями <…> Английский читатель, шокированный обобщенной картиной российской провинциальной жизни, не почувствует ничего, кроме тошноты, читая "Пятую язву"»[68].

---

[65] Ibid. P. xxv.

[66] Famous Russian Novelist // Aberdeen Press and Journal. 1927 October 18. P. 2.

[67] The Genius of Remizov // Dundee Courier. 1927. December 20. P. 9.

[68] <*Charques R.*> Remizov in English // Times Literary Supplement. // 1927. November 17 (№ 1346). P. 835.

Алана Блэнда, сотрудника основанного Г.К. Честертоном журнала «Джи-Кейз Уикли», содержание ремизовских повестей, действительно, шокировало. «Главное впечатление при чтении этой книги, похожей на “Улисса” Джойса если не по манере, то по содержанию, — жалость к автору, сознание которого отягощено бременем бесплодной непристойности, ужаса и одиночества», — начав свой отзыв с обличительной ноты, он сравнил автора «Пятой язвы» с «реформатором-кальвинистом, чью подавленную чувственность мы можем обнаружить в сладострастности его речей, осуждающих непристойность», и обвинял его в смаковании изображаемых им пороков: «Его цель — обличить пороки, о которых он пишет? Но это ему не удается. Можно высмеивать глупость или коррупцию, но только не злобу или садистскую жестокость: они не входит в сферу сатиры»[69]. «Главное достоинство книги, — язвительно замечал критик, — в том, что ни читатели “Морнинг пост”, ни читатели “Дейли геральд” не узнают изображенную в ней картину. Герои Ремизова, Бобров или Стратилатов, мало кого заинтересуют». (При этом он полагал, что в «Пятой язве» «рассказывается о жизни маленького провинциального городка Студенец в Советской России».)[70]

Американские рецензенты, откликнувшиеся на нью-йоркское издание сборника, в большинстве своем были настроены скептически.

По мнению критика Артура Брауна Рула (Ruhl, 1876–1935), «“Пятая язва” Ремизова — это лакомство для тех, кто интересуется “книгами, которые отличаются от других”, как говорится на обложке, а не обычная пища для обычных людей. Чтение романа в оригинале, где изощренно-заковыристый стиль автора имеет специфическую национальную окраску, а тем более — русскими, для которых его озорные высказывания о том и сем могут быть восприняты во всей их полноте, несомненно, даст больше, чем знакомство с английским переводом читателей, которые имеют о России весьма смутное представление. Переводчик, г-н Алек Браун, проделал свою работу, стоя на коленях и уткнувшись лбом в пыль, так что, по-видимому, к тексту автора отнеслись с подобающей заботой. В лучшем случае, Ремизов, похоже, взбалтывает воду в очень грязной лужице»[71].

Еще резче высказалась о книге «наиболее русского из русских писателей» американская писательница и переводчица Бабетт Дёйч

[69] *A.B. <Bland A.>* Rec.: The Fifth Pestilence, together With the History of the Tinkling Cymbal and Sounding Brass, and Ivan Semyonovitch Stratilatov. L.: Wishart, 1927 // G.K.’s Weekly 1928. January 21. P. 915.

[70] Ibid.

[71] *Ruhl A.* Books of Special Interest // Saturday Review of Literature. 1928. V. 4. May 12. P. 866.

(Deutsch, 1895–1982): «Изначальная трудность, мешающая наслаждаться Ремизовым в переводе, заключается в том, что его стиль практически невозможно воспроизвести на другом языке. Отвратительные персонажи Ремизова так же ужасны, так же уродливы, так же скучны, так же изобилуют дьявольскими нелепостями и абсурдными непристойностями, как и всё в русской художественной литературе. Но в них так много папье-маше. По-настоящему они не вызывают отвращения, поскольку не веришь в их существование»[72].

Анонимный рецензент из «Книжного обозрения “Нью-Йорк Таймс”», определивший Ремизова «как символиста с оттенком странного, “подпольного” Достоевского», отдал должное его дарованию: «…каким бы чрезмерным ни был ремизовский маньеризм, его сочинения, особенно ранние, заслуживают внимания — в отличие от работ его последователей. Несмотря на все свои выкрутасы, он, несомненно, талантливый писатель», — и признал, что «он превосходно изображает агрессивную пошлость, злобу и порочность провинциальной жизни», но в то же время забраковал его повествовательную манеру в целом:

> История излагается нарочито причудливо, с ничем не оправданными длинными отступлениями, неожиданными вставками и т.д. Поклонники Ремизова от этого в восторге: он, видите ли, обращается со своим материалом «как непревзойденный мастер мозаики». Для обычного любителя литературы чтение превращается в непрерывное распутывание узлов. И это досадно, потому что в рассказе есть отрывки, которые очень эффектны и производят глубокое впечатление. Если бы Ремизов был менее «оригинален», он, безусловно, был бы очень интересен[73].

Разумеется, среди отзывов на книгу были и хвалебные, так что при желании их вполне можно было бы использовать в качестве рекламных аннотаций для мягкообложечных переизданий (если бы таковые воспоследовали):

> «Пятая язва» — книга первостепенной важности, это классика как русской, так и европейской литературы <…> Нет сомнений в том, что Ремизов — великий художник. Мастерство и эконом-

[72] *Deutsch B.* Rec.: The Fifth Pestilence, together With the History of the Tinkling Cymbal and Sounding Brass, and Ivan Semyonovitch Stratilatov N.Y.: Payson & Clarke, Ltd., 1928 // New York Herald Tribune (Books). 1928. April 22. P. 12.

[73] A Russian Stylist // New York Times book review. 1928. May 13 (№ 25677). P. 17.

ность, с которыми написаны повести, насыщенность стиля, своеобразие мироощущения и средств изображения — всё это делает его выдающимся писателем. Он, как и Т.Ф. Поуис[74], с которым у него есть некоторое родство, духовный реалист. В нем есть что-то от глубины Достоевского, юмора Гоголя, проницательности Чехова и чувства меры Тургенева. Его превосходно нам подал переводчик, Алек Браун, чья английская версия отличается настолько выдержанной атмосферой, что ее никогда не примешь за перевод. Г-н Браун, очевидно, лучший переводчик Ремизова; мы надеемся, что вскоре он позволит нам ознакомиться с творчеством писателя подробнее[75];

Проблески чистого гения освещают эту книгу, несмотря на то что некоторые эпизоды навевают скуку. Но насколько же она ярка и близка к жизни, насколько четко выделяются ее персонажи: трагикомичные, благородно-убогие обитатели провинциального российского города. Ремизову присущи черты диккенсовской манеры…[76];

«Пятая язва» считается шедевром Алексея Ремизова, которого многие критики называют величайшим из ныне живущих русских писателей, и, читая его в превосходном переводе, можно легко понять, в чем сила этого автора. Как и в большинстве творений великих русских писателей, здесь изображена Россия, изображен фаталистический русский менталитет; кроме того, это произведение обладает качеством, которое отличает его от других: колоритным, идиоматическим и разговорным стилем, которым автор владеет виртуозно. Никто из тех, кто хочет познакомиться с лучшим в современной русской литературе, не может позволить себе пройти мимо этой книги[77].

Уважительный интерес к Ремизову высказал и шотландский критик, поэт и переводчик Эдвин Мюир (Muir, 1887–1959). Он оспорил мнение Брауна и тех критиков, кто ставил Ремизова на одну доску с Достоевским — «Очевидно, что Ремизов — писатель с оригинальным и гротескным воображением, одновременно восхити-

[74] Теодор Фрэнсис Поуис (Powys; 1875–1953) — английский писатель валлийского происхождения. Для произведений Поуиса характерны притчевость и аллегоризм.

[75] Famous Russian Novelist // Aberdeen Press and Journal. 1927 October 18. P. 2.

[76] Rec.: The Fifth Pestilence and The Tinkling Cymbal and Sounding Brass. By Alexei Remizov. Tr. by Alec Brown. L.: Wishart, 1927 // New Age. 1927. V.42. № 2 (November 10). P. 23.

[77] Rec.: The Fifth Pestilence. By Alexei Remizov. L.: Wishart, 1927 // The Chicago tribune and the Daily news. 1928. February 20. P. 5.

тельный и “вызывающий раздражение”; но он, по-видимому, так же мало сопоставим с Достоевским, как Кэтрин Мэнсфилд — с Эмили Бронте: он не того масштаба и обладает лишь малой толикой его силы», — и тем не менее благосклонно рекомендовал его книгу к прочтению, выразив надежду, что «остальные произведения Ремизова будут переведены: судя по имеющимся данным, его вряд ли можно назвать великим писателем, однако он, очевидно, увлекательный, оригинальный и очень образованный человек, интересный как своим весьма своеобразным, а иногда и по-настоящему мощным воображением, так и эффективностью и новизной средств, которые он использует для его выражения»[78].

Неутомимый «посол Обезвелволпала при Дворе Сент-Джеймс», много сделавший для выхода книги, на сей раз не дал развернутый отзыв, а лишь упомянул ее в литературном обзоре, где, среди прочего, рекомендовал читателям «совершенно очаровательный» сборник «Книга медведя», куда вошли переводы нескольких «неподражаемых сказок Ремизова о животных» («Медведюшка», «Колыбельная пень», «Зайчик Иваныч» и «Заячья губа»)[79]. Назвав Алека Брауна «переводчиком исключительных достоинств», а «выбор двух шедевров Ремизова особенно удачным», Мирский пожурил его и других английских критиков за «совершенно неуместные сравнения» Ремизова с Достоевским: «Ремизов, по крайней мере в этих повестях, живописует сугубо русские характеры и специфическую атмосферу, а не является, подобно Достоевскому, создателем общечеловеческих, величаво-трагических и возвышенно-ирреальных демонов»[80].

Справедливости ради заметим: в своих русскоязычных статьях Мирский причислял Ремизова к «законным потомком Достоевского»[81], а англоязычные критики, писавшие о «Пятой язве» и «Неуемном бубне», на сей раз не ограничивались сравнениями с Достоевским, а так или иначе пытались представить творчество Ремизова в привычном для читателей литературном контексте, обогатив палитру реминисценций и ассоциаций упоминаниями как современных авторов (Джойса, Поуиса), так и классиков английской

[78] *Muir E.* Rec.: The Fifth Pestilence and The Tinkling Cymbal and Sounding Brass. By Alexei Remizov. Tr. by Alec Brown. L.: Wishart, 1927 // The Nation & The Athenæum. 1927. V. 42. № 3 (October 22). P. 122.

[79] *D.S.M*<irsky> Rec.: Solitaria. By V. Rosanov. Translated by S. Koteliansky. L.: Wishart, 1927: The Fifth Pestilence, together with The History of Tinkling Cymbal and Sounding Brass, Ivan Semenovitch Stratilatov. By Alexey Remisov, translated from the Russian with a preface by Alec Brown. L.: Wishart, 1927; The Book of the Bear. By Jane Harrison and Hope Mirrlees. L.: Nonesuch Press, 1927 // The Slavonic Review. 1929. V. 7. № 20. P. 457–458.

[80] Ibid.

[81] *Святополк-Мирский Д.* Критические заметки // Вёрсты. 1928. № 3. С. 155.

литературы (Диккенса, Карлейля). (А одна из составительниц «Книги медведя», филолог Джейн Эллен Харрисон (Harrison, 1850–1928) в предисловии сравнивала Ремизова с Эзопом: «…со времен Эзопа никто с таким вкусом не писал о зверях (особенно о медведях), как Ремизов»[82].)

Более осмысленными были и трактовки конкретных персонажей, в частности, протагониста «Пятой язвы». Если Ольгин в своем «Путеводителе» выставлял Боброва в положительном свете — чуть ли не провинциальным Прометеем («Его протест против окружающих сил безмолвен, но неумолим. Это гигантская борьба одного немногословного человека со злом мира, поглотившего даже его жену и детей. В трагических чертах героя легко узнать самого автора» [14, p. 286]), — то в рецензиях на сборник 1927 г. высказывались прямо противоположные суждения: противопоставляя честного служаку Боброва диковатым обывателям провинциального Студенца, критики отдавали предпочтение последним, считая, что добродетели Боброва «мало что значат», а «члены социального клуба, несмотря на всю свою подлость и скотство, все еще остаются людьми»[83].

> Именно он главный злодей ремизовской повести, единственный настоящий злодей, — утверждал Р. Шарк. — Почему? Потому что его особая добродетель — самый бесчеловечный и наименее простительный из грехов. Бобров бесчеловечен. Бобров — пятая язва. <…> С высоты своей честности он смотрит на всех свысока <…>. И это неприятие человечности — абсолютно безнравственно, это сущая чума в человеческих взаимоотношениях. Вот почему Боброва постигает праведная кара судьбы[84].

Схожим образом интерпретировал авторскую позицию и анонимный рецензент из «Книжного обозрения “Нью-Йорк Таймс”»:

> Бобров, — чиновник, отличающийся безупречной честностью, компетентностью и профессионализмом. Но это сочетается в нем с холодной бесчеловечностью. Хотя он никому не причиняет вреда, все его боятся и ненавидят (да еще и клевещут на него). Задыхаясь в грязной атмосфере враждебности, он совершает юридическую ошибку, которая ужасно мучает его и приводит к гибели. Весь

[82] The Book of the Bear: Being Twenty-one Tales Newly / trans. by Jane Harrison and Hope Mirrlees. L.: Nonesuch Press, 1927. P. X.

[83] Famous Russian Novelist // Aberdeen Press and Journal. 1927. October 18. P. 2.

[84] <*Charques R.*> Remizov in English… P. 835.

город торжествует, и Ремизов, кажется, находит в этом какую-то странную моральную справедливость: это наказание Боброва за его нечеловеческое совершенство[85].

***

Примечательно, что отзывы на лондонское издание «Пятой язвы» и «Неуемного бубна» появились и во Франции: на страницах марсельского журнала «Ле Кайе дю Сюд» и парижского еженедельника «Звено», в 1920-е — одного из ведущих литературных изданий русского зарубежья. И русский, и французский рецензенты высоко оценили труд переводчика. «Прекрасный пример точной, вдумчивой передачи, внимательной к изгибам текста, тончайшим движениям и едва уловимым намерениям мысли», — нахваливал критик Марсель Брион (Brion, 1895–1984)[86]: «Перевод, представлявший неимоверные трудности, исполнен очень хорошо», — вторил ему автор «Звена»[87]. Но в то время как Брион (почитатель Ремизова, посвятивший ему несколько статей) продолжал рассыпаться в комплиментах автору, обладающему «особым талантом привносить фантастический элемент в самую обыденную жизнь, то обращаясь к божественному, то к демоническому»[88], его русский коллега раскритиковал и «довольно капризную» брауновскую систему передачи русских имен, и состав сборника: «… Едва ли можно признать удачной самую мысль — преподнести английскому читателю как раз “Пятую язву”. Произведение это едва ли доступно иностранцу без подробного комментария (которого г. Браун не дает), и можно опасаться, что оно автохтонностью своей отпугнет публику от Ремизова, тогда как, при более удачном выборе, он мог бы быть оценен по заслугам и по ту сторону Ла-Манша»[89].

Какой выбор ремизовских произведений был бы более удачным критик не пояснил, однако его опасения оказались не беспочвенными. Выход двух книг, встреченных разноречивыми отзывами критиков, публикации в журналах и антологиях на некоторое время привлекли к Ремизову внимание английских эстетов и даже создали ему реноме «нового кумира “высоколобых”» (так окрестили писателя в новозеландском еженедельнике, в рубрике «Книги и книголюбы», где

[85] A Russian Stylist // New York Times book review. 1928. May 13 (№ 25677). P. 17.

[86] *Brion M*. Une traduction anglaise d’Alexei Rémizov // Les Cahiers du Sud. 1928. № 100 (Avril). P. 315.

[87] *А. Мелков <Кантор М.Л.>* Рец.: The Fifth Pestilence, together with the Tinkling Cymbal and Souding Brass, by Alexei Remizov // Звено. 1928. № 3. С. 181.

[88] *Brion M*. Une traduction anglaise d’Alexei Rémizov. P. 316.

[89] *А. Мелков <Кантор М.Л.>* Рец.: The Fifth Pestilence... С. 181.

сообщалось о его визите в Лондон)[90]. Среди английских писателей, заинтересовавшихся творчеством Ремизова, был и Джеймс Джойс (если верить третьему изводу набоковской биографии Эндрю Филда, который передает воспоминания Набокова о случайной встрече с автором «Улисса» в конце 1930-х: «Видите ли, у Джойса сложилось впечатление, что Ремизов значим как писатель» [12, p. 188]), «Пятая язва» произвела сильное впечатление на писательницу-феминистку Сильвию Таунсенд Уорнер (Warner, 1893–1978), о чем та поведала в письме от 5 июня 1928 г. романисту Дэвиду Гарнетту (который познакомился с Ремизовым в Париже благодаря Харрисон): «Прочла Ремизова. Он меня совершенно ошеломил. “Пятая язва” подобна последнему взгляду Христа, который он с Креста бросил на мир, когда наступила тьма. Никто никогда не рассказывал мне о нем, и я в своем высокомерии предположила, что он просто еще один из этих унылых русских. Чарльз говорит, что вы с ним встречались и что он похож на обезьяну…»[91].

В целом титанические усилия ремизовских «полпредов», которые «стремились изменить вкусы британской публики — заменить британский энтузиазм к Толстому, Достоевскому и Чехову модернистским пристрастием к Ремизову» [16, p. 190], не увенчались успехом: завоевать англоязычный книжный рынок и закрепиться в сознании американских и британских читателей «наиболее русский из русских писателей» не смог. Череда английских переводов «замечательного русского автора», о которой писал Мирский, оказалась не слишком длинной. В 1930-е у Ремизова не вышло ни одной книги на английском языке. Причин было несколько.

За Ремизовым закрепилась репутация «одного из самых непереводимых писателей». Издания его «автохтонных» книг, построенных на «устаревшем» дореволюционном материале, были убыточными, что не слишком вдохновляло потенциальных издателей[92]. А понукать и соблазнять их стало некому: к концу 1920-х главный ремизовский импресарио, «посол Обезвелволпала при Дворе Сент-Джеймс»,

[90] Books and bookmen // Otago Witness. 1928. June 5 (№ 3873). P. 78.

[91] Letters of Sylvia Townsend Warner. L.: Chatto & Windus, 1982. P.14.

[92] В частности, именно этими обстоятельствами представитель издательства «Рутлидж» Герберт Рид мотивировал свой отказ Беатрис Скотт, в 1943 г. предлагавшей издать том ремизовской прозы. Напомнив, что книга 1927 г. оказалась «провальной», Рид резонно заметил: «у аналогичного издания в настоящее время не было бы лучших шансов». «Произведения Ремизова, — объяснял он переводчице, — по-видимому, относятся к типу почти непереводимых, поскольку перевод не передает тех лингвистических качеств, от которых так сильно зависят достоинства оригинала. В сложившихся обстоятельствах мы считаем, что не можем рекомендовать Вам продолжать перевод следующего тома произведений Ремизова. Однако мы всегда будем рады рассмотреть любые другие Ваши предложения»; цит. по: [16, p. 196].

охладел к своему протеже. «Общение и совместная деятельность окончились личным, а возможно, и идеологическим отчуждением, по крайней мере со стороны Мирского, когда его терпение не выдержало непрекращающихся, назойливых и надоедливых просьб Ремизова» [11, с. 339]. К тому же с середины 1920-х гг. интерес западной публики к эмигрантским писателям резко упал: русская литература стала ассоциироваться прежде всего с писателями Страны Советов. «Советская литература завоевывала ведущие позиции как в университетах, так и в издательствах Запада» [3, с. 359], а переводчики, управляемые «невидимой рукой рынка», поспешили удовлетворить запросы публики. Тот же Алек Браун после неудачной попытки доработать перевод «Оли», затеянный ремизовским поклонником, писателем и переводчиком Владимиром Диксоном (1900–1929)[93], обратился к произведениям Б. Пильняка[94], Л. Леонова[95], Н. Островского[96], Ю. Тынянова[97].

Упоминания о Ремизове, главным образом, о его дореволюционных произведениях, изредка встречаются в англоязычной печати начала 1930-х гг. (отметим статью «Новые тенденции в русской литературе» из мельбурнской газеты «Эйдж»: ее автор, рассказывая австралийским читателям о русском символизме, основное внимание уделил Ремизову, чье влияние «до сих пор заметно в творчестве современных русских писателей», и его наиболее характерному произведению — «причудливо фантастической и в то же время поразительно мощной» повести «Пятая язва»[98]. Однако вскоре его имя исчезает из англоязычной периодики. «Один из немногих несомненных гениев современной России» выпадает из контекста актуальной литературы и окончательно становится «достояньем доцента»: составителей антологий и авторов учебных пособий по русской словесности[99], где фигурирует как представитель литературного «плюсквамперфектума», оказавший, наряду с Андреем Белым, значительное влияние на многих советских авторов.

Единственная книга Ремизова эмигрантского периода, «Оля», была переведена без его ведома и вышла уже после Второй мировой

[93] Об истории несостоявшегося издания диксоновского перевода см.: [16, p. 198–199].

[94] *Pilniak B.* The Naked Year. N.Y.: Payson & Clarke Ltd, 1928. 305 p.

[95] *Leonov L.* Skutarevsky. L.: Harcourt, Brace and Company, 1936. 468 p.

[96] *Ostrovsky N.* The Making of a Hero. L.: E.P. Dutton & Co., inc., 1937. 440 p.

[97] *Tynianov Yu.* Death and Diplomacy in Persia. L.: Boriswood, 1938. 357 p.

[98] *R.A.P.* Recent developments in Russian literature // The Age. 1932. April 9. P. 7.

[99] В послевоенный период наиболее содержательный очерк о творчестве Ремизова дал его давний почитатель М. Слоним. См.: [15, p. 229–233].

войны, стараниями его почитателей: переводчицы Беатрис Скотт и слависта Джорджа Риви (Reavey, 1907–1976), выступившего в качестве автора предисловия. В статье Риви вполне обоснованно говорилось, что «Алексей Ремизов мало известен англоязычному читателю» и в то же время он совершенно забыт в Советской России: «Ремизова не публикуют, его творчество не обсуждают, хотя за последние десять лет возродился интерес к целому ряду писателей старшего поколения»[100]. В отличие от двух довоенных книг, издание 1947 г. не вызвало никакой реакции в англоязычной прессе. «Писатель капризов и настроений, в одно и то же время сентиментальный и шутливый, эрудированный и болезненно натуралистичный, эксцентричный и сострадательный, но прежде всего — неуловимый», — как аттестовал Ремизова Риви[101], — явно не был созвучен настроениям и чаяниям английских читателей, только что переживших Вторую мировую войну и вступавших в новую войну, Холодную.

Впрочем, и в литературном мире русского зарубежья Ремизов был, что называется, «чужим среди своих», на что с горечью указывал и сам писатель (в послевоенной автобиографической прозе и письмах доверенным корреспондентам), и его преданные, хотя и не слишком многочисленные поклонники. «Упрекая Советскую Россию в том, что она подвергла и продолжает подвергать Ремизова остракизму, мы, зарубежные русские, не можем похвастаться тем, что по заслугам оценили Ремизова или сделали сколько-нибудь серьезную попытку разобраться в его творчестве, — каялся (год спустя после смерти писателя) Г. Струве, — даже если в будущем эмиграция и может записать Ремизова в свой культурный актив. Ремизова мало читают, о нем непропорционально мало написано»[102].

«Своим» он стал для французской литературной элиты. Дриё ля Рошель, Жан Полан, Марсель Арлан (круг авторитетнейшего журнала «Нувель ревю франсез» и издательства «Галлимар»), неотомист Жак Маритен и сюрреалист Андрэ Бретон в равной степени «заинтересовались ремизовским лица необщим выраженьем, — что делает им честь»[103]. Однако литературная репутация А.М. Ремизова во Франции, история переводов и изданий его произведений, особенности их рецепции в прижизненной французской (франкоязыч-

[100] *Reavey G.* A Note on the Author // On a Field Azure. By Alexei Remizov. Transl. by Beatrice Scott. L.: Lindsay Drummond Limited, 1947. P. 1, 2.

[101] Ibid. P. 6.

[102] *Струве Г.* О Ремизове. К годовщине со дня смерти // Вестник русского студенческого христианского движения. 1958. № 50 (3). С. 12.

[103] *Шаховская З.* В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. С. 128.

ной) прессе — это, как выразился бы известный писатель, «могло бы составить тему нового рассказа, — но теперешний рассказ наш окончен».

Литература

1. Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902–2013) / авторы-сост. Е.Р. Обатнина, Е.Е. Вахненко. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. 834 с.

2. *Жукова О.А.* Творчество и религиозность в русской культуре. М.: Согласие, 2022. 594 с.

3. *Казнина О.А.* Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М.: Наследие, 1997. 416 с.

4. *Мирский Д.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. Р. Зерновой. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. 820 с.

5. Наследие А.М. Ремизова в литературном процессе XX–XXI в. URL: https://pushkinskijdom.ru/remizov/index.html (дата обращения: 01.08.2025).

6. *Обатнина Е.Р.* Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 384 с.

7. *Рогачевский А.Б.* Неизвестные письма Д.П. Святополка-Мирского середины 1920-х годов // Диаспора: Новые материалы. СПб.: Феникс, 2001. Вып. 2. С. 349–367.

8. *Смит Дж.* Парадоксы и параболы Д. Мирского // Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / сост. О.А. Коростелев, М.В. Ефимов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 5–30.

9. *Турта Е.И.* А.М. Ремизов: путь к британскому читателю // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 3 (19). С. 99–106.

10. *Уэллек Р., Уоррен О.* Теория литературы. М.: Прогресс, 1978. 326 с.

11. *Хьюз Р.* «...с вами беда — не перевести». Письма Д.П. Святополка-Мирского к А.М. Ремизову // Диаспора: Новые материалы. СПб.: Феникс, 2003. Вып. 5. С. 335–401.

12. *Field A.* VN, the life and art of Vladimir Nabokov. N.Y.: Crown, 1986, 417 p.

13. *Mirsky D.* Modern Russian literature. N.Y.: Oxford University Press, 1925. 120 p.

14. *Olgin M.* A Guide to Russian Literature (1820–1917). N.Y.: Harcourt, Brace & Howe, 1920. xiv, 323 p.

15. *Slonim M.* Modern Russian Literature. From Chekhov to the Present. N.Y.: Oxford University Press, 1953. 467 p.

16. *Smith M.S.* Aleksei Remizov's English-language Translators: New Material // «A People Passing rude». British responses to Russian culture / ed. by A. Cross. Cambridge: Open book Publishers, 2012. P. 189–200.

17. *Zohrab I.* Remizov, Williams, Mirsky and English Readers (with some letters from Remizov to Ariadna Tyrkova-Williams and two unknown reviews) // New Zealand Slavonic Journal. 1994. P. 259–287.

Research Article

“A Strange, Unhealthy Flower in the Swamp of Russian Life…” A.M. Remizov’s Work in Lifetime English-Language Criticism

© 2026. Nikolai G. Mel’nikov
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Abstract: The article is devoted to the problem of critical reception of A.M. Remizov’s work in English-language criticism of the 1910s–1920s. The research material includes literary reviews and essays, taken from the American, British, Australian, and New Zealand press, as well as fragments of monographs and textbooks. Most of them are being introduced into scientific circulation for the first time. Extensive critical and literary material allows us to trace the process of the formation of Remizov’s literary reputation in the English-speaking literary world, as well as to understand the peculiarities of the interpretation of “the most Russian of Russian writers” by English-speaking critics. The article pays special attention to bilingual authors (D. Svyatopolk-Mirskii, G. Williams, S. Graham, J. Kurnos, A. Brown, A. Reavey), who acted not only as propagandists of Remizov’s creativity, but also as connecting links between Russian and Western (Anglo-American) culture.

Keywords: A.M. Remizov, D. Svyatopolk-Mirskii, G. Williams, Russian-British literary relations, Russian Literature abroad, literary criticism, literary reputation, literary review, translation, book market, periodicals, popularity, public, reader

Information about the author: Nikolai G. Mel’nikov, PhD in Philology, Assistant Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, bld. 51, 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID.: https://orcid.org/0009-0008-6634-1082

Email: alcect@yandex.ru

For citation: Mel’nikov, N.G. “‘A Strange, Unhealthy Flower in the Swamp of Russian Life…’ A.M. Remizov’s Work in Lifetime English-Language Criticism.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (39), 2026, pp. 216–251. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-216-251

References

1. *Alexei Mikhailovich Remizov: Bibliografiia (1902–2013)* [*Alexey Mikhailovich Remizov: Bibliography (1902–2013)*], comp. by E.R. Obatnina, and E.E. Vakhnenko. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2016. 834 p. (In Russ.)

2. Zhukova, O.A. *Tvorchestvo i religioznost’ v russkoi kul’ture* [*Creativity and Religiosity in Russian Culture*]. Moscow, Soglasie Publ., 2022. 594 p. (In Russ.)

3. Kaznina, O.A. *Russkie v Anglii: Russkaia emigratsiia v kontekste russko-angliiskikh literaturnykh sviazei v pervoi polovine XX veka* [*Russians in England: Russian Emigration in the Context of Russian-English Literary Relations in the First Half of the 20th Century*]. Moscow, Nasledie Publ., 1997. 416 p. (In Russ.)

4. Mirskii, D. *Istoriia russkoi literatury s drevneishikh vremen po 1925 god* [*The History of Russian Literature from Ancient Times to 1925*], trans. from English by R. Zernova. London, Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. 820 p. (In Russ.)

5. *Nasledie A.M. Remizova v literaturnom protsesse XX–XXI v.* [*A.M. Remizov's Legacy in the Literary Process of the 20th–21st Century*]. Available at: https://pushkinskijdom.ru/remizov/index.html (Accessed 01 August 2025). (In Russ.)

6. Obatnina, E.R. *Tsar' Asyka i ego poddannye. Obez'ian'ia Velikaia i Vol'naia Palata A.M. Remizova v litsakh i dokumentakh* [*King Asyka and His Subjects. The Great Monkey and the Free Chamber of A.M. Remizov in Persons and Documents*]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2001. 384 p. (In Russ.)

7. Rogatchevskii, A.B. "Neizvestnye pis'ma D.P. Sviatopolk-Mirskogo serediny 1920-kh godov" ["Unknown Letters of D.P. Sviatopolk-Mirskii from the Mid-1920s"]. *Diaspora: Novye materialy* [*Diaspora: New Materials*], issue 2. St. Petersburg, Feniks Publ., 2001, pp. 349–367. (In Russ.)

8. Smith, Dzh. "Paradoksy i paraboly D. Mirskogo" ["Paradoxes and Parabolas of D. Mirsky"]. Mirsky, D. *O literature i iskusstve: stat'i i retsenzii 1922–1937* [*On Literature and Art: Articles and Reviews, 1922–1937*], comp. by O.A. Korostelev, and M.V. Efimov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, pp. 5–30. (In Russ.)

9. Turta, E.I. "A.M. Remizov: put' k britanskomu chitateliu" ["Remizov: On His Way to the British Reader"]. *Vestnik permskogo universiteta*, issue 3 (19), 2012, pp. 99–106. (In Russ.)

10. Wellek, R., and A. Uorren. *Teoriia literatury* [*Theory of Literature*]. Moscow, Progress Publ., 1978. 326 p. (In Russ.)

11. Kh'iuz, R. "'...s vami beda — ne perevesti'. Pis'ma D.P. Sviatopolka-Mirskogo k A.M. Remizovu" ["'Translating You is Such a Hard Job...': Letters from D.P. Sviatopolk-Mirskii to A.M. Remizov"]. *Diaspora: Novye materialy* [*Diaspora: New Materials*], issue 5. St. Petersburg, Feniks Publ., 2003, pp. 335–401. (In Russ.)

12. Field, Andrew. *VN, the Life and Art of Vladimir Nabokov*. N.Y., Crown, 1986. 188 p. (In English)

13. Mirsky, Dmitry. *Modern Russian Literature*. N.Y., Oxford University Press, 1925. 120 p. (In English)

14. Olgin, Moissaye. *A Guide to Russian Literature (1820–1917)*. N.Y., Harcourt, Brace & Howe, 1920. xiv, 323 p. (In English)

15. Slonim, Marc. *Modern Russian Literature. From Chekhov to the Present*. N.Y., Oxford University Press, 1953. 467 p. (In English)

16. Smith, Marylin S. "Aleksei Remizov's English-language Translators: New Material." Cross, A., editor. "*A People Passing Rude." British Responses to Russian Culture.* Cambridge, Open Book Publishers, 2012, pp. 189–200. (In English)

17. Zohrab, Irene. "Remizov, Williams, Mirsky and English Readers (With Some Letters from Remizov to Ariadna Tyrkova-Williams and Two Unknown Reviews)." *New Zealand Slavonic Journal*, 1994, pp. 259–287. (In English)

Статья поступила в редакцию: 01.08.2025
Одобрена после рецензирования: 24.11.2025
Дата публикации: 25.03.2026

The article was submitted: 01.08.2025
Approved after reviewing: 24.11.2025
Date of publication: 25.03.2026

Литературный факт. 2026. № 1 (39)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 1 (39), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-252-269
https://elibrary.ru/XGPJHS

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (39), 2026

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Есть места нестерпимо напыщенные, но есть и прекрасные»: Андре Жид в рецепции В.Н. Муромцевой-Буниной — от интереса к дистанцированию

© 2026, А.В. Швец
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия, МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-18-00425 («В.Н. Муромцева-Бунина — летописец Серебряного века и русской эмиграции»).

Аннотация: В статье рассматривается история контактов супругов Буниных с французским писателем Андре Жидом на протяжении 1941–1942 гг. и рецепция творчества Жида в кругу Буниных, в частности, В.Н. Муромцевой-Буниной. Факт рецепции творчества Жида Буниным в 1940-е гг. уже введен в научный оборот, однако рецептивный отклик супруги Ивана Алексеевича остается малоизученным. В данной статье приводятся максимально полно свидетельства рецепции творчества Андре Жида в 1940-е гг. Верой Буниной на материале источников из Русского архива в Лидсе. Андре Жид и супруги Бунины встречались очно в Грассе два раза (на первой встрече Вера Бунина отсутствовала). При том, что оба писателя (прошлый и будущий нобелиаты) были взаимно заинтригованы эстетико-литературными программами друг друга, итогом встреч стало недопонимание (невозможность наладить связь между разными языками и культурами), охлаждение отношений и негативная оценка творчества Жида Буниным. Подобную динамику отражают и заочные отношения Веры Буниной и Андре Жида: Бунина изучает дневники французского писателя, читает его прозу на протяжении осени 1941 – зимы 1942 гг. В самом начале заочного общения русской читательницы и французского прозаика второй вызывает у первой искренний интерес. По мере чтения Жида Бунина фиксирует различия в мировоззренческих позициях, которые касаются разного отношения к проекту коммунизма и к христианской религии. Эти различия становятся основой для дистанцирования от фигуры собесед-

ника. Помимо различий мировоззренческих, Бунина фиксирует реакцию на локальные особенности поэтики прозы Жида. Ей импонируют отдельные композиционные решения, но не близок внутритекстовый субъект (лирический герой либо повествователь). Вердиктом читательницы становится оценка Жида как талантливого писателя, но нарцисса, увлекшегося интроспекцией.

Ключевые слова: В.Н. Бунина, И.А. Бунин, А. Жид, русско-европейские литературные контакты XX в., рецепция французской литературы, русская эмиграция.

Информация об авторе: Анна Валерьевна Швец – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия; старший преподаватель, Ленинские горы, 1/51, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1492-2511

E-mail: ananke2009@mail.ru

Для цитирования: *Швец А.В.* «Есть места нестерпимо напыщенные, но есть и прекрасные»: Андре Жид в рецепции В.Н. Муромцевой-Буниной — от интереса к дистанцированию // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 252–269. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-252-269

«Знакомство сделано»: общение Буниных и Андре Жида в 1941–1942 гг. — сближение и увеличение дистанции

Знакомство и близкий контакт четы Буниных с Андре Жидом (о его связях в кругах русской эмиграции см. [6]) происходят во время Второй мировой войны, в 1941–1942 гг. Андре Жид остро отреагировал на несостоявшийся арест русского писателя летом 1941 г. После объявления войны между СССР и фашистской Германией, с 30 июня 1941 г., в Грассе задерживали и препровождали в казармы всех лиц русской национальности до выяснения обстоятельств. Бунин избежал этой участи (роль сыграли факт простуды и статус нобелевского лауреата). Уже 6 июля 1941 г. Бунин получает от Жида письмо: последний «беспокоится за Бунина в связи с арестами русских» [6, с. 398] (полный текст письма [7, с. 212], перевод с французского далее наш, если не указано иное. — *А.Ш.*). «Мое восхищение автором “Деревни”, моя глубокая признательность и симпатия столь сильны, что я не смогу спокойно переносить любые невзгоды, которые могут вас коснуться» [7, с. 212], — заверяет Бунина французский коллега по цеху; Бунин не мог не ответить, поскольку Жид «[о]чень <его> тронул» [7, с. 102].

Через несколько месяцев Жид посетил Бунина на вилле «Жаннет» и ближе познакомился с супругами очно. Визит Жида состоялся в самом конце лета, 28 августа 1941 г.: Жид только что переехал в Грасс и «в первый день своего приезда посетил бунинскую виллу,

чтобы — в случае нужды — предложить свои услуги» [4, с. 351]. Бунин, вероятно, готовился к встрече, заранее перечитав повесть Жида «Тесные врата» (1909) и удостоив произведение характерно скептическим отзывом (в записи от 12 августа 1941 г.): «Кончил “La porte étroite” Gide’a. Начало понравилось, дальше пошло что-то удивительно длинное, скучнейшее, совершенно невразумительное» [7, с. 326]. На самой встрече Вера Николаевна, скорее всего, отсутствовала (в ее дневнике двумя днями позднее, 30 августа 1941 г., отмечено: «Когда <Жид> был у нас (в мое отсутствие), он сказал, что не может играть на рояле»[1]).

Жид провел день в компании И. Бунина и Л. Зурова. На Бунина Жид произвел «оч<ень> приятное впечатл<ение>. Тонок, умен» [7, с. 329]. Впрочем, когда разговор коснулся литературных предпочтений, Бунин был скорее удивлен и частично фраппирован. Жид пренебрежительно отозвался о кумире Бунина — Толстом [12, с. 123] — и, кажется, слишком высоко о современных советских писателях (итог поездки в СССР в 1930-е гг.) [11]: «…и вдруг: Tolstoy — asiatique. В восторге от Пастернака (как от человека — “это он мне открыл глаза на настоящ<ее> положение в России”; восхищ<ается> Сологубом. <...> Gide видел Горького, но в гробу» [7, с. 329]. По свидетельству Зурова (в пересказе З. Шаховской), не сумевший скрыть удивления Бунин разыграл комическую сценку: «Жид защищал Достоевского — Бунин <...> с ним спорил. Наконец, Жид сказал: “А Ваш Толстой просто скучно пишет”. Тут Иван Алексеевич вскочил, схватил хлебный нож, лежащий на столе, и “как половец” ринулся на Жида, изображая убийство, – сцена была незабываемой» [12, с. 276].

Два дня спустя Вера Николаевна по пути домой с рынка впервые встречает нового собеседника мужа — в повозке с откидным верхом (carriole cabriolée), где она случайно оказалась рядом с семидесяти-двухлетним французом (запись от 30 августа / 12 сентября 1941 г.):

> Возвращалась в кабрийском каре. В нем ехал André Gide. Я его хорошо рассмотрела. Лицо приятное, интересное, ставшее менее похожим на пасторское. Черты лица более определены. Резкие морщины посреди щек и от носа к углам губ. Лыс, а потому хорошо видишь череп. Читал газету Gregoire, потом Signal <...> Носит рубашку защитного цвета, светло-коричневый костюм (РАЛ. MS 1067.410).

[1] Русский архив Лидсе (Великобритания; РАЛ). MS 1067/371. Далее ссылки даются в тексте статьи.

Вероятно, в какой-то момент Жид оторвался от сопоставления сводок с фронта (журнала, предназначенного для военнослужащих вермахта, «Signal» [14], и, по всей видимости, французского еженедельника «Gringoire», поддерживавшего вишистский режим) [20]. Вера Николаевна и новый знакомый обсуждали детали визита к Бунину — воспоминания о поездке в Россию и о Пастернаке: «Восторгался пейзажем России. <...> Ему очень понравился Пастернак: “Charmant”. От него он <Жид> многое узнал» (РАЛ. MS 1067.410). Как отмечал приятель Жида и друг Буниных, А.В. Бахрах, «Пастернак открыл <Жиду> глаза на происходящее вокруг, предостерегал его от увлечения теми “потемкинскими деревнями” или “образцовыми колхозами”, которые ему показывали» [4, с. 364], обратил внимание путешественника на разницу между «фасадом», который видели иностранцы, и реальным положением дел в СССР.

Очное знакомство супругов Буниных с Жидом продолжилось в сентябре 1941 г. В конце месяца Жид нанес чете второй визит (запись от 21 сентября 1941 г. в дневнике В.Н. Буниной, 16 сентября 1941 г. в дневнике И.А. Бунина). Помог случай: день рожденья Бахраха, который справляли дружеским кругом на вилле Буниных. Бахрах пригласил француза на завтрак на виллу «Жаннет» вместе с Л.И. Левиным, дядей Бахраха [5], и Г.В. Адамовичем. Праздничный стол украшали с огромным трудом добытые деликатесы: настойка на апельсиновых корках и «две коробочки настоящих сардинок на… оливковом масле» [4, с. 352]. После завтрака М.А. Степун, сестра Ф.А. Степуна и де-факто член семьи Буниных [5], оперная певица, музицировала за роялем — к восторгу собравшихся, включая Жида: «пела Глюка, Бородина, Шуберта “Двойник”, хорошо. André Gide любит и понимает музыку» (РАЛ. MS 1067.410). Бахрах же начал дружелюбно подтрунивать над французским гостем, вспоминая предыдущую встречу: «Аля <Бахрах> обыграл A<ndré> G<ide> в шахматы. Сказал, что он друг Пастернака, которого A<ndré> G<ide> очень любит и ценит. Ему <Бахраху> очень нравится, как тот <Жид> говорит — медленно, но хорошо» (РАЛ. MS 1067.410).

В тот сентябрьский день Бунин и Жид не преминули снова вернуться к «[с]пор[у] о Достоевском и Толстом», вновь обнаружив расхождения во вкусах: по замечанию Веры Николаевны, «[к]аждый говорил свое» (РАЛ. MS 1067.410). После двух встреч стали очевидны разногласия между писателями (не отменявшие взаимного интереса). Жиду (как он отмечал уже в собственном дневнике 28 августа 1941 г., еще по итогам первой встречи) были непонятны бунинское «преклонение перед Толстым» и «пренебрежение к Достоевскому,

к Щедрину, к Сологубу» [2, с. 384]: «у нас с ним нет общих святых, общих богов» [2, с. 384]. В конечном итоге, августовская «встреча несколько разочаровала» Жида, поскольку «подлинного контакта не получилось»: «Один равнодушен к тому, что восхищает другого» [2, с. 384]. Видимо, то же произошло и в сентябре.

Бунин, в свою очередь, скептически относился к оценкам собственного творчества Жидом. По поводу любимой последним «Деревни» Бунин в августе сообщал (в формулировке Бахраха), что это «еще незрелое произведение, которое для его творчества не характерно, плохо его представляет» [4, с. 353], так что Жид «заблужда[ется], превознося эту повесть» [4, с. 353]. Сам Жид высказался сдержаннее: «Я был несколько сконфужен тем, что знал только его “Господина из Сан-Франциско” и “Деревню” — юношеское произведение, которое, по <...> словам <Бунина> дает очень слабое и очень неверное о нем представление и которое я напрасно так высоко ценю» [7, с. 384]. «[Я] не смог разобрать, на чем основана симпатия, которую он ко мне проявляет» [9, с. 384], — растерянно подвел итог Жид.

Немаловажную роль играл языковой барьер. Разговор велся на не родном для Бунина языке и не состоялся бы без помощи переводчика. «Бунин очень плохо знал франц<узский> язык, говорил с трудом, не все понимал. Поэтому общения с франц<узскими> писателями было у него мало <...> Во время войны он не раз встречался с Жидом, в Грассе и в Ницце, – но всегда находились переводчики», — свидетельствует очевидец встречи Г. Адамович [8, с. 360–361]. Потому к словам Бунина скептически мог относиться и Жид, считая аргументацию коллеги слишком поверхностной: «[Ф]ранцузский язык <Бунина> был недостаточен, чтобы в антиномии “Толстой-Достоевский”, так обоих волновавшей, стараться переубедить Жида и склонить его на свою сторону. А Жид, как мне казалось, отдыхал именно благодаря отсутствию “умных разговоров”» [4, с. 353].

Несмотря на межкультурный барьер, после встречи в сентябре 1941 г. Жид предпринимает попытку сблизиться с Буниным, хоть и на дистанции. В записи 8 октября 1941 г. Вера Николаевна отмечает, что Зуров, Бахрах и Жид, встретившись в Ницце, пытаются договориться об издании рассказов Бунина в переводе на французский в Швейцарии: «они с Жидом устраивали книгу Яна в Швейцарии – в Ницце как раз был швейцарский издатель. Переводить будет Бахрах, редактировать Жид — вот и общая работа!» (РАЛ. MS 1067.410) («Вот было бы счастье», — отмечает 8 октября 1941 г. в дневнике И.А. Бунин [7, с. 334].) Впрочем, предложению нового

знакомого Вера Николаевна не доверяет: «Не знаю, будет ли хорош перевод. У Бахраха нет художественного дара. Сумеет ли он верно передать Жиду текст, и захочет ли Жид много тратить времени — неизвестно. <...> Если издатель книгу купит, для нас это хорошо» (РАЛ. MS 1067.410).

Проект не увенчался успехом, что привело к охлаждению в отношениях между Жидом и Буниным осенью 1941 г. Жид переписывал готовые переводы самого Бахраха на французский так, «чтобы Бунин звучал, как безупречная французская проза, вернее, так, как если бы “Темные аллеи” писались <...> Жидом» [4, с. 380]. Очарование сменилось разочарованием, когда Жид не смог проникнуться одним из рассказов («Три рубля»): «Где же в них профетизм “Деревни”? <...> Согласитесь, что это довольно плоско, дождь идет, молнии блещут, дождь, конечно, идет артистически, а за окном разыгрывается мелодрама, а дальше что? К чему все это? Давайте сделаем паузу в нашей совместной работе» [4, с. 380]. Увеличение дистанции между писателями взаимно-обоюдно — столь же прохладную оценку произведениям Жида дает и сам Бунин в записи 19 октября 1941 г.:

> Нынче кончил “L’école des femmes” Gide’a. Скучно, пресно, незначительно. Зачем это написано? Умный человек, прекрасно пишет, знает жизнь — и только [7, с. 336].

Осенью 1941 г. супруги общаются с Жидом на дистанции. Француза обсуждают в семейном кругу в ноябре 1941 г. — делятся сплетнями, которые сообщает А.Л. Толстая, дочь Л.Н. Толстого (запись от 2 ноября в дневнике В.Н. Буниной: «Узнали, откуда у André Gid’a 18-<лет>няя дочь. Ее мать — большая приятельница A.Gid’a. Она захотела иметь от него ребенка. Он не отказал ей в этом. Родилась девочка, которую он и удочерил <...> С бабушкой <дочери> Толстая очень дружна», РАЛ. MS 1067.413). Меньше чем через год после очного визита Жида к Буниным Вера Николаевна и французский писатель встречаются случайно в ресторане: «Завтракала с В<ерой> Р<афаиловной Мартыновой> в том же ресторане, где Андре Жид». Знакомые приветствуют друг друга скорее прохладно: «Долго он не замечал меня, потом мы встретились глазами и поклонились. Перед уходом он подошел ко мне. Обменялись любезностями» (21 марта 1942, РАЛ. MS 1067.413).

Меж тем, Вера Николаевна не может скрыть остаточной симпатии по отношению к Жиду: он «был с молодым человеком, и так они разговаривали, что казалось, что весь мир сосредоточен в этом

разговоре. Такое внимание к собеседнику меня восхищает. <...> У него необыкновенная мягкость в голосе, в улыбке, в выражении лица» (РАЛ. MS 1067.413). Сосредоточенность Андре Жида на другом человеке, его внимание к диалогу — вот качества, которые Вера Николаевна параллельно будет переосмыслять, разговаривая с писателем заочно: читая его «Дневник» и художественные произведения.

Динамика заочных отношений Андре Жида и Веры Николаевны Буниной также свидетельствует о частичном увеличении дистанции, хотя Вера Николаевна в большей степени заинтригована фигурой французского писателя. Между Жидом и супругой Бунина происходят попытки сближения, которые завершаются осознанием неизбежной разности и чуждости.

Жид пытался сблизиться с супругой Бунина тогда же, в октябре 1941 г. В записи от 8 октября 1941 г. Вера Николаевна отмечает, что писатель обещал подарить ей экземпляр «Дневника» («Journal», t. 1, 1939). Книга не дошла до адресата — во время переговоров в Ницце Жид сначала отдал книгу Бахраху, а Бахрах оставил дневник себе (видимо, утаивая подарок от глаз ревнивого Бунина): «Обещанный мне экземпляр его Journal он <Жид> подарил Але <Бахраху>, и Аля это скрыл от меня, но Ян проговорился. Скрыть от Яна он <Бахрах> не мог – хотелось похвастаться. <...> Мне интересно, что он <Жид> написал о Яне, а в собственность он мне не нужен». На протяжении октября Вера Николаевна выражает недовольство: «Почему Аля скрывает и не дает мне Journal, когда знает, что я знаю, что он у него, и знает, что мне хочется прочесть — тоже не понимаю – Warum?» (9 октября 1941, РАЛ. MS 1067.410). В дело вмешивается сам автор «Дневника», прохладно прокомментировав инцидент в небольшой записке на французском языке (запись от 13 октября 1941 г.):

> Из письма André Gid'a:
>
> Книжный магазин «Изящные книги» надеется вскоре получить несколько экземпляров моего «Дневника». Мне сказали, что мадам Бунина желала бы его приобрести (и это мне очень льстит). Как только будет возможность, я с удовольствием принесу ей этот подарочный экземпляр в честь знакомства[2].
>
> Но знакомство сделано, а Journal все нет и нет, а Аля свой экземпляр не дает (РАЛ. MS 1067.410).

[2] Выписка из письма по-франц.

Экземпляр «Дневника» Вере Николаевне в середине ноября 1941 г. привозят «три дамы из Кабриса»: Т.М. Толстая, А.Л. Толстая и супруги Вьено (Vienot) [5]. «Они все очень милые и приятные. Во многом мы сходимся. За все время нашей жизни в Грассе — первые знакомые нашего литературного уровня», — отмечает в дневнике Вера Николаевна (18 ноября 1941, РАЛ. MS 1067.413). Супруги Вьено — Пьер и Андреа (урожд. Андреа Матильда Майриш); Пьер Вьено — «будущ[ий] деголлевск[ий] министр иностранных дел французского правительства в изгнании, рано умерш[ий] <...> в те дни как раз готовился к “бегству” в Англию» [3, с. 137]. Жида и Вьено роднил общий секрет: во время поездки Жида в Кабрис (к друзьям) Жид встречался с участником французского Сопротивления русским эмигрантом Борисом Вильде и даже скрывал Вильде у себя в съемном жилье несколько дней, о чем был извещен зять хозяйки дома, Пьер [3, с. 137–138]. В 1942 г. Пьер Вьено был заключен под стражу, освобожден, затем снова задержан и оставлен до суда в санатории Санселльмоз в Пасси, но бежал в Англию и занимал пост французского посла в деголлевском правительстве вплоть до смерти от сердечного приступа 20 июля 1944 г. [22, с. 130–131].

Дневник Жида Вера Николаевна читает на протяжении осени 1941 г., делая выписки с особенно поразившими цитатами. «Понемногу постигаю его, — комментирует она пространную цитату про разницу между духом и “эгоистичным” разумом. — Любопытный человек» (18 ноября 1941, РАЛ. MS 1067.413). Чтение дневника продолжается в декабре 1941 г. и январе–феврале 1942 г. В этом заочном диалоге француз предстает перед русской читательницей как писатель, раздираемый сомнениями, полный метаний. «Интересно. Для меня ново его богоискательство. Теперь понятна его любовь к Достоевскому. Его “inquiètitude”[3]. Успокоился», — замечает Вера Николаевна (22 декабря 1941, РАЛ. MS 1067.413), размышляя об увлечении Жида русской культурой и об источниках этого увлечения. Впрочем, после прочтения записей «32 года» из дневника Жида для Буниной проступает другая крайность в интересе писателя к русской культуре, противоположная богоискательству. С этой крайностью Вера Николаевна не может соотнестись — с увлечением Жида советской идеологией: «Непонятна его тяга к коммунизму. Успокоиться он не может. Но как он не понимает, что коммунизм — тупик. Его разочарование в большевизме, неразочарование в коммунизме, хотя

[3] Беспокойство (*франц.*).

он хочет коммунизм примирить с индивидуализмом» (21 января 1942, РАЛ. MS 1067.413).

«До конца я все же еще его не поняла, — резюмирует В.Н. Бунина в той же записи 6 февраля 1942 г. — Не всего его читала <...> Я люблю писателя узнавать до конца» (6 февраля 1942, РАЛ. MS 1067.413). Эту задачу — узнавание писателя до конца и определение собственного к нему отношения — она упорно решала на протяжении 1941–1942 гг.

«Провела ночи в обществе Жида»: творчество Андре Жида в рецепции Веры Буниной – заинтересованность и дистанция

До получения «Дневника», в начале октября 1941 г., Вера Николаевна — вероятно, будучи под впечатлением от очного знакомства, — запойно читает произведения Жида (в частности, «Яства земные» 1897 г.): «Эту неделю я провела всю, даже и ночи, в обществе Жида. Перечитала много его книг. Сейчас читаю “Les nourritures terrestres” — очень неровное произведение» (8 октября 1941, РАЛ. MS 1067.410). «Яства земные» вызывают у русской читательницы Жида смешанную реакцию: «Есть места нестерпимо напыщенные, но есть и прекрасные».

«Неровное произведение» — сборник лирико-импрессионистических зарисовок, представленных в диалоге повествователя, учителя Меналька, и его адресата-ученика, юного Натанаэля. Имя Меналька (Ménalque), «проводника» Натанаэля, отсылает к пастуху-поэту Менальку (Menalcas) из «Буколик» Вергилия [19]. «Ученик» Меналька, Натанаэль, вызывает в памяти образ одного из первых последователей Иисуса Христа, Нафанаила из Каны Галилейской. В «Яствах земных» Менальк — не столько представитель мира идиллии, сколько демон-искуситель, наставляющий собеседника на путь чувственного наслаждения при помощи поэтических афоризмов. Потому его визави, ученик и последователь Натанаэль, нередко сравнивается с другими известными персонажами-гедонистами литературы рубежа веков: дез Эссентом Гюисманса [18], Заратустрой Ницше [21], Дорианом Греем Уайлда [16].

Участники диалога условно тяготеют к двум полюсам: Менальк — к инстанции воображаемого идеального автора, Натанаэль — к инстанции подразумеваемого идеального читателя; благодаря взаимодействию между этими фигурами, в произведении развивается лирический сюжет – драма чувственного познания мира вокруг и наслаждения им [17]. Эта повествовательная условность Веру Николаевну раздражает: «И при чем тут все Менальки, <нрзб.>

и Nathanaël'и». Несущую драматургическую конструкцию диалога между учителем-искусителем и учеником-гедонистом можно убрать, намекает В.Н. Бунина, далее упоминая, что наиболее впечатлили ее как читателя как раз-таки бессюжетные лирические отступления, поэтические миниатюры, насыщенные яркими символистскими образами природы:

> Есть места нестерпимо напыщенные, но есть и прекрасные: <…> [Колышущиеся волны! Это вы так раскачали мои мысли. Ты ничего не построишь на гребне волны. Она не выдерживает никакой тяжести.] <...> затем опять прелестно: <...> [Нет, все эти звезды на небе, весь этот жемчуг в море, белые перья на берегу заливов, — я еще не все их пересчитал.] (РАЛ. MS 1067.410)[4]

Русская читательница и испытывает симпатию к французу, и в то же время выражает скептицизм по отношению к творчеству последнего, так что дистанция между двумя заочными собеседниками ощутима. 13 октября 1941 г., когда «Яства земные» дочитаны, Вера Николаевна подводит итог: «Местами хорошо, в целом не нравится, не чарует. Все, что он любит, я тоже с юности люблю, но без напыщенности и без декламации». Качества «напыщенности и декламации» проявляются в повествовательной структуре произведения и, в частности, в фигуре искусителя-демона Меналька, несколько карикатурно-трафаретной, словно созданной для сцены, где подобные монологи смотрятся уместнее. В тексте не для постановки в глаза бросается опосредование лирической импрессии, ее обрамление искусственной конструкцией. В этой связи Бунина замечает: «[К]онечно, француз, выросший на "comédie française" — это не мы, да и другого поколения. Мое все стремилось к простоте, даже в романтизме» (РАЛ. MS 1067.410).

Впрочем, при несогласии с отдельными аспектами творческого метода Жида, Вера Николаевна находит общие точки между мировоззрением французского писателя и мировоззрением собственным — в той же записи от 13 октября 1941 г.: «А. Жид прав, призывая интересоваться самим собой больше, чем другим, потом всем остальным, чем собой <так!>» (РАЛ. MS 1067.410). Жид привлекает Бунину не только детальной лирической интроспекцией, но и в целом мастерством литературного психологизма. В записи

[4] Цитаты из франц. оригинала, приводимые В.Н. Буниной (заключены в прямые скобки), даны в пер. Ю. Покровской по изд.: *Жид А.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Терра-Книжный клуб, 2002. Т. 1. С. 208–209, 249.

от 8 октября 1941 г. отмечено, что Жиду (как Флоберу и Мориаку, ср. [13]) присуще «внимание к душе человека», в то время как

> …большинство как-то чувственно воспринимают людей или совсем внешне, а внимания к душе, к внутренней жизни ни у кого почти нет. А ведь сила над другим человеком только именно в том внимании, когда оно действительно по-настоящему пытливо и напряжено. André Gide это понимает. В этом его сила над другим человеком (РАЛ. MS 1067.410).

Однако другие произведения А. Жида — прочитанные залпом за одну октябрьскую неделю — вызывают у Буниной скорее прохладную реакцию. В записи 9 октября 1941 г. отмечено, что романы французского писателя ей «“сказали” очень мало. Они, в конечном итоге, очень элементарны». Причина «элементарности» этих романов — в бытовом характере повествовательных коллизий, их жесткой причинно-следственной сцепленности, фабульно-событийной природе сюжета: «Жена разлюбила мужа, потому что он оказался не тем, каким она его вообразила. Муж не может понять этого. Дочь не любит отца и обожает мать. Хочет свободы <...> все это для детей младшего возраста, а мне это ни к чему» (РАЛ. MS 1067.410).

Речь идет о более поздней романной трилогии Жида: «Урок женам» (L’ecole des Femmes, 1929), «Робер» (Robert, 1930), «Женевьева, или незавершенная исповедь» (Geneviève, ou La Confidence inachevée, 1936). Скорее всего, причина отторжения заключается в том, что трилогия Жида конца 1920-начала 1930-х гг. в качестве модели опираются на иную поэтику, непривычную для представителей русской эмиграции. По замечанию П. ДеДоминико, эти романы Жида (по времени близкие к его поездке в СССР 1936 г. [11]) свидетельствует о переходе к сюжетной поэтике дидактического романа (roman à thèse). Доктринарная поэтика такого романа близка к роману соцреалистическому — с присущими форме повествовательными ограничениями (становление персонажа как типичного представителя класса) [15]. Подобные нарративные условности спрямляют событийную канву сюжета: важно показать не только внутренний мир персонажа, но и его типический путь, что обычно делает сюжет, полностью совпадающий с фабулой.

Несмотря на в общем сдержанно-скептическую реакцию на трилогию Жида, В.Н. Бунина фиксирует отдельные позитивные моменты рецептивного опыта: «В *Женевьеве* есть хорошие места». Во-первых, читательнице импонирует правдоподобие персонажей:

«Она <Женевьева> сама свежа и типична, то есть, веришь, что такая существует». Во-вторых, отдельные персонажи примечательны не только как представители социальных типов, но и благодаря уникальным выразительным подробностями: «Хорошо даны ее подруги, особенно Келлер, дочь знаменитого художника, талантливая и красивая девочка, с полагающимся спокойствием читающая стихи Бодлера. Их дружба» (РАЛ. MS 1067.410).

Сара Келлер, — подруга рассказчицы, дочь известного художника-еврея, в повести занимает позицию изгоя (из-за своего происхождения), тем самым противостоя добропорядочной французской буржуазии начала XX в. (действие романа разворачивается в 1913 г.). Когда Сара посещает дом Женевьевы, будучи приглашена на званый ужин, она восхищается богатой обстановкой (в то же время иронизируя над очевидным отсутствием вкуса). На ужине отец Женевьевы, Робер, — типичный буржуа, скупающий безвкусные картины для демонстрации образованности — просит Сару развлечь публику публичной декламацией стихов, и Сара выбирает «Смерть любовников», «Приглашение к путешествию» и «Фонтан» Бодлера. Робер довольно замечает, что Бодлер «[о]дна из вершин французской поэзии», не забыв предъявить томик «Цветов зла», «которым ему хотелось похвастаться из-за его роскошного переплета». Женевьева тут же проницательное замечает, что суждения отца «как всегда, чужие, благополучно присвоенные им»[5]. Робер высмеян как типичный ограниченный буржуа — и мы видим эту сцену одновременно глазами Сары (знающей, что буржуа не замечает провокативность бодлеровских образов), и Женевьевы (знающей, что отец воспроизводит чужие суждения). Этот повествовательный прием — вместе с интегрированными в него деталями — привлекает внимание В.Н. Буниной как удачный. При негативной оценке сюжетной структуры в целом, Вера Николаевна не может не отметить, что Жиду удается нарративная драматургия отдельного эпизода.

Остаточный интерес и остаточная эмпатия не только к персонажам, но и к внутритекстовому субъекту произведений Жида остается у Веры Николаевны на протяжении зимы 1942 г. на фоне холодно-скептического отношения к творчеству француза. Русская читательница продолжает делать выписки на французском из произведений писателя — в записи от 9 января 1942 г. встречается выразительно-лапидарные «заметки для себя»:

[5] *Жид А.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Терра-Книжный клуб, 2002. Т. 3. С. 317, 318 (пер. Е. Семиной).

«Нужно быть самим собой, чтобы доказать свое превосходство над собой». Леон Пьер-Квинт, «Андре Жид». В «Имморалисте» — инстинкты власти человека.

В «Плодах земли» — его стремления к удовольствию.

«Удовольствие — это обязанность, потому что быть счастливым естественно для человека».

«Не любовь, а пыл». Жид.

«Желать с пылом — вот высший восторг…». Жид.

«В экстазе удовольствие принимает форму поклонения: Через все я безумно обожал». Жид (РАЛ. MS 1067.413)[6].

Первая цитата взята из монографии «Андре Жид: жизнь и творчество» (André Gide sa vie, son oeuvre. Stock, 1932) авторства Леона Пьера-Квинта (наст. имя Léopold Léon Steindecker, 1895–1958), писателя, литературного критика, друга Пруста и Жида и главы парижского издательства «Éditions du Sagittaire» (1919–1979). Это замечание критика сопровождается краткой фиксацией читательской рефлексии уже самой Веры Николаевны. Пьер-Квинт подает Буниной следующую идею: де-факто ницшеанский, стремящийся превзойти себя субъект явлен и в повести «Имморалист», и в сборнике стихов в прозе «Яства земные». Художественный вектор в повести — изображение ницшеанского сверхчеловека через стремящегося к власти персонажа (протагониста Мишеля); художественный вектор в сборнике стихов — изображение того же субъекта через лирические маски гедониста Меналька и его ученика Натанаэля. Такому субъекту присущ примат удовольствия над моральными обязательствами. Удовольствие как характерологическая доминанта внутритекстового субъекта имеет несколько воплощений: желание, пыл и страсть (ferveur), экстаз, поклонение — что отсылает к удовольствию как в узком смысле (эротическому), так и в широком (гедонистическое удовольствие от жизни вообще, по ту сторону морали).

По выпискам можно предположить, что субъект прозаических и поэтических текстов Жида — будь то персонаж, персонаж-рассказчик или лирический герой — гедонист-ницшеанец, в центр ставящий чувственное наслаждение в ущерб прочим составляющим. Однако этот тезис Вера Николаевна не заявляет в качестве окончательно и переосмысляет — в беседе с Зуровым и друзьями семьи (укрывавшийся на вилле «Жаннетт» от немецких арестов

[6] Подлинник по-франц.

пианист Александр Либерман) [1, с. 230–231]. Несмотря на тягу француза к чувственному «имморализму», Вера Николаевна в диалоге с Зуровым и Либерманом приходит к выводу, что Жид «головной писатель, и тоже едва ли что от его произведений останется, по мнению Лени <Зурова> и Либермана» (14 января 1942, РАЛ. MS 1067.413). Сама Вера Николаевна, впрочем, считает несколько иначе — в меньшей степени ее беспокоит, что от произведений француза останется, в большей — вопрос внутреннего ценностного выбора. Жид писатель талантливый и глубоко думающий, полагает она, другое дело, что он выбрал ту систему ценностей, которые Бунина не принимает: «Жид любит природу, животных, цветы, общение с людьми духовное, общее чтение, хорошо и глубоко знает религиозные вопросы. Много думал о них. К сожалению, отвернулся от важного» (РАЛ. MS 1067.413). В феврале 1942 г. в беседе в домашнем кругу писателю вынесен следующий вердикт: «Говорили о Жиде, о Мориаке, о политике, они пессимисты» (22 февраля 1942, РАЛ. MS 1067.413).

Несколько месяцев спустя, весной-летом 1942 г., Вера Николаевна подводит итоги знакомства с Жидом, встраивая писателя в галерею похожих литературных деятелей. «В самом Жиде есть родственное Розанову — это самообнажение, — только люди они уж очень разные, <что> для нас, не умеющих себя обнажить, очень полезно» (2 мая 1942, РАЛ. MS 1067.413). Снова заинтересованность творческим методом и художественной философией («очень полезно») сочетается с скептическим дистанцированием от эстетической доминанты, «самообнажением», пусть дистанцирование и подразумевается между строк. Дистанцирование очевидно в записи от 23 августа 1942 г., где Жид сравнивается с Марией Башкирцевой, русской художницей XIX в., которая самостоятельно сделала карьеру и прославилась публикацией своего дневника: «У нее большая воля, сильные желания. Нарциссизма больше, чем у Andre Gid[e], и это и интересно, а все ее суждения и рассуждения, конечно, неинтересны, как и ее жизнь внешняя» (РАЛ. MS 1067.413).

Этот итог венчает «роман с Жидом», ставя в нем завершающую точку на момент 1942 г. Французский писатель импонирует Вере Николаевне, но только в отдельных аспектах творчества — зачастую периферийно-побочных. Магистральный вектор отношения к творчеству Жида — холодное дистанцирование при уважительном признании.

Литература

1. *Бабореко А.К.* И.А. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917). М.: Худож. лит., 1967. 303 с.

2. *Бабореко А.К.*, *Мотылева Т.Л.* Бунин в споре с Андре Жидом // Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84. Кн. 2. С. 380–387.

3. *Бахрах А.В.* Бунин в халате. По памяти, по записям. Литературные портреты. Paris: La Presse Libre, 1980. 206 с.

4. *Бахрах А.В.* По памяти, по записям. Андре Жид // Континент. 1976. № 8. С. 349–386.

5. *Дэвис Р.*, *Пономарев Е.Р.* Материалы для Бунинской энциклопедии. URL: https://ivbunin.ru/index.php/biografiya/materialy-dlya-buninskoj-entsiklopedii (дата обращения: 01.04.2025).

6. *Красавченко Т.Н.* Жид (Gide) Андре (1869–1951) // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). 2001. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhid-gide-andre-1869-1951 (дата обращения: 01.04.2025).

7. Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2022. Т. 110. Кн. 2: Бунин / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. 992 с.

8. По следам парижской командировки: Из писем Г.В .Адамовича, Т.А. Осоргиной-Бакуниной и Н.Б. Зайцевой-Соллогуб / публ. Николеску Т.Н. // И.А. Бунин: Новые материалы. М.: Русский путь, 2004. Вып. I / Сост., ред. О.А. Коростелева и Р. Дэвиса. С. 354–366.

9. *Пономарев Е.Р.* Раннее творчество В.Н. Муромцевой-Буниной: генезис и поэтика // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 9. С. 251–264.

10. Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны, и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1982. Т. 3. 223 с.

11. *Харитонова Н.Ю.* Андре Жид — друг СССР. Рождение репутации // Литературный факт. 2017. Т. 3. С. 164–180.

12. *Шаховская З.А.* Бунин // *Шаховская З.А.* В поисках Набокова. Отражения. Paris: YMCA-Press, 1991. С. 122–159.

13. *Швец А.В.* Супруги Бунины читают Гюстава Флобера в 1940-е гг.: функции рецептивного опыта (на материале дневников И.А. Бунина и В.Н. Муромцевой-Буниной за 1941 г.) // Новый филологический вестник. 2024. № 3. Т. 70. С. 203–214.

14. *Bartlett D.* Socialist Dandies International: East Europe, 1946–59 // Fashion Theory. 2013. № 3. Т. 17. P. 249–298.

15. *DeDominico P.F.* Unfinished Business: André Gide's *Geneviève* and the Constraints of Socialist Realism // André Gide's Politics: Rebellion and Ambivalence. London: Palgrave Macmillan, 2000. P. 179–203.

16. *Endres N.* Panta Rhei: André Gide's "Les Nourritures Terrestres," Oscar Wilde's "The Picture of Dorian Gray," and Walter Pater's "Conclusion" // Romance Notes. 2001. № 2. Т. 41. P. 209–221.

17. *Hubert M.-C.* Y at-il une théâtralité des "Nourritures terrestres"? // Bulletin des Amis d'André Gide. 1993. № 98. P. 221–223.

18. *Noguez D.* Des Esseintes et Nathanaël // Revue des Lettres Modernes. Paris, 1971. P. 63–85. (André Gide.Vol. 2)

19. *O'Brien J.* Gide's *Nourritures terrestres* and Vergil's *Bucolics* // Romanic Review. 1952. № 2. T. 43. P. 117–125.

20. *Ory P.* Les Collaborateurs. Paris: Editions du Seuil, 1980. 320 p.

21. *Savage C.H.* "Les Nourritures terrestres" and "Also sprach Zarathustra" // The South Central Bulletin. 1961. № 4. T. 21. P. 51–55.

22. *Teillet Cl.* Pierre Viénot // Comptes-rendus & mémoires de la Société archéologique et historique de Clermont-de-l'Oise. Senlis: Imprimeries réunies de Senlis, 1991. P. 129–131.

Research Article and Publication of Archival Documents

"There Are Passages Unbearably Pretentious, but There Are Also Beautiful Ones": André Gide in the Reception of V.N. Muromtseva-Bunina — From Interest to Distancing

© 2026. Anna V. Shvets
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Lomonosov Moscow State University
Moscow

Acknowledgements: The work was carried out at IWL RAS with the support of the grant by the Russian Science Foundation, project no. 24–18–00425 "V.N. Muromtseva-Bunina — Chronicler of Russian Emigration."

Abstract: The article examines: 1) the history of the Bunins' contacts with the French writer André Gide during the years 1941–1942, and 2) the reception of André Gide's works within the Bunin circle, particularly by V.N. Muromtseva-Bunina. While the fact of Gide's reception by Bunin in the 1940s has already been introduced into scholarly discourse, the receptive response of Ivan Alekseevich's wife remains understudied. This article presents the most comprehensive evidence to date of V.N. Muromtseva-Bunina's reception of André Gide's works in the 1940s, based on materials from the Russian Archive in Leeds. André Gide and the Bunins met in person twice in Grasse (with Vera Nikolaevna absent at the first meeting). Although both writers (one a past Nobel laureate and the other a future one) were mutually intrigued by each other's aesthetic-literary programs, their encounters ultimately resulted in misunderstanding (an inability to bridge the gap between different languages and cultures), a cooling of relations, and Bunin's negative assessment of Gide's work. This dynamic is reflected in the indirect relationship between Vera Nikolaevna and André Gide as well: Vera Nikolaevna studied the French writer's diaries and read his prose during the autumn of 1941 and winter of 1942. At the beginning of this indirect engagement between the Russian reader and the French writer, the latter evoked genuine interest in the former. However, as her reading progressed, V.N. Muromtseva-Bunina began to note differences in their ideological positions, particularly regarding their views on communism and

Christianity. These differences became the basis for her distancing from her literary interlocutor. In addition to ideological differences, Vera Nikolaevna also recorded her reaction to specific features of Gide's prose poetics. While she appreciated certain compositional decisions, she felt no affinity with the textual subject (whether the lyric hero or the narrator). Her final verdict was to recognize Gide as a talented writer but also a narcissist overly absorbed in introspection.

Keywords: V.N. Bunina, I.A. Bunin, A. Gide, contacts between European and Russian literature of the 20th century, reception of French literature in Russian émigré circles

Information about the author: Anna V. Shvets, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia; Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye gory, 1/51, 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1492-2511

E-mail: ananke2009@mail.ru

For citation: Shvets, A.V. "'There Are Passages Unbearably Pretentious, but There Are Also Beautiful Ones': André Gide in the Reception of V.N. Muromtseva-Bunina — From Interest to Distancing." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (39), 2026, pp. 252–269. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-252-269

References

1. Baborieko, A.K. *I.A. Bunin. Materialy dlia biografii (s 1870 po 1917)* [*I.A. Bunin. Materials for a Biography (from 1870 to 1917)*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1967. 303 p. (In Russ.)

2. Baborieko, A.K., and T.L. Motyleva. "Bunin v spore s Andre Zhidom" ["Bunin in Dispute with André Gide"]. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 84, book 2. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 380–387. (In Russ.)

3. Bakhrakh, A.V. *Bunin v khalate. Po pamyati, po zapisyam. Literaturnye portrety* [*Bunin in a Robe. From Memory, From Notes. Literary Portraits*]. Paris, La Presse Libre, 1980. 206 p. (In Russ.)

4. Bakhrakh, A.V. "Po pamyati, po zapisyam. Andre Zhid" ["From Memory, from Notes. André Gide"]. *Kontinent*, no. 8, 1976, pp. 349–386. (In Russ.)

5. Davis, R. and E.R. Ponomarev. Materialy dlya Buninskoy Entsiklopedii [*Materials for Bunin Encyclopaedia*]. Available at: https://ivbunin.ru/index.php/biografiya/materialy-dlya-buninskoj-entsiklopedii (Accessed 01 April 2025). (In Russ.)

6. Krasavchenko, T.N. "Zhid Andre (1869–1951)" ["Gide André (1869–1951)"]. *Literaturnaia entsiklopediia russkogo zarubezh'ia (1918–1940)*, no. 1, 2001. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/zhid-gide-andre-1869-1951 (Accessed 01 March 2025). (In Russ.)

7. Korostelev, O.A. and S.N. Morozov, editors. *Literaturnoye nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 110, book 2: Bunin [Bunin]. Moscow, IWL RAS Publ., 2022. 992 p. (In Russ.)

8. "Po sledam parizhskoi komandirovki: Iz pisem G.V. Adamovicha, T.A. Osorginoi-Bakuninoi i N.B. Zaitsevoi-Sollogub" ["Following a Paris Business Trip: From the Letters of G.V. Adamovich, T.A. Osorgina-Bakunina, and N.B. Zaytseva-Sollogub"],

publ. by T.N. Nikolesku. Korostelev, O.A. and R. Davis, editors. *I.A. Bunin: Novye materialy* [*I.A. Bunin: New Materials*], issue 1. Moscow, Russkii put' Publ., 2004, pp. 354–366. (In Russ.)

9. Ponomarev, E.R. "Rannee tvorchestvo V.N. Muromtsevoi-Buninoi: genezis i poetika" ["The Early Works of V.N. Muromtseva-Bunina: Genesis and Poetics"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiia*, no. 9, 2024, pp. 251–264. (In Russ.)

10. Grin, M., editor. *Ustami Buninykh. Dnevniki Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny, i drugie arkhivnye materialyI v 3 t.* [*By the Mouths of the Bunins. Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna, and Other Archival Materials: in 3 vols.*], vol. 3. Frankfurt am Main, Posev Publ., 1982. 223 p. (In Russ.)

11. Kharitonova, N.Iu. "Andre Zhid-drug SSSR. Rozhdenie reputatsii" ["André Gide as a Friend of the USSR: The Birth of a Reputation"]. *Literaturnyi fakt*, vol. 3, 2017, pp. 164–180. (In Russ.)

12. Shakhovskaia, Z.A. "Bunin" ["Bunin"]. Shakhovskaia, Z.A. *V poiskakh Nabokova. Otrazheniia* [*In Search of Nabokov. Reflections*]. Paris, YMCA-Press, 1991, pp. 122–159. (In Russ.)

13. Shvets, A.V. "Suprugi Buniny chitaiut Giustava Flobera v 1940-e gg.: funktsii retseptivnogo opyta (na materiale dnevnikov I.A. Bunina i V.N. Muromtsevoi-Buninoi za 1941 g.)" ["The Bunins Reading Gustave Flaubert in the 1940s: Functions of Receptive Experience (Based on the Diaries of I.A. Bunin and V.N. Muromtseva-Bunina from 1941)"]. *Novyi filologicheskyi vestnik*, no. 3, vol. 70, 2024, pp. 203–214. (In Russ.)

14. Bartlett, Djurdja. "Socialist Dandies International: East Europe, 1946–59." *Fashion Theory*, no. 3, vol. 17, 2013, pp. 249–298. (In English)

15. DeDominico, Peter F. "Unfinished Business: André Gide's Geneviève and the Constraints of Socialist Realism." A*ndré Gide's Politics: Rebellion and Ambivalence*. London, Palgrave Macmillan, 2000, pp. 179–203. (In English)

16. Endres, Nikolai. "Panta Rhei: André Gide's ʻLes Nourritures Terrestres,' Oscar Wilde's ʻThe Picture of Dorian Gray,' and Walter Pater's ʻConclusion'." *Romance Notes*, no. 2, vol. 41, 2001, pp. 209–221. (In English)

17. Hubert, Marie-Claude. "Y at-il une théâtralité des ʻNourritures terrestres'?" *Bulletin des Amis d'André Gide*, no. 98, 1993, pp. 221–223. (In French)

18. Noguez, Dominique. "Des Esseintes et Nathanaël." *Revue des Lettres Modernes*, 1971, pp. 63–85. (André Gide, vol. 2) (In French)

19. O'Brien, Justin. "Gide's *Nourritures terrestres* and Vergil's *Bucolics*." *Romanic Review*, no. 2, vol. 43, 1952, pp. 117–125. (In English)

20. Ory, Pascal. *Les Collaborateurs*. Paris, Editions du Seuil, 1980. 320 p. (In French)

21. Savage, Catherene Hill. "'Les Nourritures terrestres' and ʻAlso sprach Zarathustra'." *The South Central Bulletin*, no. 4, vol. 21, 1961, pp. 51–55. (In English)

22. Teillet, Claude. "Pierre Viénot." *Comptes-rendus & mémoires de la Société archéologique et historique de Clermont-de-l'Oise*. Senlis, Imprimeries réunies de Senlis, 1991, pp. 129–131. (In French)

Статья поступила в редакцию: 16.09.2025
Одобрена после рецензирования: 24.11.2025
Дата публикации: 25.03.2026

The article was submitted: 16.09.2025
Approved after reviewing: 24.11.2025
Date of publication: 25.03.2026

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

Литературный факт. 2026. № 1 (39)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 1 (39), 2026

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-270-285
https://elibrary.ru/XFCHVU

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (39), 2026

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Забытый предшественник Эренбурга: Леонид Полонский, автор повести «Оттепель» (1880)

© 2026, К.В. Душенко
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются беллетристические произведения Леонида Полонского (1833–1913), и прежде всего его повесть «Оттепель» (1880). Беллетристика Полонского, видного деятеля русского либерализма, вырастала из его публицистики. Почти во всех его рассказах и повестях присутствует неизменный мотив: оппозиционер (либерал или социал-демократ), которому противостоит не только государственный аппарат, но и равнодушное, косное общество. Наибольшее внимание современников привлекла первая повесть Полонского «Надо жить» (1878). Ее наиболее оригинальную черту составлял двойной мировоззренческий конфликт — с одной стороны, между отцом (чиновником политической полиции) и его сыном-студентом, с другой — между либерально и революционно настроенными студентами. Повесть Полонского «Оттепель» печаталась в декабре 1880 г., во время так называемой «Лорисовской оттепели». Здесь, как и в повести И. Эренбурга 1954 г., весеннее пробуждение природы служит метафорой политического «оттаивания» общества; одновременно «оттаивают» чувства центральных персонажей. Но если герои повести Эренбурга полны надежд на перемены к лучшему, то герой повести Полонского в самый разгар «Лорисовской оттепели» словно предчувствует ее плачевный конец.

Ключевые слова: Леонид Полонский, русский либерализм, «Вестник Европы», газета «Страна» (1880–1882), М.Т. Лорис-Меликов, И.А. Тургенев, И. Эренбург.

Информация об авторе: Константин Васильевич Душенко — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Нахимовский пр-т, д. 27, 51/21, 117997 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7708-1505

E-mail: kdushenko@nln.ru

Для цитирования: *Душенко К.В.* Забытый предшественник Эренбурга: Леонид Полонский, автор повести «Оттепель» (1880) // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 270–285. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-270-285

Понятие «оттепели» как явления политического и культурного обычно связывается с т. н. «хрущевской оттепелью». Она получила свое название от заглавия повести Ильи Эренбурга, опубликованной в журнале «Знамя» за май 1954 г. Гораздо реже упоминается об «оттепели» второй половины 1850-х гг., наступившей после смерти Николая I. Этот момент русской истории назвал «оттепелью» Ф.И. Тютчев весной 1855 г.

Оттепельные метафоры возникали и в другие моменты русской и советской истории, начиная с 1800-х гг. (подробнее об этом см.: [2]). Одним из таких моментов была т. н. «диктатура сердца» М.Т. Лорис-Меликова (1880–1881), породившая надежды на продолжение либеральных реформ. Именно тогда в печати появилась повесть по преимуществу политического содержания под названием «Оттепель».

Автором повести был Леонид Александрович Полонский (Леливо-Полонский, 1833–1913). Родился он в Виленской губернии в польской дворянской семье и свои иноязычные статьи подписывал именем Leon (Leonid, Leonidas) Połoński (Polonsky). В 1854 г. Полонский окончил юридический факультет Петербургского университета; до 1862 г. служил в канцелярии Военного министерства, затем в Министерстве народного просвещения.

В 1860–1890-е гг. Полонский — один из ведущих публицистов либерального направления. И.С. Тургенев называл его «нашим первым публицистом» (письмо к П.В. Анненкову от 18 марта 1881 г.)[1], а современный польский исследователь Адам Новиковский, несколько преувеличенно, — «забытым классиком либеральной мысли» [5, s. 218].

Полонский сотрудничал со множеством газет и журналов, русских и иностранных, как правило, анонимно либо под псевдонимом; в «Словаре псевдонимов» И.Ф. Масанова указано 26 его псевдонимов.

С 1868 по 1879 г. Полонский вел раздел «Внутреннее обозрение», а с декабря 1870 г. также и «Иностранное обозрение» в «Вестнике Европы», главном либеральном журнале того времени[2]. В 1880–1882 гг. он издавал собственную газету «Страна», в 1884–1892 гг.

[1] *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Письма: в 13 т. Л.: Наука, 1968. Т. 13, кн. 1. С. 72.

[2] Этот период публицистической деятельности Полонского рассматривается в работе: [1, с. 232–239, 247–257, 335–356].

вел раздел «Внутреннее обозрение» в журнале «Русская мысль», а в 1893–1895 гг. — несколько разделов в журнале «Северный вестник». С конца 1880-х гг. Полонский помещал статьи в умеренно-прогрессистской петербургской газете на польском языке «Kraj» («Страна»), а в 1909 г. принял участие в организации ежедневной газеты «Dziennik Petersburski» («Петербургский дневник»). По замечанию В.Д. Кузьмина-Караваева, современника Полонского, «в последние годы польский писатель в нем пересилил русского» [3, с. 53].

Собственно писательское наследие Полонского невелико. Его очерки, рассказы и повести публиковались в периодике под псевдонимом Л. Лукьянов с 1878 по 1892 г. Сборник «На досуге» (1883)[3] остался единственным книжным изданием его беллетристики. Беллетристика Полонского вырастала из его публицистики; поэтому мы будем рассматривать ее на фоне публицистической деятельности автора «Оттепели».

***

Наибольшее внимание современников привлек первый беллетристический опыт Полонского — повесть «Надо жить», напечатанная в декабрьском номере «Вестника Европы» за 1878 г.

В центре повествования находятся отец и сын Саханины. Саханин-старший — чиновник «департамента спешных мероприятий», т. е. политической полиции. Он «сперва похоронил иллюзии университета, потом иллюзии идеальной любви и семейного счастья, далее — иллюзии быстрой карьеры, наконец — иллюзии либерализма»[4]. Думает он только о деньгах и удовольствиях, а свое служебное положение использует для обогащения. Студент Аркадий Саханин ищет иную дорогу в жизни. «Никаких выработанных убеждений я не имею», — замечает он с сожалением[5]. Однако в беседе (по сути — диспуте) с социалистом-народником он последовательно отстаивает либеральные взгляды и настаивает на необходимости для России политической и экономической свободы. Его последний довод в этом диспуте таков: «...Ваши же идеалы не могут осуществляться без предварительного осуществления моих»[6].

Этот двойной мировоззренческий конфликт составлял наиболее оригинальную черту повести: «...Показан процесс нравственного и политического расхождения отцов и детей, с одной стороны,

[3] В выходных данных указан 1884 г., но книга вышла в 1883 г.

[4] *Полонский Л.А.* На досуге. СПб.: Р. Голике, 1884. Т. 1. С. 47.

[5] Там же. С. 9.

[6] Там же. С. 49.

а с другой — между самими детьми» [1, с. 121]. В финале Саханин-старший, получив большой куш, замечает про себя: «Больше средств, больше и простора... так жить можно». Одновременно он получает записку от сына, подвергнутого предварительному заключению: «Не тревожьтесь; я до сих пор ничего не сделал; но так жить нельзя...» «Эх, молодость, молодость! — сказал почти вслух Андрей Егорович, — "так жить нельзя", выдумал что!»[7].

Цензор выразил неудовольствие по поводу описания трех случаев обыска в различных квартирах [1, с. 124]. Тема полицейского произвола, и прежде всего тайного надзора и обысков, возникает затем чуть ли не во всех беллетристических произведениях Полонского; она же неизменно присутствует в его публицистике.

В том же номере «Вестника Европы» сразу после повести Полонского помещено его «Внутреннее обозрение», где затронуты те же самые темы. Непосредственным поводом послужил выход в октябре 1879 г. первого номера «Земли и Воли» [4, с. 335]. В начале статьи Полонский защищает студенческую молодежь от обвинений в безнравственности и переадресовывает эти обвинения «отцам»: «Общество, лишенное всякой деятельности, в которой чувствовалась бы общая солидарность», осуждено «жить грубым эгоизмом, так легко переходящим в стремления чисто животные»[8].

Второй адресат полемических замечаний Полонского — идеологи революционного народничества, нападающие на либералов не менее ожесточенно, чем идеологи реакции; «крайности сходятся во всем». Они хотели бы «насильственно переиначить весь общественный быт по программе, выдуманной кем-то, <...> силою упразднить собственность и установить общее владение». Это «предполагает разрушение, страшную междоусобицу, а в заключение хаос и, быть может, гибель цивилизации»[9]. Полонский решительно осуждает революционный террор, который еще только начинался в России: «политические убийства никогда не подвигали вперед дела свободы»[10].

Повесть одобрил И.С. Тургенев. 28 декабря 1878 г. он пишет редактору «Вестника Европы» М.М. Стасюлевичу: «Показать оригинальную физиономию — с первого же опыта — это много. — Можно указать на некоторые недостатки: небрежности (особенно галлицизмы) слога — хотя язык очень хорош; — некоторый излишек

[7] Там же. С. 55.

[8] [*Полонский Л.А.*] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1878. № 12. С. 825.

[9] Там же. С. 832, 834–835.

[10] Там же. С. 842.

подтрунивания; — а главное: вследствие неизбежного (по милости сюжета) введения иносказательности на щедринский манер — иные диалоги <...> страдают темнотою и даже вычурностью… <...> но все это не важно. — Важно проявление таланта несомненного и живого»[11]. Три дня спустя Тургенев пишет П.В. Анненкову: «Если этот Л<укьянов> молодой человек — из него может выйти большой писатель»[12]. Анненков присоединился к этой оценке в письме от 7 января 1879 г.[13] Оценка Тургенева была скорее на вырост; узнав, что повесть написал «человек уже далеко не молодой», он констатирует, что это «значительно ослабляет те надежды на будущее, которые можно было возыметь от человека молодого и начинающего»[14]. (Тургенев близко познакомился с Л. Полонским незадолго до этого, во время Международного литературного конгресса, проходившего в Париже в июне 1878 г.)

Повесть заметили в петербургской литературной среде: на вечере у Гайдебуровых 16 марта 1879 г. был предложен тост «за новоявленного беллетриста Л. Полонского, написавшего “Надо жить”»[15].

Центральные персонажи второй повести Полонского «Сумасшедший музыкант» («Вестник Европы». 1879. № 7) — Лев Казаков, «презренный человек чинов и наживы»[16], его брат Алексей, издающий либеральную газету «Народная польза», а также Северинов, либеральный чиновник, нравственная несостоятельность которого обнаруживается в конце повести. Газета закрывается из-за материальных трудностей и цензурных преследований при полном равнодушии общества. «О “Народной Пользе” поговорили вскользь, так, как говорят о закрытии сезона в любом театре, а то и еще хуже — как говорят о прекращении торговли в любой лавке»[17]. Финал: Лев Казаков благоденствует, Алексей сходит с ума.

***

В феврале 1880 г. было объявлено о назначении Лорис-Меликова главным начальником Верховной распорядительной комиссии, а в апреле — об отставке министра народного просвещения Д.А. Тол-

[11] *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Письма: в 13 т. Л.: Наука, 1966. Письма. Т. 12, кн. 1. С. 403.

[12] Там же. С. 407.

[13] *Анненков П.В.* Письма к Тургеневу: в 2 кн. СПб.: Наука, 2005. Кн. 2. С. 98.

[14] *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Письма. Т. 12, кн. 1. С. 411.

[15] *Садовников Д.Н.* Встречи с И.С. Тургеневым // Русское прошлое. Исторические сборники. Пг.: Изд-во «Петроград», 1923. Т. 1. С. 86.

[16] *Полонский Л.А.* На досуге. Т. 1. С. 60.

[17] Там же. С. 151.

стого, который считался одним из столпов реакции. Тургенев писал Стасюлевичу: «Вот ненавидим был человек! Но каким образом это случилось? Как рухнул этот столб?! <...> Решительно: оттепель наступила сильная»[18]. «...Наступила цензурная оттепель, о многом говорят, о чем прежде пикнуть не смели», — пишет А.Ф. Писемский А.А. Краевскому 19 августа 1880 г.[19] «Настала Лорисовская оттепель», — писал, уже задним числом, Михаил Драгоманов в закордонном издании[20]. В беседах с общественными деятелями, среди которых был и Полонский, Лорис-Меликов развивал свою программу завершения «великих реформ».

С января 1880 г. Полонский начал издавать в Петербурге собственную политическую газету «Страна», выходившую дважды, а с 1881 г. трижды в неделю. «Страна» «сразу заняла место передового застрельщика в либеральной политической печати»[21]. При этом все свои надежды газета возлагала на волю монарха и Лорис-Меликова как исполнителя этой воли. «В смысле политическом единственная действующая у нас сила есть правительство», — писал Полонский в программной статье[22]. Обращаясь, в сущности, к правительству, он заявлял: «Расширение сферы общественной деятельности в России вызвало бы к жизни не разрушительные, а охранительные силы»[23]; необходим «союз верховной власти с народом, включая образованное общество»[24].

В мае 1880 г. Полонский напечатал в «Стране» беллетристический очерк «Недавнее прошлое»[25]. Речь в нем шла о порядках в дореформенной гимназии, и прежде всего о мелочном надзоре, унижающем достоинство гимназистов.

6 сентября 1880 г. Лорис-Меликов пригласил к себе нескольких редакторов «со специальною целью разъяснить им, чтоб они не волновали напрасно общественных умов, настаивая на необходимости привлечения общества к участию в законодательстве и управлении <...>»[26]. Полонский не мог согласиться с такой постановкой вопро-

---

[18] *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Письма: в 13 т. Л.: Наука, 1967. Т. 12, кн. 2. С. 236.

[19] *Писемский А.Ф.* Полн. собр. соч. СПб.: М.О. Вольф, 1895. Т. 1. С. CCXLVI.

[20] *Драгоманов М.* Литературно-политические заметки. IV. Шевченковский день в Австрии и России // Вольное слово. Женева, 1882. № 32. 6/18 марта. С. 7.

[21] Полонский (Леонид Александрович) // Энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1898. Т. 24. С. 360.

[22] Страна. 1880. № 1. С. 2.

[23] [*Полонский Л.А.*] Петербург, 9 июня // Страна. 1880. № 53. С. 3.

[24] [*Полонский Л.А.*] Петербург, 9 августа // Страна. 1880. № 62. С. 1.

[25] [*Полонский Л.А.*] Недавнее прошлое. Рассказ // Страна. 1880. № 37–39.

[26] [*Муромцев С.А.*] Разные заметки. II // Юридический вестник. 1880. Т. 5, № 9. С. 47.

са, тем не менее на другой день он писал в передовой статье: «Власть возвращает обществу свое доверие и требует от него доверия к себе»[27].

«...Надо пользоваться оттепелью, пока опять не завернул мороз», — писал Тургенев Н.В. Чайковскому 14 ноября 1880 г.[28] Пять дней спустя в передовой статье «Страны» появилась формула «увенчание здания» — обычное для того времени обозначение всероссийского представительного органа. При этом на вопрос, каким образом должны осуществляться реформы — «“снизу ли вверх” или же “сверху вниз”», давался ответ: «Не дай бог, чтобы осуществление их шло снизу»[29]. А в номере от 4 декабря было помещено начало повести «Оттепель (Отрывки)»; ее печатание закончилось в последнем декабрьском номере, за два месяца до убийства Александра II.

Действие повести, судя по косвенным указаниям в тексте, начинается в августе 1877 г. Главный герой, 35-летний Антон Лавин, интеллигент из разночинцев, живет в это время в Париже. После Петербургского университета он занялся адвокатурой, но оказалось, что «этот мир был и задавлен внешними условиями, и нравственно несостоятелен внутри». Лавин «стремился к народу, как к чему-то великому-неизвестному»[30]. На деньги, заработанные адвокатской практикой, он покупает имение в одной из южных губерний. Здесь он пытается защищать интересы местных крестьян против помещика, живущего в Петербурге и недавно назначенного товарищем (т. е. заместителем) министра. В дело вмешивается полиция: у Лавина произвели обыск, «и был найден один из листков, которые более или менее читали все, и все <...> своевременно уничтожали» [С. 186]. Лавину настоятельно советуют уехать за границу во избежание худшего. Теперь же, летом 1877 г., до него доходят вести, «что положение дел дома несколько изменилось; что администрация <...> такими <...> пустяками, каких он был жертвою, — не занималась <...>» [Там же].

Тем не менее вскоре по возвращении Лавина арестовывают. Происходит это (о чем читатель догадывается) в разгар народовольческого террора. «...Время было такое, когда — всех хватали; и чем чаще кто подвергался раньше обыскам, тем больше был его шанс быть снова обысканным, и хотя бы у него ничего не было найдено — быть вновь сосланным» [С. 188]. В уездном городе, где оказался

Подпись: С. М.

[27] [*Полонский Л.А.*] Петербург, 6 сентября // Страна. 1880. № 70. С. 1.

[28] *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Письма: в 13 т. Т. 12, кн. 2. С. 317.

[29] [*Полонский Л.А.*] Петербург, 19 ноября // Страна. 1880. № 91. 20 нояб. С. 2.

[30] *Полонский Л.А.* На досуге. Т. 1. С. 183. Далее страницы этого издания приводятся в скобках.

сосланный Лавин, к нему проявляет интерес дочь квартирного хозяина Саша.

Вскоре по городу разносится весть об отставке министра народного просвещения. Перемену общественных настроений символизируют оттепельные метафоры: «Светло было на улицах городка С. в раннем седьмом часу одного из первых дней мая. Холода не прекращались и еще сдерживали растительность; на деревьях только показывались почки <...>. Но света было много. Первые горячие лучи приласкали почву; солнце как будто помолодело <...>» [С. 200, 201].

Начинает оттаивать и сам Лавин с его «вымученным жизнью скептицизмом». «Уж если такой кедр ливанский», думает он, «который четырнадцать лет “главою упирался в небеса”, творя мрак под своей листвою и корнями своими тесня всякое молодое произрастание, свалился, стало быть... <...> Он смутно ощущал, что <...> луч солнца коснулся и его самого; что и для него наставала оттепель <...>, хотя он и не видел достаточных для нее причин» [С. 202]. В Лавине пробуждается любовь к Саше.

Ссылка Лавина отменяется, он приезжает в Петербург и пробует заняться публицистикой на злобу дня. Однако редактор столичной газеты требует переделать критическую статью о порядках в земстве. «Надо повременить, чтобы как-нибудь не помешать улучшениям, которые уже предприняты». «Вы <...> требуете уступок совсем иных, бесповоротных...» [С. 209–210].

Проходит четыре месяца со времени приезда Лавина в Петербург; этот момент косвенно датируется сентябрем 1880 г. «...Всё еще ожидалось, так сказать, висело на устах, но не произносилось». «Ничто не выяснялось; не показывалось даже и начала того пути, по которому можно было идти вперед, к заранее определенной и осознанной цели. Одно было несомненно — нечто начинало таять; оттепель чувствовалась в воздухе; но пока все еще было покрыто туманом» [С. 210, 211].

Вместо товарища министра, с которым пытался судиться Лавин, назначается либеральный земский деятель Лев Нащокин, приятель Лавина. Совсем недавно он говорил, что «ни в каком круге ничего нельзя сделать»; «возможные результаты не стоят труда» [С. 178], но теперь он готов служить — надо думать, из карьерных соображений.

Время действия заключительных глав повести — ноябрь 1880 г., всего за месяц до ее публикации. Общество жило тогда ожиданием крупных либеральных реформ, вплоть до «увенчания здания». Но в настроениях героя «Оттепели» именно в этот момент происхо-

дит обратная перемена: «Оттепель, которую он видел кругом, в нем самом исчезла почти с самого приезда в Петербург» [С. 215].

Заключительная часть повести появилась в номере «Страны» от 28 декабря 1880 г. Центральное место занимает в ней описание званого обеда в честь Нащокина, новоназначенного товарища министра. В своей программной речи он критикует принцип парламентаризма со славянофильских позиций:

«Парламентское правление, господа, есть, в сущности, только практика теории насилия: триста голосов плюс один решают бесповоротно вопрос против мнения <...> других трехсот представителей, против интересов половины Франции. Я вижу идеал более высокий и — смею сказать — более согласный с стародавними преданиями русской земщины...

Нет более опричнины, и начинается царство русской земщины. Эти предания всецело сводятся <...> на безусловное доверие. Идея Запада, идея антагонизма и борьбы у нас, согласно народным преданиям, должна быть заменена идеею доброго народосоветия, идеею полнейшего доверия.

<...> Различие нового лозунга от лозунга прежнего состоит в полнейшем доверии к земским учреждениям, согласном с мыслью о взаимном, полном доверии с их стороны — к власти. Пусть они <...> придут на помощь власти, которая в них же будет искать указания по предметам, к ним ближайшим. <...> ...И в будущности главный вопрос заключается в развитии земской идеи, в постепенном расширении земских прав, в развитии, со временем, полномочия земских учреждений до участия, с совещательным голосом, в устройстве общих дел страны на принципе взаимного доверия» [С. 219–220].

(В цитировавшейся выше передовице «Страны» от 7 сентября 1880 г. речь шла о «полном доверии», которого власть требует от общества, т. е. тут Полонский говорил языком Нащокина.)

Лавин берет слово для возражения и (разумеется, обиняками) говорит о необходимости представительного органа, наделенного реальными полномочиями:

«...Назначением земства, то есть русской земли, будет не заявление доверия, а требование счетов. <...> Позвольте нам сосчитать наши деньги, позвольте нам сказать: столько, и ни одного гроша больше... Вне этого ничего серьезного не будет; будет только та же фальшь, но в новом издании. <...> Не о земских учреждениях в их искалеченном виде должна быть речь, а — о земстве, то есть о решающем свои собственные дела русском народе...» [С. 221–222].

Счастье с влюбленной в Лавина Сашей оказывается невозможным: Лавин женат, и хотя с женой они давно расстались, она не дает развода, а жить с любимой гражданским браком он не может. Автор не дает ясного ответа, почему именно; читатель может только предполагать, что Лавин не может решиться на это как человек верующий (о чем упоминалось в первых частях повести).

«— Хочешь — я твоя? — проговорила Саша. <...>. ...Я все равно твоя, на всю жизнь <...>.

Лавин опомнился, развел ее руки и убежал <...>.

И когда поезд тронулся, пробормотал про себя: прощай, моя жизнь... Впереди только работа, мелкая, быть может, и благодарная, но работа — для других» [С. 232].

Рецензент «Отечественных записок» небезосновательно увидел в этом финале эхо тургеневской романистики 1850-х гг. Лавин — это «Рудин или Лаврецкий, хоронивший свою любовь почти с таким же напутствием: “здравствуй, угрюмая старость, догорай, бесполезная жизнь”!»[31].

Конец повести скомкан; собственно, настоящего конца у нее нет, недаром ей дан подзаголовок «Отрывки».

Повесть прошла без заметного отклика. Причиной тому было не только ее художественное несовершенство и малый тираж «Страны»[32], но и то, что «Лорисовская оттепель» кончилась, не успев начаться по-настоящему.

В передовице, посвященной цареубийству 1 марта 1881 г., Полонский предостерегал против возвращения к временам, когда «в каждом доме был обыск», «земство было стоптано, из университетов высылали сотни людей», а также настаивал на «неотложности дальнейшего освобождения»[33]. За это газета получила второе предостережение; первое было вынесено в январе 1881 г. за предложение помиловать Чернышевского. Газета повисла «на одном волоске», если воспользоваться выражением из повести «Сумасшедший музыкант»[34]; третье предостережение означало закрытие газеты.

16 мая 1881 г. Лорис-Меликов был отставлен; курс на контрреформы обозначался все более явственно. Редактор «Русской мысли»

---

[31] [Рец.:] Леонид Полонский. На досуге. Том I. Спб., 1884 // Отечественные записки. 1883. № 10. С. 175.

[32] По оценке А.И. Рейтблата в письме к автору настоящей статьи — от 1 до 3 тыс. экз. в 1880 г. При этом газета, в отличие от журналов, была недоступна почти во всех городских библиотеках.

[33] [*Полонский Л.А.*] Петербург, 2 марта. // Страна. 1881. № 27. 3 марта. С. 2–3.

[34] *Полонский Л.А.* На досуге. СПб.: Р. Голике, 1884. Т. 1. С. 264.

писал: «Мы <...> находимся в переходном состоянии, и нам одинаково вредны и ранняя оттепель, и запоздалые морозы»[35].

На первой полосе «Страны» от 29 июля 1881 г. появилось извещение «От редакции»: «Печатание рассказа Л. Лукьянова “Елена”, первые две главы которого были помещены в “Стране”, по непредвиденным обстоятельствам отлагается». «Непредвиденные обстоятельства» означали, конечно, вмешательство цензоров. Полностью «Елена» не была опубликована и позднее; можно предположить, что автор писал очередные главы к следующему номеру, а после цензурного запрета дописывать рассказ не стал. Так что судить о нем можно лишь по двум первым главам («Страна», 1882, № 84–85). В биографических статьях о Полонском этот рассказ не упоминается.

Центральные персонажи рассказа — Елена Сильвер, дочь петрашевца, и Ленчевский, человек шестидесятых годов. На четвертом курсе университета он «угодил в крепость с массою товарищей». Характеристика положения в стране после покушения Каракозова (1866) намекала на то, что происходило после отставки Лорис-Меликова: «...Уже зловещие тучи реакции заходили и над реформами <...> и, что всего хуже — само общество снова портилось <...>; откапывались старые, низкие доносчические приемы <...>»[36]. Ленчевский пробует служить в земстве, но разочаровывается и в земской работе. «Переждать надо все это. — “Легко сказать; да, наконец, и в царство небесное надо веровать, чтобы ждать его. Ему не будет конца, но что-то у нас не видно и начала”»[37].

В январе 1882 г. обозреватель «Земства» сетовал: «…Мы <...> приняли оттепель, бывшую в начале истекшего года, за признак близкого окончания зимы» и «предавались <...> беззаботно чирикань ю на все лады», однако «недолгая оттепель сменилась долговременной и суровой зимой»[38]. В январе 1883 г. «Страна» прекратила свое существование из-за цензурных преследований.

***

На сборник Полонского «На досуге», куда вошли его беллетристические произведения и критические очерки, откликнулись рецензенты «Отечественных записок», «Дела» и «Наблюдателя». В целом благожелательной была оценка «Наблюдателя»: «...Эти рас-

[35] [*Гольцев В.А.*] Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1881. Июль. С. 47 (2-я паг.). Подпись: В.Г.

[36] [*Полонский Л.А.*] Елена (Рассказ) // Страна. 1882. № 85. 22 июля. С. 8. Подпись: Л. Лукьянов.

[37] Там же.

[38] Внутреннее обозрение // Земство. 1882. № 1. 6 янв. С. 16.

сказы и “отрывки” <...> выделяются своей живостью, занимательностью и непосредственным отношением к современной или недавно минувшей “злобе дня”. Под их беллетристическою оболочкою ярко сквозит умная, хотя и несколько холодная речь талантливого публициста, писателя по преимуществу политического, для которого на первом плане стоит развитие идеи, а не художественная обработка деталей рассказа». Однако «фабула вовсе не притянута за волосы к идее <...>; напротив, житейские факты <...> сопоставляются таким образом, что вывод, нигде не подчеркиваемый автором, делается очевидным. В этом отношении особенно удачными надо признать рассказ “Надо жить” и отрывки “Оттепель”, метко характеризующие недавно пережитую эпоху “веяний”»[39].

Рецензент «Дела» более сдержан в оценках: «Г. Полонский <...> очень хорошо сознавал слабость своих чисто художественных ресурсов и хотел возместить этот недостаток широтою концепции, глубиною и жизненностью общего замысла. Это ему в значительной степени удалось», хотя «архитектура его повестей слаба, шаблонна»[40]. Что же касается миросозерцания автора, то оно «отличается довольно грустным, можно даже сказать, пессимистическим характером»[41]. «Оттепель» здесь не упомянута, хотя эта оценка, конечно, относилась и к ней.

Строже всего оценил сборник рецензент «Отечественных записок»: «Г. Полонский, без сомнения, совсем не художник. Он не обладает умением говорить образами <...>». Его беллетристика «часто сбивается на публицистику, и притом на умеренно либеральную публицистику»[42]. Лучшим произведением Полонского рецензент счел повесть «Надо жить», но подробнее остановился на «Оттепели», которая, хотя и «слабее прочих» повестей Полонского, лучше всего выявляет «литературную физиономию автора». Самым серьезным изъяном повести рецензент счел устарелость «нравственных требований и воззрений» ее героя. Лавин «оказывается человеком почти сороковых годов, со всею их “рефлективностью”, мечтательным идеализмом и прекраснодушием»[43].

---

[39] [Рец.:] Л. Полонский. На досуге. Том I. Спб. 1884 г. // Наблюдатель. 1884. № 1. С. 44 (2-я паг.).

[40] [Рец.:] На досуге. Леонид Полонский. Том I. Спб. 1884 // Дело. 1883. № 11. С. 62–63, 66 (2-я паг.).

[41] Там же. С. 63.

[42] [Рец.:] Леонид Полонский. На досуге. Том I. Спб., 1884 // Отечественные записки. 1883. № 10. С. 173–174.

[43] Там же. С. 175.

Заканчивается рецензия замечанием, словно бы взятым из цитировавшегося выше письма Тургенева к Стасюлевичу: «Нельзя не пожалеть, что автору, по свойству избранных им тем, зачастую приходится прибегать к эзопову языку, <...> который <...> значительно скрадывает и затемняет его мысль»[44].

В 1885 г. повесть «Надо жить» была опубликована на французском в журнале иностранной литературы[45]. Журнал издавал Владислав Мицкевич (сын поэта), а переводчицей была Мария Мицкевич, жена Владислава[46].

***

Для «Сборника в пользу голодающих» (1892[47]) Полонский дал рассказ «Денег нет»[48]. Написан он в духе поздних толстовских рассказов с моралистическим противопоставлением социальных «верхов» и «низов».

В том же 1892 г. в «Русской мысли» появилось последнее беллетристическое произведение Полонского — повесть «Анна». Заглавная героиня, Анна Желязовская, — племянница политического ссыльного, покончившего жизнь самоубийством, и дочь Ипполита Желязовского — влиятельного и при этом честного сановника, умеренного либерала.

Анна сближается с врачом Лаврентием Прозоровым, социал-демократом, уже побывавшим в тюрьме. «...Он знал в то былое время, для чего он жил»; «он работал и хотел работать, потому что веровал в то время в торжество нового»[49]. Прозоров устраивает школу при фабрике, где излагает рабочим «общие понятия об истории и географии России»[50].

В разговорах с Прозоровым Желязовский категорически отвергает вмешательство государства в промышленные дела и вообще регламентацию. «Если послушать его, то все это означало не более, как взятки николаевского времени»[51]. Позиция автора определенно

[44] Там же. С. 177.

[45] *Polonsky L.* Il faut vivre / traduit du russe par I. M. M. // Revue universelle internationale. Paris, 1885. № 21–25.

[46] Полонский (Леонид Александрович) // Энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1898. Т. 24. С. 360.

[47] В энциклопедических статьях о Полонском указывается ошибочная дата 1891.

[48] [*Полонский Л.А.*] Денег нет: Рассказ // Сборник в пользу голодающих / издание редакции журнала «Русская мысль». М.: И.Н. Кушнерев, 1892. С. 251-278. Подпись: Л. Лукьянов.

[49] [*Полонский Л.А.*] Анна. (Рассказ из петербургского прошлого) // Русская мысль. 1892. Кн. 8. С. 33. Подпись: Л. Лукьянов.

[50] Там же. С. 53.

[51] Там же. С. 38.

не столь категорична; борьба фабричных рабочих за свои права показана в повести с явным сочувствием. Это вполне соответствовало позиции Полонского-публициста, либерализм которого уже в 1870-е гг. носил социал-реформистскую окраску [4, с. 340].

Анна начинает преподавать в воскресных классах для девушек, устроенных при фабрике, после чего обнаруживает, что за ней устроен полицейский надзор. Прозорова подвергают аресту, а затем отправляют в ссылку за причастность к забастовке; Анна выходит за него замуж, преодолев сопротивление отца.

У Желязовского в повести есть и другой оппонент — славянофильствующий промышленник Ладыгин, «истинно-русский человек», председатель общества «минеральных богатств». С помощью разного рода интриг он добивается отставки Желязовского и занимает его место, чтобы удобнее обделывать свои темные дела.

Почти во всех рассказах и повестях Полонского мы видим неизменный мотив: оппозиционер (либерал или социал-демократ), которому противостоит не только государственный аппарат, но и равнодушное, косное общество. Вывод рецензента «Дела» о «довольно грустном», «даже пессимистическом характере» этих произведений имел под собой основания.

***

«Оттепель» Полонского, в отличие от повести Эренбурга, прошла почти незамеченной; Эренбург, по всей вероятности, никогда не слышал о ней. Тем любопытнее типологические сходства между обеими повестями, а отчасти — и их авторами. И Полонский, и Эренбург были видными публицистами; оба были убежденными «западниками» в самом широком смысле этого слова. Обе повести писались почти одновременно с событиями, которые в них описывались. В обеих весеннее пробуждение природы служит метафорой «оттаивания» общества после политической зимы. Наконец, в обеих повестях начинают «оттаивать» и чувства центральных персонажей.

В то же время бросается в глаза разница в общем тоне повествования. Герои повести Эренбурга (а с ними, конечно, и автор) полны надежд на важные перемены к лучшему; центральный персонаж повести Полонского в самый разгар «Лорисовской оттепели» словно предчувствует ее плачевный конец.

Литература

1. *Алафаев А.А.* Русский либерализм на рубеже 70–80-х гг. XIX в: из истории журнала «Вестник Европы». М.: Наука, 1991. 229 с.

2. *Душенко К.В.* Оттепельные метафоры в русском общественном сознании XIX–XXI вв. // Вестник культурологии. 2024. № 2. С. 34–58. https://doi.org/10.31249/hoc/2024.02.02

3. *Зубарев Л.Д.* Полонский (Леливо-Полонский) Леонид Александрович // Русские писатели. 1800–1917. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 51–53.

4. *Китаев В.А.* Из истории «Вестника Европы» (1860–1880-е годы) // *Китаев В.А.* Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. С. 160–356.

5. *Nowakowski A.* Leon Połoński i spełniony sen liberała // Nowakowski A. W kraju Tysiąca jezior: Obraz Finlandii w rosyjskiej literaturze podróżniczej (1809–1917). Krosno: Państwowa Wyższa Szkoła Zawodowa im. Stanisława Pigonia, 2018. S. 218–230.

Research Article

Ehrenburg's Forgotten Predecessor: Leonid Polonsky, Author of the Story "The Thaw" (1880)

© 2026. Konstantin V. Dushenko
Institute of Scientific Information on Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Abstract: The article examines the works of fiction by Leonid Polonsky (1833–1913), focusing primarily on his story "The Thaw" (1880). Polonsky's fiction, rooted in his journalistic writing, reflects his position as a prominent figure of Russian liberalism. Nearly all of his stories feature a recurring motif: the opposition figure (a liberal or social democrat) who faces resistance not only from the state apparatus but also from an indifferent and stagnant society. Polonsky's first story "One Must Live" (1878) attracted the most attention from of his contemporaries. Its most original feature lies in the dual ideological conflict it presents: on the one hand, between a father (a political police official) and his student son; on the other, between liberal and revolutionary-minded students. Polonsky's story "The Thaw" was published in December 1880, during the so-called "Lorisov Thaw". In this work, as in Ilya Ehrenburg's novel of the same title, the springtime awakening of nature serves as a metaphor for the political "thawing" of society. At the same time, the feelings of the central characters also begin to "thaw." However, while the characters in Ehrenburg's novel are filled with hope for positive change, the protagonist of Polonsky's "The Thaw," even at the height of the "Loris Thaw," seems to foresee its unfortunate end.

Keywords: Leonid Polonsky, Russian liberalism, “Vestnik Evropy”, newspaper “Strana” (1880–1882), M.T. Loris-Melikov, I.A. Turgenev, I. Ehrenburg

Information about the author: Konstantin V. Dushenko, Phd in History, Senior Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Nakhimovsky Ave., 27, 51/21, 117997 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7708-1505

E-mail: kdushenko@nln.ru

For citation: Dushenko, K.V. “Forgotten Predecessor of Ehrenburg: Leonid Polonsky, Author of the Story ‘The Thaw’ (1880).” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (39), 2026, pp. 270–285 (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-270-285

References

1. Alafaev, A.A. *Russkii liberalizm na rubezhe 70–80-kh gg. XIX v: iz istorii zhurnala “Vestnik Evropy”* [*Russian Liberalism at the Turn of the 1870s–1880s: From the History of the Journal “Herald of Europe”*]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 229 p. (In Russ.)

2. Dushenko, K.V. “Ottepel’nye metafory v russkom obshchestvennom soznanii XIX–XXI vv.” [“Thaw Metaphors in Russian Public Consciousness of the 19th–21st Centuries”]. *Vestnik kul’turologii*, no. 2, 2024, pp. 34–58. https://doi.org/10.31249/hoc/2024.02.02 (In Russ.)

3. Zubarev, L.D. “Polonskii (Lelivo-Polonskii) Leonid Aleksandrovich” [“Polonsky (Lelivo-Polonsky) Leonid Alexandrovich”]. *Russkie pisateli. 1800–1917* [*Russian Writers. 1800–1917*], vol. 5. Moscow, Bol’shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2007, pp. 51–53. (In Russ.)

4. Kitaev, V.A. “Iz istorii ‘Vestnika Evropy’ (1860–1880-e gody)” [“From the History of the ‘Herald of Europe’ (1860–1880s)”]. Kitaev, V.A. *Liberal’naia mysl’ v Rossii (1860–1880 gg.)* [*Liberal Thought in Russia (1860–1880)*]. Saratov, Saratov University Publ., 2004, pp. 160–356. (In Russ.)

5. Nowakowski, Adam. “Leon Połoński i spełniony sen liberała” [“Leon Połoński and the Liberal’s Fulfilled Dream”]. Nowakowski, Adam. *W kraju Tysiąca jezior: Obraz Finlandii w rosyjskiej literaturze podróżniczej (1809–1917)* [*In the Land of a Thousand Lakes: The Image of Finland in Russian Travel Literature (1809–1917)*]. Krosno, Państwowa Wyższa Szkoła Zawodowa im. Stanisława Pigonia Publ., 2018, pp. 218–230. (In Polish)

Статья поступила в редакцию: 19.07.2025
Одобрена после рецензирования: 10.10.2025
Дата публикации: 25.03.2026

The article was submitted: 19.07.2025
Approved after reviewing: 10.10.2025
Date of publication: 25.03.2026

Литературный факт. 2026. № 1 (39)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 1 (39), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-286-303
https://elibrary.ru/XOEBSZ

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (39), 2026

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Примечания к Хомякову: нереализованный замысел К.Н. Леонтьева

© 2026, О.Л. Фетисенко
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В фонде К.Н. Леонтьева в РГАЛИ хранится конверт и несколько листов с выписками из важнейших статей А.С. Хомякова 1840-х гг., сделанными рукой неустановленного лица. Этот материал ранее не привлекал внимания исследователей, в академическом собрании сочинений и писем Леонтьева приводились только надписи на конверте и обложке. Обращение к эпистолярному наследию Леонтьева, а именно к его переписке со священником И.И. Фуделем, позволило установить, когда и для чего были выписаны эти фрагменты. Как удалось выяснить, Леонтьев зимой 1891 г. не только поручил кому-то из своих знакомых сделать выписки (по его указанию), но и разметил 1-й том сочинений Хомякова (1878) с тем, чтобы в дальнейшем написать к вошедшим в него текстам примечания. Более того, становится ясно, что примечания к Хомякову могли бы стать канвой отдельной статьи Леонтьева. Чтобы показать закономерность его прихода к этому замыслу, в данной статье впервые суммируются высказывания Леонтьева об основателе славянофильства, выявляются все случаи «встреч» двух мыслителей, начиная со времени, когда Леонтьев-студент впервые увидел Хомякова в гостиной своей тетушки на Остоженке вплоть до чтения его трудов на Афоне и в Оптиной пустыни.

Ключевые слова: К. Н. Леонтьев, А. С. Хомяков, славянофильство, И. И. Фудель, материалы к примечаниям, цитаты

Информация об авторе: Ольга Леонидовна Фетисенко — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (ИРЛИ), наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-002-5670-2656

E-mail: betsy98@mail.ru

Для цитирования: *Фетисенко О.Л.* Примечания к Хомякову: нереализованный замысел К.Н. Леонтьева // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 286–303. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-286-303

В 1888 г. К.Н. Леонтьев признался в письме к новообретенному молодому другу Иосифу Фуделю[1], что своим мировоззрением (а это мировоззрение он определял как «гептастилизм» — учение о «семи столпах» «новой восточной культуры», «культурофильство», «идиотропизм» — теория своеобразия; как видим — всё, кроме славянофильства) обязан «отчасти — Герцену, отчасти Хомякову» [6, т. 12, кн. 1, с. 124]. Для него это фигуры равновеликие, олицетворяющие западничество и славянофильство. Помимо идейного влияния (от Герцена, например, Леонтьев перенял прежде всего острую критику современной Европы, где убывает душа) оба этих автора послужили для «русского византийца» хорошей школой стиля, образцами высокой публицистики. А.С. Хомякова Леонтьев часто упоминал в своих статьях рядом не только с другими старшими славянофилами, но также с Н.Я. Данилевским [6, т. 8, кн. 1, с. 269], даже находил у них общие «эмансипационные заблуждения» [6, т. 8, кн. 2, с. 71], однажды поставил его в несколько необычный ряд: «Хомяков, <Вл.> Соловьев, Данилевский» [6, т. 8, кн. 1, с. 613].

Собственное «местоположение» по отношению к славянофилам мыслитель выразил формулой: «…я “вышел” из Славянофильства» [6, т. 12, кн. 2, с. 487], имеющей, очевидно, два значения — «в славянофильстве мой исток» и «славянофильство я преодолел». Более развернутые пояснения находим в письмах Леонтьева к его ближайшему другу, К.А. Губастову: «Ни старые Славянофилы (Киреевский, Хомяков, Аксаков), ни сам Данилевский, ни Катков — не могли меня умственно подчинить. *Мне* все казалось и кажется, что я многое вернее, яснее, нагляднее их понимаю» [6, т. 12, кн. 2, с. 101]. «Я чувствовал, что я перерос их моею мыслью…» [6, т. 12, кн. 2, с. 293] (дальше уточняется, что это были мысли об особом «культурном призвании России»). У славянофилов Леонтьев прежде всего и выделял идею своеобразия культуры[2].

Спор о принадлежности Леонтьева к славянофильству длится с перерывами уже более 130 лет, если вести отсчет от статьи кн. С.Н. Трубецкого «Разочарованный славянофил»[3]. В его идейном наследии видели то «позднюю фазу славянофильства» (В.В. Розанов) — с положительной коннотацией, то «разложение» этого идейного течения (П.Н. Милюков). Контуры дискуссии, намеченные

[1] Имя Иосифа Ивановича Фуделя (1864/1865–1918), протоиерея (с 1907), издателя первого собрания сочинений Леонтьева (1912–1914), еще не раз встретится в этой статье. См. о нем и его взаимоотношениях с Леонтьевым: [2; 11, с. 608–650]

[2] Ср.: [6, т. 8, кн. 1. С. 33].

[3] *Трубецкой С.* Разочарованный славянофил // Вестник Европы. 1892. № 10. С. 772–810.

на рубеже XIX–XX вв., сохранялись и в позднейшее время (можно вспомнить, например, многочисленные работы А.Л. Янова или статью Н.В. Дамье [4]), в 1990-е гг. появилось несколько исследований, в которых сопоставлялись социальные воззрения Леонтьева и Хомякова[4]. Подробный обзор литературы о Леонтьеве до 2007 г. можно найти во введении к монографии С.В. Хатунцева, где особо выделены в том числе и случаи обращения к «славянофильской» теме [15, с. 5–51]. С тех пор новых работ по теме «Леонтьев и славянофильство», в общем, не прибавилось, за исключением кандидатской диссертации Е.В. Масланова 2011 г. [7] и нескольких глав в монографии автора данной статьи [11, с. 608–650]

Цель небольшого исследования, предлагаемого в этой статье, — реконструировать историю одного неосуществленного замысла[5], который, будь он реализован, мог бы стать частью своего рода «философского завещания» Леонтьева, пополнить число классических схолий или по крайней мере прояснить многое в вопросе об отношении «славянофила на свой салтык» [6, т. 12, кн. 2, с. 72] к одному из главных его предшественников. Начать придется издалека, поскольку даже простейший, биографический, аспект темы «Леонтьев и Хомяков» по-прежнему остается почти неизвестным.

В записках «Моя литературная судьба» (в той части, что посвящена знакомству с И.С. Тургеневым) Леонтьев обмолвился, что в юности «видал Хомякова и Погодина», но тогда не заинтересовался ими: «…они мне казались такими *моральными* людьми, а я *морали тогда* не любил»[6] (с Погодиным он, впрочем, познакомился, даже поместил в «Москвитянине» один из своих рассказов, а в 1874 г., уже по возвращении из Турции, возобновил знакомство, причем именно Погодин поспособствовал публикации главного леонтьевского труда — «Византизм и Славянство»). Сопоставление ряда текстов и биографических данных позволяет точно установить место и время, когда молодой человек мог «видать» основоположника славянофильства: Леонтьев встречал Хомякова на рубеже 1840–1850-х гг. на Остоженке, в доме 32, принадлежавшем богатой москвичке Наталии Васильевне Охотниковой (урожд. Шатиловой; 1788–1858), кузине Хомякова. Константин Николаевич, тогда студент медицинского факультета Московского университета, жил в этом доме. Дочь Охотниковой Анна Павловна (1820–1859) — вторая жена леонтьевского дяди Владимира Петровича Карабанова, которого в это время уже

[4] См., например: [9, 16]

[5] У писателя их было довольно много. См. об этом: [12].

[6] [6, т. 6, кн. 1, с. 34]; здесь и далее курсив в цитатах принадлежит Леонтьеву.

не было в живых. Это означает, что два русских мыслителя были в довольно близком свойстве, ведь А.П. Карабанова — внучатая племянница Хомякова, а Леонтьев — ее племянник по мужу.

Яркая леонтьевская характеристика славянофилов («…русские *дворяне*, даровитые, ученые, идеальные, благовоспитанные, тонкие, *европеизмом пресыщенные*; благородные москвичи, за спиной которых стояли целые века государственного великорусского опыта» [6, т. 7, кн. 1, с. 546]) может основываться на личных впечатлениях — воспоминании о времени, когда он из угла гостиной наблюдал за блистательным Хомяковым. Именно и только наблюдал, а представлен был едва ли. Ср. в неизданном при жизни Леонтьева очерке «Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве»: «С Славянофилами я лично не был знаком…» [6, т. 6, кн. 1, с. 8]. Интересно, что позднее один из учеников Леонтьева, филолог и поэт Анатолий Александров будет репетитором внучатого племянника и полного тезки славянофила — Алексея Степановича Хомякова младшего (1872–1952)[7]. Сам же Леонтьев уже после кончины старшего Хомякова познакомился с несколькими людьми, хорошо его знавшими, — с И.С. Аксаковым, Н.П. Гиляровым-Платоновым, кн. В.А. Черкасским и другими, в Оптиной пустыни слушал рассказы о Хомякове иеромонаха Климента (Зедергольма), который в молодости был домашним учителем в семье И.В. Киреевского, обсуждал с ним вопрос — все ли воззрения славянофила принимает Церковь. Сохранился уникальный документ, появившийся как ответ на это вопрошание Леонтьева: записка о. Климента с изложением взгляда оптинских старцев на богословские сочинения Хомякова[8].

Что Леонтьев знал из сочинений Хомякова? Не так мало, как может показаться по не слишком многочисленным прямым отсылкам в его работах. В своих статьях и книгах Леонтьев процитировал (называя автора, но не указывая заголовков работ) статьи «Англия», «Письма к В. Пальмеру» и «Еще несколько слов Православного христианина о западных вероисповеданиях»[9]. По-видимому, он был знаком и с незавершенным трудом, в первой публикации условно озаглавленным «Записки о всемирной истории» [6, т. 8, кн. 1, с. 84]. В письмах К.А. Губастову, Т.И. Филиппову и О.А. Новиковой Леонтьев обнаружил знакомство со статьей «Письмо к И.С. Акса-

[7] См.: [1, с. 73, 500–501].

[8] Записка была впервые опубликована мною: [14].

[9] [6, т. 7, кн. 1, с. 57; т. 6, кн. 1, с. 283; т. 8, кн. 2. С. 165]. См. также скрытое указание на последнюю статью: [6, т. 6, кн. 1, с. 421]. Самый ранний случай цитирования относится к 1867 г.

кову о значении страдания и молитвы»[10]. Знал Леонтьев и стихи Хомякова: дважды цитировал стихотворение «Беззвездная полночь дышала прохладой» [6, т. 2, с. 447; т.6, кн. 1, с. 201]. Но оставался непроясненным вопрос: в какой именно последовательности он читал и узнавал классика славянофильства. Неосторожным было бы слишком доверяться позднейшему «припоминанию» другого оптинского знакомого Леонтьева, монаха Эразма (Вытропского) — о том, что «до сего времени» (т. е. до начала июля 1889 г.) «К<онстантин> Н<иколаевич> Хомякова не читал, кроме французской брошюры о вопросах веры, которую прочел на Афоне…» [6, т. 12, кн. 2, с. 790].

В «Афонских письмах», начатых непосредственно на Святой Горе (1872; более поздняя редакция опубликована посмертно в 1912 г.), Леонтьев обмолвился о несколько необычном для монастыря круге чтения: «На столе моем рядом лежат Прудон и Пророк Давид, Байрон и Златоуст; — Иоанн Дамаскин и Гете; — Хомяков и Герцен» [6, т. 7, кн. 1, с. 132]. Несмотря на эту цитату, как будто подтверждающую правоту о. Эразма, важно подчеркнуть, что Леонтьев начал читать Хомякова еще до Афона, до своего религиозного обращения. Более того, углубление в сочинения Хомякова косвенно послужило одним из толчков к этому духовному перевороту. Ср.: «И *мне* нужно было ознакомиться с Хомяковым, Аксаковым и некоторыми Католиками, чтобы *захотеть* ехать к *святым из русских купцов и греческих мужиков*» [6, т. 12, кн. 2, с. 189]. Когда Леонтьев упоминает о том, что обсуждал с афонским старцем Иеронимом (Соломенцевым) (т. е. с одним из этих «святых из русских купцов») Герцена и Хомякова[11], это вовсе не означает, что старец «приохотил» Леонтьева к Хомякову, как кажется на первый взгляд и как следует из приведенной выше записи монаха Эразма: «…брошюры о вопросах веры, которую прочел на Афоне по рекоменд<ации> о. Иеронима» [6, т. 12, кн. 2, с. 790]. Да, одна из «французских» брошюр Хомякова могла иметься в библиотеке Пантелеимоновского монастыря, но это не означает, что Леонтьев не мог захватить с собой московский первый том сочинений славянофила (1860) или изданный в Праге в 1867 г. том богословских сочинений. Это косвенно подтверждается и процитированным выше фрагментом из «Афонских писем»: ведь едва ли в монастырской библиотеке Леонтьев нашел бы Прудона, Байрона и Гете. Значит, эти книги он привез с собой из Салоник, где служил консулом. Мог, следовательно, добавить к ним и Хомякова.

[10] [6, т. 11, кн. 2, с. 95; т. 12, кн. 2, с. 33, 282; коммент.: 6, т. 12, кн. 2, с. 594–595].

[11] «От<ец> Иероним <…> читал с удовольствием Хомякова и *Герцена* и рассуждал со мною об них» [6, т. 12, кн. 3, с. 216].

Есть и другие указания на «доафонское» знакомство будущего «оптинского отшельника» с трудами Хомякова. Леонтьев вспоминал, например, что уже в 1860-х гг. стал «жить идеями, более или менее близкими к идеям Хомякова и Аксакова» [6, т. 8, кн. 1, с. 598], называл себя (каким был в те годы) «учеником» Хомякова [6, т. 8, кн. 2, с. 158, 222][12]. Другое дело, что это знакомство могло быть тогда не очень глубоким. К моменту работы над книгой «Византизм и Славянство» Леонтьев, по его свидетельству, с учением славянофилов (в том числе и Хомякова) «был уже давно <…> знаком в общих чертах» [6, т. 8, кн. 2, с. 154].

Наконец, весомым аргументом является и включение сочинений Хомякова в составленный Леонтьевым в 1865 г., в пору службы в Адрианополе, список литературы, рекомендованной греческим и славянским учебным заведениям — для распространения русского влияния, как сейчас сказали бы, «мягкой силой». Важно отметить, что сочинения Хомякова он поставил в списке под номером 2 — сразу вслед за сочинениями Пушкина[13]. На тот момент доступен мог быть или первый том собрания сочинений, или том стихотворений, вышедший в 1860 г. С последним изданием в том же Адрианополе была связана еще одна история. Леонтьеву пришлось спасать от турецкого преследования некоего болгарского священника, иеромонаха Амфилохия, который был задержан за хранение книг на русском языке, среди которых оказался тот самый сборник стихотворений Хомякова [6, т. 10, кн. 1, с. 84–90]. Книги запретили отдавать их владельцу, и они были оставлены в консульстве, где потом их по просьбе о. Амфилохия пытался отыскать сменивший Леонтьева К.А. Губастов[14]. Пока книги находились в консульстве, Леонтьев мог перечитывать поэтические произведения славянофила.

Обобщая позднейшие высказывания Леонтьева о Хомякове, можно так представить себе суть его суждений: Леонтьев находил у Хомякова «много прекрасного», считал его сочинения изящными и высокими (ср.: [6, т. 12, кн. 2, с. 117]), одобрял то, что у философа наука была подчинена «несколько своевольному, но все-таки в основе глубоко-православному его чувству» [6, т. 8, кн. 1, с. 300], отмечал, что стиль Хомякова живее, чем у других славянофилов[15], но упрекал

[12] В первом случае характерно добавленное в скобках: *«тогда!»*, что означает: только тогда был учеником, а впоследствии уже не являлся им.

[13] [6, т. 10, кн. 1, с. 360] — приложение к «Записке о необходимости литературного влияния во Фракии».

[14] См.: [3, с. 64].

[15] Ср. в письме к Н.Н. Страхову (1870): «Славянофилам вообще недоставало до сих пор легкости, жизненности и картинности в статьях. — Чуть-чуть что-то подобное отрывочно мелькает у Хомякова» [6, т. 11, кн. 1, с. 291].

за то, что мыслитель не обличил «среднего европейца»[16], как это сделал Герцен, мирился с либерализмом и прогрессом, питал слабость к протестантизму и ненависть к Риму[17]; с иронией замечал: «…есть люди (напр<имер> Хомяков), которые находят, что *мораль* и есть *высшая* эстетика» [6, т. 12, кн. 2, с. 166]. Богословские сочинения Хомякова, признаваемые им (как и самаринские) «замечательными» [6, т. 8, кн. 2, с. 216–217][18], казались ему при этом туманными [6, т. 12, кн. 3, с. 43], а вообще учение славянофилов — бессистемным [6, т. 8, кн. 2, с. 84] (в отличие от теорий Данилевского).

Если в «Византизме и Славянстве» Леонтьев упоминает рядом св. Иоанна Дамаскина, митрополита Филарета Московского и Хомякова, добавляя: «Иоанн, Филарет, Хомяков — сознательные, философски развитые продукты Византийской, аскетической культуры…» [6, т. 7, кн. 1, с. 171], то в конце жизни он четко противопоставляет «хомяковское» Православие (туманное и своевольное) «филаретовскому» (которое ближе к «византизму») [6, т. 8, кн. 2, с. 149–150]. Черновик незавершенной статьи «Кто правее?» (1890) показывает даже, что он выражение «православия Хомякова» заменил на «православного мистицизма Хомякова» [6, т. 8, кн. 2, с. 149, 570]. Это вполне сочетается с замечанием о том, что стать «хорошим, благочестивым и добродетельным христианином» можно и при «хомяковском оттенке в Православии», но святым — едва ли [6, т. 8, кн. 2, с. 150]. Эту резкость оценок смягчает сделанное чуть раньше признание «важности» богословских трудов Хомякова и того, что «некоторые стороны» их «никогда не утратят своего значения в истории русского сознания и во многих еще случаях будут служить опорой дальнейшему ходу как религиозного, так и национального у нас мышления» [6, т. 8, кн. 1, с. 462].

Обосновавшись в 1887 г. у стен Оптиной пустыни и работая над циклом «Записки отшельника», Леонтьев решил более серьезно изучить труды старших славянофилов. Он читает двухтомник Ивана Киреевского, в 1888 г. А.А. Александров приобретает для него два тома богословских сочинений Ю.Ф. Самарина (см.: [1, с. 78, 82]). В июле 1889 г. будущий монах Эразм, тогда — инок Эраст

[16] «Заметьте — вы нигде не найдете ни у Киреевского, ни у Хомякова, ни у Самарина нападок на *скромного буржуа*, на *среднего европейца*. — Они понимали, конечно, что этот всепоглощающий тип — пошл и бесцветен; но они *не смели*, не *хотели* нападать на него так беспощадно и настойчиво, как нападал Герцен» [6, т. 12, кн. 2, с. 17].

[17] См.: [6, т. 12, кн. 1, с. 267; т. 12, кн. 2, с. 132–133, 227; т. 12, кн. 3, с. 33].

[18] При том что сочинения Самарина и Хомякова, полагал он, принесли и отрицательные, и положительные плоды [6, т. 8, кн. 2, с. 216].

(Вытропский), по просьбе Леонтьева, посылает ему второй том сочинений Хомякова [6, т. 12, кн. 2, с. 790]. Первый том, как увидим, был у него свой. А еще через год небольшим и начинается история не совершившегося «диалога» Леонтьева с Хомяковым, к рассказу о которой мы наконец можем перейти после этого длинного, но необходимого вступления.

10 декабря 1890 г. Иосиф Фудель, в то время уже год как ставший священником и служивший в Белостоке, спросил у Леонтьева, есть ли в сочинениях Хомякова «что-нибудь … относительно славян и Славянского единства», и попросил на прочтение соответствующий том собрания сочинений, который хотел бы получить с леонтьевскими «заметками» и «записками на полях»[10, с. 253]. Это было ему нужно для полемики с петербургским журналом «Благовест» о «преемстве от отцов», т. е. фактически о судьбе славянофильства[19].

3 января 1891 г. Леонтьев сообщает младшему другу, что «приготовляет Хомякова» (речь шла о первом томе), уже сделал разметку значками на полях и обещает написать примечания «на особых листах», потому что на полях «делать заметки основательные» «невозможно» [6, т. 12, кн. 3, с. 7][20]. Позднее он даже упомянет о целой задуманной «тетрадке», а не просто об отдельных листах [6, т. 12, кн. 3, с. 63]. Помешало исполнить намерение то, что вскоре полученное письмо Н.Н. Страхова всколыхнуло в Леонтьеве старые обиды на «Фабия Кунктатора» (как он называл своего петербургского знакомого), он отвлекся на писание ответа, на который — чтобы привести его к приемлемой для оптинца форме — понадобилось несколько редакций.

В этом неспокойном настроении Леонтьев продолжает начатое 19 января длинное письмо Фуделю (закончит его только 1 февраля), в котором 24 января упоминает о том, что с примечаниями произошло замедление [6, т. 12, кн. 3, с. 26]. Однако он был еще преисполнен намерения их сформулировать, только просил потом, переписав эти примечания, вернуть листы: они могут ему самому «занадобиться» [6, т. 12, кн. 3, с. 27]. Эта деталь очень интересна, она говорит о том, что Леонтьев тогда мог планировать статью о Хомякове, которая стала бы ответвлением от цикла «Записки отшельника». В последнем именно тогда, зимой 1890/1891 гг., появились страницы, посвященные полемике со славянофилами двух поколений. В отличие от Фуделя, Леонтьев делает акцент на «вопросах социальных» и на это

[19] См. об этом: [11].

[20] Заметки на полях, однако, Леонтьев тоже любил и практиковал. См., например: [8; 13].

же хочет ориентировать своего молодого друга [6, т. 12, кн. 3, с. 26]. Ср. в статье «Славянофильство теории и славянофильство жизни» (начата в 1890 г. для газеты «Русское дело», переделана в 1891 г. для «Гражданина»): «Я думал о взглядах Хомякова на дворянство и другие сословия наши…» [6, т. 8, кн. 1, с. 461]. Дальше в статье говорится: «Хомякова надо оставить пока в стороне»; обратим особое внимание на это «пока», свидетельствующее о некоем замысле, отложенном на неопределенное «потом».

Уже 26 января Леонтьев, в том же длинном письме к Фуделю, признается, что к Хомякову, Данилевскому и Киреевскому примечаний не сделает: «Боюсь *труда*!» [6, т. 12, кн. 3, с. 39]. Маргиналии на книге Данилевского «Россия и Европа» — для того же адресата — тем не менее позже сделает, и очень обстоятельно [6, т. 12, кн. 3, с. 348–358]. Вместе с книгой творений Аввы Дорофея с интереснейшими заметками Леонтьева на полях том Данилевского от о. Иосифа впоследствии попадет к С.Н. Дурылину. Сейчас обе книги хранятся в фонде Дурылина в РГАЛИ (ф. 2980).

Все в том же письме-трактате 29 января Леонтьев указывает, что вышлет в Белосток, где служил Фудель, тома Киреевского и Хомякова немного позже, не в подарок (как Данилевского), а на время. А пока хочет для себя, «для своих работ» [6, т. 12, кн. 3, с. 54], сделать выписки — без примечаний. Примечания, признается он, делал бы «*с удовольствием*» «и не без пользы», но до лета не сможет этим заняться: «необходимо — трудиться для *денег*» [6, т. 12, кн. 3, с. 54]. (Подразумевалась работа над статьями цикла «Записки отшельника».) Но летом подойдут уже другие заботы: подготовка к монашескому постригу и переезду в Сергиев Посад, пересмотр архива, примечания для В.В. Розанова на посылаемых ему тетрадях и «редакторские» примечания к его статье (первой серьезной статье о Леонтьеве-философе), двухнедельное общение с приехавшим в Оптину петербургским литератором Иваном Щегловым (И.Л. Леонтьевым), приезды Александрова и самого Фуделя; мысли о статье «Кто правее?» (Леонтьев планировал еще доделывать эту важную для него работу, ждал полемических примечаний от Вл. Соловьева).

23 февраля Леонтьев сообщает, что еще не может выслать том Хомякова. «Не удосужусь никак заняться этим» [6, т. 12, кн. 3, с. 59]. Это означает, что он еще надеялся сделать и выписки, и, быть может, даже и примечания. Если он так долго это откладывал, значит, вероятно, не хотел отделаться беглыми замечаниями, как, к примеру, в записке «Разные стороны учения Соловьева», адресованной тому

же Фуделю [6, т. 12, кн. 3, с. 323–324], а думал о чем-то более значимом — тезисах будущей статьи. Может быть, он хотел навести Фуделя на идею такой статьи, но и последний так и не написал ее.

Наконец, выписки были сделаны (Леонтьев, не любивший тратить время на подобную черновую работу, попросил кого-то из оптинцев) и книга была отправлена Фуделю вместе со вторым томом Киреевского и письмом от 19 марта 1891 г., содержащим выписки из «Православно-догматического богословия» митрополита Макария (Булгакова) [6, т. 12, кн. 3, с. 63]. До этого времени Леонтьев все еще не терял надежду сделать примечания и в письме воскликнул: «Очень жалею!»

«*Цифры* на полях *Хомяк<ова>* я выставлял в благой надежде, что приложу тетрадку с моими для вас примечаниями. <…> Но *веществ<енные>* условия требуют *насильно*, чтоб я печатал; — <…> и вот сразу накопилось так много дела, что я при одних цифрах и знаках и остался. — Очень жалею!» [6, т. 12, кн. 3, с. 63].

8 августа Леонтьев успокоит Фуделя: «Хомякова и Киреевского держите у себя сохранно, пока я не потребую» [6, т. 12, кн. 3, с. 170]. И, вероятно, так и не успел потребовать, книги могли навсегда остаться у Фуделя, так же как тетради с наклейками статей о Леонтьеве, высланные на время Розанову, остались у него.

По счастью, выписки, сделанные по указаниям Леонтьева, хотя бы частично сохранились. Имеются даже конверт и обложка к ним[21]. В том же конверте хранились вырезки с последними прижизненными отзывами о Леонтьеве. В надписи его рукой упомянуты они и добавлено: «Выписки из *Хомяко<ва> и Киреев<ского>*». Внутри имеется обложка с заголовком: «*Выписки* из / *Хомякова и Киреевского* / 1891 г.» [6, т. 12, кн. 3, с. 362]. На самих листах в левом верхнем углу карандашом рукой Леонтьева помечено: «*Хом<яков>*». Почти везде оставлено много свободного места для тех самых несозданных примечаний.

Благодаря тому, что Леонтьев попросил переписчика[22] указать страницы, выяснилось, что он пользовался первым томом издания не 1861-го, а 1878 г.[23], содержание которого шире (впоследствии, в издании 1900 г., составившие эту книгу тексты были разделены

[21] РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 2. Ед. хр. 79.

[22] До 1891 г. таковым выступал о. Эраст, но в это время он был занят поручениями старца Амвросия, и выписки сделаны не его рукой. Также это и не рука племянницы Леонтьева Е.В. Самбикиной, близкой духовной дочери старца Амвросия, впоследствии игумены Шамординского монастыря. Остается в настоящее время сказать: копия рукой неустановленного лица.

[23] *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч. 2-е изд. М.: Тип. Лебедева, 1878. Т. I. 768 с.

на несколько томов). Обратившись к рукописи, мы можем проследить, какие фрагменты планировал в дальнейшем прокомментировать Леонтьев.

Первая выписка (л. 20) взята со с. 39–40. Это мало характерная для Хомякова дань исторического признания Византии, цитата из статьи «Мнение русских об иностранцах» (1846). Приведем ее с небольшими сокращениями.

> <…> История Восточной Империи, втоптанная в грязь гордым презрением Запада, не получила еще должного признания в земле, которой вся духовная жизнь ведет начало свое от Византийских проповедников. Так не умели или не осмелились мы сказать, что должны же были быть скрыты семена силы и величия в том государстве, которое выдержало победоносно первый напор всех народов <…>, уничтоживших так быстро существование Западно-Римской империи, которое потом отбилось от второго <…> которое, будучи затоплено и почти покорено Славянскими дружинами, нашло в себе и в своем духе столько энергии, что смогло усвоить, принять в свои недра и эллинизировать своих победителей; которое боролось не без славы и часто не без успеха со всею громадною силою молодого Ислама <…> которое наконец пережило, в продолжении почти целого тысячелетия, своего Западного брата, несмотря на несравненно бóльшие опасности, на длинные, слабые и беззащитные границы и на внутреннее разногласие между началами чистого просвещения и основами общественного устройства.

Для автора «Византизма и Славянства» такое «союзническое» подкрепление было важно и дорого.

Следующие сохранившиеся выписки почерпнуты из программной работы Хомякова «По поводу статьи И.В. Киреевского “О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России”» (1852). Порядок листов в архиве нарушен. Расположим выписки, следуя за текстом Хомякова.

Большая выписка на л. 24, страница по собранию здесь не указана. Имеется карандашная правка Леонтьева (только на этом листе), причем не верная: он не понял строения одной из фраз и стал ее поправлять. Это выписка со с. 214–215 издания 1878 г.: фрагмент, посвященный ответу на вопрос, почему Византия не спаслась от «гибели и падения», и характеристике распространения там христианства — без односторонности.

> Ум человеческий был пробужден и напряжен во всем просторе Эллинской или Эллинизованной области. Какое было на Востоке богатство церковной словесности, какая глубина мысли, какая сила и роскошь красноречия, какое стремление к определенности понятий, соединенное со всесторонностию, исключающею преобладание сухой рассудочности, какое множество великих и святых деятелей и учителей, с которыми на Западе не равнялся никто (за исключением восточного уроженца Иринея), — про то свидетельствует сама Западная наука <…>. Нечестен и безумен всяк тот, кто бы ни был он родом или какого бы ни был исповедания (если только он Христианин), кто вспомнит без благодарности эту заслугу Византийского мира перед человечеством.

Далее должна бы идти выписка со с. 228, из подглавки «Общность жизни» (л. 22).

> Дружина и стихии, стремящиеся к единению государственному, двигаясь по кругу понятий отвлеченных <…> или выгод личных и принимая в себя беспрестанный прилив иноземный, были более склонны к развитию сухому и рассудочному, к мертвой формальности, к принятию Римского Византийства в праве и всего чужестранного в обычае.

О дружине могли быть сделаны и другие выписки или, по крайней мере, предпринята разметка значками в тексте, поскольку в статье «Славянофильство теории и славянофильство жизни» Леонтьев останавливается на подобной теме, хоть и в другом аспекте: «…все, что он (Хомяков. — *О.Ф.*) писал о наших сословиях, “о служилых людях”, о “дружине” и т. д. — было высказано около полувека тому назад, при существовании крепостного права…» [6, т. 8, кн. 1, с. 461].

Далее, на том же л. 22 идет выписка со с. 231 о том, что Запад создан завоеванием, а «старая Русь» «самим Христианством». «Все прочие связи, рыхлые и некрепкие сами по себе, получали крепость и освящение от одной этой неразрушимой связи. <…> Славяне искали проповеди истины».

Л. 21 открывает выписка со с. 231–232 об обстоятельствах принятия Христианства на Руси (подзаголовок в издании 1878 г.: «Русское отношение к Христианству»). Отметив, что веру приняли «разумно», Хомяков в то же время писал: «За всем тем беспристрастная критика должна признать, что земля Русская в большей части своего населения приняла более обряд церковный, чем духовную веру и разумное

исповедание Церкви». Трудно сказать сейчас, собирался ли Леонтьев это подтвердить, развить, или, напротив, оспорить. Вернее всего, последнее, потому что церковный обряд в его сознании занимал место наравне с догматикой.

На том же листе помещена выписка со с. 235 (главка «Междоусобия»), продолжающая мысль Хомякова: «Византия, сохранив целость и неприкосновенность Христианского начала, не могла дать ему приложения в быте общественном. Наша древняя Русь, почувствовав эту потребность и отчасти даже выразив ее, не могла дать полноты своему выражению по слабости духовного верования в большей части ее жителей».

Не выписано помощником Леонтьева, но характерно развитие этой идеи у Хомякова (с. 236): «…в людях, составляющих общество, т. е. в русском народе, недоставало положительного Христианства».

Напомним, что у Хомякова есть гораздо более негативные высказывания о Византии. Одно из них (из «Семирамиды», т. е. «Записок о всемирной истории») подразумевал Леонтьев, когда писал С.Ф. Шарапову 5 ноября 1890 г. о тех составляющих богословия Хомякова, которые вызывают его отвращение: «…вроде того, “что Христианин утратил под влиянием Византийства всякое представление о настоящем Христ<ианском> Государстве”» [6, т. 12, кн. 2, с. 539, коммент. с. 927]. Ср.: «Но Византии не суждено было осуществить понятие о Христианском государстве; ей не суждено было уцелеть и указать своим примером новый и высший путь человечеству»[24]. Указанное место со с. 235 издания 1878 г. — в этом же ключе. Можно напомнить и фрагмент на с. 219 о том, что христианство «удалилось в душу человека»: «Темнее становились города, просиявали пустыни, и добродетели личные возносились к Богу как очистительный фимиам, между тем как зловоние общественной неправды, разврата и крови заражало государство и осквернило всю землю Византийскую».

Последние выписки обнаруживаем на л. 23. Это цитата со с. 237: «Духовенство, обращаясь к Христианскому чувству народного единства, постоянно стремилось к единению под державною рукою Москвы»; выписанный вслед за тем фрагмент со с. 253 посвящен уже выделенной ранее теме «недостатка сознания» в принятии христианства на Руси: «Обращение было более обрядовое, чем разумное; но дух Христианства проник сельский мир, сосуд, готовый к его приятию, и развил <…> общежительное начало и добродетели, сопровождающие его».

[24] *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч. Т. I. С. 216.

Продолжая читать ту же книгу «глазами Леонтьева», можно было бы дополнить выписки цитатой со с. 216: «даже падение его (византийского государства. — *О.Ф.*) было не бесславно», а также афоризмом: в византийских монастырях «спасалась наша будущая Русь»[25]. Полемический отклик у эллинофила Леонтьева явно должно было бы вызвать замечание на с. 220: Русь сразу (после принятия христианства) «стала бесконечно выше Византии».

Есть у Леонтьева, в статье «Славянофильство теории и славянофильство жизни», упоминание о том, что Хомяков понимал Россию: «Хомяков был бесспорно человек и глубокомысленный, и остроумный, и Россию в некоторых отношениях удивительно понимавший. Понимавший ее (*в некоторых*, повторяю, отношениях) так, как никто, быть может, ее тогда не понимал» [6, т. 8, кн. 1, с. 461]. Возможно, на полях были отмечены именно такие места — о России. В связи с интересом Леонтьева к сословному вопросу в указанном томе Хомякова тоже многое могло бы остановить его внимание. Например, в статье «О старом и новом» (1839) фрагмент об изменениях, претерпеваемых русским дворянством, о том, что оно теперь не «аристократично» и открыто для вхождения в него. Основываясь на его собственных замечаниях, мы видим, что у Хомякова Леонтьеву были интересны «полезные и остроумные указания исторические» [6, т. 8, кн. 1, с. 462], вероятно, в том числе и наблюдения о национальном своеобразии, но он не видел у мыслителя дара предвидения: «…не найдем никаких, даже и отдаленных предчувствий того, что нам пришлось пережить со дня его ранней кончины» [6, т. 8, кн. 1, с. 462].

О несозданных схолиях к Хомякову можно пожалеть почти столько же, как и о более крупном нереализованном замысле Леонтьева — книге о «новой восточной культуре». Ясно, что сам писатель придавал большое значение этой намеченной, но не воплощенной работе, почему и не хотел заниматься ею в спешке. Для него было характерно обращение к философскому диалогу, отталкивание от «чужих мыслей» (именно так названа одна из его последних, незавершенных, статей). Вполне возможно, что примечания к Хомякову тоже имели бы адресатом не только одного белостокского священника: из них могла бы вырасти статья, которая раскрыла бы, в чем заключался тот самый «свой салтык», отличавший Леонтьева от московских славянофилов.

[25] Там же. С. 219.

Литература

1. *Александров А.А.* Письма К.Н. Леонтьеву. Стихотворения. Статьи. Воспоминания. Материалы к истории журнала «Русское обозрение» / изд. подгот. О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2024. 815 с.

2. *Винюкова Н.В.* Апология чистого христианства: Жизнь и служение протоиерея Иосифа Фуделя. М.: Изд-во ПСТГУ, 2025. 468 с.

3. *Губастов К.А.* Письма К.Н. Леонтьеву. Статьи / изд. подгот. О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2025. 623 с.

4. *Дамье Н.В.* К.Н. Леонтьев и классическое славянофильство // Кентавр: ист.-политол. журн. 1994. № 1. С. 32–48.

5. *Котов А.Э.* Священник Иосиф Фудель и полемика о национализме // Russian Colonial Studies. 2019. № 2. С. 56–75.

6. *Леонтьев К.Н.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. [19 кн.] / гл. ред. В.А. Котельников. СПб.: Владимир Даль, 2000–2021.

7. *Масланов Е.В.* Формирование социального идеала в творчестве ранних славянофилов и К.Н. Леонтьева: сравнительный анализ: дис. … канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2011. 144 с.

8. *Микосиба М.* О пометах К. Леонтьева на полях брошюры Вл. Соловьева «Три речи в память Достоевского» // Соловьевские исследования: Периодич. сб. науч. тр. 2004. Вып. 8. С. 32–55.

9. *Океанский В.П.* Христианское осмысление сущности государства в традиции русского православного органицизма: Хомяков — Леонтьев — Солоневич // Традиции в контексте русской культуры: Сб. статей и материалов по итогам V науч. конф. Череповец: Изд-во Череповец. гос. пед. ин-та, 1995. С. 135–139.

10. «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / изд. подгот. О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2012. 816 с.

11. *Фетисенко О.Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Пушкинский Дом, 2012. 784 с.

12. *Фетисенко О.Л.* К.Н. Леонтьев — публицист: утраченное и несозданное // Традиции и современность. 2024. № 38. С. 3–8.

13. *Фетисенко О.Л.* Окрест Оптиной: Достоевский и спор о «сентиментальном христианстве» в пометах К. Н. Леонтьева на книге «Преподобного отца нашего Аввы Дорофея душеполезные поучения...» // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2005. Т. 17. С. 145–161.

14. *Фетисенко О.Л.* Преподобный Амвросий Оптинский о «богословствовании мирян»: (Старец Амвросий и о. Климент (Зедергольм) о богословских сочинениях А.С. Хомякова и Т.И. Филиппова) // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 2006. Сб. 5. С. 260–295.

15. *Хатунцев С.В.* К.Н. Леонтьев: интеллектуальная биография. 1850–1874 гг. СПб.: Алетейя, 2007. С. 5–51.

16. *Чистякова Т.Л.* Славянофилы и неославянофилы: А. Хомяков, Н. Данилевский, К. Леонтьев // Вестник Мурманского гос. техн. ун-та. 2000. Т. 3, № 3. С. 515–524.

Research Article and Publication of Archival Documents

Notes on Khomyakov: An Unrealized Work by K.N. Leontiev

© 2026. Olga I. Fetisenko
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The K.N. Leontiev collection at the Russian State Archive of Literature and Art contains an envelope and several sheets of excerpts from A.S. Khomyakov's most important articles. This material had not previously attracted the attention of researchers. In the academic collection of Leontiev's works and letters (volume 12, book 3), only the inscriptions on this envelope and cover insert for the said quotations were cited. An appeal to Leontiev's epistolary legacy, namely to his correspondence with the priest I.I. Fudel, made it possible to establish precisely when, for what purpose and from which edition these fragments were copied. The source was the first volume of Khomyakov's collected works, published in Moscow in 1878. In the winter of 1891, Leontiev not only commissioned one of his acquaintances to make extracts for him (at his direction), but also marked up the book in order to write notes for it later. The direct addressee of these notes was supposed to be Fudel. But when comparing the period of discussion of the idea with the text of one of the articles that Leontiev was working on at that time, it becomes clear that the notes to Khomyakov could have provided the outline for a separate work. To demonstrate the logic of Leontiev's tutn to this idea, the author of the article collects for the first time together all of Leontiev's statements about the founder of Slavophilism and points out all the instances of "meeting" between the two thinkers, beginning from the time when the student Leontiev first saw Khomyakow in Moscow right up to the reading of his works on Athos and in Optina Pustyn.

Keywords: K.N. Leontiev, A.S. Khomyakov, Slavophilism, I.I. Fudel, materials for the notes, citations

Information about the author: Olga L. Fetisenko, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-002-5670-2656

E-mail: betsy98@mail.ru

For citation: Fetisenko, O.L. "Notes on Khomyakov: An Unrealized Work by K.N. Leontiev". *Literaturnyi fakt*, no. 1 (39), 2026, pp. 286–303. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-286-303

References

1. Aleksandrov, A.A. *Pis'ma K.N. Leont'evu. Stikhotvoreniia. Stat'i. Vospominaniia. Materialy k istorii zhurnala "Russkoe obozrenie"* [*Letters to K.N. Leontiev. Poems. Articles. Memories. Materials for the History of the Journal "Russkoe Obozrenie"*], ed. prep. by O.L. Fetisenko. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2024. 815 p. (In Russ.)

2. Viniukova, N.V. *Apologiia chistogo khristianstva: Zhizn' i sluzhenie protoiereia Iosifa Fudelia* [*Apology of Pure Christianity: The Life and Ministry of Archpriest Joseph Fudel*]. Moscow, Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities Publ., 2025. 468 p. (In Russ.)

3. Gubastov, K.A. *Pis'ma K.N. Leont'evu. Stat'i* [*Letters to K.N. Leontiev. Articles*], ed. prep. by O.L. Fetisenko. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2025. 623 p. (In Russ.)

4. Dam'e, N.V. "K.N. Leont'ev i klassicheskoe slavianofil'stvo" ["K.N. Leontiev and Classical Slavophilism"]. *Kentavr: istoriko-politologicheskii zhurnal*, no. 1, 1994, pp. 32–48. (In Russ.)

5. Kotov, A.E. "Sviashchennik Iosif Fudel' i polemika o natsionalizme" ["Priest Joseph Fudel and the Polemic on Nationalism"]. *Russian Colonial Studies*, no. 2, 2019, pp. 56–75. (In Russ.)

6. Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 12 t. [19 kn.]* [*Complete Works and Letters: in 12 vols. [19 books]*], ex. ed. V.A. Kotel'nikov. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2000–. (In Russ.)

7. Maslanov, E.V. *Formirovanie sotsial'nogo ideala v tvorchestve rannikh slavianofilov i K.N. Leont'eva: sravnitel'nyi analiz* [*Formation of the Social Ideal in the Works of the Early Slavophiles and K.N. Leontiev: A Comparative Analysis: PhD Dissertation*]. Nizhny Novgorod, 2011. 144 p. (In Russ.)

8. Mikosiba, M. "O pometakh K. Leont'eva na poliakh broshiury Vl. Solov'eva 'Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo'." ["On K. Leontiev's Notes in the Margins of Vl. Solovyov's Brochure 'Three Speeches in Memory of Dostoevsky'."] *Solov'evskie issledovaniia: Periodicheskii sbornik nauchnykh trudov*, issue 8, 2004, pp. 32–55. (In Russ.)

9. Okeanskii, V.P. "Khristianskoe osmyslenie sushchnosti gosudarstva v traditsii russkogo pravoslavnogo organitsizma: Khomiakov — Leont'ev — Solonevich" ["Christian Understanding of the Essence of the State in the Tradition of Russian Orthodox Organicism: Khomyakov — Leontiev — Solonevich"]. *Traditsii v kontekste russkoi kul'tury: Sbornik statei i materialov po itogam V nauchnoi konferentsii* [*Traditions in the Context of Russian Culture: Collection of Articles and Materials Following the Results of the V Scientific Conference*]. Cherepovets, Cherepovets State Pedagogical Institute Publ., 1995, pp. 135–139. (In Russ.)

10. *"Preemstvo ot ottsov": Konstantin Leont'ev i Iosif Fudel': Perepiska. Stat'i. Vospominaniia* [*"Succession from the Fathers": Konstantin Leontiev and Joseph Fudel: Correspondence. Articles. Memories*], ed. prep. O.L. Fetisenko. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2012. 816 p. (In Russ.)

11. Fetisenko, O.L. *"Geptastilisty": Konstantin Leont'ev, ego sobesedniki i ucheniki* [*"The Heptastylists": Konstantin Leontiev, His Interlocutors and Students*]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2012. 784 p. (In Russ.)

12. Fetisenko, O.L. “K.N. Leont’ev — publitsist: utrachennoe i nesozdannoe” [“K.N. Leontiev as a Publicist: The Lost and the Uncreated”]. *Traditsii i sovremennost’*, no. 38, 2024, pp. 3–8. (In Russ.)

13. Fetisenko, O.L. “Okrest Optinoi: Dostoevskii i spor o ‘sentimental’nom khristianstve’ v pometakh K.N. Leont’eva na knige ‘Prepodobnogo ottsa nashego Avvy Dorofeia dushepoleznye poucheniia...’.” [“The Outskirts of Optina: Dostoevsky and the Debate on ‘Sentimental Christianity’ in K.N. Leontiev’s Notes on the Book ‘The Soul-Beneficial Teachings of Our Reverend Father Abba Dorotheus...’.”] *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky: Materials and Research*], vol. 17. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005, pp. 145–161. (In Russ.)

14. Fetisenko, O.L. “Prepodobnyi Amvrosii Optinskii o ‘bogoslovstvovanii mirian’: (Starets Amvrosii i o. Kliment (Zedergol’m) o bogoslovskikh sochineniiakh A.S. Khomiakova i T.I. Filippova)” [“Venerable Ambrose of Optina on the ‘Theologizing of the Laity’: (Elder Ambrose and Fr. Clement (Zederholm) on the Theological Works of A. S. Khomyakov and T. I. Filippov)”]. *Khristianstvo i russkaia literatura* [*Christianity and Russian Literature*], coll. 5. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006, pp. 260–295. (In Russ.)

15. Khatuntsev, S.V. *K.N. Leont’ev: intellektual’naia biografiia. 1850–1874 gg.* [*K.N. Leontiev: Intellectual Biography. 1850–1874*]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2007, pp. 5–51. (In Russ.)

16. Chistiakova, T.L. “Slavianofily i neoslavianofily: A. Khomiakov, N. Danilevskii, K. Leont’ev” [“Slavophiles and neo-Slavophiles: A. Khomyakov, N. Danilevsky, K. Leontiev”]. *Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, vol. 3, no. 3, 2000, pp. 515–524. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 23.11.2025
Одобрена после рецензирования: 10.12.2025
Дата публикации: 25.03.2026

The article was submitted: 23.11.2025
Approved after reviewing: 10.12.2025
Date of publication: 25.03.2026

Литературный факт. 2026. № 1 (39)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 1 (39), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-304-339
https://elibrary.ru/XJQMMT

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (39), 2026

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

К истории литературных консультаций 1930-х годов

© 2026, М. А. Мизерная
Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Аннотация: История литературных консультаций при советских литературных институциях изучена весьма фрагментарно. В статье приведены и проанализированы архивные материалы, отражающие порядок учреждения и распространения литературных консультаций в 1930-е гг. Помимо правительственных распоряжений, регулировавших деятельность института консультаций, в работе предлагается обзор основных издательских проектов, осуществленных консультациями при ФОСП (Федерации объединений советских писателей) и издательстве «Советский писатель». Предметом внимания становятся не только политический контекст и государственные директивы, но и производственно-экономический аспект деятельности этих издательских отделов. Результатом исследования является восстановление ранней истории института литконсультации. Обзор публикаций, переписки, стенограмм рабочих заседаний и финансовой отчетности позволяет сделать вывод о невысокой эффективности литературного консультирования и связанных с ним больших денежных и временных затратах. Тем не менее, эти факторы не ослабляли интерес к проекту литературного обучения как со стороны государства, так и со стороны начинающих авторов.

Ключевые слова: советская литература, литературная консультация, издательства, литературный процесс, социология литературы.

Информация об авторе: Мария Алексеевна Мизерная — аспирант, НИУ ВШЭ, ул. Мясницкая, д. 20, 101000, Москва, Россия. Orcid ID: https://orcid.org/0009-0001-3726-7521

E-mail: mmizernaja@gmail.com.

Для цитирования: *Мизерная М.А.* К истории литературных консультаций 1930-х годов // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 304–339. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-304-339

Литературные консультации при советских литературных институтах (редакциях журналов и газет, издательствах, творческих объединениях) существовали вплоть до 1990-х годов. За помощью, советами, оценкой своих текстов в них обращались десятки, если не сотни тысяч увлеченных литературой советских граждан. Вместе с тем деятельность литконсультаций крайне редко попадала в сферу исследовательского интереса. В целом институциональный аспект советского литературного поля реже становился предметом изучения (как и материя «литературной повседневности»[1]), чем творчество отдельных писателей. При этом множество пробелов сохраняется как в истории советских литературных организаций вообще[2], так и в истории издательств в частности. Данная статья посвящена литературным консультациям при ФОСП (Федерации объединений советских писателей) и ССП (Союзе советских писателей СССР), которые находились в ведении подконтрольных им издательств («Федерация» и «Советский писатель» соответственно), а также на их роли в большом раннесоветском проекте по формированию нового советского автора. В статье будут рассмотрены механизмы функционирования литературных консультаций, возникавшие организационные проблемы и пути их преодоления, а также их роль в литературном процессе эпохи. Кроме того, реконструкция истории становления литературных консультаций может прояснить многое в издательском процессе 1930-х гг. и во взаимодействии культурных институций с партийными чиновниками, писателями и читателями[3].

Научные исследования, посвященные институту литконсультаций, пока что весьма малочисленны. О характере воспитания и просвещения советского писателя обстоятельно говорится в монографии Е.А. Добренко «Формовка советского писателя» [9]; там же упоминаются основные документы, связанные с работой литконсультаций. В.Ю. Вьюгину принадлежат исследования,

[1] См., впрочем, монографии, посвященные повседневному писательскому быту и социальным связям, складывавшимся в среде литераторов [1; 6; 7 и др.].

[2] Ср. недавнее решительное утверждение Е.А. Добренко: «Мы же не только не знаем истории советских литературных институций — до сих пор нет историй ни творческих союзов, ни толстых литературных журналов, ни издательств и других ключевых институций советской культуры и литературы, — но нет даже понимания того, что эти истории складываются в итоге в институциональную историю литературы, то есть историю, в центре которой не тексты и авторы, а механизмы культурного и литературного производства, определяющие — через взаимодействие производителей с заказчиками, потребителями и друг с другом — специфику самого этого производства: эстетические особенности, расцвет и упадок жанров, репертуар стилей и языковые режимы» [8, с. 229].

[3] О росте читательской аудитории в 1930-е гг. и ее потребностях см.: [10].

посвященные журналу «Литературная учеба» [3; 4], в которых он делает попытку концептуализации такого явления, как раннесоветское литературное просвещение, и связывает появление консультаций с РАППовским призывом ударников в литературу. При этом следует иметь в виду распространенное в литературной среде 1930-х гг. скептическое отношение к этой инициативе, отразившееся в ходовом каламбуре «призыв бездарников»[4]. Тем не менее писательское сообщество в целом довольно живо откликнулось на этот масштабный проект: в «Литературной газете», ставшей главным печатным органом Союза советских писателей, в 1930-е гг. было опубликовано около 380 статей, заметок и интервью, в которых упоминались, критиковались и обсуждались консультации[5].

Центральная литконсультация при ФОСП: повышенная нагрузка и социальное напряжение

Литературная консультация изначально задумывалась как инструмент по воспитанию новых пролетарских писателей. Порядок учреждения литконсультаций был задан в постановлении ЦК ВКП(б) от 19 августа 1931 г. «Об издательской работе»: «Для работы с новыми авторскими кадрами при всех издательствах в месячный срок организовать специальные консультации или кабинеты, в которых должны даваться отзывы и советы авторам всех поступающих в издательство рукописей, независимо от принятия их в производство»[6].

Постановление поощряло и уже существующую инициативу. Отклики на присланные в редакцию художественные тексты практиковались еще в дореволюционной периодике (А. Аверченко сатирически обыграл этот жанр в «Почтовом ящике» в «Сатириконе»), однако обычно это были единичные ответы редакции на поступившие тексты; задачи длительного обучения писательскому ремеслу не стояло. Заметным исключением была деятельность М. Горького, который еще в 1890-х гг. вел переписку с «писателями из народа» через редакцию петербургского марксистского журнала «Жизнь», а в 1914 г. выпустил «Первый сборник пролетарских писателей» и не прекращал свою настав-

[4] *Макарьев И.* К годовщине исторического решения // Лит. газета. 1931. 25 сентября. № 52.

[5] Приблизительные подсчеты по цифровому архиву «Литературной газеты».

[6] Правда. 1931. 20 августа. № 229. См. контекст: [9, с. 414 и сл.].

ническую работу всю жизнь. После революции литературное обучение «пролетарских авторов» стало набирать обороты. В 1920-х – начале 1930-х гг. литконсультации, которые работали с самодеятельными авторами, существовали при редакциях многих журналов и газет; так, в 1928 г. в консультационное бюро еженедельника «Читатель и писатель» ежемесячно поступало 60–70 рукописей начинающих авторов[7]. В 1930 г. под руководством Горького был основан профильный журнал «Литературная учеба», редакция которого публиковала методические рекомендации для начинающих и вела с ними активную переписку. Литературные консультации были также у литобъединений, издательств «Кузница», «Федерация», а также у ВАПП / РАПП и ФОСП[8]. Для того чтобы привести работу литконсультаций к единому и эффективному стандарту, в 1930 г. при ФОСП была основана Центральная литконсультация, которая должна была показывать пример работы другим, менее крупным отделам[9]. Кроме того, при ФОСП уже в 1930 г. существовал кабинет по изучению массового читателя, сотрудники которого исследовали читательские предпочтения и реакции[10] (аналогичные кабинеты существовали в ГАХН, Коммунистической академии и др.).

Многое в целях и принципах деятельности нового отдела раскрывает объяснительная записка о задачах Литературной консультации при ФОСП от 1930 г. (полный текст см. в приложении). В записке излагаются основные задачи, планы по организационной работе и методологические соображения. Кратко резюмируя этот документ, стоит отметить, что литконсультация, предназначавшаяся «в первую очередь <для> начинающих писателей рабочих, крестьян и красноармейцев», должна была выявлять новых талантливых авторов и обучать их методу «диалектического материализма». Политическая корректность деятельности отдела была обеспечена наличием представителя ЦК ВЛКСМ в правлении и «высококвалифицированных большевиков-пропагандистов» в составе литконсультантов. Организа-

[7] *Локс К.* Наша обязанность // Читатель и писатель. 1928. 4 августа. № 31. В этой заметке отразился спектр проблем, не менее актуальный для литературных консультаций и в 1930-е гг.: спрос (хотя и небольшой) со стороны графоманов и финансово заинтересованных людей, малый процент по-настоящему талантливых корреспондентов, низкий уровень грамотности обращающихся в консультацию и т. д.

[8] См. дела литконсультаций в фондах издательств: РГАЛИ. Ф. 1638. Оп. 1. Ед. хр. 44; Ф. 2236. Оп. 2. Ед. хр. 30. Подробнее об истории ФОСП см.: [14].

[9] *Баркова-Герцвольф.* Начинающие ждут помощи. Писатели, поэты и критики: Как вы помогаете молодняку? На высшую ступень // Лит. газета. 1930. 10 августа. № 34.

[10] Изучим интересы читателя // Лит. газета. 1930. 30 июня. № 26.

ция планировала привлечь к работе профессиональных авторов и критиков, а также предоставить начинающим авторам богатую культурную и образовательную программу, включая всесоюзные съезды, литературные дискуссии и издание альманахов литераторов-новичков[11].

В мае 1931 г., за три месяца до упомянутого выше постановления ЦК, при Объединении государственных книжно-журнальных издательств (ОГИЗ) шла активная подготовка ко Всесоюзной конференции массовой работы издательств, которая должна была состояться 20–24 июня того же года. Протокол одного из установочных заседаний сохранился в фонде ФОСП. Конференция предполагала собрать 99 делегатов от 21 издательства (в том числе союзных республик — БССР, УССР и Издательства Средней Азии) и 15 культурных, общественных и политических организаций (включая Наркомпрос, ВЦСПС, Культпроп ЦК, РАПП и ВОКП). Было намечено четыре секции, посвященных организации массовой работы, методам изучения читателя, литературе для малограмотных и качеству книжной продукции[12]. Иных документов о конференции пока не удается найти, поэтому нельзя утверждать с уверенностью, что она состоялась, но факт подготовки подобного мероприятия еще весной 1931 г. говорит об уже существующей и активно развивающейся практике литературного консультирования в советских издательствах.

В делах литконсультации при ФОСП и издательстве «Федерация» (по сути это был один и тот же отдел) имеется переписка за июнь-июль 1931 г. с Центральным союзом работников искусств, Комиссией молодых авторов (вероятно, организацией, представляющей провинциальных новичков), литературным кружком «Вагранка» и отдельными начинающими авторами. Кроме того, в фонде ФОСП в РГАЛИ сохранились несколько ответов литконсультантов на присланные им произведения за 1930–1931 гг. (сами художественные тексты отсутствуют).

Прежде чем обозначить характерные черты этих отзывов, стоит остановиться на объемах работы, которые, согласно документам, выполняли литконсультанты. За сентябрь 1930 г. ни обработали суммарно 667 авторских листов и получили сдельную оплату — по 5 руб. за каждый лист[13]. Так как эти объемы нужно

[11] РГАЛИ. Ф. 625. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 2–3.

[12] РГАЛИ. Ф. 625. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 1.

[13] РГАЛИ. Ф. 625. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 1. Немалая сумма нуждается в уточнении по дополнительным источникам, которые пока нами не выявлены.

было не только прочитать, но и критически осмыслить, консультанты были серьезно загружены работой. Для учета этих объемов, а также для сбора информации об авторах в литературных консультациях заводились карточки на тех, кто к ним обращался; именно из них консультации получали информацию о классовом составе, партийности, образовании стремящихся в литературу масс. Наиболее ранние карточки датированы 1930 г., они находятся в подшивке отзывов литконсультации ФОСП и содержат минимальную информацию о начинающем писателе — ФИО и краткие сведения о присланном тексте[14]. Однако постепенно формуляры обрастали подробностями. Так, учетная карточка образца 1931–1934 гг. выглядела следующим образом:

- Автор
- Название рукописи
- Размер (в листах)
- Поступила
- Отзыв № ___
- Движение рукописи

Дата	Кому дана	Решение редсовета	Дата возвращения

Договор № ___ от 193_ г.[15]

Поля досье об авторе могли оставаться незаполненными, в то время как свою собственную анкету литконсультанты почти всегда заполняли целиком — не в последнюю очередь потому, что от этого зависела оплата их труда, которая в большинстве случаев была сдельной. Кроме того, такая отчетность оберегала консультантов от претензий со стороны авторов, которые могли стать публичными и повлечь за собой обсуждения как внутри организации, так и на страницах печатных изданий (об этом см. далее).

Одна из наиболее характерных черт ранних отзывов консультантов на присланные рукописи — резкость тона. Приведем несколько примеров:

[14] Там же. Ед. хр. 146.

[15] Там же. Ед. хр. 28. Л. 1.

Уважаемый товарищ <...>. Мы дружески советуем вам временно прекратить писанье стихов, а лучше поскорее ликвидировать неграмотность. Присланные вами произведения ни в какой мере стихами не являются — это набор безграмотных фраз при полном отсутствии какой-нибудь отчетливой мысли. <...>

Дорогой товарищ Прокопенко. Вы совершенно безграмотны во всех отношениях. То, что ваше произведение «вызвало восторг аудитории <...>», никак нельзя отнести за счет хороших качеств вашего произведения. Очевидно, вы читали его перед аудиторией столь же безграмотной, как и вы сами. <...>

Уважаемый товарищ Полянский. Трудно представить, что Вы хоть раз перечитали то, что с таким пафосом было Вами написано[16].

Такое раздражение по отношению к авторам, как представляется, во многом было следствием утомления перегруженных сотрудников[17]. Уже в 1930 г. в «Литературной газете» звучала критика литературных консультаций, которые отвечали начинающим писателям формально или не отвечали вовсе[18]. При этом эффективность консультаций в первые годы страдала из-за

[16] РГАЛИ. Ф.625. Оп. 1. Ед. хр. 146. Л. 35, 57, 114.

[17] См., к примеру, дневниковые записи 20-летнего А.Г. Манькова, не без труда добившегося встречи с литконсультантом, от 8 декабря 1933 г.: «Полмесяца тому назад я ходил в литконсультацию при журнале “Резец” узнать, какова судьба моих рассказов, посланных почтой еще в сентябре. <...> Она (сотрудница консультации. — *М.М.*) долго искала мою рукопись: перерыла все папки и бумаги у себя в столе, затем в шкафу, затем еще в одном столе: пять, десять, пятнадцать минут... Наконец с моей помощью рукопись отыскалась среди груды таких же, безнадежно заброшенных. Кажется, не приди сам, я бы так и не дождался ответа. <...> Мой консультант — женщина средних лет — в этот день была занята, и разговор пришлось отложить еще на день. Затем далее было какое-то совещание, потом опять занята, то куда-то уходила, и так я регулярно через день безрезультатно навещал ее, пока, наконец, вчера наша беседа состоялась. <...> Чувствуется, что через руки моего консультанта прошла тысяча рукописей, и моя — тысяча первая. Она морщится, очевидно, от утомления». А также от 17 августа 1934 г.: «Вчера отнес рукопись в “Резец” к консультанту Никитиной (я почему-то к ней большее доверие питаю). Увидела, что у меня черт знает сколько бумаги исписано, даже ахнула. С выражением умственной усталости и брезгливости пихнула рукопись в портфель» (*Маньков А.Г.* Из дневника рядового человека (1933–1934 гг.) // Звезда. 1994. № 5. С. 164, 177). В 1935 г. к литературному консультанту «Пионерской правды» обращается и 14-летний Д.С. Самойлов: «Сегодня ходил к редактору “Пионерской правды”. Понес стихи. Он посмотрел “Чапаева”, раскритиковал зверски. Сказал, что, быть может, писателя мы из тебя и не сделаем, но ты будешь грамотным человеком. Поглядел стихи. Расчеркал, раскритиковал. Нет! Никогда я не буду поэтом! Все это ерунда, но все-таки это очень грустно. Вот возьму и сожгу всю эту размазню. Образы, эпитеты, слова, рифмы — все чертовски бузово. Пора кончать разводить писанину. Редактор этот велел мне приходить 11-го в 7 ч. вечера. Там будут ребята, которые пишут. Я не пойду — к чему зря терять время» (*Самойлов Д.С.* Поденные записки: в 2 т. М.: Время, 2012. Т. 1. С. 19).

[18] *Логинов И.* Требуем внимания // Лит. газета. 1930. 10 августа. № 34.

того, что консультанты, как правило, занимались этой работой безвозмездно либо за крайне низкую оплату[19]. Один из способов облегчить работу литконсультантов и предоставить возможность всестороннего развития начинающим авторам виделся в учреждении литературных кружков на производстве, однако и «кружководам» часто не хватало образования и педагогических навыков[20]. Кроме того, начальство, узнав о том, как авторы-«кружковцы» проводят свободное время, могло нагрузить их дополнительной работой — один начинающий автор, кружковец Электрозавода ВЭО, в 1931 г. сообщил о подобной ситуации на страницах «Литгазеты»[21].

Однако, несмотря на предпринимавшиеся попытки оптимизации института консультации, раздражение консультантов по отношению к начинающим авторам сохранялось и впоследствии. Отчасти в нем можно усмотреть характерный для советских 1930-х гг. конфликт между старой элитой — творческой и научной интеллигенцией, к которой относились некоторые литконсультанты, вынужденные заниматься неинтересным низкооплачиваемым трудом, — и рабочими, колхозниками и малообразованными служащими, которые в силу политических обстоятельств могли занимать более выигрышное (или, по крайней мере, менее угнетенное) общественное положение, чем их наставники. Впрочем, учителя, особенно в первые годы официального учреждения консультаций, не всегда заметно отличались от своих учеников: так, в подборке анкет соискателей на должность внештатных консультантов ГИХЛ за 1932–1937 гг. 84% заявок принадлежали молодым людям от 20 до 40 лет; только 33% потенциальных сотрудников определяли себя как литературных работников, и почти половина (48%) причисляли себя к служащим. Рабочих, крестьян и военных среди соискателей было всего 8%. Несколько иная картина складывается на основе графы «социальное происхождение», которая появляется в анкете в 1933 г. О своем происхождении из крестьян и/или рабочих заявило 52% соискателей,

[19] *Самойлов Дм.* О литературной консультации // Лит. газета. 1930. 9 сентября. № 40.

[20] О развитии кружкового движения в 1920–1930-е гг. и о появлении литературных кружков при предприятиях см.: [15].

[21] «Зачастую к литературному молодняку на предприятиях относятся совсем не так, как надо. — Вот что, милый, — говорят начинающему профработники, а иногда и низовые партработники. — Писать каждый может. Сейчас не писать нужно, а работать. После слов поручают товарищу новую нагрузку. Такое отношение к начинающим писателям ослабляет работу кружков. Неудивительно потому, что на 8 тысяч рабочих на заводе “Серп и Молот” в литкружке всего 8 человек». *Шагалов М.* Окружим заботой начинающих // Лит. газета. 1930. 10 августа. № 34.

из служащих — уже только 23%, потомственных интеллигентов оказалось еще меньше[22]. Хотя данные анкет, заполнявшихся при устройстве на работу в 1930-е гг., не полностью достоверны, эта статистика все же свидетельствует о разнообразии профессиональных и классовых корней консультантов. Тем не менее, несмотря на порой незначительную разницу в культурном и образовательном уровне консультантов и консультируемых, между ними несомненно существовала жесткая иерархия.

Помимо «символической борьбы» учеников и учителей, важным фактором было нарастание социального напряжения в государственных масштабах: столкнувшись с проблемой притока малообразованных людей в города и значительно возросшей в связи с этим социальной нестабильностью, советская власть почувствовала необходимость в механизмах сдерживания. Одним из таких механизмов стал активно пропагандировавшийся в этот период концепт «культурности», т. е. постоянной работы над уровнем своего образования как отличительной чертой достойного советского человека. Культурный досуг и самообучение требовали у «масс» времени и энергии и удерживали их от асоциального поведения [2]; литературная консультация удачно встраивалась в этот замысел, а консультанты выполняли функцию «цивилизаторов».

Эта роль, которая, скорее всего, не осознавалась всеми буквально, могла провоцировать покровительственное, снисходительное и часто резкое отношение к начинающим: порой литконсультанты брали на себя функции не только литературных наставников, но и воспитателей нравственности. Так, в 1930 или 1931 г. 16-летняя Пашаева (инициалы неизвестны) прислала в литературную консультацию издательства «Федерация» довольно несвоевременную повесть в готическом духе «Лжеюноша» и получила суровую отповедь от консультанта, обвинившего девушку не только в отсутствии вкуса, но и в пустой мечтательности, пренебрежении общественной деятельностью:

> Ваше творчество на ложном пути. Оно совершенно оторвано от общественности и советской действительности. Такой писатель обречен на вымирание и вольно или невольно окажется в стане врагов рабочего класса. Из своей замкнутости вы должны выйти и стать активной общественницей. <...> 16 лет вполне

[22] РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 889.

> достаточно для зрелой общественной работы во многих отраслях. Если вы не переключитесь, то сгноите свои несомненные способности. <...> Мечтайте о социализме, а не о «таинственных исчезновениях богатого наследника-лорда». Пусть этим занимается эмиграция. <...> Итак, за работу. Долой эмигрантскую безвкусицу. Да здравствует здоровый, общественный советский реализм. Конечно, не исключающий и столь же здоровую фантастику. Прилагаемые два письма помогут вам переменить свои творческие установки. Не теряйте связи с литконсультацией[23].

Позднее, в 1938 г., на совещании в издательстве «Советский писатель» молодой литконсультант Юрин рассказал о том, как намек на плотскую любовь в одном присланном стихотворении спровоцировал его на крайне резкий ответ, несмотря на угрозу того, что дискуссия перейдет на страницы советской печати:

> Один из грамотных товарищей пишет стихи девушке. И в этих стихах такая строчка: «Отдайся мне, чего ты там ждешь». Вообще стихи хорошо написаны, но это «отдайся мне» оскорбило меня, это безобразие. Я написал ему об этом и считаю совершенно правильным то, что я написал. Я пишу ему: «Вы, наверное, по-настоящему никогда не любили. Поэтому вы по-хамски относитесь к женщине. Если бы вы по-настоящему любили, у вас рука не поднялась бы написать эту строчку». Церемониться я не собираюсь. Пусть пошлет в «Правду», я отвечаю за свои слова[24].

Обычно к концу отзыва беспощадная критика все же сменялась конструктивными рекомендациями и предложением поддерживать переписку с литконсультацией. Вместе с индивидуальным отзывом авторам отправляли разработанное в консультации стандартное руководство (его шаблон в подшивке не сохранился) и список рекомендуемой литературы. В то же время в текстах отзывов присутствовали отдельные личные рекомендации: например, совет прочесть ту или иную книгу, изучить журнал «Литературная учеба» или обратиться в Ленинскую библиотеку[25]. Среди пособий, которые консультанты предлагали своим адресатам, были «Что надо знать начинаю-

[23] РГАЛИ. Ф. 625. Оп. 1. Ед. хр. 146. Л. 24.

[24] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 17. Ед. хр. 71. Л. 57.

[25] К примеру: «Вам следует изучать технику драмы. Запросите справочное бюро Ленинской библиотеки, оно укажет вам пособия» (Там же. Л. 4).

щему писателю» А. Крайского (1927), «Основы литературной грамотности» Г. Изотова (1930), «Драматургия» В. Волькенштейна (1923) и марксистские руководства для начинающих поэтов. В этом перечне находится несколько совпадений с теми пособиями, которые упоминает В.Ю. Вьюгин в статье о работе с авторами в журнале «Литературная учеба» [4, с. 451–452]. Это объясняется и тем, что круг этих пособий в начале 1930-х гг. был весьма ограниченным, и тем, что консультанты, скорее всего, сами обращались к «Литературной учебе» в поисках готовых рекомендаций.

В то время как ФОСП и подчиненное ей издательство расширяло и совершенствовало практику консультирования, другие издательства не единожды становились предметом нападок в прессе. Часто они исходили непосредственно от начинающих авторов, которые быстро нащупали этот рычаг давления на консультации и их работников. К примеру, в 1932 г. в «Литературной газете» появилась заметка о литконсультанте издательства «Молодая гвардия», который высокомерно указал начинающему автору на его необразованность, не предложив конкретных мер по ее устранению[26]. Этот прецедент рассматривался как проявление недостатков литконсультации, еще не сформировавшей единых принципов работы: автор заметки указывал на необходимость поиска действенных и корректных стратегий диалога с начинающими писателями; в то же время это выступление в печати явно послужило сведению личных счетов. Схожей критике подверглась и литконсультация при ГИХЛ, которую обвинили в «формальной» работе[27]. В этой заметке автор указал на то, что известные писатели состоят при литконсультации лишь номинально, а фактически всю работу по консультированию выполняют студенты. Чтобы реально вовлечь профессиональных литераторов в эту работу, автор заметки предлагал повысить оплату труда литконсультантов.

При этом неодобрение у публицистов вызывали не только консультации, но и сами молодые писатели. В ряде материалов говорилось о том, что начинающие часто сами виноваты в низком качестве своих текстов, потому что отказываются от длительного и методичного самообразования после первой

[26] *С. Вл.* Не пиши, не пиши!.. // Лит. газета. 1932. 29 августа. № 39.

[27] *Аглицкий Л., Крупнов А.* «Ваш рассказ переслан в ГИХЛ». В консультационных дебрях Никитской, 10 // Лит. газета. 1932. 29 августа. № 39.

же удачной публикации;[28] чрезмерное поощрение молодых часто называлось «захваливанием». Ориентиром как для начинающих писателей, так и для их консультантов на протяжении 1930-х гг. был М. Горький: в печати не раз подчеркивалось, что советский классик не прекращал работать над собой и в то же время всегда находил возможность заниматься с молодыми. В большой статье, опубликованной в «Литературной газете» в 1933 г., анализировались поправки Горького в текстах авторов-кружковцев как эталон редактирования и как краткое пособие для литконсультантов[29]. Следующим логическим этапом долгой и вдумчивой работы с молодым автором должен был стать Литературный институт им. М. Горького, основанный в конце 1933 г.

Первые альманахи начинающих писателей в издательстве «Федерация»: категории качества и безоценочный подход

Сходные технологии консультирования молодых авторов применялись и при подготовке печатных изданий. Уже в 1930 г. ФОСП занялась составлением альманаха начинающих писателей. Эта идея была выдвинута писателем В.Г. Лидиным, который предложил использовать уже имеющиеся у издательства тексты начинающих, дополнив их новыми произведениями. Для этого было решено связаться с крупнейшими рабочими литкружками, дать объявления в «Литгазету» и «Известия», привлечь кружковцев в клуб «Федерация» и обязать литконсультацию раз в десять дней отчитываться о полученном материале. Лидин рекомендовал запланировать четыре сборника: «производственный, рабочий в деревне (расслоение, наблюдение над жизнью колхозов, столкновение рабочего мировоззрения с крестьянским), <об> участии рабочих в гражданской войне и социалистическом строительстве, <об> ударниках и выдвиженцах»[30]. Предложение анонсировать новый издательский проект оказалось вполне действенным: так, по объявлению в «Литгазете» в «Федерацию» прислал свой рассказ «Склероз» И. Ляндсберг, представившийся как член рабочей литературной

[28] Мастера литературы нашего завтра // Лит. газета. 1933. 11 ноября. № 52; *Оборин А.* За серьезную учебу молодых // Лит. газета. 1934. 21 августа. № 107.

[29] *Алтайский К.* Старший по цеху и фабзайцы пера // Лит. газета. 1933. 11 ноября. № 52.

[30] РГАЛИ. Ф. 625. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 1.

группы в Ленинграде[31]. Рассказ был оценен высоко и принят к публикации в альманахе[32]. Впрочем, амбициозный замысел по изданию сразу четырех сборников, по-видимому, быстро оказался нежизнеспособным: в последующих планах и рецензиях подобного тематического деления не сохранилось. Материал для сборника условно делился рецензентами по другому принципу — на пять категорий качества:

1. рукописи, приемлемые для печати, нуждающиеся в некоторой правке;

2. рукописи, приемлемые для печати, нуждающиеся в большой правке;

3. рукописи, неприемлемые для печати по признаку отсутствия в них социальной окраски;

4. рукописи, неприемлемые для печати по признаку отсутствия материала (содержания);

5. рукописи, неприемлемые для печати как беспомощные во всех отношениях[33].

За обозначением категорий качества в рецензиях следуют краткие отзывы из 2–4 предложений на 114 предложенных к печати текстов. Машинописные отзывы не были подписаны; возможно, часть из них принадлежала Лидину. Начинающие авторы предлагали к публикации в альманахе свои стихи, поэмы и рассказы. В круг затронутых ими тем входила не только жизнь рабочих[34], но и внутрилитературная полемика[35], сюжеты из дореволюционной жизни[36], острые вопросы проституции и абортов[37]. Резюмируя сюжет и стиль произведения, рецензент часто выделял самые очевидные литературные влияния: среди

[31] Там же. Ед. хр. 42. Л. 66.

[32] Там же. Ед. хр. 19. Л. 10.

[33] Там же. Л. 2.

[34] «Н. Гулин. Стихи. Автор пишет, что он “безработный тракторист”, а в стихах о тракторе дальше самых общих фраз не идет. Пример его стиля: “Господин лакированным ботом, сон будил, наступив на мозоль”. Нужно посоветовать автору заняться своей основной профессией». Там же. Л. 9.

[35] «Я. Заборов. Поэма. Смесь бахвальства, язвительных намеков на писателей-профессионалов, дешевого эстетства и дилентантства, литературщины. Печатать нельзя». Там же. Л. 8.

[36] «Воинов. Два рассказа. Смертельно скучные рассказы из эпохи царя Гороха. Автор видать ехидный старичок — устами мужика по старой орфографии хвалит “барина”, мирового судью». Там же. Л. 12.

[37] «Головушкин. Рассказ. Тема — дурные явления в сфере рабочей и комсомольской молодежи, смерть девушки от аборта. Написан рассказ неумело, бледно, как-то “вообще”»; М. Шехтер. Рассказ и стихи: «Рассказ написан на 100% под Пильняка. Сюжет его тривиален и надуман: встреча отца с дочерью-проституткой». Там же. Л. 10.

них были Достоевский[38], Пушкин[39], Маяковский и Северянин[40], «народная поэзия» Кольцова и Никитина[41], Горький и Чехов[42]. Вердикт рецензента, как правило, был неутешительным: лишь немногие тексты удостаивались положительной оценки.

К сожалению, восстановить дальнейшую судьбу сборника не удается: вероятно, он так и остался лишь в издательских планах. Однако процесс подготовки такого издания определенно стал полезным опытом для «Федерации». Уже в 1931 г. издательство выпустило другой сборник в трех частях под названием «Наша жизнь», состоявший из очерков молодых писателей, участников кружка очеркистов «Новая кузница»[43]. В соответствии с призывом РАПП, его доминирующей темой стала связь литературы с производством. Все тексты сборника носили явно публицистический характер и были посвящены производственным темам, становлению колхозов, освоению новых ресурсов и территорий и изобиловали историческими экскурсами, фактами и цифрами. Так, отдельные очерки были посвящены лесозаготовкам на Севере, образованию колхоза в Туркмении, Днепрострою и т. п. Первая книга трилогии вышла небольшим тиражом в 5200 экз. и насчитывала всего 112 страниц. Начинающие авторы тут соседствовали с опытными: послесловие к сборнику составил известный журналист и редактор, парторг ФОСП И.Ф. Жига, а один из очерков принадлежал Ф. Гладкову, на тот момент известному 47-летнему писателю, автору знаменитого «Цемента» (1925). В предисловии Д.Г. Прокофьева, помимо программного цитирования Ленина, характерна четко артикулированная связь этого литературного проекта с советской производственной политикой. Кроме того, Прокофьев подчеркивал возможные недостатки сборников и изначально обозначал второстепенность эстетических оценок публикуемых текстов:

[38] «И. Козлов. В Америку. Повесть очень интересна в литературном отношении, в ней много оригинального, хотя автор и ушиблен Достоевским». Там же. Л. 8.

[39] «И. Вразовский. Лирика. Попадаются хорошие строки, но они попросту списаны из школьной хрестоматии и принадлежат преимущественно Пушкину. В остальном автор малограмотен и не владеет русским языком совершенно». Там же. Л. 10.

[40] «Неудачин. Стихи. Рабское подражание Маяковскому (при этом неумелое). Изредка попадаются словечки из Северянина: “закомсомолить” и т. д.». Там же. Л. 12 об.

[41] «Стихи. Автор рабски подражает Кольцову и Никитину. В эту архаичную форму “новое” содержание никак не влазит». Там же. Л. 9 об.

[42] «Никитин. Управление милиции. Скучный рассказ о том, как плохо жилось приказчику у купца. Перефразировка Горького, Чехова». Там же. Л. 12 об.

[43] Наша жизнь. Сборник первый. М.: Федерация, 1931.

> Подробно разбирать содержание всех очерков не входит в наши обязанности. Мы также воздерживаемся и от их оценки. Право судить о достоинствах и недостатках очерков, собранных в настоящий сборник, принадлежит самому читателю. Только надо помнить, что здесь, как во всяком большом начинании, неизбежны ошибки. Но мы, практики очерка, ни на минуту не забываем слова Ленина: «Поближе к жизни, побольше внимания к тому, как рабочие и крестьянские массы на деле строят нечто новое в своей будничной работе». И если наши сборники хотя бы в небольшой степени покажут отдельные участки социалистического строительства и помогут рабочим массам ознакомиться с этим строительством так, чтобы видеть каждодневный рост советской республики, — мы будем считать, что выпуск наших сборников оправдан[44].

О литературном мастерстве и о том, что авторы очерков — это кружковцы, кратко, почти вскользь, говорится лишь в послесловии к сборнику:

> Кроме того, при наблюдающемся в СССР колоссальном культурном росте и активности рабоче-крестьянских масс, из среды этих масс, — из рабочих-ударников, из рабкоров и селькоров, — выдвигаются новые люди, идущие в литературу. Эти люди прошли сквозь огонь революции. Они несут в себе великий пафос борьбы и в литературе хотят быть бойцами. Для таких писателей-бойцов очерк явится прекрасной литературной школой. <...> Исходя из этих основных положений, кружок очеркистов «Новой кузницы» и приступил к изданию сборников очерков[45].

Такой экспериментальный формат позволил ФОСП, в соответствии с заявленными еще в 1930 г. целями, все же довести сразу нескольких начинающих писателей до публикации и выстроить работающую связь между литконсультацией, издательством и литературным кружком. Вскоре после издания этого сборника литературная консультация открылась непосредственно при издательстве «Федерация»[46].

---

[44] Наша жизнь. Сборник первый. М.: Федерация, 1931. С. 5.

[45] Там же. С. 112.

[46] Извещения // Литературная газета. 1932. 17 сентября. № 42 (211).

Центральная литературная консультация при ФОСП стала первым масштабным проектом, в котором реализовались чаяния РАПП. В этом «образцовом» для других недавно открывшихся литконсультаций отделе успешно апробировались технологии, которые сохраняли свою актуальность и в дальнейшем: анкетирование авторов, ведение учета рукописей, стратегии составления отзывов и т. п. Но этим блестящим начинаниям предстояло пройти трудную проверку меняющимися политическими и экономическими условиями.

Литературная консультация при издательстве «Советский писатель» и Союзе советских писателей: разрастание структуры и финансовый кризис

Параллельно с общей монополизацией власти аналогичные процессы происходили и в литературе. В 1934 г. на Первом съезде писателей СССР был официально основан ССП, в подчинение которого попало переформированное издательство. Литконсультация издательства «Советская литература» (с 1934 г. «Советский писатель») и Союза советских писателей стала площадкой для отработки принципов литературного обучения уже под руководством новой, всесоюзной и сверхцентрализованной литературной организации. Еще формирующийся Союз сразу же стал уделять повышенное внимание литконсультации: в 1933 г. В.Я. Кирпотин (на тот момент секретарь Оргкомитета по созданию Союза писателей) и В.П. Ставский (генеральный секретарь ССП с 1936 г.) провели встречу с начинающими писателями, где говорили о важности работы с молодыми. На этом мероприятии присутствовали и представители литконсультаций, которые пригласили участников встречи стать своими подопечными[47]. Молодые авторы, скорее всего, за последние годы не раз слышали или читали об этих отделах и живо откликнулись на приглашение: в 1933 г., по опубликованным данным, консультация при «Советской литературе» получала около 300 рукописей в месяц[48]. Подобные масштабы не могли не тревожить руководство издательства. Ф.М. Левин, будущий директор «Советского писателя», выражал беспокойство объемами рукописей, поступавших в консультацию:

[47] *Э[йдель]ман Я.* Начинающий писатель и консультант // Лит. газета. 1933. 11 ноября. № 52.

[48] *Афрамеев Н.* 300 рукописей в месяц // Лит. газета. 1933. 11 ноября. № 52.

> Есть некоторая опасность аристократизации издательства, что будут печататься только крупные писатели. <...> Но здесь начинается угрожающий момент, когда к нам начинают идти воблой. Я получил такое количество заявок и предложений, что если бы я и думал все принять, то мне потребовалось бы на 100.000.000 листов-оттисков бумаги. Но это, конечно, очень хорошо, но вместе с тем придется подумать над тем, чтобы произвести строгий отбор всего того, что нам нужно[49].

Количество присланных рукописей, таким образом, одновременно и повышало шансы на открытие нового таланта, и в какой-то степени снижало их: произвести адекватный отбор при таком количестве поступающих текстов было крайне сложно.

На страницах «Литгазеты» регулярно звучали призывы рассматривать начинающих авторов как «штучный товар», относиться к каждому вдумчиво, внимательно и бережно[50]. Предлагалось делить начинающих на три уровня мастерства: представители каждого уровня требовали разных усилий от консультантов, но все заслуживали внимания[51]. Но такой подход, безусловно, требовал большого количества человеческих, финансовых и временных ресурсов. Вместе с тем уже в 1934 г. только при московских консультациях состояло около 400 молодых авторов:[52] востребованность этого литературного проекта стала расти быстрее, чем технические возможности советских издательств. Кроме того, качественная и действительно результативная работа с начинающими была возможна лишь на длительной временной дистанции, а часто на это не хватало ни возможностей консультации, ни терпения ее подопечных. Поэтому авторы заметок в «Литгазете» предлагали заранее настраивать писателей на долгую работу, а также дополнять консультирование иными образовательными технологиями. Так, помимо издания пособий, упомянутых выше, в 1935 г. для молодых писателей проводились двухмесячные писательские курсы при Институте красной профессуры[53].

В рамках реорганизации центральных писательских институций в 1933 г. ФОСП была ликвидирована, а издательство «Федерация» переименовано в «Советскую литературу», сохра-

[49] ГА РФ. Ф. 7953. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 79.

[50] Мастера литературы нашего завтра // Лит. газета. 1933. 11 ноября. № 52.

[51] *Оборин А.* За серьезную учебу молодых // Лит. газета. 1934. 21 августа. № 107.

[52] *А. В.* Обновить и разнообразить формы // Лит. газета. 1934. 5 января. № 1.

[53] *Д. Г.* Работа с молодыми // Лит. газета. 1935. № 30.

нившую особенности его структуры и основные направления деятельности, в том числе просветительскую работу с молодыми писателями. В 1934 г. на базе «Советской литературы» было основано издательство «Советский писатель», в состав которого также входила литературная консультация. Есть все основания предполагать, что консультация переходила в введение новых издательств без радикальных изменений в штатном расписании. Отдел при «Советском писателе» был небольшим: в 1935 г. по документам в нем числились только два сотрудника[54] (хотя, скорее всего, были и внештатные работники, наличие которых не отразилось в сохранившихся документах). За один квартал 1935 г. в литконсультацию поступило около тысячи рукописей объемом в 1245 печатных листов[55]. Согласно отчетам, сотрудникам отдела за три месяца удалось обработать все обращения и даже провести 266 устных бесед; однако едва ли можно утверждать с уверенностью, что эти показатели эффективности соответствовали реальности и два штатных сотрудника успели прочитать и осмыслить десятки тысяч страниц.

По полученным обращениям велась статистика; подсчитывались доли литераторов, работающих в разных жанрах, и классовый состав начинающих авторов. Приводим статистику за январь-март 1935 г., составленную сотрудниками отдела:[56]

Поэтов — 70% Прозаиков 28% Драматургов, очеркистов, критиков 2%	Рабочих 40% Колхозн. 32% Служащ. 28% Партийцев 20% Комсом. 35% Беспарт. 45%

Заметно, что поэзия пользовалась у начинающих авторов гораздо большей популярностью, чем проза и драма; вероятно, потому, что написание коротких стихотворений казалось менее трудоемким и более доступным занятием, чем создание законченного рассказа или повести. Примечательно и то, что среди служащих авторов-дилетантов оказалось меньше всего. Это может объясняться тем, что служащие, как представители самой образованной страты, адекватнее оценивали свой талант

[54] РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 3

[55] Там же. Ед. хр. 8. Л. 1.

[56] Там же.

и шансы преуспеть на литературном поприще. Существенным показателем для литературной консультации была и партийность потенциальных авторов. По значительной доле членов комсомола можно заключить, что многие корреспонденты были молодыми авторами в буквальном смысле слова; кроме того, членство в комсомоле могло обуславливать их искреннее стремление внести свой вклад в дело строительства социализма, проявив себя в литературе.

Большинство начинающих авторов сами обращались в литконсультацию, чтобы получить совет по поводу конкретного текста или оценку своего творческого потенциала в целом, а также заявить о себе. Однако, как и соответствующий отдел в ФОСП, литконсультация и сама проявляла инициативу в поиске молодых талантов, из которых можно было бы со временем вырастить новых литературных знаменитостей. Этот поиск велся не только по присланным рукописям, но и по литературным кружкам при организациях (завод им. Сталина, Метрострой, 1-я типография и др.) и краевым журналам по всему СССР. В резолюции правления издательства по докладу его заведующего, Г.П. Лазаря, за 1936 г., присутствует отдельное распоряжение устраивать выезды на заводы — как с целью продвижения книжных новинок, так и для того, чтобы найти литературно одаренные кадры из числа читательского актива[57].

Судя по отчету литконсультации за 1935 г., еще одним каналом отбора удачных текстов начинающих авторов были кружковые сборники. Так, чтобы выявить наиболее перспективных авторов, литконсультация просматривала творческие материалы Малеевских курсов[58], сборник «Молодость поэта»[59]. Из них отбирались тексты для альманаха молодых авторов издательства «Советский писатель», включающего прозаические и поэтические тексты, запланированное издание которого, по всей видимости, не состоялось. Однако консультация не только искала таланты извне, но и старалась воспитывать и курировать свои собственные кадры. При литконсультации в «Советском писателе» функционировали два объединения: прозаиков и поэтов. В 1935 г. прозаики совмест-

[57] РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 2. Ед. хр. 20.

[58] Малеевские курсы — первые Всесоюзные курсы комсомольских писателей, проходившие в Малеевке (Подмосковье) с декабря 1934 по январь 1935 г. Подробнее см.: Милая сердцу Малеевка: О первом Доме творчества писателей России / сост.: Н.В. Бабочкина, И.С. Борисов. М.: Пульс, 2001.

[59] Возможно, имеется в виду рукопись поэтико-прозаического альманаха самодеятельных сибирских авторов «Молодость» (вышел в Иркутске в 1936 г.).

но работали над книгой о Болшевской трудкоммуне — это был новый проект М. Горького, вдохновленного успехом коллективного сборника «Беломорско-Балтийский канал им. Сталина» (1934). «Болшевский» сборник с предисловием Горького вышел в 1936 г., но не в «Советском писателе» а в специализированном издательстве (тоже детище Горького) «История заводов»[60]. Этот сборник, впрочем, постигла та же судьба, что и его предшественника:[61] через год Г. Ягода был арестован и в 1938 г. расстрелян, а книга о коммуне его имени больше не могла оставаться в свободном обращении.

В 1935 г. члены поэтического объединения литконсультации коллективно работали над поэмой, причем шефство над молодыми авторами было поручено опытному и статусному литератору: созданием поэмы руководил Илья Сельвинский[62]. Наконец, в рамках работы с молодыми авторами литконсультация организовывала культурные мероприятия: в январе-марте 1935 г. было проведено 12 бесед в культбазе ЦПКиО им. Горького[63]. Заметка 1934 г. в «Литературной газете» описывает выезд литконсультации в парк, в ходе которого организаторам удалось заинтересовать спорами об изящной словесности случайных прохожих[64]. Скорее всего, в заметке говорится именно о заседании консультации «Советского писателя», организованном в ЦПКиО.

Круг деятельности литконсультации при «Советском писателе» в середине 1930-х гг. казался весьма широким. Но у руководства издательства возникали вопросы по поводу ее эффективности. На заседании правления «Советского писателя» 23 ноября 1936 г. поднимался вопрос о сверхлимитных тратах редакции журнала «Литературная учеба», и в то же время отмечались «слабая работа издательства с молодыми писателями» и необходимость проведения дополнительных мероприятий популяризаторского характера[65]. Схожие выводы — об отрыве издательства от писательской общественности, о недостаточном

[60] Болшевцы: Очерки по истории Болшевской им. Г.Г. Ягода трудкоммуны НКВД. М.: История заводов, 1936. 548 с.

[61] О создании сборника о Беломоро-Балтийском канале, который тоже курировал репрессированный в 1937 г. Г.Г. Ягода, см. автобиографическую повесть А.О. Авдеенко «Отлучение», а также [11; 7, с. 262–269].

[62] РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 1.

[63] Там же. Восстановление тематики этих бесед едва ли возможно, так как большинство документов парка за 1928–1941 гг. погибло [5]. Подробнее об организации досуга в ЦПКиО см. монографию К. Кухер [13].

[64] Семенов Л. Скорая литературная помощь // Лит. газета. 1934. 6 августа. № 99.

[65] РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 1.

внимании к молодым писателям, о неудовлетворительной работе литконсультации — встречаются в резолюции правления издательства по докладу Г. Лазаря[66]. Тут же предлагался комплекс мер, направленных на поддержку писателей: организованные творческие вечера, выезды на предприятия, встречи с читателями, беседы с редакторами и критиками, продвижение наиболее удачных текстов молодых авторов и оказание материальной помощи[67]. Работа с подрастающим поколением литераторов, будучи приоритетным направлением для издательства, должна была вестись активно, но при этом не влечь за собой как существенных денежных расходов, так и других, еще более серьезных проблем: ситуация в стране предполагала, что любая политическая ошибка может стать последней как для автора, так и для его редакторов и издателей.

Все недостатки в деятельности литконсультации и отдельных консультантов легко могли стать достоянием общественности. Внутренние разбирательства о чрезмерных тратах отдела отразились и в прессе: в 1936 г. литконсультация при издательстве подверглась в этой связи резкой критике на страницах «Литературной газеты»; при этом автор газетной статьи, некто В. Омский, традиционно рекомендовал консультантам «Совписа» ориентироваться на Горького[68]. Вместе с тем оглядка на авторитеты приветствовалась далеко не всегда: в той же заметке автор осудил консультанта издательства за то, что тот предложил своему подопечному сравнить себя с Пушкиным и на этом фоне яснее увидеть недостатки в своем творчестве.

Одним из решений проблемы литературного обучения, призванных облегчить работу литконсультации, был массовый выпуск обучающих пособий для начинающих писателей. В тематическом плане «Советского писателя» на 1937 г. им отведен отдельный раздел[69], а в отчете о деятельности издательства за 1939 г. «издание литературных пособий для молодых писателей и книг, посвященных обмену литературным опытом совет-

[66] См. следующее замечание, показывающее важность работы с молодыми писателями для издательства: «Отсутствие в издательстве творческой обстановки, отсутствие массово-политической работы с писателями, особенно с молодыми, отсутствие заботы о выращивании и воспитании новых писательских кадров. Этой важнейшей работой не занималась редакция. От этой важнейшей работы самоустранилось правление в целом» (Там же. Ед. хр. 20. Л. 1).

[67] Там же. Л. 2.

[68] Омский В. «Отсылаем вас к Пушкину!» // Лит. газета. 1936. 19 ноября. № 65.

[69] РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 17–21.

ских писателей», и вовсе обозначено как одна из основных задач[70]. Впрочем, такие пособия тоже могли вызывать вопросы, например, в 1940 г. С. Соловьев критиковал изданные в «Совписе» «Беседы с начинающим писателем» П. Слетова за путаные построения, небрежность формулировок[71].

Центральная печать выявляла недостатки в работе и других литконсультаций: так, в «Литгазете» под огонь критики нередко попадала консультация при «Молодой гвардии». В 1937 г. сокращение дирекцией издательства расходов на литконсультацию и вовсе повлекло за собой обвинение в том, что руководство нарушает постановление ЦК о работе с молодыми[72]. Примечательно, что это обвинение было высказано литконсультантом, поэтом Д. Кедриным, которого самого в прошлом году В. Омский критиковал в упомянутой выше заметке. Вместе с тем литконсультация «Молодой гвардии» успешно собирала альманах литературного «молодняка», который удостаивался вполне положительных оценок[73]. Несомненно, газетные споры о работе консультантов отчасти мотивировались конкуренцией между издательствами и их сотрудниками.

О литконсультациях высказывались и известные писатели, в том числе А.С. Серафимович, покровительствовавший многим молодым авторам[74]. В статье, опубликованной в 1938 г., он выразил сожаление о том, что молодые авторы не хотят долго учиться, и подчеркнул, что работа литкружков до сих пор налажена плохо — рабочие разочаровываются в них и уходят в литконсультации, где, скорее всего, встречают еще менее внимательное отношение[75]. Наглядным примером некачественной работы консультаций стал для писательского сообщества случай молодого писателя Ю.С. Крымова, который блестяще дебютировал в литературе в 1938 г. повестью «Танкер Дербент» и вскоре был принят в ССП. В своем выступлении перед коллегами он рассказал о том, как приносил повесть в несколько литконсультаций — при «Красной нови», «Октябре», «Новом мире» и «Молодой гвардии», — и везде встречал отсутствие интереса

[70] Там же. Оп. 4. Ед. хр. 4. Л. 1.

[71] *Соловьев С.* Книги для начинающих писателей // Лит. газета. 1940. 30 января. № 6.

[72] *Кедрин Дм.* Литконсультация или «бюро отказов»? // Лит. газета. 1937. 15 августа. № 44.

[73] Альманах молодых авторов // Лит. газета. 1938. 10 июля. № 38.

[74] См.: *Исбах А.* Из воспоминаний об А. Серафимовиче // Вопросы литературы. 1958. № 11. С. 161–176.

[75] *Серафимович А.* Растить молодежь // Лит. газета. 1938. 30 июля. № 42.

к ней[76]. В анонимной заметке, опубликованной в том же номере «Литгазеты», эта ситуация послужила поводом для очередной критики в адрес литконсультации и при «Советском писателе» с дежурными указаниями, что она должна работать внимательнее, а начинающие писатели нуждаются также в хорошо поставленной работе кружков[77].

Проблемы литконсультации обсуждались и внутри издательства. 21 февраля 1938 г. состоялось совещание, куда было приглашено 350 человек — сотрудники издательства, консультанты и консультируемые, журналисты; председательствовал новый директор издательства Л.Н. Шехтмейстер. Стенограмма совещания позволяет составить отчетливое представление о проблемах, с которыми сталкивались консультанты, и о том, как они видели свою работу. Кроме того, она свидетельствует и о невероятной популярности консультаций в 1937–1938 гг. — вероятно, во многом обусловленной бурным празднованием пушкинского юбилея, который возбудил в советских гражданах еще больший интерес к литературе. Литконсультант т. Иванова, открывшая заседание, привела статистику, которая говорила о все возрастающем интересе к литературному творчеству: «В 1936 году мы получили 2265 рукописей, листажом 3100 листов, в 1937 году — 3600 рукописей, листажом — 4000 листов с лишком, а в 1938 году за один февраль месяц мы имеем значительный рост: если в 1937 году за февраль мы получили 200 рукописей, то в этом году за двадцать дней мы получили 400 рукописей, причем каждый день приток рукописей со всех концов нашего Союза возрастает»[78].

Среди иных тенденций в почте консультации ее сотрудники отмечали широкую географию писем (рукописи поступали с Камчатки, Крайнего севера, Кавказа и т. д.), преобладание рабочих, студентов и красноармейцев и сравнительно небольшую долю служащих. При этом произведения, которые представляли издательству начинающие авторы, имели преимущественно гражданскую тематику: среди основных тем Иванова назвала «любовь к вождю т. Сталину, выборы в Верховный Совет, наша Сталинская Конституция, открытие Северного полюса, работа наших полярников на Северном полюсе, папанинцы, наши достижения в колхозах, наши заводы, работа заводов»[79], о лич-

[76] В Союзе советских писателей // Лит. газета. 1938. 30 июля. № 42.

[77] О работе с молодыми // Лит. газета. 1938. 30 июля. № 42.

[78] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 17. Ед. хр. 71. Л. 12–13.

[79] Там же. Л. 13, 14.

ном — любви, семье — писали гораздо реже. Редактор-консультант т. Шапирович предложил еще более систематизированное тематическое деление, разбив рукописи на семь категорий, где тексты о личном снова занимали последнее место: «произведения о родине, о Красной Армии сегодняшнего дня, о гражданской войне, о колхозах и колхозниках, о том, как жили раньше и как живут сейчас, о товарище Сталине и о личных переживаниях, впечатлениях и т. д.»[80]. Поступающие тексты литконсультанты условно делили на три категории качества: безнадежно неграмотные, удовлетворительные и достойные. Иванова характеризовала их соотношение как 50–60% – 40% –1%; Шапирович несколько более оптимистично оценил его в 60% – 20% – 20%[81].

Итак, литературные консультанты имели дело со все увеличивающимся потоком преимущественно неграмотных рукописей «идейно выдержанного» характера. Для разрешения проблемы неэффективности литконсультаций, которая во многом объяснялась перегруженностью ее работников (в частности, Шапирович отмечал, что 90% своего рабочего времени они посвящают переписке[82]), участники совещания предлагали дополнить деятельность консультации регулярными учебными семинарами, подключить к обсуждению удачных рукописей профессиональных критиков и учредить сборники, где начинающие могли бы публиковать свои лучшие произведения. Однако ближе к концу совещания с речью выступил представитель «Литературной газеты» т. Браславский, который жестко раскритиковал принципы работы литконсультации, указал на ее заведомую неэффективность и призвал ее сотрудников относиться к произведениям начинающих еще строже:

> Выступает литконсультант и заявляет: 90% нашего времени уходит на письма. Я даже не представляю себе вообще: у вас сутки, наверное, не 24 часа, а 48 часов, если вы в состоянии справиться с этой работой. Это просто непостижимо.
>
> Я обследовал Гослитиздат. Там на грузовиках вывозят эти письма. <…> Самое пагубное, самое преступное, когда вы, два человека, 90% своего времени уделяете на то, чем не должны заниматься. Нечего писать два с половиной печатных листа на машинке человеку,

[80] Там же. Л. 27.
[81] Там же. Л. 18, 29.
[82] Там же. Л. 28.

который прислал безграмотную вещь. Секретарь должен написать короткое письмо: вы, товарищ, безграмотны, учитесь грамматике. <…> И когда вы поймали Иванова и увидели, что у Иванова что-то теплится, что у него что-то есть — вот ему давайте 90% вашего времени. (*Аплодисменты*) <…> Когда вы находите бездарного человека, вы говорите: товарищ, из тебя ничего не выйдет. Зачем подогревать у него какие-то стремления и желания, зная заранее, что из него ничего не выйдет? Зачем вы толкаете его на непроизводительный труд? (*Мордвилко*: Мы не толкаем). Вы толкаете его. <…> Если вы вступаете в полемику по поводу того, что у него в произведении какой-то образ неправильный, он надеется, что другой образ — правильный. А у него ни одного образа нет.

Разве вам кто-нибудь говорит, что нужно запрещать писать? Нет. Напишите ему, что из него ничего не выйдет. (*С места*: А он пойдет в Комиссию советского контроля). <…>

Нужно отказаться от этих журналов для молодых. Это опаснейшая вещь. Вы же сами говорите: никаких скидок. Если никаких скидок, если это одинаково по художественной ценности с произведением Всеволода Иванова, так печатайтесь вместе с ним в хорошем журнале. Или вы будете выпускать журнальчик, который будут читать четыре человека. Значит, этот журнал будет выходить для подогревания тщеславия: у меня уже напечатано[83].

Суровое, однако вполне конструктивное выступление Браславского вызвало множество возражений со стороны сотрудников издательства и начинающих авторов, но совершенно не переломило хода дискуссии: подводя ее итоги, Шехтмейстер вновь подчеркнул необходимость издания сборников для начинающих и гуманистическую миссию консультации: «Мы тратим 40 тыс. рублей на литконсультации. Сумма не маленькая. Я не считаю, что мы выбрасываем ее впустую. За эти деньги мы принесли кому-нибудь определенную помощь»[84].

Эти внутренние и внешние обсуждения, тем не менее, были не особенно действенными. Тяжелое финансовое положение издательства, постоянная смена управленцев и все повышающиеся требования к просветительской деятельности привели к тому, что 1938 г. стал крайне неудачным как для издательства «Советский

[83] Там же. Л. 95—97, 101.
[84] Там же. Л. 115.

писатель», так и для его литконсультации, которая была интегрирована в отдел массовой работы издательства. Этот отдел, помимо консультирования начинающих писателей, занимался также перепиской с читателями, организацией обсуждений книг издательства в клубах и на производстве, сопровождением работы писательских кружков. Однако если работа отдела в целом признавалась удовлетворительной, то литконсультация на заседании, приуроченном к увольнению сменившего Шехтмейстера директора издательства Я.Б. Рудого[85], снова подверглась критическому обсуждению. Поток рукописей по-прежнему был очень велик: с 1 января по 15 ноября 1938 г. в консультацию поступило 4020 рукописей объемом в 4303 авторских листа. Проза составляла 2289 листов (57%, по сравнению с 1935 г. процент существенно вырос), поэзия — 2014 листов (43%). 3094 из них были присланы периферийными авторами. Устных консультаций, согласно отчету, удалось провести 825, письменных — 3915[86]. На заседании вновь выражалась обеспокоенность тем, что небольшой штат отдела не справляется с этой огромной работой, а также недовольство тем, что в работе литконсультации почти не принимают участия члены ССП[87].

К 1938 г. стало окончательно ясно, что литконсультация берет на себя слишком масштабную задачу. С.А. Лозовский от имени комиссии ССП по проверке финансового состояния издательства вынес деятельности литконсультации следующий вердикт:

> Если взять производительность труда этого <отдела>, то он проделал большую работу. Аппарат там небольшой. Массовый отдел получает продукцию со всего Союза. Любой товарищ, который считает себя немного писателем, находит возможность написать в этот отдел письмо, приложить свою рукопись, и этот отдел массовой работы обязан прочитать эту рукопись, оценить ее и написать этому товарищу ответ. <...> Если взять этот отдел и приложить его к Издательству, то окажется, что он неприложим, ибо работать с такой массой писателей, вновь рождающихся, и выкачать из них 1%, с которыми стоит работать, для того, чтобы они стали писателями, слишком трудно — это, по-моему, не работа массового отдела. <...> Массовый отдел может организовать

[85] Яков Борисович Рудой (1894–1978) — партийный работник, революционер, участник гражданской войны. В 1930-е гг. был редактором ряда журналов, в 1937 г. возглавлял издательство «История фабрик и заводов», после ликвидации которого в 1938 г. в течение 10 месяцев занимал пост директора «Советского писателя».

[86] РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 16.

[87] Там же.

кружки, но если он будет работать с периферийным составом будущих писателей, то получится немного накладно. Кто-то должен давать на это средства. Если считать, что эта работа нужна, а она безусловно нужна, то в массовом отделе недостаточно тех средств, которые туда поступают. Нужно этот вопрос подработать и поставить его перед соответствующими организациями[88].

Проблемы литконсультации «Советского писателя» продолжали обсуждаться и на страницах «Литературной газеты»: анонимный автор описывал сложившуюся ситуацию, при которой литконсультация получала от издательства существенные деньги (75 тыс. рублей в год), но при этом не выдвинула ни одного талантливого писателя. В качестве решения проблемы автор статьи предлагал делегировать часть функций литконсультации литературным кружкам, другую часть — опытным редакторам и тем самым снизить нагрузку на этот отдел[89]. В защиту литконсультации, не замалчивая и многих проблем в ее работе, в «Литературной газете» высказалась ее заведующая И. Иванова, особо отметив плохие бытовые условия, в которых трудились консультанты[90].

Несмотря на тяжелое положение дел в литконсультации, на которое указывали сотрудники, «ревизоры» и сторонние наблюдатели, отдел сохранился в структуре издательства. Более того, разносторонняя критика, судя по всему, послужила толчком для реализации новых издательских проектов. Одним из них, например, стал замысел ежегодного альманаха начинающих авторов «Звено». Альманах задумывался как периодическое издание, однако из печати вышел только № 1 за 1939 г.[91]

«Звено» стало одним из многих культурных проектов, приостановленных с началом Великой Отечественной войны. Деятельность литературных консультаций также была поставлена под угрозу: военные действия влекли за собой многочисленные трудности, и вести стабильную переписку с корреспондентами, а тем более давать очные консультации стало гораздо сложнее. Дела, относящиеся к работе литконсультации, сохраняются в документообороте издательства на протяжении всех военных лет. В письме от 25 октября 1944 г. на имя первого зампреда

[88] Там же. Л. 71–72.

[89] О работе с молодыми // Лит. газета. 1938. 30 июля. № 42.

[90] *Иванова И.* Литературные консультации нужны // Лит. газета. 1938. 30 сентября. № 54.

[91] Звено: Сборник рассказов и стихов. М.: Советский писатель, 1939. 256 с.

Совнаркома СССР В.М. Молотова директор «Советского писателя» Г.А. Ярцев просил о возвращении издательству прежнего помещения, чтобы, в частности, «восстановить литературную консультацию для молодых начинающих писателей»; речь, скорее всего, шла о возобновлении очного консультирования[92]. В то же время при военных частях шла работа «фронтовых редакций», куда консультанты издательства иногда перенаправляли своих «подопечных»;[93] это были отделы, созданные для литературной помощи фронтовикам, которые массово стремились выразить свой личный опыт в форме художественного текста. Феномен фронтовых редакций пока практически не изучен, характер работы таких отделов исследователям еще предстоит установить. Возвращаясь к литконсультациям и их дальнейшей судьбе, стоит отметить следующее: существование этого института во второй половине XX в. демонстрирует его необходимость и после завершения начального этапа становления советского писателя как нового культурного феномена в 1920–1930-е гг.

Итак, призыв ударников в литературу, озвученный РАПП в 1930 г., отчасти можно рассматривать как реакцию на стремительно растущее желание трудящихся масс приобщиться к культуре и самим выйти на литературное поле. Подопечными литконсультации и перспективными писателями становились те, кто лишь недавно освоил роль читателя. В организационной структуре издательств литературные консультации обычно входили в секторы массовой работы, где наряду с консультированием начинающих авторов осуществлялась исследовательская работа по изучению читателя и его откликов на те или иные издания[94]. Но если ФОСП изначально задумывалась как институция, консолидирующая ряд литературных объединений и осуществляющая организационную и образовательную деятельность, то для издательства «Советский писатель», созданного на базе «Федерации», эти перешедшие по наследству и во многом навязанные сверху задачи оказались крайне трудными.

К середине 1930-х гг. государственный энтузиазм по вовлечению масс в культуру стал ослабевать. Литконсультация была

---

[92] РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 9. Ед. хр. 144. Л. 162.

[93] Так, в переписке издательства за 1942 г. встречаются рекомендации корреспондентам-фронтовикам обратиться в такие редакции за помощью в написании или обработке художественного текста. См.: РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 7. Ед. хр. 3. Л. 107; Там же. Ед. хр. 4. Л. 157.

[94] Механизмы работы массового сектора ГИХЛ в 1930-е гг. подробно рассмотрены в обстоятельной статье Н.В. Корниенко [12].

для издательства «Советский писатель» обременительной: она требовала больших человеческих и финансовых ресурсов, но при этом не всегда давала заметные результаты. Делегирование обязанностей по литературному консультированию и работе с молодыми авторами издательству, репутационно зависящему от читательского спроса, было сопряжено с существенными неудобствами. Те произведения, которые могли предложить к изданию подопечные литконсультации, часто не соответствовали художественным стандартам, необходимым для успеха печатного издания, и это ставило руководство издательства в весьма затруднительное положение. Невозможность соответствовать требованиям вышестоящих инстанций, ССП и ЦК ВКП(б), в том числе в регуляции работы массового отдела, представляла серьезную угрозу для издательства и его руководителей.

Часть нагрузки с литконсультаций снимали другие организации, созданные в рамках большого советского проекта по литературному обучению: Литинститут им. Горького, предлагавший будущим литераторам фундаментальное образование и институциональную поддержку, и сеть литературных кружков, а впоследствии и ЛитО. Представляется, что именно в этих организациях, где практиковалось более длительное и индивидуализированное обучение, стали успешно реализовываться те самые задачи, которые изначально возлагались на консультацию. Примечательно, что к концу 1930-х гг. и отдел при «Советском писателе» стал более закрытым: поиск текстов для «Звена» велся уже не в прессе, а по хорошо знакомым консультации авторам, и именно это обеспечило успешное комплектование альманаха. При этом, несмотря на постепенное затвердевание социальных сетей, складывавшихся вокруг консультации, и на трудности с получением литературного обучения и доступа в печать для большинства молодых авторов, поток писем в литконсультацию продолжился и в начале 1940-х гг.

Трансформация консультации на протяжении 1930-х гг., постепенная стабилизация процессов и непрекращающийся поиск эффективных стратегий были обусловлены низовым запросом. Советская власть не учредила, а использовала институт литконсультаций; она не столько контролировала этот проект, сколько регулировала и направляла поток инициативы, исходящий от рядовых граждан. Литконсультация была крайне востребована: совершенно очевидно, что спрос на литературное обучение не просто соответствовал предложению, но даже превышал его. Желание советских людей, многие из которых не так давно обу-

чились чтению и письму, состояться в литературе, удачно встраивалось в тот проект социальных и культурных преобразований, который реализовывался в СССР в 1930-е гг. Для власти литературная консультация стала одним из важных инструментов «формовки» нового писателя и идеального гражданина — культурного, инициативного, творческого и в то же время лояльного и хорошо чувствующего границы советского канона.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА О ЗАДАЧАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КОНСУЛЬТАЦИИ ПРИ ФЕДЕРАЦИИ ОБЪЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (1931)

Основные задачи литконсультации

Подготовка новых писательских кадров из рабочих и крестьян является частью общей проблемы кадров, выдвинутой партией на данном этапе пролетарской революции.

Однако, нельзя механически переносить методы и темпы подготовки кадров в хозяйственной, политической и других областях в работу с молодыми писательскими кадрами. Необходимо постоянно иметь в виду всю сложность и специфичность подготовки писательских кадров. Актуальнейшая задача советской литературы отобразить в своих произведениях социалистическое строительство, организовать мысль, волю и чувства борцов за социализм, не может быть плодотворно разрешена без усиления работы с молодыми начинающими кадрами, находящимися в самой гуще социалистической стройки.

Несмотря на все значение проблемы кадров в литературе, следует отметить явную неудовлетворенность и распыленность работы писательских организаций, издательств и т. д. с начинающими писателями. Необходимо повысить качество этой работы, сделать ее более глубокой и систематической, поднять ее на уровень боевой политической задачи, создать регулирующий центр по работе с писательскими кадрами.

Литконсультация для начинающих писателей при ФОСП'е должна явиться таким организующим центром, ведущим работу с начинающими писателями. Литконсультация в своей работе обслуживает, в первую очередь начинающих писателей рабочих, крестьян и красноармейцев.

Чтобы не замкнуться в работе с определенным ограниченным кругом уже выявленных начинающих писателей необходимо, связавшись с рабселькорскими организациями, работать над расширением и освежением кадров начинающих писателей.

Литконсультация в работе над повышением художнического мастерства начинающего писателя должна руководиться диалектическим материализмом, как методом художественного творчества рабочего класса, учитывая степень конкретизации этого метода современным марксистским литературоведением. Литконсультация одновременно должна помочь начинающему писателю в повышении общего культурного уровня в усвоении основ марксистского ленинского мировоззрения.

Литконсультация в своей повседневной работе проводит линию партии и использует опыт и силы всех писательских организаций, входящих в Федерацию.

Организационная работа литконсультации

I. Литконсультация, опираясь на литературные организации, объединенные Федерацией и материальные ресурсы, выделяемые издательствами, концентрирует работы с начинающими писателями, которую до сих пор вели разрозненно издательства, журналы и литературные организации.

Литконсультация обязана оказывать реальную помощь издательствам и литорганизациям в их работе с начинающими писателями: а) консультация кружковцев; б) разработка методических вопросов консультации.

II. Основными кадрами, с которыми ведет работу Литконсультация, являются: а) кружковцы литературных организаций, входящих в ФОСП; б) начинающие писатели, обращающиеся со своими произведениями за советами в различные издательства и журналы и направляемые в Литконсультацию; в) непосредственно обращающиеся в Литконсультацию.

III. Литконсультация ведет свою работу под общим руководством ФОСП’а в самой тесной связи с партийными, профессиональными, советскими, комсомольскими и издательскими организациями и учреждениями. Для обеспечения этой связи, для непосредственного руководства литконсультацией, организуется совет, в состав которого входят:

1) Председатель Совета, назначаемый Федерацией.

2) Зампредседателя Совета, завконсультацией.

3) Представитель культотдела ВЦСПС.

4) Представитель Главискусства.

5) Представитель ЦК ВЛКСМ

6) Представители издательств: ГОСИЗДАТа, «ЗИФа», «Московского рабочего», «Федерации», «Молодой гвардии», впредь до создания издательского концерна художественной литературы.

7) Представитель «Рабоче-крестьянского Корреспондента», издаваемого «Правдой», представители литорганизаций, представители основных художественных литературных журналов.

IV. Литконсультация подбирает соответствующие кадры консультантов: а) писателей-прозаиков; б) поэтов; в) очеркистов; г) литературных критиков, в частности членов общества критиков-марксистов при Комакадемии; д) высококвалифицированных большевиков пропагандистов (связаться с заочной консультацией ИКП и «Большевика»).

V. Связь с литературными страницами газет, с литературными отделами журналов в целях всемерного освещения работы литконсультации, постановки основных вопросов ее работы, печатания лучших произведений начинающих писателей.

Необходимо изучить совместно с активистами начинающими писателями под этим углом зрения лит. страницы этих газет и журналов; практиковать совещания из представителей литературных страничек и актива начинающих писателей для обсуждения вопросов координированной работы лит. страничек с консультацией.

VI. Литконсультации необходимо установить в текущей работе самую тесную связь с бюро кадров ФОСП.

Формы и методы работы литконсультации

Тщательное и всестороннее знакомство с начинающими писателями (карточный учет) обстоятельное ознакомление с условиями его работы, постоянная и систематическая связь, имеющая в виду следить за развитием писателя и помогать ему в его работе.

Консультация (по поводу рукописи, того или иного творческого вопроса) носит как письменный, так и устный характер с учетом всех особенностей, как самого произведения, так и особенностей самого начинающего писателя и условий его работы.

Создания актива из начинающих писателей для обеспечения самой тесной связи с начинающими писателями и большей конкретности в работе с начинающим писателем: а) созыв этого актива сначала в Москве-Ленинграде, опираясь на этот опыт, ор-

ганизация актива во Всесоюзном объеме; б) подготовка в течение ближайшего полугодия Всесоюзной конференции начинающих писателей.

Организация при литконсультации специальной учебно-методической комиссии (используя опыт работы литературных организаций, издательств, журналов).

Созыв специальных творческих конференций актива (обсуждение методологических и методических вопросов, разбор тех или иных характерных произведений).

Вовлечение начинающих писателей в литературные дискуссии о творческом методе.

Создание при литконсультации кабинета начинающего писателя, снабженного соответствующей литературой и библиографией.

Издание альманахов начинающих писателей.

Установить связь с журналом «Лит. учеба», использовать его для работы литконсультации.

Однако, ведя указанным выше методом работу литконсультация должна вовлекать начинающих писателей в жизнь и деятельность Федерации, воспитывать их как активных участников литературного движения, не замыкаясь, таким образом, в рамки только академической работы.

РГАЛИ. Ф. 625. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 2–4.

Литература

1. *Антипина В.А.* Повседневная жизнь советских писателей, 1930–1950-е годы. М.: Молодая гвардия, 2005. 407 с.

2. *Волков В.В.* Концепция культурности, 1935–1938 годы: Советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1-2. С. 194–213.

3. *Вьюгин В.Ю.* Критика «литературного мусора»: О литературной консультации при журнале «Литературная учеба» // Текст и традиция. Кн. 2. СПб.: Росток, 2014. С. 57–99.

4. *Вьюгин В.Ю.* Читатель «Литературной учебы»: социальный портрет в письмах (1930—1934) // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде. По архивным материалам. Сб. статей / сост. М.Э. Маликова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 418–467.

5. *Голбин А.Ю.* Архив Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького: деятельность, состав и содержание документов // История и архивы. 2016. № 1. С. 88–94.

6. *Громова Н.А.* Ноев ковчег писателей. Эвакуация 1941–1945. Чистополь. Елабуга. Ташкент. Алма-Ата. 2-е изд. М.: Corpus, 2019. 649 с.

7. *Громова Н.А.* Узел. Дружбы. Поэты. Разрывы. Из литературного быта конца 20-х–30-х годов. М.: АСТ, 2016. 604 с.

8. *Добренко Е.А.* От истории литературных институций к институциональной истории литературы // Новое литературное обозрение. 2022. № 175 (3). С. 229–231.

9. *Добренко Е.А.* Формовка советского писателя: социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Академический проект, 1999. 55 с.

10. *Добренко Е.А.* Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997. 320 с.

11. *Клейн И.* Беломорканал: литература и пропаганда в сталинское время / пер. с нем. М. Шульмана под ред. автора // Новое литературное обозрение. 2005. № 71 (1). С. 231–262.

12. *Корниенко Н. В.* Читатели Михаила Шолохова: контексты эпохи // «Очень прошу ответить мне по существу…» Письма читателей М.А. Шолохову. 1929–1955. Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 625–798.

13. *Кухер К.* Парк Горького — культура досуга в сталинскую эпоху. М.: РОССПЭН, 2011. 349 с.

14. *Московская Д.С.* От Союза Советских Республик к Союзу советских писателей: Институциональные коллизии производства пролетарской литературы 1920–1930-х годов // Новое литературное обозрение. 2024. № 190 (6). С. 131–151.

15. *Московская Д.С., Романова О.В.* Литературные кружки как инструмент строительства пролетарской культуры. 1920–1930 гг. (По документам отдела рукописей ИМЛИ РАН) // Вестник славянских культур. 2021. Вып. 61. С. 189–198.

Research Article and Publication of Archival Documents

On the History of Literary Consultations in the 1930s

© 2026. Maria A. Mizernaia
National Research University «Higher School of Economics»,
Moscow, Russia

Abstract: The history of writing consultations within Soviet literary institutions has been scarcely studied. This article presents and analyzes archival materials reflecting the establishment and distribution of writing consultations in the 1930s. In addition to government decrees regulating the activity of this newly introduced

institution, this paper offers an overview of the main publishing projects carried out by consultations at FOSP (Federation of Soviet Writers' Associations) and the *Sovetsky Pisatel* publishing house. This paper is focused not only on the political context and government directives, but also on the industrial and economic aspects of these departments. The result of the study is the restoration of the early history of the writing consultation. A review of correspondence, journalistic articles and essays, and financial reports allows us to conclude that literary consultations were quite ineffective, highly expensive and time-consuming. However, these factors did not dampen the interest in this project on the part of either the government or aspiring authors.

Keywords: soviet literature, writing consultation, publishing houses, literary process, sociology of literature.

Information about the author: Mariia Mizernaia, Doctoral Student, National Research University «Higher School of Economics», Myasnitskaya 20, 101000 Moscow, Russia. Orcid ID: https://orcid.org/0009-0001-3726-7521

E-mail: mmizernaja@gmail.com.

For citation: Mizernaia, M.A. "On the History of Literary Consultations in the 1930s." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (39), 2026, pp. 304–339. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-304-339

References

1. Antipina, V.A. *Povsednevnaia zhizn' sovetskikh pisatelei, 1930-1950-e gody [Daily Lives of Soviet Writers, 1930's-1950's].* Moscow, Molodaia Gvardiia Publ., 2005. 407 p. (In Russ.)

2. Volkov, V.V. Kontseptsiia kul'turnosti, 1935–1938 gody: Sovetskaia tsivilizatsiia i povsednevnost' stalinskogo vremeni [The Concept of Culturedness in 1935–1938: Everyday Life in Stalinist Times]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 1996, no. 1–2, pp. 194–213. (In Russ.)

3. V'iugin, V. Iu. Kritika «literaturnogo musora»: O literaturnoi konsul'tatsii pri zhurnale «Literaturnaia ucheba» [Critique of «Literary Garbage»: On a Writing Consultation within the «Literary Studies» Magazine]. *Tekst i Traditsiia,* vol. 2. Saint-Petersburg, Rostok Publ., 2014, pp. 57–99. (In Russ.)

4. V'iugin V. Iu. "Chitatel' «Literaturnoi ucheby»: sotsial'nyi portret v pis'makh (1930—1934)" [Reader of «Literary Study» Magazine: a Social Portrait in Letters (1930—1934)], *Konets institutsii kul'tury dvadtsatykh godov v Leningrade. Po arkhivnym materialam [End of Cultural Institutions of 1920's in Leningrad. Based on Archival Materials],* comp. by M.E. Malikova, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 492 p. (In Russ.)

5. Golbin, A.Iu. Arkhiv Tsentral'nogo parka kul'tury i otdykha im. M. Gor'kogo: deiatel'nost', sostav i soderzhanie dokumentov [Archive of Gorky Central Park of Culture and Leisure: Activity, Scope and Contents of the Documentation]. *Istoriia i arkhivy,* 2016, no. 1, pp. 88–94. (In Russ.)

6. Gromova, N.A. *Noev kovcheg pisatelei. Evakuatsiia 1941–1945. Chistopol'. Elabuga. Tashkent. Alma-Ata [Noah's Ark for Writers: Evacuation 1941–1945. Chistopol'. Elabuga. Tashkent. Alma-Ata].* Moscow, Corpus Publ., 2019. 649 p. (In Russ.)

7. Gromova, N.A. *Uzel. Druzhby. Poety. Razryvy. Iz literaturnogo byta kontsa 20-kh–30-kh godov [A Knot. Friendships. Poets. Breakups. Fragments from Literary Mores at the end of 1920's–1930's].* Moscow, AST Publ., 2016. 604 p. (In Russ.)

8. Dobrenko, E.A. Ot istorii literaturnykh institutsii k institutsional'noi istorii literatury [From History of Soviet Literary Institutions to Institutional History of Literature]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3, 2022, pp. 229–231 (In Russ.)

9. Dobrenko, E.A. *Formovka sovetskogo pisatelia: sotsial'nye i esteticheskie istoki sovetskoi literaturnoi kul'tury [Shaping of the Soviet Writer: Social and Aesthetic Roots of the Soviet Literary Culture].* Saint-Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. 557 p. (In Russ.)

10. Dobrenko, E.A. *Formovka sovetskogo chitatelia: sotsial'nye i esteticheskie predposylki retseptsii sovetskoi literatury [Shaping of the Soviet Reader: Social and Aesthetic Causes for Reception of the Soviet Literature].* Saint-Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1997. 320 p. (In Russ.)

11. Klein, I. Belomorkanal: literatura i propaganda v stalinskoe vremia [Belomorkanal: Literature and Propaganda during the Stalinist Period]. Transl. by M. Shul'man, ed. by author. *Novoe literaturnoe obozrenie,* no. 71, 2005*,* pp. 231–262. (In Russ.)

12. Kornienko, N.V. "Chitateli Mikhaila Sholokhova: konteksty epokhi*" [Mikhail Sholokhov's Readers: Contexts of the Epoch].* «*Ochen' proshu otvetit' mne po sushchestvu...» Pis'ma chitatelei M.A. Sholokhovu. 1929–1955. Nauchnoe izdanie ["I Kindly Ask You to Give Me a Substantial Answer...". The Letters of Mikhail Sholokhov's Readers. 1929—1955. Scholarly Edition],* Moscow, IMLI RAN Publ., 2020, pp. 625–798. (In Russ).

13. Kukher, K. *Park Gor'kogo — kul'tura dosuga v stalinskuiu epokhu [Gorky Park: Culture of Leisure during Stalinist Era].* Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 349 p. (In Russ.)

14. Moskovskaia, D.S. Ot Soiuza Sovetskikh Respublik k Soiuzu sovetskikh pisatelei: Institutsional'nye kollizii proizvodstva proletarskoi literatury 1920–1930-kh godov [From the Union of Soviet Republics to the Soviet Writers' Union: Institutional Collisions of the Proletarian Literature Industry in 1920's–1930's]. *Novoe literaturnoe obozrenie,* no. 5, 2024, pp. 131–151. (In Russ.)

15. Moskovskaia, D.S., Romanova, O.V. Literaturnye kruzhki kak instrument stroitel'stva proletarskoi kul'tury. 1920–1930 gg. (Po dokumentam otdela rukopisei IMLI RAN) [Literary Clubs as a Tool for Building Proletarian Culture. 1920's–1930's. (Based on Documents from the Department of Manuscripts of IRLI RAN]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 61, 2021, pp. 189–198. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 16.07.2025
Одобрена после рецензирования: 10.10.2025
Дата публикации: 25.03.2026

The article was submitted: 16.07.2025
Approved after reviewing: 10.10.2025
Date of publication: 25.03.2026

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

Литературный факт. 2026. № 1 (39)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 1 (39), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-340-383
https://elibrary.ru/XJTWIQ

Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 1 (39), 2026

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Виктор Шкловский и западная славистика: К длинной предыстории одного короткого разговора с Катериной Кларк[1]

© 2026, Д.М. Цыганов
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация: В статье предпринимается попытка очертить контуры и вероятные направления решения сложной исследовательской проблемы, возникшей в результате длительных и подчас противоречивых взаимоотношений В.Б. Шкловского с западным сообществом гуманитариев. На основе эпистолярного наследия, мемуарных свидетельств, каталога личной библиотеки и ранее не публиковавшихся материалов из семейного архива Шкловских-Корди подробно прослеживается менявшееся отношение Шкловского к структурализму и ассоциированным с этим направлением гуманитарного знания ученым. Рассматривается парадоксальная ситуация интеллектуальной биографии Шкловского: при невладении иностранными языками и субъективном ощущении изоляции от мирового научного процесса Шкловский в 1960–1970-е годы становится одной из ключевых фигур для западного структурализма, переоткрывшего наследие ОПОЯЗа. Особое внимание уделяется полемическому диалогу Шкловского с Р.О. Якобсоном, в ходе которого столкнулись две версии генеалогии формализма и две стратегии построения истории гуманитарного знания. Анализируется реакция Шкловского на «структуралистский вызов», выраженная в программных интервью, книгах «Тетива: О несходстве сходного» (1970), «Энергия заблуждения» (1981), «О теории прозы» (1983) и частной переписке. Показано, что, признавая генетическую связь структурализма с формальным методом, Шкловский настаивал на принципиальных различиях в понимании природы художественной структуры, языка и познавательных возможностей искусства. Делается вывод

[1] Настоящая статья продолжает разыскания в области интеллектуальной биографии В. Б. Шкловского, начатой авторами статьи-предисловия к третьему тому его собрания сочинений: [9]. Автор приносит слова глубокой благодарности семье Шкловских-Корди, а также С.И. Панову, Д.С. Московской и В.С. Отяковскому за ценные замечания, многочисленные уточнения, советы, дополнения и интерес к этому исследованию.

о том, что в поздний период творчества Шкловский целенаправленно конструирует собственную версию истории теории, отстаивая приоритет ОПОЯЗа и специфику формализма как особого типа научного мышления, не сводимого к лингвоцентричной модели структурализма. В качестве публикационного приложения к статье приводится неизвестная запись разговора Шкловского с Катериной Кларк 17 сентября 1983 г.

Ключевые слова: В. Шкловский, Р. Якобсон, Катерина Кларк, славистика, формализм, структурализм, интеллектуальная история, история науки, история советского литературоведения.

Информация об авторе: Цыганов Дмитрий Михайлович — научный сотрудник Отдела рукописей, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6633-3401

E-mail: tzyganoff.mitia@yandex.ru

Для цитирования: *Цыганов Д.М.* Виктор Шкловский и западная славистика: К длинной предыстории одного короткого разговора с Катериной Кларк // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 340–383. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-340-383

То, что я не знал языки, отрезало меня от мира.
В. Б. Шкловский. Из письма к внуку Никите
(20 июля 1969 г.)

Спрашиваю постоянно и не могу понять:
«В. Б., почему Вы так не любите структуралистов?»
Пожимает плечами: «Не знаю». Немного погодя, с улыбкой:
«Потому что они не занимаются сюжетом…».
Из разговоров А.Ю. Галушкина с В.Б. Шкловским
(начало 1980-х гг.)

Виктор Шкловский, в отличие от родного брата Владимира, не знал иностранных языков, о чем неустанно с сожалением (нередко преследуя педагогические цели) напоминал внуку Никите в письмах: «Учи языки. Я здесь как священная корова. Мычу через переводчика»[2] (*30 октября 1964 г.*); «Дорогой мальчик, учи языки. Твой дед чувствует себя идиотом. Можно (после школы) писать с ошибками, но нельзя не знать языков. Мне-то особенно. <…> Сегодня из-за незнания языка мне заварили чай холодной водой. Три раза переспросили и сделали» (*5 октября 1965 г.*); «Очень мешает незнание языка. Все ругают Вавилонское столпотворение, при котором по библей-

[2] Частично опубликованные письма В.Б. Шкловского к Н.Е. Шкловскому-Корди (см.: *Шкловский В.Б.* Письма внуку / вступ. заметка и публ. Н.Е. Шкловского-Корди, коммент. Н.С. Бялосинской // Вопросы литературы. 2002. № 4. С. 264–300) цитируются по подлинникам, хранящимся в личном собрании их адресата.

скому мифу бог смешал языки. Пока учи языки» (*12 ноября 1967 г.*); «…я не знаю прозы Запада, незнание языков меня запирает» (*2 мая 1972 г.*). Однако это не мешало Шкловскому писать статьи и книги о зарубежной литературе[3], посещать страны Европы, выступать с публичными лекциями[4] и вести беседы с иностранными интеллектуалами. Эти контакты свидетельствовали о том, что внимание к его фигуре в послевоенную эпоху за границами Советского Союза возрастало с каждым годом: расцвет структурализма, вызванный запоздалым «открытием» формализма, сделал Шкловского буквально мифической фигурой, чьи работы во многом определили не только формальные, но и содержательные параметры происходившего тогда дисциплинарного «сдвига» в гуманитарном знании. Куда более скромным и подчеркнуто «смещенным» было запоздалое признание Шкловского в СССР — не *теоретика*, а *литератора*. Это буквально вынуждало его всеми доступными способами преодолевать столь болезненную для него отчужденность от институционально процветавшей славистики, главными центрами которой во второй половине XX в. стали отдельные кафедры в университетах Западной Европы и Америки.

В 1920–1950-е Шкловский, как свидетельствуют его многочисленные работы и обширная переписка, не уделял особенного внимания достижениям европейской философской эстетики[5], а развитие за рубежом литературной науки и вовсе отрицал (особенно после ощутимого ослабления Пражского лингвистического кружка (ПЛК) в середине 1930-х[6]), как, прочем, отрицал он и «успехи» советского (около)академического литературоведения. По-видимому, ему было достаточно того, что он знал в письменном изложении и устных

[3] Ср. в очерке Б.М. Эйхенбаума о Шкловском: «Он обидел многих: одних — тем, что, не зная английского языка и немецкой науки, сумел возродить Стерна, других — тем, что, написав замечательные работы по теории прозы, оказался не менее замечательным практиком» (*Эйхенбаум Б.М.* Мой временник. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1929. С. 131). Очерк предназначался для не вышедшей книги о Шкловском в серии «Мастера современной литературы». Попытку широкой концептуализации серии см.: [17].

[4] См., например: [4].

[5] По-видимому, исключением могут служить лишь лекции Гегеля, — их Шкловский очень внимательно читал в конце 1930-х — 1940-е по двум томам собрания сочинений (М.: Соцэкгиз, 1938–1940. Т. XII–XIII) в переводе Б.Г. Столпнера. Оба тома сохранились в личной библиотеки Шкловского и содержат следы позднейшего перечитывания; кроме того, в 1970-е Шкловский читал и другие тексты Гегеля по изданию в серии «Философское наследие».

[6] Ср. в письме Ю.Н. Тынянова к Шкловскому от 28 февраля 1934 г.: «Роман <Якобсон> мне пишет: “ты и Шкловский сейчас самые актуальные иностранные писатели в Чехо-Словакии. Много статей, споров и т. д.”. Если для тебя это старое соседство временами компрометантно — я не виноват. Если как люди мы друг для друга существуем — ты не виноват» (здесь и далее переписка Шкловского с Тыняновым и Эйхенбаумом, хранящаяся в РГАЛИ, цитируется по подготовленной к изданию рукописи).

пересказах коллег по ОПОЯЗу, активно ссылавшихся на тех же немецких эстетиков в текстах конца 1910-х — начала 1920-х. Сосредоточенность на локальном советском культурном контексте (не в последнюю очередь обусловленная языковым барьером) и самоощущение вечного первенства позволили Шкловскому до середины 1950-х почти не иметь в виду развивавшуюся на Западе «любительскую русистику».

За книжными новинками, появлявшимися на Западе, Шкловский специально не следил, несмотря на то что в 1950-е уже вплотную занялся комплектацией домашней библиотеки, в которую должны были непременно войти все важные издания, так или иначе определившие научные пристрастия их обладателя[7]. Об изданных за рубежом книгах Шкловского зачастую информировали коллеги и друзья. Так, о выходе исследования Виктора Эрлиха «Русский формализм» (The Hague: Mouton, 1955) он узнал от Эйхенбаума, который написал ему 11 октября 1956 г.: «У меня на столе лежит книга (из Библиотеки Акад<емии> наук): Victor Erlich — «Russian Formalism». В конце книги — библиография. Из твоих работ указано 22 — начиная “Воскрешением слова” и кончая — “О Маяковском” (1940)»[8]. Выход книги Эрлиха стал для Шкловского и Эйхенбаума важной приметой наступавшего признания, о чем свидетельствует несколько записей в дневнике последнего:

> *14 октября 1956*. Посмотрел книгу, о существовании которой знал давно: «Russian Formalism. History — Doctrine. Автор: Victor Erlich. University of Washington. With preface by René Wellek, Yale University. Mouton & Co. 1955. ’S-GravenLage». Получена в Библ<иотеке> А<кадемии> Н<аук> (II 12200). Книга умная, со знанием фактов. Много обо мне — с большим признанием. В одном месте (стр. 247) обо мне сказано — «one of the most cultivated and sensitive modern Russian critics». Обо мне говорится в другом мес<те> почти как о мученике: «Nor was this the end of Eichenbaum’s ordeal.

[7] К концу 1950-х — началу 1960-х Шкловский старается отразить в книжном собрании собственный путь в литературе и науке, начав с особенным вниманием собирать книги, связанные с собственной деятельностью времен ОПОЯЗа. По свидетельству Н.Е. Шкловского-Корди, «он заново строил свою жизнь и собирал свою библиотеку, — как сказал в последнем интервью, пришедшемся на журнал “Книголюб” в ответ на вопрос: “Какую библиотеку надо собирать?” — “Библиотеку прочитанных книг”. И он сам собрал библиотеку прочитанных и перечитанных книг. Он говорил, что хочет написать книгу старого читателя о великих книгах, которые остались новыми…».

[8] По всей видимости, первого издания книги Эрлиха в личной библиотеке Шкловского не было, однако в ней сохранилось второе, переработанное издание (закономерно не содержащее никаких примет чтения): *Erlich V.* Russian formalism: History — Doctrine. 2d rev. ed. London; Paris; The Hague: Mouton & Co, 1965 (Slavistic printing and reprinting. Vol. IV). Рус. пер. — 1996 г.

In September 1949 *Zvezda* carried a long and scurrilous article by one Papkovskij on “The Formalism and Eclecticism of Professor Eichenbaum”. It is, perhaps, no accident that for or five years Eichenbaum’s name has been conspicuously absent from Soviet publications» (118–119). О Витиных работах (особенно — о «Заметках о прозе русских классиков» 1953 г.) — очень жестко (стр. 117). Да, тут им не все понятно! Эту книгу надо будет потом внимательно прочитать — явление важное![9]

18 июля <1957>. Вчера ко мне приехал и провел день Аркадий Викторович Белинков. Привез показать рукопись своей диссертации (первую треть) — «Тынянов и Пушкин». Был в лагере — сначала 8 лет, а после них получил еще 25 (за свои рукописи, обнаруженные начальством)! Из них просидел 4½ — и вернулся по реабилитации в 1956 г. Ему теперь 35 лет. Произвел очень хорошее впечатление. Человек, видимо, талантливый, мыслящий и много знающий. Рассказывал, как Д. Благой докладал в ИМЛИ об «эстетических корнях Опояза». Наши лавры (книга В. Эрлиха) не дают им покоя! До Благого содержание этой книги (в виду незнания сотрудниками Инст<иту>та «языков») излагал В.Ф. Асмус[10].

Со второй половины 1950-х прежние редкие контакты Шкловского с заграничными учеными возобновляются — тогда и начался осознанный путь теоретика на Запад. 11 июля 1956 г. Р.О. Якобсон[11] писал в Москву: «В недосказанной обрывистости наших с тобой московских недавних встреч сила грусти и дружбы. А впереди нас беседа по существу, гамбургский счет прошлому и будущему»[12]. Вяч. Вс. Иванов, бывший свидетелем назревшей во второй

[9] *Эйхенбаум Б.М.* [Дневник], 1956 г. // РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 250. Л. 28.

[10] *Эйхенбаум Б.М.* [Дневник], 1957 г. // Там же. Л. 38.

[11] Подробнее о взаимоотношениях Шкловского и Якобсона см.: [11; 1; 5]. В личной библиотеке Шкловского сохранилось несколько изданий и отдельных оттисков работ Якобсона: 1) О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским. [Берлин]: Госиздат, 1923. (Сборники по теории поэтического языка; Вып. V_1). С посвящением В.Б. Шкловскому и примечанием: «(вместо ответа на письмо в “Книжном Угле”)»; 2) Die Folklore als eine besondere Form der Schaffens // Donum Natalicium Schrijnen: Verzameling van Opstellen door Oud-leerlingen en Bevriende Vakgenooten opgedragen aan Mgr. Prof. Dr. Jos. Schrijnen Bij Gelegenheid van zijn zestigsten verjaardag, 3. Mei 1929. Nijmegen: N.V. Dekker & Van de Vegt, 1929. S. 900–913 (в соавт. с П.Г. Богатыревым). Оттиск с дарительной надписью рукой Богатырева: «Виктору. *Петр*. *Роман*»; 3) St. Constantin’s Prologue to the Gospels // St. Vladimir’s Seminary Quarterly. 1954. Summer. P. 19–23. Оттиск с дарительной надписью: «До скорого свидания! *Рома*»; 4) За и против Виктора Шкловского // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1959. № 1–2. P. 305–310. Оттиск с дарительной надписью: «С Новым Годом! С новыми трудами! *Рома*»;5) A Bibliography of the Publications of Roman Jakobson on Language, Literature and Culture, published by Friends and Students of Roman Jakobson to mark his thirty-fifth year of significant contribution to these fields. Cambridge: Harvard University Press, 1951.

[12] Цит. по: [10, с. 134].

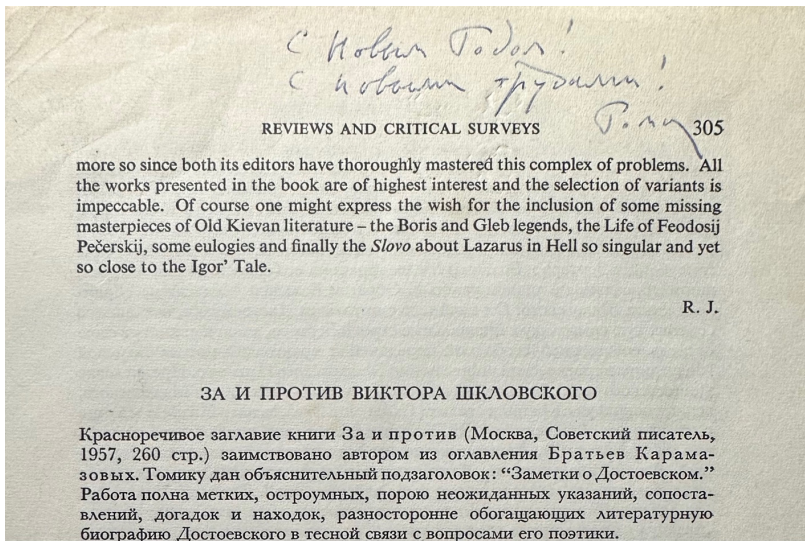
половине 1950-х перемены во взаимоотношениях Шкловского и Якобсона, вспоминал: «В то время приходили к концу отношения со Шкловским. Я видел, как сперва, в первые приезды Романа, они по старой памяти тянулись друг к другу, как во время съезда славистов Шкловский с женой приносили Якобсону в подарок новые книги. Но Якобсон усматривал в последних статьях Шкловского предательство по отношению к себе и не мог ему этого простить»[13]. Безусловно, Якобсон был для Шкловского едва ли не главным соперником, — прежних почти не осталось в живых, а те, кому удалось уцелеть, не воспринимались им сколько-нибудь серьезно. В 1959 г., через три года после обещания «беседы по существу», Якобсон напечатал знаменитую статью-рецензию «За и против Виктора Шкловского», посвященную книге Шкловского «За и против: Заметки о Достоевском» (1957)[14]. Якобсон указывал на «досадные пропуски и упущения» Шкловского: «…почти целиком выпала из авторского кругозора немаловажная русская зарубежная литература по Достоевскому, а из советских исследований его поэтики даже не упомянут замечательный труд В.В. Виноградова о риторических формах в Дневнике писателя — “О художественной прозе” (Л.: Госиздат, 1930)» (p. 305). В этом — очевидно — дипломатическом припоминании Якобсоном Виноградова[15] высвечивался и другой важный контекст предпринятого критического выпада: целью статьи было не только указание на очевидные упущения Шкловского — историка литературы, но и полемика с его подходом к созданию научных

[13] *Иванов Вяч. Вс.* О Романе Якобсоне: Главы из воспоминаний // Звезда. 1999. № 7. С. 153. Примечательно, что к самому «Коме» Иванову Шкловский относился с симпатией, по-видимому, игнорируя его методологические пристрастия, о чем читаем в «Разговорах…» Галушкина: «В. Ш. очень ценит “Кому”. Но, очевидно, сам от себя скрывает, что Кома — структуралист, и связан с так нелюбимым им Лотманом… По крайней мере, когда В. Ш. <Кому> хвалит, то всегда вспоминает только хеттов). Приехали неожиданно, без звонка. У Комы сидело несколько иностранцев, которые при виде В. Ш. вскочили и будто бы даже выбежали в другую комнату. Потом, когда В. Ш. уже сел, так и не решаясь войти, стояли у двери и смотрели, не дыша. В. Ш. очень смеялся, рассказывая это» [2, с. 195].

[14] О существовании этой статьи Шкловскому вновь рассказал Эйхенбаум в постскриптуме к письму от 30 октября 1959 г.: «Да! забыл написать, что в нидерландском научном журнале (выходит в Лейдене) — “International Journal of Slavic Linquistics and Poetics” (1.02.1959) есть рецензия Р. Якобсона на твою “За и против”. Это не столько о твоей книге и о Достоевском, сколько о Маяковском. Интересно».

[15] Ср. в цитировавшихся мемуарах Иванова о IV Международном съезде славистов (1–10 сентября 1958 г.) в Москве: «Зная от меня и от других, что против него в Москве кроме официальных лиц настроены многие, в том числе и полный ревности и зависти к научным успехам Виноградов, Якобсон просил меня сообщить ему о желательности или нежелательности его приезда на Съезд славистов. <…> На съезде Якобсон сделал доклад о системе русских падежей. Обсуждение было оркестровано (видимо, тем же Виноградовым) так, чтобы из доклада во всяком случае не вышло триумфа. Я постарался выступить по сути, нарушив единообразие заготовленных возражений, что потом прибавили к списку моих политических прегрешений (вместе с выступлением по докладу Якобсона в Осло)» (с.144–145).

текстов. Обострившаяся с возрастом футуристическая тактика отрицания любой традиции виделась Якобсону эгоистической попыткой «переписать» историю науки, вычеркнув из нее имена и книги; этого он попросту не мог принять, потому как сам был склонен иначе расставлять акценты[16]. Не случайно лейтмотивом в этом тексте стало постоянное указание на сопричастность тому контексту культуры 1910–1920-х[17], к которому без конца апеллировал Шкловский как к области собственного исключительного знания. Ответ Шкловского, получившего от Якобсона эту статью в качестве новогоднего подарка, последовал сразу же.



С Новым Годом!
С новыми трудами!

REVIEWS AND CRITICAL SURVEYS 305

more so since both its editors have thoroughly mastered this complex of problems. All the works presented in the book are of highest interest and the selection of variants is impeccable. Of course one might express the wish for the inclusion of some missing masterpieces of Old Kievan literature – the Boris and Gleb legends, the Life of Feodosij Pečerskij, some eulogies and finally the *Slovo* about Lazarus in Hell so singular and yet so close to the Igor' Tale.

R. J.

ЗА И ПРОТИВ ВИКТОРА ШКЛОВСКОГО

Красноречивое заглавие книги За и против (Москва, Советский писатель, 1957, 260 стр.) заимствовано автором из оглавления Братьев Карамазовых. Томику дан объяснительный подзаголовок: "Заметки о Достоевском." Работа полна метких, остроумных, порою неожиданных указаний, сопоставлений, догадок и находок, разносторонне обогащающих литературную биографию Достоевского в тесной связи с вопросами его поэтики.

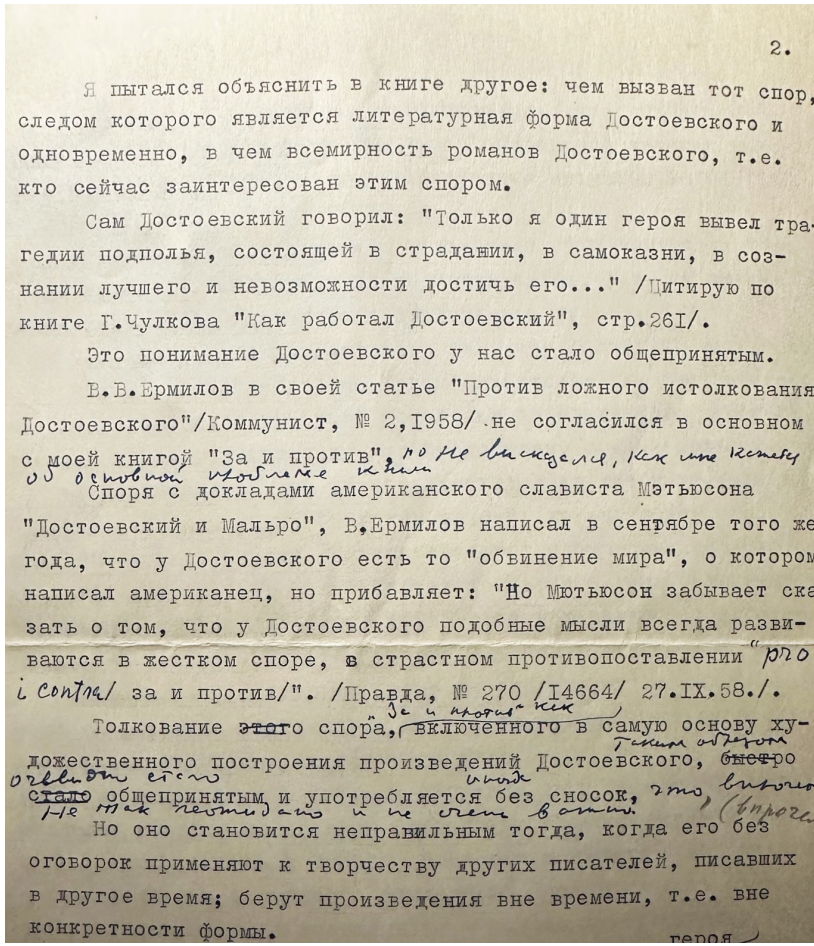
Оттиск статьи Р.О. Якобсона «За и против Виктора Шкловского» с дарительной надписью В.Б. Шкловскому, январь 1960 г. Личное собрание Шкловских-Корди

В апрельском номере «Вопросов литературы» за 1960 г. Шкловский напечатал заметку «Против», в которой подчеркнул, что Якобсон ведет полемику «со всеми зараз» (эта формулировка не вошла в итоговый текст), и дал весьма резкий отпор рецензенту по главному для себя вопросу: «Меняются жизнеотношения, и я не согласен с Ро-

[16] Ср. хотя бы весьма скромную роль, которую Якобсон отвел Шкловскому в своих брненских лекциях середины 1930-х: [13] (рус. пер. — 2011).

[17] Примечательна в этом отношении отсылка Якобсона к своей статье «О поколении, растратившем своих поэтов» (опубл.: Смерть Владимира Маяковского. Берлин: Петрополис, 1931) и заметке «Неизвестные стихи Маяковского» (опубл.: Новоселье. Нью-Йорк, 1942. № 2) с пространными цитатами (р. 309).

маном Якобсоном, когда он пользуется моей книгой, как поводом для восстановления спора о смысле творчества Владимира Маяковского. [Я против Романа Якобсона]» [18].



2.

Я пытался объяснить в книге другое: чем вызван тот спор, следом которого является литературная форма Достоевского и одновременно, в чем всемирность романов Достоевского, т.е. кто сейчас заинтересован этим спором.

Сам Достоевский говорил: "Только я один героя вывел трагедии подполья, состоящей в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и невозможности достичь его..." /Цитирую по книге Г.Чулкова "Как работал Достоевский", стр.261/.

Это понимание Достоевского у нас стало общепринятым.

В.В.Ермилов в своей статье "Против ложного истолкования Достоевского"/Коммунист, № 2,1958/ не согласился в основном с моей книгой "За и против", но не высказался, как мне кажется, об основной проблеме книги

Споря с докладами американского слависта Мэтьюсона "Достоевский и Мальро", В.Ермилов написал в сентябре того же года, что у Достоевского есть то "обвинение мира", о котором написал американец, но прибавляет: "Но Мютьюсон забывает сказать о том, что у Достоевского подобные мысли всегда развиваются в жестком споре, в страстном противопоставлении "pro i contra/ за и против/". /Правда, № 270 /14664/ 27.IX.58./.

Толкование ~~этого~~ спора, "За и против" как включенного в самую основу художественного построения произведений Достоевского, таким образом ~~быстро~~ очевидно стало ~~стало~~ общепринятым и употребляется без сносок, иногда что, впрочем, не так неожиданно и не очень важно. (впрочем)

Но оно становится неправильным тогда, когда его без оговорок применяют к творчеству других писателей, писавших в другое время; берут произведения вне времени, т.е. вне конкретности формы.

героя

Фрагмент статьи В. Б. Шкловского «Против», февраль 1960 г.
Машинопись с неучтенной правкой автора.
Личное собрание Шкловских-Корди

Возникшая вокруг имени Маяковского интернациональная полемика Шкловского с Якобсоном представляла собою спор вокруг

[18] См.: *Шкловский В.Б.* Против // Вопросы литературы. 1960. № 4. С. 98–101. Среди рабочих бумаг Шкловского сохранился экземпляр машинописи с не учтенными при публикации правками автора; по этому экземпляру мы и цитируем статью, заключая не вошедшие в итоговый текст фразы в квадратные скобки.

эстетического наследства авангардной культуры[19]. А введение в полемику частных биографических контекстов снижало роль абстрактных эстетических наблюдений и превращало ее в спор двух интеллектуалов, равно претендовавших на риторическую гегемонию в вопросе построения культурной истории. Именно поэтому, как кажется, Шкловский в ответе Якобсону подключает в качестве аргументации сугубо советские культурно-идеологические конструкции, как бы реконтекстуализируя спор, помещая его в такое окружение, в котором Якобсон попросту не ориентируется. Не случайно А.Ю. Галушкин писал, что Шкловский основывает свою критику «на уже высказанных в советской печати оценках, обнаруживая почти текстуальные с ними совпадения. Смысл такого тактического хода вполне понятен: солидаризируясь с советской академической общественностью, Шкловский заранее отодвигает возможные упреки в близости своих взглядов на Достоевского и якобсоновских — на Маяковского. Не лишне будет напомнить о том, какую остроту в то время приобрели дискуссии о Маяковском в связи с выходом 65-го тома “Литературного наследства” <“Новое о Маяковском” (1958)>» [1, с. 138][20].

Начатая в 1961 г. в «Знамени» публикация мемуаров Шкловского, позднее напечатанных отдельной книгой, сохранила следы оживленной полемики с Якобсоном; ср.: «Былой друг Роман Якобсон, я не согласен с тем, что ты пишешь о друге нашем Владимире Маяковском. Ты ошибся на целый океан. <…> Я защищаю великую систему Маяковского. У поэта была большая выговоренная жизнь, большая любовь — революция. Он, любя, звал к себе и к своим. Не надо пытаться переводить Маяковского на другие пути, переведя для этого стрелку его давней любви»[21]. Однако в книжное издание 1964 г. эти эмоциональные пассажи включены не были[22].

[19] Ср. в письме Шкловского к Ю.Г. Оксману от 1 октября 1966 г.: «Свои отношения с Романом я сохранял сорок лет, но сохранять их стало нельзя. Вопрос о том, кто родил Володю, с кем он — это вопрос нашей истории, а не склоки. Роман захотел переселить Володю к себе. Володе было плохо, но он сам знал, чей он» (Из переписки Юлиана Оксмана и Виктора Шкловского / публ. А.В. Громова // Звезда. 1990. № 8. С. 139).

[20] Подробнее об истории литнаследского тома о Маяковском см.: [3].

[21] *Шкловский В.Б.* Жили-были // Знамя. 1961. № 9. С. 180–181.

[22] Ср. в письме Оксмана Шкловскому от 21 сентября 1966 г.: «Я перелистал, кстати сказать, новое издание твоих мемуаров. Оказывается, в нем нет не только меня (по сути дела, это и не так важно — я ведь эпизодический персонаж в твоей эпопее), но ты даже не упомянул Романа Якобсона, без которого не может быть воспоминаний об ОПОЯЗе и твоей литературоведческой молодости. И как ты мог пойти на такое надругательство над историей, найдя едва ли не одновременно такие сильные слова для разоблачения фальши мемуаров К. Зелинского! Я даже не знаком с Романом н не люблю его писаний, но в этой перестраховке (кстати, совсем не рациональной) не могу тебя оправдать. Говорят, что он в августе во время своей триумфальной поездки по Грузии очень резко в одной из своих вольных речей квалифицировал твое отношение к истории (по поводу страниц об ОПОЯЗе

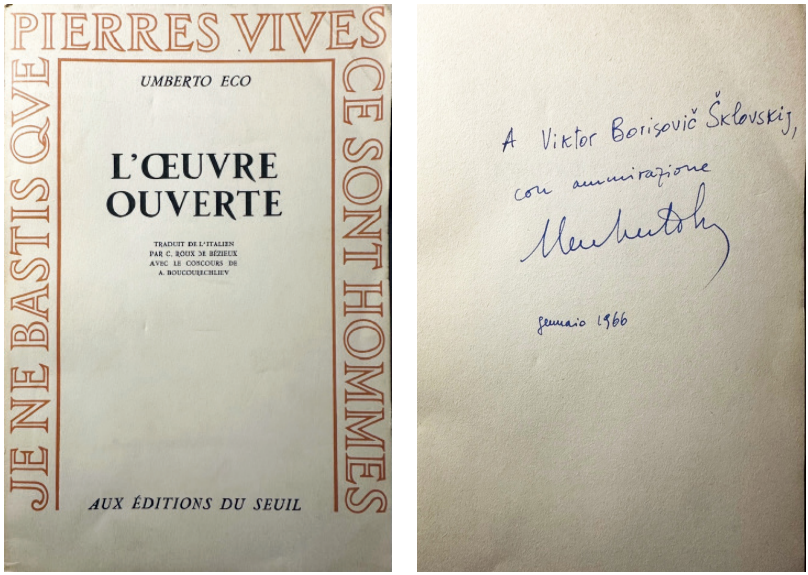
Конец хрущевской оттепели стал для Шкловского временем наиболее интенсивных поездок по европейским странам и, следовательно, периодом частичного преодоления столь тяготившей его ограниченности. Для точности следует отметить, что статус Шкловского в СССР на тот момент был почти исключительным — его воспринимали как *живого классика*, *патриархи советской литературы*: гонорары за его книги, печатавшиеся несколькими изданиями тиражами в сотни тысяч, были существенно выше, чем у большинства советских писателей, его юбилеи пышно отмечались в ЦДЛ и т. д. Однако глубинное переживание Шкловского, как представляется, было связано с тем, что всеобщее признание его «поденщины» лишь еще больше оттеняло повсеместное забвение главного дела его жизни — ОПОЯЗа. И тем важнее, что именно к этой стороне его деятельности было приковано внимание молодых интеллектуалов на Западе.

Чаще других стран Шкловский бывал в Италии и Франции, где и завязались его наиболее тесные личные и деловые контакты. В мемуарном очерке «Угол шара» Л.А. Озеров писал об одном из случаев, рассказанных Шкловским:

> До глубокой старости Виктор Борисович любил ездить. Дорога оживляла его. Кроме того, в позднюю пору, когда ему была дана возможность ездить, он встретил за рубежом людей, хорошо знающих его по «Теории прозы» и другим ранним книгам.
>
> В Италии, рассказывал мне Виктор Борисович, он появился на кафедре одного из университетов. Люди встали. Он удивился, спросил, в чем дело. «Мы — Ваши ученики» — последовал ответ[23].

в “Жили-были”). И что же — он был на этот раз прав. Прости, если хоть немножко огорчил тебя обращением к этим сюжетам, но сейчас они стали очень актуальными во многих аспектах» (Из переписки Юлиана Оксмана и Виктора Шкловского. С. 140; более резкий черновой вариант этого письма и ответ на него Шкловского с жалобой о «нападении» на него Якобсона см.: [1, с. 141]). Отметим, что Оксман был не вполне точен в своих упреках Шкловскому, — Якобсон упоминается в книге пять раз (*Шкловский В.Б.* Жили-были: Воспоминания. Мемуарные записи. Повести о времени: с конца XIX в. по 1964 г. М.: Сов. писатель, 1966. С. 201, 212, 442, 444 (дважды)), однако упоминания эти были сугубо формальными.

[23] Цит. по машинописи из личного архива Шкловских-Корди. В сильно переработанном и сокращенном виде (без процитированного фрагмента) статья Озерова напечатана в: *Озеров Л.А.* Угол шара // Русский язык. 2004. № 20 (356). Об особенной расположенности к Шкловскому именно в Италии свидетельствует и следующая запись Озерова, сделанная 16 февраля 1976 г.: «После моего доклада на юбилее Боккаччо в Италии городок, где родился и жил Боккаччо, сделал меня своим почетным гражданином. Они мне все время оттуда об этом пишут. Но оказывается, что для того, чтобы принять это почетное гражданство, нужно чуть ли не разрешение ЦК. Так мне объяснили в Иностранной комиссии. Теперь они пишут, что приедут сами вручать мне это почетное гражданство. Интересно, как пойдет дело дальше?..» (цит. по: Устный Шкловский // Вопросы литературы. 2004. № 4. С. 365).



Книга Умберто Эко «Открытое произведение» на французском языке с дарительной надписью В. Б. Шкловскому, 1966 г. Личное собрание Шкловских-Корди

Уже тогда отношение Шкловского к набиравшему популярность структурализму во многом определялось его персональным пристрастиями. В.С. Познер в устном мемуаре вспоминал о примечательном случае, произошедшем в один из визитов Шкловского в Париж в середине 1960-х:

> Я вспоминаю шестидесятые годы — один из его визитов в Париж. Узнав о его присутствии группа «Tel Quel» пригласила его. Шкловский позвал меня с собой. Леон Робель и я переводили ему выступления. Их там было очень много, и длинных, Филиппа Соллерса в частности. Потом Шкловского спросили, что он может сказать и что думает об услышанном. Он ответил очень убежденно: «Мне это было интересно, но, извините, мне кажется, что все это мы уже сказали около 1912 года. Мне хотелось услышать от вас что-нибудь новенькое». Наступило смущенное молчание[24].

[24] Цит. по недатированной машинописи из личного архива Шкловских-Корди. На первой странице документа помета: «Записано Франсуа Сальва» (до этого Познер напечатал небольшой мемуарный очерк (без процитированного нами фрагмента) по-немецки; см.: *Pozner V.* Viktor Schklowski // Die Weltbühne. 1973. № 6. 6. Februar. S. 181–182). Статья Шкловского «Искусство как прием» была напечатана в журнале «Tel Quel» в переводе Ц. Тодорова лишь в 1965 г. (№ 21. P. 3–18).

Едва ли не главным структуралистом Шкловский считал Ю.М. Лотмана, о котором не раз упоминал, например, в беседах с А.П. Чудаковым:

> В результате все же больше говорили о литературе — т. е. о поэтике. В конце шестидесятых — о структурализме. К нему у Шкловского было много претензий: считал, что по сравнению с формальным методом структуралисты не изобрели ничего нового, что они игнорируют динамизм художественной конструкции, понимая ее статично, что они неисторичны, что они пишут искусственным и просто плохим языком, что лингвистические структуры нельзя целиком переносить на искусство, а теорию искусства строить только для поэзии («это проще, но неверно»).
>
> — Вы говорите, что Якобсона надо отделять от остального структурализма?
>
> Пожалуй. Надо.
>
> Обо всем этом я напишу.
>
> Статья будет начинаться так. У Толстого есть неизвестный рассказ. Человек выезжает в деревню. Разговаривает со своей умершей восемь лет назад женой. Он не знает, из прошлого он или из будущего.
>
> Так и я сейчас смотрю на структуралистов.
>
> Я обманул младенцев.
>
> Они развили сложную терминологию. Я ее не понимаю.
>
> Что пишет Лотман, не понимаю. Но так плохо писать нельзя. Он пишет, как Виноградов. Нельзя писать о литературе и писать так плохо. (Другая запись — *1972 года*: «Меня читают. Читают. Но больше (холодно и с обидой) — Лотмана».)[25]

Как кажется, Шкловский считал особенно важным подчеркнуть несамостоятельность методологических метаморфоз Якобсона: сперва их направление было определено влиянием ОПОЯЗа, а позднее — трудами структуралистов (и чуть ли не Лотмана[26]). Отметим,

[25] *Чудаков А.П.* Спрашиваю Шкловского // Литературное обозрение. 1990. № 6. С. 97.

[26] Ср. в более позднем разговоре Шкловского с В.А. Кавериным, записанном Вл. И. Новиковым 16 марта 1982 г. (речь в разговоре шла о Тыняновских чтениях): «*Каверин*: Не так много. Приедут, наверное, человек двадцать пять, у нас не приглашаются второстепенные литературоведы, а только крупные. Лотман будет… Но очень жаль, что не будет тебя, хотя сгоряча ты однажды сказал: я поеду.

Шкловский: Лотмана я не люблю. Когда-то, чтобы отвлечь молодежь от политики, в гимназиях стали преподавать греческий язык. Но не было людей, которые знали бы греческий, и их везли из Германии, поэтому русский язык они знали плохо. Вот Лотман мне кажется человеком, привезенным из какой-то другой страны. Он любит иностранные слова и не очень точно представляет, что такое литература.

что в личной библиотеке Шкловского тем не менее сохранилось (без дарительных надписей и следов внимательного чтения) несколько выпусков тартуских «Трудов по русской и славянской филологии» конца 1950-х — начала 1960-х.

Бурный повсеместный всплеск интереса к структурализму провоцировал интеллектуальное сообщество артикулировать собственное отношение к этому направлению гуманитарной теории. Для Шкловского этот момент необходимости заявить о своей позиции настал во второй половине 1960-х: в феврале 1967 г. он завершил работу по подготовке предисловия к итальянскому изданию «О теории прозы», позднее вышедшем в издательстве «Einaudi». В этом предисловии, экземпляр (с правкой, предположительно, С.Г. Нарбут-Шкловской) которого сохранился в архивном фонде Инокомиссии СП СССР[27], Шкловский уже наметил приблизительную схему разговора об истории формализма — схему, которую он будет дорабатывать и усложнять до конца жизни (она же отчасти воспроизведена и в публикуемом разговоре с Катериной Кларк). Подробно и намеренно «опрощенно» вводя неискушенного читателя в суть собственных теоретических разысканий 50-летней давности, Шкловский тем не менее весьма замысловато формулировал собственное отношение к актуальной методологии культурной теории — структурализму:

> …структуры, создаваемые в искусстве, отличаются коренным образом от структур, создаваемых наукой. Наука стремится создать точное определение вещей и явлений, — такое, чтобы под определение подходило именно это явление и никакое другое. Она освещает вещи как бы бестеневой лампой. Искусство широко пользуется так называемым образом: сравнениями, определением части по целому, параллелизмами, передачей вещи в определенной эмоциональной

Каверин: Я мало читал его. Но научное направление, которое в 20-х годах придерживалось мнения о том, что главное — форма, оно, по-моему, не очень связано с тем, что делает Лотман.

Шкловский: Нет, это что-то другое совсем… (*После паузы*.) Вот ты остался, я остался. Роман Якобсон уехал и там… Оба обидятся, но я скажу: он там *залотмизи… залотманизировался* (курсив наш. — *Д.Ц*.). Это как дешевое дерево, которое сверху обклеено слоем ценного дерева. Это не приближает людей к искусству. Пишем ведь для человека, а не для… соседнего ученого… Если говорить про старость, то мне через пять месяцев девяносто. Если говорить о здоровье, то я вот этой рукой за этот месяц написал сто страниц новой книги. И все потому, что мы были к себе безжалостны» (*Новиков Вл.И*. Поэтика скандала // Первое сентября. 2003. № 36 (507). 23–30 сентября). Однако в книге «О теории прозы» (1983) находим такую характеристику: «Структуралисты во главе с Романом Якобсоном…» (*Шкловский В.Б*. О теории прозы. М.: Сов. писатель, 1983. С. 98).

[27] За предоставление этого документа для работы над настоящей статьей благодарим С.И. Панова.

оценке под новым углом зрения, и вскрывает множественное значение единой вещи.

Мир в искусстве познается цельно, но в своем противоречии. Он познается со своей справедливостью и в результате он дается истинной пульсации своей сущности, — не в кажимости, не в восприятии кажимости предмета, а как бы в его сокровенности. В результате проходят тысячелетия и мы сразу или через труд поэтов-комментаторов снова видим мир. Явления мира переживают художественное познание его. Они становятся частью сегодняшнего познания[28].

В том же году в сдвоенном (№ 5–6) выпуске американского журнала «Aspen» по-английски было напечатано хрестоматийное эссе Ролана Барта[29] «Смерть автора» (*The Death of the Author*; по-французски — в № 5 журнала «Manteia» за 1968 г.),а уже в № 9 словацкого журнала «Slovenské pohl'ady na literatúru a umenie» за 1967 г. появился перевод взятого у Шкловского интервью «O štrukturalizme». Этот небольшой материал сопровождался примечанием редакции: «Этот текст представляет собой расшифровку магнитофонной записи части интервью, которое было взято редакцией "SP" у Виктора Шкловского в Москве в мае текущего года. Несмотря на то что в тексте неизбежно присутствует импровизация, мы считаем, что его автор интересно и вдохновляюще ответил на вопросы, связанные со структурализмом»[30]. В этом интервью, быть может, наиболее четко была сформулирована позиция Шкловского по отношению к структурализму как доминирующему направлению послевоенной интеллектуальной жизни, поэтому мы приведем этот небольшой, но выразительный текст, сократив примеры, позднее включенные Шкловским в книгу «Тетива. О несходстве сходного» (1970):

К структурализму у меня есть определенное отношение. И, как родитель, я буду несправедлив. Родители удивляются, когда дети вырастают и рассказывают что-то отличное от того, чему их учили дома. Нет. Давным-давно я закончил книгу с подзаголовком «О несходстве сходного». Она имеет прямое отношение к структурализму.

[28] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1993. Л. 8–9.

[29] Не вполне удачную, но тем не менее остроумную попытку сопоставить понятийные аппараты Барта и Шкловского см.: [7].

[30] *Šklovskij V*. O štrukturalizme // Slovenské pohl'ady na literatúru a umenie. 1967. № 9. S. 7. Пер. со словацкого здесь и далее наш. Примечательно, что этот текст не учтен в самой полной на сегодняшний день библиографии произведений Шкловского и работ о нем, составленной Ричардом Шелдоном.

В прошлом, и не так давно, ученые занимались тем, что брали какой-нибудь текст, своего рода «бродячий текст», и изучали, как он переходит из страны в страну, из века в век. Я занят изучением того, почему это не проходит, как этот процесс нарушается, поскольку кажущееся полным сходство имеет на самом деле в отдельных моментах совершенно различное значение. Оно имеет тот же смысл, что и в данной структуре, в данной конструкции, и при кажущемся упрощении на самом деле приобретает совершенно новый смысл. Мы должны понимать, что мир дискретен, прямолинейно-непрерывен, дискретен, как последовательные числа, дискретен, как кванты. Он дифференцирован, хотя мы видим его связанным. В этом разобщенном мире, который меняется неравномерно, тем не менее есть периоды мирного развития, периоды потрясений, неудач; в нем живет человечество, которое, пытаясь понять мир, создает модели мира, изменяет их, но не исправляет. Оно исправляет эти модели постепенно, как кто-то исправляет рабочую тетрадь ученика, оно не доводит их до совершенства, как иногда бывает в кино, где «подтягивают» сценарий, обычно откидывая назад уши или голову; но затем структура меняется.

В структуре каждый компонент меняется не сам по себе, а в связи с другими. Примеры таких структур в литературе мы называем литературными школами. И, заметьте, каждая литературная школа, которая покидает нас, гремит, как хлопающая дверь. Когда она приходила, она многое обещала. Казалось, это будет продолжаться вечно.

Кажущееся чередование структур в литературе — это чередование условностей, к каждой из которых нужно привыкнуть. И в зависимости от того, что это за условность, мы оцениваем структуру. <…>

Каждый жанр имеет определенную структуру. Думаю, это ясно. Были времена, когда люди ходили в больницу, чтобы повеселиться и посмеяться. Это было нелепо. Это было в XVIII веке. Но Пушкин говорил о страхе сойти с ума в стихотворении: «Не дай мне бог сойти с ума. <…> / Не то, чтоб разумом моим / Я дорожил». Он боялся нелепого помешательства. Теперь его никто не боится.

Таким образом, структура, определенный строй, условность, соглашение между читателем и автором, моральное соглашение, различны в разных странах, в разные эпохи. Следует сказать: вы поступили неправильно, на каком основании вы судите, в соответствии с какой конституцией; как писал Ленин в письме Инессе Арманд: «Свободная любовь? Свободная от чего? Где свободная?

Свободен для кого?» И вот, структурализм, который воспринимает мир с обобщенных позиций, с смежных позиций, который понимает мир в целом, не режет, не лечит, но в то же время он видит части мира, он видит их по отношению друг к другу; как сказал Энгельс: «Люди выражают себя в вещах, вещи не существуют сами по себе». Это главная проблема структурализма. В течение очень долгого времени я был благодарен опыту, художественной интуиции, наработкам, которые я приобрел, изучая революционное искусство Октября; я пришел ко многим выводам, к которым пришли и структуралисты. В 1914 году я написал одну из своих первых книг — это была небольшая книга, которая называлась «Воскрешение слова»[31]. Ей уже 53 года. Так что для меня в этом нет ничего нового. Но я не верю, что основой культуры, как думают структуралисты, является структура языка. Язык — это структура; язык — это структура, над которой человечество работало долгое время. Он работал даже тогда, когда у него не было грамматики, когда понимание грамматики не менялось. Он всегда был рядом. Но является ли язык единственной, самой базовой структурой? Альберт Эйнштейн писал в своей книге «Физика и реальность», что, насколько он понимает, — и понимает, по-видимому, хорошо — физик-математик мыслит не словами. Это доказывается, например, тем, что вывод всегда неопределенен и удивителен, вывод — это чудо. То есть математика сама по себе является структурой, которую невозможно преобразовать в лингвистическую структуру. Таково мнение величайшего физика и математика.

Или возьмем, скажем, музыкальную структуру. Хотя Толстой, например, сказал, что музыка — это стенография чувств, основанная на тоне, вряд ли это нужно переводить на язык слов или даже на язык чувств. <…>

Это многообразие миров, свобода в этих многочисленных мирах не является независимой от этих миров, она находится за пределами понимания мира, этой великой Вселенной, это понимание, которое освобождает от изначального страха.

Мне кажется, что структурализм опирается на стену языка. Всю свою жизнь я занимался структурой языка. Сам сюжет основан на событиях, на последовательности действий, но он не является составной частью, потому что его можно перевести на язык пантомимы, он блуждает, как бы «доязыковой». Например, Тынянов в свое время написал сценарий «Шинель». В то время Борис Михайлович

[31] В тексте интервью по непонятной причине указано заглавие «За новаторство в музыке и абстракцию в изобразительном искусстве».

Эйхенбаум написал статью, очень хорошую статью «Как сделана “Шинель” Гоголя». Он утверждал, что в основе «Шинели» — язык, манера говорить (сказ), что он ограничивает лингвистическое мышление человека. Позже его мысли повторил на другом материале великий специалист академик Виктор Виноградов, который доказал, что даже «Бедные люди» Достоевского — это всего лишь язык, и что, например, реализм — это языковая система, определенный самоорганизующийся порядок. Ну а Тынянов написал сценарий, и сценарий был сыгран, он попал в другие страны, и все его поняли. Я думаю, все поняли, как сыграл С.А. Мартинсон. Затем сценарий попал в цирк. По сей день Акакия Акакиевича играют клоуны — итальянцы, французы. Говорят, люди Гоголя настолько поглощены своими делами, что их можно понять даже без слов. Таким образом, создается еще одна структура, которая как структура архитектуры, как структура человеческого тела, как все эквивалентные структуры, существующие в мире в сложных взаимосвязях, понятные без перевода. В этой в конечном итоге устаревающей структуре, которая тем не менее имеет огромное значение в нашем споре, особое значение получит литература как способ чувственного воссоздания мира. Однако это не единственный способ овладеть миром. Чтобы объяснить это, я позволю себе небольшое отступление.

Грядет кибернетика. Появятся автомобили, в которых мы будем сидеть, и они сами будут ездить по городу. Они будут ехать очень быстро, быстрее, чем сейчас. Быстрее, чем летают сегодняшние самолеты. Но когда я лечу, я вижу под собою лишь облака. Мандельштам однажды сказал, что географ Палас путешествовал по России в повозке, запряженной воробьями. Он видел каждый шаг муравьев. Мир был осязаемым. Отдавая мир машинам, лампочкам, мы отталкиваем мир от себя; он становится результатом. И разве нам достаточно только результата, и разве нам не нужен процесс, разве мы хотим перемещаться лишь с места на место? Разве нам не нужно движение, ветер, препятствия, встречи? И когда мир прячется в машине, кибернетические машины не будут бунтовать, они лишь отнимут у нас видение мира. Это хуже, чем бунт. Это как крысы, которые воруют нашу еду. Естественно, что крысы воруют сало, даже если оно им не нужно.

Я не собираюсь бунтовать против того, что уже есть. Структуры находятся в противостоянии, структура искусства находится в противостоянии структуре науки, структура науки хочет показать, что этот объект — это именно этот объект, что он однозначен. Структура искусства говорит о двусмысленности предметов, о том,

что Брут любит Цезаря, даже убивая его, что Отелло убивает Дездемону не только из ревности, но и потому, что любит ее, и ревнует он потому, что она слишком красива для него. И Офелия говорит, и я часто это говорю: «Мы все знаем, кто мы есть, но мы не знаем, кем мы могли бы быть».

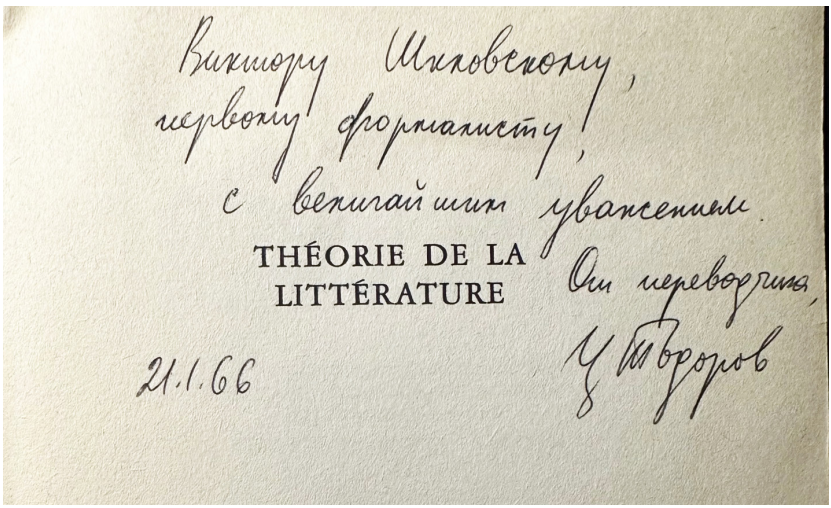
Искусство расширяет человеческие возможности, показывает возможности помещения человека в различные структуры и создания новых структур. Искусство основано на несоответствии структур, на многообразии взглядов. Когда вы входите в старый монастырь, ворота сделаны таким образом, что не позволяют увидеть здание. Вам приходится поднять голову. И вы увидите все купола церквей на фоне неба. Это означает, что они определили вашу способность видеть мир, а не вы видите мир таким, какой он есть. Они заставили вас поднять голову, как просит Данте в «Чистилище». Беатриче, облаченная в одежды богини, едет на золотой колеснице, запряженной животными, и кричит своему любимому другу Данте: «Подними голову!» Искусство всегда говорит: «Подними голову». Или, как писал Маяковский: «Из меня слепым Вием время орет: “Подымите, подымите мне веков веки!”». И это созерцание сегодня и завтра — не простое созерцание, это столкновение миров, многократно увиденных и названных вместе, дающее противоречиям их форм своего рода знание не о внешнем виде, а о сущности мира[32].

Отметим, что ключевую мысль этого интервью Шкловский также воспроизвел в письме к внуку от 7 апреля 1971 г.: «В 1919 году (сборник “Поэтика”) я был вождем “Опояза” и автором хороших книг. Поняты они были только у нас (но у нас вскоре был РАП (кажется одно “п”), и до него “Пролеткульт”). На Западе книгу не поняли. Друзья, уехавшие на Запад, ее тогда не перепечатали, хотя бы фотографическим путем. Начался структурализм. “Опояз” был воскрешен у нас и понят на Западе 10 или 12 лет назад. Это первая русская теория, охватившая или охватывающая мир. У нас понят простым “остранением”, но не понят как искусство повторять, не повторяясь. Они (как и Запад) не понимают сходство несходного».

На те же годы пришелся всплеск переводческой активности — бурный интерес к творчеству Шкловского в Европе вызвал волну переводных изданий и переизданий. В период с 1965-го по 1975-й были

[32] Там же. S. 7–11. Ср. примечательную реплику Бахтина в разговоре с Чудаковым: «Я считаю Шкловского, — сказал М.М. <Бахтин>, — основателем всего европейского формализма и структурализма. Главная мысль была его. И вообще много, всегда много свежих мыслей. А уж когда нужно было исследовать дальше, это делали остальные. Впрочем, он и здесь много сделал» (*Чудаков А.П.* Спрашиваю Шкловского. С. 101).

переведены почти все написанные Шкловским книги и ключевые статьи (преимущественно ранние), которые вошли в специальные антологии по истории гуманитарного знания. Много их сохранилось в личной библиотеке Шкловского: «Théorie de la littérature: Textes des formalistes russes» (под ред. Ц. Тодорова; Paris: Éditions du Seuil, 1965. С дарительной надписью: «Виктору Шкловскому, первому формалисту, с величайшим уважением. От переводчика. *Ц. Тодоров*»), «Russian formalist criticism: Four essays» (пер. с рус. и предисл. Ли Т. Лемона и Мариона Дж. Рейса; Lincoln; London: University of Nebraska Press, 1965), «Texte der russischen Formalisten I» (под ред. М. Имдала, В. Изера, Х. Р. Яусса, В. Пресенданца, Й. Штридтера; Munchen: Wilhelm Fink Verlfg, 1969 (Theorie und geschichte der literatur und der schonen kunste). С дарительной надписью: «С искренним уважением от издателя и редактора. Konstanz, im April 1969. *Witold Kośny*»), «Poetika ruskog formalizma» (сост. и предисл. Александра Петрова; Beograd: Prosveta, 1970), «Rosyjska szkoła stylistyki» (под ред. Марии Ренаты Майеновой и Зигмунта Салони; Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1970. С дарительной написью: «Виктору Борисовичу Шкловскому с глубоким уважением от издателей. *M. R. Mayenowa. Zygmunt Saloni*») и др.



Титульный лист сборника «Théorie de la littérature: Textes des formalistes russes» с дарительной надписью Ц. Тодорова В. Б. Шкловскому, 21 января 1966 г. Личное собрание Шкловских-Корди

В те же годы литературная работа Шкловского стала предметом активного научного изучения. В 1965 г. вышло второе издание книги Эрлиха, а в 1966 г. Ричард Р. Шелдон защитил в Мичиганском университете диссертацию «Viktor Borisovič Shklovsky: Literary Theory and Practice, 1914–1930» (экземпляр диссертации сохранился в личной библиотеке Шкловского[33]). Все это спровоцировало некоторый ревизионистский импульс, который вел не столько к пересмотру западным научным сообществом собственных интеллектуальных ориентиров, сколько к обнаружению подлинного значения, которое имели ранние работы Шкловского на формирование дисциплинарных и методологических рамок славистики.

Славистика, будучи по сути своей грандиозным научно-идеологическим проектом, внутренняя конструкция которого была продумана и выстроена Якобсоном, по-особенному конструировала свою предысторию: Шкловскому в ней отводилось более скромное место, чем он сам его оценивал[34]. Это не могло не повлиять на общий тон разговора о западной научной традиции[35]. Указывая на принципиальные методологические расхождения и упирая на «чужесть» выработанного структурализмом способа «делать» науку, Шкловский

[33] Сохранилась и вышедшая в 1977 г. библиография сочинений Шкловского и работ о нем: *Sheldon R.* Viktor Shklovsky: An International Bibliography of Works by and about Him. Ann Arbor: Ardis, 1977. С дарительной надписью: «Виктору Борисовичу — надеюсь, что эта книга и перевод “Третьей фабрики” Вам понравился. Спасибо за Эйзенштейна».

[34] Подробнее см.: [15]. Дело в том, что предложенная Якобсоном версия методологического источника формализма (по преимуществу — лингвистические штудии Ф. де Соссюра) была агрессивно подхвачена его последователями, см.: [16] (рус. пер. — 2001 г.); эта же точка зрения позднее была поддержана работами исследователей формализма, см.: [18, p. 43]. Иной подход к решению этого вопроса см. в: [19] (в библиотеке Шкловского сохранился экземпляр с дарительной надписью: «Дорогому Виктору Борисовичу от одной из его поклонниц Евы Йосифовны Томпсон. Rice University. 9 февраля 1972»), [14]. См. также: [6].

[35] Ср. в записях Чудакова: «— Якобсон разобрал “Я вас любил”. Говорит: ни одного тропа. Но все стихотворение — целиком троп, развернутая литота. Автор сдерживается, он преуменьшает горе. Это единственное стихотворение, где Пушкин говорит “Вы”. Везде он с любовью на “ты”. Якобсон этого не знает.

Вскоре Шкловский написал об этом разборе Р. Якобсона резко критическую статью <“Поэзия грамматики и грамматика поэзии”> в “Иностранную литературу” (1969. № 6), что их навсегда поссорило. К. Поморска рассказывала, что после этого Шкловский послал какую-то свою работу Якобсону, но тот ее вернул. Ссору Шкловский переживал тяжело, говорил о ней со слезами на глазах.

— Якобсон много писал об Опоязе. Часто на меня ссылался. Ссылался — не переиздал. Переиздали другие. Все думаю: кто виноват? Он в одном виноват: очень давно за границей.

О Якобсоне в эти годы вообще говорил часто» (*Чудаков А.П.* Спрашиваю Шкловского. С. 94). О том же позднее писал Галушкин, опираясь на упомянутую статью Ронена: «… именно в этом <1964> году, во время очередного приезда Якобсона в СССР, Шкловский предпринял попытку примирения с бывшим другом. Он послал Якобсону свою книгу “Лев Толстой” с дарственной надписью “Ромка, ты меня не понял, нам надо объясниться, прости меня, здесь очень жарко и коньяк, и я путаюсь. *Витя*”. Якобсон отослал книгу обратно, написав поперек надписи бывшего друга: “Советую тебе никогда не путаться, даже за коньяком”. Об этом ответе Якобсон рассказывал и Б. Янгфельдту, добавляя, что в своей надписи он “напомнил о причинах ссоры”» [1, с. 140].

как бы припоминал ученым, что «обед уже съеден»; их же попытки «воскресить» формальный метод он оценивал скорее как спекуляцию на его имени[36]. Появившаяся в «Иностранной литературе» (1969. № 6) полемическая статья Шкловского «Поэзия грамматики и грамматика поэзии» стала ответом на одноименную давнюю публикацию Якобсона в польской «Поэтике»[37]. Личное отношение Шкловского (неустанно подчеркивавшего свое первенство в обнаружении всех теоретических проблем) к автору обсуждаемой работы особенно четко выразилось именно в связи с реакцией на структурализм, который, по его мнению, существенно обеднил методологическую оснастку Якобсона, сообщил ей некоторое «инерционное» движение к предзаданным смыслам:

> Терминология необходима, и, может быть, я ей завидую, но она может обратиться в новую, техническую латынь, в которой новизна термина заменяет точность термина. Новизна заставляет предполагать, что за новым словом стоит какое-то уточнение явления, прежде не анализированного.
>
> Роман Якобсон — большой ученый, объединивший работы де Соссюра, работы русского профессора Щербы, работы опоязевцев, начатые в 1915 году.
>
> Роман Якобсон руководил московским лингвистическим кружком с интереснейшими учеными, в частности, с Григорием Винокуром. Потом перенес свою работу в Прагу; пражская лингвистическая школа на материале осознания языковых построений как структуры создала само понятие структуры как замкнутого построения, части которого объединены так, что целое может существовать, изменяя свое применение, и развиваться на основании своих в самой системе заложенных законов.
>
> Структурализм родился в лингвистике. Та статья Романа Якобсона, о которой я сейчас говорю, содержит в себе, как мне кажется, некоторые инерционные моменты структурализма как явления, рожденного в анализе языка и пытающегося остаться в языке, то есть пытающегося перенести законы языковых структур на структуры других порядков.
>
> Надо отличать генезис явления, то есть его происхождение, от значения явления.

[36] Подробнее см.: [20].

[37] См.: *Якобсон Р.О.* Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Poetics. Poetyka. Поэтика. Warszawa: Polska Akademia Nauk; Institut Badan Literackich; Panstwowe Wydawnictwo Naukove, 1961. С. 397–417.

> Генезис иногда бывает только входом в страну новых отношений. Молодой Маяковский, кажется в 1912 году, говорил, что люди, гладящие сухих кошек сухой рукой, добивались рождения непонятных искр — это было электричество.
>
> Янтарь и шерсть были прародиной электричества, но электричество бесконечно шире своего генезиса. <…>
>
> Генезис теории структурализма ясен. Методология была создана в лингвистике, но должно быть осознано рождение структурализма как общей системы.
>
> Язык не единственная структурная область; обряды, игры, этикет и нравы, математика являются огромными областями, существующими структурально.
>
> Мои работы в теории искусства были посвящены анализу сюжетов, анализу структур, составленных из событий — действий — происшествий. Не надо думать, что за обрядом, или за системой сигнализации, или за физическим построением, охватывающим связь явлений мира, лежат слова[38].

В этом отношении показательными оказываются также и личные свидетельства Шкловского в частной переписке, содержащие попытку рефлексии над сделанным в науке о литературе; ср., например, в письме к внуку от 20 июля 1969 г.:

> Я создавал науку. Удачи шли сплошняком с 1914 по 1926 год. Были одни победы. Они избаловали меня, и я забыл обычную работу, стал сразу председателем ОПОЯЗа, руководителем. То, что я не знал языки, отрезало меня от мира. Потом я ушел в литературу и кино, опять имел удачи и злоупотреблял легкостью успеха. Злоупотреблял удачей. Презирал оппонентов и даже обычно не читал их. Тут еще вторичную роль сыграли цензурные условия и необходимость зарабатывать. В результате я прожил разбросанную и очень

[38] *Шкловский В.Б.* Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Иностранная литература. 1969. № 6. С. 223, 224. О структуралистской терминологии Шкловский позднее напишет в «Энергии заблуждения» (М.: Сов. писатель, 1981): «То многое, что сделано структуралистами, известно мне, но я вижу очень много терминологии, вероятно удачной, во всяком случае, точной, но не знаю, как подойти по ступеням этой терминологии к сущности произведения. Структурализм увлекся обложкой. Надо сказать точнее. Структуралисты занимаются упаковкой предмета, а не самим предметом»; и далее: «То многое, что сделано структуралистами, мне известно, но вижу много терминологии, вероятно удачной, но не знаю, как подойти по ступеням этой терминологии к сущности произведения. Сложилось впечатление, что структурализм начал анализ стиха на льдине; льдина была около берега, потом льдину унесло ветром в море и люди не знают, плакать, или кричать, или довольствоваться тем, что все так вот вышло: они в пути» (С. 110, 150).

> трудную и противоречивую жизнь. Я сжигал огромный талант в печке. Ведь печь иногда приходится топить мебелью. Эйзенштейн уверял, что цемент среднеазиатских зданий иногда замешивали на крови. Я пропустил время занятий философией. Шел без карт. Потом пришло разочарование. Молчание. И то, что я в одной книге назвал «поденщина». Мировое признание запоздало на 25 или даже на 35 лет. Теперь я признан. Теперь мой прежний друг Роман Якобсон утверждает, что он, а не я, создал то, что называлось «формальным методом» и что родило структурализм. Идет поздний и ненужный спор и об этом тоже много пишут.

Многочисленные попытки Шкловского обозначить собственное место в истории науки и истории литературы (по-видимому, он не проводил между этими сферами жесткой границы) уже в 1960-е обнаружили его претензию на *уточнение* роли ОПОЯЗа в общеевропейском интеллектуальном контексте середины — второй половины XX в.

Рубежным в этом отношении стал 1970 г., когда в издательстве «Советский писатель» вышла книга «Тетива: О несходстве сходного», которую Шкловский считал «очень сложной», — в письме внуку от 11 июля 1967 г. читаем: «Кончил книгу “О несходстве сходного”, подзаголовок “Тетива”. В книге 350 страниц и она очень сложная. Я устал так, как будто оклеил восемь лодок. Но моя лодка уже поплыла в издательство. <…> Это очень сложная книга. Может быть, самая сложная за мою жизнь». В этой книге Шкловский вновь обратился к критике методологии структурализма, уточнив предложенную им в приведенном выше интервью позицию:

> Структуралисты выявили понятие структур, то есть понятие такого взаимоотношения частей, которое определяет друг друга таким образом, что изменение одной части вызывало бы изменение смысла и значения всех других частей. Наиболее разработанные структуры — структуры языка. Мы щупаем мир словами так, как слепые щупают мир пальцами, и невольно мы переносим взаимоотношения нашей языковой структуры на мир, как бы считаем мир языковым явлением. Может быть, это является разумным самоограничением.
>
> Но существует структура, называемая искусством. Я иначе говорю с ребенком, иначе говорю со своим старым товарищем, иначе говорю с бухгалтером, все еще иначе говорю с женщиной. Я могу изменять структуру своего языка. Но в общем языковая структура

не зависит от меня. Она существует тысячелетия. Мы познали ее с детства, в ней выросли.

Структуры искусства в каком-то смысле однократны, как загадка, предложенная Самсоном филистимлянам.

Для творца структура искусства — нечто как бы им создаваемое. И он сознательно, иногда бессознательно в усилиях познать действительность, выбирает структуры, определяет границы и взаимоотношения сопоставленных, выбранных смыслов. Он сопоставляет разные структуры искусства, переносит законы одной структуры искусства на область другой структуры, — будем называть их подструктурами.

Структуры искусства находятся в некотором волевом распоряжении человека и соотносятся с другими сложными способами.

В книге часто употребляется слово «конвенция», оно не совпадает с понятием структуры.

Конвенция — это условия взаимоотношения структур, которые автор невольно заключает между собой и теми, кому он делает сообщения, и иногда теоретически осознается. <…>

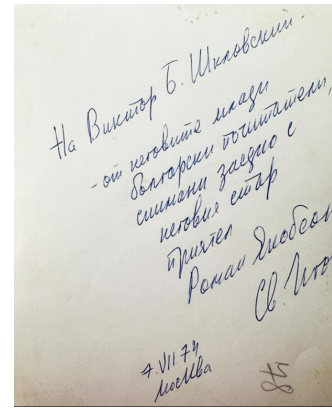
Искусство создает ощущение, отмечает изменения смены. Язык помогает человеку оструктурить переживания. Язык помог человеку оструктурить культуру, создать системы, стоя на которых человек остается самим собой и принимает опыт прошлого. Он двигается, как бы стоя на неподвижном.

Представление о поэзии как об отражении грамматики не сделает поэтику математикой[39].

Не случайно в книге в переработанном виде была перепечатана и статья с критикой поэтологических построений Якобсона, первоначально напечатанная в «Иностранной литературе». В нее не вошли приведенные нами выше фрагменты с персональной адресацией, а критика лишилась предметного характера, получив статус своеобразной манифестации.

И вновь материалы частной переписки позволяют более точно воссоздать контекст размышлений Шкловского, пытавшегося «на пальцах» объяснить своим адресатам суть предложенных им объяснительных схем взаимодействия формализма и структурализма. Так, в письме из Ялты к кинодраматургу и литературоведу А.М. Марьямову от 17 ноября 1971 г. Шкловский предложил свою версию генеалогии структурализма:

[39] *Шкловский В.Б.* Тетива: О несходстве сходного. М.: Сов. писатель, 1970. С. 119–120.



Фотография Р.О. Якобсона и болгарских славистов с дарительной надписью на болгарском языке С.А. Игова, 7 июля 1974 г.
Личное собрание Шкловских-Корди

Дорогой Саша!

Пишу тебе письмо, потом, когда приеду, поговорим об нем.

Формальный метод родился от футуризма. Он результат его понимания и оправдания его методов нахождением сходства в фольклоре и старом романе. Так родился формальный метод и в нем остранение. Он дал анализ вне содержания и даже отрицал его. Он дал кристаллографию искусства.

Это ОПОЯЗ.

От него родился структурализм. Он упоминал нас, но не переиздавал мои книги. Я говорю о Романе Якобсоне. Не переиздавал, т. к. я научил их отделять прием (схематы греков) от функции. Пропп отделил мотив от функции, но это частности. Я оказался под нажимом и выговорил все от формального метода. Структурализм развивался, вспомнил или осознал связи с гегемонством <sic!> и марксизмом. В сомнении и раскаянии я написал «Тетиву», сделав обобщения сдвига как частный случай помещения (переноса) явления в иной семантический ряд. Родился «Человек не на своем месте». Развилась теория искусства (главным образом прозы). Но это я отделил сюжет-конструкцию от событийного ряда. Структурализм имеет в своем генезисе и явления других наук с повторением конструкций в иной сознательно выбранной функции. Разделение языка на поэтический и прозаический, отделение искусства от иных форм информации у них потеряно. Они переносят структуры информационного языка на искусство. Этот спор идет с 1920 года.

Идет вопрос об том, что такое «мир» и «действительность». Сейчас в гносеологии структуралистов мир это система структур и сверхсистем.

1) По-моему системы науки — это системы модели. Структуры познания служебны и смещаются как резцы при точке предмета в станке. Цель — обработка.

2) По-моему система искусства — это система познаний при помощи создания противоречий. Цель — ощущение.

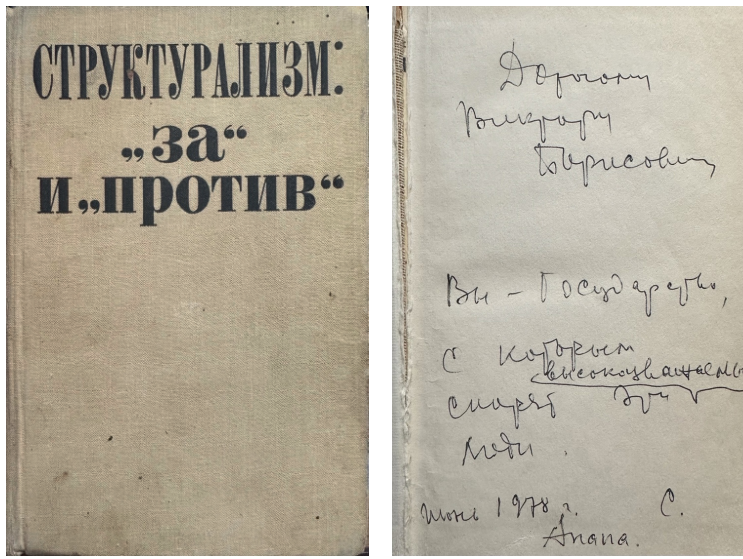
1) Это узнавание через включение в систему.

2) Это видение через вырывание из системы.

Я начал работать в 1914 году, сейчас — 1971. Прошло 55 лет. Считаю… После обходного, обусловленного обстоятельствами (рельеф местности) пути я остался на правильном пути, так как только он сохраняет два вида познания и открывает, для чего существует и как долго будет существовать и для чего будет существовать искусство.

Ну, до встречи.

В. Ш.[40]



Сборник «Структурализм: “за” и “против”» (1975) с дарительной надписью соредактора книги М.Я. Полякова (?) В. Б. Шкловскому. Личное собрание Шкловских-Корди

[40] Цит. по: «Буду писать письмо. Фильма подождет»: Переписка Виктора Шкловского и Александра Марьямова // Новый мир. 2012. № 12. С. 149. Опубликованный текст письма мы сверили с подлинником.

Многочисленные попытки возобновить разговор об ОПОЯЗе — примета непростого положения, в котором тогда оказался Шкловский. Переиздать свои старые ключевые работы он не мог: подобная практика для еще живого, активно работавшего писателя не была предусмотрена советскими издательскими конвенциями (именно поэтому, например, сорвалось издание двухтомника ранних работ, о котором он вместе с А.П. Чудаковым хлопотали у М.Б. Храпченко). Поэтому в «новых» книгах Шкловского все множились пересказы и «припоминания».

Последним и наиболее развернутым высказыванием Шкловского о методологических проблемах славистики стала книга «О теории прозы» (М.: Сов. писатель, 1983; далее при цитировании страницы указаны в тексте), в которой была предпринята попытка принципиального разграничения формалистской и структуралистской аналитических оптик. Последовательная «деконструкция» структуралистской методологии в этой книге затронула ключевые теоретические аспекты «мощного, неутихающего течения», которое «не менее сорока лет спорит» с последним формалистом. Шкловский подверг критике:

1) положение о генетическом родстве формального метода и структурализма — ср.: «Взаимоотношения формального метода и структурализма. Прежде всего: все названия всегда неверны. У академика Веселовского на двух или на трех страницах дано шестнадцать определений романтизма. И так как он был человек академический, то ни на одном определении не остановился. Мы называли себя формалистами, называли и “опоязовцами”; структуралисты, кажется, сами крестили себя, назвавшись структуралистами. <…> Теперь об отношении структурализма к формализму. <…> Какие отношения между формализмом и структурализмом? Мы спорим, это две спорящие школы» (с. 80–82);

2) положение о методологической общности формализма и структурализма и общности же объекта исследования — ср.: «Мы формалисты — это название случайное. Вот я, Виктор, мог быть и Владимиром, Николаем. Формой мы занимались. И случайно про форму говорили много ненужного. Когда-то я говорил, что искусство состоит из суммы приемов, но тогда — почему сложение, а не умножение, не деление, не просто взаимоотношение. Сказано было наспех для статьи. Структуралисты делят произведение на слои, потом решают один слой, потом отдельно другой, потом третий. В искусстве все сложнее. Вместе с тем структуралисты, в частности наша тартуская школа, сделали очень много» (с. 82);

3) положение о тождественном пафосе синхронии и отрицании диахронии в науке о литературе — ср.: «Надо считать. Это делают структуралисты. Перед этим надо читать. Нельзя понять Достоевского, не зная эпохи, не зная беременность России великой революцией, и читать Толстого, не зная, что он говорит: социальная революция не то, “что может произойти”, а то, что “не может не произойти”. Не зная этого, нельзя анализировать ни Достоевского, пи Толстого» (с. 86–87);

4) положение о лингвоцентризме формализма, основанном на ключевых положениях соссюрианства, — ср.: «Структуралисты стараются понять литературу из законов слова, но мы-то начали с того, что слово различно; поэтическое слово — оно другое, чем слово прозаическое» (с. 90);

5) положение о психологической автономии литературного творчества — ср.: «Мое мнение: литература явление не только слова, она явление мышления. Толстой говорит, что слово не может быть основной частью романа. Но роман строится, как в старину говорили, на образах, тропах. Роман строится не на словах, а на понятиях — и понятиях движущихся — оспаривающихся сущностях. <…> Но прозой товарищи структуралисты не занимаются, потому что ясно, проза объясняется, разговаривая с нами не словами» (с. 101);

6) положение о национальной неспецифичности литературы, об эстетическом универсализме творчества — ср.: «Теория структуралистов интересна своей точностью. Она напоминает работу столяров, которые украшают дерево. По- своему это великая работа. Но мы, прожившие десятилетия на своей территории, знаем гул истории; перекличка эпох стучит в дверь. <…>» (с. 106);

7) положение о превалировании идеи культурного трансфера над идеей параллельного сближенного развития разных эстетических систем — ср.: «Интересно отметить, что то, что предлагают структуралисты, исключает возможность появления в разных странах, даже близких по языку, самостоятельных литератур» (с. 108);

8) положение о терминологической стабильности аналитического аппарата литературоведения — ср.: «У структуралистов возникновение большого количества терминов создает иллюзию, что уточняется анализ. Но такого рода анализ без учета смысловых соотношений мало что дает» (с. 129).

Последовательно указав на ряд теоретических допущений, по его мнению, имевших место в структурализме, Шкловский резюмировал: «Ошибки структуралистов — это ошибки людей, которые занимаются грамматикой и не занимаются литературой.

<…> Структуралисты разводят термины и полагают, что создают новую теорию. Говоря иначе, они занимаются упаковкой предмета, а не самим предметом» (с. 125)[41].

Смерть Якобсона летом 1982 г. позволила Шкловскому на непродолжительный период времени стать монополистом и «диктовать условия», устанавливать конвенциональные рамки для интеллектуальной истории (до)советской авангардной культуры 1910–1930-х. По сути, Шкловский остался последним человеком, который не просто был живым свидетелем, но одним из ключевых участников культурной жизни тех лет, всегда готовым к живому и продолжительному разговору[42]. Шкловский знал это и активно пользовался своим положением и масштабом личности. По сути, ему был открыт столь соблазнительный путь творца интеллектуальной истории, созидавшего ее в реальном времени, самостоятельно расставлявшего акценты и определявшего приоритетность тех или иных контекстов эпохи.

***

Публикуемый ниже разговор Шкловского с Катериной Кларк (Katerina Clark, 1941–2024) — не первый из числа известных. (Следует отметить, что в 1960–1980-е гг. Шкловский активно вступал во взаимодействия со специалистами, интересовавшимися культурной жизнью начала века, — «паломничество» к нему иностранных славистов, а также ряда советских филологов, уже в те годы стало

[41] К сходной мысли пришла Л.Я. Гинзбург, которая в своем последнем интервью в 1990 г. так ответила на вопрос Л.Ю. Аркус: «*Л. А.*: ОПОЯЗ был скорее философской системой, литературным явлением, нежели научным методом. И за бесстрастностью формальной школы без труда различаешь безумие неизлеченного пафоса. А вот, скажем, в структурализме пафос успешно излечен: это холодное препарирование, интересное только специалистам.

Л. Г.: Да, но, может, Вы слишком строги к структурализму? Впрочем, я не разделяла его положений, и Вы правы в том, что ОПОЯЗ был силен теснейшей связью с литературой. Причём не только с литературой ему современной, но и с литературой прошлых веков, воспринимаемой с точки зрения современного человека» (Последнее интервью с Лидией Яковлевной Гинзбург / беседовала Л.Ю. Аркус // Сеанс. 2010. 15 декабря. URL: https://seance.ru/articles/ginzburg/?ysclid=mmg2nksp76717097253).

[42] Очевидно, Шкловский — особенно в поздние годы — ждал отложенного безоговорочного признания собственного авторитета. Это видно уже по письмам середины 1970-х; ср. в письме к внуку из Ялты от 24 марта 1973 г.: «Переслали мне письмо из Сассекского университета, он в Англии, в Брайтоне. Он на берегу Атлантического океана. Зовут получить докторскую мантию. Спрашивают рост, объем груди, спрашивают о величине головы. Сенат университета утвердил мое избрание. Смеху-то сколько. Я не сдал в питерском университете ни одного экзамена. Занялся теорией сюжета потому, что об этом никто ничего не написал. Появилась, и не только на этом материале, формальная школа, потом структуралисты. Они сюжетом не занимаются, уверяя, что большая событийная форма не поддается науке. Это их наука имеет свой потолок. Если мне выпишут командировку, то я увижу средневековый ритуал посвящения в доктора. Это выпуск университета, сбор всех его членов. Но мне 80 лет. Академическая наука консервативной страны поняла меня через 50 лет с чем-то».

важной приметой начавшейся ревизии гуманитарного знания[43].) Так, в примечаниях к нескольким главам книги Кларк и Майкла Холквиста о Михаиле Бахтине, вышедшей в 1984 г., можно обнаружить ряд ссылок на интервью со Шкловском, которое датируется 25 марта 1978 г.[44] Этот факт свидетельствует о том, что в ходе сбора материала для книг Кларк тесно взаимодействовала с немногими свидетелями культурной жизни 1920–1930-х, дожившими до 1970–1980-х[45]. Это же относится к ее исследованиею «Petersburg, Crucible of Cultural Revolution» (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995), для работы над которым, по-видимому, и было взято публикуемое ниже интервью. Рассказы Шкловского были использованы Кларк и «распылены» по тексту ее книги либо в виде незаковыченных цитат, либо во фрагментарном пересказе, либо же использованы в качестве композиционно-смысловых паттернов. Эта книга о Петербурге, переведенная на русский язык в 2018 г. и напечатанная в «Новом литературном обозрении», уже на уровне общей концептуальной рамки обнаруживает определенное влияние Шкловского; кроме того, множество подробных выкладок и экскурсов, связанных с «творческой лабораторией» теоретика и не дублирующих напечатанные мемуарные свидетельства, также подчеркивают важную роль приведенного ниже разговора.

Сохранившаяся в личном архиве Шкловских-Корди машинопись была синхронно набрана А.Ю. Галушкиным 17 сентября 1983 г. (на множестве поздних аудиокассет слабый голос Шкловского часто заглушается стуком печатной машинки) и озаглавлена «Разговор к Кэтрин Кларк». Однако «разговора» как такового в ней нет: по всей

[43] В 1979 г. вышла целая книга интервью Шкловского Серене Витале: см.: *Šklovskij V.B.* Testimone di un'epoca: Conversazioni con Serena Vitale. Roma: Editori Riuniti, 1979 (у Витале сохранились магнитофонные записи этих разговоров со Шкловским). Кроме того, Стефано Гардзонио вспоминал об одном случае, имевшем место во второй половине 1970-х: «Во время пребывания Шкловского в Тоскане среди многочисленных выступлений были и интервью. В связи с одним интервью был записан текст под названием "Divagazioni sull'arte e sullo strutturalismo" ("Рассуждения об искусстве и о структурализме"), подготовленный к печати С. Синьорини и Д. Феррари-Браво. Текст должен был выйти в <…> журнале "Strumenti critici". К сожалению, русский оригинал интервью не был сохранен, и когда речь пошла об издании статьи, то меня, в то время студента-стажера в Москве, попросили показать В. Б. Шкловскому итальянский вариант текста и перевести ему обратно статью на русский для окончательного согласия на издание. В конце концов, Шкловский написал новый текст под названием "Путь из ада" с эпиграфом из "Декамерона"» [4, с. 186–187].

[44] См.: [12, p. 370, 375, 376].

[45] Среди них, например, Вяч. Вс. Иванов (Москва, 20 марта 1978 г.), Н.А. Волошинова (Ленинград, 19 ноября 1983 г.), Ю. П. Медведев (Ленинград, 21 ноября 1983 г.), Н.П. Медведева (Москва, 15 декабря 1983 г.), Л.З. Трауберг (Москва, июнь 1989 г.) и др. Подробнее об интегрированности Кларк в культурную ситуацию СССР и ее взаимодействии с советскими интеллектуалами см. материалы мемориального блока, собранного В.Ю. Вьюгиным и Дж. Сипли, в журнале «Новое литературное обозрение»: Наследие Катерины Кларк // Новое литературное обозрение. 2025. № 5 (195). С. 7–95.

видимости, Галушкин не фиксировал вопросы Кларк и поэтому получившийся текст с жанровой точки зрения скорее можно определить как лирический монолог Шкловского. Следует отметить, что этот текст, как и все другие поздние, характеризуется цитатностью и отчасти сюжетной вторичностью, а описанные в нем события и ситуации зачастую реинтерпретируются, представляются иначе, чем в ранее опубликованных материалах.

Следует иметь в виду, что в это время Шкловский при деятельной помощи Галушкина занят работой над книгой по истории ОПОЯЗа[46], для которой собирались и выстраивались во временные и смысловые последовательности не раз воспроизводившиеся в его мемуарах сюжеты-«анекдоты» (разговор с Бодуэном де Куртенэ, ГИИИ, случай с рукой Поливанова, Хлебников и МЛК и проч.), которые казались самому Шкловскому яркими и интересными. Когда Шкловский пересказывал их Кларк без особых новаций, Галушкина в машинописной стенографии позволял себе просто отмечать место того или иного сюжета в ходе беседы, уделяя большее внимание логике построения рассказа, отдельным формулировкам и нюансам и их конфигурации в общем нарративе. Эта машинопись предназначалась именно для готовившейся книги про ОПОЯЗ, потому что Кларк самостоятельно вела запись (по всей видимости, ей даже не был передан второй экземпляр отпечатанного текста). Иными словами, предметом фиксации служили не конкретные фактические сведения (зачастую, как и в этом тексте, поданные неточно), а модальность повествования, общие методологические принципы построения истории формализма.

Текст «Разговора» печатается по подлиннику из семейного собрания Шкловских-Корди без сокращений с минимально необходимой смысловой и языковой редактурой, опущенные в машинописи слова приводятся в < >.

[46] Материалы, связанные с недописанной работой Шкловского, предполагаются нами к публикации.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РАЗГОВОР С КЭТРИН КЛАРК

17 сентября 1983 г.

В. Ш.: …Петербург — город, построенный людьми, и признанными в своей стране, поэтому Петербург — город был очень передовой. Красивые здания, проспекты…

Но Петербург построен на болотах. И наводнения всегда были в городе. Рассказывают, что Петр, выбирая место для города, остановился у какой-то березы и сказал: здесь будет город. Хотя так сказал Пушкин. Финны-чухонцы, бывшие с ним, возразили Петру: вода здесь поднимается до высоты этой березы.

И Петр приказал срубить эту сосну <sic!>. Но городу это не помогло.

И великий Гёте интересовался Петербургом и писал Петру, что город нельзя ставить на таком болотистом месте, его надо перенести в другое место.

Но Петербург, — а Петербург — это его сокращенное имя, настоящее его имя — Санкт-Петербург, и его он получил от названия крепости, — уже строился.

Тема призрачности, ирреальности города, возведенного на болотах, — стала темой русской литературы. И я не знаю, была бы у нас такая литература, не будь у нас Петербурга. И Пушкин, и «Медный всадник» его — это тема Петербурга, его наводнений, и Достоевский, и Некрасов, видевший на Сенной площади музу русской поэзии, и Андрей Белый…

Потом Петербург стал своим, его стали называть уже Питером, а слово это от финского «Пи-и-и-тер».

Потом он стал Петроградом, и позднее — Ленинградом.

Я родился еще в Петербурге, жил в Петрограде, но в Ленинграде я уже не жил и только иногда приезжал туда.

Город очень изменился.

Мы все жили рядом, и мы все ждали счастья. Счастье приходило не немедленно.

Невский проспект, когда я там жил, он был весь покрыт снегом. И была проложена тропинка. Был город, очень надеющийся на завтрашний день, что все будет хорошо. А завтрашний день приходил замедленно.

Про красоту Петербурга говорил Пушкин: «Люблю тебя, Петра творенье», а Достоевский говорил: «Нет, не люблю. Камни, глыбы…»

Я в Петербурге родился и любил его.

Формалисты — большинство — не из Петербурга. (Эйхенбаум — из Воронежа). Мы все были люди приезжие. Потому что город — молод. Для города 200–300 лет — это не много.

Потом я переехал из Петербурга в Москву. Там — издательства…

Я родился в Петербурге, потом он стал Петроградом, потом он стал Ленинградом. Потом была совершенно страшная блокада — осада.

У Эйхенбаума <сын> был убит, вероятно, под Сталинградом — Волгоградом. В Сталинграде убит сын Эйхенбаума.

Мы все воевали.

Гитлер — хоть мне и не хочется вспоминать это имя — объявил, что Германия и Австрия — это одна страна. И когда я был молод, то наша армия уже воевала с немцами. Они всегда приходили неожиданно для нас. И я воевал с ними. Сперва я был в университете, потом попал в армию. Пошел добровольцем. Захотелось изменить свою жизнь.

Был сильный университет, с хорошей и разнообразной профессурой. Был Щерба, Бодуэн-де-Куртенэ. Но был и Венгеров. Когда я поступал, меня спросили…[1] (Вы занимаетесь не литературой — а биографией писателя. А биография-то не литература. Литература — это не ряд биографий, как жили люди, а то, что они написали. Венгеров сам был биографическим человеком. Но его деятельность не имеет ничего общего с литературой. И если мне удастся это сделать, я буду доволен.) Я сказал, что я организую общество, которое докажет это, создаст новую теорию литературы. Так это и делается.

Потом был Гос<ударственный> И<нститу>т истории искусств.

Я родился на Знаменской улице, потом жил на Невском <проспекте>. И место рождения, и место работы уничтожены бомбами.

Я был футуристом, был связан с Маяковским, перед этим хотел стать скульптором. И вот меня на Невском проспекте встречает человек — он разговаривает с Маяковским, знакомится со мной, спрашивает: «Кто?» Я говорю: «Шкловский». Он переспрашивает: «Виктор?» Я говорю: «Да». А Маяковский говорит мне: «Знаешь, Витя, это уже известность. Он тебя выбирает».

Ходил я солдатом, я был на границе с броневиками, на войне с немцами я был в броневом дивизионе[2]. И — по молодости страны — у нас были машины, но были маленькие бензобаки. Я приехал мальчиком. И что-то услышал. Я спрашиваю: «Это гром?» А мне старый солдат отвечает: «Да, это тот гром, который отрывает головы».

Это было недалеко от Карпат. На нас шли немецкие небольшие отряды с винтовками. Я был младшим унтер-офицером. Мы все были революционерами. Уже прошла революция, мы служили Временному правительству. Большая, быстро разрастающаяся партия коммунистов (эсеров).

И вот меня будят ночью — младшего унтер-офицера, который даже не имеет шинели, — говорят, что идет неприятель. Я вышел. И было у меня человек 50. Я сказал, что надо идти вперед. Никто не пошел. Тогда я пошел вперед. Так как мы тогда были убеждены, что все очень легко изменим — (так я вошел и в теорию литературы) — и вот передо мной немцы с винтовками, я иду на них — очень неопытный, но очень самонадеянный. Обернулся я в сторону окопов — я отошел метров 20–30 и вижу, что солдаты за мной пошли. Потому что выдержать зрелище, как один идет, — очень трудно.

Пошла стрельба, и мне прострелили живот[3]. Был большой бой. Впереди меня шли другие уже даже люди. Потом везли меня на двуколке, на которой развозят снаряды. Положили в лазарет, подходит врач, смотрит и говорит:

— В живот?

— В живот?

— Скажите адрес родителей.

— Почему?

— Вы же умрете.

Я говорю:

— Я не чувствую.

— Это вы все не чувствуете.

Меня не рвало. И он сказал:

— Но может быть вы выживете?

И я выжил.

Потом оказалось, что мне прострелили таз.

Я не долго болел. И потом вернулся в Петербург. Петербург был не взят. Петербург был убежден, что будет революция всемирная, — а ее так и не было, — что мы сперва завоюем мир.

Я был человеком, который думал, что все это поддается голосу, это можно переговорить.

Потом (?) я на Хлебной бирже на Невском проспекте выступал вместе с Хлебниковым, Маяковским, Бурлюками. Это были люди — провинциалы, которые приехали на революцию. Бурлюки были — как и многие тогда люди — из провинции. Из дельты Волги приехали Хлебников и Крученых, оттуда, из-за Волги.

Тогда наступали и поляки.

Это было тогда, когда Гумилев, — его потом расстреляли — это было латинское имя ГУМИЛЕ, имя университетское — он и поехал искать — он был офицер, георгиевский кавалер, воевал, очень смелый человек — его вызвали товарищи и назвали «товарищ». А он ответил: «Товарища Гумилева нет, есть офицер такой-то… такой-то». Это в то время было все равно, что подписать себе смертный приговор.

Потом сын его искал хазаров, о которых писал еще Пушкин, им мстил Олег. Хазаров этих мы не нашли.

(А этим хазаром был сам Хлебников). Про них писал и Хлебников.

Когда я проснусь черепом…

(Хаджи-Тархан?)

Он говорил о том, как он воскреснет — в новой стране. И Хлебников приехал — он еще не писал тогда — в Петербург. Он ходил в красной куртке. В чем было дело? Только что была революция 1905 года — молодежь была разбита, масса людей побывала в тюрьмах, или только собиралась там побывать. Скажем наудачу — Грин. Он был во флоте, потом участвовал в восстании, сидел в тюрьме, потом жил в Петербурге, я его знал тогда, когда он носил другую фамилию, потому что его преследовала царская полиция, — он прятался.

И мы думали так: что мы завоюем сперва Германию, потом Францию, потом Англию, — и будет мировая революция. Но она не произошла — как это ни странно.

Но эти движения — как и религиозные движения. Когда-то были масоны, был и Магомет, который «и пошел, и воевал». Это представление, что человек может сделать все, было общим. Это первые годы после революции.

И мы тогда нашли могилы даже этих хазаров. То ли Волга разлилась и смывала их. Оказывается, — оказалось, что история — длинная (и не делается сразу). И в одном стихотворении Маяковский пишет — который для меня совсем недавно убил себя — Маяковский в конце своих поэм часто рассказывал, как он воскреснет.

Был этот блеск

И это тогда называлось Невою[4].

Или еще он писал: «Трижды воскрешенная…»

Как он пишет <в поэме «Про это» (1923)>, что приходит в Зоологический сад, и идет Лиля Брик, она воскреснет, она красива, она любила зверей. И вот они встречаются воскресшие (воскрешенные?). И не убитые совсем — они встречаются воскресшие. Как говорят христиане: «Радуйтесь и веселитесь, ибо ваша награда на небе будет».

Но мы того не увидели. Даже не заглянули туда.

Но думали — вот будет революция.

Революция была во всем — и в искусстве. Было так. И я был мальчиком, я приходил в маленькую типографию, расположенную в моем доме, приношу маленькую книгу — «Воскрешение слова» — это была маленькая типография, которая печатала визитные карточки. (Это была моя визитная карточка.)

Я спрашиваю: Можете ли вы меня напечатать?

Они говорят: Нет рабочих.

— А где они есть?

— А они сейчас — итальянцы.

— Это люди арестованные, потом освобожденные, голые, они носили широкие рубашки, потому что если вам придется подымать руки, то узкая рубашка мешает. Они носили рубашки без… их так называли — за эти рубашки — итальянцами. У них был вид гарибальдийцев. Они ходили и работали, когда была работа.

И Маяковский потом одел <sic!> потом вместо черной рубашки — желтую, похожую на те, в которых ходили эти итальянцы.

Я спросил: А сколько у вас рабочих?

— Их нет.

— А набор?

— Тоже нет.

— А как же вы наберете мне книгу?

— Очень просто: у меня есть немного набора, я наберу и отпечатаю первый лист, потом мы разберем и опять наберем.

— А у вас могут быть опечатки?

— Нет, у этих итальянцев не бывает опечаток.

Это были мастера своего дела, Львы Толстые своего дела.

Кто-то говорил когда-то, что русские носят не только шапки, но и мозги набекрень.

Мы думали, что будет и еще… Так я напечатал первую книгу[5].

И мы выступали, был страшный скандал, я говорил о воскрешении слова, о заумном языке. Вместе с футуристами. Кажется, я только еще собирался быть на первом курсе. Но вот я выхожу, спорю — скандал. Я выхожу после скандала, встречаюсь с Бодуэном-де-Куртенэ, который мне дает свою карточку — визитную — и Бодуэн-де-Куртенэ, король Иерусалима, его родственники первыми вошли в Иерусалим[6] — король лингвистики тогдашней — он подошел ко мне после скандала и сказал: «Знаете, мне кажется, — это было на Хлебной бирже, около Николаевского вокзала — он пришел как зритель — этот кусок идет к Александро-Невской лавре — зна-

ете что, мне нравится, что у вас есть свои окна в мир. То, что вы написали, — не дописано, но у вас окна в мир есть». (Открыл окно в заумный язык.) И он мне сказал, что у него бывает разговор с самим собой на заумном языке (внутри самого Бодуэна шел разговор на зауми и о зауми). И он сказал мне, что, может быть, бормотание началось раньше появления языка. Это крик так возникает.

Я писал тогда о заумном языке, руководясь книжкой о старообрядцах, раскольниках, о хлыстах, о людях, которые ищут забвения в песни, в истязании плоти, Я и сам видел <шиитов?> — они шли и избивали себя. А я потом видел, в Тифлисе, как на краю города шли сектанты и били себя саблями. Причем рядом шли другие люди с палками и они ставили палки так, чтобы тот себя не убил. Это было безумие. Мне вид этот был неприятен, но они мне понятны: отчего не побить себя саблями, по голове.

К. К.: Этим самым и занимались в литературе футуристы?

В. Ш.: Мы ждали победы. И мы наслаждались победой над старым искусством.

(Но я еще не знал Хлебникова, когда писал «Воскрешение слова», но с ним я познакомился еще до организации ОПОЯЗа.) Хлебников не принимал участия в вечерах ОПОЯЗа.

(Хлебников и Моск<овский> Лингвистический Кружок??[7])

В. Ш.: Маяковский был по отцу казак, были такие казачьи украинские группы, которые то входили в Россию и сражались с царскими войсками, то уходили обратно в Турцию. (Забивали рот дерном.) Это был рот(д) Маяковского. Они приходили, потом мирились с властью, во время Петра, кажется, они попали на Кубань и жили там до Толстого, который потом описал их в «Казаках» и «Хаджи-Мурате» (может быть, он описывал и каких-то предков Маяковского).

Маяковский, когда я с ним познакомился, жил около Кутаиси. Он знал два языка, он — не то русский, не то грузин.

А мать Маяковского была из рода казаков, она была из казаков около Каспийского моря, о них писал Данилевский.

Маяковский тогда был коммунистом, а мать его была эсером. И устраивала побег женщине, из тюрьмы, которая находилась около Москвы-реки. И когда он жил в Москве, то он не мог прийти домой, потому что за ним был хвост, полиция его разыскивала как коммуниста, а у матери был хвост, который ее разыскивал как эсера. Эти две партии не могли встречать — как мать и сын. Я не видел квартиры Маяковского — он не имел ее. И до, и после революции.

У-
лица.
Лица
у догов
годов[8].

Это описывается ночь бездомного, который ходит по улице, никуда нельзя войти, хотя у тебя есть квартира.

Маяковский был человеком бездомным.

Но пришла революция, и ему показалось, что это его дом, и он может дать революции голос. Потому что у революции нет языка, — а он даст ей его, разговорный язык.

Маяковский бывал в Петрограде.

А в университете я не учился. Я бывал там, но не учился. (Нечему было учиться.)

Мы были такие шалые люди, что у нас был свой университет — Гос<ударственный> И<нституту>т Ист<ории> Искусств. Мы сами его создали после революции. Это был дворец и на Зубовской площади, около Исаакиевского собора.

И<нституту>т этот был в какой-то мере нашим университетом. (Мы бросали старый университет и организовали свой.)

Когда стреляют, снаряды падают на землю и образуются воронки. Люди прятались там, думая, что лучше попасть в воронку, — снаряды не падают два раза в одно место.

Мы были воинственными литераторами.

В И<нституту>те были очень большие люди. Они были революционерами. И там была и университетская профессура. Был Томашевский, Жирмунский…

В возрасте — лет 20 — нигде не учившись, Шкловский стал профессором этого университета. Петербургский я так и не закончил.

Были люди и такие, как <Шилейко>, занимавшийся искусством Востока, Персии. Теперь они, создавшие письменность, теперь воюют друг с другом. Ольденбург. Там был человек, который хорошо подкованный <пропуск в тексте>.

Все квартиры людей из И<нституту>та, из ОПОЯЗа случайно помещались почти на одной улице. Я жил в Дзержинском и Саперном <переулках>, немного дальше жил Эйхенбаум, он жил на Знаменской, на Греческом проспекте, еще дальше, на Песках, жил Тынянов. Нас было немного, и мы думали, что «Дубинушка сама пойдет, потянем, потянем: и ухнем!» Нас было очень <мало, и> такая академическая школа — против нас. И мы были дружны (с ними). И через год

после <создания> своей организации (ОПОЯЗ) мы во французском энциклопедическом словаре — и карманном — это мне показал мой брат — Владимир — нашли заметку об ОПОЯЗе.

Был среди нас и Поливанов. Он был немного старше нас. (См. в гимназии — рука — «Братья Карамазовы»[9] — знал все языки — как мы говорили — бутукудский язык — Африка — 2 месяца на изучение.) Он был коммунист. Ел опиум. И жена его ела. И даже собака хотела, но ей не давали, потому что это очень дорого. Он писал про языковые жесты[10]. И был он настоящим академическим человеком. (Лекция — подштанники — шинель — Вы ничего не понимаете — как вызов?)[11] И он был избран профессором. Ему простили подштанники в виду крайней гениальности. (Таблица Менделеева[12].) Показалось, как невольно рождаются повторения, как повторяются оружия у разных народов — Африки, Индии, Австралии — они оказываются похожими друг на друга. Потому что есть тайная связь искусств, потому что они иначе не могут существовать. Они появляются в одном виде — и исчезают — потом появляются в таком же виде — и тоже исчезают.

Необыкновенный человек, страшно работоспособный. Во время Кронштадтского мятежа, коммунисты-китайцы не пошли на давление. Но коммунист Поливанов собрал отряд корейцев — и атаковал Кронштадт. Он знал и этот язык.

Потом уехал в Среднюю Азию — за опиумом — там их было целое сообщество.

Он служил у нас в Иностранном министерстве, потому что удобно, когда человек знает все языки — не надо тогда держать многих.

Его арестовали — не давали опиума — и он повесился.

Через много лет был вечер Поливанова в Тбилиси, — рассказывал мне об этом Тынянов, — был человек, который знал его последнее время, у него были его бумаги, но он их сжег, — я не попал на это заседание, потому что я опять как-то месте <sic!> бегал — он их сжег, потому что я трус, — и не буду мужчиной, если расскажу об этом (рукопись о языках, которые разны, но как-то сползаются в одно, потому что есть законы не только возникновения языков, но и существования их) — у меня были обыски, должен говорить правду, какой бы она ни была.

(Впечатление о принятия наркотиков — попытки выйти за языковое сознание — Хаксли и др. …)

Он не советовал мне пробовать, потому что если попробуешь, то уже не кончишь.

— Мне нравится, — говорил он, — что ты сам по себе.

В ГИИИ я преподавал. Издавал книги по теории прозы. Сейчас я написал заново. Я пишу книги до сих пор, и считаю, что это

не очень трудное занятие, потому что если рек<а> пошла, то она идет не только по своей воле, она идет по тому, что за ней идет вода. Мы не можем выдумывать себя. Я не думаю, что это единственный путь, но я думаю, что это неизбежный путь.

Думая, что это войдет в общее… Ледники, которые ждут на вершинах гор, когда будет какой-нибудь великий жар, будут обвалы, и мы дойдем до океана истинной науки — через реки.

Причем я нахожусь до сих пор в здравом уме и твердой памяти — как пишут в завещаниях.

И умер Якобсон. Последнее время он не писал книг, а писал статьи. Он очень талантливый человек. Когда распустили ОПОЯЗ, потому что это было (дальше) невозможно (уже) делать, он написал из Праги письмо с предложением восстановить ОПОЯЗ под своим председательством[13]. 1927 год. И еще 10 лет мы переписывались. Мы встречались, когда он приезжал к нам.

(Нед<авнее> переиздание статей «Теории прозы» — новая теория прозы.) Прошло много лет, я многое додумал, но я от этого не отказываюсь…

Футуризм и ОПОЯЗ. Мы печатались в одном журнале <«ЛЕФ»>. Это были течения одного времени, это разные выражения (его) — выражения изменения мышления.

---

[1] По-видимому, была рассказана история, зафиксированная, например, в дневнике Н.Я. Эйдельмана: «Шкловский <рассказывал>: “Я только помню, что мы <с Оксманом> ходили по бесконечному (1 км) коридору 12-ти коллегий, не ходили на лекции, но знали все”. Тогда Венгеров проводил опрос — зачем поступаете? Шкловский написал: “чтобы создать новое литературоведение и уничтожить Венгерова”» (*Эйдельман Н.Я.* Из дневников // Знамя. 1999. № 1. С. 151).

[2] Подробнее см.: *Шкловский В.Б.* Сентиментальное путешествие: Воспоминания, 1917–1922. М.; Берлин: Геликон, 1923. С. 191–192.

[3] Ср.: Там же. С. 76.

[4] Из поэмы В. Маяковского «Человек» (1916– 917).

[5] Об этом же сюжете см.: *Шкловский В.Б.* Жили-были. М.: Сов. писатель, 1966. С. 111.

[6] См.: Там же. С. 94–95.

[7] Хлебникову был посвящен знаменитый доклад Якобсона в МЛК; подробнее см. в подготовленной М.И. Шапиром публикации «О поэтическом языке произведений Хлебникова: Обсуждение доклада Р. О. Якобсона в Московском лингвистическом кружке» [8, с. 90–96, 766–773]; см. также смежные материалы: [8, с. 97–102, 773–777, 195–210, 792–803].

[8] Из стихотворения В. Маяковского «Из улицы в улицу» (1913).

[9] Подробно случай с отсечением руки Е.Д. Поливанова см.: *Шкловский В.Б.* Жили-были. С. 136.

[10] См.: *Поливанов Е.Д.* По поводу «звуковых жестов» японского языка // Сборники по теории поэтического языка. Пг.: Тип. З. Соколинского, 1916. Вып. 1. С. 31–41.

[11] Ср. в «романе с ключом» В. Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» (1928), где Поливанов выведен под именем Драгоманова: «В свое время я полагал найти в нем достойного преемника Шахматова или Бодуэна. Его лингвистические работы по тонкости догадок человеческому уму почти непонятны. Третьего дня он явился на лекцию, прошу извинения, в подштанниках. Его подозревают — и не без оснований — в тайной торговле опиумом. Берегитесь его!» (*Каверин В.А.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. литература, 1980. Т. 1. С. 417).

[12] См.: *Шкловский В.Б.* О теории прозы. М.: Сов. писатель, 1983. С. 71.

[13] По-видимому, имеется в виду письмо Якобсона к Шкловскому от 14 ноября 1928 г., см.: [10, с. 121–124]. О попытке несостоявшегося возрождения ОПОЯЗа см. статью А.Ю. Галушкина: [2, с. 52–81].

Литература

1. *Галушкин А.Ю.* Еще раз о причинах разрыва В.Б. Шкловского и Р.О. Якобсона // Роман Якобсон: Тексты. Документы. Исследования / отв. ред. Х. Баран, С.И. Гиндин. М.: РГГУ, 1999. С. 136–143.

2. *Галушкин А.Ю.* «Интересна каждая жизнь…». О русской литературе первой трети XX века: Избр. статьи и мат-лы. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 624 с. (Библиотека «Литературного наследства». Вып. 6).

3. *Галушкин А.Ю.*, *Фролов М.А.* Слишком «Новое о Маяковском»: Стенограмма заседания Бюро Отделения литературы и языка АН СССР 24 февраля 1959 г. // Литературный факт. 2017. № 5. С. 288–372.

4. *Гардзонио С.* Виктор Шкловский и Джованни Боккаччо: Об истории одной малоизвестной статьи Шкловского // Эпоха «остранения»: Русский формализм и современное гуманитарное знание / под ред. Я.С. Левченко и И.А. Пильщикова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 185–193.

5. *Калинин И.А.* Виктор Шкловский versus Роман Якобсон: Война языков // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 3. С. 55–63.

6. *Калинин И.А.* Формальная теория сюжета. Структуралистская фабула формализма // Новое литературное обозрение. 2014. № 4 (128). С. 97–124.

7. *Майер Х.* Игры траура: Категория «пунктум» в теории фотографии Ролана Барта и его отношение к остранению Виктора Шкловского // Новое литературное обозрение. 2019. № 5 (159). С. 150–165.

8. Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования, 1911–1998 / сост. Вяч. Вс. Иванов и др. М.: Языки русской культуры, 2000. 880 с.

9. *Отяковский В.С.*, *Цыганов Д.М.* «Специальность его темна…»: Ремесло Виктора Шкловского // Шкловский В.Б. Собр. соч.: в 5 т. М.: Новое литературное обозрение, 2026. Т. 3: Ремесло / сост., вступ. ст. и коммент. В.С. Отяковского и Д.М. Цыганова. С. 7–20.

10. Роман Якобсон: Тексты. Документы. Исследования / отв. ред. Х. Баран, С.И. Гиндин. М.: РГГУ, 1999. 918 с.

11. *Ронен О.* Audiatur et altera pars: О причинах разрыва Романа Якобсона с Виктором Шкловским // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 164–168.

12. *Clark K.*, *Holquist M.* Mikhail Bakhtin. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1984. 398 p.

13. *Jakobson R*. Formalistická škola a dnešní literární věda ruská: Brno 1935 / Ed. by Tomáš Glanc. Praha: Academia, 2005. 321 p.

14. *Jameson F.* The Prison-House of Language: A Critical Account of Structuralism and Russian Formalism. Princeton: Princeton University Press, 1972. XI + 230 p.

15. *Merrill J.* The North American Reception of Russian Formalism // Central and Eastern European Literary Theory and the West / Eds. M. Mrugalski, S. Schahadat, I Wutsdorff. Berlin: De Gruyter, 2023. P. 289–306.

16. *Sériot P.* Structure et totalité: Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale. Paris: Presses Universitaires de France, 1999. X + 353 p.

17. *Slobin G.* The Formalist Series "Masters of Contemporary Literature" and the Literary Polemic of the 1920s // Russian Formalism: A Retrospective Glance (A Festschrift in Honor of Victor Erlich). New Haven: Yale Center for International and Area Studies, 1985. P. 44–56.

18. *Steiner P.* Russian Formalism: A Metapoetics. Ithaca; London: Cornell University Press, 1984. 278 p.

19. *Thompson E*. Russian Formalism and Anglo-American New Criticism: A Comparative Study. The Hague: Mouton, 1971. 160 p.

20. *Tripiccione L*. Cold War Networks and the Scholarly Byt: How Russian Formalism Became an American Thing // Slavic Review. 2023. Vol. 82. № 4. P. 949–970.

Research Article and Publication of Archival Documents

Viktor Shklovsky and Western Slavists: On the Long Prelude to a Short Interview with Katerina Clark

© 2026. Dmitry M. Tsyganov
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Abstract: This article attempts to outline the contours and possible directions for resolving a complex research problem that arose as a result of Viktor B. Shklovsky's long and often contradictory relationship with the Western humanities community. Drawing on epistolary writings, memoirs, the catalog of his personal library, and previously unpublished materials from the Shklovsky-Kordi family archive, it traces in detail Shklovsky's changing attitudes toward structuralism and the scholars associated with it. It examines the paradoxical nature of Shklovsky's intellectual biography: despite his lack of foreign language skills and a subjective sense of isolation from global scholarship, in the 1960s and 1970s Shklovsky became a key figure in Western structuralism, rediscovering the legacy of OPOYAZ. Particular attention is given to the polemical dialogue between Shklovsky and Roman O. Jakobson, during which two versions of the genealogy of the formal school and two strategies for constructing the history of humanities knowledge clashed. This article analyzes Shklovsky's reaction to the "structuralist challenge," expressed

in programmatic interviews, the books “The Bowstring: On the Dissimilarity of the Similar” (1970), “The Energy of Delusion” (1981), “On the Theory of Prose” (1983), and private correspondence. It is shown that, while acknowledging the genetic connection between structuralism and the formal method, Shklovsky insisted on fundamental differences in understanding the nature of artistic structure, language, and the cognitive potential of art. It is concluded that in his late career, Shklovsky purposefully constructed his own version of the history of theory, defending the priority of OPOYAZ and the specificity of formalism as a special type of scientific thinking that is not reducible to the linguacentric model of structuralism. An unknown recording of a conversation between Shklovsky and Katerina Clark on September 17, 1983, is provided as a publication appendix to the article.

Keywords: Viktor Shklovsky, Roman Jakobson, Katerina Clark, western slavic studies, russian formalism, structuralism, intellectual history, history of science, history of soviet literary studies.

Information about the author: Dmitry M. Tsyganov, Research Fellow at the Manuscripts Department, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6633-3401

E-mail: tzyganoff.mitia@yandex.ru

For citation: Tsyganov, D.M. “Viktor Shklovsky and Western Slavists: On the Long Prelude to a Short Conversation with Katerina Clark.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (39), 2026, pp. 340–383. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-340-383

References

1. Galushkin, A.Iu. “Eshche raz o prichinakh razryva V.B. Shklovskogo i R.O. Iakobsona” [Once Again About the Reasons for the Breakup of V.B. Shklovsky and R.O. Jacobson]. *Roman Iakobson: Teksty. Dokumenty. Issledovaniia* [Roman Jacobson: Texts. Documents. Research], ed. by H. Baran, S.I. Gindin. Moscow, RSHU Publ., 1999, pp. 136–143. (In Russ.)

2. Galushkin, A.Iu. *“Interesna kazhdaia zhizn’...”. O russkoi literature pervoi treti KhKh veka: Izbr. stat’i i mat-ly* [“Every Life is Interesting…”. On Russian Literature of the First Third of the Twentieth Century: Selected Articles and Materials]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021. 624 p. (Biblioteka “Literaturnogo nasledstva”. Iss. 6). (In Russ.)

3. Galushkin, A.Iu., Frolov, M.A. “Slishkom ‘Novoe o Maiakovskom’: Stenogramma zasedaniia Biuro Otdeleniia literatury i iazyka AN SSSR 24 fevralia 1959 g.” [Too “New about Mayakovsky”: Transcript of the Meeting of the Bureau of the Department of Literature and Language of the USSR Academy of Sciences of February 24, 1959]. *Literaturnyi fakt*, no. 5, 2017, pp. 288–372. (In Russ.)

4. Gardzonio, S. “Viktor Shklovskii i Dzhovanni Bokkachcho: Ob istorii odnoi maloizvestnoi stat’i Shklovskogo” [Victor Shklovsky and Giovanni Boccaccio: On the History of One Little-Known Article of Shklovsky]. *Epokha “ostraneniia”: Russkii formalizm i sovremennoe gumanitarnoe znanie* [The Epoch of “Defamiliarization”: Russian Formalism and Modern Humanities], ed. by Ia.S. Levchenko and I.A. Pil’shchikov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017, pp. 185–193. (In Russ.)

5. Kalinin, I.A. “Viktor Shklovskii versus Roman Iakobson: Voina iazykov” [Victor Shklovsky versus Roman Jacobson: War of Languages]. *Vestnik SPbGU. Seriia 9. Filologiia. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, iss. 3, 2016, pp. 55–63. (In Russ.)

6. Kalinin, I.A. “Formal’naia teoriia siuzheta. Strukturalistskaia fabula formalizma” [Formal Plot Theory. The Structuralist Fabula of Formalism]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 4 (128), 2014, pp. 97–124. (In Russ.)

7. Maier, H. “Igry traura: Kategoriia ‘punktum’ v teorii fotografii Rolana Barta i ego otnoshenie k ostraneniiu Viktora Shklovskogo” [“Games of Mourning”: The Category of “Punctum” in Roland Barth’s Theory of Photography and its Relation to Viktor Shklovsky’s Defamiliarization]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 5 (159), 2019, pp. 150–165. (In Russ.)

8. *Mir Velimira Khlebnikova: Stat’i. Issledovaniia, 1911–1998* [The World of Velimir Khlebnikov: Articles. Research, 1911–1998], comp. V. V. Ivanov and other. Moscow, Iazyki russkoi kul’tury Publ., 2000. 880 p. (In Russ.)

9. Otiakovskii, V.S., Tsyganov, D.M. “‘Spetsial’nost’ ego temna…’: Remeslo Viktora Shklovskogo” [“His Specialty is Dark…”: The Craft of Victor Shklovsky]. In Shklovskii, V.B. *Collected Works: in 5 vols*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2026, vol. 3: Remeslo / ed. by V.S. Otiakovskii and D.M. Tsyganov, pp. 7–20. (In Russ.)

10. *Roman Iakobson: Teksty. Dokumenty. Issledovaniia* [Roman Jacobson: Texts. Documents. Research], ed. by H. Baran, S.I. Gindin. Moscow, RSHU Publ., 1999. 918 p. (In Russ.)

11. Ronen, O. “Audiatur et altera pars: O prichinakh razryva Romana Iakobsona s Viktorom Shklovskim” [Audiatur et Altera Pars: On the Reasons for Roman Jakobson’s Break with Viktor Shklovsky]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 23, 1997, pp. 164–168. (In Russ.)

12. Clark, K., Holquist, M. *Mikhail Bakhtin*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1984. 398 p. (In English)

13. Jakobson, R. *Formalistická škola a dnešní literární věda ruská: Brno 1935*, ed. by Tomáš Glanc. Praha: Academia, 2005. 321 p. (In Czech)

14. Jameson, F. *The Prison-House of Language: A Critical Account of Structuralism and Russian Formalism*. Princeton: Princeton University Press, 1972. XI + 230 p. (In English)

15. Merrill, J. “The North American Reception of Russian Formalism”. *Central and Eastern European Literary Theory and the West*, eds. M. Mrugalski, S. Schahadat, I. Wutsdorff. Berlin: De Gruyter, 2023, pp. 289–306. (In English)

16. Sériot, P. *Structure et totalité: Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale*. Paris: Presses Universitaires de France, 1999. X + 353 p. (In French)

17. Slobin, G. “The Formalist Series ‘Masters of Contemporary Literature’ and the Literary Polemic of the 1920s”. *Russian Formalism: A Retrospective Glance (A Festschrift in Honor of Victor Erlich)*. New Haven: Yale Center for International and Area Studies, 1985, pp. 44–56. (In English)

18. Steiner, P. *Russian Formalism: A Metapoetics*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1984. 278 p. (In English)

19. Thompson, E. *Russian Formalism and Anglo-American New Criticism: A Comparative Study*. The Hague: Mouton, 1971. 160 p. (In English)

20. Tripiccione, L. “Cold War Networks and the Scholarly Byt: How Russian Formalism Became an American Thing”. *Slavic Review*, vol. 82, no. 4, 2023, pp. 949–970. (In English)

Статья поступила в редакцию: 20.09.2025
Одобрена после рецензирования: 10.10.2026
Дата публикации: 25.03.2026

The article was submitted: 20.09.2025
Approved after reviewing: 10.10.2026
Date of publication: 25.03.2026

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

2026 № 1 (39)

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 — 67296 от 30 сентября 2016 г.
Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 80039
ISSN 2541-8297

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25А. стр. 1
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Л.И. Савич
Подписано в печать 26.03.2026
Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 24

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, эт. 1, пом. 1, ком. 6.3-23Н